АРТУЗОВ

Теодор Гладков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга является биографией одного из видных чекистов, занимавшего ответственные посты в ВЧК—ОГПУ, Артура Христиановича Артузова. Он был беззаветно предан своему делу, возглавлял проведение крупнейших операций, имевших поистине историческое значение, но был расстрелян в годы разгула террора.

Книга рассчитана на массового читателя.

- Теодор Гладков
  - ТВЕРСКОЙ ШВЕЙЦАРЕЦ
  - МОЛОДОЙ ДЕКАН
  - В ОСОБОМ ОТДЕЛЕ
  - УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР
  - ПОЛЬСКИЙ УЗЕЛ
  - УЧРЕЖДЕНИЕ «ТРЕСТА»
  - «ТРЕСТ» ПРИНОСИТ «ДИВИДЕНДЫ»
  - РАЗГРОМ САВИНКОВЩИНЫ
  - КОНЕЦ АГЕНТА ST–1
    -
    - АВТОРСКАЯ ПЕРЕБИВКА
  - ЗАКАТ «ТРЕСТА»
  - ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АТАМАНА АННЕНКОВА
  - «НАЧИНАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ…»
  - НА «ПЕРЕЛОМЕ»
  - РАЗВЕДКА РАБОТАЛА НА БУДУЩЕЕ
  - «ТОВАРИЩ КОРПУСНЫЙ КОМИССАР…»
  - СНОВА ЛУБЯНКА
  - ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НОМЕР 10
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Х. ФРАУЧИ–АРТУЗОВА
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144

Теодор Гладков
Артур Артузов

ТВЕРСКОЙ ШВЕЙЦАРЕЦ

…Тов. Артузов (Фраучи) – честнейший товарищ, и я ему не могу не верить, как себе.

Ф. Дзержинский. 21 июля 1921 года

Сов. секретно Справка
Артузов Артур Христианович осужден в особом порядке 21 августа 1937 г.
Приговорен к ВМН. Основание: дело № 2, л. 105.

Начальник XII отд. I спецотдела НКВД СССР, лейтенант госбезопасности (Шевелев)

– Н–но! Трогай! В путь! – И, залихватски свистнув и гикнув на лошадей, Христиан Фраучи вскочил на телегу.

Артур, вихрастый мальчуган лет двенадцати с ярко–синими глазами, утонув в сене, задумчиво жевал стебелек вики и с грустью смотрел на провожавших его ребят. Они остаются в деревне, а он едет куда–то в неизвестную даль.

Семья Христиана Фраучи, приехавшего из Швейцарии в Россию в 1881 году и поселившегося в имении помещика Попова Апашково Тверской губернии, где работал его старший брат Петр Фраучи, прибывший в эти края двумя годами раньше, покидала обжитую усадьбу Юрино и переезжала на новое место. Их будет много, таких переездов, в жизни юного Артура: усадьбы Ждани, Михайловское, Путятино, Петровское, село Давыдково… Христиан Петрович часто перебирался из одной усадьбы в другую. Все зависело от того, в какой степени владелец или управляющий нуждался в услугах лучшего в губернии мастера–сыровара, выходца из Швейцарии – страны, издавна славящейся, как известно, этим замечательным продуктом – сыром.

Работая сыроваром в имении Николаевка, Христиан Фраучи женился на Августе Дидрикиль, девушке с выразительными серыми глазами, пышными волосами и статной фигурой. Семья Дидрикиль была смешанного происхождения. В жилах Августы

Августовны текла кровь латышская и эстонская. А один из ее дедов был шотландцем.

После свадьбы молодая семья поселилась в имении Ус–тиново Кашинского уезда Тверской губернии. Здесь 17 февраля 1891 года{1} и родился первенец. Назвали его Артуром Евгением Леонардом.

Затем на свет один за другим появились еще три дочери и два сына: 10 октября 1892 года – Евгения Мария Берта, 9 апреля 1894 года – Рудольф Виктор Александр, 22 ноября 1896 года – Антония Екатерина, 28 февраля 1899 года – Вера Ольга Берта, 22 апреля 1902 года – Виктор Борис Александр.

В России вторые и третьи имена не были приняты, потому впоследствии они сами собой отпали, а среднюю дочь Антонию вообще стали называть почему–то Ниной. Все шестеро детей по законодательству альпийской республики и после Октябрьской революции продолжали считаться гражданами Швейцарской Конфедерации.

Как уже было сказано, предки семьи Фраучи были итальянцами, однако поселились они в той части страны, где издавна проживали выходцы из Германии.

…Лет пятнадцать назад правнук Христиана, внук Артура, известный гитарист классического стиля, заслуженный артист России, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных Александр Фраучи гастролировал в Швейцарии. Выкроив время между концертами, он разыскал заброшенную в горах деревушку Гстаад, примерно в часе езды на автомобиле от Берна. К своему удивлению, Александр нашел здесь несколько семей Фраучи. Все его родственники в четвертом–пятом колене были, как и прадед, сыроварами. Говорили они на странном диалекте немецкого языка, не изменившемся за сотни лет. Даже граждане нынешней ФРГ понимали его с трудом.

Кое–кто из жителей деревни припомнил, что, действительно, был такой – Христиан Фраучи, который еще в прошлом веке уехал в Россию, да так там и остался. Александр со слов отца знал, что в последний раз Христиан Петрович с дочерью Ниной приезжал на родину во время каникул девушки летом 1912 года.

Что совершенно поразило Александра – дом прадеда был цел и невредим. Двухэтажное массивное здание на каменном фундаменте, из могучих бревен, обшитых тесом. По фасаду восемь заколоченных окон. Второй этаж дома украшали поблекшие от времени и непогоды изображения фантастических птиц…

К сожалению, войти в дом не удалось – все вокруг было завалено глубокими сугробами. Как выяснилось, дом так и

пустовал с 1912 года. Никто и никогда не пытался завладеть им – здесь свято чтут принцип неприкосновенности частной собственности! И если бы гражданин Российской Федерации Александр Фраучи, наследник Христиана Фраучи, предъявил на этот дом права, без сомнения, они были бы удовлетворены швейцарскими властями.

Однако вернемся к деду Александра, старшему сыну Христиана Фраучи.

Человек появился на свет… Каким он станет, когда вырастет? Как он распорядится способностями, дарованными природой? Во зло или во благо другим людям? Ведь такие качества, как доброта, душевность, честность, трудолюбие, по наследству, как цвет волос и глаз, не передаются. Они воспитываются в ребенке взрослыми, окружающими его в детстве, в первую очередь родителями, позднее – учителями и старшими товарищами. На формирование взглядов, убеждений человека влияет великое множество факторов. На определенном этапе все более значимую роль будет играть самовоспитание…

Но начало всему – материнская любовь. Не слепая, животная, а разумная, благотворная, когда мать печется не только о физическом здоровье своего чада, но и о его нравственной и душевной цельности.

Артур рос хорошим ребенком прежде всего потому, что первым его воспитателем и наставником стал человек высоких моральных качеств – его мать Августа Августовна Фраучи. Именно она сформировала характер мальчика. Жить без фальши… К этому он был приучен с детства. Такому принципу следовал до конца дней своих. Быть может, ошибался, быть может – заблуждался в чем–то. Но не фальшивил.

Сестра Артура Вера Христиановна вспоминала:

«Зерно образа человека закладывается еще в детстве. В этом отношении мой брат Артур не исключение.

В нашей семье главным авторитетом была мама. Мы никогда не видели ее усталой, хоть и несла она самую тяжелую ношу. На ее красивом, приветливом лице мы, дети, всегда видели ласковое, любящее выражение.

Если отец, молчаливый и вечно чем–то озабоченный, не часто находил для нас теплое слово, то мать была снисходительна и добра. Ее серые проницательные глаза безошибочно читали наши мысли, угадывали настроение. Душевная чуткость мамы была обворожительной. Она умела управлять нами твердо и в то же время деликатно…

Артур нередко пропадал в деревенской мальчишечьей компании и, бывало, приходил домой с расквашенным носом.

Мама не проявляла к нему никакой видимой жалости, только говорила:

– Ты бы постоял за себя… Ты же мужчина.

Этих слов было достаточно, чтобы уязвить самолюбие Артура. Он вырос очень сильным, и, по–моему, до конца жизни мускулы его оставались железными.

Когда Артур сделался постарше, мать руководила его чтением. Тут она предстала перед ним и нами как мечтательница. Она не представляла свою жизнь без книги и называла ее своей второй землей…

Артур окончил новгородскую гимназию с золотой медалью. Мама ликовала. Мы все нашли свое место в жизни. Я стала литературным работником, младший брат Виктор – профессором медицины. Еще в детстве Артур овладел французским и немецким языками; будучи взрослым, самостоятельно выучил английский. В гимназические годы увлекался поэзией, любил Блока, Брюсова, Ахматову, пробовал сочинять сам.

В годы реакции у нас скрывались большевики Подвойский, Кедров, Ангарский, его брат Клестов. Это были лучшие собеседники матери. Она их понимала, разделяла их взгляды на современную жизнь. Заходил разговор и о будущем Артура: кем он станет?

– Непременно борцом, а это главное, – уверяли наши гости. – Лишь на этой дороге не испытаешь кризиса в жизни.

– Да–да, – соглашалась мама, – хотелось бы верить. Способный мальчик…

– Способности и характер испытываются в упорном труде без расчета на награду. Золотой рубль не должен означать больше, чем правда и истина…

– Таков наш труд, – соглашалась мама.

– Так должно быть и у Артура…»

…Вот так и вышло, что все дети швейцарского гражданина итальянского происхождения Христиана Фраучи появились на свет в русских деревнях, да и выросли русскими людьми.

Спустя много лет, заполняя тюремную анкету, Артур Христианович Артузов в графе «национальность» написал: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считал русским».

* * *

…Христиан, управляя лошадьми, то и дело поглядывал за детьми: не растрясло ли их? Девочки ерзали в телеге.

Проселочная дорога, известно, колдобина на колдобине.

Наконец лошади благополучно довезли телегу со всем скарбом семьи Фраучи – несколькими баулами – по разбитой конскими копытами, размытой дождями дороге до Кашина.

Дети с любопытством оглядывались по сторонам. После Юрина даже захолустный Кашин казался настоящим большим городом. Заметив их интерес, Августа Августовна начала рассказывать о центре всей губернии – древней Твери. У матери Артура было всего четыре класса образования. В свое время она жила в Вологде, где младшие сестры учились в гимназии, а она, как старшая, опекала их. В Вологде жило тогда много ссыльных революционеров. Сестры водили с ними знакомство, приносили от них книги, в том числе по истории России.

Вот и теперь она увлеченно рассказывала маленьким слушателям о правлении на Твери брата Александра Невского – Ярослава Ярославовича, о том, как посадские мужики убили за жестокость и бесчинства татарского хана Щелкана, о более поздних временах, когда творил в городе знаменитый зодчий Матвей Казаков, сочинял басни «дедушка» Иван Крылов, переводил «Илиаду» Николай Гнедич, читал первые главы своей «Истории государства Российского» Николай Карамзин, жил и работал великий писатель Михаил Салтыков–Щедрин. Говорила Августа Августовна и о славном путешественнике в далекую и таинственную Индию тверском госте Афанасии Никитине…

Оказывается, скромный уездный городок Кашин имел достаточно богатую историю. В летописях он числится с 1238 года. В XVIII веке он стал крупным по тем временам купеческим центром, в нем ежегодно проводились бойкие торжища – ярмарки.

К тому времени, когда в нем появилось семейство Фраучи, Кашин приобрел определенную известность благодаря двум обстоятельствам. Во–первых, в нем в большом количестве производились знаменитые кашинские белила, которые продавались по всей Европе. Во–вторых, в Кашине были обнаружены целебные источники. По легенде, известной каждому местному жителю, когда тверской князь Михаил Ярославович пал на чужбине от рук врагов, княгиня Анна, получив печальную весть, стала его горько оплакивать. Там, куда падали ее вдовьи слезы, земля разверзалась и начинали бить целебные ключи… В 1884 году в городе на этих источниках открылась лечебница. К слову сказать, при ее устроении именным высочайшим указом повелевалось «…беречь кашинские минеральные воды от порчи и истощения».

Артур уже знал, что в Жданях отец будет заниматься не

только сыроварением: Христиан Петрович арендовал здесь и участок земли, чтобы обрабатывать его своими силами. С радостью ожидал Артур и новых встреч с дядей Мишей и дядей Колей. Для него они были необыкновенно интересными, всегда желанными взрослыми друзьями, людьми загадочными и притягательными. Они привозили с собой необычные книги (особенно Артуру запомнилось дарвиновское «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“» в чтении дяди Миши), говорили с мальчуганом как с равным о серьезных вещах. Позднее Артур понял, что дядя Миша и дядя Коля были профессиональными революционерами–большевиками. Как он позднее узнал, Михаил Сергеевич Кедров и Николай Ильич Подвойский и некоторые их друзья приезжали в усадьбу не только для того, чтобы навестить семью Фраучи, но и укрыться на время от царской охранки.

Так уж вышло, что далекий от политики Христиан Фра–учи и русские революционеры Михаил Кедров и Николай Подвойский стали свояками. Они были женаты на родных сестрах – Августе, Ольге и Нине Дидрикиль.

Ольга и Нина были единомышленницами своих мужей. Занималась активной революционной деятельностью и третья сестра – Мария: долгое время она работала вместе с известным публицистом, будущим председателем ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским.

Михаил Сергеевич Кедров сыграл в жизни Артура Фрау–чи роль чрезвычайно большую, в юношестве, можно уверенно сказать, определяющую, в последние месяцы жизни Ар–тузова, к сожалению, уже недобрую…

Происходил он из старой дворянской семьи, род которой был записан в 6–й книге русского дворянства. Отец Михаила Сергеевича был известным в Москве и весьма состоятельным нотариусом. Проживала семья Кедровых в собственном доме на 1–й Мещанской улице. Прабабка Михаила была красавицей, цыганской певицей, которую увел из хора прадед–офицер.

Революционные настроения (вовсе не обязательно марксистского толка) в последнее десятилетие XIX века были распространены среди московской молодежи достаточно широко. Разделял их и совсем юный Михаил Кедров. В 1897 году он поступил на юридический факультет Московского университета, одновременно слушал лекции в Лазаревском институте восточных языков и занимался музыкой. Однако уже через два года за участие в студенческих демонстрациях Кедров из университета был исключен. Чтобы продолжить образование, он уехал в Ярославль, стал учиться в Демидовском юридическом

лицее, но и оттуда по той же причине его выгнали.

Под предлогом лечения Кедров несколько раз выезжал за границу, побывал в Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, Дании, Швеции, на Балканах. Между зарубежными поездками вел нелегальную работу в Ярославле, Крыму, Одессе, Нижнем Новгороде.

К слову сказать, музицирование Кедрова было вовсе не дилетантским. Современники отмечали, что он был превосходным пианистом. Много позднее, в эмиграции, он давал платные концерты, сборы с которых шли в фонд помощи бедствовавшим на чужбине российским революционерам. Тогда же (уже незадолго до Первой мировой войны) Кедров окончил медицинский факультет Лозаннского университета.

В социал–демократическую партию Михаил вступил в 1901 году и всегда примыкал к большевистскому крылу. В первой русской революции Кедров принимал самое активное участие, в частности, занимался вооружением рабочих дружин, сам изготавливал оболочки для так называемых бомб–македонок – метательных снарядов наподобие ручных гранат.

С горящими глазами слушал подросток Артур рассказы дяди Миши о том, как тот с товарищами вел в Москве подкоп под баню Таганской тюрьмы, чтобы устроить побег своему другу, революционеру Николаю Бауману, как с дружинниками захватил на Волге пароход со взрывчаткой, как обманул полицию: имея на руках когда–то выданное ему московским обер–полицмейстером Треповым разрешение «на хранение на квартире одного револьвера с патронами», закупил весь товар ружейных магазинов Виткова на Лубянке и Зимина на Тверской.

…На этот раз Кедров недолго гостил в Жданях. Дела требовали его присутствия в Петербурге. Осенью 1906 года умер отец Кедрова. Михаил Сергеевич получил большое наследство – несколько домов в Москве по 1–му Зачатьевскому переулку близ Остоженки. Он продал эти дома за 100 тысяч рублей золотом и часть денег передал в фонд большевистской партии. На остальные средства в Петербурге Кедров открыл легальное издательство «Зерно». Поскольку над ним по–прежнему висела угроза ареста, он жил в Питере нелегально, по паспорту рогачевского мещанина Михаила Сергеевича Иванова, учащегося курсов стенографии Сапонько на Невском проспекте. Издательство пришлось зарегистрировать на подставное лицо – литератора Б. Б. Веселовского.

Издательство и склад находились на Невском проспекте в доме номер 110. С точки зрения конспирации здание было выбрано очень удачно: черный ход связывал контору и склад с

несколькими проходными дворами, выходящими на разные улицы. Транспортировка литературы со склада (владельцем которого, кстати, была Мария Августовна Дидри–киль) облегчалась близостью Николаевского вокзала{2}.

Под самыми невинными названиями – вроде массового, тиражом свыше 60 тысяч экземпляров, «Календаря для всех» – «Зерно» издавало и распространяло по заводам и фабрикам не только Петербурга, но и других городов России нелегальную революционную литературу. Более того, издательство начало подготовку к выпуску трехтомного собрания сочинений В. И. Ленина, но успело отпечатать лишь первый том и начальную часть второго. В апреле 1908 года издательство «Зерно» было властями разгромлено, а его владелец приговорен к двум с половиной годам заключения в крепости.

…Прощаясь в Жданях с Кедровым, Артур стал горячо просить дядю Мишу взять его с собой.

– Что ж, – ответил Кедров, – хорошие помощники мне нужны. Только имей в виду, наша работа – занятие для людей не робкого десятка. Полиция и охранка с нас глаз не сводят. Малейшая ошибка и – тюрьма.

– Не бойся, дядя Миша, – заверял Артур. – Я не оплошаю.

– Раз так, то приезжай. Но предупреждаю еще раз – тебя ждут многие препятствия и опасности. Впрочем, преодоление препятствий уже само по себе есть осуществление свободы. Так сказал один очень умный человек.

Очередные летние каникулы Артур Фраучи провел в Петербурге. Одетый в отглаженную гимназическую форму, он раскатывал на извозчике по данным ему дядей Мишей адресам и развозил пакеты с литературой, которую получал в издательстве на Невском или в типографии «Русская скоропечатня», которая помещалась в доме номер 94 по Екатерининскому каналу.

Кедров и его товарищи учитывали возможность конфискации тиража властями, поэтому договорились с владельцами «Скоропечатни», разумеется, конфиденциально, что те отпечатают 63 тысячи экземпляров «Календаря для всех», но в книге заказов укажут тираж в 3 тысячи и на несколько дней задержат доставку положенного количества экземпляров в Цензурный комитет.

Ознакомившись с «Календарем», комитет, конечно, его немедленно запретил и весь тираж, то есть указанные 3 тысячи экземпляров, конфисковал. Но 60 тысяч нелегального издания уже были из типографии вывезены и распространены по фабрикам и заводам.

Предъявить какие–либо претензии к «Скоропечатне» власти не могли: в документах издательство «Зерно» не упоминалось, а

заказчиком и издателем «Календаря» числился мифический «коллежский асессор Александр Васильевич Траубе», который на случай отъезда выдал доверенность на получение тиража Александру Васильевичу Масленникову – под таким именем в Питере проживал давний друг Кедрова и его главный помощник по издательству Николай Семенович Ангарский (настоящая фамилия Клестов).

Участвуя в этой увлекательной для молодого человека операции, Артур приобрел, таким образом, первые навыки конспирации…

Вполне естественно, что Артур не только распространял нелегальную литературу, но и читал ее с жадным интересом. На это подталкивали и частые беседы с Кедровым, который наставлял своего юного соратника:

– Люди перестанут мыслить, когда перестанут читать…

Серьезным политическим самообразованием Артур Фра–учи занялся, уже став студентом металлургического отделения Петербургского политехнического института имени Петра Великого. Процесс этот был далеко не простым.

Российская интеллигенция (в том числе и наиболее активная ее часть – студенчество) после поражения революции 1905 года и начавшейся реакции еще не скоро смогла выйти из кризиса духа, идейных шатаний и разброда. В «образованном обществе» читали переводные сочинения западных философов–мистиков, реакционных политических мыслителей–эпигонов Ницше, увлекались столоверчением, масонством и… кокаином. Вначале вполголоса, а затем все громче и откровеннее, и уже не только в высших петербургских кругах, говорили о странном, прямо–таки гипнотическом влиянии на царскую семью и двор сибирского «старца» Григория Распутина.

Было от чего растеряться юноше, очутившемуся в столице после окончания провинциальной гимназии. И нет ничего удивительного в том, что новомодные идеи и веяния на какое–то время захватили и Артура Фраучи. К счастью, у него была светлая голова, и кратковременные увлечения не сбили молодого человека с пути. В конце концов Артур Фраучи примкнул к марксистскому движению.

Студент Фраучи оказался человеком разносторонних интересов. Он увлеченно изучал философские сочинения, проглатывал книжные и журнальные литературные новинки, посещал театр, особенно часто оперу и Народный дом, где выступали в ту пору известнейшие певцы Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова, исполнительница цыганских романсов Варя Панина. Артур и сам пел вначале

только на дружеских вечеринках, позднее в том же Народном доме. После подростковой ломки у Фраучи образовался красивый и сильный тенор. Специалисты находили, что при желании он вполне мог бы стать профессиональным оперным певцом. А пока что студент–политехник успешно исполнял теноровые партии в одиннадцати спектаклях, поставленных актерами–любителями в Народном доме. Через много лет Артур Христианович, уже будучи и начальником одного из ведущих отделов, и членом коллегии, охотно выступал на сцене клуба ОГПУ перед сотрудниками, исполнял чаще всего арии Радамеса из «Аиды», Хозе из «Кармен», романсы, в том числе свой любимый, на музыку Шуберта, «Я не сержусь», который пел на немецком языке.

Активное участие в нелегальных кружках, другие увлечения не мешали Артуру серьезно овладевать будущей профессией. Звездой первой величины в Политехническом институте заслуженно считался профессор Владимир Ефимович Грум–Гржимайло, крупнейший инженер–металлург России, видный ученый, создатель первой теории печей. «Громоподобный» – так не без основания называли за глаза профессора – приметил способного студента Фраучи и, когда тот получил диплом инженера, пригласил его в свое знаменитое Металлургическое бюро, находившееся на Большом Самп–соньевском проспекте, близ Литейного моста.

Металлургическое бюро Грум–Гржимайло было единственным в своем роде проектным учреждением. На второй год мировой войны выяснилось, что русская армия испытывает хроническую нехватку трехдюймовых артиллерийских снарядов. Их стали изготавливать на мелких и средних предприятиях, не занимавшихся раньше таким производством. Корпуса снарядов вытачивались на станках, затем подвергались термообработке в специальных печах. Вот этих–то печей и не было на заводах, из–за нужды подключенных к выполнению армейских заказов.

Добровольным разработчиком печей и стал профессор Грум–Гржимайло. Все работы производились, можно сказать, на дому в кустарных условиях. Когда стало ясно, что в одиночку с делом, приобретавшим все больший размах, не справиться, он снял в доходном доме на Большом Сампсо–ньевском проспекте квартиру в несколько комнат. Там и разместились приглашенные им на свой страх и риск конструкторы. Их число никогда не превышало пятнадцати.

Лучшей школы для молодого инженера Фраучи и придумать было нельзя. Здесь генерировались самые прогрессивные технические идеи. За два с небольшим года бюро разработало свыше ста типов различных печей и иного оборудования.

Сослуживцы и сам Громоподобный прочили Артуру Фраучи блестящую карьеру на инженерном поприще. Но в Петрограде началась Февральская революция, едва ли не сама собой, во всяком случае, никакой заслуги в этом российских социал–демократов не было, свалилась с обветшалого и абсолютно недееспособного дома Романовых царская корона. Из ссылок, тюрем, эмиграции стали возвращаться революционеры. Правда, большевикам после июльских событий вновь пришлось перейти на полулегальное, а кому и вовсе на нелегальное положение.

Между тем по заданию бюро Артур Фраучи отправился в очередную командировку на Урал, в Нижний Тагил, откуда вернулся к осени, чтобы принять участие в революции, уже в Октябрьской. В Питере он отыскал Николая Подвойского, который возглавлял организацию при Петроградском комитете РСДРП(б), и изъявил желание работать с большевиками, с сожалением оставив свою профессию. Впрочем, тогда он верил, что еще вернется к своей мирной, хотя и «горячей», цвета расплавленного металла, работе. Увы…

В декабре 1917 года Артур Фраучи вступил в партию большевиков, но по независящим от него причинам партбилет он получил лишь в середине лета 1918 года.

Двумя месяцами раньше в жизни Артура произошло еще одно, казалось, весьма заурядное событие, которому он тогда не придал никакого значения. Как уже известно читателю, все Фраучи (в том числе двоюродные братья Артура по отцу – Александр и Федор) были швейцарскими гражданами. 4 сентября 1917 года в швейцарском посольстве Петрограда Артуру Евгению Леонарду Фраучи тоже был выдан швейцарский паспорт за номером 11/208.

…Уже в советский период работы Артуру Христиановичу пришлось столкнуться с вопросами своей предыдущей деятельности. Чиновники–саботажники, еще сидевшие в банках и других финансовых учреждениях, под каким–то предлогом закрыли лицевой счет профессора Грум–Гржимайло. Это означало фактическую ликвидацию Металлургического бюро, которое не принадлежало ни к какому ведомству, и, следовательно, за него некому было заступиться.

Тогда Владимир Ефимович решил обратиться за помощью к своему бывшему ученику и сотруднику – Фраучи. Артур Христианович ответил учителю письмом, в котором изложил некоторые свои мысли по поводу происходящих событий:

«Дорогой Владимир Ефимович!

С чувством глубочайшего волнения прочел я Ваше письмо, поразившее меня простотой и величием, отличающим больших

людей в тяжелое время.

Мне стыдно за нашу действительность, Владимир Ефимович, когда такие люди, которых человечество должно было бы оберегать как высший дар судьбы, принуждены говорить о себе, чтобы не быть забытыми или даже погибнуть среди обломков разрушающегося строя.

Я сторонник этого разрушения в целом, я думаю, что потом, после разрушения, жизнь пробьется, отбросив ненужное, и техника возродится в новых формах заново построенных, а не в отремонтированных старых, и поэтому, Владимир Ефимович, я и пошел сюда.

Но тем большим преступлением считал бы я разрушение такого научного центра и молодого предприятия, работающего на чисто товарищеских, почти социалистических началах, каким является Металбюро, разрушение такого центра со всех точек зрения абсурдно.

Поэтому, Владимир Ефимович, я считаю своей обязанностью и большим счастьем для себя приложить все мое старание, чтобы спасти дело, в котором хоть и очень маленькая, но есть и моя капля меда.

Я очень жалею, что мне поздно, только сегодня, доставили это письмо и я потерял немного времени, чтобы предпринять свои шаги…»

К сожалению, Артуру Фраучи тогда не удалось помочь сохранить бюро. Ему пришлось срочно и надолго уехать из Петрограда.

Однако через несколько лет, при содействии председателя Высшего совета народного хозяйства Феликса Дзержинского, профессор Грум–Гржимайло воссоздал свое детище уже в Москве. Бюро металлургических и теплотехнических конструкций (БМТК) за первые пять лет своего существования выполнило 1200 проектов печей, из которых 800 были тогда же построены. С годами БМТК выросло в знаменитый Стальпроект – Государственный институт по проектированию агрегатов сталелитейного и прокатного производства для черной металлургии.

МОЛОДОЙ ДЕКАН

«Военки», военные организации большевиков, руководили революционной работой в армии, создавали и обучали первые отряды Красной гвардии. Петроградская «Военка», кроме того, издавала под редакцией Подвойского газеты «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Солдат». Фактически это была одна и та же газета, выходившая каждый раз под новым названием после очередного запрета властями «предшественницы». Незадолго до Октябрьской революции Подвойский вошел в состав бюро Петроградского военно–революционного комитета (ВРК) как представитель «Военки» и «Тройки» по руководству восстанием.

Чем конкретно занимался в «Военке» Артур Фраучи – неизвестно. Сам он никогда об этом периоде своей жизни не рассказывал. Судя по тому, что в «Военке» работали виднейшие большевики с многолетним дореволюционным стажем, значительным опытом конспиративной работы, роль Фраучи была достаточно скромной. К тому же он не обладал никакими военными знаниями, поскольку, как швейцарский гражданин, призыву в царскую армию не подлежал.

Лишь однажды Артузов упомянул, что именно в «Военке» он впервые встретился и познакомился с двумя своими будущими руководителями. Одним из них был в высшей степени интеллигентный, щеголеватый, в европейском платье, с непременным золоченым пенсне, ничуть не похожий на профессионального революционера (скорее, на преуспевающего банкира, каким был действительно его брат) мужчина средних лет – Вячеслав Рудольфович Менжинский. Его еще с дореволюционных времен хорошо знала тетушка Артура Мария Августовна.

Второй – худой, с впалыми щеками, глубоко посаженными мрачными глазами, с щеточкой усов, в сильно поношенной солдатской форме, сверстник Фраучи. Звали его Генрих Григорьевич. У него была смешная фамилия – Ягода.

Впрочем, произносилась она с ударением на втором слоге – Ягода и тогда звучала уже не смешно, а даже угрожающе.

Между Фраучи и Ягодой сложились странные отношения. Будучи сверстниками, они разительно отличались друг от друга и характерами, и образованием, и интересами. Артур вместе с сестрой Верой жил тогда в одной, но большой комнате, в огромной, так называемой профессорской квартире. Ягода своего жилья не имел, скитался по знакомым, часто захаживал и к Фраучи, бывало, засиживался допоздна, а то и оставался на ночь.

Однажды Вера обратила внимание, что солдатские шаровары Ягоды настолько прохудились местами, что грозили вот–вот расползтись при ходьбе. Через несколько дней после такого «открытия» Ягода принес откуда–то кусок странной ткани, неопределенного цвета и фактуры, но зато чрезвычайной прочности. Из нее, используя старые шаровары Ягоды в качестве лекала, Артур и Генрих сделали кое–какие выкройки, после чего Вера сшила их на ножной зингеровской машине. Так Ягода получил новые, вполне сносные брюки.

Этот забавный, даже трогательный эпизод, однако, нисколько не сблизил Ягоду и Фраучи. Они даже не перешли на «ты».

Вскоре после победы Октябрьской революции советская власть вынуждена была приступить к созданию на основе добровольческих отрядов Красной гвардии армии принципиально нового типа. Старая русская армия, обескровленная, измотанная бессмысленной империалистической войной, была не в состоянии обеспечить защиту завоеваний революции. Голодные, разутые, обозленные, ненавидящие офицеров (не говоря уже о генералах) солдаты рвались домой. Необходимо было в кратчайшие сроки и максимально организованно провести демобилизацию. В то же время требовалось удержать – и только убеждением! – в армии наиболее преданных революции солдат и хотя бы часть офицеров, которые в будущем составили бы костяк новых, уже советских вооруженных сил.

Это было неимоверно трудное дело. В конце ноября в Петроград из Омска вернулся Кедров (он выезжал для установления связи с большевистскими организациями Сибири) и был сразу введен в состав Комитета по военным и морским делам. Глава нового правительства – Совнаркома – Ульянов–Ленин поручил ему в ранге народного комиссара провести демобилизацию армии и флота. С этой целью было даже образовано хоть и временное, но самое настоящее военное ведомство (сокращенно – Демоб).

К работе в Демобе Кедров привлек и Артура Фраучи. В распоряжении ведомства оказались огромные технические ресурсы, дорогостоящее военное имущество, автомобильные и другие мастерские, склады и т. п. Разобраться во всем этом хозяйстве, вдруг оказавшемся безнадзорным, могли только люди с инженерным образованием. Артур Фраучи подходил для данной работы как никто другой, тем более что владел немецким и французским языками, несколько хуже – английским. Это имело важное значение, так как значительная часть техники была иностранного производства. Фраучи стал работать в отделе Демоба, который занимался материально–техническим

снабжением армии, а также вопросами мобилизации (точнее – удержания) и использования солдат и унтер–офицеров, обладавших техническими знаниями.

Весной 1918 года сложная и опасная обстановка стала складываться в северных районах республики, особенно в Архангельске и Мурманске. Советское правительство четко осознавало, что именно здесь следует в первую очередь ожидать интервенции со стороны бывших союзников России. Антанта рассматривала Север как удобный плацдарм для продвижения вглубь страны. К тому же морские коммуникации, связывающие Мурманск и Архангельск с европейскими портами, позволяли интервентам, особенно англичанам с их сильнейшим тогда в мире флотом, легко перебрасывать сюда и войска, и боевую технику.

Повод для интервенции долго искать не пришлось: союзники, дескать, не могли допустить, чтобы скопившиеся на здешних складах огромные материальные ценности достались немцам в случае их наступления. Только в Архангельском порту находилось свыше 700 тысяч артиллерийских снарядов, 80 тысяч пудов взрывчатых веществ, множество прочих боеприпасов, вооружения, угля, столь необходимых молодой Красной армии.

Для «защиты» побережья Русского Севера от вторжения немцев уже 6 марта 1918 года с крейсера «Глори» высадились первые 170 английских морских пехотинцев и разместились в береговых казармах Мурманска. Формальное основание – «словесное соглашение», которое 2 марта представители Антанты заключили с меньшевистско–эсеровским исполкомом Мурманского совета – о «совместных действиях против германской опасности».

Чуть позже там же высадились десанты: 14 марта – с английского крейсера «Кокрейн», 18 марта – с французского крейсера «Адмирал Об», 24 марта – с американского крейсера «Олимпия».

К началу июля в Мурманске под командованием английского генерал–майора Ф. Пуля находилось уже около 8 тысяч солдат и офицеров. Позднее их количество возросло до 16—17 тысяч, к тому же к интервентам присоединилось до 5 тысяч белогвардейцев.

Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново–Вознесенской губерниях, принятия надлежащих мер, в первую очередь разгрузки Архангельского порта, Совнарком решил послать в те края специальную Советскую ревизию народного комиссара М. С. Кедрова с широкими полномочиями. Соответствующий мандат за

подписью Ленина был вручен Кедрову 23 мая. В Ревизию входили сорок сотрудников и команда из тридцати трех латышских стрелков для охраны. Артур Фраучи был назначен секретарем Ревизии.

Поехал в Архангельск и сослуживец Артура по Демобу Иоганн Тубала, попросту – Ваня. Его мать и сестра, знакомые Кедровых, оставались в Эстонии, и юноша воспитывался в семье Михаила Сергеевича. По рекомендации Кедрова он, как и Артур, впоследствии станет чекистом. Позже Иван Тубала породнится с Артузовым, женившись на его сестре Вере Фраучи.

* * *

Трубы английского крейсера «Аттентив», стоявшего на архангельском рейде, вдруг густо задымили. Темная завеса заволокла небо, придавила свинцовое море. Меньшевики и эсеры, захватившие власть в городе, не на шутку всполошились: «Неужто уходит?» Срочно был послан гонец к представителю генерала Пуля. Тот хладнокровно заверил: «Генерал проводит очередную проверку боевой готовности».

Пуль, сознавая недолговечность непопулярной в народе меньшевистско–эсеровской власти, зря времени не терял: держал экипаж на «товсь», чтобы в нужный момент овладеть положением. На планшетах офицеров были нанесены координаты стратегических пунктов города. Орудия крейсера в любую минуту могли обрушить на них залповый огонь. Разведывательные группы проводили промеры глубин у берегов на случай, если придется высаживать десант.

После генеральского заверения жизнь в Архангельске пошла своим чередом: городская дума заседала, купцы и судовладельцы, хозяева фабрик и лесопилок, как и в прежние времена, раскатывали в дорогих пролетках, швыряли в ресторанах «моржовки» – обеспеченные английскими фунтами стерлингов местные деньги. У складов между тем стояли часовые в иностранной военной форме. Официально английские, французские и американские солдаты находились здесь с ранней весны, как уже говорилось, якобы для защиты от немцев боеприпасов и военного снаряжения. На деле они были форпостом будущей интервенции, что ни для кого в городе секретом не являлось.

Тем временем реакционно настроенные офицеры, поняв, что в главных пролетарских центрах на успех им рассчитывать не приходится, тайно переправлялись из Петрограда, Москвы,

других крупных городов России на Дон, в Сибирь, а также в Архангельск и Мурманск, где бывшие союзники располагали реальной военной силой. Офицерам тайно помогали некоторые военспецы, засевшие в московских и других штабах, в частности в Военконтроле – так теперь называлась бывшая военная разведка. И потянулись бывшие поручики, штабс–капитаны, полковники на окраины России, чтобы начать оттуда поход против советской власти.

Именно такое положение застал нарком Кедров в Архангельске, куда его поезд прибыл 28 мая после коротких (но весьма эффективных по результатам проделанной работы) остановок в Ярославле и Вологде. Сотрудники его Ревизии делали все, чтобы укрепить органы советской власти в городе и губернии, ликвидировать контрреволюционные гнезда, создать надежные подразделения и части Красной армии.

Очень скоро Кедров понял, что враги республики используют в своих целях Военконтроль. Он незамедлительно отдал приказ, чтобы красноармейские патрули повсеместно задерживали всех офицеров, которые направлялись в Архангельск из Москвы, Петрограда, Вологды. Очень скоро таких набралось несколько десятков. У всех были, как и ожидал нарком, документы, выданные Военконтролем Вологды. Офицеров обыскали. Почти у каждого были найдены в кармане две пуговицы – черная и белая. Даже для не посвященных в таинства конспирации было ясно, что пуговицы служили опознавательными знаками, на профессиональном языке разведчиков – «вещественным паролем». Установили, что все офицеры с пуговицами шли к белогвардейскому генералу Овчинникову.

Артур Фраучи в «истории с пуговицами» оказал Кедрову весьма существенную помощь. Успокаиваться, однако, не приходилось. Каждый день приносил новые тревоги. Английский консул Дуглас Юнг прислал Кедрову письмо, не оставлявшее никаких сомнений относительно захватнических намерений своего правительства. Ознакомившись с ним,

Кедров в сердцах бросил лощеную, с золотым тисненым британским львом бумагу на стол. Гневно сказал:

– Разве все это уже не оплачено русской кровью? Артур взял письмо, быстро пробежал глазами: «Нахожу своим долгом во избежание всяких недоразумений в будущем через посредство Ваше ясно и категорично объявить местным фактическим властям мнение британского правительства относительно собственности груза, находящегося в Архангельске. Британское правительство считает весь ввезенный в Архангельск груз исключительно собственностью союзников, а не России».

– Что скажешь на это? – спросил Кедров.

– Категоричное письмо. И наш ответ тоже должен быть категоричным.

Какую–то минуту Кедров сосредоточенно и молча размышлял, потом твердо заявил:

– Разгружать порт и немедленно вывозить склады вглубь России!

– И я того же мнения! – откликнулся Артур. Кедров развернул карту, стал рассуждать:

– Реки вскрылись ото льда, часть грузов направить водным путем в Котлас, остальное – по железной дороге в Вологду. С чего начнем?

– С угля.

– Почему? А цветные металлы? Ценности? Фраучи покачал головой:

– Без ценностей советская власть просуществует. А без угля – нет.

С этого дня Артур вплотную занялся организацией эвакуации грузов. В короткий срок из Архангельска было вывезено до 40 миллионов пудов угля. С боеприпасами дело обстояло сложнее – они охранялись гораздо строже, чем топливо. Однако Артуру под прикрытием надежных воинских команд с помощью железнодорожников, портовиков, речников удалось проникнуть на склады, перегрузить часть снарядов на пароходы и в вагоны, следующие вглубь страны. Часовые союзников не рискнули оказать вооруженное сопротивление.

Англичане хорошо понимали значение Архангельска и Мурманска и готовили их захват. О близком наступлении интервентов Ленин предупреждал VII съезд партии: о том, что Англия или Франция захочет у нас отнять Архангельск. Кедров на сей счет получил ориентировку наркома по иностранным делам Георгия Васильевича Чичерина: «Есть известия, что можно опасаться английской экспедиции на Мурман и Архангельск». Через неделю от него же была получена новая телеграмма: быть готовыми к отпору.

Задачи Ревизии Кедрова отныне расширялись. Выполняя указания правительства, Кедров направил британской, французской и американской миссиям предупреждения:

«…Объявляю, что ввиду известного международного и политического положения прибытие иностранного военного судна, в особенности с вооруженной командой, в Архангельск, где в настоящее время сосредоточено огромное количество военного и взрывчатого материала, будет рассматриваться как начало активных действий, которые могут иметь тяжелые последствия.

Народный комиссар *Михаил Кедров* Секретарь *Ар. Фраучи».*

Воздержавшись на какое–то время от прямых военных столкновений с советскими частями, англичане тем не менее вовсю занимались шпионажем. Чтобы расстроить планы врага, необходимо было нанести удар по разведке интервентов. По поручению наркома Артур занялся делом английского шпиона Масспарта. Его и серба Илича задержали на берегу моря. В вещах нашли карту, на которой была обозначена тропа от Соловской бухты на Исакогорку по суше, минуя Архангельск.

Заинтересовал Артура и такой факт. В бухте появился морской буксир «Митрофан». Для выяснения, чем он тут занимается, был послан ледокол «Горислав». На гудки «Горислава» буксир не ответил. Тогда выстрелили из пушки. «Митрофан» застопорил ход. На буксире оказались десять английских военных моряков с крейсера «Аттентив». Несомненно, это была разведка. Шпионов Масспарта и Илича посадили в архангельскую тюрьму. Им было разрешено получать продовольственные передачи, которые, конечно, тщательно проверялись. И вот однажды в куске мыла, предназначенного для арестованных шпионов, были обнаружены деньги и записка: «Друзья! Мною приняты меры для освобождения вас из тюрьмы. Когда вы выйдете на свободу, в свою очередь помогите и мне выбраться отсюда… Я хочу служить в английских войсках».

Выяснилось, что письмо написал… командир 1–го советского полка Иванов. Предатель, конечно, был немедленно обезврежен.

Все эти факты говорили о том, что англичане готовят захват Архангельска.

Вероятно, именно в эти дни Артур получил ту фамилию, под которой он вошел в историю советских органов государственной безопасности, точнее – контрразведки и разведки страны. Рядовые красноармейцы, вместе с которыми ему пришлось очищать город от шпионов и контрреволюционеров, а потом и воевать, плохо запоминали и произносили его необычную фамилию – Фраучи. И как–то незаметно, словно само собой, его стали называть Артузовым, сделав из его имени звучащую вполне по–русски фамилию.

При поступлении в том же 1918 году на службу в ВЧК, с согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова, Артур Христианович взял эту фамилию официально. Но только по службе в ВЧК—ОГПУ—НКВД—РККА. Как гражданин Швейцарии, он продолжал оставаться Фраучи. Эту же фамилию – Фраучи – носили и носят его потомки в советских, ныне российских паспортах.

В июле 1918 года Кедров выехал в Москву, чтобы доложить

председателю Совнаркома обстановку на Севере и получить от него новые указания. Ленин с пониманием выслушал Кедрова. По его распоряжению были выделены военное снаряжение и вооружение для уже существующих на Севере и формируемых частей. Кедров снова отправился в Архангельск. Но в городе уже начался контрреволюционный мятеж. Поезд Кедрова остановился в 40 километрах от Архангельска на станции Тундра.

Интервенты и белогвардейцы наступали. Малочисленные отряды красных отходили к Обозерской. Поддерживаемые с воздуха иностранными самолетами, части противника продвигались вдоль железной дороги. Вскоре они вплотную подошли к Обозерской.

Кедров был напряжен до предела. Через несколько часов, может быть, утром, интервенты и белые ворвутся в Обозер–скую. А здесь сосредоточены грузы. Противника надо задержать хотя бы на сутки, чтобы успеть эвакуировать людей и имущество, вагоны с углем и ценностями. Кедров понимал, что тридцать три латышских стрелка готовы стоять насмерть. Но лавину горсткой храбрецов не остановить.

Нарком ходил по штабному вагону, обдумывая положение. Изредка поглядывал в окно. Возле пакгауза работали высокие светловолосые бойцы – латыши. Погрузкой руководил Артузов. Работы были организованы хорошо, по–инженерному, и дело шло споро.

В конце концов Кедров нашел единственное решение: необходимо уничтожить железнодорожный мост на пути интервентов. И лучше всех с этим справится Артур. Правда, нет взрывчатки, но Артузов – инженер, должен придумать, как это сделать, имея под рукой артиллерийские снаряды. Кедров вызвал в вагон Артузова.

– Я выбрал тебя, – как можно спокойнее сказал он, когда тот вошел в салон. – Возьмешь несколько бойцов, паровоз с платформой и доберешься до моста. Уничтожь его и возвращайся в Обозерскую. Таков мой приказ. Я не вижу иного средства задержать наступление противника.

– Когда выступать?

Кедров вынул из кармана часы на никелированной цепочке, щелкнул крышкой, прикинул время и с сожалением ответил:

– Немедленно… Через час может быть уже поздно. Я полагаю, смысл приказа тебе ясен. Откровенно говоря, я не представляю, как ты обойдешься без взрывчатки. Можно ли использовать снаряды?

Артур в раздумье покачал головой:

– Без взрывчатки, конечно, трудно. Но есть другой способ:

мост деревянный, а в пакгаузе я приметил керосин. Я просто сожгу мост. Ни пешие, ни конные не пройдут. Восстановят, конечно, быстро. Но день провозятся.

– Тогда действуй, молодой декан! – И Кедров крепко обнял Артура.

И вот уже на полных парах локомотив с командой на платформе мчит к мосту. В голове Артура и сопровождающих его бойцов одна мысль – не опоздать! Только бы разъезды противника уже не перешли через этот проклятый мост – они могут разобрать пути, и команда окажется отрезанной от своих. Это не помешает ей выполнить задание, но будет означать верную гибель. Впереди темным пятном на сером фоне показался мост.

– Зажечь факелы! – приказал Артур. Вспыхнули в руках бойцов желто–алые огни. Это было сигналом и машинисту: он сбавил ход и стал осторожно подгонять платформу к мосту.

– Поливай! – отдал Артур новую команду, и в тот же миг с той стороны ударили ружейные выстрелы.

Вражеский разъезд! Но теперь он не страшен, мимо платформы по узкому настилу кавалеристам не прорваться. Роли заранее распределены: часть бойцов открыла заградительный огонь по противнику, остальные поливали керосином доски настила и бревна опор. И вот уже затрещали змейки пламени, разбегаясь по всему сооружению, запахло дымом и гарью, потом все загудело, и ввысь взметнулись длинные языки набирающего силу огня.

– Всем на платформу! – подал команду Артур.

Отстреливаясь из драгунок, бойцы отбегали от охваченного бушующим пламенем моста и прыгали на платформу. Последним вскочил на нее Артузов. Издавая пронзительные победные гудки, старенький паровозик мчал подрывную команду обратно к Обозерской.

Артузов не мог, конечно, тогда предвидеть, что в ближайшие месяцы ему придется уничтожить еще два моста – уже во вражеском тылу. Теперь же он задумался вдруг: почему Кедров, прощаясь, назвал его молодым деканом? Потом вспомнил, что слово это в старину кроме общепризнанного имело еще одно значение: служитель или борец за веру. Сразу стало ясно, какой смысл вложил Кедров в прощальную фразу: он должен был отправиться на задание с верой в победу.

Так начались боевые действия на Северном фронте. Был образован штаб фронта, в котором Артур Артузов стал начальником инженерного отдела. В обязанности Артузова и его сотрудников входили инженерное обеспечение войск, организация диверсий во вражеском тылу и т. п. Быть может,

потому Артузову и пришлось заниматься и контрразведывательными делами. Постепенно именно эта работа стала для него самой интересной, а затем и главной.

В 1918 году в жизни Артузова произошло еще одно важное событие. 10 августа он женился. Его избранницей стала подруга сестры Евгении (которая их и познакомила) – учительница Лидия Дмитриевна Слугина.

В ОСОБОМ ОТДЕЛЕ

Осень 1919 года для Республики Советов выдалась не менее, а может быть, даже более тяжкая, чем предыдущая. В августе—сентябре грозно нацелилась на Петроград белогвардейская армия генерала от инфантерии{3} Николая Юденича. С юга неудержимо рвались к Москве и достигли уже опасной близости полки генерал–лейтенанта Антона Деникина.

То был враг зримый. Но существовал еще и невидимый, хотя и достаточно ощутимый: и в Москве, и в Петрограде активно действовали в подполье контрреволюционные заговорщики. Со штабами Юденича, Деникина, Колчака они поддерживали тайную связь, снабжали их шпионской информацией.

В 1918 году ВЧК разгромила многие контрреволюционные организации, но самая разветвленная и опасная из них – белогвардейско–кадетский Национальный центр – уцелела, хотя и понесла серьезные потери. Операция ВЧК по его ликвидации началась летом 1919 года в районе Петрограда. Она потребовала мобилизации всех сил чекистского аппарата, привлечения воинских подразделений и вооруженных рабочих отрядов. Главным руководителем операции был Феликс Дзержинский. Вместе с другими чекистами принял в ней участие и Артузов. Для него она стала серьезной школой – и политической, и профессиональной. Но как он оказался в ВЧК?

Все началось с того, что для укрепления Военконтроля Реввоенсовета республики с Северного фронта был отозван Михаил Кедров. Он возглавил эту организацию, игравшую в Красной армии роль контрразведки. Вместе с ним прибыл в Москву и Артузов. Его назначили начальником бюро Военконтроля в Московском военном округе, а затем начальником так называемой активной части всего Военконтроля. Немалое число сотрудников этой организации было враждебно настроено к советской власти. После основательной чистки ее аппарата решением ЦК РКП(б) от19 декабря 1918 года фронтовые чрезвычайные комиссии и органы Во–енконтроля были преобразованы в единый орган – Особый отдел, первое время находившийся под началом и ВЧК, и Реввоенсовета республики. Тем самым вопросы борьбы со шпионажем и контрреволюцией сосредоточились в одном органе – Особом отделе. В сложившейся обстановке невозможно было отделить шпионаж империалистических разведок от подрывной деятельности внутренней контрреволюции.

Первым руководителем Особого отдела ВЧК стал Михаил

Кедров. Артур Артузов был назначен особоуполномоченным отдела. Михаил Кедров, однако, недолго возглавлял Особый отдел. По ряду причин объективного и субъективного характера дела у него на новом посту пошли не столь успешно, как того требовала обстановка. Потому партия сочла необходимым направить его, имевшего высшее медицинское образование, на борьбу со свирепствовавшим тогда сыпным тифом, сохранив за ним обязанности члена коллегии ВЧК. По решению ЦК РКП(б) 18 августа 1919 года Особый отдел возглавил сам председатель ВЧК Феликс Дзержинский.

Борясь с контрреволюционерами, Кедров зачастую перегибал палку – даже по весьма растяжимым понятиям того сурового времени. От его излишне крутых действий страдало и население, ни в чем не повинные мирные жители, и члены семей пускай и самых отъявленных врагов. Это отрицательное свойство комиссара успешно использовали белогвардейские публицисты, в том числе известный в эмиграции С. П. Мельгунов. Автора много раз переизданного «Красного террора в России» не смутило, что он, описывавший зверства большевиков, сам был благополучно отпущен за границу, хотя и являлся участником настоящего контрреволюционного заговора.

Деяния Кедрова были белогвардейцами значительно и сознательно преувеличены, но зерно истины зарубежные публикации, увы, содержали: вынужденная жесткость комиссара нередко перерастала в неоправданную жестокость.

Да… Жестокость Гражданской войны – вплоть до кровавого террора – была присуща ее участникам с обеих сторон. Но отличить жестокость от жесткости, крайнюю необходимость от своеволия порой трудно, а то и невозможно.

Принадлежность к спецслужбе, организации пускай и частично, но все же карательной, ставит перед ее сотрудниками много тягостных морально–психологических проблем. Безусловно, они не могли не мучить (особенно в последние годы) Фраучи–Артузова. Приходилось ли ему идти на какие–то компромиссы с самим собой, со своими нравственными представлениями и переживаниями?

Видимо, да. Но садистом он не стал…

* * *

Той же осенью 1919 года в ВЧК на ответственную работу – вначале членом Президиума, а затем заместителем председателя – пришел Вячеслав Рудольфович Менжинский. С этим умнейшим,

исключительно образованным человеком, к тому же полиглотом (свободное владение без малого двумя десятками европейских и азиатских языков), Артузову выпало счастье работать рука об руку долгие годы.

Тогда же в ВЧК объявился знакомец Артузова еще по Петрограду семнадцатого года, причем на достаточно ответственной должности управляющего делами Особого отдела – Генрих Ягода. Тот самый, с которым они вместе под наблюдением сестры Веры кроили брюки из куска загадочного происхождения ворсистой ткани. Теперь Ягоду было не узнать: самоуверен, подтянут, одет в прекрасно сшитую военную форму.

Ягода приходился троюродным братом Якову Свердлову. В свое время Свердлов дал ему рекомендацию, но лишь на «рядовую работу». Однако, используя колоссальный авторитет умершего весной председателя ЦИК республики, Ягода достаточно быстро продвигался по карьерной лестнице. Менее чем через год Ягода уже член коллегии ВЧК и управляющий делами ВЧК. (Впоследствии Ягода вторично породнился со Свердловым, женившись на его родной племяннице Иде Авербах. Брат Иды, литературный критик Леопольд Авербах, возглавлял пресловутую РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей, нанесшую немалый ущерб развитию советской литературы.)

Очень скоро от былого приятельства Артузова и Ягоды не останется и следа.

Время было такое: все приходилось схватывать на лету, с полуслова понимать самые сложные вещи, замечать, улавливать все нюансы возникающих проблем, мгновенно оценивать обстановку, которая к осени девятнадцатого года накалилась до предела.

– Феликс Эдмундович только что ознакомил меня с телеграммой РОСТА{4}, – обратился Менжинский к Артузо–ву. – Черчилль объявил против нас крестовый поход. Феликс Эдмундович говорил, что насчитал четырнадцать стран, которые по призыву сэра Уинстона – потомка герцогов Мальборо – двинутся против нас. Несомненно, поднимет голову и засевшая в Москве контрреволюция: офицерье, буржуазия, вся нечисть, вплоть до охотнорядцев. Они постараются изнутри поддержать поход Антанты. В этом сомневаться не приходится.

Время, действительно, было трудное. Полчища генерала Деникина, наступая с юга, захватили Орел и угрожали Москве. На востоке вновь перешел в наступление Колчак. С трудом удалось отразить наступление на Питер войск Юденича. На западе представляли опасность поляки.

– Прекрасно понимаю вас, Вячеслав Рудольфович, – поспешил заверить Менжинского Артузов.

– Нам и сейчас нелегко, а дальше наверняка будет еще труднее, – чуть сдвигая густые брови, продолжал разговор Менжинский. – Вчера один сотрудник пожаловался мне: «Работаем как каторжные». Признаться, я даже сразу не нашелся, что и ответить. Но было бы непростительным малодушием от ответа уклониться. Тогда я ему сказал: «Великий итальянский художник Микеланджело тоже работал как каторжный, но бессмертие заработал».

Артузову невольно захотелось прервать Вячеслава Рудольфовича дополняющим: «А мы?» Но Менжинский уже упредил вопрос:

– И мы работаем как каторжные, и тоже во имя бессмертия, только не искусства, а нашего великого дела.

Именно так: великим делом считали свою борьбу оба собеседника, как и подавляющее большинство их тогдашних товарищей по партии и ЧК.

Закончил Менжинский разговор с Артузовым неожиданно – стихами:

Враг могуч и хитер! По местам, по местам! И настороже око и ухо; Бой повсюду пойдет – по земле, по морям И в невидимой области духа.

Артур Христианович почувствовал, что Менжинский, несмотря на всю сложность и опасность обстановки, настроен весьма оптимистично и этими стихами как бы определял программу действий Артузова. Вот только чьи это стихи? Ар–тузов никак не мог вспомнить, а спросить Менжинского не позволяло самолюбие. В студенческую пору не было сколь–либо заметного русского поэта, которого он бы не читал.

Артур Христианович быстро перебрал в уме множество стихов. И память его не подвела. По стилю и мысли – вроде бы Майков. Да, именно Аполлона Майкова читал ему сегодня для ободрения Менжинский.

В последнее время особоуполномоченный Особого отдела ВЧК работал с Менжинским рука об руку. Старый революционер, опытнейший конспиратор стал для молодого контрразведчика учителем, товарищем, а с годами и другом. Вячеслав Рудольфович всегда был рад дать младшему коллеге дельный совет, умел тактично предостеречь от ошибки. Артур Христианович на всю жизнь запомнил его предостережение: игра со слабым противником ослабляет и нас. Возьмите шахматиста: он расслабляется, если не встречает достойного отпора. А сильный противник заставляет его искать новые ходы, новые

комбинации. Не гордись успехом из–за случайных неудач противника. Уверенность в себе, а стало быть, и настоящая радость приходят тогда, и только тогда, когда разгаданы его замыслы, предупреждены его планы.

Артузов хорошо понимал, что разведка и контрразведка требуют большой гибкости, проницательности, мудрости. Здесь нет и быть не может жестко заданных правил. Раз и навсегда принятые приемы неизбежно ведут к поражению. Понимал он и другое: борьбы, в которой заранее известны все шансы на успех, на свете не бывает.

Шансы, шансы…

* * *

За окном немое ночное молчание. В такую пору обычно хорошо думается. Человек полностью отключен от дневной суеты, глубоко сосредоточен на конкретной задаче. Предельно напряжена мысль.

Артузов сидел в кресле за просторным подковообразным столом, обтянутым зеленым сукном. Лет этой мебели было немало, сукно местами побито молью. Достался он ЧК от бывшего страхового общества «Якорь». Не одно поколение чиновников протерло за ним локти. Теперь он стал рабочим столом контрразведчика. Кстати, очень удобным: зеленое сукно не утомляло глаза, глубокие ящики вмещали множество деловых бумаг, кроме тех, разумеется, что полагалось хранить в надежном английском сейфе, тоже наследии «Якоря».

За этим необычным столом Артузов и обдумывал сейчас материалы, полученные от Вячеслава Рудольфовича, в которых речь шла о заговоре.

В начале июля 1919 года на лужском направлении красноармейский разъезд в перестрелке убил лазутчика, явно пробиравшегося в стан Юденича. При нем нашли документы на имя офицера Александра Никитенко. Раз сопротивлялся, значит, было ради чего. Тщательно обыскали убитого – в мундштуке папиросы обнаружили крохотный листок. Из текста стало ясно: участники крупной контрреволюционной организации в Петрограде искали связь с белогвардейским командованием. В записке говорилось: «Генералу Род–зянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных Вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим Вас, не найдете ли возможным

выработать свой пароль. Предлагается следующее: кто в какой–либо форме или фразе скажет слова „во что бы то ни стало“ и „ВИК“ и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам… »

Для контрразведчиков этот листочек послужил своего рода ниточкой, ведущей к руководителям заговора.

Вскоре ВЧК получила новые данные о зреющем заговоре. 14 июля 1919 года в районе Белоострова при попытке уйти на финскую территорию были задержаны некие Самойлов и Боровой–Федотов. У них нашли письмо–донесение о дислокации частей 7–й армии, наличии на складах боеприпасов и действиях в Петрограде трех контрреволюционных организаций. Письмо–донесение подписал таинственный ВИК{5}. Кстати, и на листочке, найденном у Никитенко, стояла эта же подпись. Задержанные также признались, что письмо–донесение им вручил для передачи в штаб Юденича Вильгельм Иванович Штейнингер, владелец известной фирмы «Фосс и Штейнингер». Чекисты арестовали его – он и оказался ВИКом. При обыске у него нашли контрреволюционные воззвания, депеши из штаба Юденича.

В начале августа последовали новые аресты – в руках петроградских контрразведчиков оказались барон Штромберг, князья Андронников, Оболенский и др. Все они входили в Национальный центр Петрограда. У них был найден отчет московского отделения Центра. Но прямое свидетельство, что в Москве действует такая контрреволюционная организация, было получено чуть позже – в конце июля.

В Вятской губернии милиция задержала подозрительного человека, назвавшегося Николаем Карасенко, в мешке у которого обнаружили… миллион рублей. Задержанный оказался офицером разведывательного отдела штаба Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для московского отделения Национального центра. (В общей сложности разными путями и в разное время для нужд Национального центра намечалось переправить 25 миллионов рублей.) Арестованный вместе с деньгами был препровожден в Москву. Из тюрьмы Крашенинников пытался передать на волю две записки, которые были перехвачены. В одной из них он сообщал: «Я спутник Василия Васильевича, арестован и нахожусь здесь… » Во второй просил заготовить ему документы и сообщить, «не арестован ли ННЩ».

Естественно, контрразведчики должны были выяснить, кто скрывается за этими инициалами. Из обширной информации, полученной от Менжинского, Артузов понял, что в Москве действует законспирированная контрреволюционная

организация, чрезвычайно опасная. Его осенила догадка: только ли с Юденичем она связана напрямую? Не на связь ли с Национальным центром шел захваченный в Вятской губернии колчаковский курьер? У него нашли таинственные листочки, похоже, с шифрованным текстом. Ими уже занимался старый специалист по шифрам, много лет прослуживший в соответствующем отделе старого Генштаба. Удастся ли ему достаточно быстро разгадать шифровку?

Артузов встал из–за стола и направился было к двери. Остановил его легкий, какой–то деликатный стук.

– Это я, вот–с, расшифровал. – Сияющий от радости пожилой человек в поношенном, но аккуратно отглаженном полувоенном костюме осторожно положил листок на стол, любовно провел по нему ладонью, припечатывая к сукну, словно опасаясь, что бумажку сдует ветром. – Арабским шифром пользовались, товарищ начальник. Я в нем не особенно силен, но кое–что понял. Разрешите доложить.

– Ну–ка, ну–ка, посмотрим, очень интересно. Говорите, арабским?

– Так точно–с… Вот буква «лям», затем идет «алеф». Как я полагаю, они составляют отрицание «нет» или «не», скорее всего, «не». Затем следует этническое имя, указывающее на место рождения, тут точно могу ответить – зашифрованный город. Подразумеваю, Тула. Общий смысл шифровки: «Не медлите с восстанием. Сигнал – падение Тулы».

– «Сигнал – падение Тулы», – медленно повторил Ар–тузов.

Какое–то время его взгляд был прикован к лежащей перед ним бумажке, потом он устало опустился в кресло. Туле угрожает не Колчак, а Деникин. Выходит, заговорщики в Москве по приказу, полученному через колчаковского курьера, должны были оказать своей подрывной деятельностью, вплоть до восстания, содействие Деникину. Но кому адресован этот приказ? Курьер, помнится, на допросе говорил, что зашифрованный листок должен передать Коке. Арест помешал ему доставить приказ адресату, точнее, адресат должен был найти его сам в условленном месте. Теперь там – чекистская засада.

«Что же я сижу? – спохватился Артузов. – Надо немедленно сообщить об этом Вячеславу Рудольфовичу». Он быстро написал короткую справку о результатах дешифровки, изложил свои предположения. Пробежал глазами справку: вроде бы все сделал, что следовало. Эта удовлетворенность окончательно расслабила его. Сами собой стали смыкаться веки. Вяло подумал: «Надо бы допросить анархиста–бомби–ста, сидит уже несколько суток», а сонливость тяжелой гирей все сильнее и сильнее клонила голову

к столу… И все же Артузов переборол себя, энергично потер виски и встал из–за стола. Подошел к окну и немного размялся. Стало чуть легче, сонливость отступила. Затем снял гимнастерку, прошел в туалетную комнату, открыл кран и подставил под шумную струю холодной воды голову.

Тем временем рассвело. Можно было нести руководству справку и дешифровку. Помощник Менжинского сидел в приемной за своим столом и клевал носом. Однако, лишь только скрипнула дверь, он мгновенно поднял голову.

– Доброе утро! Прошу немедленно передать Вячеславу Рудольфовичу.

Вернувшись в кабинет, Артузов сел за стол, вытащил дело об анархисте, стал перелистывать подшитые в нем бумаги. Прочитать сумел только первые строчки. Голова сама по себе опустилась на зеленое сукно. Артузов спал, и никакие пушки его теперь не могли разбудить.

– Артур Христианович, проснитесь…

Кто–то тормошил его за плечо. А сон все не отпускал. Наконец после очередного мягкого, но настойчивого прикосновения он тряхнул головой, открыл глаза. Над ним склонился Менжинский. В его взгляде он прочитал сочувствие и понимание. Артузов тут же встал, поправил гимнастерку и всем своим видом показал, что он уже снова «в строю»:

– Простите, Вячеслав Рудольфович, мою слабость, не удержался. Так и царствие небесное мог проспать. Видно, чекистская работа не по мне, только и гожусь разве что чугун лить.

Тут Артузов вспомнил свою гимназическую записную книжку, которую завел по совету матери. В ней было несколько разграфленных страниц. В отдельных графах Артур записывал свои слабости и недостатки: лень, безволие, бездеятельно прожитый день. По мере того как тот или иной недостаток удавалось устранить, Артур решительно вычеркивал его из книжки. Впору снова было завести подобный кондуит и вписать в него сегодняшнее расслабление. Артузов уже предвидел, как может отреагировать на это Вячеслав Рудольфович – укоризненным взором.

– Ах ты, дева–страдалица, – с улыбкой, но вполне серьезно сказал Менжинский. – Сделал что мог, а кто может, пусть сделает лучше, – вот что я уловил в вашей тираде. Такое пристало латинистам, но мы с вами не латинисты, а чекисты. Нас жалобы в мир благолепия не приведут. Вам советская власть особые полномочия дала, а вы – чугун лить.

Понизив тон, Вячеслав Рудольфович примирительно сказал:

– Есть дело. Я прочитал вашу справку. Заходите ко мне вместе с Павлуновским, обсудим кое–какие детали. Деникин до зимы торопится взять Москву. Уже и «Приказ № 1» и «Воззвание к населению Москвы» подготовил. По данным, которыми я располагаю, мятеж против советской власти может разразиться в ближайшие недели. Мы должны упредить врага.

Вернувшись с совещания у Менжинского, Артузов представил заговор в виде крепко скрученного клубка, который коллективу чекистов, и ему в том числе, предстояло размотать по ниточкам. Воедино сплелись все силы контрреволюции: тут и остатки буржуазных партий – от монархистов до кадетов, и офицерское охвостье.

К Артузову стекались многие данные, относящиеся к Национальному центру. Хоть они и были весьма разрозненными, но даже по ним можно было представить масштабы и цели заговора, а также тех, кто стоял во главе него. Прежде всего это загадочный ННЩ.

На допросе, проведенном членом коллегии ВЧК Варлаа–мом Александровичем Аванесовым, Крашенинников показал, что деньги он вез для нужд Национального центра, должен был передать неизвестному ему ННЩ и что в ближайшее время этому Центру от Колчака будут переправлены новые миллионы.

Таким образом, в руках ВЧК оказались три нити: расшифрованная инструкция Деникина о приблизительных сроках восстания, подтвержденная Крашенинниковым версия, что в Москве существует разветвленная контрреволюционная организация Национальный центр, наконец, допущение, что один из ее руководителей – некий ННЩ.

То место, где курьер должен был передать деньги представителю Национального центра, контролировалось чекистами. Но никто за деньгами не пришел.

Обдумывая сообщение о бесплодности засады, Артузов подошел к окну, прижался лбом к стеклу. Приятная прохлада освежила лицо. Стало легче размышлять. А думать он привык, сопоставляя факты, находя в них взаимосвязь. Всплыл в памяти недавно переданный ему разговор. Одна учительница пришла к Дзержинскому и поделилась с ним подозрениями, которые она с некоторых пор стала испытывать к директору своей школы № 76 некоему Алферову Алексею Даниловичу. Слушая ее рассказ, Дзержинский, по обыкновению, смотрел в глаза собеседницы, пытаясь уловить все оттенки их выражения. Когда–то в молодые годы он прочел книгу, в которой рассказывалось о методах чтения по лицам, и уверовал, что глаза человека могут раскрыть его характер и намерения. Действительно, взглядом угрожают и

устрашают, приказывают и запрещают, смешат и печалят, отказывают и дают. Для проверки истинности сведений, что директор – враг, председатель ВЧК спросил:

– Все, что вы рассказали, в высшей степени для нас интересно. Но не личная ли неприязнь к Алферову привела вас к нам?

И тотчас глаза учительницы отреагировали на поставленный вопрос. Осуждающим взглядом она выразила свое огорчение – ей в чем–то не доверяют.

Дзержинский конечно же поверил учительнице и дал распоряжение понаблюдать за Алферовым. Вскоре поступили сведения, что директор школы ведет странный образ жизни, на его квартире собираются подозрительные люди – и штатские, и военные. Он поддерживает связи с бывшим крупным деятелем партии кадетов и депутатом Государственной думы Николаем Николаевичем Щепкиным, лояльность которого к советской власти весьма сомнительна.

В ходе размышлений о встрече Дзержинского с учительницей Артузову пришла на ум мысль сопоставлять псевдоним Кока с именем Николай. С усмешкой вспомнил, что до революции в некоторых кругах употребляли пошловато–игривые сокращения: Александр – Алекс, Сергей – Серж, Николай – ну, конечно же, Ника или Кока. А ННЩ? Не начальные ли это буквы имени, отчества и фамилии? Если так, то ННЩ, выходит, Николай Николаевич Щепкин?

Догадка подтвердилась: Крашенинников, после того как его записки, отправленные из тюрьмы через подкупленного караульного, оказались в Особом отделе, признался, что он пытался наладить связь именно с Щепкиным, которому раньше уже был доставлен миллион рублей от Колчака другим курьером.

Руководить арестом Щепкина поручили заместителю начальника Особого отдела Ивану Петровичу Павлуновскому. Тем не менее Дзержинский решил лично участвовать в операции.

Арест Щепкина и обыск в его квартире стали кульминацией в разгроме Национального центра. Председатель ВЧК чувствовал, что нужно быть рядом с подчиненными, все видеть своими глазами, не дать ускользнуть из поля зрения ни одной детали, которая помогла бы разоблачить врага. Щепкин, похоже, был главной фигурой в этой организации, и в его руках находились все нити заговора. А что означало для всех чекистов, привлеченных к операции, в том числе и для Артузова, присутствие председателя ВЧК? Это спокойствие и уверенность в действиях. Но одновременно и огромная ответственность…

Стояла глухая августовская ночь. Безлюдна Трубная площадь,

или, как говорили москвичи, Труба. Где–то на пригорке тихо цокает подковами извозчичья лошадь. Группа людей в штатском, выйдя из автомобиля, быстро пересекает площадь, входит в переулок. Здесь бодрствует лишь дворник, охранявший, должно быть, еще с дореволюционных времен покой здешних домовладельцев и зажиточных обывателей.

На какой–то миг Артузов задержался у афишной тумбы на углу Трубной. Тумба была сплошь оклеена плакатами. Ветер уже успел сделать свое черное дело – наполовину сорвал свеженаклеенную листовку и теперь лениво играл ее шуршащим краем. Артузов разгладил бумагу и в желтом отсвете луны разглядел обращение Московского совета к жителям города. Разобрал тревожные слова: «Попытка генерала Мамонтова – агента Деникина – внести расстройство в тылу Красной армии еще не ликвидирована… Тыл, и в первую очередь пролетариат Москвы, должен показать образец пролетарской дисциплины и революционного порядка…»

Тем временем дворник, попыхивая цигаркой, набитой, судя по дерущему горло дыму, смесью махорки с тертым мхом, осторожно подошел к незнакомым людям, в которых, по своему долголетнему опыту, сразу распознал власть.

– Не бойтесь, папаша, мы не разбойники. ЧК, вот мандат.

Павлуновский расстегнул пальто, собираясь показать документ, чтобы успокоить дворника, но тот замахал руками, когда увидел форменную гимнастерку и портупею, дескать, и так все ясно.

– Щепкин Николай Николаевич дома?

– А где ж ему быть в такую пору?

– До него есть дело. Пойдете с нами, будете понятым. Где он спит?

– В верхних покоях.

– У него кто–нибудь ночует?

– Не приметил, чтобы кто с вечера заходил к нему, – уклончиво ответил дворник.

Артузов знал, что Щепкин уже в летах и вряд ли способен оказать вооруженное сопротивление, однако некоторые меры предосторожности предпринять не мешает, мало ли кто может оказаться в доме кроме хозяина.

Но он помнил инструкцию Дзержинского: оружие применять только в случае, если угрожает опасность. Помнил также и ставшее законом для чекистов, проводящих обыск и дознание, строжайшее указание: обращение с арестованными и их семьями должно быть вежливым, никакие окрики и нравоучения недопустимы, равно как недопустимы угрозы каким–либо

оружием.

Чекисты решили войти в дом через парадное, предварительно проинструктировав дворника. После долгого, настойчивого стука за дверью послышались тихие шаги. Испуганный женский голос спросил:

– Кто будит в неурочный час?

– Это я, сторож Пафнутий, вот привел к барину господ. У них к нему дело важное…

– Сейчас открою, вот только за свечой сбегаю.

Через несколько минут вновь послышались осторожные шаркающие шаги. Видимо, в доме Пафнутию доверяли, потому что без лишних слов служанка откинула цепочку, сняла крюк и отомкнула ключом замок. Чекисты шагнули через высокий порожек в темный коридор и – прямо наверх. Кто–то рывком открыл зеркальную дверь спальни – никого. Неужто скрылся? Быстро к кабинету. Через дверную скважину мерцал свет от свечи. Артузов потянул за ручку, дверь оказалась запертой.

– Откройте. Именем закона…

За дверью раздался какой–то звук, потом свет исчез, видимо, хозяин взял свечу в руку. Послышался глухой голос:

– Обождите, господа, только халат надену.

Щепкин явно тянул время. А один ли он в кабинете? – засомневался Артузов. Об этом уже подумал и опытный Павлуновский. И выругал себя: не догадался выставить пост у окон со двора, понадеялся, что с высокого второго этажа вряд ли человек рискнет выпрыгнуть. Тем более в темноте. Исправляя ошибку, Иван Петрович торопливо бросил:

– К окнам снаружи!

Мигом кинулся на улицу молодой оперативный работник, выхватывая на ходу наган.

Дверь распахнулась. В проеме стоял пожилой человек со свечой в руке. На лице не заметно и тени беспокойства. Или чист душой, или выдержка… Пока говорить рано.

– Входите, господа. Чем обязан ночному визиту?

– Гражданин Щепкин? – спросил Павлуновский.

– Да, я. Могу паспорт показать.

– Не нужно, верим.

Поставив свечу на придан – круглый столик на одной ножке, Щепкин все же направился к массивному орехового дерева бюро. Павлуновский остановил его:

– Считаю личность установленной. А теперь, извините, мы должны осмотреть квартиру.

– На предмет?

– Не храните ли оружия, не прячете ли подозрительных

людей.

– Господь с вами. Я законов не нарушаю.

При свете свечи Артузов разглядел, как затряслась возмущенно бородка–клинышек. Однако Щепкин быстро взял себя в руки. Сцепил замком крупные, видать, еще сильные пальцы. Спокойно сказал:

– Извините, немного понервничал… Но сами понимаете, время в Москве неспокойное, анархисты шастают по квартирам, а то и просто бандиты.

Чекисты приступили к делу. Павлуновский подошел к окну. Тронул задвижку – не на запоре. Значит, не исключалось, что до их прихода кто–то выпрыгнул в окно. «Вот для чего Щепкин тянул время, кому–то уйти надо было» – и еще раз выругал себя за упущение.

– Кто ушел от вас через окно? – спросил Павлуновский хозяина.

– Никто, – с достоинством ответил Николай Николаевич. – Если вы по поводу отомкнутого шпингалета, то объяснение простое, самое что ни на есть житейское: проветривал кабинет, потому как спать в духоте не могу.

Артузов подошел к окну. В светлом пятне, отброшенном на землю освещенным окном, выделялись какие–то черные силуэты.

Обыск продолжался. Пока – ничего, что можно было бы хоть в малую вину поставить домовладельцу. И тут запыхавшийся оперативник с наганом в руке ввел в кабинет незнакомого человека, перепачканного уличной грязью.

– Вот задержал, – доложил чекист.

– Кто такой? – спросил Павлуновский. Незнакомец исподлобья метнул взгляд в Щепкина, видимо, искал у него немого приказа – говорить или молчать.

– Документы!

– Могу предъявить, – и незнакомец протянул помятую бумажку.

– Клишин, – прочитал вслух Павлуновский.

А тем временем Артузов расспрашивал домработницу, знает ли она задержанного. Девушка простодушно рассказала, что это племянник господина, недавно вернулся с фронта. Разоблачить деникинского курьера, Георгия Шварца, прибывшего в Москву по подложному документу на имя Клишина, было уже делом несложным.

– Обыск продолжать, все осмотреть самым тщательным образом, – распорядился Дзержинский, до сих пор не вмешивавшийся в действия оперработников, заметно сбавивших активность в обыске. – Не для пустой забавы деники–нец перешел

линию фронта. Он должен что–то унести для деникинской разведки.

Из сказанного главой ВЧК следовало: необходимо найти то, что должен был унести из дома деникинский курьер. Настойчивое продолжение обыска – не расчет на случайность, нет. Щепкин – крупная фигура в лагере контрреволюции, к нему должна стекаться информация. В то же время человек он чрезвычайно осторожный, понимающий опасность и значение конспирации.

Молча сидевший в углу кабинета Щепкин довольно быстро оценил смысл решения Дзержинского и сразу как–то встрепенулся, ехидно проронив:

– Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

– Гражданин Щепкин, в данном случае Чехов вам не помощник, – заметил Артузов, имея в виду, что Щепкин произнес тираду из чеховского рассказа «Письмо к ученому соседу». – Все может быть. И то, что мы ищем, обязательно найдем.

– Ну–ну, ищите. – Скрестив руки на груди, Щепкин смежил глаза, показывая, что весь этот обыск – пустая затея.

Внимательно наблюдавший за поведением Щепкина, за его спокойной уверенностью Артузов понял: обыск в квартире – действительно пустое дело. «То, что интересует нас, надежно спрятано, возможно, в другом месте…» Это стало ясно и Павлуновскому.

– Переходите к осмотру двора, – распорядился он. Дзержинский в знак согласия кивнул.

И сразу Щепкин как–то вжался в мягкое кресло. «Что–то его не устраивает, – подумал Артузов. – Да, надо идти искать во двор».

Первым делом в глаза бросилась разбросанная поленница. Однако разбросанной она казалась только на первый взгляд, а на самом деле подпирала стену сарая. Последовала команда разобрать дрова. Чекисты дружно принялись за дело. В один миг дрова были убраны, обнажилась стена сарая. Одна доска качнулась, и – вот он, тайник. Из него извлекли обыкновенную консервную банку.

– Осмотрите ее, Артур Христианович, – попросил Пав–луновский.

Все вернулись в кабинет. Увидев банку, Щепкин побледнел и опустил голову.

Банку вскрыли, внутри – тонко скрученные листочки, плотные картонки. Артузов быстро просмотрел узенькие полоски бумаги, исписанные мелким почерком. Один из листочков Артузов положил перед Дзержинским:

– Прочтите, Феликс Эдмундович.

Дзержинский взял листок, и брови его гневно сдвинулись, обозначив у переносья глубокую, словно шрам, морщину.

– Что ж, товарищ Артузов, все ясно. Оформляйте протокол. Щепкина – арестовать.

Председатель ВЧК рывком запахнул длинную кавалерийскую шинель и, не взглянув на затрясшегося домовладельца, вышел из кабинета.

Дзержинскому было от чего выйти из себя: в его присутствии чекисты перехватили адресованное Деникину, только что принятое постановление Реввоенсовета республики о сосредоточении фронтовых резервов в районе Тулы. Постановление было секретным, напечатано накануне, а уже нынешней ночью оказалось в квартире Щепкина! Через день–два этот документ уже изучали бы деникинские штабисты, а там не заставила себя ждать и большая беда. Чего только не было в жестянке: изложение плана действий Красной армии в районе Саратова, список ее номерных дивизий, подробное описание Тульского укрепрайона, сведения об артиллерии одной из армий, о фронтовых базовых складах. И записка с таким текстом: «Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы. Прошу в срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб верховного разведывательного отделения… полковнику Хартулари». (Экспертиза впоследствии установила, что депеши были написаны Щепкиным.)

У Щепкина была найдена и фотопленка. На ней – переснятые письма Н. И. Астрова, В. А. Степанова, князя П. Д. Долгорукова – деятелей кадетской партии, окопавшихся в штабе Деникина. В одном из писем говорилось: «Пришло длинное письмо дяди Коки, замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы… Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны».

Так вот каков он, Кока, ННЩ, Николай Николаевич Щепкин{6}. Значит, действительно, в своих руках он держал все нити деникинского шпионажа в Москве. В том числе и ту, что вела к не выявленному пока предателю, засевшему в Реввоенсовете и снабжавшему через Коку деникинский штаб надежной секретной информацией.

Артур Христианович все аккуратно уложил обратно в банку. Опустил ее в карман пальто. Павлуновский бросил сухо:

– Гражданин Щепкин, вы арестованы.

Щепкина увели. В руках контрразведчиков оказалась, как они

предполагали, важная персона с разветвленными связями. Эти связи еще предстояло раскрыть. Дальнейшее следствие установило, что Кока был не только активным организатором кадетского в своей основе Национального центра. Энергичный, несмотря на преклонные годы, Щепкин настойчиво сколачивал, и довольно успешно, все контрреволюционные силы, уцелевшие в Москве.

После Октября буржуазные и мелкобуржуазные партии переживали острейший кризис. У них не было твердого руководства, среди рядовых членов шло брожение. Из обломков этих партий в марте—апреле 1919 года был образован Тактический центр для координации всех действий, направленных на борьбу с советской властью. Кроме Национального центра в Москве существовали еще две крупные контрреволюционные организации: Союз возрождения России и Совет общественных деятелей. Они–то и объединились в Тактическом центре, программа которого носила компромиссный характер. Но все входящие в него организации стремились к тому, чтобы на данном этапе в России установить единоличную власть военного диктатора для наведения в стране «порядка» и разрешения всех экономических и социальных проблем на основе восстановления священного права частной собственности.

В Тактический центр входили: от Союза возрождения России – бывший редактор журнала «Голос минувшего» профессор С. П. Мельгунов, от Союза общественных деятелей – бывшие товарищи (заместители) министра внутренних дел Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев, от Национального центра – Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и князь С. Е. Трубецкой.

При Тактическом центре была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами, которые контрразведчикам еще предстояло раскрыть, причем в кратчайшие сроки.

В области внешней политики программа Тактического центра была проста: не допускать никаких соглашений иностранных держав с РСФСР, просить Антанту оказать материальную и вооруженную помощь белым армиям.

А в одном из писем, изъятых у Щепкина, говорилось: «Передайте Колчаку через Стокгольм: Москвин прибыл в Москву с первой партией груза (имеется в виду колчаков–ский агент, доставивший ННЩ первую денежную посылку. – *Т. Г.),* остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном согласии. Часть эсеров с нами. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его

слабости и повторения истории с Колчаком… Настроение у населения в Москве вполне благоприятное… Ваши лозунги должны быть: «Долой Гражданскую войну!», «Долой коммунистов!», «Свободная торговля и частная собственность!» О Советах умалчивайте… В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна».

Чекисты надеялись, что в ходе следствия у Щепкина удастся узнать больше о замыслах и членах Национального центра. Но у Коки сдали нервы. Дав первые показания на одном из допросов, он с силой ударился головой об угол печки, после чего уже был не в состоянии выговорить что–либо вразумительное. Но основные связи Щепкина все же были нащупаны. Судя по письмам, Национальный центр (а именно он выполнял в тройной упряжке роль коренника) действовал совместно с внешними контрреволюционными силами. Надо было искать и внешние связи.

Во время обычной облавы на Мальцевском рынке в Петрограде милиционеры задержали девочку лет пятнадцати. Она попыталась выбросить револьвер. Естественно, милицию заинтересовало, откуда у нее оружие и для чего. Задержанная оказалась девицей не слишком умной, но весьма экзальтированной. Жоржетта, так ее звали, выложила следователю целый ворох несуразиц. Начала она с того, что револьвер нашла, а закончила тем, что позаимствовала его у папы, чтобы отомстить некоему Полю, или Павлу Ивановичу, за то, что он не отвечает ей взаимностью.

Вся эта чепуха не произвела на чекистов никакого впечатления, кроме… ссылки на папу. Папой Жоржетты оказался бывший французский гражданин, преподаватель французского языка в средней школе, некто Илья Романович Кюрц. Было установлено, что в прошлом Кюрц служил агентом в царской разведке. Однако еще при старом режиме его по весьма основательному подозрению в «двойной игре» от серьезных и секретных дел отстранили.

Сомнительные связи Кюрца вынудили чекистов принять решение тщательно осмотреть его квартиру. При обыске в тайнике был обнаружен архив со шпионскими донесениями и адресами явок. На допросе Кюрц сознался, что он принимал активное участие в белогвардейском заговоре, целью которого было поднять мятеж в Петрограде накануне вторжения в город войск генерала Юденича. К тому же Кюрц работал на офицера английской разведки Поля Дюкса (имевшего несколько кличек – Павел Иванович, Шеф). Где находится Дюкс в настоящее время, Кюрц не знал, но назвал одну из конспиративных квартир,

которой пользовался матерый английский шпион[7]. (Позднее было установлено, что Дюкс уже зимой покинул Петроград, будучи превосходным спортсменом, перешел Финский залив на дырявой лодке.)

В качестве хозяйки квартиры Дюкса Кюрц назвал Надежду Владимировну Петровскую. В июне 1919 года она уже привлекалась чекистами по делу Штейнингера. Однако тогда доказать ее активное участие в контрреволюционном заговоре не удалось. К тому же не верилось, чтобы Петровская, в свое время оказывавшая содействие петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса, перешла на сторону контрреволюции.

Что же касается кадрового английского разведчика Дюкса, скрывавшегося в своих донесениях под псевдонимом ST–25, то его ЧК выявила еще в июне 1919 года. Почти в течение года Дюкс орудовал в Петрограде, снабжая шпионскими сведениями английского генерального консула в Гельсингфорсе (Хельсинки) Люме. Он поддерживал связь с Национальным центром и главой петроградских заговорщиков, бывшим полковником царской армии, а ныне начальником штаба 7–й армии Владимиром Альмаровичем Люн–деквистом.

Современный английский исследователь Филипп Найтли писал: «СИС засылала своих лучших агентов, свободно говоривших по–русски и хорошо знающих страну и ее народ, в Москву и Петроград, предоставив им практически неограниченную свободу действий в создании агентурных сетей, финансировании контрреволюционной деятельности и возможность делать все ради уничтожения большевистской заразы еще в зародыше…

Основными сотрудниками СИС, действовавшими в России, были Сидней Рейли, Джордж Хилл, Сомерсет Моэм, работавший также на американцев, и Пол Дьюкс. Сюда же мы отнесем и Роберта Брюса Локкарта, агента британской дипломатической службы в Москве, который, не будучи офицером СИС, принимал активное участие в ее деятельности в России»[8].

Когда Юденич начал новое наступление на Петроград, Дюкс очень надеялся на помощь контрреволюционных сил, действовавших в тылу оборонявшей город 7–й армии. Его снабжали шпионской информацией вплоть до поставки карт с дислокацией войск Красной армии. Не ограничиваясь этим, контрреволюционеры готовились к активным боевым действиям. С выходом частей Юденича к Петрограду они планировали поднять восстание в городе. Сигналом к выступлению должен был послужить взрыв бомбы, сброшенной с аэроплана на Знаменскую

площадь.

Перед чекистами встала задача обезвредить опаснейший контрреволюционный заговор. Операцию по его ликвидации возглавил приехавший в Петроград Дзержинский. Забегая вперед следует сказать, что силы заговорщиков оказались весьма значительными. По материалам допросов арестованных руководителей контрреволюционеров Владимира Люндеквиста и Бориса Берга, занимавшего должность начальника воздушного дивизиона, а также Ильи Кюрца, на квартире которого собирались заговорщики, чекисты выявили и арестовали более трехсот человек.

Итак, из Петрограда по разным каналам переправлялись шпионские сведения и планы действий контрреволюции. Один из путей проходил через советско–финскую границу. Здесь в очередной перестрелке пограничный патруль убил нарушителя. В каблуке сапога убитого была найдена свинцовая ампула, в которой находились два донесения. Одно – от ST–25, сообщавшего Люме об оборонительных сооружениях красных войск на Карельском перешейке и минных заграждениях на подступах к Кронштадту. Другое – за подписью Мисс, в котором говорилось: «Важное лицо из высокопоставленного состава Красной армии, с которым я знакома, предлагает помочь в нашем патриотическом предприятии». В записке также излагался план мятежа в Петрограде и делался запрос, на каком участке целесообразнее сосредоточить силы заговорщиков. Так чекисты напали на след Мисс. Но они еще не знали, кто скрывается под этим именем. Вскоре, однако, все выяснилось.

На допросе Жоржетта Кюрц, терзаемая муками ревности, в своей несчастной любви винила некую Марию Ивановну, назвав ее «Мисс». Мария Ивановна была намного старше Поля и уж тем более ее, Жоржетты. Чекисты пришли к выводу, что описание внешности Марии Ивановны, данное Жоржеттой, точно совпадает с внешностью Надежды Владимировны Петровской.

На первом же допросе под давлением неопровержимых улик Петровская во всем созналась. Да, это она, Мария Ивановна, Мисс. «Я женщина слабая и поддалась чарам Поля», – рыдая, объясняла Надежда Владимировна свое падение. Петровская ничего не скрывала, даже согласилась оказать чекистам любую помощь. Она вспоминала дома и квартиры в Москве, которые посещала вместе с Дюксом.

В Москве Петровскую допрашивал уже Артузов. Ее привезли на Лубянку. Она теперь не закатывала истерик, понимая, что снисхождение можно заслужить лишь чистосердечным признанием, оказанием помощи следствию.

– Поль возил меня к Сергею Михайловичу, а потом на Чистые пруды, на переговоры с членами какой–то организации, – созналась она на первом же допросе Артузову.

– Адрес Сергея Михайловича?

– Убейте, не помню. Это было вечером, кругом темно. Дом, в который мы зашли, не запомнила. Второй дом тоже не помню.

Артузов по–своему понял значение слов «не помню». «Хитрит, увивается или хочет ввести нас в заблуждение?» Он продолжал допросы Петровской, выясняя все новые и новые стороны ее жизни. Эта уже не первой молодости женщина имела сына, который тоже работал в штабе 7–й армии. Он снабдил Дюкса поддельным удостоверением на имя работника штаба Александра Банкау. Похоже, Петровская действительно питала какие–то чувства к Дюксу и, возможно, была оскорблена его мужским непостоянством и бегством без предупреждения и прощания. И все же главное, что их связывало, – это политическая борьба против советской власти. У Петровской было время подумать, как вести себя на следствии. Однажды (это было уже в феврале 1920 года) Петровская сама предложила Артузову:

– Хорошо бы съездить на Чистые пруды, возможно, я нашла бы дом, в котором мы были с Полем. А хозяина я запомнила, если встречу – узнаю сразу, зовут его Николай Петрович или Николай Николаевич. У него есть премилень–кая собачка, белый шпиц.

Предложение Петровской было заманчивым, но и рискованным: она могла пройти мимо владельца собачки, «не узнав его», и тот бы сразу все понял. Однако Артузов почувствовал, что появился хоть и маленький, но шанс, зацепка, и был доволен, что в ходе допросов Петровской проявил выдержку и такт, чтобы не восстановить ее против себя, а тем самым и против следствия в целом. Он решил рискнуть.

В тот же вечер, примерно в то время, когда владельцы собак выгуливают своих питомцев, Петровскую на автомобиле привезли на Чистые пруды. Они медленно ехали вдоль бульвара, оглядывая гуляющих. На втором круге Петровская тронула плечо шофера:

– Остановите! Вот он! Видите, прогуливается с собачкой? Владельца белого шпица задержали. Им оказался член коллегии Главтопа профессор Николай Николаевич Вино–градский. На первом допросе он категорически отрицал свою связь с Дюксом, возмущался: мол–де задерживают и допрашивают честного человека. Контрразведчикам было над чем задуматься. Может, Петровская, чтобы выиграть время и направить следствие по ложному пути, решила просто скомпрометировать советского работника? Тогда придется немедленно освободить Виноградского и принести ему извинения. Но слишком уж много

совпадений: именно на Чистых прудах очутился человек именно с белым шпицем, а не с собакой какой–нибудь другой породы. К тому же по имени Николай, по отчеству Николаевич…

– Может быть, вы ошиблись и это не он? – в который раз переспрашивал Артузов Петровскую, веря и не веря в возможность столь многочисленных – по трем признакам! – совпадений.

– Он, – настаивала Петровская. – У меня хорошая память на лица, я не могла ошибиться. Помнится, показав Полю какие–то бумаги, он засунул их за картину, которая висит в его кабинете. Загляните туда, возможно, они еще там.

Никаких бумаг за картиной не оказалось. Был лишь пустой конверт с надписью «Сергею Михайловичу». Все встало на свои места. Петровская говорила правду, раньше она уже называла это имя и отчество.

– Посмотрите на конверт и назовите фамилию адресата, – обратился Артузов к Виноградскому.

Профессор вздрогнул, лицо его побледнело. Он понял, что изобличен, и… назвал фамилию одного из руководителей Совета общественных деятелей и Тактического центра – Сергея Михайловича Леонтьева. Затем Виноградский сознался, что был связан с резидентом английской разведки Дюксом.

На очередном допросе арестованный рассказал о записке, в которой давалась подробная характеристика различных сторон государственной и общественной жизни советской республики, составленной Центром для информации стран

Антанты, а также о встречах руководителей организации с приезжавшим нелегально в Москву начальником деникин–ской разведки полковником В. Д. Хартулари и с другими белогвардейскими эмиссарами.

Артузов лишний раз убедился в том, что не существует сколь–либо серьезной контрреволюционной организации, которая не была бы связана со спецслужбой того или иного империалистического государства.

Вернемся к сентябрьским дням 1919 года. Щепкин арестован, но Алферов еще оставался на свободе.

Минула еще одна бессонная ночь. Артур Христианович вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, окунуться в шум центра города, а заодно обдумать детали того дела, которое ему поручено. По мнению Дзержинского, их работа – не ремесло, а искусство. Им приходится иметь дело с людьми очень разными, следовательно, нужно быть тонким психологом. Руководители ВЧК придают огромное значение самостоятельности работников, их инициативе и решительности, но при условии жесткого

соблюдения правила: «Делайте по–своему, но будьте ответственны за результат».

Артузов полностью разделял их мнение. Вот и сейчас, несмотря на очевидность первого успеха, Артузов не забывал, что в Москве еще действует военная заговорщическая организация. О ней на допросе рассказал окружной инспектор всевобуча Павел Маркович Мартынов, арестованный в числе прочих в засаде на квартире Щепкина.

Контрразведчики уже знали, что существует штаб Добровольческой армии Московского района. Предстояло выяснить, кто им руководит. Время подгоняло. До назначенного срока вооруженного мятежа оставались, возможно, счита–ные дни. Тула, правда, не была взята Деникиным, но положение было по–прежнему серьезным.

Другие люди на месте руководителей ВЧК, может, стали бы себя успокаивать предположением, что заговорщики, напуганные арестом Щепкина, откажутся от своих замыслов и постараются исчезнуть или на время затихнуть. Но Дзержинский, обсудивший с Менжинским обстановку в Москве, исходил из обратного: провал гражданского лидера лишь подтолкнет накаленных ожиданием офицеров к решительным действиям. Обреченные на гибель, они могут наделать много бед. Захват столицы, пусть даже на считаные часы, дал бы в руки Деникину сильнейшие политические и военные козыри. Надо было во что бы то ни стало упредить врагов.

Арест Щепкина действительно всполошил остальных руководителей Национального центра, особенно военных из штаба Добровольческой армии Московского района. Они срочно собрались в квартире Алферова, которую чекисты не успели взять под наблюдение, хотя о ней знали из показаний Крашенинникова («…на всякий случай мне дали адрес Алферовых, содержателя и директора гимназии») и из сообщения учительницы Дзержинскому, которой показалось подозрительным поведение директора школы. Чтобы усыпить бдительность соседей, Алферовы распустили слух, будто у них тезоименитство и, возможно, к ним заглянут на чашку чая друзья, ответственные советские работники. (Последнее было чистой правдой – почти все собравшиеся, действительно, были людьми, занимавшими высокие посты.) И вот первый гость. Условный стук – в прихожую вошел начальник артиллерийских курсов Миллер, одетый в кожанку, с маузером в коробке–прикладе на боку. В этой квартире он был своим человеком. Миллер быстро разделся и направился в гостиную. Поклонившись хозяйке и выпив с ее разрешения рюмку водки, он стал ожидать прихода остальных гостей.

Вновь и вновь раздавался условный стук в дверь. Уже пришли бывший полковник Генерального штаба Сергей Иванович Талыпин, казначей Центра Иван Николаевич Тихомиров, братья Алексей Николаевич и Николай Николаевич Сучковы из Высшей школы военной маскировки, другие гости. Ждали главного «стратега» организации, а пока обсуждали острый вопрос – финансовый.

– Деньги – дело наживное, – успокаивал всех Миллер. – Англичане помогут. Получим через Петроград.

– Держи карман шире, – резонно возразил Тихомиров. – В Петрограде крупные провалы. Английские денежки, если таковые и посланы, в любой момент могут оказаться у большевиков.

– Да, господа, не радуют, к сожалению, вести из Петрограда, – подтвердил опасения Тихомирова Алферов. – Деньги, конечно, наше слабое место. Резерв у Щепкина – около миллиона рублей. Этого мало. Но пока не в деньгах дело. Первый же наш успех откроет нам кредиты, думаю, не ограниченные какими–либо условиями. Сейчас гораздо важнее выработать план быстрых и энергичных действий, которые бы привели нас к желанной цели. Для этого необходимо объединить наши силы. Я уверен, что сегодня мы выработаем и утвердим такой план.

– Браво, Алексей Данилович. – Кто–то тихонько постучал вилкой по столу.

Словно в ответ послышался условный стук в дверь. Все замерли в ожидании. Это он – главный «стратег» заговора

Всеволод Васильевич Ступин, бывший подполковник и штаб–офицер для поручений при главнокомандующем Северного флота. Ныне Ступин занимал куда менее заметную должность – начальник 6–го уставного отделения Всеглав–штаба Красной армии.

Лишь самые доверенные лица знали, что именно Ступин вместе с бывшим генерал–лейтенантом Николаем Николаевичем Стоговым стоит во главе штаба Добровольческой армии Московского района. И уж совсем единицам было известно, что бывший начальник Ступина – руководитель оперативного отдела Всеглавштаба бывший генерал С. А. Кузнецов и есть тот самый человек, который снабжал Деникина и Колчака особо ценными секретными документами. Однако собравшиеся не знали, что Кузнецов арестован чекистами.

– Господа, если не возражаете, я вкратце обрисую создавшуюся обстановку, – начал Алферов разговор. – Некоторые наши товарищи заметили по косвенным признакам, что за ними ведется слежка. Следовательно…

– …Следовательно, – подхватил мысль хозяина квартиры

Ступин, – это означает, что ЧК напала на след организации и нам не избежать арестов.

– Каков же выход из положения? – спросил Алферов.

– Выход один – форсировать подготовку восстания. Я кое–чему научился на службе у большевиков.

Слова Ступина были созвучны мыслям каждого, сидевшего за этим столом. И Алферов, и Миллер, и Сучков видели в бывшем подполковнике опору организации, ее надежду. Словно почувствовав это, Ступин с еще большим жаром принялся излагать военный план:

– Обстановка вынуждает нас выступить без промедления. Запомните – срок выступления 21—22 сентября. К этому времени войска генерала Деникина подойдут достаточно близко к Москве.

Голос Ступина набирал силу, он уже не боялся, что его могут услышать соседи. Собравшиеся смотрели на него зачарованно, представляя себе самого генерала Деникина, въезжающего на белом коне в Первопрестольную под колокольный перезвон московских сорока сороков.

Ступин вынул из кармана френча сложенную карту, разложил перед собой:

– Господа, мне было поручено разработать план захвата Москвы. Я вам его доложу. Доложу без уточняющих деталей, поверьте на слово – план разработан на основе выношенного опыта, с учетом требований тактики и стратегического замысла генерала Деникина. Реввоенсовет и ЧК конечно же будут отвлечены главным – не сдать Москву. Все, кто способен держать оружие, уйдут на фронт. Понятно, что в такой момент легче всего овладеть столицей.

Обведя присутствующих близорукими глазами, Ступин замолчал. Он ждал, что последует вопрос о точном времени мятежа. Но всем все было предельно ясно. Офицеры молча одобрили план восстания.

– Начать предлагаю в восемнадцать ноль–ноль, – сказал Ступин.

– Почему в восемнадцать? – засомневался кто–то. – Ведь недаром говорится, что утро вечера мудренее.

– Только в восемнадцать, – настаивал на своем Сту–пин. – Ночь должна стать нашей союзницей. Выступление планирую начать одновременно в городе и за его пределами. Восстания в Вешняках, Волоколамске и Кунцеве должны сыграть вспомогательную роль, они отвлекут силы красных из столицы. Москву я разделил на два боевых сектора. Сходящимися ударами сил двух секторов мы должны сломить разрозненное сопротивление красных войск, укрепиться на линии Садового

кольца и повести оттуда наступление на центр города. Первоочередная цель – захват почты, телеграфа, правительственных зданий. Затем последует штурм Кремля. Конечная цель – арест Ленина и комиссаров.

Центр восточного сектора – Лефортово. Его силами командует Василий Александрович Миллер. Западный сектор – в подчинении полковника Талыпина. Сергей Иванович в первую очередь должен позаботиться о захвате радиостанции на Ходынке, чтобы возвестить всему миру о падении советской власти в Кремле.

Ядро наших сил, господа, – это восемьсот кадровых офицеров. Кроме того, мы можем рассчитывать на некоторые войсковые части и курсантов. Оружия достаточно, оно хранится в трех военных школах, находящихся под нашим контролем, а также в тайниках, разбросанных по всему городу.

У меня все, господа.

Вопросов больше не последовало. Алферов поднялся со стула и на правах хозяина провозгласил тост:

– За удачу, за полное осуществление этого плана, за доблестного полковника Ступина, его автора!

Гости Алферова по одному покидали квартиру, уверенные в своей удаче. Они не могли знать, что в ЧК в эти часы вырабатывается контрплан, основные идеи которого были предложены Дзержинским.

Ночью супруги Алферовы были арестованы.

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Еще 12 сентября Щепкин признал на допросе, что найденные у него записи продиктованы им и предназначены для отправки в штаб Деникина. Но связь с какой–либо военной группой он отрицал. Однако из тех же документов было ясно, что такая связь существует. И это вскоре было доказано. В доме Щепкина кроме Мартынова и Шварца был задержан А. А. Волков – профессор института путей сообщения, оказавшийся дешифровщиком указаний, поступавших из штаба Деникина.

На допросе Мартынов подтвердил, что Национальный центр непосредственно связан со штабом Добровольческой армии Московского района, которая считает себя частью Добровольческой армии Деникина и, естественно, построена по военному принципу. Участники заговора разбиты на подразделения, есть и разведка. В организации поддерживаются воинская дисциплина и порядок. Мартынов дал и такое весьма ценное показание: вооруженное выступление в Москве намечено на вторую половину сентября. Больше он ничего не знал.

Кто возглавляет штаб Добровольческой армии Московского района? Каковы его силы? Из каких источников Деникин получает информацию о Красной армии? Все это предстояло выяснить Особому отделу ВЧК.

В один из тревожных сентябрьских вечеров председатель ВЧК вызвал к себе Менжинского, Павлуновского, Артузова и других руководящих работников:

– Здравствуйте, товарищи! Садитесь. Вот взгляните… На столе лежал листок, испещренный цифрами, – плод раздумий председателя. Менжинский и Артузов быстро пробежали глазами записи, обратив внимание на итог: один к десяти.

– Надеюсь, вы поняли смысл этого соотношения?

– Как не понять, Феликс Эдмундович, – ответил Менжинский. – Мы тоже занимались подобными расчетами и пришли примерно к такому же выводу. Сегодня в Москве наших сил мало – все, кто мог, ушли на деникинский фронт. Белогвардейцев в столице окопалось раз в десять больше, чем бойцов в гарнизоне. Они, безусловно, ждут подходящего момента, чтобы выступить против советской власти. Такой момент наступит, когда Деникин подойдет к Туле. Наши расчеты совпадают с оперативными данными.

– С вашей оценкой сложившейся ситуации вполне согласен, – убирая листок, проговорил Дзержинский и устало сел.

Все эти дни председатель ВЧК спал лишь урывками – не

позволяла обстановка. Посерело от переутомления лицо, черты его заострились, глаза лихорадочно блестели.

Председатель ВЧК сообщил о последнем разговоре с председателем Совнаркома Лениным, дал конкретные указания о нанесении удара по окопавшимся в Москве контрреволюционерам.

– Удар по Национальному центру, штабу Добровольческой армии Московского района, другим организациям и военным группам заговорщиков должен быть нанесен одновременно, – излагая суть оперативного плана, говорил Дзержинский. – Разрозненные аресты лишь вынудят противника или уйти в более глубокое подполье, или преждевременно выступить. И то и другое нам никаких выгод не сулит. Удар к тому же должен быть не ответным, а упреждающим.

Да, действительно, надежных, верных войск в Москве в тот момент было немного – основные силы были на фронте в районе Курска. Главные надежды ВЧК возлагала на дислоцированные в Кремле пулеметные курсы, сформированные из бывших унтер–офицеров.

Опорой контрреволюции были военные школы: Пехотная, Высшая школа военной маскировки, Окружная артиллерийская, Броневая. В одной только Маскировке окопались несколько десятков контрреволюционно настроенных офицеров.

Перед чекистами – непосредственными исполнителями плана председателя ВЧК – встал вопрос: с чего начать? В создавшейся обстановке промедление было смерти подобно. Офицеры могли выступить со дня на день. Срочно были приняты некоторые меры для их нейтрализации. Руководители операции, конечно, понимали, что офицерского мятежа не предотвратить, в лучшем случае можно лишь ослабить. Необходимо было найти честных людей и с их помощью добраться до верхушки заговорщиков.

Такие люди, конечно, были. Чекисты всегда стремились поддерживать тесные связи со всеми честными людьми, в том числе и лояльно настроенными военными специалистами, бывшими офицерами и даже генералами старой русской армии. И на этот раз руководство ВЧК не мыслило проведение операции без помощи преданных советской власти людей. Кое–какие подходы к офицерской среде уже наметились. Но оперативного материала пока было недостаточно. Однако вскоре в их руках оказалась нить, которая привела к одному из главных руководителей заговора.

Артузову позвонили из комендатуры.

– Военный, кажется, доктор, хочет непременно увидеть товарища Дзержинского. Приходит второй раз. Пускать или не

пускать?

Сердце екнуло от предчувствия.

– Задержите доктора до моего прихода.

Через несколько минут Артузов уже беседовал в своем кабинете с молодым еще человеком в хорошо подогнанной военной форме, с выправкой кадрового офицера.

Артузов представился и спросил:

– Что вас, уважаемый доктор, привело к нам? – Он уже знал, что неожиданный посетитель действительно военврач, в настоящее время – начальник медсанслужбы Окружной артиллерийской школы.

Вздохнув, доктор просто ответил:

– Совесть…

– Слушаю вас.

– Мне бы хотелось встретиться с председателем ВЧК.

– Это вполне возможно. Но мне нужно знать, по какому поводу вы добиваетесь такой встречи? Товарищ Дзержинский – чрезвычайно занятой человек. Может быть, я смогу быть вам полезным?

– Видите ли, я оказался в двусмысленном положении. С одной стороны, я – врач Окружной артиллерийской школы и не должен выносить, как говорится, сор из избы. С другой стороны… Словом, дело в том, что по слабости характера я позволил втянуть себя в сомнительную офицерскую организацию, выступающую против Советов.

– Вот как? – удивленно вскинул брови Артузов. – И что же это за организация?

Видимо, признание нелегко давалось сидящему перед чекистом военному.

– Организация офицерская, – с усилием выдавил он наконец, – действует в нашей артиллерийской и других школах. Совесть не позволяет мне молчать…

Артузов мягко заметил:

– В таком случае вы должны нам помочь ликвидировать организацию, которая выступает против народа, против советской власти. Кто ее возглавляет?

Доктор замялся:

– Я пришел к вам как на исповедь, а вы толкаете меня на это самое… На фискальство.

Артузов понимал собеседника: в то тревожное время подобные взгляды были типичны для определенной части интеллигенции, и переубедить доктора будет нелегко. Утешало одно: он, Артузов, имеет дело с порядочным человеком, искренне симпатизирующим советской власти. В конце концов, сообщение

об организации в артиллерийской школе – уже конкретный факт, опираясь на который, можно работать.

– Так я пойду, – неожиданно заторопился доктор. Артузову необходимо было задержать его хотя бы на несколько минут. Может, он еще скажет что–нибудь важное?

– Вы же хотели встретиться с товарищем Дзержинским?

– Я предвижу, что он мне посоветует. Я так и поступлю, выйду из организации.

«Господи, – подумал Артузов, – святая простота! Он полагает, что его благородные коллеги–офицеры так и позволят ему добровольно уйти от них. Его же убьют!»

– В таком случае я вас не задерживаю и лишь хочу от имени ВЧК поблагодарить за то, что вы пришли к нам. Ваш приход я расцениваю как доверие к ВЧК со стороны интеллигентного человека. И еще вот что… От себя лично позволю дать совет: не стоит рассказывать сослуживцам о визите к нам и распространяться о своем выходе из организации.

В глазах доктора мелькнула растерянность, похоже, он понял обоснованность предупреждения. Артузов не был назойлив. Уговаривать доктора не стал, понимая, что тот больше ничего не расскажет. И все же Артур Христианович надеялся, что разбуженная совесть доктора, возникший в душе внутренний конфликт заставят его сделать следующий, более решительный шаг к установлению истины. А пока спасибо ему и за то, что сообщил об организации.

Доктор какое–то время нерешительно топтался на месте, потом надел фуражку и собрался выйти из кабинета. Но на пороге остановился в задумчивости.

«Терзается, – подумал Артузов, – что–то еще хочет сказать».

– Я вам все–таки советую встретиться с товарищем Дзержинским, – произнес он, рассчитывая, что с председателем ВЧК посетитель будет более откровенен.

Дзержинский принял доктора. В его кабинете военврач разговорился, весьма нелестно говорил об одном из руководителей организации:

– Играет в будущего диктатора Москвы, белая кость! Вроде бы невзначай и вне связи с контрреволюционной организацией военврач упомянул фамилии двух начальников окружных военных школ: артиллерийской – Миллера и маскировки – Сучкова. Дзержинский сделал вид, что он так и не понял, проговорился доктор случайно или назвал фамилии намеренно, но в такой форме, чтобы не выглядеть перед ним доносчиком.

В руках чекистов оказались уже вполне реальные имена – Миллер и Сучков. Начинать надо с Миллера. Как–никак в

распоряжении начальника артиллерийской школы были не маскировочные средства, пускай и с многочисленной обслугой, а самые настоящие орудия с основательным запасом снарядов.

Не теряя времени, чекисты установили наблюдение за предателем. Они узнали, в частности, что недавно Миллер просил заместителя председателя Реввоенсовета республики Эфраима Склянского выделить для школы еще одну батарею скорострельных орудий, а ему лично – мотоцикл с коляской. РВС его просьбу пока не рассматривал. Узнав об этом, Дзержинский подумал: «А что, если дать ему этот мотоцикл, разумеется, с нашим водителем в придачу?»

Связались со Склянским, и тот отдал необходимое распоряжение. Вскоре перед начальником артиллерийской школы предстал красноармеец, облаченный в кожаные галифе, куртку и шлем с огромными очками–консервами. Из кожи были и сверкающие, словно начищенные ваксой, раструбы перчаток.

– По распоряжению Реввоенсовета красноармеец Сергей Кудеяр прибыл в ваше распоряжение! – отрапортовал он Миллеру.

(На самом деле водитель был оперработником ВЧК.)

Артузов уже знал, что Миллер – человек не очень большого ума, но непомерного честолюбия. Персональный мотоцикл с коляской – тогда большая редкость – для такого, как Миллер, прежде всего дело престижа. А когда речь идет о личном престиже, тут уж не до бдительности. Все выглядело настолько естественно, что не вызвало у Миллера никаких подозрений.

Кудеяр стал возить Миллера и быстро вошел к нему в доверие. Ездил начальник артиллерийской школы много – по всей Москве и пригородам. А водитель был безотказен, не жаловался на усталость, был в меру услужлив. Он аккуратно возил своего пассажира и запоминал адреса, где ему приходилось бывать вместе с начальником школы, лица и фамилии людей, с которыми тот встречался. В предельно короткий срок у ВЧК накопилось множество данных о связях Миллера.

Некоторые из ответственных работников ВЧК склонны были немедленно начать аресты наиболее активных офицеров, но председатель был против: аресты одиночек мало что дадут, надо разгромить белогвардейцев одним мощным ударом, нанесенным в благоприятный момент.

К этому времени военврач артиллерийской школы активно включился в чекистскую операцию, помог установить главных руководителей боевых групп Ходынского, Замоскворецкого и других районов, а также центрального штаба, находившегося в квартире Ступина.

Теперь Артузову необходимо было выяснить, каковы конкретные планы и намерения штаба. Для этого нужно было раздобыть штабные документы. Конечно, для проникновения чекистов в штаб требовалось время. И Артузов с разрешения Павлуновского решил «заглянуть» на квартиру Ступина сам.

На другой день Ступин сообщил своим друзьям:

– Кто–то побывал у меня дома, наверное, анархисты балуются. Вино искали, а его запас у меня давно иссяк. Слава богу, все документы целы.

Из документов штаба чекисты узнали планы белогвардейцев во всех деталях. В их руках оказалось даже подготовленное воззвание заговорщиков к населению с призывом не оказывать сопротивление деникинским войскам, арестовывать коммунистов.

ВЧК выявила все главные силы, которыми располагал штаб заговорщиков. Они сосредоточивались в трех военных школах. Кроме того, изрядное количество офицеров осело в некоторых районах Москвы.

Артузов и его сотрудники хорошо изучили распорядок дня школ (он пунктуально соблюдался). Один из его пунктов привлек внимание особистов. Командиры и слушатели артиллерийской школы регулярно занимались гимнастикой. Решено было использовать очередной выход всех курсантов на гимнастический урок для разоружения и ареста офицеров–заговорщиков. Артузов попросил комиссара школы очередное занятие по гимнастике под предлогом плохой погоды провести не во дворе, а в манеже. Ничего не подозревая, первыми вошли в помещение офицеры. Как обычно, сложили оружие, разделись, построились, но… урок не состоялся. У дверей манежа мгновенно было выставлено два пулемета. Кто–то вскрикнул в отчаянии, кто–то громко клял себя, что так глупо попался в руки ЧК. Но одно поняли все – сопротивление бесполезно.

В ходе следствия Артузов узнал много нового о планах штаба заговорщиков. С падением Тулы их артиллерия должна была обстрелять Кремль. Офицерской диверсионной группе из двадцати человек предписывалось взорвать железнодорожные мосты, чтобы не допустить подвоза красных войск к Москве. Другой группе офицеров поручалось вывести из строя связь Реввоенсовета с фронтами и Кремля с ВЧК.

Следствие показало, что кое–кто из белогвардейских офицеров остался на свободе. На плане–схеме с зашифрованными обозначениями дислокации белогвардейских сил в Москве буквой «Ф» была помечена артиллерийская позиция. Что или кто за ней скрывается? Просмотрели поименный список комсостава округа. На букву «Ф» в числе прочих командиров значился некий

Флейшер, имеющий в своем распоряжении артбатареи. Но причастен ли он к заговору? Флейшер жил на Ходынке. На рассвете один из особистов через окно пробрался в его квартиру и растормошил хозяина.

– Что, уже началось? – спросонья спросил Флейшер, видимо, приняв нежданного гостя за связного от Миллера. И тут же прислушался: где–то звонил колокол. Флейшер перекрестился, стал натягивать галифе, приговаривая: – Ну, держитесь, господа большевички, сейчас мы вам всыплем по первое число.

Одевшись, Флейшер вытащил из–под матраса схему Москвы и Кремля. Тут же он и был арестован.

19 сентября арестовали и Миллера. Оказавшись под стражей, этот самонадеянный человек, мнивший себя одним из будущих правителей Москвы, мигом утратил всю свою былую спесь, повел себя как жалкий трус, думающий лишь о том, как спасти свою шкуру.

Менжинский и Артузов молча слушали его излияния. Наконец Вячеслав Рудольфович, которому, видно, надоел этот балаган, кивнул Артузову. Тот подошел к двери и отворил ее. В следственную камеру Бутырской тюрьмы вошел Кудеяр. На сей раз он был одет в свою настоящую форму. И Миллер все понял. Тут же, даже не смутившись, заявил:

– Лучше быть пять минут трусом, чем мертвым героем. Дайте мне бумагу и карандаш, я сам напишу показания.

Заключительный допрос Миллера (уже в ноябре) провел председатель ВЧК. Сохранилась его запись в протоколе: «Сегодня, 23. IX, Миллер мне рассказал, что они строили планы, как захватить Ленина в качестве заложника против красного террора… И для этой цели держать его в каком–нибудь имении вне Москвы. *Ф. Дзержинский».*

Обыск в квартире Алферова провели еще в ночь на 29 августа член коллегии ВЧК Варлаам Александрович Аванесов и сотрудник Особого отдела Федор Тимофеевич Фомин. Ночь на исходе, все осмотрено, но ничего компрометирующего не обнаружено. Аванесову не верилось, что Алферов, входивший в руководство Национального центра, не хранил у себя никаких документов. Перед Аванесовым росла груда книг, старых газет и журналов, частных писем. Внимательно, но – увы! – пока безрезультатно он просматривал их. Вдруг в кармане старых брюк хозяина дома Фомин нашел его записную книжку. Аванесов перелистал ее, встряхнул в надежде что–нибудь обнаружить. Алферов и бровью не повел: опытный конспиратор, с выдержкой.

Аванесов стал изучать записи. Остановился на листке, где, похоже, Алферов вел учет своих должников.

– «Виктор Иванович – 452 руб. 73 коп., Владимир Павлович – 453 руб. 23 коп., Сергей Петрович…» – читал вслух Аванесов, искоса поглядывая на хозяина.

Тот почему–то напрягся, изменился в лице. Варлаам Александрович понял – в этих записях кроется какая–то тайна, которую Алферов вряд ли сам откроет. К этому моменту чекисты обыск прекратили и ждали дальнейших распоряжений.

– Возобновите обыск, – после некоторого раздумья приказал Аванесов. «Подряд все смотрим, – подумал он, – а надо бы выборочно». И он взялся за тщательное и последовательное изучение тех предметов, которыми Алферов пользовался повседневно. Простукал коробочки на письменном столе, поднял покрывавшее его зеленое сукно, осмотрел папиросницу – ничего. Развинтил малахитовое пресс–папье, и вдруг из–под его тяжелой крышки выпал крохотный листок папиросной бумаги. Стал читать – бисерным почерком выведены какие–то имена и фамилии. Алферов заерзал на стуле.

Аванесову пришло в голову сравнить инициалы, выведенные на листке, с записями в книжке. Может быть, между ними есть какая–то связь? Некоторые инициалы совпали.

Наблюдая исподлобья за действиями Аванесова, Алферов не замедлил вмешаться:

– Это мои карточные должники. Задолжали за преферансом, очень азартно играют.

– Зачем же так далеко прятать список?

– Вы же мужчина, знаете, как жены относятся к деньгам и картам.

– Ну, ну… Все понимаю…

«Цифры, цифры долга, что они могут означать? Они мертвы, сухи. Может быть, их сделать еще суше? Отнять „руб.“ и „коп.“? Слить воедино? Что получится?»

Раздался резкий телефонный звонок. Кто–то тревожил Алферова в столь ранний час. Аванесов снял трубку. Телефонистка извинилась – ошиблась номером. И тут Аванесов встретился взглядом с загоревшимися глазами Фомина. Догадка осенила их одновременно. Варлаам Александрович вернулся к аппарату, покрутил ручкой. Телефонистка тут же ответила.

– Барышня, соедините меня с номером 4–52–73. Попросите Виктора Ивановича.

Через полминуты в трубке загудел чей–то заспанный бас:

– Я слушаю.

– Извините, Виктор Иванович, я сосед Алферовых, звоню по их просьбе. С Алексеем Даниловичем плохо, сильный сердечный приступ. Не можете ли вы срочно приехать к нему? Он хочет вам

что–то передать.

– Выезжаю, ждите…

Через полчаса таинственный Виктор Иванович оказался в руках чекистов. Так же были взяты Владимир Павлович, Сергей Петрович и многие другие члены Национального центра. Труднее оказалось поймать Ступина. Он постоянно менял место своего пребывания: то останавливался у кого–либо на даче, то жил на квартирах знакомых. Задержали его в маленькой гостинице одного подмосковного городка лишь 19 сентября.

Наконец, позднее других заговорщиков, в засаде на квартире Алферовых был задержан молодой мужчина, стройный, подтянутый, в ладно сидящей командирской форме. Выяснилось, что задержанный – некто С. В. Роменский – является помощником управляющего делами Военно–законодательного совета при Реввоенсовете республики. При обыске на квартире Роменского нашли планы Москвы и Петрограда с пометками синим и красным карандашами, обозначающими важные объекты и места дислокации воинских частей.

На допросе выяснилось, что Роменский, юрист по образованию, до революции был секретарем Особого совещания по обороне государства, при Временном правительстве был прикомандирован к канцелярии военного министерства, оставаясь в прежней должности. Выторговывая жизнь, Ромен–ский сообщил, что секретные документы получал от председателя Военно–законодательного совета бывшего генерала Н. А. Бабикова. Эти данные также присутствовали в сводках, которые составлял, а затем передавал белым Щепкин.

18 сентября 1919 года Дзержинский доложил на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) о мероприятиях ВЧК по разгрому заговорщицких организаций. 19—20 сентября ВЧК арестовала всех основных руководителей заговора. 21 сентября Дзержинский доложил ЦК партии о ликвидации готовившегося в Москве восстания белогвардейцев.

23 сентября 1919 года в «Известиях ВЦИК» появилось обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу разгрома Национального центра и опубликован список 67 главных заговорщиков, приговоренных военным трибуналом за измену и шпионаж к расстрелу. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев и рабочих московских заводов арестовали около 700 участников контрреволюционных организаций, главным образом бывших кадровых офицеров*.

Три дня. Да, столько длилась завершающая часть операции по ликвидации Национального центра и штаба Добровольческой армии Московского района.

И еще одним запомнятся Артуру Христиановичу эти напряженные дни и недели осени 1919 года: 13 сентября у него и Лидии Дмитриевны родился их первый ребенок – девочка, названная в честь матери Лидой. В их семье будут еще дети – 19 декабря 1920 года на свет появится вторая дочь Нора, а 18 декабря 1923 года – сын Камилл.

ПОЛЬСКИЙ УЗЕЛ

Новый, 1920 год Артур Христианович Артузов встретил в своем кабинете на пятом этаже дома 2 на Лубянской площади уже ветераном Особого отдела ВЧК. Да–да, именно ветераном, потому как служил в отделе почти со дня его основания, хотя и прошел с той поры всего–навсего год с небольшим, да и ему самому не исполнилось еще и тридцати.

За восемьдесят с лишним лет своего существования органы государственной безопасности России меняли свое название – от романтического ЧК до нынешней аббревиатуры ФСБ – раз пятнадцать. Но в народе, да и в самом ведомстве, их до сих пор называют одним словом – «Лубянка». (Точно так же по сей день их кадровых сотрудников по–старинному именуют «чекистами».)

Названия, производные от слова «Лубянка», в Москве носили площадь, две улицы и проезд в самом центре столи{9}цы, в полуверсте от Кремля. Однако с марта 1918 года это слово рождает, и тут уж ничего не поделаешь, ассоциации, ничего общего с топонимикой не имеющие…

В этом звонком, чисто московском названии с той поры смешались и гордость, и горечь, и великие подвиги, и кровавые преступления, коим нет оправдания. Ни одно другое географическое название в богатейшем русском языке не вместило в себе всю славу и трагедию более чем семидесятилетней истории Советского государства – ныне не существующего СССР. Увы… Из истории, как из песни, ни слова, ни события, ни года не выкинешь.

Упоминает об этом автор не для оправдания своего героя, который, по его глубокому убеждению, в том и не нуждается, а лишь для разъяснения того, что имело место в далеком ныне нашем прошлом, а могло бы и не иметь, если бы…

Но история, как известно, сослагательного наклонения не знает. Автора, хоть и слабо, утешает тот факт, что герой настоящего повествования – Артур Христианович Артузов причастен лишь к героическим делам отечественной контрразведки и разведки.

Но почему все–таки «Лубянка»?

По одной версии, этот район Москвы получил такое название от слова «лубок» – именно здесь изготавливали и продавали по копеечной цене чрезвычайно популярные в простом народе картинки с нравоучительными подписями – «лубочные». По другой, прямо противоположной, версии сами картинки получили название от Лубянской площади, улиц Большая и Малая Лубянка,

а также Лубянского проезда, где зародилось их массовое кустарное производство.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была образована постановлением Совета народных комиссаров 7(20) декабря 1917 года. Примечательно, что первоначально в ней не имелось каких–либо служб по выявлению и пресечению иностранного шпионажа. Действовала ВЧК только в Петрограде и губернии. Из–за начавшейся Гражданской войны и интервенции примерно с марта 1918 года чрезвычайные комиссии стали создаваться в других губерниях и уездах. Вначале ВЧК размещалась в знаменитом с царских времен доме 2 по Гороховой улице. После переезда правительства в Москву в этом здании осталась ПетроЧК.

В Первопрестольной ВЧК обрела свой главный адрес не сразу.

Страховое общество «Россия» было в империи одним из наиболее крупных и надежных. Центральное его правление, понятно, находилось в Петербурге, но своими делами оно активно занималось и в Первопрестольной. В 1894 году общество приобрело в Москве участок площадью 1110 квадратных саженей со всеми постройками. Числился оный участок сразу под тремя адресами: номер 2 по Большой Лубянке, номер 1 по Малой Лубянке и номер 2 по Лубянской площади. Все постройки за ненадобностью были снесены, а на образовавшемся месте и прикупленном по случаю еще одном участке по другую сторону Малой Лубянки, выходящей к Лубянскому проезду, в 1897—1902 годах были возведены два доходных здания: одно громадное, пятиэтажное, едва ли не самое большое в тогдашней Москве, в редком стиле североевропейского Возрождения, и второе – гораздо меньше, частично в четыре и частично в пять этажей.

В большом доме – за ним и сохранился номер 2 по Лубянской площади – расположилось (за немалую арендную плату) множество торговых заведений: книжный магазин Наумова, магазины швейных машин Попова и готового платья Хаустингенца «Универсальный базар», гнутой мебели Лютера, Британского библейского общества, хрусталя и стекла знаменитых мальцевских заводов и даже пивная лавка Васильевой и Воронина. На втором этаже помещения арендовали конторы пароходства «Самолет», Восточного общества торговых складов и пр. Здесь же было и московское представительство самого страхового общества «Россия». Третий, четвертый и пятый этажи занимали роскошные квартиры. Их насчитывалось всего два десятка. В каждой было от четырех до девяти комнат. Снимать такие апартаменты, разумеется, было по карману лишь очень состоятельным людям. В меньшем доме также

располагались конторы, в том числе знаменитого пароходства «Кавказ и Меркурий», и несколько квартир.

Первоначально по переезде вместе с правительством в Москву ВЧК заняла довольно скромное здание на Большой Лубянке (угол с Варсонофьевским переулком) в три этажа, в котором ранее размещались страховая компания «Якорь» и известная лондонская фирма «Ллойд». В соседнем доме устроили клуб ВЧК, позднее здесь же часть помещений заняло правление первого в нашей стране добровольного спортивного общества «Динамо».

Однако Особый отдел с самого начала поселился в доме 2 по Лубянской площади. Остальные отделы и службы перебирались сюда постепенно, по мере освобождения здания от контор и переселения старых жильцов. Со временем в этом, как мы сегодня говорим, «микрорайоне», охватывавшем довольно много небольших строений, разместились различные службы ВЧК, МЧК, НКВД, Ревтрибунала. Здесь же поселились, в основном в коммунальных квартирах, многие сотрудники этих учреждений.

В конце 20–х – начале 30–х годов здание дома 2 было расширено и реконструировано. К его северной части пристроили новое здание.

Знаменитую Внутреннюю тюрьму в доме 2 устроили в 1920 году. Разместилась она на двух этажах внутренней части здания. При реконструкции тюрьму надстроили еще на четыре этажа. Размеры камер Внутренней тюрьмы составляли в основном семь шагов в длину и три в ширину. В них стояли четыре железные кровати. Устроить прогулочные дворики во дворе–колодце как старой, так и новой тюрьмы было невозможно: для них не было места. Потому шесть прогулочных двориков с высокими стенами располагались на крыше нового здания.

Никаких «расстрельных» подвалов и собственного крематория (как настаивает многолетняя легенда) во Внутренней тюрьме не имелось. Строго говоря, Внутренняя тюрьма не была собственно тюрьмой, а следственным изолятором. Арестованных содержали здесь недолго, лишь для допросов, и только по серьезным делам. Затем их переправляли в другие тюрьмы, главным образом Лефортовскую и Бутырскую, много позднее – в секретную Сухановскую{10}.

* * *

1920–й стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые

действия продолжались еще два долгих года. Завершилась война полной победой советских войск. Это если говорить о войне Гражданской в прямом смысле данного слова. Но в тех же временных рамках проходили «локальные» военные действия против интервентов – немцев, англичан, японцев и прочих. Некоторые из них по масштабу вполне можно назвать самостоятельными войнами. К таковым относится советско–польская война 1920 года. Известна она, во–первых, как война упущенных для советской России и ее вооруженных сил возможностей. Достаточно напомнить, что еще чуть–чуть – и была бы взята Варшава. Во–вторых, тем, что она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная армия проиграла. А потому отдаленные последствия этого поражения (как и упущенной победы, что, впрочем, одно и то же) аукаются нашей стране и поныне.

Готовить армию Польши (тогда у нас ее называли непременно с эпитетом «панская») страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневиков, триста самолетов, уйму прочего военного снаряжения – по тем временам весьма впечатляющее количество. К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. От перебежчиков Особому отделу ВЧК стало известно, что в Польшу из Франции была переброшена 70–тысячная армия генерала Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков–эмигрантов. Противостоящие им советские армии Западного и Юго–Западного фронта насчитывали всего около 65 тысяч бойцов.

Боевые действия начались для поляков успешно. В первые же недели наступления они захватили Житомир, Коро–стень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК партии большевиков вынуждены были принять экстренные и энергичные меры, чтобы защитить страну от опасности новой интервенции. Была объявлена срочная мобилизация в действующую армию коммунистов и комсомольцев. На польский фронт потянулись эшелоны с живой силой, артиллерией, боеприпасами. В политорганы обоих фронтов было направлено около десяти тысяч партийцев, в том числе и занимавших крупные посты. Так, членом Реввоенсовета Юго–Западного фронта был назначен Сталин, начальником тыла того же фронта – Дзержинский (с сохранением за ним должности председателя ВЧК).

Нет смысла описывать весь ход этой трагической военной кампании. Достаточно напомнить, что полки Красной армии не только освободили захваченную поляками территорию Украины и Белоруссии, но едва не взяли Варшаву. А потом произошло то, чему польские историки дали громкое название «Чудо на Висле», и по–своему они были правы.

По совокупности многих причин, в том числе и по прямой вине Сталина, части Красной армии, прежде всего знаменитая Первая конная армия Буденного, были отброшены почти на первоначальные позиции по всему фронту, понес ли серьезные потери. Победоносно завершающаяся война обернулась тяжелым поражением. Вернуть утраченные территории Западной Украины и Западной Белоруссии Советскому Союзу удалось лишь через девятнадцать лет.

Для борьбы со шпионами и диверсантами в действующей армии в помощь армейским чекистам были направлены практически все руководящие работники ВЧК, в первую очередь Особого отдела. Судя по сохранившимся в архивах ФСБ документам, Артур Артузов выезжал на польский фронт по меньшей мере трижды. Есть смысл привести эти документы целиком – в них язык, стиль и дух той, уже далекой, эпохи. Со времен революции в нашу речь вошло слово «мандат», резкое, словно револьверный выстрел. Мандат – это ответственное поручение органа власти своему сотруднику, с точным указанием поставленных перед ним задач и подробным перечнем данных ему полномочий (как правило, чрезвычайных). Даже сам язык мандатов вызывает почтение к их обладателям.

«МАНДАТ РСФСР

Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с к. – р., спекуляцией и преступлениями по должности при Совете Народных Комиссаров Управление Особого отдела 10 мая 1920 г. № 21723
Предъявитель сего, тов. Артузов Артур Христианович, особоуполномоченный Всероссийской чрезвычайной комиссии и управления Особого отдела, командируется на Западный фронт для организации особых отделов, инструктирования их, согласно общим правилам и положениям, непосредственного руководства их работой и согласования деятельности РТЧК, Губчека и Особых отделов фронтов и армий.

Тов. Артузову предоставляется право увольнения и назначения начальников и сотрудников местных органов Особого отдела ВЧК по своему усмотрению, а также, в случае обнаружения злоупотреблений и упущений, право ареста их и предания суду.

Тов. Артузову предоставляется право свободного посещения всех мест заключения, допроса арестованных, пересмотра дел и т.

д.

Тов. Артузову предоставляется право производства обысков, облав и арестов по своему усмотрению.

Все военные и гражданские учреждения и лица обязаны оказывать тов. Артузову полное и всемерное содействие выполнению возложенных на него обязанностей.

По служебным обязанностям тов. Артузову предоставляется право внеочередного пользования всеми средствами передвижения, а также право пользования телеграфом и прямым проводом и всеми иными средствами связи вне очереди. Зам. председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии *Ксенофонтов*{11} Зам. председателя Особого отдела ВЧК *Менжинский* Управляющий делами Особого отдела ВЧК *Ягода».*

Через два с половиной месяца Артузову был выдан аналогичный мандат за номером 16268 для командировки с таким же заданием уже на Западный и Юго–Западный фронты, главным образом для ознакомления с деятельностью особых отделов названных фронтов и их органов.

А вот еще один мандат, особый, существенно отличающийся от предыдущих двух уже тем, что на нем стоит гриф «Секретно».

«Действительно по 8 августа 1920 года Управл. делами 9 июля 1920 г.

МАНДАТ

Предъявитель сего, особоуполномоченный Особого отдела ВЧК тов. Артузов Артур Христианович, командирован на Западный фронт для производства следствия по делу польского шпионажа.

Тов. Артузов имеет право сношения по прямому проводу шифром и право пользования всеми средствами передвижения, не исключая и воинских поездов, экстренных и резервных паровозов.

Все советские учреждения, особые отделы и ЧК обязаны оказывать тов. Артузову самое широкое содействие при исполнении возложенных на него служебных обязанностей».

На этом мандате, как и на двух предыдущих, стоит подпись Ягоды – уже заместителя председателя Особого отдела ВЧК! Вот так, пока Артузов рос как профессионал–контрразведчик, выполняя сложные и ответственные оперативные задания, подчас рискуя жизнью, его бывший «партнер по кройке штанов» подымался по служебной лестнице, пользуясь огромным авторитетом в партии своего уже покойного родственника Свердлова.

Подписал мандат Ягода, но само задание Артузову сформулировал Менжинский. Так уж сложилось в руководстве: Ягода с удовольствием занимался административными и

хозяйственными вопросами отдела, но в сугубо оперативные дела предпочитал пока не встревать, да его к ним до поры до времени особо и не привлекали.

– Польский шпионаж сегодня – это очень серьезно, Артур Христианович, – подчеркнул в разговоре с Артузо–вым Менжинский, назначенный 20 июля председателем Особого отдела. – Московский эпизод это подтверждает, но он же открывает перед нами и определенные, весьма перспективные, на мой взгляд, возможности. По данным особых отделов фронтов и армий, военная разведка у поляков поставлена вполне квалифицированно. И это не может не тревожить наших военных. Ни для кого в Европе не секрет, что поляки воюют не на свои, а на французские и английские деньги.

– На свои им такую армию не вооружить, – согласился Артузов.

– Вот именно. И расплачиваются они со своими кредиторами не только военными успехами, но и шпионской информацией. Уверен, польские разведчики в России одновременно являются агентурой Сикрет интеллидженс сервис и, как там она у французов называется? Запамятовал…

– Второе бюро, – улыбнувшись, подсказал Артузов, подумав: вряд ли Вячеслав Рудольфович может что–либо «запамятовать», просто «раскачивает» собеседника для разговора.

– Англичане и французы посерьезнее поляков, – продолжал Менжинский, – музыку сегодня заказывают они и еще долго будут дирижировать. Поэтому так важно как можно скорее покончить с их фактической агентурой. Хотя полагаю, что сами разведчики Речи Посполитой могут и не подозревать, что работают не только на свою страну, но и на зарубежных дядей.

Артузов успешно выполнил задание, блистательно провел сложную, многоходовую операцию.

18 июля 1921 года за успешную ликвидацию ряда контрреволюционных организаций, а также сети польского шпионажа в период советско–польской войны президиум ВЦИК наградил Артура Христиановича Артузова (Фраучи) орденом Красного Знамени.

Если бы дано ему было знать, чем обернется для него эта победа семнадцать лет спустя…

Военизированная польская шпионско–диверсионная организация действительно когда–то существовала. Ее ячейки в 1920 году активно действовали на территории России, Украины, Белоруссии, помогая резидентурам польской разведки, известной как «двуйка» (2–й отдел польского генштаба).

Еще в начале 1920 года в поле зрения чекистов попал некий

Игнатий, то ли Добужский, то ли Добружский, как позже выяснилось – Добржинский. Стало известно, что в Москве действует польский резидент, скрывающийся под псевдонимом Сверщ (Сверчок). Предполагалось, что неведомый Добржинский и есть Сверщ, однако пока это оставалось лишь версией.

Но вот в Белоруссии, в городе Орше агентурным путем удалось выйти на курьера московской резидентуры, некую Марию Александрову Пиотух. Выяснилось, что молодая женщина находится под сильным влиянием некоего Борей–ко, чьи приказания слепо выполняла. Выследить его никак не удавалось. Он был весьма осторожен.

Когда Артузову доложили об оршанской зацепке, он распорядился установить за Пиотух плотное наружное наблюдение: к двадцатому году чекисты научились не только владеть оружием, но и умело, скрытно превращаться в невидимую тень «объекта», не хуже знаменитых «гороховых пальто» – филеров царской охранки.

В результате была установлена явочная квартира «двуй–ки» в Москве. Дальше – больше. На выявленной второй квартире Сверщ был почти задержан, но смог скрыться от преследования.

Так продолжалось до 25 июля. В этот день на квартире ксендза Гриневского чекистская засада задержала неизвестного «гостя». Однако при попытке бегства он был убит в перестрелке возле здания разбитого в уличных боях семнадцатого года кинотеатра «Унион» у Никитских ворот.

По найденным у убитого документам установили, что он был служащим одной из бронечастей московского гарнизона. По одним документам фамилия его была Гржимала. В записной книжке обнаружили фамилию сослуживца Гржи–малы Добржинского. Его арестовали. Поняв, что на сей раз уйти ему не удастся, он попытался застрелиться. В последний момент, рискуя сам получить пулю в голову, особист Федор Карин успел выбить из рук Сверща (именно им оказался задержанный) револьвер.

На первых допросах Добржинский молчал. Ничего не отрицал, не пытался выкрутиться, не лгал, ни о чем не просил. Просто молчал, словно воды в рот набрал.

Артузов был почти в отчаянии, но вовремя взял себя в руки. Постарался по другим источникам узнать что–либо о задержанном. Выяснилось, что, поляк по национальности, Добржинский последние несколько лет до революции жил в Москве. Успел закончить три курса историко–философского факультета Московского университета.

При обыске у него на квартире были обнаружены документы и материалы, свидетельствующие о том, что он является членом

Польской партии социалистов, изучал марксистскую литературу и посещал митинги, на которых выступали видные московские большевики. Из этого следовало, что Добржинский человек не только образованный, но и идейный. Следовательно, его молчание объяснялось не безрассудным упрямством или шляхетским куражом, но более высокими чувствами, к которым нужно было относиться и с пониманием, и с уважением. Потому Артузов резко изменил тактику допросов. Он перестал даже упоминать слово «разведка» (не говоря уже о более грубом – «шпионаж»). Он стал рассуждать о политике и социалистических идеях. И тут Добржинского словно прорвало. Вначале он лишь возражал Артузову отдельными ироничными репликами, потом более обстоятельно. Наконец уже на равных с особоуполномоченным включился в настоящую идеологическую дискуссию.

И вот однажды, далеко не в первый день их «знакомства», Добржинский сознался, что ему многое и давно в политике Пилсудского не нравится. По его мнению, диктатор Польши отказался от своего социалистического прошлого и в возглавляемой им ППС ничего социалистического не осталось. В последнее время ему, Добржинскому, все больше импонирует политика советского правительства, и только долг заставляет его продолжать борьбу. Вернее, заставлял… Артузову даже показалось, что Добржинский в глубине души рад, что арест снял с него это тяжкое бремя. Хотя, разумеется, как умный человек, понимал, какое наказание может ему вынести трибунал за шпионаж в военное время. Высказал все это Добржинский горячо, как о чем–то накипевшем, и, безусловно, искренне. Он официально подтвердил, что является главным резидентом польской разведки в России, но наотрез отказался назвать находящихся на свободе своих разведчиков.

И тут Артузову пришла в голову невероятная, почти сумасшедшая идея: не только убедить Добржинского в бессмысленности его деятельности как польского разведчика, но и привлечь на свою сторону.

Подумаешь, может воскликнуть искушенный читатель. Что тут особенного? Перевербовка шпиона, наличие «двойных агентов» – явление в разведке самое обычное и достаточно распространенное.

Однако Артузов собирался не перевербовывать Сверща, а переубедить его на идейной основе, сделать не «двойным агентом», но полноправным, то есть кадровым сотрудником ВЧК!

Чтобы усилить воздействие на Добржинского, Артузов устроил ему не допрос, а неформальную встречу с Менжинским.

Затем с видным деятелем Коммунистической партии Польши, членом ее Центрального Комитета Юлианом Мархлевским{12}. Впоследствии бывший поручик Игнатий Добржинский вспоминал: «Больше допросов не было, меня начали воспитывать, повезли в Кремль к Мархлевскому. В Кремль меня повез на машине Артузов… Мархлевский на меня произвел хорошее впечатление… Много говорил о Польше, о Пилсудском… »

С каждым днем Артузов убеждался, что Добржинский, каких бы взглядов он ни придерживался, человек честный. Постепенно он проникся к нему искренней симпатией, по–видимому взаимно, поскольку однажды Добржинский без всякого нажима, по ходу беседы поведал, что занимался подпольной работой не только в Москве, но и в оккупированных кайзеровскими войсками территориях. Именно он по приказу Пилсудского возглавил восстания рабочих против немцев в Гродно и Сувалках.

Наконец Добржинский дал согласие, высказанное вполне официально, сотрудничать с ВЧК. Но по–прежнему не желал назвать своих сообщников. Тогда Артузов, предварительно согласовав вопрос с Дзержинским, пошел на неслыханный шаг: он пообещал Добржинскому, что все названные им разведчики, как уже находящиеся под арестом, так и пока не выявленные, не будут привлекаться к ответственности, более того – будут возвращены на Родину еще до прекращения военных действий. Но только те, кто, как и сам главный резидент, работали из идейных побуждений.

Добржинский после некоторого колебания сообщил, что, по его предположениям, подчиненный ему петроградский резидент Виктор Стацкевич (именно он поддерживал связь с польским генштабом через местную радиостанцию) тоже был бы рад по идейным соображениям прекратить свою деятельность против советской власти.

Артузов и Добржинский выехали в Петроград и встретились со Стацкевичем. Добржинский оказался прав: Стацкевич согласился сотрудничать с ВЧК на тех же условиях – своеобразной амнистии его людям.

Беспрецедентное соглашение было безотлагательно и пунктуально выполнено обеими сторонами. Более десяти польских арестованных разведчиков были доставлены на Западный фронт и переправлены в Польшу.

Выехав на Западный фронт с тем самым третьим, секретным мандатом, Артузов включил в свою оперативную группу и Добржинского (под фамилией Сосновский), и Стацке–вича (под фамилией Кияковский). Под этими новыми фамилиями они и будут упоминаться далее в нашей книге. Уже на фронте в

опергруппу были включены еще несколько поляков из числа перебежчиков и военнопленных, насильно мобилизованных в армию.

За период месячной командировки Артузова на Западный фронт под его руководством и при активном участии Сосновского и Кияковского армейские особисты ликвидировали основные ячейки ПОВ, работавшие на польскую разведку, практически свели на нет диверсии и теракты в тылу Красной армии.

Как установил по архивным документам ФСБ биограф Добржинского Александр Зданович, «одновременно Со–сновский выполняет еще одно ответственное задание. Вместе с входившей в группу Юной Пшепилинской (ставшей вскоре его женой) Игнатий сумел проникнуть в польскую террористическую организацию, главной целью которой было уничтожение командующего фронтом М. Н. Тухачевского. И не только проникнуть, но возглавить ее, а затем подставить под удар чекистов.

После успешной ликвидации опасных террористов Арту–зов окончательно убедился в надежности Сосновского и даже ходатайствовал перед Дзержинским о награждении его орденом Красного Знамени. Троцкий издал соответствующий приказ Реввоенсовета».

Однако решение Артузова привлечь Сосновского к выполнению важной и секретной работы было принято далеко не всеми его коллегами. Резко протестовал, например, начальник Особого отдела Западного фронта, известный чекист Филипп Медведь. Такую же позицию занял близкий друг Артузова, впоследствии его многолетний помощник Роман Пиляр (иногда его фамилию пишут с двумя «л»). Роман Александрович был человеком во многих отношениях необычным. В частности, по своему происхождению: во–первых, он принадлежал к известному прибалтийскому роду баронов Пиляр фон Пильхау, во–вторых, приходился двоюродным племянником… Дзержинскому! Еще один парадокс Гражданской войны. Резкие возражения Пиляра были для Артузова особенно неприятны, потому что Роман Александрович был одним из немногих сослуживцев, с которыми Артур Христианович, чуждый фамильярности, был на «ты».

Уже позднее, осенью, над позициями польских войск с самолетов были сброшены тысячи листовок. В них было напечатано «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ – офицерам и солдатам польской армии, а также студентам – товарищам по университету от Игнатия Добржин–ского». В письме Игнатий объяснял мотивы своего добровольного перехода в «лагерь пролетарской революции».

Листовки способствовали резкому снижению активности

остававшихся, точнее, уцелевших ячеек ПОВ, явке и даче развернутых показаний многих их участников.

Простить подобное своему бывшему резиденту польский генштаб и руководство польской разведки, разумеется, не могли. Совершить теракт было приказано бывшему офицеру Борейко. Благодаря плотному и непрерывному наблюдению за Марией Пиотух Борейко на полпути к Москве был арестован. Задержали и Пиотух. Однако, приняв во внимание, что действовала она под сильным давлением Борейко и существенного вреда советской власти не принесла, ее вскоре освободили и даже предоставили работу.

Что же касается Сосновского и Кияковского, то оба они были официально зачислены в штат ВЧК.

К 1922 году Гражданская война завершилась уже на всей территории советской России. Соответственно отпала надобность содержать в прежнем объеме самый крупный в системе ВЧК Особый отдел, занимавшийся прежде всего военными делами. Одновременно возникла потребность в самостоятельном подразделении, которое специализировалось бы на борьбе с иностранным шпионажем, внутренней и внешней контрреволюцией в условиях уже мирного времени. Потому в мае 1922 года из Особого отдела был выделен новый отдел – контрразведывательный (КРО ВЧК). Из Особого и некоторых других отделов и служб в него направили самых опытных, квалифицированных и образованных (по меркам того времени) чекистов. Начальником КРО был назначен человек, по праву считавшийся «звездой» ВЧК, – Артур Христианович Артузов, к тому времени уже не особоуполномоченный, а начальник оперативного отдела Управления Особого отдела ВЧК. Крокистами (как называли сотрудников КРО чекисты из других служб) стали и Соснов–ский, и Кияковский…

По штатному расписанию начальнику КРО полагалось два заместителя. Одним из них стал Роман Александрович Пиляр. Вторым – флегматичный латыш с круглой, рано облысевшей головой на короткой шее, с крохотными невыразительными глазками. Большой симпатией в отделе он не пользовался, потому его охотно отпустили на постоянную работу в судебные органы, тем более что он сам этого хотел, поскольку по образованию был юристом. В короткий срок он сделал на новом поприще поразительную карьеру – лет двадцать занимал высокую должность председателя Военной коллегии Верховного суда СССР и заслужил в оном качестве репутацию главного палача страны. Звали его Василий Васильевич Ульрих…

УЧРЕЖДЕНИЕ «ТРЕСТА»

– Пока этот авантюрист жив, он не оставит нас в покое! – с досадой бросив карандаш на стол, сказал Менжинский Артузову.

Слова эти, произнесенные с жаром, столь не свойственным обычно хладнокровному в любой ситуации Вячеславу Рудольфовичу, относились к Савинкову. А причиной, их вызвавшей, было только что полученное на Лубянке сообщение. В нем говорилось, что 13—16 июня 1921 года в Варшаве, на Маршалковской, 68, в помещении финансового отдела созданного Савинковым Русского политического комитета (РПК) в обстановке строгой секретности (как полагали устроители) состоялся съезд новой, а точнее реанимированной, контрреволюционной организации «Народный союз защиты родины и свободы». От своей предшественницы она отличалась разве что введением в и так длинное старое название еще одного слова – «Народный».

Сам Савинков жил в отеле «Брюль», комнате 35, телефон 110–96. В одном из соседних номеров поселился его брат и соратник Виктор. Отель стал фактическим центром деятельности Савинкова. Кроме того, его люди держали в городе несколько конспиративных квартир, где принимали и обустраивали своих сторонников из советской России. Такими местами были Холодная, 4, отель «Краковский» на Белян–ской, 12, где находилась тайная канцелярия Виктора Савинкова, Братская, 17, Железная, 93, Хмельная, 5, Долгая, 49 и 31 (отели «Немецкий» и «Польский»).

Любезность властей объяснялась, кроме их общего антисоветизма, и тем, что начальник Польши Юзеф Пилсудский был школьным товарищем Бориса Савинкова.

Видимо, для засвидетельствования воистину «народного» характера НСЗРС на съезде присутствовали представители: польского генерального штаба Сологуб, французской военной миссии майор Пакайе, английской, американской, итальянской спецслужб, а также известный петлюровский атаман генерал–хорунжий Юрко Тютюнник.

Менжинский имел все основания для досады. Никто, пожалуй, лучше его в республике не знал столь досконально бурную деятельность Савинкова. Более того, со знаменитым эсеровским боевиком он был и лично знаком задолго до первой русской революции по вологодской ссылке. Знавали с тех пор Савинкова и оба дяди Артузова, и обе тети. В те годы сложилась парадоксальная ситуация: многие видные, да и рядовые деятели

различных антиправительственных партий разной направленности были хорошо знакомы: встречались и в тюрьмах, и в ссылках, и в эмиграции. Случалось, между ними складывались дружеские, а то и родственные отношения. Пока сама жизнь не разводила их по разные стороны баррикад.

Чуть выше среднего роста, неопределенного возраста – под сорок – и национальности. Залысины. Невыразительное, незапоминающееся лицо. Такого встретишь в толпе и не обратишь внимания. Идеальная внешность для конспиратора и для… филера. Но пока не встретишься с ним взглядом…

Знаменитый английский писатель и разведчик Сомерсет Моэм говорил, что не встречал другого человека, который внушал бы ему столь предостерегающее чувство самосохранения, как Борис Савинков. Это о таких людях говорили: «Берегитесь, на вас глядит то, чего опасались древние римляне, на вас глядит Рок!» Почти то же самое написал о Савинкове другой известный литератор (правда, «по совместительству» не разведчик) – Илья Эренбург: «Никогда дотоле я не встречал такого непонятного и страшного человека…»

Сам Уинстон Черчилль назвал Савинкова «странным и зловещим человеком». Он так описал его: «Невысокого роста, с серо–зелеными глазами, выделяющимися на смертельно бледном лице, с тихим голосом, почти беззвучным. Лицо Савинкова изрезано морщинами, непроницаемый взгляд временами зажигается, но в общем кажется каким–то отчужденным».

Ко всему прочему, в последние годы постоянным партнером Савинкова по борьбе против советской республики был международный авантюрист – английский разведчик Сидней Джордж Рейли, о котором речь впереди.

Савинков родился в 1879 году в Варшаве, где его отец около двадцати лет служил по министерству юстиции. Даже ненавидевшие всех русских поляки и за глаза, и в глаза называли его «зацны сендзя», то есть «честный судья». Словно по иронии судьбы, сын «честного судьи» стал опаснейшим террористом.

Примечательно, что свою политическую карьеру Савинков начинал как социал–демократ. Но эсдеки не удовлетворяли его бурный темперамент, их программы казались ему пресными и бесперспективными. Он переметнулся к эсерам и вплоть до 1907 года был одним из руководителей их Боевой организации.

Именно Савинков стал вдохновителем и организатором убийства в Петербурге 15 июля 1904 года реакционного министра внутренних дел В. К. Плеве (исполнитель Егор Сазонов приговорен к вечной каторге, в ноябре 1910 года покончил жизнь самоубийством) и в Москве 4 февраля 1905 года московского

генерал–губернатора великого князя Сергея Александровича (исполнитель Иван Каляев казнен в Шлис–сельбургской крепости 10 мая 1905 года).

Весной 1906 года Савинков приехал в Севастополь с группой боевиков для организации убийства командующего Черноморским флотом вице–адмирала Г. П. Чухнина, приговоренного ЦК партии эсеров к смерти за подавление Севастопольского восстания под руководством лейтенанта П. П. Шмидта{13}.

14 мая участник заговора матрос Иван Фролов на выходе из собора после богослужения метнул бомбу в коменданта Севастопольской крепости генерал–лейтенанта Неплюева. Генерал остался жив, а сам покушавшийся и еще шесть человек из толпы убиты, около сорока – ранены.

Почти все участники заговора, в том числе Савинков, были арестованы. Однако вскоре Савинков из камеры смертников с помощью служившего в карауле Севастопольской военной тюрьмы вольноопределяющегося 51–го Митавского полка Василия Сулятицкого бежал. Той же ночью отставной лейтенант флота Борис Никитенко принял его на борт крохотного мотобота и переправил в Румынию.

Впоследствии оба спасителя Савинкова были казнены.

Страшным моральным ударом по Савинкову, положившим конец карьере боевика, стало разоблачение его многолетнего друга, видного руководителя Боевой организации Евно Азефа как давнего провокатора охранки.

Савинков официально был женат дважды. Его первой женой стала Вера Глебовна – дочь знаменитого писателя Глеба Успенского, которого современники заслуженно называли совестью русской литературы. От этого брака у него был сын Виктор. От второго – тоже сын, Лев. Ближайшим сподвижником Савинкова, «оруженосцем» был младший брат Виктор, казачий есаул. К слову, мать Савинкова была родной сестрой художника–передвижника Николая Ярошенко, автора знаменитой картины «Всюду жизнь» (Третьяковская галерея).

В мировую войну Савинков добровольцем вступил во французскую армию (тогда он жил в эмиграции во Франции). В Россию вернулся, как многие политэмигранты, после свержения самодержавия. Временное правительство назначило его комиссаром при Ставке главковерха. Тогда и завязались его близкие отношения (и это несмотря на репутацию едва не состоявшегося цареубийцы!) с влиятельными генералами Лавром Корниловым и Михаилом Алексеевым. Венцом карьеры для Савинкова при Временном правительстве стала должность

управляющего военным министерством.

После Октября Савинков принимал активное участие в создании Добровольческой армии, а в феврале—марте 1918 года нелегально создал в Москве Союз защиты родины и свободы (сокращенно – СЗРС). Штаб СЗРС находился в квартире сотрудника Савинкова Александра Аркадьевича Дикгофа–Деренталя, в Гагаринском переулке, 23. Когда–то Деренталь был горячим поклонником печально знаменитого попа Георгия Гапона, а после разоблачения последнего как агента охранки стал одним из его убийц. Жена Деренталя Любовь Ефимовна, в прошлом шансонеточная танцовщица, в эмиграции стала любовницей Савинкова, а фактически – гражданской женой при живом, тут же присутствовавшем муже.

Именно СЗРС организовал кровавый контрреволюционный мятеж в Ярославле и Рыбинске. Савинков был в числе главных организаторов набегов на советские западные при

граничные территории банд Сергея Павловского, Станислава Булак–Балаховича и других атаманов, а ранее, в советско–польскую войну, вместе с поляками предпринял поход на Мозырь.

Как уже было сказано ранее, Савинков обладал не только организаторскими способностями в области конспирации и террора, но и литературными. В определенных кругах пользовались успехом написанные им под псевдонимом В[адим] Ропшин книги «Воспоминания террориста», «То, чего не было», «Конь бледный», «Конь вороной».

Савинков был не только опытнейшим конспиратором – у него имелись связи на Западе и в политических кругах, и в финансовых, в его распоряжении находились несколько сильных, не знающих пощады оголтелых банд и наверняка затаившиеся сторонники на территории России, Белоруссии, Украины. Так что контрразведчикам было над чем задуматься. Началась тщательная, пока еще никак не оформившаяся в виде конкретного плана разработка операции по обезвреживанию опасного врага.

Известно было: Савинков, которого природа наделила к тому же неистощимой энергией и неудержимой тягой к авантюрам (по меткому выражению наркома Анатолия Васильевича Луначарского, хорошо его знавшего, – «артиста авантюры»), не брезговал ничем, что могло бы нанести вред советской власти. Контрразведчики знали, к примеру, что Савинков лично и не раз участвовал в рейдах озверелых белогвардейских банд по советским приграничным районам. За ними тянулся кровавый след убийств, насилий, ограблений. Кроме того, Савинков, опираясь на свою достаточно широкую агентурную сеть, собирает важную информацию, снабжает ею польскую, французскую,

английскую разведки и получает за это немалые деньги. Окопавшись в Варшаве, Савинков вовлекает в орбиту своей деятельности самых лютых врагов советской власти из всех кругов белой эмиграции, восстанавливает подпольные группы из офицеров и былых эсеровских боевиков на советской территории.

В состав руководства НСЗРС, кроме Савинкова и его брата Виктора, вошли А. Дикгоф–Деренталь, литератор, профессор Д. Философов, бывший штабс–ротмистр лейб–гвардии кирасирского полка Г. Эльвенгрен, казачий полковник М. Гнилорыбов, полковник С. Павловский и некоторые другие, достаточно колоритные личности. Под «внепартийные» знамена Савинкова стекались монархисты и либералы, черносотенцы и социалисты. Савинков стал засылать своих эмиссаров (они же – резиденты его разведки) в губернские, городские, уездные и даже волостные комитеты образованного им союза в западных областях России и Белоруссии. «Идеологическую работу» они подкрепляли бандитскими нападениями на советские учреждения, ограблениями банков и сберкасс, злодейскими убийствами партийных и советских работников, активистов, просто «сочувствующих» Советам рабочих и крестьян.

В мае 1921 года чекисты вышли на след савинковской организации, правда, еще не оформленной как НСЗРС в этих районах – она получила название Западного областного комитета (ЗОК) – и нанесли по ней сокрушительный удар. Были обезврежены многие десятки заговорщиков, бандитов и шпионов, разгромлены несколько отрядов, прорывавшихся из–за кордона.

Захваченные документы вкупе с иными доказательствами преступной деятельности савинковцев позволили советскому правительству потребовать от польского правительства изгнания руководителей НСЗРС из Варшавы. В конце года Савинков вынужден был перебраться в Париж. Правда, с помощью польских спецслужб ему удалось сохранить в Варшаве свою базу, но теперь она вынуждена была действовать негласно, что ограничивало, естественно, размах ее подрывной деятельности.

В ходе операции ВЧК против савинковцев в Западном крае был арестован некий Фриц Эдуард Опперпут (настоящая фамилия Александр Упенинс или Упениньш). Выходец из латышской деревни, он окончил, по его словам, с золотой медалью Туккумское коммерческое училище и начал учиться в Рижском политехникуме, который, однако, бросил и поступил в Москве в Алексеевское военное училище. Затем прошел быстротечное обучение на курсах пулеметчиков. В начале 1916 года в чине подпоручика отбыл в действующую армию. Воевал на Западном и Кавказском фронтах, по его словам, дослужился до чина штабс–

капитана. По неустановленной причине он поменял фамилию, превратился в Опперпута и после Октября вступил в Красную армию. Сослуживец, некто Гельнер, завербовал его в НСЗРС. Позднее, в своих воспоминаниях, изданных в Берлине под фамилией А. Селянинов–Опперпут (о том, как и почему такое издание стало возможным – позднее), он описал эту вербовку: «К началу октября 1920 г. я занимал в Смоленске должность помощника начштаба комвойсками внутренней службы Западного фронта. Раз на выходе после вечерних занятий из помещения штаба ко мне подошел молодой человек лет 27—30. Манеры и обращение выдавали бывшего офицера. Видно было, что он поджидал меня у выхода, не желая по какой–то причине заходить в штаб. Он отрекомендовался Заржев–ским и подал мне записку от моего старого близкого знакомого по службе в Гомеле Гельнера, в которой тот просил удовлетворить просьбу подателя».

…Странный это был человек. Еще молодой, боевой, физически крепкий и внешне привлекательный, он, на свою беду, был наделен непомерным тщеславием. Изворотливый и энергичный, от природы достаточно умный и сообразительный, он не обладал, однако, должной целеустремленной волей. Личная храбрость и склонность к авантюрам причудливо соединялись в нем с капризностью, непостоянством, быстрой сменой настроений. Твердых политических убеждений у Опперпута не было, поэтому без контрреволюционного воздействия извне он до поры до времени служил в Красной армии. Пока не появился на его горизонте Гельнер. Заржевский, кстати, ошибался, когда уверял позднее Гель–нера о чуть ли не врожденном антибольшевизме Опперпута. К моменту их встречи в Смоленске тот относился к правящей партии безразлично. Другого дела, кроме военного, он не знал, служить, кроме как в Красной армии, было негде, вот он и служил.

Опперпут занимал достаточно высокий пост. Такой человек был настоящей находкой для НСЗРС. Одного не предвидели эмиссары союза – двойственного, колеблющегося, противоречивого характера Опперпута, которого могли использовать не только они, но и другие, более высокие мастера конспирации.

А пока что Опперпут вступил в НСЗРС и вскоре стал членом руководства савинковского подполья в Западном крае. «Подрывные» возможности его значительно расширились с переводом на новую должность – начальника укреп–района Минска.

Гельнер зря времени не терял, сумел сколотить губернский комитет союза, ряд уездных комитетов. Он полагал, что при

хорошо налаженной пропаганде, распространении соответствующих прокламаций сумеет значительно расширить организацию. О напечатании большого количества нелегальной литературы в Гомеле нечего было и помышлять. Оставалась Варшава. Но туда еще надо добраться. Кто может это сделать лучше Опперпута? Гельнер убедил комитет послать его в Польшу за литературой и заодно проверить его на этом серьезном задании.

Без особых трудностей Опперпут получил отпуск якобы для лечения старой окопной болезни – ревматизма и направился в местечко Кайданово. Граница здесь охранялась примитивно – отдельными постами на главных дорогах. Оппер–пут легко перешел ее и приехал в Варшаву.

Каждого, кто нелегально прибывал из советской России, польская контрразведка передавала савинковцам. Заключили в изолятор и Опперпута, назвавшегося комиссаром 17–й пехотной дивизии Павлом Селяниновым. Здесь его допрашивал казачий есаул в присутствии офицера французской военной миссии. Убедившись, что гость – действительно активный работник НСЗРС, савинковские контрразведчики освободили Опперпута, отвезли в гостиницу «Брюль» и по его настоятельному требованию представили руководителю.

Савинков поначалу вообще не хотел встречаться с Оп–перпутом, но после личного знакомства мгновенно оценил, какие возможности для подрывной работы в советской России открываются перед НСЗРС, если правильно использовать служебное положение этого человека. И Борис Викторович постарался: обласкал Опперпута, уделил ему максимум своего внимания, снабдил инструкциями, дал деньги и 80 тысяч прокламаций. В последующие месяцы Опперпут (наконец он назвал Савинкову свою фамилию и настоящую должность) еще четыре раза переходил границу, встречался с Савинковым, доставлял польской и французской разведкам сведения военного, политического и экономического характера.

Гомельская губчека довольно быстро узнала о распространении в городе и иных местах контрреволюционных листовок, а также о подозрительных действиях некоторых военспецов. Было решено произвести обыски у командира запасного батальона Щербы, уездного военрука Максимова и военврача Моисеева. Поначалу обыскали комнату Максимова. Ничего компрометирующего не обнаружили. Чекистам впору было извиниться за причиненное беспокойство и уходить с пустыми руками. На всякий случай уполномоченный Гомельской губчека Владимир Алексеев решил осмотреть нетопленую печь.

Ему показалось странным, что на улице холодно, а печь не топится, хотя дров на дворе достаточно. Алексеев разгреб старую золу в печи и вытащил жестяную банку. В ней была запрятана иностранная валюта. На простой вопрос: «Откуда?» – Максимов ничего вразумительного ответить не смог.

У военврача Моисеева чекисты обнаружили целое хранилище савинковской литературы, а у комбата Щербы в щели между досками уборной – печать отделения НСЗРС.

Дальше цепочка потянулась к военному коменданту города бывшему офицеру Чибирю, военспецу Корсунскому, а от них к явочной квартире в Минске. В числе других заговорщиков здесь был арестован и Опперпут.

Газета «Известия» 24 июля 1921 года по этому поводу писала: «…Всероссийской Чрезвычайной комиссией раскрыта крупная боевая террористическая организация Бориса Савинкова, раскинутая на территории всей Западной и Северо–Западной областей и имевшая ячейки на всей территории РСФСР. Центр раскрытой организации – Западный областной комитет так называемого Народного союза защиты родины и свободы во главе с представителем Всероссийского комитета по Западной области находился в городе Гомеле».

Держа в руке свежий номер «Известий», Артузов вошел в кабинет Менжинского:

– Вот, поставлена победная точка!

Менжинский спокойно взглянул на газету и в глубоком раздумье откинулся на спинку дивана. Артузов уже знал: когда Вячеслав Рудольфович вот так откидывается, почти полулежит на диване, значит, снова мучают его невыносимые боли в поврежденном когда–то в автомобильной аварии позвоночнике.

– Поздравляю, Артур Христианович. Верно – победа, и победа значительная. Но что касается победной точки, то ставить ее еще рано. Это нам только предстоит сделать.

– Вы имеете в виду Савинкова?

– Не только. Савинков на какое–то время притихнет, будет зализывать раны в Париже. Тут у нас хоть маленькая, но передышка. Теперь первоочередная задача – пресечь контрреволюционную деятельность белогвардейской монархической эмиграции.

Артузов знал, что имел в виду Менжинский. С 30 мая по 14 июня 1921 года в Баварии, в курортном местечке Рейхен–галь собрались около 150 делегатов монархических организаций из разных стран мира. Съезд принял резолюцию, в которой признал, что «единственный путь возрождения великой, сильной и свободной России есть восстановление в ней монархии,

возглавляемой законным государем из дома Романовых, согласно основным законам Российской империи».

Съезд избрал Высший монархический совет (ВМС) в составе Н. Е. Маркова–второго, князя А. А. Ширинского–Шихматова и А. М. Масленникова. Возглавил ВМС бывший депутат Государственной думы 3–го и 4–го созывов (прославившийся, в частности, дикими скандалами, которые он закатывал и на трибуне, и в зале заседаний), один из основателей Союза русского народа Николай Евгеньевич Марков–второй.

…Из минутной задумчивости Артузова вывел голос Менжинского:

– Вы слыхали про Бриарея? Это из греческой мифологии. У него было пятьдесят голов, сто рук и сто глаз. Мы должны уподобиться Бриарею. Тогда наши глаза и руки дотянутся до Парижа, Берлина, Варшавы, Гельсингфорса{14}.

– Вы хотите сказать, Вячеслав Рудольфович, что существует драматический закон нарастания действия и что нам следует поступать согласно этому закону, то есть идти дальше, внедряться в стан врагов?

– Вот именно, Артур Христианович. Подумайте, кого можно внедрить в монархическую среду.

* * *

Доставленного в Москву Опперпута Артузов после нескольких бесед с ним интуитивно сразу выделил из числа других, арестованных по делу Западного областного комитета НСЗРС. Потому и не спешил передавать его дело в трибунал, хотя оснований к тому имелось больше чем достаточно. Артур Христианович задумался вот над чем: почему осторожный и подозрительный Савинков так быстро доверился этому высокому молодому блондину, говорящему на хорошем русском языке, с едва заметным прибалтийским акцентом? Не за красивые же глаза? Ответ мог быть только таким: потому что убедился, что за спиной Опперпута стоит настоящая контрреволюционная организация, в число руководителей которой он входит. А если бы такой организации не существовало?

А что, если… если… Забрезжила идея. Если такой организации нет, но ее обозначить, придумать? Но не на голом месте, такую пустышку эмиссары из–за границы быстро выявят. А на основе какой–нибудь подлинной, малозначительной, пустячной контрреволюционной группки, на Западе пока неизвестной?

Нечто подобное уже витало в воздухе при разговорах Дзержинского с Менжинским и Артузовым. Но для ее четкого формулирования – тут и выплыл термин «легендиро–вание» – не хватало конкретной зацепки, реальной основы, чего–то материального. История с Опперпутом стала одним из недостающих элементов, который помог в дальнейшем смутной догадке выкристаллизоваться в четкий рабочий план.

А что сам Опперпут? Артузов не мог не задуматься: с чего это вдруг сына латышского крестьянина, выбившегося с огромным трудом в младшие офицеры, понесло к чужому берегу? Никаких прочных антисоветских убеждений в беседах с ним не обнаруживалось. Выходит, человек он не совсем пропащий. К тому же – со многими ценными качествами. Не обладая идейной твердостью и целеустремленностью, он проявил поразительную волю, настойчивость, личную храбрость в конкретных действиях. Не каждый способен без чьей–либо поддержки, полагаясь лишь на собственные силы и смекалку, несколько раз подряд пересечь в обе стороны советско–польскую границу.

И еще одно достоинство Опперпута Артузов выявил в ходе бесед с арестованным: этот молодой человек обладал какой–то врожденной способностью внушать к себе доверие и расположение, причем не прилагая к тому особых усилий. Качество, весьма ценное для потенциального агента, а то, что Опперпута необходимо сделать агентом ВЧК, у Артузо–ва не вызывало никаких сомнений.

Разумеется, использовать его против Савинкова после ареста стало немыслимо.

А пока что Опперпут был размещен во Внутренней тюрьме с арестованным недавно Якушевым Александром Александровичем. Человеком совершенно иного происхождения, воспитания, образования, прошлого и нынешнего служебного положения (до ареста, разумеется). Так в камере Внутренней тюрьмы произошло знаменательное знакомство бывшего офицера военного времени с вальяжным, средних лет мужчиной, даже в заключении умудрявшимся держаться с достоинством, не теряя самообладания, во всяком случае внешне. (Б. И. Гудзь рассказывал автору, что Опперпут и Якушев настолько подружились, что даже перешли на «ты».)

Действительно, в дореволюционные времена Александр Якушев к сорока годам в соответствии с петровской Табелью о рангах являлся особой четвертого класса – действительным статским советником, что соответствовало званию генерал–майора в армии. Имел, следовательно, право на обращение «Ваше превосходительство», а его потомки – на дворянство.

Служил Якушев до революции по Министерству путей сообщения, где ведал эксплуатационным отделом Управления водных и шоссейных сообщений, входил в Императорское общество судоходства, в комиссии о новых железных дорогах и пр. В этих отраслях он по праву считался крупным специалистом, а потому сам Лев Давидович Троцкий, тогда второе лицо в стране, уговорил его вернуться на работу в родное ведомство, которое, правда, теперь именовалось не министерством, а наркоматом.

По предложению своего бывшего наркома Леонида Борисовича Красина, ставшего наркомом внешней торговли, Якушев в НКВТ представлял интересы НКПС.

Но почему Александр Александрович вместо уютного служебного кабинета в НКПС в так называемом «Запасном Дворце» на Ново–Басманной улице очутился в камере Внутренней тюрьмы ВЧК? Просто за монархические взгляды (не высказываемые, разумеется, в форме пропаганды) контрразведка во времена Артузова никого не арестовывала. А вот легкомыслие, сродни хлестаковскому, и тогда, и ранее, и в последующие годы, в том числе и нынешние, не одного человека, и не обязательно плохого, заводило и в Бутырку, и в Кресты, и в Лефортово. Внутренняя тюрьма ВЧК в этом отношении исключения не составляла.

Первую крупномасштабную операцию, построенную на принципе легендирования, решено было направить против той части монархической белой эмиграции, которая из–за границы продолжала вести активную подрывную работу против советской России. План организации крупной легенды предложил Виктор Кияковский (Стацкевич), возглавлявший в КРО отделение по борьбе со шпионажем со стороны стран Центральной и Западной Европы и Америки. Будущей контрреволюционной группе Артузов придумал название Монархическая организация Центральной России (сокращенно – МОЦР). В марте 1923 года вернулся в центральный аппарат КРО из Туркестана, где он некоторое время работал, один из самых сильных сотрудников Артузова – Владимир Андреевич Стырне. Он–то и придумал для МОЦР криптоним «Трест». Под этим названием вошла в историю вся операция в целом.

На Западе (да и у нас порой) до сих пор классическую контрразведывательную и одновременно разведывательную операцию «Трест» и параллельно с ней проводимую «Син–дикат–2» (направленную против Савинкова) преподносят в популярной литературе (профессионалы спецслужб на том же Западе относятся к ним весьма уважительно) как «провокации». Дескать,

они имели целью вовлечь в мифические организации людей, до того и не помышлявших о борьбе с советской властью, чтобы политически их дискредитировать, затем репрессировать и за все это получить ордена, повышения по службе, материальные льготы.

Делается это иногда по недомыслию, иногда по невежеству, но чаще всего для очернения советских спецслужб того периода, в стремлении низвести их до уровня липовых дел, что фабриковали руководители НКВД и следователи–преступники в 30–е годы, и жертвами которых, в частности, стали сотни честных чекистов, в том числе почти все сотрудники, блистательно осуществившие и «Трест», и «Синдикат–2».

Как же все обстояло на самом деле? Вот что писалось в закрытой методической разработке ОГПУ: «Легендой называется вымысел, сообщаемый кому–либо для того, чтобы увеличить интерес и внимание к агенту, дать понять, что наш человек связан с организацией, существующей лишь в воображении»{15}. Цель легендирования – принудить существующую реально подрывную организацию «искать контакта с вымышленной, то есть заставить ее раскрыть постепенно свои карты». И далее: «Нужно помнить, что легенда имеет своей целью раскрытие существующих организаций или группировок, выявление ведущейся контрреволюционной или шпионской работы, но отнюдь не для вызова к такого рода деятельности кого–либо, что *преследуется законом и принципами контрразведывательной работы»* (курсив мой. – *Т. Г.)*.

Об операции «Трест» написано множество книг и статей, сняты кинофильмы, в том числе один многосерийный телевизионный (роль Артузова в нем сыграл народный артист СССР Армен Джигарханян). Читателю и зрителю известны сегодня имена десятков людей, принимавших участие в операции. Но одно имя не упоминалось никогда (за исключением одной недавней газетной публикации) – Владимира Федоровича Джунковского.

Генерал–лейтенант старой армии Джунковский был одним из самых примечательных и противоречивых лиц в последние десятилетия существования романовской династии на троне Российской империи. Потомственный дворянин, выпускник элитного Пажеского корпуса, офицер одного из двух старейших гвардейских полков, основанных еще Петром Великим, – Преображенского…

Много лет Джунковский служил губернатором Московской губернии и оставил в Первопрестольной и ее окрестностях память самую добрую. При нем в Москве и иных городах и населенных

пунктах наводился порядок, открывались «трезвые» чайные, народные больницы, школы, сиротские и ночлежные дома, библиотеки. Отмечалась и его небезуспешная борьба с традиционной продажностью российского чиновничества и полиции.

Джунковский сыграл заметную роль в развитии, точнее, становлении российской авиации. Вместе с профессором Высшего технического училища Николаем Егоровичем Жуковским он возглавлял Московское общество воздухоплавания, активно участвовал в организации дальних по тем временам перелетов (в том числе по маршруту Петербург– Москва).

Джунковский помогал открытию Московского коммерческого института, университета им. А. Шанявского, Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). При нем в Москве было воздвигнуто много памятников, в том числе один из лучших – первопечатнику Ивану Федорову работы скульптора Сергея Вол–нухина.

Организаторский талант Джунковского особенно ярко проявился в его превосходной, с любовью истинного патриота, организации всероссийских торжеств по поводу столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Его заботами было достойно обустроено Бородинское поле, открыт Музей Бородинской битвы.

Затем, достаточно неожиданно, Джунковский, тогда свиты его императорского величества генерал–майор, был назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел и шефом Отдельного корпуса жандармов. В новой должности Джунковский, человек в высшей степени порядочный и честный, попытался сделать то, что и сегодня, к сожалению, многие считают принципиально невозможным: совместить обеспечение внутренней безопасности государства с нравственным началом.

Так, узнав, что председатель фракции большевиков в Государственной думе Роман Малиновский (к слову, любимец и выдвиженец Ленина) является платным агентом охранки, приказал незамедлительно все контакты с ним прервать, а самому Малиновскому дал понять, что лучше всего тому срочно уехать за границу. Ибо считал: секретное сотрудничество депутата с охранкой недопустимо дискредитирует Государственную думу. (Хотя тем самым он лишался весьма ценного информатора.)

Дальше – больше. Джунковский отдает приказ: исключить из состава секретных сотрудников воспитанников гимназий, реальных училищ, школ и запретить их дальнейшую вербовку, поскольку считал «чудовищным такое заведомое развращение

учащейся молодежи, еще не вступившей на самостоятельный путь». Подобный приказ был отдан и в отношении так называемых нижних чинов армии и флота. По убеждению генерала, среди солдат и матросов не должно быть полицейских агентов.

Джунковский считал недопустимым раскрывать имена проштрафившихся либо давно оставивших службу, а также умерших агентов, справедливо полагая, что такие действия подрывают основы агентурной работы спецслужб.

Карьеру Джунковского на этом поприще, при всей ее очевидной пользе для монархии, поломали его честность и принципиальность.

25 марта 1915 года небезызвестный Григорий Распутин учинил в московском ресторане «Яр» настоящую оргию, завершившуюся дебошем. Воспользовавшись предоставленным ему правом прямого доклада государю, Джунковский во всех подробностях сообщил Николаю II о скандальных похождениях «святого старца».

Завершилось все так, как и должно завершиться в прогнившей насквозь империи Романовых: по прямому настоянию императрицы Александры Федоровны Джунковский от занимаемых должностей был отстранен и в качестве начальника бригады 6–й Сибирской дивизии отбыл на фронт. Воевал достойно, вскоре уже командовал дивизией, а затем и корпусом в звании генерал–лейтенанта. Примечательно, что уволился Джунковский из армии уже после Октябрьской революции, причем «с мундиром и пенсией».

При всем своем природном темпераменте председатель ВЧК—ОГПУ Дзержинский не принадлежал к числу людей, принимающих важные решения под воздействием сиюминутного эмоционального порыва. Надо полагать, что решение пригласить бывшего шефа Отдельного корпуса жандармов на работу в ВЧК—ОГПУ в качестве своеобразного консультанта он принял, тысячу раз все просчитав в уме, на холодную голову. Для этого нужно было к тому же обладать немалым гражданским мужеством и чувством ответственности. Одно дело – приглашать и даже призывать на службу в Красную армию в качестве военспецов бывших генералов, совсем другое – на Лубянку.

Дзержинский должен был быть глубоко уверен не только в себе, но и в силах самого Джунковского, не говоря уже о патриотизме, честности и порядочности генерала. А надобность в его услугах была велика чрезвычайно. Дзержинский раньше других своих сотрудников понял, что без изучения опыта бывшего департамента полиции, жандармерии, равно как военной

разведки и контрразведки, ВЧК не обойтись.

Джунковского, которому исполнилось тогда всего–то пятьдесят с небольшим, вызвали в Москву из его уединения в Смоленской губернии.

Дзержинскому удалось на первый взгляд почти невероятное – он убедил генерала, что сейчас его патриотический долг – не прозябание в губернской глуши, а служение новому российскому государству. В ноябре 1918 года Джунковский выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского, а затем приступил к своим неопределенно очерченным обязанностям негласного консультанта ВЧК. На Лубянке знали об этом всего несколько человек. По распоряжению властей бывшему губернатору предоставили квартиру на Арбате.

Уже при первой встрече Джунковский произвел на Арту–зова сильное впечатление. Это был крепко сложенный, подтянутый, уже немолодой человек, словно излучающий чувство собственного достоинства. Одет он был в потертый, но хорошо отутюженный офицерский китель, разумеется, без погон, в галифе и хоть явно не раз чиненные, но до блеска начищенные сапоги. Тому было простое объяснение – до революции офицеры, даже находясь в отпуске за границей, не имели права носить цивильное платье. Только форму. Так что у бывшего генерала просто не имелось ни одного гражданского костюма.

Александр Блок после свержения самодержавия был секретарем Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования противозаконной деятельности бывших царских министров и высших сановников. Среди допрошенных в его присутствии свидетелей был и Джунковский. В своем дневнике великий русский поэт записал: «В. Ф. Джунковский. 5 февраля 1913 г. – 19 августа 1915 г. – товарищ министра внутренних дел, при Маклакове и немного при Щербатове. Погоны генерал–лейтенанта. Теперь начальник 15–й Сибирской стрелковой дивизии. Неинтересное лицо. Голова срезана. Говорит мерно, тихо, умно. Лоб навис над глазами, усы жесткие. Лицо очень моложавое и загорелое… Нет, лицо значительное. Честное. Глаза прямые, голубовато–серые. Опять характерная печать военного. Выражения (удрали, уйма, надуют, как стеклышко). Прекрасный русский говор».

На сей раз в присутствии Артузова Дзержинский и Менжинский завели разговор о том, какие меры следует предпринять в связи с активизацией белой эмиграции самого радикального толка.

Размеренно прохаживаясь по комнате, Джунковский высказался примерно так:

– В конце восемнадцатого столетия немецкий доктор Самуэль Ганеман сформулировал свой знаменитый принцип – «Подобное подобным». Так появилась гомеопатия. Кто–то в нее верит, кто–то нет. Но я знавал людей, которым эти крупиночки помогли. Весьма почитаемый мною полковник Зубатов, Сергей Васильевич, царствие ему небесное, успешно применил этот принцип в своей практике…

Дзержинский и Менжинский переглянулись. Они прекрасно помнили, кем был знаменитый полковник Зубатов, бывший начальник Московского охранного отделения и Особого отдела департамента полиции. Он насаждал легальные рабочие организации под своим контролем, тем самым по мере сил отвлекал рабочих от революционного движения.

Артузов оценил, что Джунковский не постеснялся признаться в своем уважении к скончавшемуся в 1917 году полковнику, чья деятельность вошла в историю революционного движения в России под названием «зубатовщина».

Между тем Джунковский продолжал:

– Тот же Аркадий Францевич Кошко, бывший начальник Московской сыскной полиции, знаменитость своего рода, знал, впрочем, и сегодня в угрозыске хорошо знают, что в уголовную среду можно проникнуть только через агентуру, в этой самой среде завербованную. Чужого там раскусят незамедлительно.

Белое движение можно разложить, лишь внедрив в него людей, близких его деятелям по происхождению и биографии. Причем люди эти должны быть проверяемы. До революции в военных, чиновничьих, думских, промышленных кругах все знали друг друга если не лично, то понаслышке. Чужого и здесь изобличат, вопрос лишь во времени…

Наступила пора подбирать для работы в «Тресте» людей не из числа сотрудников ВЧК—ОГПУ, надежных агентов, а также партийцев, работающих в различных советских учреждениях, командиров Красной армии.

В частности, Артузову показалось целесообразным подобрать на роль «адъютанта», помощника будущего руководителя МОЦР, офицера в невысоком чине, «поварившегося» в контрреволюционной среде, знающего правила конспирации, энергичного, способного ввести в заблуждение любого «гостя» из–за кордона. В том, что такие «гости», полномочные эмиссары и своего рода контролеры, непременно заявятся, Артур Христианович не сомневался. Артузов перебирал фамилии людей, вовлеченных в той или иной мере в деятельность раскрытых или находящихся в разработке контрреволюционных организаций, но еще не погрязших с головой в преступления, без крови на руках.

Отпали одна за другой многие фамилии. Круг сужался, пока в нем не осталась одна–единственная кандидатура: Опперпут. Бывший офицер, он знал военную среду, обладал необходимыми качествами. К тому же своими показаниями он существенно помог следствию.

На всякий случай Артузов предпринял хорошо продуманный «маневр»: от имени Опперпута в Берлине была издана вышеупомянутая брошюра, изобличавшая Савинкова и его сподвижников. Таким образом, все «чалки», связывавшие Опперпута с союзом, были обрублены.

Спустя годы обоснованность выбора, сделанного Артузо–вым, была поставлена под сомнение. И все же Артур Христианович об этом никогда не жалел, хотя ошибку свою признал, но не по отношению к самому выбору, а в том, что недопустимо ослабил контроль над своим подопечным. Имеется в виду неожиданный финальный «фортель», который выкинул Опперпут. Однако объективность требовала признать, что дело свое он сделал – помог чекистам ввести в заблуждение руководителей зарубежной контрреволюции.

После выхода в свет «разоблачительной» брошюры Арту–зов уже открыто предложил Опперпуту вступить в борьбу с контрреволюционными монархическими организациями. Тот охотно согласился, выразив готовность оправдать доверие.

Опперпут был освобожден из–под стражи, ему выдали новые документы на имя Эдуарда Оттовича Стауница{16}, предоставили жилье в Москве – вначале в Серебряном переулке на Арбате, позже на Маросейке. По особой, строго засекреченной ведомости Стауницу положили ежемесячное жалованье.

Но почему все–таки Опперпут некоторое время находился в одной камере с Якушевым? И за что, наконец, Якушев вообще был арестован? Почему по месту его работы в Нар–компути об аресте ответственного сотрудника не сообщили, а распространили среди сослуживцев слух, что он находится в особо важной командировке?

А вот почему…

Все последние годы Александр Александрович вел вполне добропорядочную жизнь советского служащего серьезного государственного учреждения. К обязанностям своим относился добросовестно, но не из любви к советской власти (в глубине души он оставался монархистом), а потому, что он по складу характера и порядочности иначе работать не мог. К тому же дело свое он не только досконально знал, но и любил. Один грех, впрочем, за ним водился: он встречался иногда с некоторыми своими знакомыми из прошлого мира, вел с ними разговоры

вполне определенного свойства. В числе завсегдатаев подобных встреч был, к примеру, бывший крупный черниговский землевладелец и камергер{17} Александр Николаевич Ртищев.

Началось все вот с чего. Осенью 1921 года Якушев должен был отправиться в служебную командировку в Швецию и Норвегию. Дорога в эти страны тогда пролегала через Таллин, столицу новообразованной Эстонской республики, которую в России многие по старинке называли Ревелем. В Ревеле жил Юрий Александрович Артамонов, бывший офицер, одно время состоявший в свите гетмана Украины Павло Скоропадского. В 1907 году Артамонов был выпущен из Императорского Александровского лицея, в котором Якушев тогда преподавал. Связь между ними не прерывалась до самой эмиграции Артамонова после Гражданской войны. Он работал в Таллине переводчиком в английском паспортном бюро и по роду службы поддерживал отношения с эмигрантами, разбросанными по всей Европе, в том числе и с монархически настроенными бывшими офицерами в Берлине.

Якушев хорошо знал оставшуюся в Москве родную тетушку Артамонова, Варвару Николаевну Страшкевич, с которой жил в одном доме близ Арбата. Тетушка, узнав о предстоящей поездке Александра Александровича за рубеж, попросила его передать племяннику письмецо. Дала и адрес – на улице Пиру.

Не думая о возможных последствиях, Якушев встретился в Таллине с Артамоновым, который принял его почти по–родственному. При встрече присутствовал знакомый Артамонова, некий Всеволод Иванович Щелгачев, бывший офицер лейб–гвардии Преображенского полка, в Гражданскую войну – капитан врангелевской контрразведки. Щелгачева, естественно, интересовали не рассказы о здоровье тетушки его приятеля, а положение в советской России. И тут Якушева, возможно, польщенного теплым приемом и вниманием, вдруг понесло. В степенном, умном человеке проснулось что–то мальчишеское (это вообще свойственно русским людям). Скромные чаепития с несколькими бывшими сановниками, вроде уже названного камергера Ртищева, ни на что, кроме брюзгливой болтовни, не способных, он представил как собрания некоей подпольной монархической организации, имеющей отделения и в Петрограде, и в Нижнем Новгороде, и в других городах Центральной России.

Хозяева слушали его с восхищением. И уж совсем в восторг пришли, когда Якушев сообщил, на сей раз вовсе не хвастаясь, что по роду службы ему теперь довольно часто придется выезжать в заграничные командировки.

Юрий Артамонов не прозябал в эмиграции, как многие

соотечественники, оказавшиеся после Гражданской войны на чужбине. И занимался он в Таллине не только переводами для английского паспортного бюро. Потому едва ли не на следующий день он направил в Берлин, на Курфюрстен–дамм, 16, подробнейшее письмо своему другу князю Кириллу Ширинскому–Шихматову, который приходился сыном, как уже знает читатель, члену Высшего монархического совета. С письмом был ознакомлен и глава ВМС Марков–второй. В Совете о таком могли только мечтать – оказывается, в России существует сильная подпольная монархическая организация! Юрию Артамонову было предписано поддерживать связь с Якушевым в случае его поездок в Европу.

Не будем объяснять каким образом, однако вскоре копия письма Якушева Артамонову оказалась на Лубянке. Дело приняло серьезный оборот, Якушев был арестован и подвергнут допросу.

Артузов сразу понял: мощная монархическая организация не что иное, как плод богатого воображения Якушева. (Читая через несколько лет знаменитый роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», Артур Христианович от души хохотал: очень уж похож был бендеровский Союз меча и орала на МОЦР!) {18} На деле имелась всего лишь кучка приятелей, мечтающих о возрождении монархии.

Но ведь это безобидное, в сущности, случайное сборище злопыхателей из числа «бывших». Организация… Настоящий камергер… Действительный статский советник, тоже настоящий… Не вымышленные фигуры, не самозванцы, проверяемые. Недостает только настоящего генерала, военного. Но за этим дело не станет.

На Лубянке Артузов и его помощник Роман Александрович Пиляр допрашивали Якушева, скорее, беседовали с ним. Неоднократно. После того как убедились, что никакой организации нет и в помине, они даже прониклись к нему искренней симпатией. Они видели, что Якушеву стыдно за свое ничем не объяснимое бахвальство в Таллине, которое, однако, было не столь уж безобидным, поскольку, назвав Артамонову нескольких своих якобы соучастников, он тем самым невольно подставил их под удар.

Во всем же остальном он производил самое благоприятное впечатление. Искренний патриот России. Ярый монархист, ибо считал монархию наиболее приемлемой формой государственного устройства России. Однако вовсе не полагал последнего императора достойным правителем: он отлично знал, что кругозор Николая II не выходил за пределы средней руки полкового командира захолустного армейского полка.

В беседах с Артузовым, Пиляром, другими сотрудниками ОГПУ Якушев многое понял и переоценил. Еще находясь в камере, он писал: «Я считал, что все умеренные элементы должны активно бороться с анархией, и если они этого не сделают, то не будут иметь право на существование. Должны найтись люди, должны найтись силы, чтобы спасти государственность, иначе Россия обратится в поле удобрения для иностранцев, а ее территория – в будущие колонии для Антанты… Если эти генералы и сенаторы, шедшие с разных сторон завоевывать Россию и насильно вводить монархию, своими приемами настолько профанировали свое дело и скомпрометировали себя, что нужно быть недалеким (по меньшей мере), чтобы опять ориентироваться на них».

Монархист Якушев именно потому перешел на сторону советской власти, что понял: сохранить Россию как самостоятельное, суверенное государство в тот период была способна лишь она. Идею интервенции он отвергал всегда, в том числе и до ареста тоже. Потому и дописал в уже процитированном заявлении: «Если кому–нибудь пришло в голову снова затеять такую авантюру, то я первый взял бы винтовку и пошел бы защищать Россию от всяких насильственных, навязываемых ориентаций, и это не только мое личное мнение, но и большинства интеллигентов, с которыми я знаком».

Якушев, как, впрочем, и Артузов, не мог предвидеть, что очень скоро при небывалом по темпам росте экономического, военного, политического могущества, расцвете науки и культуры начнет исподволь, в глубинной сердцевине загнивать Советское государство. Что и приведет спустя шесть десятилетий к его распаду. Автору, пишущему эти строки, вскоре по окончании ставшего историей равно Великого и Трагического XX века, сие известно. Но он и поныне полностью разделяет высказанную тогда позицию русского и российского патриота Александра Александровича Якушева и готов подписаться под каждым его словом…

Якушев увидел – словно пелена с глаз спала, – какие ничтожные в моральном и нравственном отношении люди его окружали, убедился в их политической никчемности, осознал, что любая борьба с советской властью обречена на гибель, ибо направлена она против тогдашнего большинства народа и ничего, кроме лишних жертв, принести не может.

Более того, он, как с годами и многие вожди Белого движения, понял, что дальнейшее продолжение, вернее, возобновление Гражданской войны немыслимо без иностранного

вмешательства, то есть интервенции, а сие означает растерзание Российского государства, а вовсе не реставрацию трона Романовых.

Сильная, процветающая, богатая Российская империя бросала бы вызов и «прекрасной» Франции, и «старой доброй» Англии, и набирающим силу Соединенным Штатам Америки, и даже разоренной Германии, как только она оправилась бы после поражения.

В конце концов Якушев добровольно написал заявление, в котором дал обещание в случае освобождения отойти от политической деятельности.

– Вы мне, конечно, не поверите… – с грустью сказал он Артузову при их очередной встрече в следственной комнате.

– Ну почему же не поверим? – возразил Артузов. – Мы считаем вас человеком принципиальным и честным, убежденным патриотом. Наши с вами разногласия носят идейный характер. Ваши монархические чувства – это кастовая ограниченность. Нельзя же быть настолько слепым, чтобы не видеть – монархия как государственный строй отжила свое, и не только в России. И Германия, и Австрия, и Франция – республики. Вы скажете, а как же Англия, Голландия, Швеция? Но согласитесь, что там монархия не более чем ширма, дань традициям, а по существу – это парламентские республики. Что же касается вашего патриотизма, так давайте будем честными до конца. Патриотическая экзальтированность, как и пьяные рыдания бывших ротмистров в парижских ресторанах под цыганские романсы, гроша ломаного не стоит. Я знаю вашу биографию. Вы всю жизнь работали, никогда не были царедворцем и не можете не понимать: чтобы служить Родине, надо быть не просто лояльным обывателем, а подлинным ее гражданином, работать для ее блага.

– А как же Иван Бунин или Сергей Рахманинов? – попытался возразить Якушев.

– Вы правы, но лишь отчасти. Это крупнейшие деятели русской культуры. Вы назвали два имени, я мог бы их назвать десятки, сотни даже. Об этом можно только сожалеть. Но они оказались в эмиграции вовсе не из–за своих монархических убеждений. Просто они не приняли новый государственный строй. Не смирились с ломкой всего старого, привычного образа жизни. Не только они, многие решили, что после Октября Россия если уже не погибла, то неуклонно скатывается к краю бездны. Не скрою, тут есть и наша вина, что не сумели найти хоть тропинку к их сердцам и душам. Да и дров в ходе Гражданской войны наломали изрядно. Имели место и ненужная жестокость, и

нетерпимость. Такое, к сожалению, свойственно любой революции и гражданской войне. Вспомните Великую французскую или английскую. Гильотину изобрели не в России и не большевики. А кто сегодня упрекнет французов или англичан? Помните «Двадцать лет спустя» у Дюма–старшего?

Якушев неплохо знал всемирную историю. «Двадцать лет спустя» тоже читал в детстве, потому помнил судьбу и несчастной Марии–Антуанетты, и Карла I …

После своего освобождения из–под ареста Александр Александрович Якушев, бывший потомственный дворянин и действительный статский советник, согласился выполнять задания ВЧК—ОГПУ{19}. Ему предстояло играть – и он блистательно делал это, порой с риском для жизни, на протяжении пяти с лишним лет – роль руководителя контрреволюционной организации в крупномасштабной операции, названной «Трест».

«ТРЕСТ» ПРИНОСИТ «ДИВИДЕНДЫ»

Операция с самого начала планировалась как масштабная и долгосрочная, хотя временные ее рамки предсказать было, разумеется, невозможно. Явствовало одно – поспешность, в расчете на немедленный результат, недопустима.

Первую достаточно серьезную, но несколько расплывчатую информацию о существовании в советской России контрреволюционной монархической организации передал на Запад завербованный Кияковским сотрудник эстонской миссии в Москве Роман Бирк (оперативный псевдоним «Груша»), впоследствии наш выдающийся разведчик.

Потом чекисты отправили в Ревель бывшего полковника Александра Флейшера. Того самого Флейшера, который совсем недавно в Национальном центре ведал артиллерией заговорщиков. Завербованный контрразведчиками, Флейшер встретился с начальником спецслужбы Эстонии, которому сообщил от имени и по поручению МОЦР секретные сведения о состоянии Красной армии, а также характеристики на некоторых видных советских военачальников.

Из Эстонии эти первые сведения о МОЦР благополучно достигли ушей тех лиц, которым и предназначались.

Наконец подошло время пустить в ход тяжелую артиллерию Лубянки…

Александр Александрович Якушев впервые выехал за границу в командировку от Наркомпути, на самом деле – с заданием ОГПУ. Поначалу достаточно скромным – осмотреться, изучить обстановку, завязать знакомства. Якушев ехал один, но прекрасно понимал, что на месте, в Берлине, его не оставят без внимания нелегалы Иностранного отдела (ИНО) ГПУ. И не только для контроля, но и для обеспечения в какой–то мере его безопасности. Всяко могло бы случиться с человеком из Москвы, если б *там* заподозрили, что он агент советской контрразведки.

Артузов и его сотрудники обстоятельно проинструктировали Якушева, хотя, разумеется, все предусмотреть было невозможно. Но об одном Артузов все же предупредил Александра Александровича особо:

– Вы должны при встречах проявить максимум такта, ибо иногда нельзя определить, какой ориентации придерживаются ваши собеседники.

Артузов имел в виду острейшие разногласия, которые раздирали монархическую среду по вопросу престолонаследия: монархисты разделились на два непримиримых лагеря –

«николаевцев» и «кирилловцев». Первые полагали «местоблюстителем престола» великого князя Николая Николаевича, двоюродного дядю последнего царя. «Ки–рилловцы» поддерживали великого князя Кирилла Владимировича, двоюродного брата Николая II, объявившего себя наследником трона[20]. Лицам, с которыми предстояло встретиться Якушеву, он должен был быть представлен в целях конспирации под фамилией Федоров. Сами знакомства с ними осуществлялись через посредничество Артамонова.

Руководителя МОЦР встретили как настоящего героя, приехавшего в Берлин нелегально (это в определенной степени соответствовало истине, поскольку служебная командировка Александру Александровичу была выписана в другую европейскую страну).

Первая встреча Федорова в Берлине состоялась с руководителями ВМС Марковым–вторым и старым князем Ши–ринским–Шихматовым для соблюдения конспирации не в штаб–квартире Совета, а в… магазине ковров, мебели и антиквариата, причем глубокой ночью. Охранял конфидентов бывший полковник фон Баумгартен, который служил в названном магазине ночным сторожем.

В ходе беседы Федоров держался не скромным просителем, почтительно внимающим бывшим сановникам, а человеком твердым, знающим себе и своей организации цену. Он не побоялся бросить своим собеседникам горький упрек в том, что они оторваны от российской действительности, не понимают советских условий.

– Вам здесь легко, – говорил Александр Александрович, – вы вне опасности. Открыто митингуете, издаете газеты и журналы, пользуетесь услугами правительства и штабов европейских держав. Вы бы хоть на минуту представили себя в нашей шкуре. ЧК зверствует. Мы смотрим смерти в глаза и все же действуем, боремся. Нам нужна ваша помощь. А что вы даете? Деньги? Увы, только советы и инструкции, к нашей действительности неприложимые. Извините, господа, вашими рекомендациями, даже самыми дельными, большевиков не свалишь.

Якушев обратил внимание на то, что в беседе Николай Евгеньевич несколько раз повторил: «Вы наш… »

Якушев недоумевал, уловив в этих словах какой–то скрытый смысл.

– Кто–то еще претендует на нашу организацию? – спросил он.

– Евразийцы, эти прыткие молокососы…

– Чего же они хотят? – Вопрос был задан для уточнения. Якушеву и так было ясно, что молодые монархисты уже по

причине своей молодости более энергичны, нежели деятели МНС, в котором верховодили если не престарелые, то весьма пожилые люди, а потому и более опасные.

– Видите ли, господин Федоров, – начал объяснять Марков–второй, – это новое течение в нашем движении. Молодые люди уверяют, что мы присутствуем при гибели европейской культуры и что центр цивилизации должен переместиться к Уралу, между Европой и Азией, то есть в Евразию. Они даже Советы хотят сохранить, но без большевиков.

– Ну, Советы без большевиков – идея не новая, однако совершенно нереальная. Нет уж, господа, монархию с Советами не восстановишь. Нонсенс…

В Берлине Якушев постоянно контактировал с Артамоновым, ставшим для Якушева ценным источником информации. Благодаря ему Александр Александрович и, следовательно, Артузов в Москве получили точные представления о различных течениях в среде белой эмиграции (в частности, о тех же евразийцах, со многими из которых Артамонов приятельствовал), о взаимоотношениях между ее видными представителями, их деловых и личностных характеристиках, что всегда важно для любой разведки.

Наконец, Артамонову Якушев был обязан чрезвычайно важным, как выяснилось позднее, знакомством: с генерал–майором Алексеем Александровичем фон Лампе, который де–факто представлял в Германии самого Врангеля – последнего главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

Именно фон Лампе устроил Федорову настоящий экзамен – организовал конфиденциальную встречу с генерал–лейтенантом Евгением Константиновичем Климовичем, видным деятелем старой России Василием Витальевичем Шульгиным и бывшим сенатором, близким к Врангелю человеком, Николаем Николаевичем Чебышевым. Последний оставил описание Федорова: «На диване сидел приличный господин, лет так под пятьдесят. Держался спокойно, говорил без всяких жестикуляций, скорее равнодушно. Лицо было обрамлено небольшой темной, аккуратно подстриженной бородкой… Говорил он ни тихо ни громко, гладко, самоуверенно, немного свысока».

Якушеву было чего, вернее, кого опасаться на этой встрече. Генерал Климович до революции не один год был директором департамента полиции, а в настоящее время занимал пост начальника Особого отдела штаба Врангеля, иначе говоря, возглавлял его контрразведку. Это был профессионал сыска и спецслужб весьма высокого класса. Малейшую неточность, не говоря уже об ошибке в поведении Федорова, неосторожно

оброненное лишнее слово старый полицейский волк уж не упустил бы.

Да и Шульгин был не только политическим деятелем и литератором. Еще в 1918 году он создал разведывательную организацию «Азбука» (ее члены носили псевдонимы по названиям букв русского алфавита, сам Шульгин числился в ней как «Веди»), которая снабжала агентурной информацией командование Добровольческой армии, а затем и ВСЮР.

Как ни странно, не Климович и не Шульгин, а сугубо штатский Чебышев, правда, когда–то работавший в Киеве прокурором, не поверил Федорову, о чем после расставания с гостем из Москвы и сказал другим участникам встречи. Но с ним не согласились, высказанные подозрения отвергли.

Так что в конечном счете Якушев с первым заданием справился вполне успешно. Основные фигуры белой эмиграции, находившиеся тогда в Берлине, поверили и ему персонально, и «Тресту» безоговорочно.

Как бы попутно Якушев решил еще одну, чрезвычайно важную задачу: он добился того, что несколько достаточно энергичных, из молодых, белоэмигрантов стали официальными представителями «Треста». (Артузов впоследствии шутливо называл их «послами».) Так, князь Кирилл Ширин–ский–Шихматов представлял «Трест» в Париже, Юрий Артамонов – в Варшаве, а его друг евразиец Петр Арапов (к слову сказать, племянник самого Врангеля) – в Берлине.

Удалось решить и всегда острую для любой разведки проблему – надежной связи. Дело в том, что проверенным агентом ОГПУ стал бывший капитан российской армии, а ныне атташе по делам печати посольства Эстонии в Москве (впоследствии дипкурьер) Роман Бирк. Он же позднее связал Кияковского—Колесникова, который с ним постоянно работал, с представителями английской и польской разведок.

Уже в эту первую поездку Якушев собрал обширную и важную информацию о планах и замыслах монархистов, в частности, ему стало известно о подготовке ряда террористических акций и диверсий на территории советской России, о том, что созданы специальные боевые центры, где идет натаскивание исполнителей из числа самых решительных, даже отчаянных офицеров. В некоторых беседах Якушеву дали понять, что некие влиятельные лица рассчитывают, что возглавляемая им организация поможет террористам в проникновении на советскую территорию, а также сборе шпионских материалов, в первую очередь освещающих обороноспособность страны.

Внимательно проанализировав отчет Якушева, Артузов

обратил внимание на то, что его оппоненты по ту сторону границы особенно интересуются вооруженными силами России. Разные люди на разных встречах задавали Якушеву один и тот же вопрос: входят ли в «Трест» военные, если да, то в каких чинах, какие должности занимают в Красной армии. Якушев отвечал уклончиво, ссылаясь на конспирацию, но намекал, что такие люди в организации имеются и посты занимают серьезные.

Артузов пришел к выводу, что в «Тресте» нужно создать нечто вроде военной секции или отдела, в который вошли бы представители старшего и высшего командного состава Красной армии. Об этом он доложил Дзержинскому и Менжинскому. Его предложение было одобрено. Теперь следовало в качестве номинального военного руководителя пригласить такого бывшего генерала старой армии, которого бы хорошо знали в военных кругах эмиграции. И такой человек нашелся: им стал (дав на то, разумеется, свое согласие) генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский. Генерал участвовал в Русско–японской войне, в мировой последовательно командовал дивизией, корпусом и армией. В настоящее время был профессором Военной академии РККА.

Начальником штаба и фактическим военным руководителем «Треста», активно участвовавшим в операции, стал пятидесятилетний генерал–лейтенант Николай Михайлович Потапов.

Высокообразованный офицер–генштабист, Потапов вплоть до Октябрьской революции занимал важный пост генерал–квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Генерал–квартирмейстер Генштаба помимо прочих многочисленных обязанностей осуществлял общее руководство военной разведкой и контрразведкой. Это означало, что Потапов был не просто офицером с высшим образованием, но и профессионалом разведки и контрразведки.

В молодости Потапов был хорошо знаком с Кедровым, тогда студентом–медиком.

Уже после Октября Кедров и Подвойский вновь встретились с Потаповым. Разговор был тяжелый, но результаты дал положительные: контрразведка Генштаба просуществовала еще почти год, а некоторые ее высокопрофессиональные сотрудники перешли на службу в разведку и контрразведку – уже советские.

Следует добавить, что Потапов (как, впрочем, многие офицеры Генерального штаба, достаточно вспомнить хотя бы имя генерал–майора и почетного члена Петербургской академии наук Николая Михайловича Пржевальского) был не только военным разведчиком, но и крупным ученым–востоковедом.

Последующие события Гражданской войны произвели переворот в его мировоззрении. Вот как он сам описал это: «Идея монархизма для России утеряна навсегда. Потуги эмигрантов–монархистов считаю беспочвенными и лишенными всякой реальной перспективы. Я воспитан и жил в такой атмосфере, которая не позволяет мне иметь левые убеждения. Однако советский режим принимаю, так как вижу, что идея „великой и неделимой“ России большевиками разрешена, хотя и на свой, особый манер. Кроме того, Советский Союз ведет большую работу в смысле проникновения на Восток, что импонирует мне как человеку, посвятившему всю свою жизнь разрешению той же задачи в условиях старого режима. Все это мирит меня с большевиками».

Кедров и Подвойский поручились за Потапова, честного патриота, не способного на двурушничество. Потому–то Ар–тузов, также знакомый с Потаповым с начала восемнадцатого года, и обратился к нему с предложением включиться в чекистскую операцию. Потапов оказался весьма полезным человеком. Он был умен, образован, выдержан, находчив и умел, если требовалось, мог держаться с генеральской вальяжностью. В последующие годы Потапов вместе с Якушевым неоднократно выезжал за рубеж и каждый раз отлично справлялся с очередным заданием. В отличие от Якушева, его не требовалось обучать азам разведки, наоборот, Артузов и сам от него многому научился. В частности, именно благодаря Потапову удалось завязать вполне доверительные отношения и с князем Николаем Николаевичем, и с Врангелем, и с Кутеповым. Врангель особенно тепло принял Потапова, своего товарища еще по Николаевской академии Генерального штаба.

Наконец, Потапов и Якушев вышли на представителей спецслужб ряда европейских государств и установили с ними «взаимополезные» связи. У Артузова родилась идея: создать специализированное дезинформационное бюро. С этим предложением он и пришел к Менжинскому.

Менжинский внимательно выслушал доводы Артузова, все взвесил, потом одобрительно улыбнулся:

– Игра стоит свеч. Эта идея мне по душе. Польская разведка нам уже заплатила за поставленную ей кое–какую информацию, вот наш «Трест» уже начал приносить дивиденды. Создание такого бюро позволит перевести операцию на самоокупаемость, сэкономим валюту для государства…

Дзержинский также одобрил эту инициативу: постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 года по его представлению при Реввоенсовете республики такое бюро

было создано. Оно готовило внешне очень достоверные данные о Красной армии и оборонной промышленности.

Всю эту «продукцию» Якушев, Потапов, другие выезжавшие на Запад сотрудники аккуратно переправляли белогвардейцам и иностранным спецслужбам, предварительно договорившись с ними о цене за шпионские материалы. Главным «покупателем» были поляки. Платили они щедро, правда, внакладе не оставались, потому что часть полученных сведений они с выгодой перепродавали английской и французской разведкам. Так что «Трест» действительно стал приносить значительные дивиденды. Но главное – успешно продолжалась дезинформация противника.

В деятельности МОЦР, в частности, его дезинформационного бюро, принимали участие многие десятки людей: кадровые чекисты из различных отделов и территориальных органов, военные разного ранга, десятки привлеченных советских работников, а также секретные агенты в стране и за рубежом. Большинство из них, в том числе подлинные контрреволюционеры, разумеется, и не подозревали, что, выполняя отдельные поручения, являются участниками уникальной разведывательной и контрразведывательной операции ОГПУ.

Информация, поставляемая на Запад, была разнообразной, почти всегда ценной либо интересной и, естественно, весьма правдоподобной, поскольку составлялась с учетом истинного положения вещей. В случае надобности какие–то факты (скажем, о диверсиях на железных дорогах или пожарах на складах) инсценировались. Информация передавалась не только устная, но и, во многих случаях, документированная.

Так, через Якушева польской военной разведке (следовательно, англичанам и французам) был передан доклад с цифрами, показывающими техническое обеспечение Красной армии в случае войны от 15 октября 1923 года за № 2143/СС, подписанный (все подписи подлинные) главнокомандующим Вооруженными силами страны Сергеем Каменевым, членом Реввоенсовета республики и начальником снабжения РККА Иосифом Уншлихтом и первым помощником начальника Штаба РККА Борисом Шапошниковым (будущим Маршалом Советского Союза).

Постепенно на Западе сложилось впечатление, ставшее убеждением, что кроме вышеназванных военачальников в МОЦР участвуют или примыкают к нему Михаил Тухачевский, Павел Дыбенко, Иван Федько, Павел Лебедев, Николай Каширин и др. Многие из них были офицерами и даже генералами старой русской армии. К сожалению, многим из них позднее было

предъявлено обвинение в подлинной контрреволюционной деятельности на основании участия в легендированном «заговоре».

Не оставил Артузов без внимания и евразийцев, поскольку понял, что они составляют в эмиграции достаточно многочисленную группу, причем весьма активную, а потому особо опасную. Их также следовало взять под оперативный контроль. Был подобран человек, который «обозначил» евразийское движение в советской России. Им стал полковой командир Красной армии, кавалер ордена Красного Знамени Александр Алексеевич Ланговой, сын известного московского профессора медицины. Его родная сестра Наталья Алексеевна Рославец с 1918 года была ответственным сотрудником ВЧК—ОГПУ. В ряды евразийцев Ланговой под фамилией Денисов был внедрен с помощью… 2–го отдела («двуйки») польского генштаба.

Ланговой не раз нелегально переходил границу. О его неуловимости в монархических кругах ходили легенды. Благополучно совершали ходки в обе стороны и его питомцы из числа евразийцев. Популярность Денисова настолько возросла, что к нему за помощью обратились руководящие деятели монархического движения.

Денисов охотно взялся за организацию переправы. Агенты монархистов один за другим нелегально переходили границу, и… самые опасные из них попадали в руки контрразведчиков. Когда число провалившихся стало исчисляться десятками, Марков–второй не на шутку встревожился и упрекнул Денисова:

– Евразийцы не попадаются, а наши проваливаются. Почему?

На что Денисов ответил с достоинством:

– Наши дисциплинированы, действуют с умом, в кабаках и трактирах не задерживаются, со шлюхами не путаются, с уголовниками не якшаются. А вы направляете олухов. Вот последнюю вашу группу, мне стало известно от своего человека в милиции, взяли вовсе не чекисты, а обычные оперативники из угро на разбойном нападении. Потом, когда разобрались, передали в ОГПУ.

Польские, английские, французские разведчики не могли не обратить внимания на успехи евразийцев и стали искать с ними связи. В конце концов договорились, что и евразийцы будут поставлять им шпионские сведения о советской России. Так у Артузова появился еще один канал для запуска дезинформации.

Тем временем в Европе продолжалась консолидация военной белоэмиграции крайне правого толка, причем не только монархистов. Значительная часть русского офицерства, особенно недворянского происхождения, не являлась сторонниками

реставрации трона Романовых. Многие были приверженцами Учредительного собрания. Но все сходились в одном – в необходимости скорейшего свержения Советской власти, пусть даже с помощью иностранных денег и штыков.

Стоял во главе этих сил «черный барон», сорокачетырехлетний генерал–лейтенант Петр Николаевич Врангель. В военных кругах эмиграции он был весьма популярен. Последний главнокомандующий Вооруженными силами Юга России после поспешной эвакуации своего воинства, больше похожего на бегство из Крыма, в 1920 году поселился в небольшом сербском городке Сремски–Карловицы. Свой пост главкома он за собой сохранил, но преобразовал ВСЮР в Объединение Русской армии (ОРА). Его ближайшим помощником, скорее, полномочным представителем в Париже был Александр Павлович Кутепов, которого подчиненные за крутой нрав называли Кутеп–паша. Именно Кутепов в ОРА руководил всеми разведывательно–диверсионными операциями против СССР.

Примечательно, что за все годы Гражданской войны лишь три белых военачальника: Александр Павлович Куте–пов, Павел Николаевич Шатилов и походный атаман Донского казачьего войска Петр Харитонович Попов – были произведены в полные генералы (Кутепов от инфантерии, Шатилов и Попов от кавалерии)[{21}]. Главкомы Антон Иванович Деникин и Петр Николаевич Врангель оставались генерал–лейтенантами. Кодекс офицерской чести не позволял повышать в званиях самих себя. Еще один видный деятель Белого движения стал в Гражданскую войну «полным» – но не генералом, а адмиралом – Александр Васильевич Колчак.

В сентябре 1924 года Врангель распустил Объединение Русской армии – фактически оно уже давно не существовало, генералы, офицеры и личный состав в поисках заработка и жилья разъехались по всему миру. На основе армии он создал весьма своеобразную организацию, самую сильную, многочисленную и дисциплинированную в эмиграции – Русский общевоинский союз (РОВС), идейная программа которого исчерпывалась короткой фразой: «Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить». Во главе РОВС стоял, согласно положению, главнокомандующий Русской армией, то есть барон П. Н. Врангель. Барон обратился к великому князю Николаю Николаевичу, проживавшему в Шу–аньи под Парижем, стать почетным председателем союза. Были образованы территориальные (в разных странах) отделы РОВС. Руководящие посты в РОВС занимали генералы М. Н. Скалон, Е. К. Миллер, П. Н. Шатилов, И. А. Хольмсен, А. А. фон Лампе, П. С. Махров, Э. В.

Экк, Ф. Ф. Абрамов, М. В. Ханжин, В. А. Ляхович и др. Однако фактически РОВСом руководил из Парижа генерал А. П. Кутепов.

РОВС не являлся обычной ветеранской организацией бывших чинов белых армий. Это было чисто милитаристское объединение, не имевшее аналогов в военной истории, с развитой инфраструктурой. В основу его деятельности были положены железная воинская дисциплина и царский дисциплинарный устав.

Задачей РОВС было возрождение новой белой армии. Тон в союзе задавали достаточно молодые и среднего возраста поручики, штабс–капитаны, лейтенанты флота – физически вполне крепкие и здоровые, у каждого за плечами – опыт мировой и Гражданской войн. Впрочем, многим полковникам и генералам тоже было всего по 35—40 лет. Под знамена РОВС в его лучшие времена собиралось до ста тысяч белых офицеров, живущих одной мечтой – вторжением в Совдепию{22}.

Вся эта публика люто ненавидела советскую власть, рвалась в бой, а пока настоящей большой войны не предвиделось, готова была принять участие в любой террористической, диверсионной и шпионской авантюре. Не исключалось и сотрудничество не только с военными ведомствами европейских стран, но и с их спецслужбами. В одном из документов союза прямо говорилось: «РОВС с радостью пойдет на сотрудничество с государством, которое заинтересовано в свержении Советской власти… »

Структура РОВС была продуманной, многоступенчатой и охватывала своей сетью едва не весь мир. В РОВС существовала настоящая иерархическая лестница должностей, больших и малых. Например, известный военный деятель генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров занимал важный пост генерала для поручений при председателе РОВС. Генерал–лейтенант Владимир Константинович Вит–ковский был командиром 1–го армейского корпуса в составе РОВС.

Союз имел своих постоянных представителей во многих странах. Так, генерал–майор Алексей Александрович фон Лампе{23} был начальником 2–го отдела РОВС в Германии, генерал–лейтенант Федор Федорович Абрамов – начальником 3–го отдела РОВС в Болгарии и Турции (с резиденцией в Софии), генерал–лейтенант Михаил Константинович Дите–рихс – начальником Дальневосточного отдела РОВС.

РОВС организовал в Париже Высшие академические курсы под руководством генерал–лейтенанта профессора Николая Головина, имел и собственный кадетский корпус. В РОВС была даже собственная контрразведка, так называемая Внутренняя линия, которую возглавлял генерал Климович. Внутренняя линия, с одной стороны, должна была выявлять проникших в РОВС

чекистов, с другой – изобличать и ликвидировать колеблющихся, сомневающихся. Как уже было сказано ранее, всеми делами в РОВС фактически заправлял генерал Кутепов. После смерти 25 апреля 1928 года генерала Врангеля он официально стал председателем РОВС и оставался таковым вплоть до своего похищения в Париже советскими разведчиками 26 января 1930 года.

Якушев и Потапов не раз подвергались тщательной проверке за границей, случалось, что их жизнь висела на волоске. Однако скрупулезная подготовка, которой руководил лично Артузов, к каждой командировке за рубеж или встрече с эмиссарами белогвардейцев на своей земле, высокие личные качества обоих, в первую очередь воля и твердость характера, помогли им безупречно сыграть свою роль в спектакле, который длился около пяти лет. Два самых опасных человека во вражеском лагере – Кутепов и Климович – безоговорочно доверяли Якушеву и Потапову, а потому полностью поверили и в «Трест».

Успех операции в целом обеспечивала также безупречнаяя работа всей команды Артузова: Романа Пиляра, Владимира Стырне, Сергея Пузицкого, Виктора Кияковского, Игнатияя Сосновского, Яна Ольского (Куликовского), Бориса Гудзя, Григория Сыроежкина, Николая Демиденко, Ивана Крикмана и других контрразведчиков.

При этом не следует забывать, что параллельно с «Трестом» шла столь же масштабная и продолжительная операция «Синдикат–2». Кроме того, сотрудники КРО вели десятки не столь громких дел по террору, диверсиям, шпионажу.

Подзадориваемые активными действиями Савинкова, руководители монархических кругов и РОВС все чаще и чаще стали засылать на территорию СССР своих эмиссаров и боевиков. Основную деятельность РОВС «Трест» держал под своим контролем, однако не исключалось, что отдельные диверсии или политические убийства белогвардейцы, проникшие в страну, могут совершить самостоятельно. Этого Артузов допустить не мог.

В Берлин и Париж были направлены соответствующие послания. В них Якушев и Кутепов от имени политического совета МОЦР убеждали Врангеля, Кутепова и Маркова–второго, что террор себя не оправдывает, что если белогвардейцы и дальше будут заниматься подобными делами, то ОГПУ быстро доберется до главных организаций МОЦР и разгромит их. Якушев, в частности, сообщил, что перед угрозой провалов он уже отдал приказ всем своим силам уйти в подполье, что отрицательно сказалось на разведывательной и вербовочной

работе. Александр Александрович убеждал своих корреспондентов, что нецелесообразно ставить под угрозу существование такой серьезной организации, как МОЦР. Нужно планомерно накапливать силы для перехода в будущем, в наиболее благоприятный момент, к решительным действиям, а не распылять силы в неэффективных террористических актах.

В Париже доводам Якушева в конечном итоге вняли. Вскоре от великого князя Николая Николаевича поступило распоряжение: во имя сохранения существующих подрывных организаций в России террор прекратить. Большинство монархистов приказ, хотя и с ворчанием, приняли к исполнению. Но отдельные группы «непримиримых» время от времени все же подобные действия предпринимали.

Наступил момент, когда благодаря «Тресту» чекисты были полностью в курсе всех основных контрреволюционных замыслов монархической, кадетско–эсеровской заграничной и внутренней контрреволюции, а также шпионских акций ряда западных спецслужб.

«Трест» был хорошо информирован и о том, куда и по каким каналам шли деньги Российского торгово–промышленного и финансового союза (Торгпрома) – пока они еще имелись. Торгпром был создан в эмиграции крупнейшими денежными тузами старой России: Денисовыми, Гукасовыми,

Лианозовым, Манташевым, Рябушинским, Нобелем и др. Ради возвращения своей собственности в бывшей Российской империи господа из Торгпрома, имевшие немалые средства в европейских и американских банках, щедро подпитывали и РОВС, и другие радикальные эмигрантские организации.

Информацию, полученную через «Трест» в центральном аппарате КРО, большей частью реализовывали территориальные органы ОГПУ на местах. Так, в 1924 году на территории одного только Западного военного округа было задержано до сотни крупных агентов иностранных разведок. И это были настоящие враги нашей страны, диверсанты, шпионы и террористы. Их изобличение и обезвреживание не имели ничего общего с липовыми делами последующих лет. Тех мрачных лет в истории Отечества, когда органы государственной безопасности из нормальных спецслужб постепенно, усилиями и ведомственного, и государственно–партийного руководства превращались в орудие политического сыска и репрессий в интересах узкого круга политической элиты в высшем круге власти…

Доверие к детищу Менжинского и Артузова несколько пошатнулось лишь после захвата чекистами выведенных на советскую территорию Бориса Савинкова и Сиднея Джорджа

Рейли. И все же они предприняли попытку спасти «Трест» или хотя бы продлить на какое–то время его существование, прекрасно сознавая, что рано или поздно операцию придется свертывать. Она и так по своей продолжительности (свыше пяти лет) и эффективности (задержание сотен агентов, приведение к почти нулевому уровню нескольких разведок, вплоть до мало кому известной итальянской) не имела и не имеет аналогов в мировой истории спецслужб. «Трест» и «Синдикат–2» по праву вошли в учебники центров по подготовке разведчиков многих стран как образцовые. В пропагандистской западной литературе, напоминает автор, их с вполне определенной целью называют «провокациями», но профессионалы на том же Западе относятся и к «Тресту», и к «Синдикату–2», и к рассекреченному ныне их «потомку» – «Монастырю»{24} с должным уважением, хотя с вполне объяснимой горечью и досадой.

Руководителям ОГПУ очень хотелось удержать «Трест» на плаву еще на несколько месяцев, ибо по многим причинам они были особенно важными.

– Я понимаю, Артур Христианович, что сделать это почти невозможно, – говорил Вячеслав Рудольфович, медленно прохаживаясь по своему кабинету. – Мы и так выжали из «Треста» максимум возможного, а то и больше. Но вы все–таки не Шахерезада, способная рассказывать свои сказки бесконечно долго.

Менжинский остановился возле стола, выглянул в окно, выходящее на Лубянскую площадь, и вдруг рассмеялся. Артузов встрепенулся. Менжинский объяснял свое настроение:

– А ведь они, – и он неопределенно взмахнул рукой куда–то в сторону, условно – на запад, – они–то нас оценили куда как благосклоннее, нежели кое–кто у нас. – И он еще раз махнул рукой, но уже не неопределенно, а совершенно точно в сторону Кремля, находящегося от Лубянки в каком–нибудь полукилометре.

Артузов рассмеялся: не далее как вчера он доложил Менжинскому, что уже восьмой сотрудник ОГПУ, участвовавший в операции «Трест», удостоен награды от спецслужбы одной из европейских стран: получил золотые швейцарские часы, правда, в целях конспирации, без соответствующей гравированной надписи на крышке. (Через пятнадцать лет эти награды будут представлены их владельцам как свидетельство измены. В этом же самом здании. Только за столом будет сидеть другой человек… Здание, кабинет, стол действительно будут теми же самыми. Но это будет уже не при той советской власти, за которую боролись Артузов и его сотрудники. Как, впрочем,

тысячи и миллионы их соотечественников, героев революции и Гражданской войны, ударников первых пятилеток, творцов новой науки, культуры…)

Артузов машинально поправил свободно повязанный галстук под мягким воротом толстовки – кроме Менжинского и сотрудников ИНО, вернувшихся из–за границы, он, должно быть, единственный из ответственных работников ОГПУ носил галстук.

– Я уже думал об этом, Вячеслав Рудольфович.

– Ваши предложения?

– Продолжение имитаций с крупными диверсиями отпадает. Если там всерьез заподозрили, что «Трест» – целиком наша мистификация, то, конечно, должны предположить, что устроить эффектный взрыв с пожаром нам ничего не стоит. Если не считать расходов на взрывчатку и керосин. Полагаю, нам следует организовать свидетельство в пользу «Треста» авторитетного во всех отношениях эмигранта, чья репутация и слово не подвергнутся и тени сомнения.

– Мысль верная, мне она тоже приходила в голову, я даже собирался поделиться ею с вами, но вы меня опередили. Но у меня есть и серьезные опасения, потому я не спешил эту идею высказать. А именно – боюсь, что после провала Савинкова и Рейли никто из крупных деятелей эмиграции не решится на ходку в СССР.

Артузов оживился:

– В том–то и дело, Вячеслав Рудольфович, что такой человек есть. Есть! И просто рвется совершить вояж в Россию.

– Кто же?

– Шульгин!

– Шульгин? Василий Витальевич? Не шутите? Как говорят англичане, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Тем не менее это так. Он действительно без нашего подталкивания хочет приехать в СССР. Об этом Якушеву написал Климович. Дело в том, что Шульгин до сих пор не может оправиться от постигшего его горя. Его старший сын в Гражданскую убит петлюровцами. Младший брат, Павел, тогда же умер от тифа. Еще один сын – Вениамин – пропал без вести. Еще в двадцать первом году Шульгин пытался разыскать сына, нанял каких–то контрабандистов и из Варны на парусной шхуне пересек Черное море. Высадился в Крыму, потерял половину экипажа и ни с чем вернулся обратно. В эмиграции есть популярная предсказательница, некая Анжелина Сакко. Она нагадала Шульгину, что Вениамин жив, но находится в какой–то больнице. Василий Витальевич, а он тоже всегда благоволил к Якушеву, просил его через Климовича помочь в поездке в СССР, чтобы

разыскать сына.

– Что ответил Якушев?

– Что гарантировать безопасность в нынешних условиях после нескольких провалов не может, но приехать приглашает.

– Правильно. А сына искали?

– Везде, где только можно. Но это же иголка в стоге сена. Никаких сведений о нем пока нет.

– Шульгин – это тот человек, который может помочь «Тресту» выжить, ну а если удастся разыскать его сына… – Менжинский не договорил, задумался, потом решительно хлопнул ладонью по столу. – Приглашайте Шульгина. Разработайте маршрут, только не нужно, чтобы все шло гладко, без сучка и задоринки. Это может ему показаться подозрительным, все–таки он не только публицист, но и создатель «Азбуки», и просто очень умный человек. И прошу еще раз поискать как следует его сына. Подключите милицию, Нар–комздрав.

Василий Витальевич Шульгин был видным политическим и общественным деятелем царской России последнего десятилетия. Стройный, всегда щеголевато одетый красавец с длинными, вразлет усами, богатый помещик Волынской губернии, депутат Государственной думы, владелец и издатель влиятельной газеты «Киевлянин».

В некотором роде Шульгин был фигурой исторической: в качестве члена Временного комитета Госдумы он вместе с Александром Ивановичем Гучковым, богатым предпринимателем, председателем Центрального военно–промышленного комитета (и будущим военным и морским министром Временного правительства), присутствовал при отречении императора Николая II от престола. Шульгин был убежденным монархистом, но от других эмигрантов его отличала прежде всего трезвость взглядов.

Это он, Шульгин, с душевной болью решился написать в своей книге «1920 год» слова, ставшие плодом не публицистического порыва, но горестных размышлений: «Белое движение было начато почти святыми, а кончили его почти что разбойники».

Шульгин решился…

В ночь на 23 декабря 1925 года в районе Стобцов Шульгин, отрастивший специально длинную седую бороду (для этого ему пришлось около трех месяцев пожить в Ровно у дальних родственников), одетый в долгополое пальто на вате, что делало его, по собственным словам, похожим на старого раввина{25}, с документами на имя Иосифа Карловича Шварца с помощью людей «Треста» перешел границу. «Проводником–

контрабандистом» был некий Иван Иванович – на самом деле сотрудник ОГПУ Михаил Иванович Криницкий. В сопровождении другого провожатого, некоего Антона Антоновича, Шульгин доехал до Киева, где и остановился в третьеразрядной гостинице «Бельгия». Антоном Антоновичем был также сотрудник ОГПУ Сергей Владимирович Дорожинский. Любопытное совпадение: до революции До–рожинский служил товарищем прокурора Киевского окружного суда, каковым тогда являлся… уже известный читателю Чебышев, единственный человек в эмиграции, который никогда в «Трест» не верил!

Шульгин жадно присматривался к стране, которую покинул в бесконечно, казалось, далеком 1921 году разоренной, по образному выражению писателя Артема Веселого, «кровью умытою». Сейчас, при нэпе, все ужасы Гражданской войны, внешне, во всяком случае, остались позади. Фабрики и заводы функционировали, люди сыты, в магазинах можно купить и продовольствие, и одежду, и товары домашнего обихода. Простой люд живет скромно, можно даже сказать, бедновато. Но не голодает, не нищенствует.

Страна явно приходила в себя после разрушительной и братоубийственной, в буквальном смысле слова, войны. Гражданские войны братоубийственны по самому определению, отличаются особой жестокостью с обеих сторон, а потому из всех войн являются самыми аморальными. И душевные раны по их окончании не заживают при жизни нескольких поколений.

Шульгин, как и его антагонист (которого он считал союзником) Якушев, более всего на свете опасался анархии, слепого русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», ведущего страну к разрухе, обнищанию, утрате веры и в Бога, и в Человека. И он пришел к парадоксальному для белоэмигранта, монархиста и убежденного врага советской власти выводу: а стоит ли начинать новую войну, пробуждать заново в людях звериные инстинкты и устремления? Чтобы этот умиротворенный сегодня народ «разнес последние остатки культуры, которые восстановили неокоммунисты при помощи нэпа»?

К своему крайнему удивлению, Шульгин увидел на прилавке книжного магазина собственную книгу «Дни», выпущенную ленинградским издательством «Прибой», и поразился еще больше, когда узнал, что ее внимательно прочитал Ленин.

После Киева была Москва. 13 января 1926 года Доро–жинский, соблюдая все меры предосторожности, привел Шульгина на квартиру Якушева. Кроме хозяина дома во встрече принял участие генерал Потапов.

Между ними состоялся весьма содержательный разговор.

Якушев высказал соображение, что в случае падения власти большевиков может произойти крайне опасная для судьбы страны и народа коренная ломка. Он также снова резко высказался против иностранного вмешательства, тем более вооруженной интервенции, в российские дела. Якушев по–прежнему поддерживал идею просвещенной монархии, и Шульгин в этом вопросе был с ним вполне солидарен.

Потом разговор перешел на личную проблему Шульгина. Василий Витальевич попросил Якушева помочь ему добраться до Винницы, где, по его предположениям, основанным на предсказании Анжелины Сакко, в больнице для душевнобольных находится его сын.

Якушев ответил категорическим отказом:

– В тех краях, уважаемый Василий Витальевич, вас слишком многие хорошо знают в лицо. Арестуют вас, нащупают ниточку и к «Тресту». Не нужно идти на ничем не оправданный риск. К тому же вы не знакомы с советскими реалиями. В лечебницу просто так посторонних не пускают. Ну приедете туда, каким образом начнете наводить справки? Даже если Вениамин там, то вряд ли под своей фамилией. А ваши вопросы могут вызвать у милиции и чекистов внимание к особе товарища Шварца. Город небольшой, там все становится известно за день–два…

– Как же быть? – растерянно спросил Шульгин. Он не задумывался над тем, каким именно образом будет осуществлять поиск.

– Сделаем так, – решительно произнес Якушев. – Мы пошлем в Винницу своего человека. Он отыщет Вениамина, если, разумеется, ваша информация верна. А чтобы Вениамин поверил, что этот человек действительно от вас, напишите ему записку. Закодируйте ее так, чтобы содержание мог понять только ваш сын.

Поразмыслив, Шульгин вынужден был согласиться с доводами Якушева.

Затем Якушев предложил Шульгину временно, пока его человек съездит в Винницу, пожить в Подмосковье на даче – пребывание в гостинице слишком опасно. Конечно, Москва не Киев, где Шульгина знало множество людей, но и в столице может найтись человек, который узнает бывшего депутата Госдумы, тем более что Василий Витальевич сбрил свою «раввинскую» бороду.

Дача была подобрана в районе станции Лосиноостровская, все заботы, связанные с пребыванием там Шульгина, возьмет на себя человек, которого Шульгин впоследствии называл Василием Степановичем{26}: «Он был в романовском{27} полушубке, в

барашковой шапке с наушниками. Ему не было тридцати лет. У него были очень красивые, выразительные глаза, которые я, несомненно, видел где–то. Может быть, не эти самые, но этого рода, племени. И было это племя хорошее».

Василий Степанович и сам жил с женой неподалеку, в получасе ходьбы. Звали супругу Василия Степановича Прасковьей Мироновной, и это имя, по выражению Шульгина, подходило к ней, «как лапти к шелковому чулку».

Много лет спустя, когда надобность в конспирировании отпала, Шульгин так описал Прасковью Мироновну: «По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая женщина, чтобы не сказать красивая. Я ее узнал уже в возрасте увядания, но все–таки кое–что сохранилось в чертах. Она была немного выше среднего роста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной. Она была помощницей Якушева… Мне приходилось вести откровенные разговоры с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: „Я старею. Чувствую, что это последние мои силы. В „Трест“ я вложила всё, если это оборвется, я жить не буду“.

Теперь самое время рассказать об этой необычной семейной паре, которая вошла в историю операции как супруги Красноштановы. Они свалились на Артузова как майский снег на голову и с тех пор стали для него хуже непроходящей зубной боли. Формально Красноштановы прибыли как эмиссары РОВС для повседневной связи с руководством «Треста», на самом деле – как соглядатаи Кутепова (ходили слухи, что Красноштанова приходится генералу племянницей).

Красноштанов был поручиком Георгием Радкевичем. Но верховодила у супругов жена, которая к тому же была лет на пять старше мужа – Мария Владиславовна Захарченко–Шульц, сущий дьявол в юбке. Экзальтированная фанатичка Белого движения, она, похоже, мнила себя не то русской Жанной д'Арк, не то по меньшей мере второй «кавалерист–девицей» Надеждой Дуровой.

Мария Владиславовна, урожденная Лысова, была воспитана и получила образование в знаменитом Смольном институте благородных девиц. Замуж вышла за поручика лейб–гвардии Семеновского полка Михно, который умер от ран в первые же месяцы мировой войны. Оставив крохотного ребенка на попечение родственников, Мария Владиславовна сумела пробиться в армию (правда, в отличие от героини Отечественной войны 1812 года Надежды Дуровой, ей не пришлось выдавать себя за мужчину; она вступила вольно–определяющейся в Елисаветградский гусарский полк, не раз ходила в разведку и

была награждена двумя Георгиевскими крестами).

После Октября Мария Владиславовна сколотила в Пензенской губернии небольшой отряд и во главе его воевала с большевиками. Потом она очутилась в белой армии, где вторично вышла замуж за ротмистра Захарченко. Этот муж тоже погиб – под Каховкой.

С третьим – без памяти влюбленным в нее Георгием Николаевичем Радкевичем она, по ее собственным словам, обвенчалась «под ракитовым кустом». Иначе говоря, они состояли в гражданском браке. Вдвоем они очутились в эмиграции, вдвоем оказались в близком окружении генерала Ку–тепова и заслужили его полное доверие. С документами на имя четы Шульц Кутепов и послал их за кордон. «Супруги Красноштановы» – это была их совместная конспиративнаяя кличка.

Артузов поручил Красноштановых попечительству Стау–ница. Тот вначале поселил их на своей квартире в Серебряном переулке, затем подобрал для них надежную дачу в Лосиноостровской. Стауниц официально считался казначеем «Треста», ведал в нем всеми техническими и организационными делами. По той же причине Якушев познакомил и Шульгина со Стауницем, назвав последнего «нашим министром финансов». Стауниц Шульгину понравился, и он, в свою очередь, назвал его «мотором», человеком огромной воли и инициативы, соединяющим коммерческие умения с превосходными конспиративными способностями.

Столь лестная характеристика лишний раз подтверждает правоту Артузова, включившего Опперпута в операцию «Трест». Уж если он понравился самому Василию Витальевичу, то что уж говорить о куда менее значительных личностях, регулярно прибывавших из–за границы. Та же Марияя Владиславовна со временем вообще безоглядно влюбилась в Эдуарда Оттовича, что имело трагические последствия дляя их «любовного треугольника». «Трест» легализовал Захарченко–Шульц паспортом на имя Пелагеи Васильевны Березовской, Радкевича – паспортом на имя Дмитрия Тихоновича Карпова. Радкевичу – «Карпову» предоставили ларек на Центральном рынке. Торговля в нем легализовала отчасти его доходы. Но главное – ларек стал надежным «почтовым ящиком» организации.

Из Лосиноостровской Шульгин иногда в сопровождении Марии Владиславовны, иногда в одиночку время от времени выезжал в Москву. Как–то он зашел в кинотеатр «Метрополь» и посмотрел фильм «Броненосец „Потемкин“», о котором тогда говорили повсюду. Картина произвела на Шульгина отвратительное впечатление. Он сразу понял, что фильм, который

несколько поколений советских, да и зарубежных кинокритиков по сей день называют гениальным, – всего лишь пропагандистская фальсификация, сработанная по социальному заказу талантливым режиссером Сергеем Эйзенштейном. (Отметим, что антисемитизм Шульгина в данном случае ни при чем, он знал, что Эйзенштейн не еврей, как полагали многие, а обрусевший немец.)

Шульгину было прекрасно известно, что восстание на «Потемкине» было на самом деле бунтом анархиствующих матросов, что ни о каких червях в мясе и речи быть не могло (о тогдашнем рационе не то что привилегированных военных моряков, но и обычных солдат, бойцы Красной, затем Советской, а ныне Российской армии и мечтать не могли), что знаменитая сцена, когда группу матросов накрывают брезентом для расстрела, как и еще более известная сцена с лестницей, – плоды буйной фантазии режиссера, которые наивный советский зритель принял за достоверные факты. И уж совсем отвратительными, способными пробудить в зрителе самые низменные чувства, справедливо посчитал Шульгин сцены зверской расправы осатаневшей матросни с офицерами броненосца…

Мучительно долго для Шульгина тянулись дни в ожидании чуда. Наконец из Винницы «вернулся» человек «Треста». На самом деле туда никто и не выезжал. Всю поисковую работу по распоряжению Артузова провели оперативные работники на месте. Они достоверно установили, что сын Шульгина действительно находился на излечении в Винницкой психолечебнице, но скончался задолго до поездки Василия Витальевича в СССР. Однако о смерти Вениамина решено было по ряду соображений Шульгину не сообщать. Якушев с искренним сожалением сказал ему, что ни среди больных, ни среди обслуживающего персонала лечебницы никого, кто мог бы оказаться Вениамином, не обнаружено. В сущности, это соответствовало действительности{28}.

В эти московские дни Шульгин еще несколько раз встречался с Якушевым и другими руководителями «Треста». Следует сообщить читателю, что генерал Врангель, если и не отвергал «Трест», подобно сенатору Чебышеву, относился к нему со значительным сомнением. Артузов знал об этом. Посему Якушев несколько раз вполне определенно высказал Шульгину свое огорчение, даже обиду на Врангеля. Шульгин его понял и принял такое решение: «Если, даст Бог, яя благополучно вернусь в эмиграцию, попытаюсь изменить точку зрения генерала Врангеля на „Трест“ в благоприятную сторону. Должен сказать, что я с величайшим удовольствием и даже, можно сказать, с

энтузиазмом принял это поручение».

Из Москвы Шульгин направился в Ленинград – новая масса ярких впечатлений. Не преминул посетить Зимний дворец, где, в частности, осмотрел экспозицию Музея революции.

«Перед одним портретом я простоял довольно долго. Это был господин средних лет, с большими усами. Лицо такое, какое бывает у еще молодых мужчин, когда у них уже начинает сдавать сердце.

Этот господин был мне, скорее, несимпатичен, во всяком случае, очень далек от меня. Между тем это был я собственной персоной».

На последней, после возвращения в Москву, встрече с Якушевым (именно тогда Василию Витальевичу и сообщили о безрезультатности поисков сына) Шульгин, приняв горькую весть с мужеством, спросил, что он может сделать в благодарность для «Треста». Помимо, разумеется, данного ранее обещания переговорить с Врангелем.

Подумав с минуту (хотя соответствующее решение уже было принято руководством ОГПУ), Якушев ответил, что, мол, хорошо бы, если бы Шульгин по возвращении написал о поездке книгу.

Поначалу Шульгин запротестовал. Как же так, это может навредить «Тресту», направить чекистов на след. Но после долгих переговоров и уговоров он согласился, но с условием: перед публикацией он пришлет экземпляр рукописи в Москву, чтобы из текста убрали все лишнее и опасное.

– Невероятно! – воскликнул Артузов, когда Якушев доложил ему о требовании будущего автора. – Я думал об этом, но просто духу не хватило высказать такое предложение через вас первым! Это могло бы натолкнуть Шульгина на некие размышления, не в нашу, разумеется, пользу…

6 февраля 1926 года Шульгин выехал из Москвы в Минск в сопровождении все того же Антона Антоновича. Через границу в Польшу его перевел старый знакомец – «контрабандист Иван Иванович».

Книгу под названием «Три столицы» (имеются в виду Киев, Москва и Ленинград) Шульгин написал довольно быстро. Лейтмотивом ее стали замечательные слова автора: «Когда я шел туда, у меня не было родины. Сейчас она у меня есть».

Резонанс в эмигрантской среде книга вызвала необычайный. Как и было оговорено, до сдачи рукописи в издательство Шульгин прислал по каналам «Треста» один экземпляр в Москву. Так что еще до ее выхода в свет (в январе 1927 года) рукопись внимательно прочитали Менжинский и Артузов. Из текста убрали всего–навсего две строчки, которые могли «расшифровать» кое–

кого. Оставили даже резкие высказывания Шульгина в адрес Ленина. (Кстати, спустя десятилетия Василий Витальевич пожалел, что допустил эти пассажи{29}.)

Еще до выхода книги у Шульгина было множество встреч с деятелями эмиграции. Один только бывший сенатор Че–бышев (который, кстати, прекрасно помнил своего прежнего помощника Дорожинского) после очередного восторженного рассказа Шульгина о своей замечательной поездке, о чудесных людях из «Треста», с которыми познакомился в пути и на местах, вернулся домой в подавленном настроении и 26 октября 1926 года записал в своем дневнике: «Странно! Или я чудовищно ошибаюсь в своих предположениях, или Кутепов, Гучков, Шульгин – жертвы чудовищной провокации».

Чебышев употребил слово «провокация». Ничего другого в силу своих взглядов и убеждений написать просто не мог, так что обижаться на него не стоит.

Автор данной книги придерживается другого мнения: операция «Трест» была не политической провокацией, а именно *операцией,* масштабной, многоходовой, классической, блистательно проведенной.

Но в одном Чебышев прав: он оказался единственным, кто догадался, что названных им трех весьма умных людей, мягко говоря, обвели вокруг пальца не менее умные люди с Лубянки. Если угодно, от «А» до «Я», в буквальном смысле – от Артузова до Якушева{30}.

РАЗГРОМ САВИНКОВЩИНЫ

В информации из Парижа сообщалось, что даже после ликвидации в 1922 году почти всех ячеек НСЗРС на советской территории Савинков не отказался от намерения создать под своим командованием единый центр антибольшевистской борьбы.

В ГПУ возникла идея «помочь» Савинкову, чтобы вывести его самого в Россию или Белоруссию и здесь окончательно обезвредить.

Председатель ГПУ поставил задачу: Савинкова необходимо арестовать на советской земле и предать открытому суду.

– Суду? – переспросил Артузов.

– Именно. Савинков – персонифицированное воплощение всей обозленности, ненависти, преступлений нынешней контрреволюции. В лице Савинкова мы и будем ее судить. Пролетарское правосудие не руководствуется чувством мести, но кровавый облик савинковщины обязательно должен быть обнажен перед рабочими и крестьянами, да и перед общественным мнением на Западе – убедительно и абсолютно.

– Это на суде, – с некоторым оттенком скептицизма в голосе протянул Менжинский.

– Ох уж эти законники! – засмеялся Дзержинский, явно намекая на высшее юридическое образование своего заместителя.

– Я не об этом, – невозмутимо отозвался Вячеслав Рудольфович, – я о задержании.

– А тут уж вам и карты в руки. Насколько я помню, вы лично знакомы с Борисом Савинковым, стало быть, его психологию, характер, амбиции знаете.

– Знаю, Феликс Эдмундович, потому многие трудности и предвижу. Савинков не просто умен и опасен, в вопросах конспирации он и талантлив, и опытен. – Менжинский встал, сделал несколько шагов по паркету, на секунду задумался. – С Савинковым и его братом я познакомился, будучи еще студентом юридического факультета Санкт–Петербургского университета. Потом и в ссылке встречались, и в эмиграции. Дискутировать приходилось.

– Вы сказали – с братом, – поинтересовался Арту–зов. – Это Виктор, что ли, из юристов, казачий есаул?

– Нет, что вы. Юристом был старший брат, Савинков Александр, он погиб потом на царской каторге. Одаренный был человек, хотя путаник страшный.

Дзержинский деликатно постучал тихонько пальцами по столу, словно возвращая Менжинского в день нынешний.

– Я предлагаю, – сказал он, употребив это слово как синоним другого – «приказываю», – такой план, в общих чертах, разумеется. Единственная наживка, на которую мы можем поймать Савинкова, – предложить ему занять пост вождя солидной контрреволюционной организации, здесь якобы существующей. И которая ждет не дождется, когда он, вождь, лично прибудет в Россию, чтобы поднять всенародное восстание против советской власти. Честолюбие, маниакальная убежденность в своей исключительности и незаменимости – вот те струны характера Савинкова, на которых мы будем играть.

Так было положено начало операции, вошедшей в историю ВЧК—ОГПУ под названием «Синдикат–2». Операции, в которой так ярко проявились все сильные стороны личности Артузова как контрразведчика и человека.

Что же касается слов Дзержинского, что пролетарское правосудие не руководствуется мотивами мести, то сегодняя некоторые сторонники радикального переписывания (а отнюдь не естественного переосмысления) отечественной истории, особенно ее советского периода, воспринимают их как лицемерие. Но это не так. Напомним, что именно по рекомендации Феликса Эдмундовича в годы Гражданской войны смертная казнь отменялась (кроме прифронтовой полосы) и была возвращена только из–за резкого обострениия вооруженной борьбы и роста бандитизма. Самым суровым наказанием для контрреволюционеров после смертной казни было заключение в концлагерь до окончания Гражданской войны (или высылка из страны). По сей день некоторые историки относят высылку за границу нескольких десятков известных русских мыслителей, ученых, писателей к самым страшным преступлениям Ленина и ГПУ. Однако никто не думает о том, что высылка на самом деле многим из них спасла жизнь. Несомненно, большинство высланных во времена сталинского большого террора были бы расстреляны.

* * *

Как внешность человека, манеры поведения, наконец, привычки соотносятся с его личностью? Тут, как известно, единого мнения нет, потому возможны и крайние точки зрения. Существуют, к примеру, теории, прямо связывающие внешний облик с конкретными наклонностями. Самая радикальная из них – теория итальянского психиатра Чеза–ре Ломброзо, утверждавшего, что ему достаточно взглянуть на человека,

причем незнакомого, чтобы определить наличие у него (или отсутствие) тех или иных преступных наклонностей.

И наоборот, существует народное выражение, подкрепленное жизненным опытом каждого из нас, что внешность бывает обманчива. Как бы то ни было, развернутый портрет человека, отражающий и его внешний облик, и характер, и поведение как форму общения с людьми, всегда представляет интерес, особенно если это человек выдающийся, а портрет сделан умным, внимательным и объективным наблюдателем. Более того, подобное «изображение» не только интересно для современников, но и ценно для истории.

На день написания этой книги был жив только один человек, близко знавший Артузова. Вот почему так дорого описание, которое дал своему начальнику и старшему товарищу Борис Игнатьевич Гудзь, работавший с ним неоднократно во внеслужебной обстановке{31}.

Итак, каким запомнился ему Артузов?

«Артур Христианович был невысокого роста. Коренастый крепыш. Шея крепкая, короткая, бицепсы рук и икры ног были почти одинакового размера с шеей. Особенно это было заметно, когда он носил сапоги. Кисти рук небольшие, но очень сильные. Его необычайная физическая сила сочеталась с крепкими нервами.

К тому же он умел быть тактичным. Помнится, однажды вскоре после Гражданской войны они по молодости затеяли с известным чекистом Ефимом Евдокимовым спор: у кого руки крепче. А надо сказать, что Евдокимов тоже силенкой не был обижен. Тут же засучили рукав, сцепили пальцы рук друг друга, уперлись локтями о стол. Теперь такое единоборство называется по–английски армрестлингом, по нему даже чемпионаты мира проводятся. Ну а у нас на Руси оно бытовало испокон веков и никак не называлось. Правило одно: локоть от стола не отрывать. Побеждает тот, кто припечатает кисть соперника к поверхности стола. Зрелище, когда состязаются люди, примерно одинаково сильные, впечатляющее.

В тот раз победителем вышел Евдокимов, чем остался весьма доволен. Радовался как мальчишка. Однако по хитрой улыбке Артузова я понял, что он умело поддался сопернику. Дело в том, что поединок проходил на «территории» Евдокимова, за ходом борьбы наблюдали его подчиненные. И дипломат Артузов не хотел сконфузить обидчивого Евдокимова перед его сослуживцами.

Голова у Артузова была крупная, лоб широкий. Темные пышные волосы, но уже в 23—24 года с заметной проседью.

Скулы широкие. Носил коротко стриженные усы и бородку клинышком. Когда задумывался, теребил кончик бородки. Брови широкие, с надломом. Глаза большие, темно–серые, очень умные и выразительные. В романе Льва Никулина «Мертвая зыбь» Якушеву приписано выражение, что Артузов в смокинге выглядел бы чуть ли не аристократом. Это не так, при невысоком росте Артузова, его широкоплечей фигуре штатское платье ему вообще не шло. А костюм военного образца, с брюками, заправленными в сапоги, шел. Когда яя увидел впервые в 1918 году Кедрова и Артузова, одинаково одетых в черные косоворотки, подпоясанных солдатским ремнем, в брюках, заправленных в сапоги, оба с окладистой бородой{32}, они произвели на меня впечатление народовольцев. Было в Артузове что–то от Желябова и Халтурина. Фигура плотная. Походка легкая и быстрая. Часто носил (особенно в последние годы) военную форму с ромбами в петлицах.

За годы долгой с ним совместной работы я никогда не видел его в служебной обстановке с расстегнутым воротом гимнастерки. Но в домашней обстановке, особенно на грядках огорода (у него был небольшой дачный участок в Одинцове), его костюм был предельно прост, часто он ходил даже без рубашки. Дача, весьма скромная, к слову, представляла для него интерес лишь как место, где он мог возиться на земле: он очень любил землю, сказывались, должно быть, гены швейцарского крестьянина.

Из привычек еще помню, что он часто закладывал большой палец правой руки за борт кителя или обе руки засовывал под мышки, буквой «Ф»: как раньше по старой азбуке говорили, «фертом». Работая, он часто расхаживал по кабинету. В эти минуты у него появлялась какая–то особая пружинящая походка, он словно скользил по паркету. Отдыхая, любил откинуться в кресле.

В разговоре у Артузова часто проскальзывали нотки юмора, иногда легкой и деликатной иронии, а то и сарказма. Он умел располагать к откровенной беседе. В сугубо официальной обстановке, даже отдавая приказы и распоряжения, не терпел казенщины и формализма.

У него было гладкое, без морщин лицо. Однако, видимо, потому, что носил бородку и усы, а волосы были с сильной проседью, выглядел старше своего возраста, лет на пять– восемь.

Артур Христианович никогда не курил и не пил. Много раз я бывал в его доме, в том числе и по праздникам, но не видел на столе не то чтобы водки, но даже сухого вина. И вот что странно: Артузов не выносил ничего сладкого. Чай и кофе пил без сахара, не ел конфет, пирожных и сладких ягод, тем более арбузов и

дынь. Вероятно, такова была особенность его организма.

Характер у Артузова был ровный и легкий. Конечно, иногда он бывал в плохом настроении, но никогда не переносил его на людей, соприкасавшихся с ним в эти минуты по работе. Всегда был вежлив и корректен. Терпеливо и доброжелательно выслушивал человека. Всегда смотрел собеседнику в глаза прямо, с интересом и любопытством. Рассказчиком он был исключительно интересным, обладал совершенно грамотной русской речью.

Его лекции на курсах ГПУ пользовались большой популярностью – такое мнение мне не раз высказывали чекисты, в свое время учившиеся в Москве. Конечно, большое значение имело само содержание его лекций. Они всегда отражали проведенные им дела. Говорил Артузов не только об успехах, но о неудачах и даже провалах.

Артузов с большой щепетильностью, доходящей до педантизма, относился к написанию и редактированию различных служебных документов, приказов, которые составлял сам, или к проектам, которые ему приносили подчиненные на подпись. Грамматику он знал безукоризненно, почерк у него был мелкий, не каллиграфический, но разборчивый. Знал несколько языков: французский, немецкий и английский, лучше – немецкий.

Артур Христианович любил спорт, вернее, физкультуру, физический труд. Ходил на лыжах, катался на фигурных коньках, даже выполнял элементы «школы», очень неплохо ездил верхом (в свое время он занимался в школе верховой езды), хорошо стрелял из пулемета, управлял автомобилем.

Отличительной чертой Артура Христиановича была исключительная скромность, даже иногда (в неслужебной обстановке) какая–то стеснительность. Любил петь. У него был сильный драматический тенор, с этаким металлическим оттенком. Он часто пел дома, в кругу близких друзей. Иногда пел и дуэтом. Артузов любил театр, живопись, литературу, особенно поэзию. В юности он и сам писал стихи, большей частью сатирические.

Артузов был очень внимателен к людям. С большим уважением относился к родителям, ближе был к матери – Августе Августовне. Был хорошим товарищем. В отношениях с коллегами у него было много общего с Менжинским. Дзержинский был для него большим авторитетом, но по характеру он был схож именно с Менжинским.

У Артура Христиановича было трое детей – сын Камилл и две дочери. Относился он к ним как старший товарищ, просто и уважительно, так же вел себя и с детьми своих товарищей. Свою

дачу он шутливо называл Лиденоры – в честь дочерей Лиды и Норы.

А еще Артузов был очень самокритичен. Подчиненным прощал их ошибки, себе – никогда и открыто их признавал. К тому же был доверчив, порой даже наивен, что весьма необычно для профессионала разведки и контрразведки столь высокого класса. В совокупности подобные черты характера при определенных обстоятельствах могут привести к трагедии. Такое и произошло с Артузовым. В 1937 году… »

Люди, знавшие Артузова, рассказывали автору о некоторых других его пристрастиях. Так, в очень редкие минуты отдыха, чтобы как–то отвлечься от серьезных дел, он предавался мелкобуржуазному занятию провинциальных салопниц: раскладывал… пасьянсы! Особенно уважал «Могилу императора», который сходился весьма редко.

Еще он любил на даче возиться с мотоциклом. Даже не ездить, а именно возиться: отлаживать мотор, регулировать тормоза, систему зажигания и т. п. Видимо, сказывалась его всегдашняя тоска по деятельности инженера.

* * *

Все последующие дни Артузов занимался разработкой новой операции. С Менжинским встречался каждый вечер – высказывал свои соображения, отстаивал их при критическом штурме Вячеслава Рудольфовича. Так отшлифовывалась и принималась каждая деталь. От некоторых внешне эффектных и заманчивых комбинаций и ходов пришлось отказаться.

– Знаете, Артур Христианович, – сказал как–то Менжинский, – у англичан есть поговорка «This is too good, to be true» – «Слишком хорошо, чтобы быть правдой». Знаете, когда все идет гладко, это уже вызывает подозрение. Не бывает так в жизни, согласитесь. Савинков – конспиратор с огромным опытом. К тому же дело Азефа и для него не прошло бесследно. Когда он планирует операцию, то обязательно закладывает в нее избыточный запас прочности на случай, если какие–то частности не сработают. Он по опыту знает, что в долгой войне без поражений и провалов не обойтись. А вы хотите обеспечить ему сладкую жизнь, одни успехи для повышения веса нашего «Синдиката». Савинков этому никогда не поверит.

Артузов в подобных случаях не обижался. Он глубоко уважал Менжинского за огромные знания, ум, опыт. А потому свое мнение отстаивал в разговорах с ним горячо и упорно, но без

упрямства. Если аргументы собеседника оказывались сильнее, умел согласиться с ними. Кстати, точно так же он вел себя и с подчиненными. Вот и сейчас, признав правоту Менжинского, отказался от «гладкописи», ввел в разработку определенные канавки и кочки, для большего правдоподобия и жизненной убедительности.

Все это, однако, касалось лишь общей схемы – тут помогал и первый опыт с «Трестом». В эту схему предстояло внести множество поправок, дополнений, обусловленных развитием реальных событий и личными качествами конкретных людей, которым предстояло принять участие в операции, причем с обеих сторон.

Артур Христианович изучил десятки савинковских агентов – либо задержанных в последнее время, либо находящихся под наблюдением контрразведчиков. Помогла информация, полученная при допросах Опперпута. Наконец у него появились основания прийти к Менжинскому с предварительным докладом.

– Кажется, нам удалось тут подобрать ключик, который, по моим предположениям, может открыть савинковские двери.

– Кто это? – оживился Менжинский.

– Шешеня…

Об аресте этого человека Менжинский, конечно, уже знал.

Бывший адъютант Савинкова – казачий сотник{33} Леонид Шешеня был послан на связь с ранее заброшенными на советскую территорию агентами. Он был родственником, а точнее, свояком Ивана Фомичева – влиятельного представителя Савинкова в Вильно{34} и частично в Варшаве. Арестовали Шешеню при попытке перейти границу. Савинков о его задержании еще ничего не знал. Менжинский сразу задал главный вопрос:

– Показания этот Шешеня дает?

– Дает. Назвал всех агентов, к кому шел. Мы их изъяли. Один представляет интерес.

– Чем?

– Он поселился в Москве около года назад, устроился охранником на железной дороге. Не исключено, конечно, что законсервирован, но, по–моему, просто ничего не хочет делать. Живет тихонько, и все. Семейный.

– Фамилия?

– Зекунов Михаил Дмитриевич.

– С Шешеней знаком?

– Нет. Они вообще люди разные. Шешеня просто солдат, служака. Савинкову такой нужен только как преданный исполнитель несложных заданий. Привезти, отвезти, проверить. Ну и стрелять, естественно, умеет. Зекунов интеллигентнее,

похоже, и совестливее.

– Что ж, – сказал Менжинский после некоторого размышления. – Арест обоих зашифруйте, обеспечьте секретность содержания и приступайте к разработке.

– Хорошо.

– Кого из сотрудников назначаете на главную роль?

– Андрея Павловича Федорова.

– Чем обосновываете?

– Деловыми качествами. Прекрасное образование – Мариупольская гимназия. По образованию – юрист, знает языки. До революции боевой офицер. С начала Гражданской – в Красной армии. Забрасывался в тыл к белым в качестве военного разведчика, действовал под видом белогвардейского офицера. Тверд, решителен, находчив, умеет отстаивать собственное мнение. Это очень важно, если придется столкнуться лично с Савинковым, вы же знаете, как он умеет подавлять людей. Еще одно соображение. Савинков писал как–то военному министру Франции, что советская власть в России может быть свергнута только русскими крестьянами. А Федоров внешне – типичный крепкий и сметливый русский крестьянин. Он уже внешне будет импонировать Савинкову как человек из гущи народа, а не говорун из интеллигенции, каких при нем и своих достаточно.

– Что ж, выбор, похоже, удачен. Я знаю Федорова, правда, не так много о его достоинствах.

– Значит, начинаю работать.

– Работайте. Через несколько дней будьте готовы доложить обо всем председателю.

XII Всероссийская конференция РКП(б), собравшаяся в августе 1922 года, как раз когда началась операция «Синдикат–2», отметила, что первый год новой экономической политики, совпавший с голодом и нажимом международной реакции, вызвал усиление антисоветской деятельности остатков разгромленных буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Не было ничего удивительного, что в нэповской лихорадке родились новые антисоветские центры и организации. Так, в Москве появилась и группа «Либеральные демократы». Программа организации была настолько аморфна и расплывчата, что позволяла присоединиться к ней любому антисоветчику, кроме разве что откровенных охотнорядцев. Идеальная среда для пышного расцвета эсеровского савинковского вождизма. Был, правда, у ЛД и один недостаток – группа эта в действительности никогда не существовала. Требовалось убедить Савинкова не только в ее реальном наличии, но и в том, что она способна поднять восстание в масштабах всей страны. Единственное, чего

якобы для этого не хватало, так это присутствия самого Савинкова как общепризнанного всенародного руководителя.

Председатель ГПУ, ознакомившись с планом «Синдикат–2», операцию утвердил. Еще раз попросил Менжинского и Артузова непрерывно держать его в курсе всех дел, связанных с Савинковым. Утвердил он и кандидатуру Федорова на роль полномочного представителя и одного из руководителей ЛД. Псевдоним Федорову был выбран Мухин, имя и отчество оставили настоящие – Андрей Павлович.

Для Зекунова Артузов придумал роль серьезную и интересную. Надо сказать, что этого савинковского эмиссара Артузов вычислил безошибочно. Зекунов в душе давно отошел от антисоветской деятельности, он и в самом деле ничего не делал в качестве резидента НСЗРС в Москве, очень тяготился своим прошлым и, в сущности, занял вполне лояльную

позицию по отношению к советской власти. Зекунов согласился помогать ГПУ, и забегая вперед скажем, что с порученным ему делом он справился успешно. Ему был присвоен псевдоним «Михайловский».

Шешеня был изрядно туповат. Как говорится, «чело его не омрачала печать мудрости». Каждую комбинацию с ним приходилось отрабатывать до мелочей, поскольку самостоятельно действовать он просто не был способен. И это притом что ему присвоили зажигательный псевдоним «Искра».

В условленный срок Шешеня послал Савинкову первое донесение, в котором информировал своего бывшего хозяина о политическом положении в советской России, сообщал, что появились новые силы, способные выступить против большевиков.

Новое письмо – Шешеня докладывает Савинкову о плодотворной работе в Москве эмиссара НСЗРС Зекунова. Следует перечень диверсий, актов террора и саботажа, якобы предпринятых в последнее время Зекуновым и завербованными им людьми.

Наконец настала пора для реализации замысла. Савинкову сообщают, что в Москве Зекунов встретил надежного человека, сослуживца по белой армии, бывшего офицера, Андрея Павловича Мухина. После осторожных взаимных прощупываний Мухин сознался Зекунову, что является одним из руководителей подпольной организации «Либеральные демократы». Более того, Мухин даже предложил Зеку–нову вступить в эту организацию.

Шешеня сообщал, что, по словам Зекунова, в рядах ЛД нет должного единства. Существуют две примерно одинаковые по численности группы – «активисты» и «накописты». Первые

требуют развязывания террора и диверсий, вторые ждут подходящего случая и подходящей обстановки. В итоге организацию раздирают противоречия: «У нас нет такого человека, который мог бы сплотить наше движение».

Это письмо породило в авантюрной душе Савинкова бу–доражущую мысль: в России нужен вождь. И этим вождем конечно же может стать только он, Борис Викторович Савинков.

В следующем письме Шешеня уже прямо намекал, что все больше и больше влиятельных членов ЛД склоняются к тому, что в качестве объединяющей силы должен выступить Савинков. Как сообщил Зекунов, на последнем заседании руководства ЛД Мухин назвал Савинкова самой сильной личностью среди всех сторонников активной борьбы с советской властью, находящихся за границей, да и «дома» тоже.

Так Артузов начал постепенно внушать Савинкову мысль о необходимости его приезда в Россию для консолидации антисоветских сил и руководства ими в решающий момент.

Интерес Савинкова к ЛД день ото дня возрастал, но он не слишком полагался на своего бывшего адъютанта и хотел узнать о положении в ЛД от более авторитетного и сведущего человека – самого Зекунова.

Тут уж Артузов рисковал явно по–крупному. Он вполне доверял искренности и порядочности Михаила Дмитриевича. Вопрос заключался в другом: выдержит ли тот состязание в непростом поединке с доверенными лицами Савинкова, тем более – с ним самим? Один неверный шаг или неточное слово и – конец. И самому Зекунову, и операции «Син–дикат–2».

Артузов рискнул, пошел ва–банк и послал Зекунова на границу. В Вильно его встретил полномочный представитель Савинкова Иван Фомичев, затем уже вдвоем они выехали в Варшаву, где Зекунову пришлось сделать настоящий доклад и ответить на тысячу вопросов о деятельности «Либеральных демократов».

Всё прошло благополучно. Зекунову, конечно, расставили немало ловушек, но он их миновал, сделав вид, что ничего даже не заметил. Более того, ему удалось установить имена и фамилии нескольких савинковских агентов, направленных в Россию.

Зекунов получил от своего савинковского руководства указание поддерживать тесные контакты с ЛД и пригласить их руководителя Мухина на переговоры о совместных действиях в Варшаву и Париж, где теперь постоянно обитал Савинков, а также супруги Деренталь. Приглашение было принято.

В жизни Федорова наступила нелегкая пора. Савинков мог проверить его не только через Зекунова. В любой момент в

столице мог появиться еще один эмиссар НСЗРС, о котором Шешеня ничего бы не знал, с одним–единствен–ным заданием: выяснить, кто такой господин Мухин и существует ли такой на свете вообще. После чего вернутьсяя обратно, опять же не поставив в известность ни Шешеню, ни Зекунова не только о результатах своей проверки, но и о визите вообще.

Поэтому Артузов принял решение перевести Андреяя Павловича на… нелегальное положение. Отныне Федоров в родной Москве жил с документами на фамилию Мухина. К ОГПУ он и на версту не подходил. Артузов, Пузицкий, Пи–ляр, Демиденко, Сыроежкин, другие товарищи встречались теперь с ним только на конспиративной квартире. Невысокий, но плотный, одетый в хороший костюм, специально отрастивший небольшую бородку, Федоров–Мухин походил на благополучного совслужащего, выбившегося в таковые из зажиточных крестьян.

Теперь ему предстояло впервые в жизни выехать вместе с Зекуновым за рубеж.

– Ваша задача – произвести впечатление. Не мы искали Савинкова, это его представитель Зекунов вышел на вас. Мы серьезная организация. Нам не хватает только популярной личности для того, чтобы возглавить движение, восстание. Имя! В сущности, ЛД в любом случае, с Савинковым или без него, сохраняет независимость. Набивайте себе цену, не стесняйтесь. О разгроме резидентур савинковского НСЗРС в советской России знает каждый мальчишка, об этом сообщалось в печати. На сегодня Савинков – генерал без армии. Он может только блефовать, настоящих козырей на руках у него нет. Только имя. В этом отношении соблюдайте пиетет.

Федоров слушал сосредоточенно, иногда переспрашивал, прикидывал, возражал, словом, проигрывал возможные ситуации, которые могли возникнуть в реальных условиях. Конечно, все предусмотреть было нельзя, но Артузов знал, что Федоров умеет мгновенно оценить обстановку и принять оптимальное решение. Это была одна из сильных сторон его оперативного дарования.

Поездка должна была осуществляться «нелегально» – на западной границе большими трудами чекистов (для этого требовалось создать самостоятельную и убедительную легенду) «оборудовали окно». Ведал им командир–пограничник Ян Петрович Крикман, старый латышский революционер, когда–то бежавший с царской каторги через Сибирь в Америку, по легенде – один из активнейших военных работников ЛД.

На польской стороне безопасность «гостей» с востока в помощь Савинкову (и собственному начальству, разумеется) обеспечивал капитан Секунда, возглавлявший на этом участке

пограничную экспозитуру{35}.

В Польше Зекунова и Мухина встретили на высшем уровне. Было созвано специальное заседание Варшавского комитета НСЗРС (после вынужденного отъезда в Париж Савинкова в Польше формально осталось не руководство союза, а лишь его территориальный комитет). Мухин сделал подробный доклад о деятельности ЛД, особенно подчеркнул ее возможности. Сообщил, что в организации нет единого мнения о необходимости слияния с союзом. Имеются, дескать, сторонники альянса, но есть и противники. Варшавяне дружно насели на Мухина, стремясь склонить его на свою сторону. Он держался солидно, только намеком давая понять, что ближе к сторонникам, нежели к противникам. Эта позиция позволила Мухину выудить из вошедших в раж савинковцев множество ценной информации. Итогом совещания стало решение комитета установить постоянную связь с ЛД, для чего в Москву командировался Иван Терентьевич Фомичев.

Связалась с Мухиным и польская разведка. В итоге она получила кое–какую изготовленную в ОГПУ информацию, а Мухин – возможность свободного передвижения по Польше в любое время. Денежный гонорар – само собой разумеется. Держался он при этом настолько уверенно, даже надменно, что польские офицеры, обычно не очень–то церемонившиеся с белогвардейскими шпионами, заискивали перед ним.

– У Андрея Павловича стальные нервы, если они у него вообще есть, – говорил впоследствии Артузову Зекунов.

Через то же «окно» на границе Федоров, Зекунов и Фомичев переправились в СССР{36}.

Теперь уже наступал черед чекистов проявить «гостеприимство». Сотрудники ОГПУ в Минске, Москве и других городах, в частности Ян Крикман, сделали все, чтобы у Фомичева сложилось представление о ЛД как мощной, хорошо законспирированной контрреволюционной организации. Устроили ему и встречу с руководителями ЛД. На ней присутствовал и сам Артузов, под псевдонимом, конечно, Никита Никитович. На оробевшего Фомичева он произвел сильное впечатление своей твердостью и масштабностью личности.

На этой чрезвычайно важной для дальнейшего развития операции и достижения конечной цели – вывода Савинкова Фомичев из кожи лез, убеждая руководство ЛД в желательности объединения. Это и требовалось Артузову: чтобы идею первыми высказали савинковцы, а не «Либеральные демократы».

Он дал понять эмиссару «великого террориста», что в объединении с союзом его организация не нуждается. Она вообще

пошла на контакт лишь из–за огромного личного уважения к Борису Викторовичу. О том, что было дальше, один из сотрудников Артузова, присутствовавший на совещании, писал: «Встреча несколько охладила оптимистические настроения Фомичева. Он увидел, что „организация“ идет на контакт неохотно. Представитель „организации“ (Арту–зов. – *Т. Г.)* откровенно заявил Фомичеву, что он не видит в савинковской организации реальной силы, слияние двух неравных сил едва ли целесообразно. Тогда Фомичев логическим ходом событий вынужден был заявить: «Давайте встретимся с Борисом Викторовичем Савинковым, а там видно будет». Эта установка создала для нас чрезвычайно выгодное положение, ибо приглашение о поездке в Париж выдвигали не мы, а противная сторона».

Фомичев вернулся в Варшаву, затем выехал в Париж и обстоятельно доложил о результатах поездки самому Савинкову. В итоге ЛД получила почти официальное приглашение, подтвержденное самим Борисом Викторовичем, выслать своего полномочного представителя в столицу Франции.

Теперь уже не только Менжинский и Артузов, но и лично председатель ОГПУ инструктировали Федорова. Такую встречу – с одним из руководителей всей контрреволюции в его собственном логове – чекисты готовили впервые. Оперативная идея оставалась прежней, поправки вносились с учетом лишь одного, чрезвычайно важного обстоятельства: Федорову предстоял разговор с исключительно умным, обладающим волчьей интуицией, беспощадным врагом.

– Вы знаете, что такое лонжа? – спросил в последний момент Артузов Федорова.

– Слово знакомое, вот только не помню, из какого лексикона, – ответил Андрей Павлович.

– Из циркового. Так называется канатик, который прикрепляется к поясу атлета, выполняющего особо опасный номер на высоте, под куполом. Так вот, вам в Париже придется работать без лонжи. Иначе говоря, без страховки.

Обговорив с Федоровым, в каком костюме тот отправится в командировку, Артузов определил разведчику методы ведения переговоров, да и просто бесед: избегать коротких и категоричных «нет» и «да», но и не сочинять «кроссвордов», собеседникам не подыгрывать, выспрашивать осторожно.

Дождливой июньской ночью Мухин перешел границу. Немного отдохнув на виленской квартире Фомичева, он сразу же выехал вместе с ним в Варшаву, к тамошнему представителю Савинкова, идеологу движения профессору Дмитрию

Владимировичу Философову.

Еще после майской поездки в Варшаву вместе с тем же Фомичевым Зекунов информировал Артузова: «Философо–вым получено от Бориса Савинкова письмо, в котором тот писал, что в ближайшее время в связи с обострением международного положения можно надеяться на улучшение материального и финансового положения савинковской группы. На заседании областного комитета в Варшаве было признано необходимым командировать Фомичева и представителя московской организации в Париж для доклада и дальнейших переговоров с самим Савинковым о продолжении работы, для чего представитель организации ожидается в Вильно 3—5 июня 1923 года. С технической стороны поездка в Париж препятствий не встретит, так как шеф (Савинков. – *Т. Г.)* обещал устроить заграничные паспорта, а Философов немедленно получит визы, так что свидание с Савинковым может состояться числа 12 июня, о чем он будет предупрежден Философовым заранее».

Таким образом, обстановка была просчитана Артузовым абсолютно точно. Встреча Мухина с Савинковым в Париже состоялась, правда, позднее, чем планировалось первоначально.

К сожалению, обострение международного положения для СССР действительно имело место. 8 мая министр иностранных дел Великобритании маркиз Джордж Натаниэл Керзон{37} предъявил советскому правительству меморандум, ставший известным в истории международных отношений как «ультиматум Керзона». В категоричной и надменной форме британский министр в кабинете консерваторов потребовал от нашей страны целого ряда уступок империалистическим державам, угрожая в противном случае новой интервенцией. Советское правительство отвергло наглый ультиматум. По всей стране прокатилась волна митингов протеста. Рабочие и крестьяне начали собирать деньги на строительство эскадрильи боевых самолетов. Артузов долго смеялся, купив как–то на углу Лубянки коробок спичек, на этикетке которого был изображен аэроплан с огромным кукишем вместо пропеллера и надписью «Наш ответ Керзону!». Так назвали и эскадрилью.

10 мая, словно эхо лондонского меморандума, прогремели выстрелы в Лозанне: белогвардейский террорист Морис Конради убил полномочного представителя нашей страны в Италии Вацлава Воровского.

Вот какие события омрачили политический горизонт Европы в начале лета 1923 года.

Первая встреча Федорова с Савинковым состоялась на

квартире последнего по адресу: рю де Любек, 32. Вторая – через день в дорогом ресторане. Были и другие встречи. На одной из них Мухин познакомился с «министром иностранных дел» при Савинкове Александром Аркадьевичем Дикгофом–Дерентале и его женой Любовью Ефимовной, которая исполняла обязанности секретаря Бориса Викторовича и его любовницы по совместительству.

Как–то на очередную встречу заявился молодой, лет тридцати пяти, блондин мощного телосложения с красивым, но чрезвычайно жестоким лицом. Немалых усилий стоило Андрею Павловичу выдержать его немигающий взгляд. Это был полковник Сергей Эдуардович Павловский, в прошлом офицер 2–го лейб–гусарского Павлоградского полка. Банды Павловского в 1921—1922 годах терроризировали приграничные районы Белоруссии. Павловский отличался безудержной храбростью, собачьей преданностью Савинкову и чудовищной жестокостью.

Савинков подверг Федорова мягкому, вежливому, можно сказать, великосветскому, но тем не менее самому настоящему допросу, с множеством «сюрпризов» – хорошо замаскированных ловушек, которые чередовались с последними французскими анекдотами и ядовитыми характеристиками деятелей белоэмигрантских кругов.

Федоров не попался ни на одну из уловок Савинкова, не дал ему повода в чем–то усомниться. Любопытна в этой связи пометка в дневнике Любови Дерераль: «А. П. говорил умно, его рассказы совершенно не похожи на то, что пережевывается в эмигрантских газетах. Он утверждает, что Россия возрождается… приводит цифры, факты. Он показалсяя нам человеком нового поколения».

А вот отзыв о Федорове самого Савинкова: «Я, старая революционная крыса, прощупал Андрея Павловича со всех сторон. Это просто новый тип, народившийся при большевиках и нам еще неизвестный».

И еще знакомство, неожиданное, важное и тоже опасное. В ресторане. Франтовато одетый, лощеный мужчина неопределенного возраста с восточной наружностью. И его спутница – миниатюрная, красивая женщина, не спускавшая с того восторженных глаз. Федоров узнал его мгновенно по словесному портрету, который помнил назубок каждый сотрудник ОГПУ и милиции: Сидней Джордж Рейли, заочно приговоренный Революционным трибуналом еще в декабре 1918 года как враг трудящихся к расстрелу «при первом обнаружении в пределах территории России». Спутницей оказалась его новая жена, кажется, четвертая по счету, актриса Пепита Бобадилья с сомнительным прошлым «дамы полусвета».

О главном требовании ЛД, вернее, условии, на котором организация согласилась бы на объединение с НСЗРС, Савинков хорошо знал. Об этом ему писал из России Шеше–ня. Эти письма льстили самолюбию Савинкова, но он не был настолько наивен, чтобы опрометчиво броситься в объятия первой же организации, которая пригласит его княжить на ее престоле. Как–никак, но за плечами его был и опыт «великого провокатора» Евно Азефа. Все надо было хорошо прощупать, разведать. Потому и приглашал на встречи то Дикгофа–Деренталя, то Павловского, то, наконец, Рейли, единственного человека, с чьим мнением он считался как со своим собственным.

На заключительной встрече Федоров официально по поручению своей организации предложил Савинкову возглавить объединенный центр Народного союза защиты родины и свободы и «Либеральных демократов», подразумевая при этом, что руководство будет не дистанционным – из Парижа, а непосредственным – из Москвы.

Федоров вернулся в Москву и доложил руководству о результатах поездки. Подчеркнул, что у него сложилось впечатление, что Савинков настроен приехать, но предварительно проверив еще раз реальность ЛД. Так оно и случилось.

Савинков, никого не предупредив, послал в СССР своего эмиссара. И не кого–нибудь из гражданских сотрудников своего штаба, а полковника Павловского. О прибытии Павловского Шешеня сообщил помощнику начальника КРО ОГПУ Сергею Васильевичу Пузицкому, игравшему роль второго лидера ЛД и руководителя военного отдела, профессора артиллерийской академии комбрига Новицкого.

Прежде чем явиться в Москву, Павловский устроил бандитский налет на советскую территорию, с боем прорвалсяя через границу, вошел в Демянск, ограбил почту, остановил поезд и обобрал пассажиров. Как всегда, грабежи сопровождались зверскими убийствами коммунистов, советских работников, просто мирных жителей – для устрашения. С новым кровавым «хвостом» 16 сентября 1923 года, в сопровождении верного «оруженосца» Аркадия Иванова он словно снег на голову свалился на Леонида Шешеню.

Павловский не Фомичев, действия которого можно было контролировать, а им самим незаметно, но твердо управлять. Павловский был опасный, бешеный зверь, способный натворить много бед. В разговорах с Шешеней (а затем и с сотрудниками Артузова) он не скрывал, что подозревает ЛД в контактах с ОГПУ.

По согласованию с руководством Артузов приказал Павловского арестовать. Учитывая физическую силу полковника,

его постоянную настороженность, владение приемами самозащиты и всеми видами личного оружия, требовалось по возможности точно рассчитывать все действия при аресте.

Павловского пригласили встретиться с военным руководителем ЛД комбригом Новицким. При входе в квартиру Пузицкого физически сильные сотрудники КРО Николай Демиденко и Василий Пудин не без труда скрутили полковника.

Телохранителя Павловского, выполнявшего в банде и функции палача, Аркадия Иванова на улице взял любимец КРО, добродушный богатырь Гриша Сыроежкин. В молодости Григорий серьезно занимался самым популярным в России до революции видом спорта – французской борьбой. Он наверняка достиг бы чемпионских высот, если бы в одной из схваток не сломал руку, кость срослась неправильно, и с карьерой профессионального борца пришлось расстаться. Но ни один «нормальный» мужчина сладить с Гришей не мог.

Аркадию не повезло – когда его в пролетке везли на Лубянку, он попытался бежать, ударил Сыроежкина, тот стукнул бандита по голове рукояткой нагана. Иванов скончался на месте.

Первые дни Павловский молчал. Тогда ему предъявили длинный список совершенных им на советской земле кровавых преступлений. Даже малой части их было бы достаточно, чтобы трибунал без малейших сомнений вынес ему смертный приговор. А Павловский, при всей его несомненной храбрости, оказывается, хотел жить. Потому и заговорил. Более того, он согласился оказать содействие контрразведчикам, хотя Дзержинский лично предупредил его, что ОГПУ никаких гарантий на жизнь дать ему не может. Судить его все равно будут. Видно, очень уж не хотелось Павловскому расставаться с жизнью, а каждый день в тюрьме был ее продлением. Как позднее выяснилось, полковник не исключал и возможность побега.

Появление в Москве Павловского и его арест вынудили Артузова внести в операцию существенные коррективы. Игра с Савинковым вступила в новую фазу. Теперь в Париже стали получать письма от Сержа, написанные им под диктовку Артузова. Конечно, были предприняты все меры, чтобы Павловский каким–нибудь заранее условленным знаком не дал Савинкову понять, что пишет не по доброй воле, а по принуждению.

Писем было несколько на протяжении всей зимы 1923/24 года и наступившей весны. Павловский информировал Савинкова о своей успешной работе в организации ЛД и якобы совершенных терактах и диверсиях. В качестве доказательств использовались специально опубликованные в газетах сообщения о пожарах,

катастрофах на железных дорогах и тому подобных происшествиях, которых в те годы по ряду причин (изношенность заводского оборудования, локомотивов, железнодорожных путей, низкая квалификация рабочих, вчерашних крестьян, острая нехватка квалифицированных инженеров и мастеров) было действительно слишком много. Их подавали как результат диверсий членов ЛД.

Федоров вновь приехал в Париж во второй половине апреля 1924 года, но Савинкова не застал: тот был в Лондоне, где пытался добиться денежной помощи от английской разведки. В отсутствие Савинкова Андрей Павлович коротал время в компании… Сиднея Рейли, который весьма интересовался деятельностью ЛД и намеком дал понять, что и сам не прочь поехать в Россию. Федоров обещал сообщить об этом руководству Центра, что, разумеется, и сделал. Таким образом матерый английский разведчик фактически сам начал готовить операцию по своей поездке в страну, где он, как известно, в соответствии с приговором Революционного трибунала был приговорен к расстрелу.

Наконец Савинков вернулся из Лондона, и на протяжении трех дней Федоров вел с ним переговоры, в ходе которых информировал о «возникших разногласиях» в ЛД и заочном избрании его, Савинкова, лидером организации. В те же дни в роли курьера ЛД в Вильно был направлен Григорий Сыроежкин с письмом Павловского, в котором тот просил Савинкова приехать в Москву для устранения разногласий и укрепления организации.

Савинков все более укреплялся во мнении: надо ехать в Россию. Он даже стал настаивать на этой поездке, но при одном условии – за ним должен приехать Павловский. Тут опытный конспиратор проявлял осторожность, похоже, он был обеспокоен длительным отсутствием самого, как он полагал, надежного помощника и доверенного лица.

Федоров вернулся в Москву и доложил обо всем Артузо–ву. Артур Христианович был встревожен настроением Савинкова. Весь план оказался под угрозой срыва, поскольку о поездке Павловского в Париж не могло быть и речи.

Оставался только один способ успокоить Савинкова: устроить встречу Фомичева с Павловским в Москве. По приглашению ЛД Фомичев охотно приехал и принял участие в двух инсценированных Артузовым совещаниях руководства организации, на которых присутствовал и Павловский. Готовя полковника к встрече с гостем, Артузов и не пытался пробудить в душе собеседника какие–либо человеческие чувства. Артур Христианович просто предупреждал Павловского, что квартира

надежно охраняется и что малейшая попытка при встрече с Фомичевым нарушить установленные для полковника правила игры кончится для него плохо. Этот язык Павловский понимал прекрасно.

Полковник успешно сыграл отведенную ему роль. Он нахваливал Фомичеву «Либеральных демократов» за то, что они наконец переходят к энергичным действиям, просил Ивана Терентьевича передать Савинкову его просьбу – разрешить остаться в России, чтобы помочь своим опытом и личным участием в намеченных серьезных диверсиях и террористических актах.

Однако Артузов понимал, что все по–прежнему висит на волоске. В конце концов Савинков может заупрямиться всерьез и категорически приказать Павловскому вернуться в Париж. Это надо было предупредить. И Артузов придумал новую комбинацию, одобренную руководством.

10 июня Фомичеву показали тревожную телеграмму: в Ростове при попытке ограбить почтовый вагон (а он знал, что ЛД нуждалась в деньгах) ранен Павловский. В сопровождении сотрудника КРО Фомичев срочно выехал в Россию. Павловского, однако, он в городе не застал: местные «активисты» сообщили ему, что Сергея Эдуардовича уже отправили на излечение в Москву, поскольку здесь, на месте нападения, ему оставаться было крайне опасно.

Коль скоро Фомичев уже оказался в этих краях, местные деятели ЛД предложили ему поближе познакомиться с их организацией в предгорье Кавказа. В Минеральных Водах Фомичев увидел человека с обусловленным предметным паролем – тот держал в руках чертежную линейку–рейсшину. Связной провел Ивана Терентьевича к руководителю местной организации ЛД. Это был высокий, еще молодой красивый мужчина. Представился он Борисюком. На самом деле это был уже знакомый читателю Игнатий Сосновский.

Чтобы успокоить озабоченного случившимся Фомичева, Сосновский предложил ему встретиться с главарем местных националистических банд, «князем» Султан–Гиреем. Султан–Гирей якобы был тесно связан с ЛД. Такая банда, действительно, еще совсем недавно существовала на Северном Кавказе, наводила ужас на местных жителей, но к описываемому моменту была уже разгромлена.

Встреча с «кавказскими партизанами» (добираться до них пришлось несколько долгих часов верхом, что для Фомичева обернулось настоящим мучением) была обставлена так эффектно, что совершенно ошеломила Фомичева: он увидел на сей раз не

московских «квартирных» заговорщиков, а настоящий отряд на все готовых и до зубов вооруженных джигитов! Особенно яркое впечатление произвел на него сам Султан–Гирей, роль которого с блеском сыграл контрразведчик Ибрагим Абиссалов, в мировую войну боевой офицер знаменитой Дикой дивизии, обладавший устрашающей горской внешностью.

Адъютант «князя» подробно рассказал Фомичеву, что произошло: оказывается, несколько боевиков отряда, который Павловский знал по восемнадцатому году, приняли участие в нападении на поезд по приказу своего старого командира. Поезд они остановили, но при попытке ограбить почтовый вагон, в котором – они точно знали – находились и мешки с деньгами, нарвались на неожиданно яростное вооруженное сопротивление поездной бригады и охраны почты. Павловский был ранен. Ему еще повезло, что нападавшие сумели вынести его с места схватки, при этом один партизан был убит…

В Москве на конспиративной квартире Фомичева ожидал «раненый и прикованный к постели» Павловский. Слабым голосом он рассказал, как хорошо поначалу проходила операция, они уже ворвались в вагон, но тут один из охранников, которого приняли за убитого, успел с близкого расстояния выстрелить в него из нагана.

Павловский был хорошо подготовлен – в качестве консультанта к нему пригласили квалифицированного военврача. Потому его рассказ о перенесенной хирургической операции по извлечению пули и последующем лечении был с медицинской точки зрения безупречен. Подобным «мелочам» в оперативной работе Артузов придавал огромное значение, справедливо утверждая, что плохие студенты всегда срезаются не на основных, названных в билетах, а на пустяковых дополнительных вопросах экзаменатора.

Для подкрепления устного рассказа Фомичева решено было послать в Париж и Федорова. Они повезли письмо Павловского, в котором тот детально сообщал обо всем случившемся и предлагал Савинкову немедленно приехать в Россию, чтобы взять руководство организацией в решающий момент ее перехода к активным действиям на всей территории Советов.

Последняя фраза была сочинена Артузовым с тонким проникновением в психологию Савинкова. В ней был скрытый намек, что отказ приехать в СССР накануне больших событий будет воспринят как проявление трусости. А для Савинкова это было равносильно политической смерти.

Прочитав письмо Павловского, Савинков задал лишь один вопрос, коим поразил Федорова:

– Сергей Эдуардович писал его сидя или лежа?

– Лежа, разумеется, – ответил Федоров, мгновенно вычислив ловушку и оценив исключительную проницательность Савинкова.

Конечно же, когда человек пишет лежа, у него несколько изменяется почерк. Наблюдательный человек это непременно заметит. В душе Федоров вознес хвалу Артузову, предусмотревшему и эту «мелочь». Действительно, морщась от «боли», Павловский писал письмо лежа. Причем в присутствии сидевшего рядом с ним Фомичева.

Каждый раз, заслушав устный отчет Федорова о поездке, Артузов любил порасспрашивать Андрея Павловича о Париже. По ходу поездки тому часто приходилось бывать в православном соборе Святого Александра Невского на улице Дарю. Напротив, наискосок, на углу с улицей Петра Великого располагался небольшой уютный ресторанчик «Петроград» (он существует по сей день).

Здесь собиралась, естественно, русская публика, бывали такие звезды, как Петр Лещенко, Юрий Морфесси, Надежда Плевицкая, Иза Кремер, Александр Вертинский…

Однажды Федоров застал здесь известного еще с дореволюционных времен поэта Дон Аминадо. Тот читал свои новые стихи…

Запомнились строки:

Живем, бредем и медленно стареем.
Плетемся переулками Пасси.
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси!

Стихи понравились Артузову – прежде всего своей угаданной точностью. Он хорошо знал, что район Пасси – место обитания тысяч эмигрантов из России. Это следовало учесть – его люди легко могли натолкнуться здесь (как и на службах в соборе в дни больших церковных праздников) случайно на старых знакомых…

Наконец Савинков решился… Он едет, и немедленно.

Вызывает из Праги сестру Веру Викторовну Мягкову, собирает и упаковывает свой обширный архив. Наставляет сестру, как следует его хранить.

Сообщает Федорову, что отправляется в Москву не один – его добровольно будут сопровождать Александр Аркадьевич и Любовь Ефимовна Дикгоф–Деренталь. Странная супружеская чета никогда Лубянку особенно не интересовала, но Федоров возражать не стал.

12 августа вся группа (к ним присоединился и Фомичев)

прибыла в Варшаву. Остановилась, как всегда, в отеле «Брюль». Сюда Савинков пригласил своих сотрудников, постоянно находившихся в польской столице, поставил их в известность о принятом решении.

15 августа, несколько изменив свою внешность, с паспортом на имя Виктора Ивановича Степанова, Савинков вместе с четой Дерентaль и Фомичевым через Вильно выехал к границе. Федоров отправился днем раньше, чтобы обеспечить «окно». На границе Савинкова встретили Федоров, Пузиц–кий и Крикман, которого Фомичев знал как Ивана Петровича Батова – «своего» человека в советских погранвойсках.

Через много лет Ян Петрович Крикман рассказал о том, что было дальше:

«В тот день с утра на границу приехали Пузицкий и Демиденко. Остановились в густых кустах невдалеке от пограничного столба. Ночь выдалась темная. Время тянулось медленно; прошел час, другой, третий – все тихо. Вдруг с польской стороны замигал огонек.

– Это Андрей Павлович, – сказал Пузицкий и пошел навстречу.

Андрей Павлович подавал нам сигнал фонариком. Рядом стояли Савинков, Любовь Дерентaль, ее муж, Фомичев и представители польской разведки Секунда и Майер. Пузиц–кий подошел к ним, поздоровался, сказал, что путь свободен. Майер и Секунда остались на своей стороне, а остальные ступили на нашу землю.

Я подошел к процессии, козырнул и в целях конспирации предложил всем сдать оружие, чтобы избежать каких–либо осложнений при дальнейшем передвижении.

Первым протянул мне свой револьвер Савинков, затем остальные. Фомичев, как старый знакомый, подошел ко мне, поздоровался за руку, словно желая показать остальным, что здесь он давно уже свой человек.

Я рассовал их револьверы по карманам и предложил следовать за мной. Чтобы переход границы не показался легкой прогулкой, я повел их по петляющей тропинке к кустарнику. Савинков и Фомичев шли не за мной, а сбоку, обгоняли меня, останавливались, прислушивались. Все было тихо. Мы еще днем предупредили начальника погранотряда, чтобы не выставлял на этом участке пограничников.

Вскоре мы вышли к спрятанным в балке лошадям, запряженным в две тачанки. Здесь, чтобы не вызвать подозрения у местного населения, я предложил «гостям» надеть красноармейские шинели и буденовки. В первой тачанке

разместились Савинков, Любовь Ефимовна, Пузицкий и Андрей Павлович в качестве возницы. Во второй – Фомичев, Александр Дерентaль и я, кучером у нас был пограничник. Доехали до большого озера в 12 километрах от Минска, сделали привал. Я предложил «гостям» снять шинели и буденовки: пограничную зону миновали и теперь не опасно ехать в штатском. Постелили шинели на траву, сели. Фомичев достал из саквояжа бутылку вина, закуску. Он чувствовал себя хозяином, суетился, и весь его деловой вид убеждал «гостей» в том, что опасность миновала и можно отдохнуть. Разлили вино по стаканам. Пузицкий и я пить отказались.

– Вы с дороги, устали, вам сейчас спиртное нужнее, – пояснил Пузицкий.

Покончив с едой, сели в тачанки, поехали дальше. В километре от города остановились.

– Борис Викторович, – сказал Пузицкий, – в город лучше войти пешком и не всем сразу.

Савинков согласился».

Было около семи часов утра 16 августа 1924 года, когда они вошли в предместье Минска. Здесь из осторожности разделились на три группы: Савинков, Любовь Дерентaль и Пузицкий и отдельно от них Александр Дерентaль должны были разными маршрутами проследовать в квартиру на Захарьевской улице, 33, Фомичев и Крикман – в гостиницу.

В гостинице Фомичева немедленно арестовали и отправили на вокзал – там уже был приготовлен для приема «гостей» специальный вагон.

Савинкова и супругов Дерентaль встретили более приветливо. Дверь им отворил хозяин квартиры – огромного роста богатырь лет тридцати пяти, с добрым округлым лицом – и пригласил в гостиную. Рядом с ним стоял худощавый, примерно такого же возраста мужчина, уже обычного роста и сложения. Это были хозяин квартиры – полномочный представитель ОГПУ по Западному краю{38} Филипп Демьянович Медведь и заместитель начальника КРО ОГПУ Роман Александрович Пиляр.

В гостиной уже был накрыт стол. Савинкову дали возможность поделиться своими впечатлениями о переходе границы, ближайшими планами. «Так вот ты каков», – думал про себя Пузицкий, глядя на худощавого человека невзрачной внешности, с высоким лбом, редкими волосами и срезанным подбородком. Только глаза, острые, умные, тяжелые, выдавали в нем незаурядную личность.

Внимательно слушали рассказ одного из столпов контрреволюции Пиляр, Медведь, Пузицкий. Один только

Федоров, полуприкрыв глаза (он не спал уже двое суток), отдыхал возле окна в мягком кресле. Ему разглагольствованияя Савинкова за долгие дни личного знакомства успели изрядно надоесть.

Позволив Савинкову выговориться, Пиляр поднялся, словно желая произнести очередной тост, но вместо этого сказал как–то очень обыденно:

– Вы арестованы, Савинков! Вы в руках ОГПУ!

Ни один мускул не дрогнул на лице Савинкова. Помедлив не более двух–трех секунд, спокойно, глуховатым голосом произнес:

– Позвольте закончить завтрак, господа. Позволили…

В тот же день Савинков, Деренталь и Фомичев были доставлены в Москву. Всю дорогу Савинков молчал, только во внутреннем дворе здания на Лубянке, выйдя из автомобиляя и оглядевшись по сторонам, сказал:

– Уважаю ум и силу ГПУ!

Арестованных разместили в одиночных камерах.

Следствие по делу Савинкова было проведено в кратчайший срок – всего за десять дней, поскольку Артузов и его сотрудники уже давно располагали всеми необходимыми материалами о его контрреволюционной деятельности начинаяя с 1917 года и до самого ареста. Принципиально важные допросы Савинкова проводил сам Артузов, остальные – его заместитель Пиляр{39}. На одном из первых допросов Артур Хри–стианович спросил Савинкова об условиях содержания под стражей. У арестованного никаких претензий не было. Ему доставляли газеты, а позднее, после завершения суда, разрешили и переписку с родными. Попросил только вернуть фотографию младшего сына – маленького Левы. Вернули{40}.

Артузов допрашивал подследственного по хорошо продуманному плану, задавал только ключевые вопросы.

– Как видите, мы добились многого, располагая ограниченными возможностями, – сказал он как–то.

– Я вас поздравляю, – без тени иронии отозвался Савинков, – у вас был верный разведывательный прогноз. Я оказался тем дураком, который смотрел на начало, умный всегда заглядывает в конец. Надеюсь, вы не предстанете передо мною «адвокатом дьявола». Такие есть в римской католической церкви, они изучают все факты из жизни покойного затем, чтобы определить, можно ли усопшего причислить к лику святых.

– О нет, – засмеялся Артузов, – какой же я «адвокат дьявола»? А вы не задумывались о ложности вашей борьбы? Что вы могли предложить народу? Посадить на его шею Врангеля, Маркова или, еще хуже, нового царя Николаяя Николаевича?

Ответ Савинкова оказался достаточно неожиданным:

– Задумывался. И был близок к тому, чтобы прекратить не только борьбу, но и вообще какую–либо политическую деятельность.

Артузов и виду не подал, что удивлен. Спокойно спросил:

– Были близки? Почему?

Савинков ненадолго задумался. Потом ответил:

– Для политика цель всегда существует в двух ипостасях. В первом смысле – как конкретная задача, решение которой и есть желаемая цель. Смысл второй куда более глубок. Он связан с мотивацией деятельности. Отвечает уже не на вопрос, что требуется сделать, но ради чего. Вот это–то ощущение «ради чего» я и утратил некоторое время назад.

Сыроежкин по возвращении в Москву был награжден орденом Ленина, а через несколько дней арестован и вскоре расстрелян. Такая же участь примерно в то же время постигла старшего сына Савинкова – Виктора Успенского.

– Иными словами, вы утратили надежду, что ваш союз когда–нибудь сумеет свергнуть советскую власть? Но он и не имел на это ни малейшего шанса, никогда не имел.

Савинков поднял глаза, спросил с неприязнью:

– Почему вы так уверены в этом?

– Если угодно, попробую объяснить, – охотно согласился Артузов. – С политической точки зрения ваш заговор был бесперспективен, потому что лишен какой–либо значительной базы. Народ на нашей стороне, а не на вашей. С точки же зрения профессиональной он был обречен с первой же минуты своего зарождения. Мы знали, предвосхищали каждый ваш шаг. Более того, самые важные из них мы же и определяли. Как вы теперь знаете, Андрей Павлович Мухин – наш сотрудник, «Либеральные демократы» никогда в природе не существовали. А ваши самые доверенные лица – Зекунов, Фомичев, Шешеня, даже Павловский – тоже работали на нас. Правда, Иван Терентьевич о том и не подозревал. Как и многие другие бывшие савинковцы, Зекунов и Шешеня утратили веру в правоту вашего дела…

Савинков стиснул зубы так, что кожа туго натянулась на скулах.

– Я догадывался кое о чем…

– На что же вы рассчитывали в таком случае?

– Это важно для следствия? – с иронией спросил Савинков.

Артузов покачал головой:

– Не слишком… Следствие, как вы понимаете, располагает в достатке абсолютно доказательными уликами ваших преступлений против народа. Я нарочно употребил слово

«народ», а не выражение «Советский Союз» или «советская власть». СССР и советскую власть вы не признавали. Ваше право. Но ведь вы всегда утверждали, что боретесь за счастье народа…

– Вы правы, – с глухой тоской подтвердил Савинков. И замолчал.

Артузов продолжал:

– Ваш индивидуальный террор до революции был бессмысленной авантюрой. И преступной. Потому что на нем вы погубили лучших людей своей партии. Честных и искренних в своих трагических заблуждениях. Ну а в семнадцатом году, когда вы пошли на союз с генералом Корниловым, на кого же был направлен ваш террор, уже, к слову, далеко не индивидуальный? А Рыбинск? А Колчак? А бандитские рейды Булак–Балаховича и Павловского? Чью кровь они проливали по вашему приказу? Не царских губернато

ров и полицмейстеров. Народа российского! Рабочих и крестьян! Странная любовь… – Артузов захлопнул папку «Дела». – Уверен, – глухо сказал он, – что, если бы вы с Азефом не погубили без всякой пользы для революции, а скорее во вред ей, Каляева и Сазонова, они сегодня были бы в наших рядах, а не с вами, Савинков. Но дело не только в этом. Тогда, в предреволюционные годы, народ не оценил вас как своих спасителей. Сегодня же он распознал в вас своих врагов.

– Я глубоко сожалею об этом, – тихо ответил Савинков. – И это понимание, а не предстоящий приговор наполняет сегодня мою душу страхом. Я не ответил еще вам, на что я рассчитывал, когда направлялся сюда, хотя интуиция меня предостерегала от этого шага{41}. Я сохранял надежду, что «Либеральные демократы» действительно существуют, что есть какой–то пласт, достаточно широкий, народа, который верит в правоту моего дела. Оказывается, ничего нет. И никого… Пустота… Вам этого не понять.

Артузов встал с кресла. Допрос был закончен. Поднялсяя и Савинков. Движения его были вялы и неверны, словно у старика. Глаза потухли. В какой–то отрешенности он выдавил сквозь зубы:

– Мне теперь все безразлично, в том числе и моя участь. Я уже человек не живой…

Артузов нажал на кнопку звонка, вызвал конвой. Савинкова увели.

27—29 августа 1924 года в Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось слушание по делу Бориса Викторовича Савинкова. Процесс был открытый.

По всем пунктам предъявленных ему обвинений Савинков свою вину признал.

В заключительном слове на вечернем заседании 28 августа Савинков сказал:

– Граждане судьи! Я знаю ваш приговор заранее. Я жизнью не дорожу и смерти не боюсь. Вы видели, что на следствии я не старался ни в коей степени уменьшить свою ответственность или возложить ее на кого бы то ни было другого. Нет. Я глубоко сознавал и глубоко сознаю огромную меру моей невольной вины перед русским народом, перед крестьянами и рабочими. Я сказал «невольной вины», потому что вольной вины за мной нет. Не было дня, не было часа, не было минуты, не было таких обстоятельств, при которых я искал бы личной выгоды, добивался личных целей, защищал бы интересы имущих классов… Всегда и при всех обстоятельствах руководствовался я одним, пусть заблуждался, но руководствовался одним – моей огромной любовью к родному народу.

…Как произошло, что я, Борис Савинков, друг и товарищ Ивана Каляева и Егора Сазонова, сподвижник их, человек, который участвовал во множестве покушений при царе, в убийстве великого князя Сергея и убийстве Плеве, как случилось так, что я сижу здесь на скамье подсудимых и вы, представители русского народа, именем его, именем рабочих и крестьян судите меня? За что? За мою вину перед крестьянами и рабочими.

…После тяжкой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно советскую власть и никакой другой. И каждому русскому, каждому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, – я говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок…

На этом судебное следствие было закончено. От последнего слова подсудимый отказался, после чего суд удалился для вынесения приговора.

Суд приговорил Савинкова к расстрелу. Однако по представлению самого суда в тот же день, 29 августа, Президиум ЦИК СССР, «…признавая, что после полного отказа Савинкова, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти, применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного

правопорядка, и, полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс, постановляет: удовлетворить ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять (10) лет».

После вынесения приговора Савинкова продолжали содержать во Внутренней тюрьме ОГПУ. Здесь ему обставили неказенной мебелью большую двухкомнатную камеру № 60, в которой он жил вместе с Любовью Ефимовной. Ему разрешили заниматься литературным трудом. Ежедневные прогулки он совершал не в тюремном дворе, а в парке Сокольники, тогда малолюдном, куда его возили на автомобиле. В сопровождении Гриши Сыроежкина Савинков несколько раз ужинал в уютном нэпмановском полуподвальчике на углу Рождественки и Пушечной улицы, напротив входа в роскошный ресторан при гостинице «Савой». Один раз они настолько засиделись, что Сыроежкин получил от Артузова выговор, правда, в устной форме и без последствий.

Пузицкий дважды вывозил Савинкова даже в театры, однажды в Большой на «Кармен», другой раз в незакрытую еще «Летучую мышь» в Большом Гнездниковском переулке. Оркестром там дирижировал двадцатипятилетний Исаак Дунаевский. На свидание с Савинковым приезжал из Ленинграда сын от первого брака Виктор Успенский.

«Феномен Савинкова» много лет не дает покоя его западным, да и отечественным биографам. Прежде всего их сбивала и сбивает с толку сама арифметика. В самом деле: между арестом Савинкова и началом судебного процесса над ним прошло всего двенадцать дней. За этот короткий срок непримиримый враг СССР пришел к безоговорочному признанию советской власти! Это казалось невероятным, невозможным, немыслимым! Объяснения на Западе давались самые фантастические: от первого, которое приходило на ум людям, меривши все по собственным меркам (дескать, Савинков пошел на поводу у обвинения, чтобы спасти свою жизнь), до совершенно уж бредового – якобы на скамье подсудимых находился не Савинков, а загримированный под него актер.

Всего одиннадцать дней работали с Савинковым Артузов и Пиляр. Этого ничтожно мало для подготовки судебного процесса даже над обычным уголовным преступником. Но этого оказалось вполне достаточно, если учесть, что по одну сторону стола в следственной комнате находились такие выдающиеся контрразведчики, как Артузов, Пиляр, Пузиц–кий, а по другую – человек столь быстрого и решительного ума, как

подследственный Савинков. Хитрить с Савинковым, расставлять ему обычные следовательские ловушки, каверзные вопросы и т. п. не приходилось. Задачи уличить Савинкова в содеянных им преступлениях не стояло: тут, что называется, улики были налицо и в достаточном количестве. От Артузова требовалось нечто принципиально иное: убедить Савинкова в бессмысленности его борьбы против советской власти, доказать ему, что народы бывшей царской

России, рабочие и крестьяне в первую очередь, считают эту власть своей собственной, кровной властью и никогда не поддержат против нее ни его, Савинкова, ни каких–либо других «освободителей».

Иначе говоря, Артузов и Пиляр должны были показать Савинкову, что преступления, им совершенные, были преступлениями не только против государственного и политического строя СССР – это Савинков понимал и на это шел, – но и тягчайшими преступлениями против того самого народа, борцом за свободу и счастье которого Савинков себя выдавал. Нужно было добиться публичного раскаяния Савинкова, матерого и упорного врага, имеющего тесные связи с правящей верхушкой империалистического мира, нужно было, чтобы сам Савинков выступил с разоблачениями происков международного империализма и белой эмиграции против СССР.

В этом и состояла политическая задача всей операции «Синдикат–2», в этом заключался ее политический итог, подвести который должно было уже не ОГПУ, а советский суд. Только так можно было сорвать с Савинкова маску идейного борца и обличить савинковщину как контрреволюционное политическое течение, подписать ему смертный приговор, что, кстати, вовсе не обязательно было связано с вынесением, а тем более приведением в исполнение смертного приговора самому Савинкову.

У Савинкова была единственная возможность избегнуть публичного признания своего полного политического банкротства – если бы он погиб, скажем, в перестрелке с пограничниками при переходе границы или в момент задержания. В этом случае имя его после смерти было бы окружено (эмиграция постаралась бы) ореолом великомученика, отдавшего свою жизнь святому делу борьбы с большевизмом и Советами. Но такой возможности чекисты ему не предоставили. Он был захвачен, как и намечалось планом операции, живым и здоровым.

Савинков был сломлен морально и духовно еще до суда, и вовсе не самим фактом своего ареста. Опытнейший конспиратор, старый заговорщик, он прекрасно понимал, что от случайного провала, ареста, гибели не застрахован никто. Он вполне мог бы

смириться и с малоприятным фактом, что его, Савинкова, в какой–то момент переиграло ОГПУ, сумев, к примеру, проникнуть в его организацию и устроить ловушку на границе. В этом случае проиграл бы только он лично – не повезло, бывает. Пускай бы большевики его расстреляли, но дело, бессмертное дело Савинкова продолжало бы жить и рано или поздно завершилось бы победой, его имя было бы выбито золотыми буквами на скрижалях истории. Увы… Ничего, оказывается, не было, не существовало в России никакой организации, только и ожидавшей его, Савинкова, прибытия в многострадальную столицу, чтобы возглавить новую революцию. Не ждал его и русский народ – в его представлении он, бывший революционер, был таким же ненавистным врагом, как любой белогвардейский генерал: Деникин, Колчак, Врангель…

Вот этого Савинков перенести уже никак не мог. Что–что, а в свою историческую миссию он верил безоговорочно. Савинков был фанатиком порочной идеи. Без нее он был несчастнее андерсеновского голого короля. Разоблачение, а точнее, всенародное уличение в отсутствии даже фигового листка какой–либо подлинной идеи для него было куда хуже физической смерти, которой он, человек сильной воли и сильных страстей, боялся меньше всего.

Знаменитому андерсеновскому мальчугану хватило всего трех слов: «А король–то голый!» Артузову и Пиляру дляя этого потребовалось одиннадцать дней. Правда, за ними стояли годы, что длилась редкая по накалу операция «Син–дикат–2».

Заявления Савинкова, сделанные им в ходе судебного процесса в заключительном слове (не следует смешивать с последним, от которого он отказался), общеизвестны. Они были опубликованы и в советской, и в зарубежной печати, вышли тогда же в виде отдельной брошюры. Менее известно, что свое полное идейное и политическое разоружение, признание советской власти он подтвердил, причем неоднократно, и в частных письмах, адресованных самому близкому ему человеку – сестре Вере, и бывшим соратникам, и в дневнике, который вел в заключении.

В них Савинков написал, что признал советскую власть прежде всего потому, что окончательно убедился, что русский народ поддерживает ее. Во всех письмах повторяетсяя мысль: «Русский народ не с нами, а с Советской властью». «Выбирая между всеми разновидностями бело–зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью – с другой, русский народ выбирает Советскую власть… Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но и вредна». «Правда в том, что не

большевики, а русский народ выбросил нас за границу, что мы боролись не против большевиков, а против народа… Когда–нибудь это… поймут даже эмигрантские „вожди“».

Последняя фраза – из письма сестре Вере.

А вот запись в дневнике: «Андрей Павлович [Федоров], вероятно, думает, что поймал меня. Арцыбашев{42} думает, что это двойная игра, Философов думает – предатель, а на самом деле все проще. Я не мог дольше жить за границей, не мог, потому что днем и ночью тосковал о России. Не мог, потому что в глубине души изверился не только в возможности, но и в правоте борьбы. Не мог, потому что не было покоя. …Не мог, потому что хотелось писать, а за границей что же напишешь? Словом, надо было ехать в Россию. Если бы наверное знал, что меня ждет, я бы все равно поехал…»

Захватив руководителя одной из самых опасных контрреволюционных, антисоветских, антинародных организаций – Савинкова, Артузов и его сотрудники одержали блестящую победу как чекисты. Вынудив Савинкова признать свое полное политическое банкротство, – цену этой победы удвоили.

Между тем Савинков, пребывая в тюрьме, все более впадал в настоящую, усугубляющуюся день ото дня депрессию. Тюрьма как форма наказания за содеянное была не для него. К смертной казни он был готов издавна, еще со времен покушений на царских министров и великих князей. Но не к тюремной камере, даже застланной по его просьбе ковром, даже с выездами в Сокольники и походами в театры и рестораны…

Он был человеком дела. Савинков в камере Внутренней тюрьмы чувствовал себя запечатанным в кувшине джинном из арабских сказок.

Настроение резко ухудшилось после того, как 9 апреля 1925 года была освобождена из–под стражи Любовь Ефимовна, делившая с ним камеру.

Он пишет отчаянное письмо председателю ОГПУ. Вот его текст, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«Гражданин Дзержинский.

Я знаю, что Вы очень занятой человек. Но я все–таки Вас прошу уделить мне несколько минут внимания.

Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, – меня поставят к стенке, – второй, – мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т. е. тюремное заключение, казался мне исключенным: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, «исправлять» же меня не нужно, – меняя исправила жизнь. Так и был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и

Пиляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать. Я был против вас, теперь я с вами; быть серединка–на–половинку, ни «за», ни «против», т. е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем, я не могу.

Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован, что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Теперь я узнал, что надо ждать до Партийного Съезда, т. е. до декабря—января… Позвольте быть совершенно откровенным. Я мало верю в эти слова.

Разве, например, Съезд Советов не достаточно авторитетен, чтобы решить мою участь. Зачем же отсрочка до Партийного Съезда? Вероятно, отсрочка эта – только предлог…

Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятию, третий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме – когда в искренности моей едва ли остается сомнение и когда я хочу одного: эту искренность доказать на деле.

Я не знаю, какой в этом смысл. Я не знаю, кому от этого может быть польза.

Я помню наш разговор в августе месяце{43}. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал в тюрьме и – мне не стыдно сказать – многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь: ведь когда–то и я был подпольщиком и боролся за революцию… Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение.

С искренним приветом

Б. *Савинков».*

Ответить на это письмо Дзержинский не успел. К тому же освобождение Савинкова было вне его компетенции. Помиловать Савинкова вторично мог лишь ВЦИК СССР. Дзержинский имел возможность только ходатайствовать перед высшим органом советской власти об этом. То, что от него зависело, он сделал: создал для осужденного Савинкова, мягко говоря, совершенно необычный режим содержания под стражей. И только. Председатель ОГПУ был вовсе не столь всевластен, как полагают многие историки.

Утром рокового дня 7 мая 1925 года Савинкова навестила в тюрьме Любовь Ефимовна. После ее ухода Пузицкий, Сыроежкин и работавший под «крышей» Наркомата иностранных дел сотрудник негласного штата ОГПУ Валентин Сперанский повезли

Савинкова на очередную прогулку. Но не ближнюю, в Сокольники, а в Царицыно, где ОГПУ располагало дачей (на ней, между прочим, происходило одно из «подпольных» совещаний руководства ЛД в присутствии Фомичева).

За обедом, да и после, Савинков несколько раз хорошо приложился к бутылке с коньяком и почему–то пришел в крайне возбужденное состояние. Именно «почему–то», поскольку обычно переносил алкоголь легко, мог выпить много, почти не пьянея.

Вернувшись в здание ОГПУ, все четверо зашли в кабинет отсутствующего на месте Пиляра. Кабинет № 192 располагался на пятом этаже, в крыле на Большой Лубянке, по той стороне коридора, где окна комнат выходили во внутренний двор. У кабинета заместителя начальника КРО была одна особенность: когда–то в нем был балкон. При реконструкции здания его убрали, вместо двери сделали окно с очень невысоким – на уровне колена – подоконником. Так как день был не по–майски теплый, даже жаркий, окно было распахнуто настежь.

Пузицкий вышел зачем–то в смежную комнату. Сыроеж–кин сидел возле окна, откинувшись в глубоком кресле, Сперанский – на стуле возле двери. Савинков расхаживал по комнате, жалуясь, что не получил ответа от председателяя ОГПУ, что не может больше пребывать в неведении, что ему нужна работа…

Остальное произошло в какие–то доли секунды. В очередной раз приблизившись к окну, Савинков как–то странно переломился в пояснице, вскрикнул и – выпал наружу. Сидевший почти рядом Сыроежкин успел было поймать его за щиколотку, но, по несчастью, поврежденной, а потому слабой рукой. Удержать Савинкова оказалось невозможно.

По сей день в западной, да и нынешней российской литературе упорно, с навязчивым постоянством регулярно появляется безапелляционное утверждение, что имело место вовсе не самоубийство Савинкова, но очередное преступление. Дескать, чекисты злодейски выкинули несчастного арестанта из окна. И никто не задается вопросом: а зачем тем же чекистам нужно было убивать давно и публично разоружившегося врага?

Неужели непонятно, что его смерть была им просто–напросто не выгодна (даже если отстраниться от моральной стороны)?

Как ни странно, не поддался на эту провокационную, в сущности, шумиху человек, который, казалось бы, должен был первым ее поддержать своим авторитетом. Речь идет об известном дипломате и агенте Роберте Брюсе Локкарте, одной из ключевых фигур пресловутого «Заговора послов» в 1918 году. В своей книге{44} он, хорошо знавший Савинкова, писал:

«По непонятной причине на Бориса Савинкова англичане

смотрели как на человека действия и, следовательно, как на героя. Больше, чем другие русские, Савинков был теоретиком, человеком, который мог просидеть всю ночь за водкой, обсуждая, что он сделает завтра, а когда это завтра приходило, он предоставлял действовать другим. Нельзя отрицать его талантов: он написал несколько прекрасных романов, он понимал революционный темперамент лучше кого–либо и знал, как сыграть на нем для собственной выгоды. Он столько общался со шпионами и провокаторами, что, подобно герою одного из своих романов, сам не знал, предает ли он себя или тех, кого он хотел предать. Как и большинство русских, он был одаренным оратором и производил впечатление на слушателя. Как–то раз он совсем покорил мистера Черчилля, увидевшего в нем русского Бонапарта. Однако в нем были роковые недостатки. Он любил пышность, несмотря на честолюбие, он не хотел пожертвовать своими слабостями ради этого честолюбия. Его главная слабость была и моей слабостью – склонность к коротким приступам лихорадочной работы, и вслед за ними – длинные периоды безделия. Я часто встречался с ним после падения правительства Керенского. Он приехал ко мне в Москву в 1918 году, когда за его голову была обещана награда. Опасность для него и для меня была велика. Единственной маскировкой служили ему громадные роговые очки с темными стеклами. Почти всё, о чем он говорил, сводилось к обвинению союзников и русской контрреволюции, в сообществе с которыми он обвинялся. В последний раз я видел его в ночном кабачке в Праге в 1923 году. Он был трагической фигурой, к которой нельзя было не чувствовать глубочайшей симпатии. Спустя некоторое время, растеряв всех своих друзей, Савинков вернулся в Москву и предложил свои услуги большевикам; меня это не удивило. Без сомнения, в этом беспокойном мозгу созревал какой–то грандиозный проект нанесения последнего удара на благо России и свершения какого–то необыкновенного „coup d'etat“{45}. Это была ставка игрока (он всю жизнь играл в одиночку), и, хотя противники большевиков утверждают, что он был убит – отравлен и выброшен в окно, я не сомневаюсь в его самоубийстве» (разрядка автора. – *Т.* Г.).

Не со всем в этом пассаже Локкарта можно согласиться (Савинков все же был и человеком действия), но в целом портрет террориста у него получился примечательный.

Последнюю точку в рассуждениях о «загадочной» смерти Савинкова должна поставить недавно опубликованная докладная записка по этому поводу, написанная Григорием Сыроежкиным, что называется, по свежим следам.

«ПОКАЗАНИЯ ПО ПОВОДУ САМОУБИЙСТВА

АРЕСТОВ. Б. В. САВИНКОВА

7 мая вечером по предложению тов. Пузицкого я прибыл в ГПУ для сопровождения за город арестов. Савинкова совместно с т. Пузицким и Сперанским. На автомобиле мы выехали в Царицыно, где пробыли 1 – 1 /2 часа и затем вернулись обратно в Москву. Зашли в комнату № 192, откуда должен был быть направлен во Внутреннюю тюрьму Б. С. Мне показалось, что настроение у него обыкновенное.

8 тот момент, когда тов. Пузицкий вышел в соседнюю комнату, кажется, за водой, Б. Савинков ходил по комнате, что–то рассказывал и вдруг совершенно неожиданно выбросился в окно. Я тут же вскочил, сделал прыжок к окну, но было уже поздно. Я увидел у двери (соседняя с окном, куда выбросился С.) тов. Пузицкого. В продолжение нескольких секунд мы все оставались в недоумении. Затем т. Пузицкий выбежал из комнаты для того, чтобы сделать тревогу. Я тут же выбежал во двор, где увидел Б. С., который был уже мертв.

Гр. Сыроежкин

9 мая 1925».

На этом и мы поставим точку в рассказе о Борисе Савинкове{46}.

На другой день после окончания сенсационного суда над Савинковым помощник положил на стол Артузова новое «Дело». На картонной обложке было выведено только одно слово – «Рейли».

КОНЕЦ АГЕНТА ST–1

– Сэр, ожидает приема мистер Сидней Джордж Рейли… Черчиллю не потребовалось напрягать память. Это имя господина средних лет с путаной биографией, только что вернувшегося из России (в свое время его представили в кулуарах Парижской мирной конференции в качестве консультанта британской делегации), канцлер казначейства знал достаточно хорошо. Тогда ситуация не позволяла его принять, как подобает государственному деятелю его, Черчилля, ранга. Но цепкая память уже держала этого человека на заметке. Теперь же в самую пору пригреть жаждущего борьбы специалиста по российским делам. Опытнейший разведчик, изворотливый и смелый агент МИ–1(с), теперь выделившейся в самостоятельную службу разведки МИ–6, иначе Сикрет интеллидженс сервис, по псевдониму ST–1, способен на многое.

– Просите!

Рейли умел носить любую одежду так, словно в ней родился: от фрака до истрепанной красноармейской гимнастерки. Сейчас на нем была скромная, но сшитая явно у хорошего портного визитка. Войдя в кабинет, он почтительно наклонил голову.

Глаза Черчилля беззастенчиво ощупывали посетителя.

– Я предугадываю смысл вашего визита. Вы хотите возвратиться в Россию?

– Да, сэр. Я здесь мерзну от недостатка движения. Я еще в форме и кое на что способен. Спасение России – мой долг.

– Насколько мне известно, вы там приговорены к смерти. Не поведя бровью, Рейли уверенно ответил:

– Это меня не останавливает. Я не хочу и не могу идти через жизнь по избранному пути с опаской, уклоняясь от риска.

– Вы хотите войти внутрь Советов своеобразным никотином, – хохотнул Черчилль, прикуривая от золотой зажигалки толстую гаванскую сигару, – чтобы отравлять и отравлять их организм. – И он выпустил струю сизого дыма. – В связи с вашим решением, которое мне вполне импонирует, хотелось бы уточнить одно обстоятельство: предстоящие акции в России кто–нибудь изъявляет желание финансировать?

– Нет, сэр, – тяжело вздохнул Рейли. – Даже ведомство, которому я подчинен, сомневается в моем предприятии. В этом моя главная трудность, в ее разрешении я и прошу вас помочь.

– О, мистер Рейли, я вам сочувствую. Трудные времена настали. Европа потрясена революциями. Финансы большинства стран расстроены или находятся под контролем левых сил,

всякого рода оппозиций. Финансировать акции, подобные тем, что вы задумали осуществить, сейчас не в моде. Где же взять деньги? Думаю, что способ добычи денег вы найдете сами.

Рейли весь превратился в слух: вот–вот, после того как пролил крокодилову слезу, Черчилль все же укажет на источник финансирования. Но Черчилль молчал. Рейли понимал деликатность положения Черчилля, с ним туманно вести разговор – все равно что загубить идею на корню, и он уверенно заявил:

– На первых порах я обернусь своими средствами. Докажу реальность моего дела, и помощь придет. В этом я уверен.

– У вас есть деньги? Собственных денег у Рейли не было.

Однако вопрос Черчилля не выбил разведчика из колеи делового разговора. Он отлично знал, что вот так просто, с первого раза, без достойного и достаточного обеспечения, Черчилль не даст ему и фартинга. Он предвидел вопрос, а потому у него заранее был подготовлен и ответ:

– Нет, но у меня имеется вполне реалистичный план, как достать миллионы, чтобы свергнуть большевиков. Сама Россия станет финансировать меня.

Черчилль был заинтригован:

– Каким образом?

– Все очень просто, сэр. Россия богата не только пенькой, мехами и цитварным семенем, но и произведениями искусства, которым нет цены. Мои агенты будут вывозить их в Европу, думаю, что богатые покупатели здесь найдутся. Полотна старых мастеров не знают, что такое инфляция. Вот так я намерен российскими сувенирами свергать большевиков.

Черчилль нахмурил бугристый лоб, обдумывая услышанное. В глазах смешались выражение беспокойства и неподдельный интерес.

– Любопытная игра. Но она граничит с нарушением международного права. Не так ли?

– Да, сэр, и я это знаю. Но для нас дорого время. Главное – не дать большевикам окрепнуть. Моя цель, надеюсь, вы ее одобряете, свалить их, пока они стоят на слабеньких ножках. А для этого все средства хороши. Позволю себе отметить, сэр, и другое: у меня есть в России опора. – Рейли замолк, словно колеблясь, потом решился и произнес негромко: – Что же касается международного права, сэр… Мне доводилось бывать и в Британском музее в Лондоне, и в парижском Лувре. И я не уверен, что все тамошние экспонаты, в том числе самые прославленные, попали туда при строгом соблюдении норм международного права.

Черчилль нахмурился, но сделал вид, что не слышал последней, достаточно дерзкой фразы. Заговорил о другом:

– Но я вас должен предупредить – у Советов неплохо налажена контрразведка, а вы однажды уже потерпели там фиаско. – Черчилль тяжело встал – знак, что аудиенция окончена, что надо – он сказал. Протягивая на прощанье руку, все же не преминул обнадежить Рейли: – Я одобряю ваше решение снова отправиться в Россию. Занимайтесь тамошними делами, я буду рад, если от вас поступят добрые вести. Все мои симпатии и расположение целиком и полностью на вашей стороне. Об этом будет знать и Интеллид–женс сервис. Ну а субсидии… По–моему, это не проблема. Ваш первый успех послужит своеобразной визитной карточкой, которая откроет вам двери в любой английский банк, и не только в английский…

АВТОРСКАЯ ПЕРЕБИВКА

Снята завеса таинственности со многих событий ушедшего века. Но биография одного из самых знаменитых авантюристов и мистификаторов этой эпохи, каковым, без сомнения, является Сидней Джордж Рейли, по–прежнему полна загадок. Бытующие версии его биографии содержат

столько несуразиц, что иногда создается впечатление, что речь в них идет о совершенно разных людях.

Эта мысль приходила в голову не одному историку. Более того, уже опубликован роман (во всяком случае, его авторы называют свой опус именно романом, никак не меньше), в котором утверждается, что ВЧК—ОГПУ умышленно сплели воедино биографии трех–четырех лиц примерно одного возраста, чтобы создать образ этакого демонического, распутино–мефистофелевского персонажа, олицетворяющего происки и козни мирового империализма и контрреволюции против Советской страны.

Достоверно, с точностью до года, месяца, а то и дня, установлена лишь разведывательная и подрывная деятельность Рейли против советской России, на ее территории в период с 1918 по 1925 год. Все остальное – год и место рождения, национальность, происхождение, образование, многие другие факты не очень продолжительной жизни – покрыто, как любили некогда выражаться романтические литераторы, «мраком неизвестности».

Есть официальный документ: протокол допроса, сделанного в ОГПУ 7 октября 1925 года помощником начальника КРО Владимиром Стырне. Арестованный дал следующие ответы на поставленные ему следователем вопросы.

Фамилия, имя, отчество: Рейли Сидней Георгиевич. Год рождения – 1874–й. Британский подданный. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность): Клонмэл, Ирландия. Отец капитан морской службы. Местожительство (постоянное и последнее): постоянное – Лондон, последнее время – Нью–Йорк. Род занятий: капитан британской армии. Семейное положение: жена за границей. Образование: университетское. Университет окончил в Гейдельберге – философский факультет и в Лондоне – Королевский горный институт, по специальности – химик. Партийность: активный консерватор.

Казалось бы – все ясно. Однако…

Солидная американская «Энциклопедия шпионажа» Нормана Полмара и Томаса Б. Аллена (в США издана в 1997 году, в России

в 1999 году), к примеру, указывает, что сам Рейли иногда называл годом своего рождения то 1874–й, то 1877–й. Спрашивается, почему?

Известная писательница–эмигрантка Нина Берберова, автор многих художественных биографий выдающихся деятелей отечественной культуры, в своей книге «Железная женщина» уделила Рейли несколько весьма выразительных строк. Надо отметить, что Берберова вращалась в тех кругах, где бывал Рейли, знала многих людей, осведомленных о каких–то моментах его биографии и деятельности.

Итак, версия Берберовой: «Еще в мае месяце (1918 года. – *Т. Г.)* появилась на московском горизонте новая фигура – человек импульсивный, храбрый и неуравновешенный, авантюрист, какими богата была русская жизнь с конца прошлого века, сыгравший роль в судьбе Локкарта. Он принес ему готовый план свержения большевиков, и под влиянием этого сильного, бесстрашного, честолюбивого и, конечно, обреченного человека, приехавшего к нему из Петрограда, Локкарт не только укрепился в своем убеждении, что без интервенции большевики не могут быть свергнуты, но и весь ушел в работу, чтобы ускорить их падение[{47}].

…Человек, прибывший из Петрограда и введенный в кабинет Локкарта капитаном Кроми, был опытный секретный агент Георгий Релинский, многим известный под именем Сиднея Рейли. Он родился в 1874 году, вблизи Одессы. Незаконный сын матери–польки и некоего доктора Розенблю–ма, который бросил мать с ребенком, после чего очень скоро она вышла замуж за русского полковника. Учение он бросил и начал вести авантюрную жизнь, в поисках опасностей, выгоды и славы. Уже в 1897 году мы видим его агентом британской разведки, куда он причалил после немалых приключений и путешествий. Его послали в Россию. Он женился на богатой вдове, видимо, ускорив с ее помощью смерть ее мужа; в 1899 году у него был короткий роман с автором «Овода» Э. Л. Войнич, после чего он перешел на постоянную работу в Интеллидженс сервис. В это время он переменил фамилию и благодаря прекрасному знанию иностранных языков мог выдавать себя за прирожденного британца, во Франции сходить за француза, а в Германии – за немца. Вплоть до войны 1914 года он в основном жил в России, был со многими знаком, бывал повсюду и водил дружбу с известным журналистом и редактором «Вечернего времени» Борисом Суворины… Он был активен в банковских сферах, знал крупных петербургских дельцов, знаменитого международного миллионера, ворочавшего всеевропейским вооружением, грека по

рождению сэра Базиля Захарова, строившего военные корабли и продававшего их Англии и Германии одновременно…

Рейли разводов не признавал, но был три раза женат. Последний раз Рейли женился в 1916 году на испанке Пепите Бобадилья. В то время он жил в Германии, ездил в США, Париж и Прагу. Паспортов у него было достаточно для всех стран, воюющих и нейтральных. Затем, в 1918 году, правительство послало его снова в Россию, здесь он должен был поступить в распоряжение некоего Эрнеста Бойса, установить контакты с капитаном Кроми, а также с главой французской секретной службы Вертемоном и корреспондентом «Фигаро» Рене Маршаном; эти два последних были ему представлены в американском консульстве в Москве французским консулом, полковником Гренаром.

В эти годы Рейли, судя по фотографиям, был высокого роста, черноглаз, черноволос, слегка тяжеловат, с крупными чертами самоуверенного, несколько надменного лица. Он не ограничился Вертемоном и Кроми, но немедленно начал устанавливать самостоятельные связи с оставшимися в Москве и Петрограде представителями союзных и нейтральных государств, расставляя сети для уловления полезных ему информаторов, иностранных и русских, стараясь сблизиться с такими людьми, как Каламатиано, грек, работавший на секретную службу США (глава американского Красного Креста Робине был вне пределов досягаемости), как англичане Джордж Хилл и Пол Дюкс, который еще до войны работал в Москве, и конечно – Брюс Локкарт. Все эти лица в то время имели каждый свои связи с русскими антибольшевистскими группами в самых различных слоях населения: от офицерства до духовенства и от купечества до актрис.

…Локкарт, отбросив все свои старые колебания, был до такой степени под впечатлением от Рейли, появившегося в Москве, что к середине июня он решил, что Рейли именно тот нужный ему человек, которого ему не хватало: целеустремленный и твердый, с готовым планом и безграничной уверенностью, что будущее в его руках.

Рейли, несомненно, был человеком незаурядным, и даже на фотографиях лицо его говорит об энергии и известной «магии», которая в этом человеке кипела всю жизнь. Были ли это уже тогда зачатки сумасшедшей мании величия или гипнотическая сила, скрытая в нем? Она выливалась в его словах и заставляла людей, вовсе не склонных к благотворительности, давать ему огромные денежные суммы или людей, лучше его понимавших положение в России, выслушивать его и заряжаться его энтузиазмом.

Несомненно, в нем была сила убеждения (он, кстати, видимо, никогда не терпел неудач с женщинами), и, когда он заговорил о возможности открыть союзному десанту путь с севера на Москву, люди слушали его, и проект его безумного рискованного плана становился если не реальностью, то, во всяком случае, идеей, таившей в себе потенциал, на которую стоило решаться».

В уже названной американской «Энциклопедии шпионажа» также утверждается, что Рейли родился близ Одессы как Зигмунд Розенблюм, внебрачный сын русской женщины польского происхождения и врача, еврея из Вены. Потом якобы мать вышла замуж за русского полковника, которого хорошо знали при царском дворе. (Тут сразу возникает несколько вопросов. Если Рейли – внебрачный ребенок, то почему у него фамилия отца? А если это фамилия матери, то она не полька, а еврейка. Но в таком случае чистой фантазией следует считать утверждение, что на одесской еврейке женился царский полковник, да еще близкий ко двору!) Узнав о своем незаконном происхождении, Рейли уехал в Бразилию, там спас жизнь каких–то английских офицеров, и они в знак благодарности выправили ему британский паспорт, с которым он и заявился в Англию. Еще под фамилией Розенблюм в 1898 году он женился на вдове по имени Маргарет Томас. Через год он сменил фамилию (каким образом?!) и стал Сиднеем Рейли. Он свободно владел английским, русским и еще пятью языками.

Затем якобы Рейли учился в колледже в Индии и получил диплом инженера–путейца. Во время пребывания в Лондоне Рейли был завербован военной разведкой и получил псевдоним ST–1. Тогда он вроде бы вел слежку за антицаристскими поляками–эмигрантами в Лондоне. В 1899—1902 годах Рейли, выдавая себя за немца, занимается шпионажем на фронте Англо–бурской войны. По другой версии, в то же самое время он, выучившись на инженера по сварке металлов в Лондоне, переправляется в Германию, устраивается на один из заводов Круппа, чтобы изучить немецкую военную промышленность.

У последней версии есть «подвариант»: Рейли работает не на заводе, а на судоверфи.

Накануне Русско–японской войны Рейли видят в Порт–Артуре в обличье купца. Когда война разразилась, он вернулся в Англию, поступил в Королевскую горную школу, затем два года обучался в Тринити–колледже Кембриджского университета. (В этом пункте есть совпадение с показаниями на следствии в ОГПУ.) Закончив учебу и став специалистом по химии нефти, Рейли отправляется в Иран, где идет большая игра с участием Англии, России и Франции, связанная с природным богатством этой страны.

Затем – снова Россия. Рейли – партнер одной из российских оружейных фирм. Он также… представитель России в Германии, где строились корабли для возрождающегося после цусимского разгрома отечественного флота. При этом он снабжает британское Адмиралтейство чертежами германских военных кораблей.

Перед мировой войной Рейли находится в Нью–Йорке в качестве российского агента по закупке оружия. Здесь к нему приезжает Надин Массино (запомните эту фамилию), русская женщина, жена крупного чиновника морского министерства, влюбившаяся в него еще в Петербурге. Не признавая разводов, Рейли женится на ней, становясь таким образом двоеженцем. Это уголовное преступление по законам как России, так и США.

В США с ним восстанавливают контакты сотрудники британской разведки. По их рекомендации Рейли, оставив жену в Нью–Йорке, перебирается в Канаду, где вступает в Королевский летный корпус. Затем якобы возвращается в Англию и с разведывательным заданием проникает в Германию, добывает ценную информацию не где–нибудь – в генеральном штабе! – и, благополучно перейдя линию фронта, возвращается обратно.

После революции в России британские спецслужбы решили сделать ставку на Рейли, как на человека, способного воспрепятствовать выходу этой страны из состояния войны с Германией.

У читателя, должно быть, уже голова идет кругом. Но это еще далеко не все…

Локкарт в своей книге «История изнутри. Мемуары британского агента» также на основе своего знакомства с Рейли поддерживает версию его одесского происхождения: «Ему было тогда сорок шесть лет. Это был еврей, я думаю, без капли британской крови. Родители его были родом из Одессы. Его настоящее имя – Розенблюм. Когда он сделался английским подданным – я не знаю до сих пор. До войны он провел большую часть жизни в С. – Петербурге, зарабатывая крупные суммы в качестве маклера по различным торговым делам. Фамилию Рейли он принял, взяв имя своего отчима, ирландца Каллагана».

Вот те раз! Вначале недоумение читателя вызвала дважды подтвержденная разными авторами версия, что отчимом Рейли был близкий к царскому двору русский полковник, теперь же вдруг объявился еще один отчим – ирландец по имени Рейли Каллаган… Ныне покойный бывший сотрудник Одесского управления КГБ, ставший после вынужденного по состоянию здоровья ухода в отставку известным в городе историком–литератором, Никита Брыгин также горячо поддерживал версию

одесского происхождения легендарного шпиона и авантюриста. Одесситы вообще обожают своих земляков и одинаково гордятся, скажем, как Леонидом Утесовым, так и Мишкой Япончиком, которого другой знаменитый одессит Исаак Бабель вывел в своих рассказах под именем Бени Крика.

Брыгин, в частности, докопался, что в Одессе действительно обитала особа по фамилии Розенблюм, которой принадлежали два хороших дома: один на Троицкой улице, 21 (частично она его сдавала под английское консульство), и дом на Моразллевской, 24. Этот сдавался целиком под Союз военнослужащих–поляков. Но вот беда: оба особняка принадлежали не господину Розенблюму, а, как принято выражаться в Одессе, мадам Розенблюм!

Выходит, мать Рейли была не русской женщиной польского происхождения? А кто же был отец? До этого Никита Брыгин докопаться не успел. Правда, он выяснил, что у мадам имелся сын, по фамилии тоже Розенблюм, по имени Михаил. В бурном 1917 году в Одессе выплыл еще один Ро–зенблюм, инициал его имени тоже был М., но инициал отчества с таковым сына мадам не совпадал – Х., а не А.

М. А. Розенблюм родился в Одессе в 1872 году. По подложному паспорту (в Одессе с паспортами любой страны проблем никогда не существовало) выехал в Швейцарию, где поступил в Бернский университет. Отец его, с неустановленной фамилией, якобы занимался торговыми делами в Нью–Йорке. На этом изыскания Брыгина зашли в тупик.

Еще одну версию в своей книге «История русской секретной службы» излагает английский автор Ричард Дикон. Он подтверждает, что на верфях немецкой фирмы «Блом и Фосс» Рейли добыл синьки новых боевых кораблей, не остановившись ради достижения этой цели перед убийством нескольких человек. Он также убил охранника на одном из заводов Круппа. Дикон считает более чем таинственной смерть бывшего мужа своей первой жены Маргарет – алкоголички и истерички. От нее он впоследствии в качестве отступного за развод (так и не оформленный официально) якобы получил десять тысяч фунтов стерлингов.

Затем Рейли женился на Надежде (Надин) Массино – жене помощника морского министра России адмирала Ивана Григоровича. Обвенчались они в 1916 году в Нью–Йорке в греко–православном соборе. В то время Рейли выдавал себя за вдовца.

В 1923 году (а не в 1916–м, по Берберовой) Рейли развелся с Надеждой – строго говоря, их брак должен был считаться недействительным – и женился на актрисе Пепите Бобадилья,

вдове драматурга Чарльза Хэдден–Чемберса. Позднее Рейли под именем Сиднея Бернса занимался в Нью–Йорке бизнесом.

Впоследствии Бобадилья выпустила так называемую «Автобиографию» Рейли; по мнению Берберовой, данный опус не стоил бумаги, на которой был написан.

По утверждению Дикона, в России имелось по крайней мере восемь женщин, которые на разных основаниях считали себя женами Рейли. Надо полагать, каждая из них могла бы написать о нем нечто интересное.

Недавно в одной из центральных газет появилась еще одна версия биографии Рейли. Автор – из Одессы, что придало очередному жизнеописанию агента ST–1 своеобразный колорит.

Версия излагается безапелляционно, без ссылок на источники информации, словно списана из биографического справочника.

Зигмунд Маркович Розенблюм родился в Одессе 24 марта 1874 года. Отец – Марк Розенблюм – был маклером, затем судовым агентом. Мать из обедневшего дворянского рода Массино (по одной из ранее изложенных версий, эту фамилию носила вторая жена Рейли Надин). Семья проживала в доме 15 по Александровскому проспекту неподалеку от Греческой площади. Рейли окончил в Одессе Третью гимназию, а затем проучился один год на физико–математическом факультете Новороссийского университета. (Этот университет находился не в нынешнем городе Новороссийске. Так назывался раньше университет в Одессе. – *Т. Г.)* В Одессе знакомые называли Зигмунда Розенблюма по–одесски Зяма.

Позднее Зяма, или Зема, покидает Одессу, перебирается в Гейдельберг, затем в Лондон, женится там на ирландке Рейли Келленгрен (оказывается, теперь он берет в качестве фамилии имя жены, а не отчима) и т. д.

Авторитет автора несколько подрывают некоторые его утверждения. Например, он сообщает, что главное внимание в операции «Трест» было уделено Савинкову, а также что крупный английский разведчик Джордж А. Хилл был тройным агентом – Великобритании, Германии и… ОГПУ! (В годы Великой Отечественной войны Хилл занимал важный пост английского представителя в Москве по вопросам сотрудничества с советскими спецслужбами. Видный советский разведчик Иван Андреевич Чичаев занимал аналогичный пост в Лондоне.)

Джордж Хилл действительно помогал Льву Троцкому одно время в создании военно–воздушных сил (в разведку он, как и Рейли, пришел из RAF). Но вовсе не из–за симпатии к советской России и к коммунизму. А потому как выполнял задание Лондона – делать все возможное, чтобы Страна Советов продолжала войну

с Германией в интересах Антанты, в первую очередь – Британии. Одновременно с Рейли был награжден королем Военным крестом.

Сопоставив и подвергнув анализу многочисленные версии и отдельные документы, можно обнаружить ряд совпадений, за которыми, видимо, стоят реальные факты из жизни Рейли. Тот же анализ позволяет отмести явные домыслы и просто несуразицу. Несомненно, однако, что в биографии Рейли остается достаточно много темных пятен и загадок. Автор настоящей книги, к примеру, не считает документально доказанным одесско–еврейское происхождение Рейли. В конце концов не все выдающиеся люди (в том числе шпионы и авантюристы) были одесситами или, на худой конец, просто «лицами еврейской национальности»…

Важнее другое – понять особенности характера этой, безусловно, неординарной личности. По этому вопросу у всех авторов разногласий нет, что уже хорошо.

Вот оценка, которую спустя много лет после знакомства с Рейли дал тот же Локкарт, уже достаточно умудренный жизнью и, главное, знающий, чем завершилась Гражданскаяя война в России и судьбу Рейли: «Это был человек с громадной энергией, очаровательный, имевший большой успех у женщин и весьма честолюбивый. Я был не очень большого мнения о его уме. Знания его охватывали большую область, от политики до искусства, но были поверхностны. С другой стороны, мужество его и презрение к опасности были выше похвал…

Это был человек наполеоновского склада. В жизни его героем был Наполеон, и одно время у него была одна из лучших в мире наполеоновских коллекций»{48}.

Рейли, конечно, был великим авантюристом и мистификатором. Но вовсе не из–за любви к мистификаторству, как таковому. За его порой сногсшибательными вымыслами всегда таился точный и прагматичный расчет. Эти выдумки, при всей их экзотичности, помогали или могли помочь Рейли в бизнесе, политике, шпионаже. При этом занятия шпионажем всегда были производными от бизнеса и политики.

Биографические данные, которые Рейли сообщил Стырне на допросе (фотокопия оного многократно издавалась и стала для историков своего рода аксиомой, а сами сведения – не требующими проверки и доказательств), на самом деле даже на один процент не соответствовали истине. Но они не были и обыкновенным враньем.

Дело в том, что Стырне, как и другие чекисты, не знал о российском происхождении Рейли, а тому было выгодно представить себя прирожденным подданным Британской короны.

Только в этом случае он мог рассчитывать либо на амнистию, либо на обмен. Надежды призрачные, но арестованному ничего иного не оставалось, и он цеплялся за них как мог. Винить его в этом не приходится. В конце концов человек пытался спасти свою жизнь.

Кроме того, в литературе была широко распространена версия об одесском происхождении Рейли, его приключениях с переодеваниями в воюющей Германии и т. п.

Наконец, ясность в эту проблему внес английский исследователь Эндрю Кук, потративший не один год и многие тысячи фунтов и долларов собственных денег на восстановление подлинной истории жизни Рейли. В октябре 2002 года в Лондоне вышла его книга о знаменитом авантюристе. На многолюдную презентацию своего труда автор пригласил русского переводчика Дмитрия Белановского{49} и автора данной книги.

Шломо (Саломон) Розенблюм, по наиболее достоверным данным Эндрю Кука, родился в 1873 или 1874 году (сам Рейли в разных документах указывал оба года), но не в Одессе, а в Херсоне. Не без основания Э. Кук сомневается в том, что биологическим родителем Рейли был его официальный отец. Однако наверняка это был человек из того же фамильного рода. Легенды о внебрачном происхождении отпрыска от некоего полковника, близкого к императорскому двору, – не более как фантазия, впрочем, далеко не единственная.

О его отъезде из России и учении за границей ничего доподлинно не известно. В указанных им самим учебных заведениях разных стран Европы Э. Кук никаких официальных данных о пребываниях в их стенах студента с такой или похожей фамилией не обнаружил.

Видимо, какое–то время он жил в Германии (немецким языком, как, впрочем, английским, французским, еще какими–то, владел безупречно). Об этом можно судить потому, поскольку сменил имя Саломон на германизированное Зигмунд.

О происхождении у него множества специфических, разнообразных и достаточно глубоких познаний в различных отраслях науки и техники можно только гадать. Видимо, он был весьма одаренным, быстро все схватывающим самоучкой.

Э. Кук не столько установил подлинные факты жизни Рейли (таковых, отдадим ему должное, множество), сколько развеял бесчисленные фантастические мифы о нем. Тем самым добросовестный исследователь показал нам подлинный образ авантюриста, но вовсе не бескорыстного героя, а бездушного и циничного интригана, любой ценой рвущегося к большим деньгам. (Автор на минуту представил Рейли в современной

России, году так в 1992–м, и ему стало нехорошо. Нынешние олигархи по сравнению с ним выглядели бы тимуровцами из известной повести Гайдара. Старшего.)

Далее установлено, что Рейли сколько–то лет жил во Франции и Англии. По некоторым данным, он был замешан в уголовном преступлении, которое закончилось вооруженным ограблением и убийством.

В Англии в 1897 году Рейли, сотрудник фармацевтической компании «Озон», занимавшейся нетрадиционными методами лечения, познакомился с пожилым преподобным Хью Томасом и его молоденькой женой Маргарет. Между Зигмундом и Маргарет завязался роман, который закончился скоропостижной смертью преподобного при невыясненных обстоятельствах.

Через пять месяцев Зигмунд и Маргарет вступили в законный брак. При этом Зигмунд Розенблюм таинственным образом превратился в Джорджа Сиднея Рейли. О российском происхождении, следовательно, подданстве, можно было забыть.

То был первый официальный брак авантюриста, главным итогом которого (кроме не огромных, но и немалых денег) стало превращение «порося в карася».

Через несколько лет уже в России Рейли беззастенчиво бросил опостылевшую к тому времени больную и уже ненужную супругу. В Петербурге у него новый роман с первой красавицей Северной Пальмиры Надеждой Залеской, урожденной Массино. Эту редкую фамилию Рейли впоследствии не раз использовал в своих похождениях. Бурный роман закончился тем, что двадцатисемилетняя (по ее словам, на самом деле – на два года старше) Надин после развода с мужем в 1914 году вышла замуж за Рейли. Жених сделал запись в церковной книге, что ему сорок один год, холост, его родители Джордж и Полина Рейли из ирландского города Клонмеля.

Обвенчались они в соборе Святого Николая в Манхэттене. Стоял Великий пост, а по церковным обычаям обряд венчания не совершался. В виде исключения (связи и большие деньги могут дать возможность добиться исключения из любых правил, установлений и законов) разрешение на таинство венчания дал глава Русской православной церкви в Америке митрополит Платон.

…А теперь вернемся к Артузову, в август 1924 года.

* * *

…Неуемная страсть! Она кидает тебя в работу как в омут, ты

не замечаешь времени, забываешь про еду и сон. Работать инженером было бы куда спокойнее. Оперативная работа в ОГПУ стала смыслом всей жизни, но инженерные знанияя оказались далеко не лишними. И в контрразведке надо все делать расчетливо, конкретно подходить к каждому факту, явлению, событию, оценивать каждую деталь. Инженерия – сама конкретность. Оперативная работа – то же самое.

Работа Артузова, требовавшая неустанного проявленияя политической гибкости и дальновидности, умственного напряжения, неимоверных усилий воли, изобретательности, была постоянно в центре внимания Дзержинского. Естественно, у председателя ОГПУ всегда находились вопросы к начальнику КРО, вопросы острые, злободневные, отвечать на которые необходимо было быстро и только делом. Председатель был крайне огорчен тем, что Рейли, английскому разведчику, предпринимавшему отчаянные попытки свергнуть советскую власть, в свое время удалось избежать кары, определенной революционным трибуналом.

При очередном докладе Артузова председатель справилсяя у него:

– Как с Рейли? Пока не ответите на этот вопрос – покоя вам не будет. Буду спрашивать назойливо и требовательно. Беспокойно вам будет, ибо он покоя нам не дает.

Разумеется, Артузов попытался успокоить Дзержинского, дескать, после захвата Савинкова Рейли с европейского горизонта исчез: по агентурным данным, на пароходе «Нью–Амстердам» отплыл в Нью–Йорк и сейчас в Америке устраивает свои финансовые дела.

Председатель с сомнением покачал головой:

– Прошу вас, не проявляйте благодушия. Эта фигура рано или поздно вновь вынырнет на поверхность. В любой момент снова предложит свои услуги капиталистической разведке. С Рейли борьба еще впереди.

Артузов, конечно, и сам понимал: дело не столько в личности Рейли, сколько в тенденциях определенных кругов Запада. Рейли нужен был и белогвардейской эмиграции, погрязшей в раздорах и склоках, однако еще упорной в общей цели – снова сесть на шею народа. Она нуждалась в таком изворотливом помощнике, каким был Рейли, опирающийся на разведку, протянувшую свои щупальца по всему миру, – британскую Сикрет интеллидженс сервис.

Шло время. Артузов пытался себя успокоить: «Рейли на Европейском континенте не объявляется. Может, и не объявится. И меня он так уже не волнует. Я забыл о нем…» Артузов умел

убеждать людей, но сейчас поймал себя на мысли, что самое трудное дело – заниматься самовнушением. Цепкий ум не поддавался самоубеждению, не позволял забыться.

Снова и снова Артузов размышлял о Рейли. «Как с Рейли?..» Медленно, постепенно накапливались факты, намечались подходы к решению задачи. По мере изучения досье Рейли Артузов все более и более проникался осознанием правоты председателя. Да, такие, как Рейли, сами со сцены не уходят. Для западных разведок Рейли – пока запасной козырь, но в ход он может быть пущен в любой момент. К этому надо быть готовым. А может быть… Что, если подтолкнуть, самим ускорить его появление на сцене? Так родилась идея.

Сидней Джордж Рейли конечно же вовсе не прозябал в США в безвестности и устраивал за океаном отнюдь не только свои финансовые делишки.

В то время в Америке широко обсуждался вопрос о крупном займе Советскому Союзу. Некоторые видные американские дельцы были готовы такой заем нам предоставить. Правительство занимало выжидательную позицию. (Напомним читателю, что США не признавали СССР до 1933 года. Дипломатические отношения между нашими двумя странами были установлены только с приходом в Белый дом президента Франклина Делано Рузвельта.) Во всяком случае, явного противодействия администрация не оказывала. Но Рейли твердо решил, что этому не бывать, и со всей своей недюжинной энергией бросился в борьбу против предполагаемого займа. На Нижнем Бродвее в Нью–Йорке он открыл контору, ставшую центром антисоветской пропаганды в Америке. Потом Рейли предпринял турне по стране с лекциями, в которых, как «очевидец» революции, запугивал обывателей и бизнесменов опасностью большевизма, грозящего самому существованию цивилизации и мировой торговли.

Но и этого ему показалось мало. При поддержке русских белоэмигрантов Рейли сколачивает на американской почве филиал Международной антибольшевистской лиги, уже функционирующей в Берлине, Лондоне, Париже, в Прибалтийских и Балканских странах. Филиал лиги имелся даже в Харбине, где его возглавлял известный атаман, генерал–лейтенант Григорий Семенов. Фашиствующие белогвардейцы, чьим лидером в США был старый агент царской охранки Борис Бразуль, наводили мосты между Рейли и самыми реакционными финансистами и предпринимателями Америки, в первую очередь Генри Фордом. Они же по поручению Рейли поставляли ему списки видных американцев, благожелательно относящихся к СССР.

Столь опасную для советских интересов деятельность Рейли нужно было пресечь, для чего требовалось выманить его обратно в Европу. Использовать можно было единственное средство – «Трест», хоть и утративший несколько свой блеск в некоторых эмигрантских кругах после «провала» Савинкова, но все еще пользующийся доверием Кутепова. И Артузов разрабатывает сложный, но безошибочно сработавший план, основанный на глубоком проникновении в психологию врага, тонком учете политической обстановки и событий. Строго говоря, в общих чертах план по выведению Рейли в Европу, а затем в СССР был разработан Артузовым довольно давно, но указание председателя заставило форсировать работу. И вот зимой в адрес подставной нью–йоркской конторы фирмы «Сидней Беренс – индийский хлопок», основанной Рейли для прикрытия его основной деятельности, пришло письмо из Таллина, подписанное инициалом Е. и датированное 24 января 1925 года:

«Дорогой Сидней!

В Париже к Вам могут явиться от моего имени Красно–штанов с женой. Они сообщат известие из Калифорнии и передадут стихи Омара Хайяма, которые Вы так хотели иметь. Если их дела заинтересуют, попросите их остаться. Если же дело не заинтересует, скажите просто: «Благодарю вас, до свидания».

Их дело заключается в следующем. Они являются представителями предприятия, которое, по всей вероятности, приобретет в будущем большое влияние на английском и американском рынке. Они полагают, что предприятие их достигнет полного расцвета не ранее двух лет, но обстоятельства могут сложиться для них желательным образом уже в течение ближайшего будущего. Это очень крупное предприятие, но говорить о нем пока нельзя, так как могут прослышать конкуренты. Интересуются концессией, в частности, две группы. Одна из них международная, другая группа – германская. Она хотела бы вступить в трест, но основатели треста, представители которого названы выше, вынесли на своих плечах всю предварительную работу, не желают иметь с ней дело, так как опасаются, что германская группа постепенно приберет все дело к рукам. Поэтому они вошли в связь с небольшой французской группой, составленной из менее честолюбивых людей. Дело, однако, так велико и серьезно, что они опасаются, хватит ли у французской группы сил его поддержать. Поэтому они хотели бы привлечь к совместной работе также и английскую группу. Само собой разумеется, что правление треста будет составлено исключительно из лиц, совершивших основную работу… Они отказываются в настоящий момент назвать кому бы то ни было

имя лица, заправляющего всем предприятием… Пишу Вам об этом, так как думаю, что этот план с успехом может заменить тот, над которым Вы в свое время работали и который так катастрофически рухнул».

Письмо было написано эзоповым языком, для Рейли, однако прозрачным, как родниковая струя. О дезинформации не могло быть и речи, потому что отправитель – резидент английской разведки в прибалтийских государствах командор Эрнст Бойс был знаком Рейли по совместным делам давным–давно{50}.

Под «Калифорнией» подразумевался Советский Союз (в эмиграции его упорно называли просто Россией или Совдепией), супруги Красноштановы были Марией Захарченко–Шульц и Георгием Радкевичем, строки из Омара Хайяма – заранее условленным паролем их явки к Рейли, под заманчивым «предприятием» имелся в виду «Трест». «План», который так «катастрофически рухнул», – история с Савинковым.

На самом деле идея с приглашением Рейли была умело подброшена контролерам «Треста» Захарченко–Шульц и Радкевичу Якушевым по поручению Артузова. А Красношта–новы уже вроде от себя довели ее до сведения таллинского корреспондента Рейли, укрывшегося за инициалом Е. По тому же заданию они через резидента Кутепова в Финляндии, бывшего морского офицера Николая Бунакова, связались с финскими разведчиками – начальником 2–го отдела финской армии полковником Мальмбергом и начальником погранохраны Выборгского района капитаном Рузенштре–мом – для организации на границе «окна».

Спустя две–три недели Якушев и Захарченко–Шульц встретились в Финляндии с Бунаковым. После взаимного обмена текущей информацией Бунаков сообщил им, что Рейли «собирается в дорогу». И показал письмо, только что полученное им из Америки и подписанное одним из псевдонимов Рейли – Железным. Рейли подтверждал, что борьба с Советами остается для него делом жизни, и указал три направления этой борьбы: пропаганда, террор, диверсии.

Письмо Бунакову было реакцией на послание от Е.

«Окно» на советско–финской границе представляло дляя ОГПУ особую ценность. Расположенное едва ли не в районе дальних пригородов Ленинграда, близ Сестрорецка, оно позволяло эмиссарам «Треста» в случае надобности обернуться в оба конца за день и две ночи. Уже по одной этой причине Якушев старался поддерживать с Бунаковым хорошие отношения, тем более что тот пользовался особым расположением и великого князя Николая Николаевича, и Кутепова и был тесно связан с

финской и английской разведками. Все эти обстоятельства, вместе взятые, уже делали Бунакова самостоятельным и ценным источником информации.

Завоевать расположение, более того, искреннюю благодарность Якушеву удалось почти случайно. Как–то, во время очередной встречи с ним, Бунаков попросил его передать привет своему брату Борису, живущему в Москве и работающему там шофером. Осененный неожиданной идеей, Александр Александрович несколько небрежно, словно речь шла о сущем пустяке, спросил:

– А почему бы вам самому не повидаться с ним? Если хотите, мы его доставим к вам сюда, в Хельсинки.

Недели через две «Трест» устроил–таки в финской столице встречу братьев Бунаковых…

В тайной войне, как и в обычной, действуют примерно сходные оперативно–тактические принципы: оценка обстановки, замысел, единство командования, захват инициативы с тем, чтобы навязать свою волю противнику, осуществление маневра во имя обеспечения внезапности и использования своих сил в наиболее выгодных условиях, массирование, а точнее, сосредоточение усилий в решающем месте и в решающий момент. Всё это учитывал Артузов и потому всегда начинал работу с оценки противника.

В своей жизни Артур Христианович имел дело преимущественно с людьми сильного склада. Таковыми были все его друзья, товарищи по службе – Пиляр, Стырне, Пузиц–кий, Демиденко, руководители ОГПУ. Но жизнь подбрасывала ему и сильных врагов: Савинков, Кутепов, та же Марияя Владиславовна… Большое дело, конечно, правильно определить сильные и слабые качества друга. Но в тысячу раз ответственнее – точно оценить врага. А между тем трезвой оценке часто мешают ненависть, неотмщенное зло, смутное представление о замыслах противника и его реальных возможностях.

Артузов думал о Рейли чаще всего глухими ночами, когда обычные дела оставались позади, никто никуда не требовал, никто не беспокоил. Рейли интересовал его и как личность, и как противник. Интересовало всё: внешность, характер, привычки, окружение. Хотелось, точнее, необходимо было уяснить: в чем его сила? Только ли в опыте и находчивости?

Все чаще Артузов возвращался к Рейли, пытаясь проследить его жизненный путь. Артур Христианович изучал «дело» страницу за страницей, возвращался к прочитанному, обдумывал и снова читал, делал пометки, понятные только ему. Чужой и пока далекий Рейли постепенно становился более осязаемым{51}.

Вот портрет Рейли, сделанный достаточно умной и опытной женщиной: «Я подняла глаза от чашки с кофе и встретила взгляд карих глаз, смотревших на меня с другого конца комнаты. В течение какого–то мгновения он смотрел прямо мне в глаза, и я почувствовала приятную дрожь. Этот человек был хорошо сложен и очень прилично одет. Лицо его было худощавое, довольно смуглое и выражало необычайную силу воли и решимость. Глаза были спокойные, добрые и немного грустные. И вместе с тем у этого человека было такое выражение лица, которое доказывало, что он очень часто смотрел прямо в глаза смерти».

На листке оценки противника Артузов набрасывает несколько выводов из прочитанных строк: «Искусный любовник, перед которым могут устоять лишь волевые женщины. Значит, Рейли, обладая определенной внешностью, симпатичной женщинам, может опираться на их поддержку, использовать жилища в качестве конспиративных квартир…», «Рейли около пятидесяти лет. Это зрелый возраст, тот возраст, который в полной мере определяет опыт, когда человек становится осторожным, стремится не делать ни одного опрометчивого шага». Артузов выводит на листочке цифру «50» и ставит рядом знак плюс.

Чем еще силен Рейли? По некоторым данным, сын капитана торгового парохода. Основное воспитание и получил в русской среде. Служил в Восточно–Азиатской компании, был ее главным агентом в Порт–Артуре. У русской спецслужбы были серьезные основания подозревать Рейли в связях с японской разведкой в период войны с Японией, затем он годами жил в Петербурге, подолгу бывал в Москве и Одессе. Значит, способен легко и убедительно приспособиться к русскому окружению. Это тоже кое–что значит для разведчика–нелегала. Ставится новый плюс. К нему добавляются плюсы за свободное владение семью языками.

Глаза бегут по строчкам, и из сухого факта вычленяется еще одна сторона характера – умение сходиться с людьми. В Петербурге Рейли не давал покоя подвиг американцев братьев Уилбера и Орвилла Райтов, 17 декабря 1903 года первыми в мире совершивших полет на построенном ими самолете с двигателем внутреннего сгорания. Организуется российское общество «Крылья». И не кто иной, как Рейли, один из его учредителей, умело использовал воздухоплавательный клуб для приобретения множества важных связей в русских кругах, в том числе в хорошо законспирированных и влиятельных масонских ложах.

Итак, Артузову рисовался человек смелый в своих начинаниях, больших возможностей. Не случайно он завербован английской разведкой.

С началом мировой войны Рейли не упускает шанс

заработать и на этом. Он едет в Японию, чтобы заключить контракты на поставки военного снаряжения. Из Японии перебирается в Америку, передает крупные заказы здешним фирмам. За границей и в России Рейли успешно проворачивал финансовые спекуляции. Его личное состояние достигало трех миллионов долларов. По масштабу тогдашних цен громадные деньги.

В Канаде Рейли вступил в RAF – Королевский воздушный флот. Ему присваивают первичное офицерское звание «второго лейтенанта» (соответствовало чину подпоручика в старой российский и лейтенанта в нынешней армии). Его приглашают перейти в СИС – английскую разведку. Здесь ему дают оперативный псевдоним ST–1. Используя давние связи в Германии, агент ST–1 сообщает в Лондон немецкую программу строительства подводных лодок. Потом он сам проникает в Германию и добывает секреты кайзеровского флота непосредственно в высшем штабе, аналогичном британскому Адмиралтейству. Впрочем, особого героизма дляя этого, возможно, и не требовалось: у Рейли были давно налаженные связи и в берлинской разведке.

Когда в России свершилась революция, английская разведка сразу же переориентировала его – он должен работать в стране большевиков. На борту английского крейсера Рей–ли прибывает в Архангельск. Отсюда, воспользовавшись неопытностью и доверчивостью местных советских работников, пробирается в Петроград и сразу оказывается в центре очередного заговора контрреволюции. Активное участие в нем приняли и дипломатические представители некоторых западных стран.

Петроград, весна 1918 года. Рейли снова в городе «светлых грез» – так он любил называть Северную столицу. Ищет безопасное убежище.

Артузов раскрывает конверт с фотографиями. Находит портрет красивой женщины: Елена Михайловна Боюжов–ская, кокотка. У нее и остановился Рейли. Счастливая звезда, как ему кажется, движется к зениту на политическом небосводе. Рейли не собирается долго оставаться в Петрограде. Его цель – Москва, где активно действует против советской власти глава английской дипломатической миссии Роберт Брюс Локкарт.

В военное время в Москву попасть нелегко. Нужен пропуск. Где добыть? Рейли перебирает в памяти всех бывших петербургских друзей. Останавливается на своем давнем агенте Александре Грамматикове.

Грамматиков не подвел – сумел достать документы, и какие! По одному из них «товарищ Релинский» являлся комиссаром (!)

по перевозке запасных автомобильных частей во время эвакуации Петрограда. Это давало ему возможность свободно передвигаться между Москвой, Петроградом и Вологдой, иногда даже в комиссарском вагоне. Теперь надо осесть здесь, осесть тайно. Рейли не был бы разведчиком, если бы не умел отличить организованную слежку от случайного внимания сотрудников ЧК или уголовного розыска. Он быстро установил, что к нему и Грамматикову присматриваются. Нужен был трюк, который бы отвел подозрение от него, вернее, позволил бы оторваться от хвоста. В дождливый день на перрон Николаевского вокзала к поезду Москва—Петроград подошли двое. Один – Грамматиков, второй – человек, похожий на Рейли. Сам Рейли из–за укрытия следил за посадкой своих друзей и был удовлетворен, когда поезд увез его двойника и прилепившегося к нему наблюдателя.

За убежищем дело не стало: в его кармане лежало написанное еще в Петрограде рекомендательное письмо Грамматикова своей племяннице – актрисе Художественного театра Елизавете Оттен.

Артузов поднимает еще несколько справок. Они касались «дела» латышских стрелков. Слово «дело» взято в кавычки, потому что в действительности такового никогда не существовало, а была весьма эффективная комбинация ВЧК, всю правду о которой рассказать стало возможным лишь лет сорок спустя.

Так уж сложилось, что к лету 1918 года самыми боеспособными и преданными советской власти были латышские части. Потому именно латышским стрелкам была доверена охрана Кремля и других важных государственных учреждений в Москве и Петрограде. Резиденты разведок некоторых стран правильно рассудили, что судьба любого заговора против Советов в значительной степени будет зависеть от того, какую позицию займут латыши.

События развивались следующим образом.

В Петрограде появились два молодых командира, приехавшие из Москвы. Оба латыши. По выправке, аккуратности униформы похожи на младших офицеров старой армии. Им удалось связаться с военно–морским атташе английского посольства (оно еще не переехало в Москву), капитаном{52} Фрэнсисом Алленом Кроми. Их первая встреча состоялась в ресторане гостиницы «Французская». Командиры убедили Кроми, что в среде латышских стрелков зреет серьезное недовольство властью, что они готовы выступить против правительства, если будут поддержаны армейскими частями.

Для большего правдоподобия к операции был подключен

командир 1–го дивизиона латышских стрелков Эдуард Бер–зин. Воодушевленный реальной перспективой ареста советского правительства силами охраняющих Кремль латышских стрелков, Кроми дал Берзину и одному из молодых командиров, который представился ему как бывший офицер Шмитхен, рекомендательное письмо к Локкарту. Убедившись в подлинности письма (одним из доказательств стало обилие… орфографических ошибок. Кроми был не силен в грамматике родного языка, и Локкарт это хорошо знал), Локкарт дал латышам рекомендательные письма к командующему английскими войсками в Архангельске генералу Пулю и сопроводительные документы на бланках британской миссии с печатями и своей подписью. (Предполагалось, что после ареста советского правительства латышские стрелки через Архангельск на английских судах вернутся на родину.)

Стрелкам нужны были и деньги. У Локкарта имелись на руках крупные суммы, которые ему охотно жертвовали российские заводчики и купцы.

Локкарт принял латышей на своей квартире в Хлебном переулке, дом 19, но он был достаточно осторожен, чтобы не держать сумки с деньгами при себе, и вообще, из соображений конспирации ему больше не следовало лично встречаться с Берзиным и Шмитхеном (настоящее имя которого, Ян Буйкис, было раскрыто лишь несколько десятилетий спустя).

Теперь латыши должны были иметь дело только с доверенным лицом Локкарта, получать от него деньги и инструкции, а также отчитываться перед ним о ходе подготовки к мятежу.

На первой встрече Берзин получил от человека, назвавшегося греческим коммерсантом Константином Массино (очередной псевдоним Рейли), 700 тысяч рублей. Кроме того, Рейли поручил латышу составить детальный план ареста Савинкова во время одного из заседаний, а также захвата Госбанка, Центрального телеграфа и телефонной станции.

Вторая встреча Берзина с Константином состоялась 17 августа в кафе «Трамбле» на Цветном бульваре. Рейли вручил командиру еще 200 тысяч рублей и уточнил задание.

Третья встреча состоялась 28 августа – Берзин получил еще 300 тысяч рублей и задание выехать в этот же вечер в Петроград и передать эти деньги тамошней группе заговорщиков. Связать его с ними должна была Боюжовская. (Всего Берзин получил и сдал в ВЧК 1 миллион 200 рублей.)

Выполняя задание, Берзин приехал в Питер, навестил Боюжовскую в ее квартире на Торговой, 10 и… незаметно

положил в карман визитную карточку Рейли с его московским адресом: Шереметьевский переулок, 3, кв. 85. В этой многокомнатной квартире жила некая Дагмара Карозус. Две комнаты у нее снимала двадцатилетняя актриса Елизавета Оттен. Еще одну комнату снял господин Массино и быстро сделал молодую актрису своей любовницей. Елизавета владела английским, французским и немецким языками. Потому Рейли рассчитывал сделать влюбленную девушку своей помощницей.

Поселившись, Рейли не теряет времени даром. Он ищет объекты вербовки. Английское правительство должно знать военные планы большевиков накануне переворота и вероятной интервенции. Через Елизавету, даже не подозревавшую, кто на самом деле поселился у нее по дядюшкиной рекомендации, он знакомится с ее окружением, в том числе с некоей Марией Фриде. Брат Марии, бывший подполковник старой армии Александр Фриде, работает в Главном штабе, следовательно, в курсе многих военных вопросов, в частности перевозок войск. Лучшего агента не найти.

Путь Рейли к подполковнику оказался весьма простым. Он очаровывает Марию, преподносит ей умело подобранные подарки. Через сестру Рейли знакомится с братом, быстро находит с ним – скрытым контрреволюционером – общий язык. К слову сказать, и Мария, и Александр уже были связаны с американским разведчиком Ксенофоном де Блюменталь Каламатиано. Мария официально работала медсестрой в отряде Красного Креста при американской миссии.

Александр Фриде стал аккуратно доставлять Рейли копии военных сводок с фронта, другие секретные материалы. Рейли работает в Москве и в Петрограде в тесном взаимодействии с двумя другими иностранными резидентами: французом Анри Вертимоном и американцем греческого происхождения Ксенофоном Каламатиано. В этой тройке он за коренника.

Елизавета Оттен была на редкость общительной женщиной. Она не могла и дня пробыть в одиночестве, ее постоянно окружали друзья и поклонники. В квартире было шумно и весело. Для ничего не подозревавшей публики, которая собиралась у нее, Рейли был… сотрудником ЧК «товарищем Релинским»! Благодаря своим широким связям Рейли смог получить подлинные документы, с которыми он мог без помех передвигаться по городу. Удостоверение давало ему надежное прикрытие, позволяло свободно въезжать в Петроград, а там передавать добытые шпионские сведения атташе британского посольства Кроми, который переправлял их в Англию.

Была у Рейли и своя корыстная цель. Если корсиканский

лейтенант артиллерии сумел овладеть Францией, то почему бы ему, лейтенанту от британской разведки, не овладеть Москвой? В этой мысли он укрепил себя после того, как ознакомился с охраной Кремля. Главная опора ее – латышские стрелки. В их безусловную преданность советской власти Рейли не верил. Он оказался целиком во власти навязчивой идеи: кто имеет власть над латышами, тот имеет власть над Кремлем, значит, и над Москвой. Так в голове Рейли и родился план захвата власти штыками латышских стрелков…

Артузов снова отмечает про себя: Рейли честолюбив, с бонапартистскими замашками. Убежден во всесилии денег. Это его минусы, которые должны учитываться при выработке плана операции, как, впрочем, и плюсы. Между тем Рей–ли расширяет круг знакомств в Москве. На некоторые ему просто везет. Так, он случайно знакомится, но вовсе не случайно очаровывает и соблазняет сотрудницу Центрального исполнительного комитета Ольгу Старжевскую. Потерявшаяя голову женщина предоставляет ему множество ценных сведений о работе государственных учреждений. Рейли вручает ей 20 тысяч рублей, на которые Ольга снимает и обставляет прекрасную квартиру. Она убеждена – как любовное гнездышко. На самом деле это жилище нужно Рейли для конспиративных встреч с агентурой и как убежище, если придется расстаться с комнатой в Шереметьевском переулке.

Артузов снова отмечает: Рейли предусмотрителен, по известной поговорке, никогда «не кладет все яйца в одну корзинку». Обязательно старается обеспечить себе запасной выход.

План, разработанный Берзиным и представленный ему на утверждение, Рейли счел реальным и легко осуществимым. В Большом театре должно состояться важное совещание под охраной, как обычно, латышских стрелков. По приказу Берзина они должны арестовать советское правительство, в первую очередь Ленина и Троцкого. Рейли сделал только одно, но весьма существенное добавление к этому плану: иметь при себе гранаты на случай, если произойдет какая–нибудь непредусмотренная заминка. Иначе говоря, Берзин должен пустить их в ход, чтобы уничтожить советских руководителей, как тогда говорили, вождей.

До правительственного заседания оставалось некоторое время. Рейли пригласил Берзина прокатиться в Петроград, преследуя при этом две цели: обеспечить себе безопасный проезд в сопровождении красного командира (подстраховывал свое удостоверение, мало ли что) и отправить очередное донесение через английского дипломата о работе по задуманному плану.

Кроме того, он хотел с помощью Берзина уговорить латышскую общину выступить в Петрограде одновременно с мятежом в Москве.

Для определенного круга петроградских знакомых Рейли был «господином Массино», ливорнским купцом. Остановились у Елены Михайловны. Выявив часть питерских связей Рейли, Берзин, сославшись, что он выполнил все поручения, уехал в Москву. Рейли остался в Петрограде. Ему надо было еще раз встретиться с капитаном Кроми. Рано утром позвонил Грамматикову, чтобы узнать обстановку. Услышал дрожащий, испуганный голос:

– Преждевременно произведена операция. Положение больного в высшей степени серьезно.

Рейли охватил страх. Но он не был бы разведчиком, если бы поддался панике. Быстрый ум сразу же оценил: надо немедленно ехать к Грамматикову и узнать все подробности происшедшего, чтобы не действовать вслепую. Рейли благополучно добрался до квартиры Грамматикова, которого застал в страшном возбуждении. Он изрыгал ругательства по чьему–то адресу:

– Глупцы, выступили слишком рано, ни с кем не согласовали. Убит председатель ПетроЧК Урицкий. Надо бежать…

Это произошло в пятницу, 30 августа. В начале десятого утра к дому 6 на Дворцовой площади, в котором размещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и ПетроЧК, подъехал молодой человек в кожаной тужурке, оставил велосипед и вошел в здание. В приемной уже было несколько посетителей, дожидавшихся приезда наркома и председателя ПетроЧК в одном лице, потому на вновь прибывшего никто не обратил внимания. Через полчаса на служебном автомобиле подъехал Моисей Урицкий, вошел в подъезд и направился к лифту. В этот момент молодой человек подбежал к нему и с близкого расстояния сделал несколько выстрелов. Урицкий был убит на месте. Убийца выскочил на улицу, сел на велосипед и попытался скрыться. За ним последовала погоня на автомобиле.

На Миллионной улице террорист бросил велосипед у дома 17, в котором размещалось Английское собрание, и вбежал в подъезд. Однако через несколько минут он сделал попытку покинуть здание, натянув поверх тужурки первое попавшееся пальто. Его попытались задержать красноармейцы – даже не по обоснованному подозрению, а просто дляя проверки документов. Тут у террориста не выдержали нервы, он открыл пальбу, но был обезоружен.

Убийца оказался неким Леонидом Каннегисером, студентом Политехнического института. Одно время, при Керенском, был

юнкером Михайловского артиллерийского училища, членом партии так называемых энэсов – народных социалистов. Двадцатидвухлетний террорист был весьма способным, подающим надежды поэтом. О мотивах покушения Каннегисер на допросах говорить не захотел. Отказался он и назвать сообщников.

В этот же день, в 7 часов вечера, странная, предельно экзальтированная молодая женщина, бывшая эсерка и политкаторжанка Фанни Каплан после митинга на бывшем заводе Михельсона дважды тяжело ранила Ленина. Каплан также отказалась дать какие–либо показания. (Тогда, в восемнадцатом, да и в последующие годы, оба теракта и руководители страны, и ВЧК, и средства массовой информации, и официальная историческая наука связывали друг с другом как звенья одной цепи, как запланированные эпизоды организованного антибольшевистского заговора. Однако никакой связи, даже косвенной, между обоими терактами установить так и не удалось. Более того, сегодня многие авторы ставят под сомнение, что в Ленина достаточно метко стреляла полуслепая Каплан, к тому же когда уже начало смеркаться.)

Оба покушения власть расценила как открытие белого террора и не нашла ничего лучшего, как на удар ответить во сто крат более сокрушающим ударом. Вывод был ошибочен: ни Каннегисер, ни Каплан не были связаны с какими–либо серьезными контрреволюционными организациями. Столь бурные, переломные моменты в истории, какими были в России 1917–й и последующие годы Гражданской войны, способны порождать массовые акты террористов–одиночек, которые вполне могут быть расценены как целенаправленные, спланированные, хорошо организованные действия заинтересованной стороны, спецслужбы или даже иностранной державы.

Так и произошло в августе—сентябре 1918 года. 2 сентября Всероссийский центральный исполнительный комитет, заслушав сообщение председателя ВЦИК Якова Свердлова, принял резолюцию, в которой были следующие слова: «На белый террор врагов рабоче–крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

Эмоционально можно понять настроение, душевное состояние людей, принявших эту резолюцию, а также последовавшие за этим постановления, в которых было прямо указано, как, против кого конкретно и в какие сроки, разумеется, самые сжатые, должно осуществить акции красного террора.

Уточняющих инструкций было предостаточно, но суть их сводилась к одному: все лица, причастные к белогвардейским

организациям, заговорам и мятежам, подлежали расстрелу.

Белый террор – не вымысел коммунистов. Это историческая реальность. Его жертвами стали тысячи и тысячи безвинных людей, не только большевиков, а обычных рабочих и крестьян. Но жестокость одной воюющей стороны никак не может оправдывать ответную, тем более удесятеренную, жестокость другой. В данном случае в массовых репрессиях вообще не было необходимости, поскольку оба покушавшихся – и Каннегисер, и Каплан – были схвачены по горячим следам, на месте преступления. При правильно проведенном следствии вполне можно было разобраться, либо это акты экзальтированных одиночек, либо за ними стояли конкретные контрреволюционные организации. Увы! По сей день оба покушения остаются не расследованными до конца – слишком многое упущено.

В те страшные недели осени восемнадцатого года в числе расстрелянных были и настоящие контрреволюционеры и заговорщики, но основная масса жертв была казнена без малейших к тому оснований, по пресловутому классовому признаку. Иначе говоря, в вину ставились не действительно совершенные преступления, но сам по себе факт рожденияя в семье, принадлежавшей до революции к привилегированному классу или сословию.

Но еще более ужасно другое – репрессии восемнадцатого стали предвестником, «моделью» во сто крат более страшного, уже куда более массового Большого террора образца 1937 года, жертвами которого были уже не только реальные и мифические «враги народа», но и сам народ, в том числе и те искренние идеалисты от революции, что свято верили в ее великие цели, в построение солнечного и счастливого социалистического будущего. Впоследствии большевики сотворили почти чудо – в исторически кратчайшие сроки создали великое государство, достигли неслыханных высот в науке, культуре, народном образовании, сокрушили гитлеровскую Германию, первыми в мире послали человека, разумеется, члена Коммунистической партии, в космос.

Казалось, казалось, казалось…

Бетон фундамента воздвигнутого ими здания был замешен на крови… Потому оно было обречено – не на разрушение извне, а на саморазрушение. Что и произошло в 80—90–х годах XX века.

…Рассказывая Рейли об обстановке в Петрограде, Грамматиков рвал какие–то бумаги, рвал и тут же сжигал клочки.

– Вам не следует возвращаться к Елене Михайловне, – предупредил он.

– Я осведомлю кое–кого о случившемся, – ответил Рейли, – и

немедленно отправлюсь в Москву. Главные события развернутся там.

Еще с вечера Рейли договорился с капитаном Кроми о встрече в ресторане Палкина. В условленное время капитан не пришел. В отдельном кабинете ресторана Рейли прождал еще полчаса. Кроми не появился. Тогда Рейли решил покинуть ресторан и пройти мимо английского посольства, чтобы убедиться, что там все в порядке.

Подойдя к знакомому зданию на Дворцовой набережной, Рейли увидел толпу зевак и отряд красноармейцев. Стоял грузовик. Рядом на тротуаре лежали тела двух убитых чекистов – Шейнкмана и Янсона.

Кто–то тронул Рейли за рукав. Оглянувшись, узнал случайно знакомого красноармейца.

– Здравствуйте, товарищ Релинский. Вот как неудачно получилось… Отстреливался, гад. Вон он лежит…

На лестнице, у двери лежал Кроми… В чем в чем, но в личной храбрости боевому офицеру, подводнику, кавалеру многих орденов было не отказать.

Дело в том, что, располагая реальными данными об участии иностранных дипломатов и Рейли в контрреволюционном заговоре и ошибочно связывая его с терактами Каннегисера и Каплан, ВЧК решила, пренебрегая нормами международного права, провести обыски в помещениях дипломатических представительств, прежде всего Великобритании и Франции, а также в квартире, занимаемой Лок–картом в Москве.

Капитан Кроми, выполняя свой служебный и воинский долг, оказал вооруженное сопротивление и в ходе перестрелки был убит.

В такой обстановке Рейли не стоило и помышлять об установлении связи с питерскими заговорщиками. Надо быстрее убираться из Петрограда. Здесь его знают слишком многие.

Рейли направился на вокзал. Путь ему преградила красноармейская цепь. Отступать было поздно. С независимым видом он подошел к проверяющему документы и показал свой пропуск. На удивление, его тут же пропустили.

В Клину Рейли купил свежую газету. Развернул, пробежал глазами по заголовкам, и ему стало не по себе: арестован Локкарт, арестован Александр Фриде. В газетном сообщении мелькали фамилии и других людей, с которыми Рейли не был знаком, но о которых слышал.

…Визитная карточка с московским адресом, так неосторожно оставленная им в Питере на столе Елены Михайловны

и подобранная Берзиным, свое дело сделала. Чекисты

устроили засаду на квартире Елизаветы Оттен в Шереметьевском переулке. Здесь была задержана Мария Фриде, которая принесла Рейли, не зная, что он в отъезде, пакет от брата. В пакете содержались совершенно секретные данные о формировании дивизии Красной армии в Воронеже, о графике работы Тульского оружейного завода, о количестве патронов, выпускаемых в Туле в месяц, и много другой ценной информации. От Марии ниточка потянулась к ее брату…

Всего было сразу арестовано около тридцати человек, из которых примерно половина после проверки была отпущена по недостатку прямых улик. Анри Вертимон и Ксенофон Каламатиано успели скрыться. При обыске в их квартирах было обнаружено множество вещественных доказательств их шпионской и диверсионной деятельности. В тайнике у Вертимона, к примеру, нашли почти полпуда пироксилина, несколько десятков капсюлей от динамитных шашек, шифровальные таблицы и секретную карту Генерального штаба.

…Сообщение потрясло, словно взрыв. Значит, операция провалилась. И все из–за покушения мальчишки Каннегисе–ра, своей нелепой стрельбой в Урицкого сорвавшего заговор против советского правительства. Вероятно, в ВЧК уже есть сведения и о нем, и о его связях. Хорошо еще, что вовремяя уехал из Петрограда. Там наверняка бы поймали…

Резкая команда вывела Рейли из оцепенения. На перроне показались красноармейцы. Рейли юркнул обратно в вагон. «Проверка документов. Что же делать?» Оставаться в вагоне опасно. Неужели конец? Поднялась злость на самого себя. Так глупо попасться…

Мозг лихорадочно работал, пытаясь найти решение. Проверка шла одновременно с обоих концов состава. Есть еще время подумать, пока комиссары дойдут до его вагона.

Рейли вышел в тамбур, открыл наружную дверь, огляделся по сторонам. У переднего и заднего вагонов часовых не было, они уже подошли ближе. Мелькнула мысль… А если под вагон? Рейли скользнул на подножку и метнулся вниз. Незамеченным прополз до хвоста состава. Оттуда рывком – к пакгаузу. И вот он уже укрыт кирпичной стеной от красноармейцев. Покинув территорию станции, наконец почувствовал себя на свободе. Надо срочно пробираться в Москву. Там он найдет убежище, верные люди еще остались.

По ближайшей улице Рейли вышел на Московский тракт. Вскоре его нагнала подвода. Возница не отказал: за горсть махорки провез несколько верст. Так на случайных подводах Рейли добрался до самой Москвы. Где остановиться? Вспомнил

одного надежного офицера, не участвовавшего ни в каких заговорах. К нему и направился. Офицер, на счастье, оказался дома, ни о чем не расспрашивая, с готовностью принял гостя.

Под ногами Рейли горело. После убийства Урицкого и ранения Ленина ВЧК предпринимала самые энергичные меры. Кроме рядовых заговорщиков был задержан наконец Каламатиано. Москву прочесывали частым гребнем. Заходили чекисты и в квартиру гостеприимного офицера, проверили документы, осведомились, не проживает ли кто из посторонних. По счастью, Рейли в тот момент в квартире не было. Однако ему стало ясно – пора уходить. Но куда, к кому?

Какое–то время Рейли слонялся по городу. Остановилсяя у витрины магазина, потом у газетной тумбы, чтобы перевести дух. У него не было больше в запасе конспиративных квартир. Самые надежные – в Шереметьевском переулке и снятая Ольгой Старжевской – провалены. Опытным взглядом он еще издали понял, что в них – засады. Почему? Размышляя об этом, он пришел к выводу, что, очевидно, потерял осторожность Фриде. Он не знал, какую роль в раскрытии заговора сыграл Берзин. Это благодаря ему была взята под наблюдение квартира Оттен, там взяли с поличным Марию Фриде, потом ее брата, далее чекисты вышли на помощника американского торгового атташе Каламатиа–но и резидента французской разведки Вертимона. В общей сложности в руки ВЧК попало, как сообщили «Известия» 17 октября 1918 года, свыше 60 агентов.

Тем не менее Рейли удалось спасти часть своих агентов и даже переправить их на Украину. О своих дальнейших странствиях он спустя семь лет дал подробные показанияя своему следователю – Стырне. Ниже приведенный отрывок из них публикуется впервые:

«Окончив ликвидацию своих дел в Москве, кажется, 11 сентября, я в вагоне международного общества купе, заказанном для немецкого посольства, совместно с одним из секретарей этого посольства, с паспортом балтийского немца и выехал в Петроград. В Петрограде пробыл около 10 дней, скрываясь в разных местах, для ликвидации своей тамошней сети, а также для изыскания способов переезда финляндской границы (я хотел бежать через Финляндию). Последнее мне не удалось, и я тогда решил ехать в Ревель, тем более что обследование состояния морской базы (германской) в Ревеле входило в мои служебные задачи. Это мне удалось. Из Ленинграда (так в оригинале. – *Т. Г.)* я выехал в Кронштадт, получил от германского консульства охранное свидетельство, которое тогда выдавалось уроженцам Балтики. Кроме этого документа у меня для выезда из Петрограда

в Кронштадт имелся документ, выданный одним из петроградских фабкомов на русское имя. В Кронштадте уже меня поджидал катер (с капитаном–финном), на который я пересел ночью и отправился в Ревель. Ввиду весьма бурной погоды переезд занял около 48 часов. В Ревеле я пристал поздно ночью в минном порту, откуда отправился пешком в город (чтобы избежать карантина) и поселился в «Петроградской» гостинице под именем Георгия Бергмана, антиквара, уехавшего из России ввиду крупных недоразумений с Сов. властью. В качестве такового я сумел войти в очень хорошие отношения с германскими офицерами морской службы, узнал то, что мне требовалось по вопросам морской базы, и дней через 10, тайно, на катере выехал в Гельсингфорс, а оттуда в Стокгольм и Лондон, куда и прибыл 8 ноября. С этого момента я назначаюсь политическим офицером на юг России и выезжаю в ставку Деникина, был в Крыму, на юго–востоке и в Одессе. В Одессе оставался до конца марта 1919 года{53} и приказанием верховного комиссара Британии в Константинополе был прикомандирован сделать доклад о положении деникинского фронта и политического положения на юге руководящим офицерам в Лондоне, а также представителям Англии на мирной конференции в Париже. В течение мирной конференции я служил связью по русским делам между разными отделами в Лондоне и Париже; в этот период я, между прочим, познакомился с Б. В. Савинковым. Весь 19–й и 20–й гг. у меня были тесные сношения с разными представителями русской эмиграции разных партий… В это же время я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово–промышленных кругов…

Все это [время] я состоял на секретной службе, и моя главная задача состояла в освещении русского вопроса руководящим сферам Англии.

В конце 20–го г. я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он тогда организовал экспедицию в Белоруссию. Я участвовал в этой экспедиции. Я был и на территории Сов. России…»

Вернемся в 1918 год. Уже в Англии Рейли записал в своем дневнике: «Целью моей теперь было выбраться из России как можно скорее, возложенная на меня миссия кончилась полной неудачей».

Заговор, получивший в отечественной литературе название «Заговор послов», или «Заговор Локкарта», провалился. В равной степени он мог бы называться «Заговором Рейли». В той или иной степени в нем принимали участие посол Франции Ж. Нуланс,

генеральный консул этой страны Ф. Гренар и глава военной миссии Ж. Лаверн, посол САСШ Д. Френсис, генеральный консул Де Витт Пул и другие западные дипломаты. В декабре 1918 года Революционный трибунал при ВЦИК приговорил Ксенофона Каламати–ано и Александра Фриде к смертной казни. Роберт Брюс Локкарт, Френар Гренар, Анри де Вертимон и Джордж Сидней Рейли также были приговорены к расстрелу, исполнение предписывалось произвести при появлении оных на территории России.

Шесть человек, в том числе Мария Фриде, были осуждены к пяти годам тюрьмы с применением принудительных работ.

По сравнению с последующими временами трибунал, учрежденный на время Гражданской войны, был учреждением гуманным чрезвычайно. Так, Ольгу Старжинскую осудили на три месяца лишения свободы, лишив права служить в государственных организациях. С учетом времени пребывания в заключении ее тут же освободили. Восемь человек, в том числе Елизавета Оттен, были вообще оправданы.

Александра Фриде, действительно, расстреляли. Каламатиано же фактически был помилован и в августе 1921 года покинул Россию.

…Едва отдышавшись в Лондоне, Джордж Рейли и его друг, в основном по разведывательной работе, первый лейтенант (по старорусскому – поручик, или нынешний старший лейтенант) Джордж Александр Хилл вернулись в Россию. Их задача – с разведывательных позиций освещать Лондону ход боевых действий белых армий на Юге.

За работу в период нахождения в стане белых генерал Антон Деникин наградил Джорджа Рейли орденом Святой Анны 3–й степени с мечами и бантом. Его Величество король Георг в феврале 1919 года наградил Рейли и Хилла{54} Военным крестом. То была весьма почетная награда, ее удостаивались офицеры в звании не выше капитана, то есть непосредственно участвовавшие в боевых действиях.

…Но почему Берзин не арестовал Рейли? Он мог это сделать в любой момент, но по замыслу операции надо было выявить все связи Рейли, он еще не «раскрылся» до конца. Была уверенность, что Рейли – в наших руках и деваться ему некуда. Рано или поздно он придет к Берзину. Но тут английского агента спасли опыт и интуиция…

Встает вопрос: почему Рейли удалось ускользнуть из рук правосудия? В конце концов можно и должно было предусмотреть, что Рейли, загнанный в угол, не обратится за помощью к Берзину или же, если и обратится, может просто не

застать его на месте – в жизни всякое бывает, в оперативных делах тоже… Сказался, конечно, недостаток опыта у контрразведчиков: ВЧК еще не работала и года. Вот как ответил на этот вопрос сам Рейли в письме к заместителю Ар–тузова Стырне, когда оказался во Внутренней тюрьме на Лубянке: «По моему глубокому убеждению, я приписываю мою удачу в подпольной жизни, а также в моем бегстве не каким–нибудь особенным личным качествам, а поразительно счастливому и часто повторяющемуся стечению обстоятельств, с одной стороны, и еще несовершенной в то время организации советского контрразведывательного аппарата, с другой стороны».

Провалившегося агента английская разведка обычно сбрасывает со счетов – он ей уже больше не нужен. Для Рейли сделали исключение. В Лондоне его по–прежнему считали выдающимся мастером разведки и наиболее опасным для Советов шпионом. Это соответствовало действительности. Рейли был нужен как специалист по русским делам. И вот уже его направляют в составе английской миссии к генерал–лейтенанту Антону Деникину (об этом смотри выше). Поражение Деникина означало и поражение английской миссии. Правда, в этом вины Рейли уже не было. На какое–то время он сошел со сцены и отправился в Америку, чтобы в очередной раз поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела.

…Для чего нужен был Артузову экскурс в прошлое Рей–ли? Прежде всего ему как руководителю КРО необходимо было выявить все сильные и слабые стороны опасного врага. Без этого нельзя было составить точный и объективный портрет английского разведчика. Кроме того, внимательный анализ всех предыдущих похождений Рейли в России необходим и для того, чтобы избежать повторения допущенных тогда чекистами ошибок. Сильные стороны Рейли были, как говорится, налицо. Но Артузов нащупал и слабые места: англичанин был нетерпелив, всегда стремился достигнуть цели как можно скорее. Эта нетерпеливость будет и впредь толкать Рейли на авантюры, которые следовало использовать. Когда «дело Рейли» было изучено во всех деталях, Ар–тузов встретился с Менжинским, чтобы обсудить оперативный план.

– Каждый враг по–своему опасен. И все же я выделяю Рейли. Он только входит в роль. Я считаю, на него необходимо нацелить лучшие силы нашего отдела.

– Я вас так и понимаю, – согласно кивнул Менжинский. – Рейли, несомненно, доставит нам много хлопот. Нам сейчас важно понять и другое: какие причины обусловили появление Рейли? В чем его сила? Кто его поддерживает?

– Черчилль уже не верит в силу белогвардейщи–ны, – убежденно ответил Артузов. – Он реалист и пускает в ход свои козыри. Рейли – один из них. Но Черчилль прагматик, причем достаточно циничный. Наверняка он подтолкнет Рейли на какие–то действия, но существенную поддержку ему, в том числе финансовую, окажет лишь в том случае, если тот добьется какого–то видимого успеха. Потому на начальной стадии реализм, несомненно, будет иметь ускоряющее развитие. Он постарается «вобрать в себя» все эмигрантские течения, до сих пор выступающие против нас.

– Согласен с вами. И формы борьбы Рейли окажутся, вероятно, традиционными, вряд ли он придумает что–то новое. И все же, с чем мы столкнемся?

– Рейли не начнет свои действия против нас, как говорится, с чистого листа. В первую очередь он обратит внимание на «Трест» и «Синдикат», постарается прибрать их к рукам, заявить о себе громкими диверсиями. Надо полагать, рано или поздно авантюризм натуры толкнет его вновь в нашу страну.

– Да, это решающие моменты. Рейли профессионал, умен, изобретателен. С благословения определенных кругов он непременно вступит с нами в борьбу.

Все старые разведки изучали характер полководцев противной стороны, отдельные их черты: энергичность, упрямство, отвагу, осторожность, волю к победе и, наоборот, нерешительность. И, разумеется, военачальнический талант. Зная характер полководца, оказывается, можно влиять на его решения – одного при определенных обстоятельствах заставить отступить, другого путем демонстрации силы вынудить отказаться от активной борьбы, третьего подтолкнуть броситься в опрометчивое наступление. Думаю, следует подтолкнуть Рейли к активной борьбе, и тогда вывод его через границу станет реальным делом.

…Была еще одна причина, не позволяющая оставить Рейли без присмотра, – советская дипломатия делала важные внешнеполитические шаги, прорывая завесу «санитарного кордона», реализуя принцип мирного сосуществования (наркоминдел никогда официально не поддерживал троцкистскую теорию «перманентной» революции). Рейли был убежденным врагом любых переговоров Запада с Советами и готов был на самые крайние, террористические меры против советских представителей за рубежом.

Из донесения Андрея Павловича Федорова после его очередной поездки в Берлин в 1922 году Артузов знал, что к несостоявшемуся покушению группы Георгия Эльвенгрена на советскую делегацию, следовавшую на Генуэзскую конференцию,

был причастен и Рейли.

Спустя некоторое время Рейли получил весьма соблазнительную информацию: в Берлине находятся два Максима – заместитель наркома по иностранным делам Литвинов и всемирно знаменитый писатель Горький. Решено было организовать на них покушение в театре на Унтер–ден–Линден. Для Эльвенгрена и его людей приобрели билеты. Похоже, они намеревались повторить знаменитый теракт Дмитрия Богрова, как известно, смертельно ранившего председателя правительства России Петра Столыпина в зале Киевского городского театра. Но Литвинов и Горький почему–то покинули ложу в середине второго акта, не досмотрев спектакль.

Итак, Артузов пришел к убеждению, что, несмотря на важные дела в Америке, Рейли использует первую же серьезную возможность для возвращения в Европу. А если это произойдет, то непременно попытается обзавестись собственной сильной организацией для работы в советской России. Таковой должен был стать «Трест».

Действительно, письмо из Ревеля от Е. вызвало у Рейли соответствующую реакцию. Из его ответа было ясно, что он с готовностью зацепился за «Трест». Но почему Рейли, укрывшийся на всякий случай за псевдонимом Железный, сообщил о возможной поездке в Европу Бунакову? Очень просто. Именно Е. связал Рейли с полномочным представителем РОВС в Финляндии, более того, подсказал ему следующее: «…Когда Вы будете писать Н. Н. Б. (Николаю Николаевичу Бунакову. – *Т. Г.),* будьте столь любезны и напишите ему лично письмо, которое было бы исчерпывающим по всем интересующим вопросам; в данном случае Вы также сможете задать ему все те вопросы, на которые Вам необходимо будет иметь ответ. Другое же письмо Вы должны написать таким образом, чтобы он был в состоянии показать его московскому Центру или же его представителям и в котором должно быть сказано, что Вы заинтересованы его коммерческими предложениями с указанием на то, что Вы сможете быть им полезным».

Если учесть, что Е. был официальным резидентом английской разведки, то данный Рейли в письме совет был не чем иным, как приказанием, изложенным в вежливой форме.

Рейли с благодарностью принял эти рекомендации. Письмо Е. дышит характерным для английских властей лицемерием: в нем нет прямого распоряжения – всего лишь дружеский совет одного частного лица другому частному лицу. Случись что с агентом ST–1, английская разведка будет ни при чем.

Теперь письма следуют одно за другим. Еще одно от Рей–ли к

Е.: «Согласно некоторым делам, которыми я сейчас занят, я намереваюсь, как только это возможно, покинуть здешние места и отправиться на два–три месяца в Европу. По всей вероятности, я составлю мой маршрут таким образом, чтобы иметь возможность заехать в Ревель и Гельсингфорс после того, как предварительно побываю в Лондоне… »

Следующее, очень важное отправление в Ревель:

«Дорогой Е.! Я получил сегодня копию письма Правления (имеется в виду „Трест“. – *Т. Г.),* адресованного Б. Я вполне согласен с Правлением, что для окончательного назначенияя дат и соглашения насчет дальнейшего плана производства мне нужно лично съездить и осмотреть фабрику.

Я с удовольствием это сделаю и готов выехать, как только закончу здесь свои личные дела. Конечно, в путешествие я отправлюсь только после того, как подробно посоветуюсь с Вами и инженером Б. Думаю, что в случае благоприятного впечатления от фабрики и моего доклада о технических нововведениях заинтересованные круги окончательно убедятся в выгодности предприятия и сделают все от них зависящее, чтобы облегчить проведение плана в жизнь».

В апреле 1925 года Рейли отправил в адрес МОЦР письмо, в котором рекомендовал перейти к тактике активных действий, решительным способам борьбы с советской властью, вплоть до проведения террористических актов против руководителей партии и правительства. Именно после ознакомления с этим планом председатель ОГПУ и дал Артузо–ву вторичное, уже вполне конкретное указание принять все меры к выводу Рейли на территорию СССР и его аресту.

… И вот наконец на столе Артузова – долгожданное сообщение из Финляндии: Рейли прибыл в Гельсингфорс. «Трест» подталкивает его на поездку в Советский Союз. Все понимают: пока Рейли не убедится на месте в реальности «фабрики», то есть существующих контрреволюционных сил в Москве, субсидий от Запада ему не дождаться.

Да и сам Рейли считал свое присутствие в России необходимым: «…Все применявшиеся до сих пор способы – белые и зеленые вооруженные действия, шитые белыми нитками заговоры, интервенции и все эмигрантские предприятия – изжили свою целесообразность. Импульс должен исходить из России, и материал для организации борьбы должен быть найден там же». Не иначе, Рейли был убежден, что он тот самый человек, который способен высечь искру требуемого внутреннего «импульса».

В данном случае бросается в глаза поразительное сходство между Рейли и Савинковым при всех прочих различиях: оба были

убеждены, что рождены для спасения России!

Авантюризм, как и рассчитывал Артузов, неудержимо толкал Рейли в опасное путешествие. В Гельсингфорсе у чекистов влиятельный союзник – сам Бунаков всемерно поддерживает Рейли в его намерении. «Переправа» через границу родного брата Бунакова оказалась исключительно сильным ходом Артузова. Он окончательно расположил эмиссара Кутепова к «Тресту».

К этому времени второй брак авантюриста распался. Однако холостяковал Рейли недолго: 18 мая 1923 года он женился в Лондоне на двадцатидевятилетней Нелли Пепите Луизе Хэддон–Чемберс. Родилась невеста как Нелли Луиза Бертон и впоследствии стала танцовщицей канкана в знаменитом кабаре «Мулен Руж» на пляс Пигаль. Артистка этого самого злачного места в Париже взяла сценический псевдоним, сокращенный – Пепита Бобадилья. Затем она вышла замуж за известного шестидесятилетнего драматурга Чарльза Хэддон–Чемберса. Разница между «молодыми» составляла тридцать один год! Спустя всего пять месяцев супруг скончался, оставив неутешной вдове приличное состояние. В Сиднея Рейли она влюбилась с первого взгляда{55}.

…Уже все для себя решив, Рейли отправляется в Париж и встречается с главой РОВС генералом Кутеповым. Два медведя в одной берлоге не уживаются: Рейли и Кутепов определенно не понравились друг другу. Рейли приходит к твердому выводу: белоэмиграция бессильна, рассчитывать можно только на внутренние контрреволюционные силы России. Стало быть, поездка не только желательна, но и необходима. А тут еще телеграмма от Е.: «Все готово для общей встречи. Просим сообщить, когда приедете». Е. не только прислал депешу, но и сам приехал в Париж, чтобы вместе с Рейли отправиться в Выборг.

Рейли телеграфирует жене в Гамбург: «Телеграмма получена. Завтра утром еду в Выборг и пробуду там четверг и пятницу. Вернусь сюда в субботу утром и в субботу же сяду на пароход. Из Штеттина телеграфирую, поеду ли прямо в Гамбург или сначала заеду в Берлин. Во всяком случае, в понедельник 28–го я обниму тебя, родная. Телеграфируй мне в Выборг, отель „Андреа“».

Одновременно в тот же сентябрьский день Рейли отправил жене и письмо, в котором заверил ее в благополучном исходе дела: «Россия находится накануне важных и решительных событий».

Об этом периоде много лет спустя Артузов рассказал в лекции молодым сотрудникам. Приведем из нее несколько чудом сохранившихся выдержек:

«От „Треста“ имелись послы в Риге, Ревеле, Париже и

Лондоне. С ними считались как с представителями второго (подпольного) правительства России. Для нас „Трест“ таил некоторую опасность. Определенные круги за границей считали: раз существует „второе“ правительство, значит, Советы не так уж сильны. Это могло подтолкнуть их на более решительные действия против нашей страны.

Пожалуй, в некотором недоверии остались англичане. И они решили прощупать истинную силу «второго» правительства. Для этого выбрали Рейли. Естественна и его связь с Бунаковым, «послом» в Финляндии, бывшим социал–революционером, поддерживающим длительное время связи с английской разведкой. «Трест» перетянул «посла» на свою сторону, убедив его, что русское дело дороже английского. Бунаков постепенно охладевал к англичанам.

«Посол» был связан со своим братом, оставшимся на родине, давшим согласие сотрудничать с нами. Брат регулярно информировал Бунакова о делах в России, в частности о состоянии «Треста», представляя его как вполне дееспособную организацию, способную повернуть судьбу России.

И все же Бунаков изъявил желание связаться с Рейли, видя в нем не только представителя «владычицы морей», помощь которой неплохо заполучить, но и человека, который обладает определенным опытом колонизаторских методов свержения неугодных режимов. Отсюда и оживленная переписка с ним. Бунаков снабжал англичан некоторыми сведениями из России. Но английской разведке этого было мало. Она привыкла верить информации, получаемой из первых рук… К тому же на всех этапах борьбы с Советской Россией Интеллидженс сервис имела в нашей стране своих тайных резидентов, которые инспирировали заговоры, поддерживали контрреволюционные силы.

В Финляндии Рейли устроили пышную встречу. Все шло по драматическому закону нарастания действий. Для пущей впечатлительности, а главное – чтобы заставить Рейли отправиться в далекое путешествие, были командированы наши люди, разумеется, от имени «Треста». Они стали своего рода снарядом для начала атаки, убеждая Рейли, что он должен все посмотреть своими глазами, лично оценить состояние организации. Само появление Рейли как английского представителя вызовет еще большую активность «Треста». Ему гарантирована полная безопасность в переходе границы».

Несмотря на все уговоры и собственное желание, Рейли колеблется. Его можно понять: еще свежа в памяти историяя с Савинковым, а над Рейли как–никак висит дамоклов меч смертного приговора.

Сомнения сомнениями, но приказ Сикрет интеллидженс сервис однозначен: надо побывать в России, укрепить свое влияние в «Тресте». Контрразведчики уловили двойственное настроение англичанина.

Всё, что может, пускает в ход Якушев. Это он разработал для Рейли график трехдневной поездки.

Пока Рейли знакомился с планом, Александр Александрович внимательно разглядывал его. Впоследствии он составил весьма выразительный портрет английского агента: «Рейли одет в серое пальто, безукоризненный серый в клеточку костюм. Впечатление неприятное. Что–то жестокое, колючее во взгляде выпуклых черных глаз, резко выпяченная нижняя губа. Очень элегантен. В тоне разговора – высокомерие, надменность».

– С вашего разрешения, я напомню вам график, – заговорил Якушев, рассчитывая рассеять последние сомнения Рейли. – В субботу 26 сентября вы прибываете в Ленинград. Ночь проводите в поезде. Утром 27 сентября приезжаете в Москву. Свидание с руководством «Треста». В понедельник 28 сентября возвращаетесь в Ленинград, во вторник проводники доставят вас к «окну» – и вы в Хельсинки. В среду – уже в Европе.

Ведет яростную атаку на Рейли неистовая Мария Захар–ченко–Шульц при молчаливой поддержке мужа – Георгияя Радкевича. Они только что в который раз переправились в

Финляндию из Ленинграда через «окно», которое «держит» преданный «Тресту» командир–пограничник Тойво Вяхи.

Рейли задал Якушеву несколько вопросов об «окне» на границе. Тот уверенно ответил, что оно находится под контролем «Треста», как и путь от Ленинграда до Москвы. Он полез в нагрудный карман и вытащил бумагу с гербовыми печатями, положил перед Бунаковым и Рейли. Это было предписание, выданное военному специалисту, разрешающее ездить в отдельном купе с подчиненными, поскольку он имеет при себе секретные документы и военное имущество. Документ стал последней каплей…

Рейли отправил через Бунакова последнее письмо жене Пепите Бобадилья: «Я уезжаю сегодня вечером и возвращусь во вторник утром. Никакого риска… »

Финская разведка обеспечила Рейли переход границы со своей стороны. Ее представители 25 сентября встретили его на станции Куоккала. В половине двенадцатого ночи они направились к Сестре–реке. До самой границы Рейли сопровождала Мария Захарченко–Шульц. На советской стороне Рейли встретил сам начальник погранзаставы Тойво Вяхи, следовательно, никаких «красных патрулей» нарушителям

опасаться не приходилось.

На нашей территории приемом «именитого гостя» руководил работавший тогда в Ленинграде известный чекист Станислав Адамович Мессинг. Накануне он лично обстоятельно инструктировал Вяхи, хотя тот имел богатый опыт переправы в обе стороны «нарушителей» границы. Но тут был особый случай, и следовало предусмотреть каждую мелочь.

О том, как он принимал Рейли (тогда еще не зная, кого именно), спустя полвека рассказал сам Вяхи. Приведем лишь несколько отрывков из его весьма обстоятельного рассказа.

«Еще раз я проверил повозку и упряжь и с наступлением темноты, около 11 часов вечера, подал лошадь почти к самой реке. Вскоре на финском берегу увидел силуэты людей. Человека четыре или пять их было. Появились со стороны развалин бывшей таможни. Возможно, они там, пока было видно, ожидали и следили за тем, что происходит на нашей территории.

После обычного ознакомления – те ли они и тот ли я? – отвечаю на несколько вопросов, заданных мне на финском языке:

– Всё ли готово?

– Всё.

– Как охрана?

– Никого нет.

– Лошадь есть?

– Тут, на берегу. Хорошая. Давайте скорее.

На какое–то время все умолкло. Возможно, тот господин раздевался. Потом уже слышу на русском языке: «Иду!»

Улавливаю осторожные шаги к воде…

Накануне шли обильные дожди, вода поднялась почти до плеч и была уже холодная. Опасаясь, как бы этот господин не струсил и не повернул обратно (может и упасть на скользких камнях, еще утонет!), я бросился ему навстречу. В одежде, только шинель скинул. Взвалил себе на плечи этого гостя и перетащил на наш берег. Голенький он был, в одних трусиках, одежду завернул в пальто и держал над головой. Рослый и довольно тяжелый дядя…

В лесу, чтобы согласовать наш приезд на станцию (Пар–голово. – *Т. Г.)* с приходом поезда, мы сделали остановку на четыре–пять часов. Состоялся легкий, полушутливый разговор. Говорил больше он. Я выжимал воду из одежды, выливал ее из огромных болотных сапог и следил за конем.

Коня я оставил в небольшом леске, вблизи от станции, а сам отправился за билетом, надеясь, что мой пассажир не осмелится выйти из лесу, пока я хожу. Так и получилось. Он только отошел в сторонку от коня и лег в кустах. Подошел поезд, первый

утренний, и пассажиров было мало. В тамбуре четвертого вагона я передал «гостя» тем двум чекистам, с которым меня познакомили в кабинете Мессинга. Дело сделано!»

Одним из этих двух чекистов был Григорий Сыроежкин, которого Рейли представили как рядового члена МОЦР Щукина. В купе, где Рейли уже ждал Якушев, Рейли вручили паспорт на имя гражданина Николая Николаевича Штейнберга.

В Ленинграде Рейли провел целый день на квартире, которую Щукин выдал за свою. В город не выходили. Здесь Рейли познакомился с «оппозиционно настроенным рабочим, депутатом Моссовета», роль которого сыграл Владимир Стырне, настоящим монархистом, эмиссаром Врангеля Георгием Мукаловым и др.

Вечером 26 сентября Рейли, Якушев и Мукалов в международном вагоне, в отдельном купе выехали в Москву. Несколько раньше отбыл в столицу и Стырне. В Москве Владимир Андреевич на основании рассказа Якушева и собственных разговоров с Рейли написал подробный отчет на имя заместителя Артузова, который непосредственно курировал данную операцию.

«Отпечатано в 2–х экз. *Сов. секретно*

ЗАМ. НАЧ. КРО ОГПУ тов. *Пиляру*

ДОКЛАД[{56}]

(о разговорах с Рейли 24—25 и 26 сентября 1925 г.)

Первый разговор происходил с Рейли у сексота А. в г. Выборге 24–го числа. Разговор сразу же перешел на принципиальные темы. Во–первых, был затронут религиозный вопрос, причем Рейли предполагал, что религия и церковь должны быть поставлены на должную высоту, но духовенство не может быть предоставлено себе самому, а должно руководиться властью. При этом Рейли сказал, что большевики сделали грубую ошибку тем, что не приблизили к себе духовенство, которое явилось бы послушным орудием в их руках. Вспоминал патриарха, которого лично знал и передавал ему первые (и последние) два миллиона из ассигнованных на поддержание церкви епископом Кентерберийским 24 миллионов в год субсидии. О патриархе отзывался восторженно, находил, что это был настоящий умный русский мужицкий святитель и что вся его линия поведения была совершенно правильна и направлена на сохранение церкви. Далее разрешили еврейский вопрос в том смысле, что без погрома обойтись нельзя, это будет выражение народного чувства, но новая власть не может связать своего имени с погромом, а потому должна будет внешне принимать меры к защите евреев, что необходимо для заграницы. Относительно влияния евреев на мировые дела Рейли отметил, что во Франции и в Англии капитал всецело в руках евреев, в

Америке же на одну треть, если не больше, но и эта треть могущественнее, чем весь капитал старого света, ибо европейские ротшильды не годятся и в подметки самому рядовому американскому миллиардеру. Дальше говорили о форме будущего правления и остановились на диктатуре, которая восстановит порядок, а дальше уже сам народ изберет форму правления.

Далее говорилось о положении власти и способах перехода к новой власти. Отмечали четыре элемента населения: крестьян, которые хотя и недовольны, но инертны, городских обывателей, которые только трусливы, рабочих, которые теперь совершенно откололись от большевиков, и наконец Красную армию, которая при существующей территориальной системе не успевает пропитаться духом коммунизма и не прерывает своей связи с деревней, которая контрреволюционна.

Отбрасывая в сторону первые два элемента как негодные для обработки, мы, по мнению Рейли, должны устремлять все свои надежды на два вторых и среди них вести усиленную работу, для чего, конечно, нужны средства и время.

Во время уже первого свидания Рейли усиленно предупреждал «Трест» не доверять полякам, которые должны в ближайшее время броситься в объятия большевиков. За это говорит логика. В настоящее время главнейшие европейские державы почти уже договорились относительно пакта, который обязательно будет заключен. Таким образом объединятся Англия, Франция и Германия, причем Англия, поддерживая Германию, уговорила ее не подымать сейчас вопроса о Данцигском коридоре с тем, что в ближайшее же время, после заключения пакта этот вопрос будет поставлен и разрешен в пользу Германии. Пакт заключается по инициативе Англии, которая, в силу обстоятельств, должна сейчас руководить делами Европы, чего она не умеет делать и не хочет, а желает передать это Германии и иметь самой развязанные руки для Востока. После заключения пакта Франция уже не будет поддерживать Польшу, наоборот, она ее отдаст на расправу Германии, и Польше ничего другого не остается, как броситься в объятия большевиков. В дальнейшем Германия, конечно, займется устройством дел в России и покончит с большевизмом…

Перейдя конкретно к вопросу о той помощи, которую он мог бы предложить «Тресту», он начал примерно с того:

– Я должен Вас предупредить, что вынужден Вас глубоко разочаровать. Мне известно, что Вы ожидали получить от меня и через меня деньги. Их сейчас за границей достать нельзя, ибо на отпуск средств не решится сейчас ни одно правительство. Не

решится даже не потому, что денег нет, что не верят в возможность борьбы с большевиками, а потому, что у каждой свой дом горит. Черчилль так же, как и я, твердо верит, что Советская власть будет свергнута и свергнута в недалекий срок, что это произойдет внутренними силами, но прийти на помощь со значительными денежными средствами не может. Правда, тут крупную роль играет и то, что он несколько раз очень тяжело разочаровывался. Но сейчас главная причина – горит собственный дом. Необходимо потушить пожар у себя. По разрешении вопроса о безработице, кризиса угольной промышленности, успокоении доминионов можно будет обратить больше внимания на разрешение русского вопроса. Черчилль великолепно понимает, что корень зла брожения в колониях и полевения рабочего движения лежит в Москве в Коминтерне, но начать тушение его в корне сейчас невозможно.

Деньги надо изыскать внутри России и их можно будет здесь найти. Я говорил уже о своем плане. Он груб и вызовет у Вас вначале презрение и отрицательное, брезгливое к нему отношение, но мы должны быть государственными людьми и уметь побороть во имя России свои личные чувства и излишнюю сентиментальность. Россия этого стоит. Во имя спасения России можно сделать многое. Генрих IV сказал: «Париж стоит одной католической мессы», и мы должны в данном случае брать пример с него. Повторяю, в России получить необходимые деньги даже не так трудно. Я говорю о художественных ценностях в России. В русских музеях имеется такое количество величайших художественных ценностей, что изъять их на сумму даже в сотнях тысяч фунтов не должно представить особых затруднений. За границей сбыт их неограниченный. Я не говорю даже про те ценности, которые выставлены. Их взять труднее. Но в кладовых в упакованном виде лежат еще величайшие шедевры. Вы должны организовать их отправку за границу, я организую сбыт, и очень скоро мы сумеем получить крупные суммы авансом.

Наши возражения, что это вовсе не так легко, что это может повлечь за собой компрометирование организации и квалификации ее как шайки музейных воров, на Сиднеяя Рейли не подействовали, он оставался при своем мнении, указывая, что в таком случае надо дело поставить на чисто коммерческих основаниях и посвятить в это дело только очень ограниченное количество лиц.

Второй способ получения денег Рейли видел в сотрудничестве «Треста» с английской контрразведкой. Рейли уже с контрразведкой работал, но с 1922 г. порвал с ней связь. Теперь ему нужны будут сведения особенные. В сведениях военных и

экономических он не нуждается, он заранее их отвергает. Нужны сведения только о Коминтерне. «Трест» должен проникнуть туда во что бы то ни стало. Англичанам даже не нужны документы. «Трест» должен иметь возможность предсказать только 2—3 раза предстоящие выступления Коминтерна. Тогда все поймут, что «Трест» имеет какие–то возможности не в пример другим организациям – он знает какое–то особое петушиное слово. После этого «Трест» уже сумеет заговорить по–иному. Тогда он сумеет сказать английскому, германскому и другим правительствам: «Видите наши возможности, давайте будемте союзниками против общего врага Коминтерна». И будьте уверены, что тогда и деньги дадут и союзниками посчитают и примут. Возражения, что это почти невозможно, на Рейли не подействовали. Он продолжал доказывать, что тогда можно будет начать игру в высокую политику, соответственно подтасовывая факты. «Как Вы видите, действия английского правительства, в особенности министерства иностранных дел, зиждутся исключительно на данных английской контрразведки. Факты подтасовать всегда можно. Я это делал на протяжении 1918—22 г.г. и достигал разительных результатов».

Рейли высказал также несколько соображений по поводу некоторых со[ветских] деятелей: о Чичерине он сказал, что он считает вполне разумным, почему Чичерин остается так долго несменяемым министром иностранных дел; о Крыленко он высказал соображения, что это один из самых «отвратительных большевиков, садист и дегенерат, человек, не знающий пощады и слепо преданный идее», но еще хуже его жена Размирович, женщина без каких бы то ни было нравственных устоев, тоже извращенная садистка с горящими как уголья глазами и внешностью «ведьмы»; о Зиновьеве он высказал соображения как о человеке крайне ограниченном, политическая карьера которого на закате и который совершенно не способен стоять во главе такого учреждения, как Коминтерн, наполненного сплошь бездарными, но преданными идее патентованными негодяями; о Луначарском отозвался как о попугае и позоре, выставленном на всю Европу, крайнем бабнике, попутно заметя, что как это ни странно, но нужно признать, что вообще видные коммунисты мало увлекаются женщинами, делают это бесшумно и втихомолку и вообще так называемая «женщина» (закулисная) играет очень малую роль и таких случаев почти не имеется; о Дзержинском отозвался как об очень хитром человеке; затем интересовался, каково значение Уншлихта в Реввоенсовете, кто он такой по своему образованию и что он слышал о нем как о крупном организаторе, пользующемся каким–то исключительным

влиянием в партии, по–видимому, благодаря своей прежней деятельности в ГПУ; М. Д. Бонч–Бруевича он считает одним из организаторов Красной армии, который пользовался у Троцкого большим влиянием, во–первых, благодаря тому, что он преподавал Троцкому уроки тактики, а во–вторых, потому что его брат В. Д. Бонч–Бруевич в то время пользовался большим влиянием.

…По дороге из Ленинграда в Москву в вагоне разговор шел исключительно про Савинкова. Рейли восхищался им как талантливейшим конспиратором, необычайно храбрым человеком, но признавал и его отрицательные стороны, а именно – полное неумение выбирать людей, неспособность быстро схватывать обстановку и принимать решения, неразборчивость в источниках денежных средств, колоссальную склонность к комфорту – и исключительное женолюбие, причем ему обыкновенно нравились и имели на него магическое влияние самые грубые и малокультурные женщины. Дерентaль Рейли называл грубой, грязной, вонючей жидовкой с лоснящимся лицом, толстыми руками и ляшками и поражался, как Савинков мог увлекаться ею и посвящать ей лирические весьма поэтические стихотворения, ибо он, как оказывается, обладал в большой степени поэтическим даром. Беда Савинкова заключалась в том, что у него не было окружения, он был замкнут и одинок, у него не было «генерального штаба».

…Рейли представился «Тресту» как старинный и ярый враг Советской России и Коминтерна, который на борьбу с ними употребил все свои личные средства и силы, в этой борьбе ему помогает Черчилль, и в свою очередь у Черчилляя он является ближайшим помощником в этой борьбе. Он боролся с Советским правительством все восемь лет существования последнего. Субсидировал все организации, которые формировались в Европе, оказывал содействие организациям, находящимся на территории Советской России. Сейчас он едет устраивать свои дела в Америку и, возвратившись оттуда, употребит все свои силы, средства и влияния дляя продолжения и усиления этой борьбы.

ПОМ. НАЧ. КРО ОГПУ

2 октября 1925 г.

(Стырне)».

На вокзале в Москве Рейли встретили секретные сотрудники ОГПУ Федор Шашковский и Владимир Дорожинский, а также приехавший в столицу раньше Владимир Стырне, и отвезли на дачу в Малаховке. Роль хозяина дачи сыграл военный инженер Дмитрий Федорович Кокушкин, товарищ Стырне по гимназии и женатый на его свояченице Марии Ивановне. Здесь было

инсценировано заседание Политического совета организации. Артузов в своем кабинете не отходил от телефона. Каждые 10—15 минут ему сообщали о развитии операции.

На даче начали с хорошего обеда, потом перешли к делам. Рейли был вполне удовлетворен тем, что слышал от «руководителей организации». В свою очередь информировал их о положении на Западе. Якушев поставил вопрос о финансовой помощи «Тресту». Рейли возразил. Предложил свой план добычи денег, более надежный, чем субсидии западных правительств и Торгпрома:

– В России имеются громадные художественные ценности, в первую очередь творения знаменитых мастеров прошлого. Изъять их из плохо охраняемых советских музеев не представляет никаких трудностей. Я могу организовать их переправку за границу и сбыт. Мы получим громадные суммы.

Даже все видавшие контрразведчики были поражены таким цинизмом. Между тем, увлеченный своей идеей, Рейли уже набрасывал памятную записку с указанием, что следует воровать:

«1. Офорты знаменитых голландских и французских мастеров, прежде всего Рембрандта.

2. Гравюры французских и английских мастеров XVIII века с необрезанными краями. Миниатюры XVIII века и начала XIX века.

3. Монеты античные, золотые, четкой чеканки.

4. Итальянские и фламандские примитивы.

5. Шедевры великих мастеров голландской, испанской, итальянской школ».

Заседание окончилось. По своему плану Рейли должен был выехать в Ленинград вечерним поездом, чтобы следующей ночью перейти границу.

По плану же контрразведчиков Рейли предполагалось арестовать в машине по дороге в Москву. Неожиданно он изъявил желание написать своим заграничным друзьям открытки и собственноручно опустить их в почтовый ящик. Это ему было нужно для того, чтобы иметь потом документальные подтверждения, что он действительно побывал в Москве.

Прекрасная идея, она была на руку контрразведчикам. В план операции тут же вносится поправка: Рейли следует арестовать сразу после того, как он бросит открытки в ящик.

…Артузов опускает трубку на рычаг. Что ж, с учетом не слишком хорошей дороги от Малаховки до Москвы прибытия господина Сиднея Джорджа Рейли на Лубянку следует ожидать примерно через час.

В тот же вечер в Ленинград выехал Сергей Васильевич Пузицкий. Он должен был организовать чрезвычайное

происшествие на границе.

Еще один отрывок из воспоминаний Тойво Вяхи (его снова пригласили в кабинет Мессинга. Здесь уже собралось несколько сотрудников, в том числе приехавший из Москвы Пиляр): «…Мне объяснили, что последний „гость“, которого я доставил, Сидней Джордж Рейли – начальник восточноевропейского отдела разведки Великобритании, личное доверенное лицо злейшего врага нашей страны Уинсто–на Черчилля и других активных антисоветских сил в западном мире. В его руках – все нити антисоветских планов, заговоров и комбинаций, и все это он нам выложит. Важно только, чтобы англичане не помешали нам довести следствие до конца. А помешать они могут. Надо помнить хотя бы „ноту Керзона“ и высказанные в ней угрозы. Потеря Рейли для них – горькая пилюля, но главное все же в ином – они позаботятся о том, чтобы доверенные ему тайны не стали нашим достоянием. Надо убедительно доказать английской разведке, что Рейли умер, что эти тайны ушли с ним в могилу. В интересах следствия также надо показать и самому Рейли его собственную смерть. Вот и решено на границе, в пределах видимости с финской стороны, именно в то время и там, где финны ждут возвращения Рейли от нас, разыграть его фиктивное убийство.

Меня спросили, где, по моему мнению, лучше всего устроить эту сцену? Я предложил небольшую открытую поляну между селением Старый Алакуль и линией границы, до которой еще остается 50—100 метров открытого пространства. Финны, рассчитывал я, услышат голоса и увидят вспышки выстрелов, но выйти на выручку Рейли не осмелятся. Мое предложение приняли».

…«Убийство» Рейли разыграли как по нотам. Это дало возможность впоследствии сообщить в газетах, что при попытке перейти границу была остановлена группа из четырех человек. В возникшей перестрелке два нарушителя были убиты. Как выяснилось, одним из убитых был Сидней Джордж Рейли…

Еще одна выдержка из лекции Артузова: «Перед нами стояла дилемма: задержать Рейли или выпустить его в интересах дальнейшей игры? Самые веские доводы говорили за то, чтобы отдать Рейли в руки советского правосудия. Один из таких доводов – активно опасная тактика, избраннаяя Рейли. Им была написана программа о революционной тактике, в основу которой положен террор народовольцев. Эту тактику мы считали опасной. Решили Рейли не выпускать за границу.

Рейли привезли в Москву. Встреча была инсценирована на подмосковной даче, которая охранялась не только «часовыми», но

и собаками. Это Рейли подметил и еще раз убедился в том, что «Трест» процветает, а процветает потому, что наладил хорошую конспирацию и охрану руководства.

На состоявшемся совещании Рейли рассказал не только о своих планах, но и о позиции англичан, заверяя, что, по его убеждению, в ближайшие два года не предвидится интервенции со стороны западных держав. После того как Рейли выговорился, мы повезли его в Москву, и по «ошибке» автомобиль въехал во двор ОГПУ.

Рейли уже не опасен. Как вести дело дальше? Может, на этом и поставить победную точку? Сказать миру, что Рейли за решеткой? За границей тут же начнется вой и визг о «зверствах» ЧК. Признание, что Рейли арестован, еще больше насторожит противника, заставит его еще глубже законспирироваться, обострит его контрразведку.

Где же новая счастливая мысль? И она пришла. А что, если Рейли «убить» в перестрелке во время очередного перехода границы? Роковой случай. Понадобится двойник Рейли, человек в одежде Рейли. Такого подобрать нетрудно. Разыграть «бой» на самой границе, всполошить финских пограничников: пусть смотрят на «мертвого Рейли».

А что делать с Вяхи? Он отменно сыграл свою роль. Что же дальше? Оставить на заставе? Это слишком. Его могут убить с той стороны. Перевести в другое место? Но это же только полумера. Противник сразу поймет, какую роль играл Вяхи. «Убийство» Рейли требовало осуществить и другой шаг – тонко вывести из игры и Вяхи. Логика действия и конспирация диктовала нам поступить именно так, иначе противник будет с подозрением относиться к каждому «окну». Вяхи должен быть арестован не путем инспирации, обозначения, а так, как арестовывают заклятого врага. Это конечно же жестоко по отношению к честному и преданному командиру, но другого выхода нет. Да, с него будут на глазах товарищей сорваны зеленые петлицы, снята с буденовки пятиконечная звезда. Ни у кого не будет и тени сомнения: так поступают с предателями.

Это был стержень плана. Его предстояло тонко осуществить».

Встревоженная отсутствием известий о муже, Пепита Бобадилья послала в выборгский отель «Андреа» телеграмму с запросом. Ей ответили, что он в отеле не появлялся ни в назначенный день, ни на следующий. Тогда она сама приехала в Выборг, но узнала только то, что видели финские пограничники: о непонятной перестрелке на границе в ту ночь, когда Рейли должен был вернуться…

Обратимся еще раз к лекции Артузова: «Английской разведке

и Бунакову пришел достоверный ответ на вопрос: что с Рейли? Для них предельно ясно – Рейли был в Москве.

Свидетельство тому – его открытки, отправленные из СССР. Эксперты тщательно исследовали их и убедились: да, открытки написаны рукой Рейли. Стиль письма его. Почтовые штампы в порядке. Нет ни малейшего подозрения, что открытки написаны под диктовку ЧК.

Нам надо было создать видимость, что Рейли благополучно прибыл в Москву, ознакомился с «Трестом» и возвращался в Финляндию. И только чистая случайность – встреча с советскими пограничниками – помешала ему прорватьсяя в Финляндию. Рейли убит, а «Трест» продолжает здравствовать. Придерживаясь этой версии, мы организовали с помощью начальника заставы Вяхи–Петрова перестрелку на границе, которая всполошила финских пограничников, и они могли в отдалении наблюдать «бой»».

…Факт гибели Рейли расследовали Захарченко–Шульц и Георгий Радкевич. Они опросили финских пограничников, местных жителей, которые подтвердили, что слышали перестрелку на русской стороне и видели, как трупы погрузили на подводу. Захарченко–Шульц ничего другого не оставалось, как зафиксировать случайную смерть Рейли.

«Трест» направил Бунакову и Захарченко–Шульц извещение о гибели Рейли, сделав важную ссылку, что провал перехода границы – некая фатальность и в этом «Трест» не виноват.

С достоверностью узнали те, кому следовало, о расстреле за измену двадцатичетырехлетнего командира–пограничника Тойво Вяхи. Он перестал существовать. Но через некоторое время на одной из южных застав появился молодой командир с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Звали его Иван Михайлович Петров…

Первые дни Рейли держался твердо, хотя сразу понял, что «Трест» – мистификация ОГПУ. Он, однако, надеялся, что в его судьбу вмешается Сикрет интеллидженс сервис, британское правительство. И тогда ему показали газеты, не только советские, но и лондонские, подлинность которых Рейли установить не составляло никакого труда. Он прочитал сообщение о собственной гибели. Следовательно, никто не будет заниматься его спасением. Теперь он понял, почему его содержат в одиночной камере Внутренней тюрьмы (той самой, в которой сидел и Савинков), почему конвоиры обращаются к нему не по имени, а по номеру – 73, почему переодели в форму сотрудника ОГПУ. Он был секретным арестантом. Конвоиры понятия не имели, кто он такой, скорее всего, полагали, что какой–то

ответственный работник ОГПУ с периферии, серьезно проштрафившийся.

В свое время, узнав о крахе Савинкова, Рейли с негодованием заявил газете «Морнинг пост», что «этим поступком Савинков вычеркнул свое имя из списка почетных членов антикоммунистического движения».

Но теперь, оказавшись в положении Савинкова, Рейли повел себя куда менее достойно. Он рассуждал просто – британская разведка ничем ему помочь не может, следовательно, ему остается одно – давать показания. И он их давал…

Из протокола допроса Рейли 13 октября 1925 года:

«Охотно признаю, что практика моей семилетней борьбы против Советской власти, а в особенности моя последняяя попытка доказали мне, что все те методы, которые применялись и мною, и моими единомышленниками, не привели к цели и поэтому в корне были нецелесообразны».

Из письма Рейли к помощнику начальника КРО Стырне от 17 октября 1925 года:

«Мой последний опыт с „Трестом“ до конца убедил меня в бесполезности и нецелесообразности искания какой бы то ни было опоры для антисоветской борьбы как в русских, так и в эмиграционных организациях. Во мне сложилось довольно сильное впечатление о прочности Советской власти. Поэтому мне приходится смотреть на всю интервенционную политику (какого бы то ни было рода) как на нецелесообразную».

Начальник КРО Артузов также принимал участие в допросах Рейли. При этом его интересовали не только факты, но и взгляды, мысли, чувства побежденного врага. Это были откровенные разговоры с обеих сторон.

На их последней встрече Рейли признался:

– Да, вы оказались сильнее меня. А точнее – нас. Занавес моей драмы упал. Выходит, конец. И все же в моем сердце теплится крохотная надежда. Помнится, в России всегда справляли Прощеное воскресенье. Из дома в дом ходили друг к другу, просили прощения за нанесенные обиды. В ноги бухались. Может, и мне это сделать? Надежда – единственный в мире свет…

– Не поможет, – прямо ответил Артузов. – Вы уже были осуждены однажды. Теперь только вышестоящий суд может пересмотреть приговор.

Рейли, безусловно, был очень смелым человеком, объективных доказательств тому – множество, в том числе последняя, крайне рискованная после захвата Савинкова, поездка в советскую Россию. Но смелость его вовсе не была безрассудной. В характере Рейли была и редкая для авантюриста черта – трезвая

рассудочность в экстремальных ситуациях. Он прекрасно понимал, что бегство из Внутренней тюрьмы ОГПУ – дело безнадежное{57}. Этот авантюрист был одновременно и деловым человеком. И он здраво (с его точки зрения) рассудил, что если что и может сохранить ему жизнь, это сделка. Именно так следует расценивать последние написанные им строки – как сугубо деловое предложение, выгодное, опять же в его представлении, для обеих сторон: Рейли и ОГПУ.

«Председателю О.Г.П.У. *Ф. Э. Дзержинскому*

После происшедших с В. А. Стырне разговоров я выражаю свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам, интересующим О.Г.П.У., относительно организации и состава великобританской разведки и, насколько мне известно, также сведения относительно американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело.

Москва. Внутренняя тюрьма 30 октября 1925 г.

Сидней Рейли».

В камере Рейли вел бисерным почерком «секретный» дневник. На самом деле Рейли прекрасно понимал, что его прочитают чекисты. Таким образом он пытался убедить их в своем раскаянии и желании сотрудничать с ОГПУ.

Допросы «заключенного № 73» продолжались еще несколько дней. Пока из высших инстанций не пришло уведомление, что приговор Верховного революционного трибунала РСФСР от 3 декабря 1918 года по отношению к Сиднею Джорджу Рейли отмене не подлежит…

Что последовало за указанным распоряжением, на протяжении более чем полувека оставалось государственной тайной. Только в наши дни стали доступны для историков два рапорта уполномоченного 4–го отдела КРО ОГПУ Григория Федулеева на имя помощника начальника КРО Владимира Стырне. В первом из них говорится:

«Довожу до Вашего сведения, что согласно полученного от Вас распоряжения со двора ОГПУ выехали совместно с № 73 т. Дукис{58}, Сыроежкин, я и Ибрагим{59} ровно в 8 часов вечера 5/XI—25 г. направились в Богородск (что находится за Сокольниками). Дорогой с № 73 очень оживленно разговаривали… На место приехали в 8 1/2 —8 3/4 ч. Как было услов–лено, чтобы шофер, когда подъехали к месту, продемонстрировал поломку машины, что им и было сделано. Когда машина остановилась, я спросил шофера – что случилось. Он ответил, что–то засорилось и простоим минут 5—10. Тогда я № 73 предложил прогуляться. Вышедши из машины, яя шел по правую, а Ибрагим по левую сторону № 73, а т. Сы–роежкин шел с

правой стороны, шагах в 10 от нас. Отойдяя шагов 30—40 от машины, Ибрагим, отстав немного от нас, произвел выстрел в № 73, каковой, глубоко вздохнув, повалился, не издав крика; ввиду того, что пульс еще бился, т. Сыроежкин произвел еще выстрел в грудь. Подождав немного, минут 10—15, когда окончательно перестал биться пульс, внесли его в машину и поехали прямо в санчасть, где уже ждали т. Кушнер{60} и фотограф. Подъехав к санчасти, мы вчетвером – я, Дукис, Ибрагим и санитар – внесли № 73 в указанное т. Кушнером помещение (санитару сказали, что этого человека задавило трамваем, да и лица не было видно, т. к. голова была в мешке) и положили на прозекторский стол, затем приступили к съемке. Сняли – в шинели по пояс, затем голого по пояс так, чтобы были видны раны, и голого во весь рост. После чего положили его в мешок и снесли в морг при санчасти, где положили в гроб и разошлись по домам. Всю операцию кончили в 11 час. вечера

5/XI—25 г.».

Во втором рапорте Федулеев сообщал:

«Довожу до Вашего сведения, что согласно полученному от Вас распоряжения № 73 был взят из морга Санчасти ОГПУ тов. Дукисом в 8 1 /2 вечера 9/XI—25 г. и перевезен в приготовленную яму–могилу во дворе прогулок внутр. тюрьмы ОГПУ, положен был так, как он был в мешке, так что закапывавшие его 3 кр[асноармей]ца лица не видели, вся эта операция кончилась в 10 —10 1 /2 вечера 9/XI—25 г.».

При реконструкции здания ОГПУ в конце десятилетияя секретное место захоронения Рейли оказалось в зоне выемки под многометровой глубины котлован для нового фундамента…

С арестом Рейли не закончилась операция «Трест». Потому только спустя много лет англичане узнали об истинной судьбе своего супершпиона. Но операция нуждалась в серьезной корректировке. Об этом Артузов так говорил в своей лекции:

«С увеличением объема работы „трестовских посольств“ и „политического совета“ „Треста“ он стал представлять некоторую политическую опасность. Капиталистические государства вопреки ОГПУ приходили к выводу, что Советская власть не так сильна, раз существует „Трест“. Он становился политически опасным после того, как начался нажим на нашу страну Англии, которую мы и решили „подкузьмить“, приоткрыв немного завесу, вселив в нее определенное недоверие к „Тресту“. Это было осуществлено путем ареста Рейли, прибывшего инспектировать „Трест“. Его арестом мы нанесли англичанам большой урон: он поставил их в оппозицию к „Тресту“… Политическая опасность миновала, англичане ставку на „Трест“ уже не делали». И далее:

«Но полного провала „Треста“ мы допустить не могли и распустили слух, что Рейли убит при переходе границы, инсценировав там перестрелку. Англичане так и оставались недоверчивы к „Тресту“. Чтобы поставить его на должную высоту, мы выбросили новый трюк с нелегальной поездкой бывшего редактора „Киевлянина“ В. В. Шульгина в СССР.

…Завершена операция. Кажется – все. Но это лишь кажется. А по сути, операция – только этап. От нее остаются нити, которые следует тянуть дальше, вить новые хитроумные оболочки, раскручивать самые тонкие спирали, таким образом добираться до глубин.

…Боюсь одного: выдержит ли моя психика ту огромную нагрузку, которая пала на мои плечи… Должен же быть какой–то защитный панцирь в той изнурительной борьбе, которую приходится вести ежедневно? Впрочем, это некое созерцание. Нет, я не живу своей заботой, заботой о себе. По–прежнему меня одолевают беспокойная порывистость и вместе с тем отчетливость и определенность в линии жизни. По–прежнему чувствую себя громоотводом, притягивающим молнии беспокойного мира.

В нашем деле нельзя и бесполезно идти напролом. Вот и приходится неотступно думать (тут я ловлю себя на мысли: не есть ли неотступное думание то, что мы называем творчеством?), чтобы предпринять какой–то отвлекающий маневр, осуществить тонко рассчитанную комбинацию, порой длящуюся многие годы, как сберечь от провала того, кого посылаю «туда» на беспощадное и безоговорочное одиночество…»

ЗАКАТ «ТРЕСТА»

Хорошо задуманный план Менжинского и Артузова, организовавших «нелегальную» поездку Шульгина в СССР, продлил существование «Треста» не надолго. К сожалению, финал операции совпал со значительным ухудшением международной обстановки. Антисоветские силы за рубежом никак не могли смириться с тем, что, вопреки их прогнозам, СССР готовился торжественно отметить десятилетие Октябрьской революции. Потому–то Советский Союз после относительно мирной пятилетней передышки никогда так близко не стоял перед угрозой новой войны. И руководство страны об этом хорошо знало, в том числе от своей разведки, как политической (иначе называемой внешней), так и военной. Значительная доля информации о надвигающейся угрозе поступала в Москву по каналам «Треста».

Опасность войны резко возросла после установления в Польше, за спиной которой, как всегда, стояли Англия и Франция, диктатуры маршала Юзефа Пилсудского, красиво названной режимом «санации» («оздоровления»). Косвенным тому подтверждением стал разрыв Англией дипломатических отношений с СССР под вымышленным, точнее, спровоцированным предлогом. Тогда же по миру прокатилась настоящая волна нападений на советские представительства и отдельных дипломатов, также инспирированных в основном английскими спецслужбами, но осуществленных, разумеется, чужими руками.

Пока «Тресту» удавалось удерживать контрреволюционные и антисоветские силы за рубежом от массированного проведения в СССР террористических актов и диверсий под предлогом необходимости «накопить» силы для государственного переворота в наиболее подходящий момент. Но теперь эта аргументация не действовала. РОВС и лично Кутепов через ту же Захарченко–Шульц все более категорично требовали от Якушева перехода наконец к активным действиям. Более того, они все чаще стали засылать в СССР боевиков, даже не ставя об этом в известность «Трест».

Таким образом, оперативная обстановка коренным образом изменилась. Потому в феврале 1927 года на совещании у председателя ОГПУ Менжинского было решено операцию «Трест» свернуть. Легко сказать – свернуть.

Свертывание такой операции в известном смысле – дело не менее сложное, чем ее организация. Все должно быть тщательно продумано. Ни в коем случае нельзя нанести ущерб безопасности,

поставить под угрозу жизнь многих оперативных работников и привлеченных лиц.

Парадокс: если бы свертывание удалось осуществить строго по намеченному плану, возможно, мы бы и по сей день ничего не знали о «Тресте», как не знаем о многих других успешных операциях советских спецслужб, имен их героев. Запланированному завершению операции «Трест» помешало событие непредвиденное и чрезвычайное. Артузов корил себя за него всю оставшуюся жизнь. Артур Христианович однажды письменно признался, что в своей работе совершил несколько серьезных ошибок, в том числе ту, речь о которой пойдет в данной главе. Эта ошибка нашла отражение и в его личном деле: Артузов получил единственное за все годы службы взыскание.

Обычно каждый день далеко за полночь сотрудники КРО собирались в самой большой комнате отдела, чтобы согреть душу чаем (уже не морковным, а настоящим), а заодно в неофициальной обстановке обменяться новостями. Сюда частенько заходил и Артузов.

Однажды, взглянув на часы и убедившись, что настала пора чаепития, Артузов сложил бумаги в сейф, взял свою кружку и направился в большую комнату. Тихо, чтобы не помешать беседе, открыл дверь. Вместе со всеми, отыскав свободное местечко, с удовольствием пил крепкий чай, бодрящий, освежающий, похрустывал сушками. А из головы не выходило: правильно ли он поступает, продолжая привлекать к операции Опперпута? Артузов думал над сообщением Марии Кокушкиной, свояченицы Стырне, приставленной под видом благой опеки и заботы к Захарченко–Шульц. В «Тресте» Мария Владиславовна взяла на себя секретарские обязанности, помогала Стауницу, кроме того, вела переписку с помощью тайнописи (симпатических чернил) – на жаргоне контрразведчиков «сидела на химии». Время от времени она выезжала в Ленинград, а оттуда через «окно» на границе переходила в Финляндию, где встречалась с эмиссарами Кутепова, а затем возвращалась в Москву с очередными материалами РОВС, письмами, посылками.

От Кокушкиной Артузову стало известно, что Стауниц вступил с Марией Владиславовной в интимные отношения, плохо относится к жене, не уделяет должного внимания дочери. Похоже, в нем начала преобладать аморальная сторона личности, и вряд ли ему можно доверять, как раньше.

Докладывая Артузову о наблюдениях Марии Владиславовны, Стырне говорил:

– Я о Стаунице. Среди нас он, но не с нами. Не нравится он мне в последнее время.

– Спасибо за предупреждение. Об этом и я думаю… Услышанное встревожило Артузова, тем паче что у него и самого уже который день скребли на душе кошки при мысли о Стаунице. Прогуливаясь по длинному коридору, Артур Христианович стал размышлять. Действительно, со Стауницем, занимавшим видное место в оперативных делах и комбинациях, творилось что–то неладное. Выходит, он, Артузов, чего–то не заметил, где–то допустил ошибку.

Артузов вызвал Стауница на беседу на КК – конспиративную квартиру. Эдуард Оттович пришел весь какой–то взвинченный и в то же время поблекший. Лицо его осунулось, но глаза по–прежнему смотрели напряженно и остро. Попросил разрешения закурить. Курил с жадностью, делая глубокие затяжки.

Артузов говорил мягко и доверительно, ведь никаких конкретных фактов против Стауница у него не было. Ответы были предельно четкими.

– Опавший лист на ветку уж не вернется… Я не какой–нибудь залетный лебедь. Результаты моей работы вам известны. Время требует своего слуги, и я верный слуга порученного мне дела. Я обещал вам верно служить и не отступал от своего обещания…

Хотя Артузов и был внутренне насторожен, но у него не нашлось сил сразу же выразить Стауницу недоверие. Нелегко сомневаться в человеке, который действительно заявляет о себе делом. И делом серьезным. Когда при малейшей ошибке можно и пулю получить, от той же новой пассии – Марии Владиславовны.

Подобные рассуждения и породили снисходительность Артузова, подкрепленную чистосердечными, как ему казалось, заверениями Стауница в своей лояльности. Когда Опперпута только начали привлекать к работе в ВЧК как знатока польской, савинковской и иных разведок, он бросил весьма характерную фразу: «Принимайте всего, какой я есть, или не принимайте вовсе».

Что оставалось Артузову сказать Стауницу в заключение беседы? Безо всяких дипломатических уверток он заявил:

– Не верить в то, что вы только что произнесли, значило бы кровно обидеть вас. Но вы знаете и другое – легковерие мне тоже противно.

Стауниц не задержался с ответом:

– Вероломству чужд. Я знаю, что тащу за собой бремя прошлого. Но оно становится все легче и легче.

«То ли он действительно тяготится своим прошлым, то ли он законченный мерзавец», – с досадой на самого себя подумал Артузов. Сколько колеблющихся людей пришло в революцию и приняло советскую власть. Если вообще не верить людям, сам

станешь слабее и уязвимее.

Это оказалось просчетом Артузова, и не только его. Контроль за Стауницем усилен не был, что и привело в итоге к тяжелым последствиям. Увы, время показало, что заверения Стауница (в прошлом он действительно работал вполне добросовестно) уже были спекулятивными фразами. Вращаясь в буржуазной и враждебной среде, он не выдержал, как выдержали Якушев и Потапов, ее постоянного идейного воздействия. Роковую роль в судьбе Стауница сыграли и постоянные соглядатаи от Кутепова супруги Красноштановы, особенно Мария Владиславовна, личность сильная, незаурядная. Недаром за отчаянную храбрость еще в германскую войну она была награждена двумя Георгиевскими крестами{61}, а затем произведена в офицеры.

Мария Владиславовна была ярым приверженцем крайних, террористических методов борьбы с советской властью. К тому же при каждой поездке в Финляндию она получала там от представителя Врангеля Николая Бунакова настоятельные рекомендации склонить Якушева к переходу от тактики накопления сил к активным, то есть боевым действиям.

В Москве Захарченко–Шульц чаще других встречалась именно со Стауницем, в квартире которого жила неделями, не скрывая от его законной супруги близких с ним отношений. Как, впрочем, и от собственного мужа – Радкевича.

Постоянное общение с Захарченко–Шульц было не единственным фактором, разрушившим и без того не слишком прочные идейные и нравственные устои Стауница. Он начал заниматься темными финансовыми махинациями, в том числе и валютными. Стауниц всегда имел денег много больше, чем получал в виде жалованья по ставке кадрового сотрудника ОГПУ.

Слабость Стауница к деньгам заметило посольство страны, с которой он имел связь, поскольку снабжал ее разведку информацией, подготовленной в ОГПУ. Посольство подогревало жадность Стауница. Резидент разведки кроме обговоренной платы за «услуги», контролируемые «Трестом», стал понемногу ссужать его деньгами «в личном плане». Постепенно долг Эдуарда Оттовича возрос до 20 тысяч рублей – суммы по тем временам огромной (напоминаем, что тогда в СССР были в обращении серебряные рубли и золотые десятки). Стауницу всегда хотелось жить «на солнечной стороне». Он прикинул, что, оказавшись за границей, сможет получить большие деньги, если предоставит новым хозяевам те сведения о работе ОГПУ, которыми располагал. Алчность плюс идейное и моральное воздействие Захарчен–ко–Шульц толкнули его на прямое предательство.

В апреле 1927 года Мария Владиславовна в очередной раз

прибыла в Ленинград из Финляндии для краткосрочной встречи с руководителями «Треста». Стауниц был также командирован в Ленинград, он же должен был 12 апреля переправить Марию Владиславовну обратно в Финляндию. «Переправщик» имел инструкцию доставить к границе только одну женщину, но Стауниц сказал ему, что должен помочь ей донести тяжелый чемодан с вещами. «Переправщик» поверил ему и разрешил Стауницу подойти к «окну». Стауниц подхватил чемодан, подтолкнул Марию Владиславовну и вдруг неожиданно для всех рванул к границе. Изумленный «переправщик», ничего не поняв, крикнул:

– Куда же вы? Вернитесь, там уже чужая сторона! Стауниц даже не обернулся и быстро скрылся в ельнике – он боялся получить вдогонку пулю.

Ничего сперва не поняла и Захарченко–Шульц. Когда она нагнала Стауница, то с яростью набросилась на него:

– Что ты натворил? Кто разрешил тебе переходить границу? Что все это значит, в конце концов?

– Всего лишь продолжение старого, – скрывая улыбку, произнес Стауниц. – Рывок на свободу. Начинаю приходить в себя…

– От чего?!

– От раздвоенности. Теперь могу открыться тебе, что являюсь сотрудником ОГПУ и все время работал на него.

На секунду Захарченко–Шульц утратила дар речи. Потом взорвалась:

– Тебя расстрелять мало, мерзавец!

– Может быть, и так, Мария Владиславовна, но из расстрела много выгоды не извлечешь. Я кое в чем буду очень полезен и твоему Бунакову, и самому Александру Павловичу.

– Все равно, так и знай, я буду настаивать на твоем расстреле.

Через полчаса их встретили давно уже поджидавшие Захарченко–Шульц финские пограничники и по ее распоряжению немедленно доставили обоих на заставу, откуда Оппер–пут был препровожден в тюрьму…

Узнав об измене Опперпута–Стауница, Менжинский вызвал Артузова для объяснений.

Провал? Безусловно. Оказавшись по ту сторону границы, Опперпут мог изрядно напакостить (он и напакостил), не говоря уже о том, что теперь нужно было срочно свертывать многие игры, которые вели чекисты в ряде стран, отзывать в Москву работающих там сотрудников, о которых знал, мог знать или вычислить Опперпут (таких набралось достаточно много).

С тяжелыми мыслями шел Артузов в кабинет Менжинского, удрученный случившимся, готовый выслушать неприятные, но справедливые слова.

– Садитесь, Артур Христианович, – неожиданно мягко, с каким–то участием в голосе сказал Менжинский, сочувственно щуря близорукие глаза за стеклами пенсне. – Я понимаю ваше состояние. У вас сейчас острая потребность в доверии. Вам в нем не отказано, но я хочу сказать другое. Бегство Опперпута для нас не трагедия, хотя приятного в этом мало. Всякая борьба наполнена драмой. Обстоятельства на сей раз оказались не на нашей стороне. Но, может быть, это даже и к лучшему.

– К лучшему? – удивился Артузов. – Почему?

– Я докладывал о случившемся товарищу Сталину, – помедлив, ответил Менжинский. – Ожидал, не скрою, реакции самой резкой. Для меня было полной неожиданностью спокойствие, с которым генсек выслушал меня. Потом сказал те слова, которые вы только что услышали от меня. Я их лишь повторил: «Может, оно и к лучшему». Я тоже удивился, как и вы сейчас. Оказывается, «Трест» уже начал мешать нашим некоторым центральным ведомствам именно в силу своей мощи в глазах западных политиков. К примеру, партнеры нашего Внешторга заметно сократили переговоры с нами, перестали подписывать ранее обговоренные контракты. Они настолько уверовали, что «Трест» вот–вот совершит государственный переворот, что пришли к выводу: выгоднее выждать, пока это произойдет, чем связываться с обреченным на исчезновение партнером.

– Понял, – несколько успокоившись, но все же подавленно ответил Артузов.

– Но это не снимает с вас ответственности за провал со Стауницем, – напомнил ему Менжинский. – Нам надо научиться на этом примере принимать не только победы, но и поражения, в этом залог стойкости. Сие во–первых. Во–вто

рых, уже длительное время наша игра шла без сучка и задоринки. Это должно было нас насторожить. Опперпут попал в их руки. Он, конечно, многое приукрасит, преувеличит свою роль, будет всячески изобличать нас. Войдя во вкус, остановиться трудно. Наша задача – зародить у Кутепова, Бунакова, Маркова и прочих искру недоверия к Опперпуту.

Артузов начал перебирать в памяти «наследство», которое оставил Опперпут после своего бегства, вспомнил о найденной записке жене: «Ты услышишь скоро обо мне как о международном авантюристе».

Этот человек с обликом шекспировского Калибана{62} (так его отныне про себя называл Артузов), нравственный урод и

отщепенец, был еще и поразительно тщеславен. Теперь его, видите ли, прельстила сомнительная слава международного проходимца от шпионажа. Кажется, эта фраза из записки наталкивает на одну идею, вернее, напоминает кое о чем.

Собранный и внутренне напряженный, готовый немедленно приступить к самым энергичным действиям, вышел Артузов из кабинета председателя и старшего товарища. Теперь главное – не медлить…

* * *

Меж тем, еще находясь в тюрьме (впрочем, вскоре он был освобожден), Опперпут рассказал представителям финской и английской разведок, что «Трест» – мистификация ОГПУ.

* * *

В первую очередь «Трест» сообщил полякам, что один из деятелей организации – Опперпут – является провокатором. Одновременно западные буржуазные газеты сообщили, что Опперпут вводил РОВС в заблуждение: не совершал, а только имитировал террористические и диверсионные акты и, боясь разоблачения и провала, бежал за границу. Возможно, что он будет выдавать себя за сотрудника (теперь, после побега, – бывшего) ОГПУ.

Это возымело должное действие и поколебало доверие эмигрантских кругов к откровениям Опперпута. Вскоре в ОГПУ получили очередной номер белоэмигрантской газеты «Руль». Она вопрошала: «С какими новыми заданиями приехал Опперпут?» Подобный же материал напечатала и другая газета – «Свобода». Значит, предпринятые Артузовым меры оказались эффективными.

Опперпут оказался в безвыходном положении, к тому же его разоблачение «Треста» как мифа ОГПУ компрометировало и Захарченко–Шульц.

Обеим газетам Опперпут ответил через рижскую «Сегодня». Пытаясь оправдаться, он клялся, что всеми средствами готов доказать свою лояльность свободному западному миру, требовал проверить его в деле. Более того…

В мае, сразу по возвращении из Советского Союза, Захарченко–Шульц с аналогичной целью – оправдаться перед РОВС – вместе с Радкевичем сколотила группу боевиков, численностью до тридцати человек, которую назвала Союзом национальных

террористов. Инициатором создания союза был генерал Кутепов, который давно поделился этой идеей с Марией Владиславовной, но дальше слов некоторое время дело не шло. Мария Владиславовна не замедлила ухватиться за эту спасительную идею, увидев в ней единственную возможность реабилитировать и себя, и своего любовника. К тому же ее обуревала жажда мести. Она была человеком действия и не собиралась ничего откладывать в долгий ящик. Боевики ее группы стали готовить сразу несколько террористических актов в Москве и других городах Советского Союза. В одном из них она намеревалась лично принять участие. Причем вместе с Опперпутом. Последнему ничего не оставалось, как согласиться. Назвался груздем – полезай в кузов…

Более того… Желая выслужиться перед Кутеповым, РОВС, его «внутренней линией», Опперпут составил своего рода боевую экспозицию Союза национальных террористов, которую отослал генералу. Этот поразительный по своему откровенному цинизму документ красноречивее самых убедительных изобличений показывает идейный и моральный облик как своего автора – Опперпута, так и его новых соратников. Приведем из него лишь несколько самых интересных предложений, ни самим Кутеповым, ни другими деятелями РОВС не отвергнутых.

«После первых ударов по живым целям центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5—10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений охрана их будет значительно усилена… После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно–фуражным фирмам сообщение Союза Национальных Террористов, в котором они известят, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3—4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно, весьма широко, должна быть извещена пресса, чтобы не имели место случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и

таможенные служащие это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен Советам удар, почти равносильный блокаде… Помимо этого, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. Я совершенно не сомневаюсь, что на это нетрудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов… Ведь сейчас имеются моторные лодки, более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление долженствующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника „Товарищ“. При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уж было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские контрабандисты имеют свои подводные лодки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывом к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ…

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой–то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ…

Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуру микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т.д.)… Если удастся наладить отправку в Россию культур микробов, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов… Организовать отправку культур микробов очень легко через дипломатов–контрабандистов. Очень многие дипломаты лимитрофных государств занимаются провозом в Москву контрабанды и возят ее сразу до 10 пудов (3—4 чемодана). За провоз берут от 150 до 300 долларов за чемодан… При некоторой осторожности через них можно будет отправлять и газы, и взрывчатые вещества. Только всем этим предметам нужно придать товарный вид, то есть чтобы дипломаты и посредники не знали, что они в действительности везут… Культуры бацилл

отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликеров и т. д. Газы – под видом каких–либо лаков в жестяной или стальной упаковке, взрывчатые вещества – красок, ванили, которая пересылается в жестяных коробках…

При выборе целей для таких терактов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители, являются коммунистами. Таковы… все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ… »

Всего Опперпут назвал около 80 учреждений и организаций – первоочередных объектов на совершение по отношению к ним терактов и диверсий.

В начале июня 1927 года две группы террористов – по три человека в каждой – пересекли финско–советскую границу. Первая группа в составе Марии Захарченко–Шульц, Александра Опперпута (получившего новую кличку Ринг) и некоего Вознесенского (настоящие имя и фамилия – Юрий Петерс) приехала в Москву. Для диверсии было выбрано общежитие сотрудников ОГПУ, которое располагалось в бывшей гостинице на Малой Лубянке, 3/6.

Сопровождаемый Марией Владиславовной (она теперь глаз с него не спускала и одного не оставляла), Опперпут днем разведал подступы к общежитию, выходящему в тихий переулок. Вход в гостиницу не охранялся. В ночь на 4 июня Опперпут, прикрываемый своими сообщниками, проник в здание и заложил в коридоре, в непосредственной близости к жилым комнатам, мощный заряд английского производства весом четыре килограмма, со взрывным устройством. На некотором расстоянии от него расставил небольшие меленитовые шашки, взрывы которых, по его замыслу, не позволили бы никому приблизиться к основному головому заряду, чтобы обезвредить его в случае обнаружения. Затем Опперпут обильно полил пол коридора керосином, чтобы за взрывом сразу же последовал пожар. Когда все было готово, он чиркнул спичкой и поднес огонек к концам бикфордовых шнуров… Сам стремглав кинулся бежать. На миг остановился во дворе и тут услышал взрыв первой шашки. Он снова побежал – по его расчетам, чудовищной силы взрыв вот–вот должен был до основания разрушить все здание и похоронить под обломками спящих жильцов. В ближайшей подворотне, прижавшись к облупленной стене дома, его поджидали Захарченко–Шульц и Вознесенский. Взрыва так и не произошло.

Нет, не чудо – мужество чекистов предотвратило гибель десятков людей, не позволило свершиться белогвардейской провокации. Первая же взорвавшаяся шашка разбудила

нескольких сотрудников, спавших в ближней комнате. Они выбежали в коридор, все мгновенно поняли и, рискуя жизнью, оборвали тлеющие шнуры и обезвредили адскую машину.

Узнав о ночном происшествии, Артузов сразу догадался, чьих рук это дело: Калибана! Банки с иностранными надписями выдали организаторов диверсии. Тотчас был отдан приказ о поиске террористов, и вскоре чекисты вышли на их след.

Боевики попытались уйти за кордон в районе западной границы. Опперпута чекисты с помощью местных жителей окружили неподалеку от деревни Алтуховка Смоленской губернии. Перед этим еще 18 июня он едва не попался близ Яновского спиртоводочного завода. Тогда, ранив пытавшихся задержать его милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко, он сумел бежать. На сей раз удача отвернулась от Опперпута: в перестрелке он был убит.

«1927 года. Июня 19 дня. На хуторе гражданина дер. Ал–туховка МИХАЙЛОВА Кузьмы Гурьевича, Брилевского сельсовета, Гриневской вол., Смоленского уезда, мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что произведенной облавой сотрудниками ОО БВО (Особого отдела Белорусского военного округа), милиционерами конного резерва Смоленской губернии, красноармейцами артполка 64–й дивизии, крестьянами прилегающих деревень, в лощине, прилегающей к хутору Алтуховка, при оцеплении убит гр–н преследуемый в течение последней недели, начиная от гор. Дорогобужа, станция Пересня, и места убийства. Приметы убитого: фуражка темно–зеленого цвета, полинявшая с красноармейским значком, черный пиджак английского покроя, серые брюки в полоску, рубашка серая. При убитом обнаружены: 1) Документ на имя БОРИСОВА Николая Петровича, выданный Московским Советом за № 3844 от 27 апреля 1927 года, 2) Записная книжка в черной обложке, 3) пятьсот финских марок, 4) четырнадцать рублей 42 к. советскими знаками, 5) безопасная бритва, 6) черные открытые металлические часы, 7) золотой перстень клеймо „На–та“, 8) маленький маузер № 348232, 9) к нему 4 патрона, 10) большой маузер № 46302, 11) к нему семнадцать патронов. Одежда убитого снята в целях опознания. Подписали присутствовавшие:

Уполномоченный 00 БВО

Начальник конного резерва Смолгубмилиции

Член Брилевского сельсовета

Хозяин хутора

Присутствовавшие граждане».

Захарченко–Шульц и Вознесенский пошли к границе другим путем. Возле местечка Рудня на дороге из Смоленска в Витебск

они остановили легковой автомобиль, принадлежавший штабу Белорусского военного округа. Угрожая оружием, они потребовали от водителей (тех было двое), чтобы они развернули машину, шедшую в Смоленск, и повезли их к Витебску. Водители наотрез отказались. Одного из них – Сергея Гребенюка – террористы тут же убили, второго – Бориса Голенкова – ранили. Рядовые красноармейцы до конца выполнили свой долг и успели вывести автомобиль из строя.

Убедившись, что воспользоваться машиной им не удастся, Захарченко–Шульц и Вознесенский скрылись в лесу. И снова местные крестьяне пришли на помощь чекистам. При участии добровольцев, изъявивших желание задержать убийц, была организована погоня. Преступники были настигнуты в районе станции Дретунь и убиты в завязавшейся перестрелке.

Вторая группа террористов в составе Виктора Ларионова, Дмитрия Мономахова и Сергея Соловьева 7 июня совершила теракт в Ленинграде. Боевики метнули две бомбы (взорвалась только одна) в зал Ленинградского партийного клуба (бывшего Делового клуба) на Мойке, 59, где в это время читали странную для тех лет и аудитории лекцию об… американском неореализме. При взрыве было ранено двадцать шесть слушателей, половина из них – тяжело. Один коммунист при попытке задержать преступников был смертельно ранен. Террористам удалось скрыться.

В августе бывший капитан Александр Балмасов и Александр Сольский также перешли финско–советскую границу, прошли всю Карелию и направились к… Киеву. Оба были задержаны и впоследствии расстреляны.

Несколько раньше был задержан на территории СССР бывший штабс–ротмистр лейб–гвардии Кирасирского полка Георгий Эльвенгрен, участник многих контрреволюционных заговоров и терактов. Это Эльвенгрен при поддержке Савинкова с группой террористов готовил весной 1922 года в Берлине покушение на советскую делегацию (в ее составе были Г. Чичерин, М. Литвинов, Л. Красин, В. Боровский, Х. Раковский, Н. Нариманов и другие ответственные работники), следующую на Генуэзскую конференцию через германскую столицу.

Эльвенгрену, а также еще тринадцати террористам и шестерым шпионам был вынесен смертный приговор…

Дабы отомстить за гибель жены, перешел нелегально границу и Георгий Радкевич вместе с уже упомянутым ранее Дмитрием Мономаховым. Он добрался до Москвы и 6 июля 1925 года бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ (подъезд выходил на Лубянскую площадь). Погоня настигла террористов возле

Подольска. В перестрелке Радкевич был убит (по иной версии, застрелился сам). Мономахову же и на сей раз удалось скрыться…

* * *

Так завершилась деятельность «Треста». Сразу после бегства Опперпута почти одновременно в Москве и на периферии были арестованы все члены МОЦР – настоящие контрреволюционеры и заговорщики.

Ошеломленный масштабом провалов, сам Врангель вынужден был признать: «Попались на удочку ГПУ почти все организации. Огромное большинство политических деятелей чувствуют, что у них рыльце в пушку, что углубление вопроса обнаружит их глупую роль».

За утрату должного контроля над ставшим предателем агентом Опперпутом–Стауницем Артузов получил свое первое и последнее взыскание; неожиданно мягкое, но воспринятое им самим очень тяжело – ему «поставили на вид». Но на карьере Артура Христиановича эта история отразилась гораздо серьезнее. С 1921 года в ОГПУ существовало Секретно–оперативное управление (СОУ), координирующее деятельность всех оперативных отделов. Начальником СОУ был Менжинский, его заместителем Ягода, Артузов числился помощником начальника, возглавляя все это время КРО.

После смерти Дзержинского, когда Менжинский был назначен председателем ОГПУ, начальником СОУ стал Ягода, почти откровенно относившийся к Артузову с неприязнью (на что тот отвечал полной взаимностью). Воспользовавшись болезнью Менжинского, Ягода реорганизовал работу СОУ и превратил его фактически в «прообраз» будущего Главного управления государственной безопасности НКВД. В СОУ входили отделы: Секретный, Контрразведывательный, Особый{63}, Информационный, Транспортный, Восточный, а также Отдел центральной регистрации. Иностранный отдел (ИНО) в СОУ не входил, поскольку его тогдашний начальник Михаил Трилиссер одновременно был заместителем председателя ОГПУ.

Первым помощником начальника СОУ был назначен известный чекист Терентий Дерибас, вторым помощником – Артузов, секретарями – Игнатий Сосновский и Павел Буланов, уполномоченным (затем старшим уполномоченным) – Борис Гудзь из КРО.

Для Артузова это было явным понижением, поскольку Дерибас, став первым помощником, оставался начальником

Секретного отдела, а его спустя несколько месяцев от должности начальника КРО освободили. Новым начальником контрразведки стал Ян Калистович Ольский (Куликовский), бывший заместитель Артузова и по совместительству первый помощник начальника Особого отдела.

Артузов глубоко уважал Дзержинского и Менжинского, полученные от них приказы, распоряжения, указания всегда выполнял точно, искренне старался сделать это наилучшим образом. Им не требовалось «подминать» его под себя, как, впрочем, всех остальных сотрудников ВЧК—ОГПУ, независимо от занимаемых ими должностей.

Теперь Генрих Григорьевич Ягода был не только прямым (как заместитель председателя ОГПУ), но и непосредственным начальником Артура Христиановича Артузова – по линии СОУ. Артузов как дисциплинированный сотрудник обязан был беспрекословно и точно выполнять его распоряжения. Но он был не из тех, кто позволял кому бы то ни было «подминать» себя… Став начальником ИНО, Артузов отошел от сугубо контрразведывательной деятельности и, тем самым, собственно следовательских дел. К тому же не принято было и сотрудникам самого высокого должностного положения вникать в дела других отделов. В должной степени это относилось и к Артузову.

Сегодня не секрет, что уже в конце 20–х годов в ОГПУ, да и во всех советских учреждениях не только зародились, но окрепли и развивались неслужебные отношения. А попросту – карьеризм, бюрократия, борьба за власть, «хлебные» места, а в замаскированной форме – стяжательство, насколько это было возможно в те времена и в тех масштабах. Шла скрытая борьба различных кланов за влияние и властные должности на местах и, разумеется, в центральном аппарате. Борьба тем более опасная для всех, кто только мог быть затронут сферами ОГПУ и самих ее участников, что происходила в стенах самого могущественного силового ведомства.

Разобраться в ее перипетиях крайне затруднительно даже спустя восемьдесят лет. Тем более выносить приговоры – кто был прав, кто виноват. Потому ограничимся только известными фактами.

По устным распоряжениям давно забытых второстепенных лиц были арестованы десятки важных агентов – секретных внештатных сотрудников. Главным образом из числа «бывших людей», задействованных в крупных и успешных операциях ВЧК—ОГПУ. Их не расстреливали, даже не осуждали, просто держали за решеткой «про запас» во Внутренней тюрьме. На случай, пригодятся в свое время в какой–то подковерной борьбе, схватке,

просчитанной интриге.

14 декабря 1929 года во время служебной командировки был арестован Александр Якушев, работавший в лесозаготовительной организации «Верхневолголес» и проживавший там, где и жил с семьей: Москва, Плотников переулок (это на Арбате), дом 12. Арестован без санкции прокурора и даже без ордера на арест. Последний был оформлен лишь… четыре с половиной года спустя – 31 марта 1934 года! Подписал ордер заместитель председателя ОГПУ Г. Е. Прокофьев, сам к операции «Трест» ни малейшего отношения не имевший. Обвинение стандартное для всех лиц, выезжавших даже по служебным надобностям за границу: измена, шпионаж и т. п. Якушев требовал вызвать к следователю своих руководителей Артузова и Стырне в первую очередь. Никто из них вызван не был. Сегодня мы можем только гадать, почему… Доподлинно известно только одно: все они, а также другие ответственные сотрудники ОГПУ—НКВД, задействованные в операции «Трест», по делу Якушева не свидетельствовали и мясорубку Большого террора за единичными исключениями не пережили.

Борис Гудзь рассказывал автору, что Артузов очень тяготился как самим фактом ареста Якушева, так и бессилия от сознания, что ничем помочь ему не может. 5 апреля 1934 года Александр Александрович Якушев был осужден к 10 годам лишения свободы и 12 февраля 1937 года скончался в лазарете Соловецкого лагеря.

Самарский исследователь Михаил Тумшис выдвинул версию, что арест и долгое сидение Якушева в тюрьме и лагере связаны с попыткой дискриминации председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского. Прямых доказательств в пользу данной версии пока не найдено. Тем не менее она правдоподобна, а потому не может быть отвергнута с порога. Симптоматично, что Георгий Прокофьев всего через полгода после смерти Якушева был расстрелян «в особом порядке».

Доподлинно известны по меньшей мере два факта, способные по тем временам и нравам скомпрометировать кого угодно. Так, еще до Первой мировой войны публицист В. Менжинский в ряде газетных статей жестоко критиковал партийного журналиста В. Ленина. Явление нормальное. Никто из споривших уже после войны и революции никакого значения этому не придавал. Но теперь… О–о!

Далее. Александр Якушев и Вячеслав Менжинский учились одновременно на малочисленном юридическом факультете Санкт–Петербургского университета, правда, Якушев на курс моложе, и не могли не знать друг друга. К тому же Якушев не мог не быть знакомым по банковским делам и светской жизни со

старшим братом Менжинского – Александром.

Это ли не компромат!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АТАМАНА АННЕНКОВА

«…Анненков Борис Владимирович, 37 лет, бывший генерал–майор, происходящий из потомственных дворян Новгородской губернии, бывший командующий отдельной Се–миреченской армией, холост, беспартийный, окончивший

Одесский кадетский корпус в 1906 году и Московское Александровское училище в 1908 году{64}.

Денисов Николай Александрович, 36 лет, бывший генерал–майор, происходящий из мещан Кинешемского уезда, Клеванцовской волости, Иваново–Вознесенской губернии, бывший начальник штаба отдельной Семиреченской армии, холост, беспартийный, окончивший Петербургское Владимирское училище и ускоренные курсы академии Генштаба, обвиняются:

первый, Анненков, в том, что с момента Октябрьской революции, находясь во главе организованных им вооруженных отрядов, систематически с 1917 по 1920 год вел вооруженную борьбу с Советской властью в целях свержения ее, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 2 Положения о государственных преступлениях… в том, что с момента Октябрьской революции, находясь во главе организованных им вооруженных отрядов, в тех же целях систематически, на всем протяжении своего похода, совершал массовое физическое уничтожение представителей Советской власти, деятелей рабоче–крестьянских организаций, отдельных граждан и вооруженной силой своего отряда подавлял восстания рабочих и крестьян, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 8 Положения о государственных преступлениях;

второй, Денисов, в том, что, находясь во время Гражданской войны на начальствующих должностях в белых армиях и отрядах и будучи начальником штаба отдельной Семире–ченской армии и карательных отрядов Анненкова, систематически…» – те же обвинения, те же статьи.

(Из обвинительного заключения суда военной коллегии по делу атамана Анненкова, объявленного на процессе 12 июля 1927 года.)

* * *

Заснеженная солончаковая степь стонала от движущейся конницы. На рысях шли полки, точнее, их остатки. Из–под

конских копыт в разные стороны разметались комья мокрой хляби. Позади оставался черный след, который не могла скрыть зима. Он не зарастет травой и летом. Это был поистине черный след, замешенный на людской крови.

Впереди, в трех–четырех верстах шел казачий разъезд – авангард. Казаки то и дело привставали на стременах, оглядывали степь и, убедившись, что она безлюдна, красной засады не видать, двигались дальше. За авангардом шла охранная сотня командующего, а за ней полки с наспех набранными крестьянскими парнями, формирования басмачей. Замыкал шествие самый надежный полк командующего – Оренбургский, сформированный из зажиточных и богатых казаков.

Вся эта конная лавина катила волей командующего отдельной Семиреченской армией атамана Анненкова. Под ним ходко шел резвый, с тонкими ногами вороной жеребец. Чтобы поспеть за ним, казакам приходилось то и дело нахлестывать нагайками, плетьми, камчами своих уставших лошадей.

Конная ватага, уже не державшая строй, оставлявшая за собой выжженные села, сотни и тысячи ограбленных, изнасилованных, убитых, спешила к Джунгарским Воротам, к тому заветному проходу шириной в десяток километров между Джунгарским Алатау и хребтом Барлык, который открывал путь к спасению.

Впору бы подкрепиться чорбой или зеленым чаем. Да и кони устали. Они несли на себе не только всадников, но и притороченные к седлам тяжелые баулы, чувалы, просто тюки, набитые вовсе не кормом для коней, а туго скатанными коврами, кожами, мехами, золотыми и серебряными окладами, содранными с икон, царскими десятками и рублевиками, одеждой.

«При позорном своем бегстве в Китай, – впоследствии вспоминал преследовавший остатки анненковской армии военком полка В. Довбня, – Анненков оставил за собой широкий и длинный кровавый след. На протяжении более двухсот верст, от села Глинского по берегам озер Ала–Куля и Джаланаш–Куля вплоть до Джунгарских Ворот… дорога была усеяна трупами…»

Еще издали атаман заметил спешившийся передовой разъезд. «Неужели достигли Джунгарских Ворот?» Отсюда до Китая – рукой подать. Навстречу Анненкову скакал казак. Осадив коня, доложил:

– Господин генерал! Вот они, Джунгарские Ворота! – И, повернувшись в сторону виднеющихся гор, махнул рукой, как бы показывая: вон они, эти Ворота.

– Добро, брат! Спасибо за службу! – отрывисто бросил Анненков.

В обычных разговорах казаки называли его атаманом и братом–атаманом. Но в строю – другое дело. Здесь для них он был генералом, даром что совсем недавно – в империалистическую – был всего лишь хорунжим. Как только «Верховный правитель Российского государства» адмирал Александр Колчак пожаловал ему погоны с зигзагами, Анненков стал требовать, чтобы в официальной обстановке подчиненные величали его генералом, считая, что уже само это слово дисциплинирует людей. Тем не менее, чтобы приблизить к себе казаков, Анненков ввел в обиход слово «брат», оно больше импонировало казакам, нежели «господин».

Анненков подал знак на привал – отдых для людей и коней. Всадники остановились, начали спешно расседлывать и стреноживать взмыленных, тяжело дышащих, с впалыми боками лошадей. Они тотчас же потянулись к торчащим из–под снега жестким былинкам. Казаки раскладывали брынзу, копченую свинину, бочонки с топленым маслом.

Перед Анненковым кто–то услужливо расстелил плотную попону из верблюжьей шерсти. Отцепив шашку, отделанную серебром и самоцветами, он лег на попону, вытянув затекшие от долгой езды ноги, прикрыл глаза. Так пролежал несколько минут. Потом привстал, оглядел казачий лагерь, кого–то поманил пальцем. К нему торопливо подошел начальник штаба Денисов, почтительно наклонился, ожидая распоряжений.

– Буду держать совет, – приглушенно заговорил Анненков. Денисов опустился перед ним на корточки.

– Такая армия в Китае нам ни к чему. Граница надвое разделит ее. Слишком много горючего материала мы с тобой везем в чужую страну. Вчерашние крестьяне захотят домой. Настала пора размежеваться. Те, кто не с нами, должны остаться на этой земле.

– Что будем делать? – вопросительно поднял глаза начальник штаба.

– Я буду говорить с казаками, а ты тем временем отправляйся в Оренбургский полк, потолкуй кое с кем, укажи диспозицию пулеметчикам…

Денисов отлично понял, что необходимо сделать и почему выбор атамана пал на оренбуржцев. На совести этого полка кровь не сотен, а тысяч людей, причем не только коммунистов и советских работников, но и простых бедняков. Опьяненные кровью анненковские головорезы истребляли всех, кто попадал им под горячую руку. Надписи на вагонах, орудийных лафетах

призывали: «Руби направо и налево!» Они как бы узаконивали жесточайший террор. Анненкова повсюду сопровождал «вагон смерти». Кто в него попадал, живым оттуда не выходил. Самые жестокие, самые зверские карательные акции колчаковское правительство поручало Анненкову. Это он по распоряжению военного министра омского правительства Иванова–Ринова зарубил 87 делегатов крестьянского съезда Славгородского уезда. Это он дотла сжег село Черный Дол, поднявшее восстание против Колчака. Это по его приказу головорезы ворвались в непокорное село Черкасское и с ходу уничтожили две тысячи человек.

В Усть–Каменогорске Анненков отобрал из заключенных в крепости тридцать партийных и советских работников и вывез в Семипалатинск. Все они были выведены к проруби на Иртыше и утоплены. В районе Семипалатинска солдаты бригады генерала Ярушина отказались выступить против крестьян, осмелившихся взяться за оружие, чтобы защитить себя. Анненковский полк разоружил бригаду, солдат вывели в камышовые заросли. Все они были расстреляны…

Перед столпившимися казаками предстал сам атаман–брат. Как всегда, подтянутый, красивый, без видимых следов усталости после долгого пути. Разве что небрит несколько дней. Его речь была недолгой. Хорошо поставленным голосом с оттенком напускной грусти он сказал:

– Славные бойцы! Два с половиной года мы с вами дрались против большевиков. Теперь мы уходим вот в эти неприступные горы и будем жить в них до тех пор, пока вновь не настанет время действовать. Слабым духом и здоровьем там не место. Кто хочет остаться у большевиков, пусть остается. Не бойтесь ничего и ждите нашего возвращения. Тому, кто пойдет с нами, возврата не будет. Думайте и решайте теперь же!

От этих слов одни казаки ожили, приосанились, подтянулись поближе к атаману, давая ему понять, что готовы за ним хоть в огонь, хоть в воду. Это были в основном те, кому все дороги назад были отрезаны. Другие радовались: атаман–брат отпускает их без обиды домой. Словно чуя недоброе и в надежде предотвратить его, спешили уверить Анненкова:

– Не суди нас, атаман–брат, что мы уйдем от тебя. Но мы клянемся тебе, что не встанем в ряды врагов твоих!

Те, кто собрался домой, один за другим подходили к восседавшему на коне атаману–брату и на прощанье целовали стремя. Что делать с винтовками? Они теперь не нужны. Атаман приказал освободить первую же попавшуюся на глаза повозку: «Складывайте в нее, может, нам еще пригодятся».

И вот уже длинная цепочка конников потянулась в обратный

путь. Но дошли только до ближайшего небольшого ущелья. Все, кто ушел от Анненкова, полегли здесь…

За узкой полоской зимнего горизонта – Китай. Виднелись дымки над фанзами. Там – укрытие и надежда. Анненков хотел въехать в Китай как сила организованная, способная на многое.

– Развернуть знамя! – приказал Анненков. Знаменщики вынули из чехла штандарт, натянули на древко. На ветру вяло затрепетало изрядно потрепанное черное полотнище со зловещей эмблемой Отдельной Семире–ченской армии – черепом со скрещенными костями и словами «С нами Бог!».

* * *

Вячеслав Рудольфович уже давно должен был быть на месте. Значит, его задержало что–то важное – так размышлял Артузов, вглядываясь в темную августовскую ночь. Он подошел к столу, перевернул листок календаря. «Ого! Уже тридцатое число!» – удивился Артур Христианович. Выходит, конец лету. Он сел на стул, поддернув хорошо отглаженные брюки, придвинул кипу бумаг. Выбрал несколько листков, начал читать. Это были протоколы судебного заседания по делу Савинкова.

Поздний час давал о себе знать, особенно если учесть, что прошлые ночи были заполнены напряженной работой. Он прикрыл воспаленные веки и на какое–то мгновение забылся. Очнулся от скрипа двери. Вошел начальник Иностранного отдела Трилиссер:

– Опять засиделся до тумана.

– Покой усыпляет… Присаживайтесь, Михаил Абрамович.

– Вячеслав Рудольфович не звонил?

– Нет, жду. Сказал, что приедет обязательно.

Трилиссер вытащил из жилетного кармана «кондукторские» часы фирмы «Павел Буре», поднес их к уху, убедился, что тикают, поддев ногтем верхнюю крышку, взглянул на циферблат со старомодными римскими цифрами:

– Неужто второй? Значит, в это время пробил последний час Савинкова?

– Да, как политическая фигура он канул в Лету. Вот перечитываю протоколы и думаю: не было у него главного – настоящей веры. Значит, не было и силы.

– Кто на очереди? Уж не Анненков ли?

– Угадали.

– Чем он, по вашим данным, занимается?

– По моим данным, поселился со своими казаками и

начальником штаба Денисовым верстах в пятидесяти от Ланьчжоу. Разводит чистопородных лошадей. Мирное занятие.

Трилиссер хмыкнул недоверчиво. Артузов продолжал размышлять вслух о человеке, с недавних пор занимавшем его мысли.

– Конечно, атаман не Савинков, в одиночку или с группой границу переходить не будет. Ему армия нужна. Ход Савинкова он не повторит… Но в конезаводчиках Анненков не засидится.

– Боюсь, вы правы, – задумчиво сказал Трилиссер, – если Анненков убежден, что рожден для роли повелителя, реваншизм в нем неминуемо возобладает. Выходит, лошадок своих не для ипподрома растит атаман.

– Однако, – счел нужным заметить Артур Христиано–вич, – люди, подобные Анненкову, как правило, превращаются в нуль, если не получают помощи извне. Я убежден, что рано или поздно Анненков обратится к японцам, великому князю Николаю Николаевичу, к черту–дьяволу, к кому угодно, лишь бы найти опору для новой своей авантюры.

– Похвально, Артур Христианович. От вас же слышал: постоянное размышление – непременный элемент творчества.

– Это вполне очевидно.

– Что ж, согласен думать вместе с вами…

Однажды Артузов уже занимался Анненковым. Затем на время нужда в таком внимании отпала. Вторично Артузов стал думать о нем после того, как атаман был выпущен из китайского зиндана. Это случилось в феврале 1924 года. Китайские власти упрятали туда Анненкова почти на три года. После перехода границы в районе Джунгарских Ворот генерал с несколькими тысячами солдат и казаков расположился лагерем на реке Боро–Тала. Китайские власти попытались подтолкнуть Анненкова в «объятия» атамана Семенова{65}, предложив ему передислоцироваться на китайский Дальний Восток. При этом учитывали и беспокойное, а точнее, разбойное поведение анненковцев, которые все чаще и чаще совершали набеги и грабежи китайских селений. Губернатор, получив отказ Анненкова передислоцироваться, потребовал разоружения казаков. Анненков отклонил и это требование. Тогда–то и упрятали его в тюрьму. Кроме губернатора к этому аресту некоторое отношение имели… Менжинский и Артузов.

Анненков сидел в тюрьме. Казалось бы, он уже не опасен. Но… к Артузову попадает копия записки, направленной атаманом из зиндана японским властям. В ней говорилось: «Убедительно прошу Вас, представителя Великой Японской империи, дружественной по духу моему прошлому императорскому

правительству, верноподданным коего я себя считаю до настоящего времени, возбудить ходатайство о моем освобождении из Синьцзянской тюрьмы и пропустить на Дальний Восток. Честью русского офицера, которая мне так дорога, я обязуюсь компенсировать Японии свою благодарность за мое освобождение». Артузов понял, что Анненков не только не смирился, но явно пытался продать себя японской реакции, и что на это письмо японские представители откликнутся незамедлительно, добьются его освобождения. Так и случилось. Анненков вышел на свободу. В городе Турфан атамана встретил Денисов, и они верхом отправились в город Ланьчжоу, в окрестностях которого и была создана пресловутая конеферма – явно для прикрытия.

Артузов внимательно следил за действиями Анненкова и его окружения, рассматривая его не только как преступника, но и как опасного потенциального врага.

…Вячеслав Рудольфович приехал только около двух часов ночи. Тут же вызвал Артузова:

– Только в час пятнадцать огласили приговор. В душе просил суд не выносить Савинкову высшей меры наказания. Но она, конечно, вынесена.

– Судью, как хирурга, – заметил Артузов, – уговаривать запрещено. Не так ли, Вячеслав Рудольфович?

При всем своем недюжинном уме и проницательности Артузов до конца дней своих оставался изумительно доверчивым и даже наивным. Он никак не мог предположить, что очень скоро судей будут вовсе даже не уговаривать, а заранее, задолго до начала «суда», который только в издевку и можно назвать нормальным судебным процессом, просто «информировать», тоном беспрекословного приказа, кому и какой приговор – нет, не выносить, но оглашать…

– Оно, конечно, так, – согласился с ним Менжинский. – Для нас важнее политическая смерть Савинкова. А она для него уже настала. Вот копия приговора. Ознакомьтесь.

Артур Христианович негромко, повернувшись к Трилис–серу, прочитал приговор коллегии. Удовлетворенно кивнул, когда дошел до того места, когда суд счел возможным ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении наказания.

Принимая от Артузова прочитанные им листки, Менжинский отметил:

– Это для нас чрезвычайно важно: один из самых непримиримых и активнейших наших врагов сложил оружие, безоговорочно признал советскую власть, и не только признал, но и призвал своих бывших соратников также сложить оружие.

Менжинский, Артузов и Трилиссер оставались в кабинете председателя ОГПУ до рассвета. Лишь в половине седьмого утра нарочный доставил в судейскую комнату запечатанный пятью сургучными блямбами пакет: Центральный исполнительный комитет Союза ССР заменил Савинкову Борису Викторовичу высшую меру наказания десятью годами лишения свободы.

…Чем больше размышлял Артузов в эту ночь, тем отчетливее проводил параллель между Савинковым и Анненковым. Они одного поля ягоды. Савинков был человеком ненасытного честолюбия. Честолюбие характерно и для атамана. Оно будет постоянно толкать его на новые авантюры, коварные и опасные.

* * *

…По кругу на аркане бегала резвая лошадка с заплетенной гривой. Вспотевший от натуги тщедушный казачок, пощелкивая бичом, то и дело погонял ее. Это был один из шести казаков, которые добровольно еще оставались при атамане. Остальные – попросту разбежались, почувствовали, что с атаманом больше каши не сваришь. Во всяком случае, пока не появятся у атамана могущественные, а главное – денежные покровители.

Сам атаман, облачившись в генеральскую форму, сидел в плетеном кресле и молча наблюдал за тренингом. Рядом примостился Денисов. Зная слабость Анненкова к лошадям, он рассчитывал во время тренинга улучить момент, чтобы заговорить с атаманом о его дальнейших планах.

– Борис Владимирович, наши единомышленники не дремлют, готовятся. А Семенов вот–вот поход начнет, – начал разговор издалека Денисов. – Выходит, только мы с вами сложили оружие. Да стоит нам нацепить только шашки, как это заметит жена французского посланника мадам Фле–рио, и денежки сами потекут к нам.

Анненков, продолжая сосредоточенно наблюдать за действиями казака, полез в карман и вытащил сложенную газету:

– Прочти подчеркнутое.

Денисов неохотно взял газету в руки. Это был хорошо ему известный белогвардейский листок «Возрождение». Нашел отчеркнутые атаманом строки, прочел вслух:

– «Мы отступили. Но мы не сдались. Мы залегли в окопы „беженского существования“ и ждем».

– Понимаешь – ждем, – с нажимом повторил за ним Анненков.

– Чего ждем?

– Своего часа.

Забрав газету на рук Денисова, атаман неожиданно спросил:

– Ты в тюрьме когда–нибудь сидел?

– Нет, Борис Владимирович.

– То–то. Слишком ретивых в зиндан прячут. Нет, я не трус. Но, возможно, покажусь тебе трусом, если прочтешь одну конфиденциальную бумагу. – Анненков вынул из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист бумаги, протянул Денисову: – Ознакомься…

Чем глубже вникал в содержание текста Денисов, тем свирепее становилось его лицо.

– Да за это шашкой, шашкой… – еле сдержав себя, выдавил бывший начальник штаба.

– Осади коня! – крикнул казаку атаман, словно не замечая реакции своего ближайшего сподвижника.

– Значит, разуверился во мне? – укоризненно спросил Анненков.

– А вы как полагаете? – уклончиво буркнул Денисов.

– Ты бы подписал такую бумагу?

– Даже под пыткой не подписал бы…

– Еще как бы подписал.

Денисов был в недоумении. Что случилось с атаманом, почему отказывается от борьбы, почему кается в грехах, ведь совершал святое дело, лил большевистскую кровь?

– Значит, ты решил, что я предатель, – продолжал разговор атаман. – Запомни: плохой анализ разрушает все, а ты, я вижу, плохой аналитик, хоть и учился в Генштабе. Позволь задать тебе один вопрос только: где мы находимся?

– Как – где? В Китае, в Ланьчжоу…

– Кто хозяин этого края?

– Фэн Юйсян.

– Кто он такой?

– Маршал, командующий Первой народно–революционной армией.

– Вот видишь, командующий. Если мы публично хоть раз тявкнем против Советов, он нас с тобой скрутит в бараний рог. На время надо затаиться, выждать. Будем жить тихо, заниматься лошадками. Я даже присмотрел коняшку в подарок маршалу. Про нас забудут. Но ты же знаешь, что наши единомышленники нас не забывают. Они наведываются.

Анненков подразумевал переписку и курьеров шанхайской монархической организации НН. Под этими буквами скрывался сам великий князь Николай Николаевич, живший в предместье Парижа Шуаньи и мечтавший возвратиться в Россию в качестве

императора. Атаман был также связан с Богоявленским братством, во главе которого стоял его бывший подчиненный полковой врач Д. И. Казаков.

– Вот что, друг, считай, что это письмо – конспиративное, – решительно закончил беседу Анненков.

Письмо, столь взволновавшее Денисова, вместе с двумя другими посланиями Анненков передал бывшему начальнику своей личной охраны Ф. К. Черкашину, который пробрался к нему под видом скупщика пушнины для английской фирмы. Черкашин привез Анненкову письмо от М. А. Михайлова, начальника штаба русской белогвардейской группы при армии генерала Чжан Цзолина. Михайлов, бывший начальник штаба 5–й Сибирской колчаковской дивизии, предлагал атаману вспомнить прежние времена, собрать отряд, встать на сторону Чжана и начать борьбу против СССР.

Обдумав это, а также предложения, вытекающие из переписки с шанхайской группой, Анненков и написал три письма. Вот что сообщал атаман Михайлову: «Сбор партизан и их организация – моя заветная мечта, которая в течение пяти лет не покидала меня… И я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение… Судя по многочисленным письмам, получаемым от своих партизан, они соберутся по первому призыву… Все это даст надежду собрать значительный отряд верных, смелых и испытанных людей в довольно непродолжительный срок. И этот отряд должен быть одним из кадров, вокруг которых сформируются будущие части».

В другом письме, адресованном белогвардейцу П. Д. Иларь–еву, сколачивающему фронт борьбы с советской властью, Анненков писал: «Привет, дорогой Павел Дмитриевич! Итак, я хочу собирать свой отряд старых партизан. Думаю, что и ты с теми, кто тебя окружает, соберетесь в нашу славную стаю… Для того чтобы я выбрался отсюда, нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше, наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта».

Содержание третьего письма, адресованного Казакову, с которым Анненков познакомил Денисова, было полной противоположностью двум первым. Главе Богоявленского братства атаман писал о своем нежелании вступать в армию

Чжан Цзолина, об отходе от борьбы с Советами и вообще от политики.

Это было тонко рассчитанное письмо. Всякое могло случиться. Черкашин как курьер не внушал Анненкову особого доверия. Любитель спиртного, он мог затерять письма, а мог и

перепродать. Третье письмо в таком случае стало бы для атамана спасительной лазейкой.

Анненкову нельзя было отказать в прозорливости. Один из предвиденных им случаев и произошел. Курьер со всеми предосторожностями покинул конеферму атамана, все в том же обличье скупщика пушнины. Письма находились в чемодане с двойным дном. Сев в купе поезда, Черкашин почувствовал себя в безопасности и решил, что дальнейшие предосторожности уже ни к чему. Здесь до него никому дела нет. Вагон заполнялся народом. Появились попутчики и в купе Черкашина. Как они ухитрились проникнуть в его чемодан – одному Богу ведомо. Короче говоря, письма исчезли.

* * *

Но каким образом Анненков все–таки оказался в китайской тюрьме? Три года – срок немалый. И у атамана хватало времени поразмышлять на тему – кому было выгодно изолировать его. Многих он подозревал: Семенова, например, видящего в нем опасного конкурента; того же Михайлова, возможно захотевшего прибрать к рукам его казаков. Мысль о причастности к его злоключениям ГПУ ему, разумеется, и в голову прийти не могла. Но именно чекисты сумели воздействовать на волю губернатора.

В 20–х годах у советской России было много явных и тайных врагов, преследующих одну цель – задушить государство трудящихся. Правящие круги ведущих стран Запада – в первую очередь США, Великобритании и Франции – совершили тогда две чудовищные ошибки, предопределившие трагедии XX века. Навязав Германии кабальные и унизительные статьи Версальского договора, они своими руками заложили фундамент реваншизма и фашизма в этой стране. Возведя «санитарный кордон» вокруг советской России, поддержав все реакционные силы в ней, не говоря уже о белой армии и интервенции, они также способствовали постепенному превращению молодой республики в тоталитарное государство со всеми вытекающими из этого тяжелыми последствиями. Даже после Октябрьского переворота Россия не обязательно должна была пойти по пути однопартийной диктатуры с миллионными жертвами – и в годы мира, и тем более в годы войны. Германия, иначе говоря, могла избежать Гитлера, Россия – Сталина…

Столь жестокими бывают парадоксы истории…

Как бы то ни было, чекисты в сложившейся обстановке вынуждены были направлять основные усилия в первую очередь

на обезвреживание тех, кто представлял в данный момент наибольшую опасность. Сразу, по горячим следам, им было просто не под силу схватить Анненкова. В ту пору перед органами госбезопасности стояла задача хоть на время оградить границы от проникновения анненковских банд.

Как–то беседуя с Артузовым о замысле операции против Анненкова, Вячеслав Рудольфович многозначительно заметил: «Начать – перышко поднять». Эти слова определяли в данной ситуации первые шаги, которые необходимо предпринять против кровавого атамана. Напрашивалась идея изолировать его. Его изоляция, пусть даже на незначительное время, позволит оторвать от Анненкова часть казаков, посеет растерянность в лагере на реке Боро–Тала. Казаки перестанут быть организованной силой.

На оперативном совещании, созванном Менжинским, высказывались самые различные мнения. Одни предлагали внедриться в лагерь Анненкова, чтобы дезорганизовать его изнутри, другие склонялись к мысли совершить налет на стан бандитов и разом покончить с анненковцами.

Когда все высказались, слово взял Артузов. И сказал–то он всего несколько слов, но все с удивлением повернулись в его сторону. Менжинский сразу почувствовал, что Артур Христианович родил идею, которая в случае ее удачного осуществления гарантирует успешное решение всех проблем. Идея Артузова заключалась в следующем: осуществить тактику активного воздействия на синьцзянского губернатора, чтобы его руками изолировать атамана или хотя бы парализовать его враждебные действия против нашей страны.

Вскоре Менжинский и Артузов засели за выработку требований к губернатору. Разумеется, при этом учитывалось, что на нашей стороне реальная военная сила, точнее, та сила, что стояла на границе. И эту силу чувствовал губернатор.

Вскоре представители нашего командования предъявили синьцзянскому губернатору в ультимативной форме главное требование: выдать Анненкова как опасного военного преступника или, по возможности, разоружить анненковцев, а самого атамана арестовать. Излагая данные требования, наша сторона учитывала, что губернатор уже однажды пытался отнять оружие у банд Анненкова, но атаман воспротивился, понимая, что без оружия с ним никто считаться не станет.

К июлю 1921 года из многих тысяч у атамана под рукой оставалось всего 670 казаков, остальные разбрелись по Китаю. Оставшиеся отнюдь не церемонились с китайцами. Взращенные на грабежах и убийствах, они не могли вести себя иначе. Дебош в

районе Гучэн, учиненный пьяными казаками, и открытое столкновение с китайским отрядом переполнили чашу терпения губернатора. Он вызвал Анненкова в Урумчи и арестовал его. Так началась операция против Анненкова. Его арест считался временным успехом. Основная борьба была еще впереди.

* * *

Человек живет надеждой. Надеждой на лучшие времена жил и Анненков. Тем не менее на душе у него было неспокойно, с его лица не сходила печать усталости. Он все время чего–то тревожно ждал. С одной стороны, новых гонцов, которые бы, подобно Черкашину, принесли ему важные вести, призывавшие его, как в былое время, стать крупным военачальником, с другой – возмездия. Что–то должно было случиться. Это двойственное тревожное чувство не отпускало атамана ни днем ни ночью.

Анненков, конечно, был в неведении, что в Москве о нем тоже думали и многое знали. Знали о его планах и намерениях, знали даже, как он выглядит в данное время. На столе Артузова лежали сообщения из Китая, датированные сентябрем 1924 года, характеризующие атамана: «Анненков – человек быстрого и хорошего ума, громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий… Хорошо владеет китайским языком, имеет средства и хорошо себя держит – это тип лихого казака».

Такая была обязанность Артузова – вести настойчивое наблюдение за каждым шагом Анненкова, быть в курсе его действий и мыслей. Со смертью президента Сунь Ятсена, возглавлявшего кантонское правительство и завещавшего Гоминьдану довести революционную борьбу до окончательной победы, обстановка в Китае начала складываться отнюдь не в пользу партии. Компрадорская буржуазия, монархисты, помещики под эгидой разведок империалистических стран сколачивали Антикрасный союз, во главе которого стояли реакционные генералы–милитаристы У. Пэйфу и Чжан Цзолин.

Первая революционная армия маршала Фэна, в зоне действий которой проживали Анненков и Денисов, потерпела ряд неудач в боях против частей генералов–милитаристов. Затягивать операцию против атамана было никак нельзя. Он мог оказаться в стане врагов, сколотить армию и перейти к активным действиям против СССР.

Артузов тоже готовил надежную «удочку». У него вызрел план захвата атамана–палача. Свой замысел он, как водится, доложил Менжинскому. Протянув руку братской помощи китайским

революционным силам, советское правительство направило в Китай по их просьбе группу советников. В Китае работали герои Гражданской войны, будущие маршалы Советского Союза Василий Константинович Блюхер и Александр Ильич Егоров. Советнический аппарат при 1–й революционной армии возглавил Виталий Маркович Примаков, бывший командир легендарного корпуса Червонного казачества. Артузов знал, что Примаков установил прямые дружественные связи с командующим армией маршалом Фэном. С помощью советского военного специалиста в этой армии были разработаны и осуществлены несколько успешных наступательных операций. Вот и пришла Артузову мысль, что Примаков может добиться согласия маршала Фэна на захват Анненкова.

Менжинский сразу оценил все достоинства замысла своего ближайшего помощника, но все же попробовал его как бы «расшатать», проверяя на прочность. Прежде всего, его интересовало, даже тревожило, насколько можно полагаться на Фэна.

– Я уверен, что маршал нам поможет, – подмечая, как с лица Вячеслава Рудольфовича спадает тень настороженности, произнес Артузов. – Для него присутствие Анненкова – тоже каждодневная угроза.

– Кстати, на чем основана ваша уверенность, что маршал нам поможет, помимо соображения о той угрозе, которую представляет, как мы полагаем, для него присутствие атамана? Каково его политическое лицо?

– Трилиссер дал исчерпывающую информацию. Маршал Фэн Юйсян – выходец из провинции Чжи–ли{66}. Отец – каменщик, служил писарем в армии одного из богдыханов. Так как был грамотным, дослужился до командира роты. Сын пошел по стопам отца, овладел его профессией. Принимал участие в «боксерском» (Ихэтуаньском) восстании. Был приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1911 году революционными силами. Был командиром полка в гвардии президента, затем комбригом, губернатором провинции. Это Фэн выгнал из Пекина наследника богды–ханского престола…

– Теперь я понимаю вашу уверенность, Артур Христиа–нович, что маршал нам поможет. Что ж, действуйте!

Через несколько дней после этого разговора Артузов направил в Китай опытного чекиста С. П. Лихаренко.

* * *

Как же осуществился на практике план Артузова? Об этом можно судить по заявлению Анненкова, сделанному им некоторое время спустя следователю ОГПУ: «В декабре 1925 года ко мне приехал директор департамента иностранных дел Ченг (от Фэн Юйсяна) с переводчиком, который мне сообщил, что, ввиду имеющихся у них сведений о моих отношениях со штабом Чжан Цзолина, они считают необходимым мой приезд из моего дома в г. Ланьчжоу, очевидно, где бы они могли наблюдать за мной. Через несколько дней я переехал со своими людьми в г. Ланьчжоу, где проживал до 4 марта 1926 года, когда я был вызван к губернатору, где полицмейстер передал мне распоряжение Фэн Юйсяна приехать к нему. На другой день я вместе с моим начальником штаба Денисовым Николаем Александровичем поехал к Фэн Юйсяну… Прибыв к Фэн Юйсяну, мы были лично им приняты, и я назначен советником при маршале Чжан Шу–даяне. Мне был выдан соответствующий документ».

Действительно, маршал ни одним словом, ни одним жестом не дал Анненкову повода для подозрений. В резиденции его ждали. Солдаты, одетые в серые френчи с маузерами и двуручными мечами, охранявшие маршала, любезно расступились, пропуская атамана. В прихожей солдат, по китайскому обычаю, полотенцем, смоченным в горячей воде, обтер ему лицо. Маршал, человек высокого роста, крепкого телосложения, тотчас же принял атамана.

Анненков ехал в Калган в полной уверенности в своей безопасности, в самом радужном настроении: он признан, он скоро снова поведет войска в атаку! Ему уже слышался воинственный китайский клич «Ша! Ша!» («Убивай!»). Немного послужит, а там и свою армию сколотит, двинет на Семиречье, овладеет Верным{67}, создаст свое государство, в котором будет властелином.

Одно только его огорчило. Перед отъездом он из любопытства зашел в китайскую кумирню. Встретил его бонза с толстой книгой в руках. В ней содержались «Божьи ответы». Анненкову захотелось узнать, что ему предскажет книга. Бонза подвел его к глубокой чаше и предложил выбрать из нее любую из множества находящихся там палочек. Атаман взял наугад одну, протянул бонзе. Тот повернулся к изваянию божества, прочитал иероглиф, начертанный на палочке. Предсказание было нехорошим: «Легче разрубить летящий камень, чем тебе достигнуть успеха».

– Фу–ты, косорылая морда, – выходя из кумирни, в сердцах выругался Анненков, – испортил настроение.

Вскочив в седло, атаман ожег коня плетью, тот взвился с

места, карьером помчал по пыльной дороге. Скачка успокоила Анненкова. И совсем легко стало на душе, когда вспомнил все обещания помощи и поддержки, щедро выданные английским консулом в Пекине, Александром Эром, английским представителем в Ланьчжоу Дудом и французским представителем Робертом Герцем, и даже начал мурлыкать незатейливую песенку «Он снова на щите!».

Наконец Анненков въехал в Калган. С любопытством рассматривал главную улицу города, ведущую от моста. Она сплошь состояла из китайских и русских лавок. Сверкали лаком вертикальные вывески с иероглифами, витрины были завалены черными, золотистыми, белыми мехами: город считался одним из крупнейших центров пушной торговли. Вдалеке виднелась каменная крепость. Здесь проходила первая линия Великой Китайской стены. В одном ущелье был проложен проход в Монголию.

К моменту прибытия атамана в город чекист Карпенко получил лаконичную записку: «Анненков в Калгане. Действуй».

Установив наблюдение за гостиницей, где остановился атаман, Карпенко связался с Лихаренко. Артузову была немедленно послана телеграмма: «20 марта Анненков и Денисов в Калгане». Из этого краткого сообщения Артур Христианович понял, что пружина его плана стала распрямляться.

Лихаренко также находился в Калгане. С Лином – под такой фамилией Примаков работал в Китае – он быстро нашел общий язык. Виталий Маркович принял непосредственное участие в захвате атамана. Под предлогом ведения дальнейших переговоров о «службе» Анненкову и Денисову было вручено такое предписание: «Атаману Анненкову Б. В. Сегодня старший советник господин Лин прибыл в Калган. Он приказал Вам не выходить из помещения до 16 часов, ожидая его распоряжения о времени переговоров с Вами».

В тот же день – 31 марта 1926 года – Анненков и Денисов были вывезены из гостиницы и переданы советским властям…

Атаман был выдан советскому правительству компетентными китайскими властями как крупный военный преступник, чья деятельность к тому же на территории сопредельного государства могла быть направлена против коренных интересов самого китайского народа.

Захватить Анненкова, однако, было только половиной дела. Атаман должен был публично признать свои преступления перед народом, отречься от политической борьбы, призвать своих бывших «партизан» одуматься, проявить лояльность к советской власти.

После нескольких бесед, в которых была затронута и судьба раскаявшегося Савинкова, атаман, понимая свою обреченность (помилования ему никто не гарантировал), написал в ЦИК СССР следующее письмо:

«Сознавая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, я все–таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении мне глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мной в Гражданскую войну. Если бы Советская власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я был бы счастлив отдать все силы и жизнь, лишь бы доказать искренность моего заблуждения.

Сознавая всю свою вину перед теми людьми, которых я завел в эмиграцию, я прошу Советское правительство, если оно найдет мою просьбу о помиловании меня лично неприемлемой, даровать таковое моим бывшим соратникам, введенным в заблуждение и гораздо менее, чем я, виноватым. Каков бы ни был приговор, я приму его как справедливое возмездие за мою вину.

Б. Анненков

5 апреля 1926 г.».

В другом письме, адресованном своим бывшим «партизанам», Анненков писал: «Мы видим, что Советская власть крепка, твердой рукой ведет народ к благу, производит великую строительную работу на благо Родины. Советская власть призывала и призывает тех, кто искренне и честно хочет принять участие в этой работе».

Оба письма были опубликованы в китайской печати, газетах русской эмиграции.

Арест Анненкова советскими чекистами и доставка его в Москву для белой эмиграции стали полной неожиданностью.

Когда следствие было завершено, Анненкова и Денисова повезли в Семипалатинск, а затем в Семиреченскую область, где они совершили главные преступления против народа и советской власти. На открытом судебном процессе девяносто свидетелей уличили Анненкова и Денисова в чудовищных зверствах. С раннего утра и до поздней ночи огромные толпы людей не расходились перед зданием, где заседала военная коллегия. Почти каждый мог предъявить атаманам свой собственный счет за убитых детей, родителей, братьев и сестер, изнасилованных жен и невест… Военная коллегия не нашла ни единого смягчающего обстоятельства. Анненков и Денисов были приговорены к высшей мере наказания. 24 августа 1927 года приговор был приведен в исполнение.

Перед смертью Анненков написал следователю Владимирову следующее письмо: «Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за человеческое отношение, которое Вы проявили ко мне в Москве… Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам.

Уважающий Вас *Б. Анненков*

13 августа 1927 г., г. Семипалатинск».

«НАЧИНАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ…»

Затрещал будильник. Артузов открыл глаза. И тут же о себе напомнила Пальма, лизнув шершавым языком щеку хозяина: «Пора гулять». Артузов встал, быстро оделся, подошел к окну и отдернул занавеску. На улице темно.

Прищелкнув поводок к ошейнику собаки и накинув пальто, Артузов вышел из дома. Свежий холодный ветерок мгновенно снял остатки сонливости.

Во дворе огромного дома на улице Мархлевского Артур Христианович отпустил собаку, сам стал прохаживаться взад–вперед, думая уже о неотложных делах. Надо навестить Вячеслава Рудольфовича. Несколько дней назад Москву обложили тучи. Лил дождь. Нудный, холодный. В такую погоду Менжинский всегда чувствовал себя особенно плохо. Лежал дома на тахте, укутанный плотным колючим пледом.

Вернувшись с прогулки, Артузов наскоро выпил стакан чаю и, не заходя на Лубянку, направился к Вячеславу Рудольфовичу, чтобы получить от него задание на день и обсудить некоторые вопросы. Обычно Менжинский принимал Артузова поздно вечером. В кабинете раздавался телефонный звонок, и знакомый голос извещал: «Вечерний раут». Это означало – Менжинский собирает ближайших помощников, чтобы в тихое время совместно обговорить самые насущные проблемы, вытекающие из оперативной обстановки. Сейчас Вячеслав Рудольфович перешел на менее утомительные для него беседы с глазу на глаз (поляки говорят более точно: «на четыре ока», а то с «глазу на глаз» выходит, что разговаривают двое кривых…). Так что сам разговор вынужденно переместился на утро.

Артузова это не могло не огорчать, однако в то же время утреннее общение с председателем ОГПУ имело для него и положительную сторону – отсутствие Ягоды. Очень уж явно, порой даже беззастенчиво, давил Генрих Григорьевич на Менжинского, а Вячеслав Рудольфович из–за прогрессирующей болезни уже не мог отстаивать свою позицию под напором энергичного заместителя. К тому же в руководстве ОГПУ все знали, что Ягоду во всем поддерживает Каганович, в ту пору второе лицо в секретариате ЦК, правая рука самого Сталина по всем внутрипартийным (и не только) делам. Менжинский не мог не понимать, что в ОГПУ репрессивные функции все более доминируют над функциями объективной защиты высших интересов государства по линии разведки и контрразведки. Но противостоять этой тенденции, главным проводником которой

был Ягода, уже не мог. Ибо прекрасно знал: Генрих Григорьевич действует по прямым указаниям ЦК, которые, как правило, получает напрямую от самого Сталина. Более того, догадывался, что в ряде случаев Ягода имеет указание от «верхов» его как председателя ОГПУ в известность не ставить. Иногда Вячеслав Рудольфович с горечью и страхом вынужден был признаться самому себе, что не только здоровье его резко пошатнулось – сдала и сама воля…

Он уже не мог, как прежде, контролировать всю деятельность ОГПУ как в центре, так и на местах. Потому и старался, хотя бы в пределах еще сохранявшейся его власти, поддерживать конкретные разведывательные и контрразведывательные операции. В первую очередь те, что осуществлял Артузов, теперь единственный человек в коллегии, которому он мог безоговорочно доверять.

– Хорошо, что вы пришли, – протягивая Артузову худую руку, произнес глухим голосом председатель ОГПУ.

С журнального столика, стоявшего рядом с тахтой, Менжинский отодвинул пузырьки с лекарствами, бумаги, придавленные подстаканником со стаканом остывшего чая, глазами указал Артузову на стул.

– Очень прошу вас: доведите до каждого вашего сотрудника суть нынешней политической обстановки, – медленно начал беседу Вячеслав Рудольфович. – При дальнейшем наступлении на кулачество, неослабных темпах развития индустриализации внутреннее сопротивление неизбежно. И в самых острых формах. Следует ожидать неизбежного усиления подрывной деятельности спецслужб империалистических государств. Они–то уж постараются объединить вокруг себя все антисоветские силы: и монархистов, и белогвардейцев, и буржуазных националистов, и прочих… – Внимательно посмотрев на Артузова, словно желая убедиться, правильно ли тот его понял, Вячеслав Рудольфович продолжал: – Вашим сотрудникам предстоит сейчас, с учетом всего сказанного, нанести ощутимый удар по «николаевцам».

В то время антисоветские белогвардейские силы за рубежом сосредоточивались вокруг двух вражеских центров, имевших одну цель – восстановить монархию в России, но не пришедших к единому мнению в вопросе о личности претендента на престол. Одну группу возглавлял великий князь Николай Николаевич, другую – великий князь Кирилл Владимирович (чье великокняжество многие монархисты не без оснований ставили под сомнение; на основании своей трактовки давнишнего закона о престолонаследии они признавали за ним лишь право титуловаться князем императорской фамилии). Особенно

активными и опасными были «николаевцы». Они держали в своих руках сильную и разветвленную воинскую организацию, созданную еще в 1924 году генерал–лейтенантом бароном Петром Николаевичем Врангелем, – Русский общевоинский союз – РОВС.

– Кое–кому из наших товарищей кажется, что после ликвидации «Треста» и «Синдиката», – продолжал Вячеслав Рудольфович, – на нашем фронте стало спокойнее. Верно, мы нанесли врагу чувствительные удары. Многие дамы в Париже и Лондоне до сих пор носят траурные плерезы. Мы научились защищаться. Но это не должно посеять среди нас благодушие и беспечность. И впредь против нас будут направлены провокации империалистов, интервентов, террор и попытки возродить контрреволюционное подполье с целью сорвать наступление социализма. – Закончив фразу, Менжинский откинулся на подушки. Видимо, длительный разговор утомил его. – Ничего, я сейчас отдышусь, – виновато произнес он. – Не обращайте внимания, сейчас все пройдет.

Увы, Артузов прекрасно понимал, что «не пройдет», в лучшем случае болезнь даст передышку до следующего приступа. Но говорить об этом между ними не было принято.

Артузов тщательно обдумывал сказанное Вячеславом Рудольфовичем. Речь шла об оперативной деятельности органов госбезопасности в данной обстановке в целом, разведки и контрразведки в частности. Надо нанести удар по РОВС и его отделениям, обосновавшимся в первую очередь в сопредельных с СССР странах.

– Ну вот я и отдышался, – заговорил более веселым голосом Вячеслав Рудольфович, – приму лекарство, и продолжим беседу.

Он выпил лекарство, затем, привстав с подушек, стал ворошить кипу газет. Нашел нужную. Пробежал глазами какую–то статью. Потом обратился к Артузову:

– Этот номер прислали мне с Украины. Между прочим, в ней есть строчки, касающиеся и вас.

Артузов уже понимал, в чем дело, что имел в виду Менжинский. Он взял газету – в ней было опубликовано сообщение ГПУ Украины, в котором говорилось об аресте на территории республики большой группы агентов французской, польской и румынской разведок. Среди них – белые офицеры, члены эмигрантского монархического объединения Русский общевоинский союз: Уренюк (атаман Крук), Камыш (атаман Кара), Усатый (атаман Голуб), а также Сах–но, Устимович и Попов. Операцию проводили одесские чекисты под общим руководством Артузова, возглавлявшего тогда еще КРО ОГПУ при

СНК СССР.

Особую активность все эти годы проявлял бывший штабс–капитан Уренюк, в прошлом начальник белогвардейской контрразведки в городе Лубны Полтавской губернии. Ему удалось сколотить на территории Украины ряд контрреволюционных центров в Крыму, Одессе, на Волыни, группы в воинских гарнизонах Минской, Подольской, Одесской губерний и на артиллерийских складах города Одессы.

Уренюк, зная тонкости контрразведывательной работы, действовал осторожно. С большим трудом Артузову удалось нащупать его связи с контрреволюционными группами. Ниточка потянулась к работнику столовой Красного Креста некоему Королеву, до революции повару великой княгини Марии Павловны. Стало известно, что к нему прибыл из Тирасполя какой–то подозрительный тип, выдававший себя за родственника. Им оказался белогвардеец Славинский. Теперь он и Королев ждали новых гостей.

Перед чекистами встал вопрос: где их встретить? «Гостей» можно было взять прямо на границе, во время ее перехода. Но это могло привести к провалу «контрреволюционного окна». К тому же почти неизбежная перестрелка насторожила бы руководителей РОВС, и чекисты лишились бы возможности выявить каналы связи этих групп.

Решили подготовить встречу на двух квартирах – Королева и Нины Юковской, дочери бывшего управляющего имениями, предводителя дворянства Херсонской губернии, которая считалась невестой Уренюка.

Первым появился на советской территории некий Перлов. Встречал его Славинский, затем оба они оказались в руках чекистов. Ни Славинский, ни Перлов не знали, когда из–за кордона прибудет основная группа агентов. В их задачу входило лишь обеспечение безопасности явочных квартир.

Неожиданное появление агентуры противника всегда чревато неприятностями. Поэтому Артузов посоветовал украинским товарищам самим проявить инициативу: послать в Румынию хорошо подготовленных сотрудников.

От имени «действовавшего» на Украине контрреволюционного подполья в Бухарест были направлены чекисты Ловкий и Зусов. Они явились к руководителю румынского отделения РОВС генералу Герцу, рассказали ему о положении на Украине, тактике «своих» групп, высказали пожелание, чтобы генерал направил в СССР толковых боевых атаманов, способных объединить разрозненные группы в организованную военную силу.

Генерал предложения «украинских представителей» одобрил. Для согласования всех деталей перехода границы и действий на территории республики он отослал Ловкого и Зусова к атаману Круку. Но сам Крук в это время находился в Болгарии. Вместо него чекистов встретил Камыш. Заместитель Крука не мог самостоятельно принять определенного решения о точной дате прибытия атаманов на Украину, но подтвердил, что в августе они обязательно будут в Одессе, где пока всеми подпольными делами ведал некто Попов. Камыш просил Ловкого и Зусова еще раз проверить надежность явочных квартир Королева и Юковской.

Ловкий и Зусов, как истинные актеры, прекрасно владели даром перевоплощения, играя роль контрреволюционеров. Ни генерал Герц, ни атаман Кара ничего не заподозрили, приняли каждое слово на веру, хотя избытком доверчивости не страдали.

О предстоящем переходе группы Уренюка границы были предупреждены советские пограничники. В один из августовских дней они сообщили: «гости» появились на нашей территории. Чекисты ждали их в Одессе на известных им явочных квартирах, но шли дни, а никто туда не наведывался. Волновались не только одесские чекисты, волновался и Артузов. Он уже хотел направить в Одессу своих помощников из Москвы, когда пришло сообщение: «Напали на след Уренюка». Атаман просто оказался очень осторожным: сразу на конспиративные квартиры не пошел, остановился на запасных, известных только ему одному. На последней, в доме некоего Артеменко, вся группа Уренюка и была арестована. Затем чекисты задержали и Попова.

Так было ликвидировано одно из отделений РОВС.

…Прочитав сообщение, Артузов вернул газеты Менжинскому. От каких–либо комментариев по поводу проведенной операции воздержался. Дело сделано. Теперь очередь за другими. Между тем Вячеслав Рудольфович, нисколько не удивившись молчанию Артузова, чей характер успел изучить досконально, произнес многозначительно:

– На южном фланге вы, Артур Христианович, одержали победу над РОВС. Теперь он там вряд ли оправится: потерял главных атаманов. Но есть и другой фланг: северный. Здесь также действует филиал РОВС. Закон соблюдения равновесия требует приняться за него. Как, впрочем, и за другие паучьи гнезда. Обратите внимание на Эстонию. Там обосновался весьма энергичный человек. Сегодня он главный вербовщик агентов для засылки в нашу страну через Прибалтику.

Под «весьма энергичным человеком», живущим в Таллине, Менжинский имел в виду полковника Энгельгардта, в прошлом офицера «свиты его величества». Об Энгельгардте Артузов кое–

что уже знал, но пока не видел каких–либо к нему реальных подходов. И в самом деле – как подступиться к этому противнику? Нужен замысел. Замысел – это предощущение решения, его формулировка, идейное толкование сути операции, способа ее осуществления с учетом возможных конкретных обстоятельств. Выработка замысла – процесс трудный, но в то же время радостный. Нет большего удовлетворения, когда на основе удачного замысла возникает творческий контакт с оперативными работниками, предлагается интересная комбинация – путь к решению трудной задачи.

Продумав ряд недавних операций, направленных против белогвардейской эмигрантской контрреволюции, и всё, что было известно о деятельности полковника в последнее время, Артузов принял решение, как обезоружить и парализовать врага. Причем чекист, которому будет поручена операция, сделает это в открытую.

С этим замыслом и пришел Артузов к поправившемуся уже Менжинскому.

– Кажется, определился замысел операции против Энгельгардта.

– Слушаю вас, Артур Христианович. Сосредоточившись, Артузов лаконично изложил суть своего плана.

После некоторого раздумья Менжинский снял пенсне, неторопливо протер стекла замшей, надел снова.

– Вы рассчитываете помочь Энгельгардту впервые в жизни встать на твердую почву, – наконец сказал Вячеслав Рудольфович. – Что ж, сила наших идей велика. Ничего путного противопоставить им он не в состоянии. Если в полковнике сохранилась капелька ума и чести, он задумается, а задумавшись, придет к единственному выводу – о бессмысленности борьбы с нами.

Второй вариант замысла также стоит свеч. Если полковник не воспримет того, в чем мы попытаемся его убедить, надо создать такую обстановку, чтобы дискредитировать Энгельгардта перед руководством РОВС в Париже или непосредственным его начальником генералом фон Лампе в Берлине.

Читателю может показаться странным, что Артузов с его огромным опытом и непререкаемым авторитетом контрразведчика считал необходимым посвящать Менжинского даже в незначительные вроде бы детали разрабатываемых им операций.

Но Артур Христианович хорошо помнил слова Дзержинского, сказанные им по какому–то поводу на совещании узкого круга сотрудников в отсутствие Менжинского: «Должен вам сказать,

товарищи, что за время своей работы в ВЧК– ОГПУ я не встречал более сильного оперативного работника, нежели Вячеслав Рудольфович. Он с первой сводки или заявления, поступившего к нему в руки, может сказать, есть ли тут действительно что–либо серьезное или нам не стоит заниматься этим делом».

Так что для Артузова даже легкий кивок в знак одобрения со стороны председателя ОГПУ дорогого стоил.

…Возвратившись от Менжинского, Артур Христианович серьезно задумался над его последней фразой. Кого послать в Эстонию?

За долгие годы работы Артузов встречался не с одним десятком чекистов – то были очень разные люди, разного социального происхождения, профессий, образовательного ценза, разных способностей и талантов. Теперь в распоряжении центрального аппарата оставались лишь самые опытные. Артузов, не жалея сил, оттачивал у подчиненных качества, необходимые для трудной борьбы. Кто–то однажды сравнил его труд с трудом восточного шлифовальщика лаковых миниатюр. Сперва тот обрабатывает поверхность изделия крупным камнем, затем угольной пылью и, наконец, золой рисовой соломки. Получается вещь на загляденье. Под артузовской «шлифовкой» имелись в виду, конечно, не достижение гладкости за счет стирания индивидуальных особенностей, выработка в сотруднике покладистости. Артузов и сам не принадлежал к числу покладистых (равно как и излишне и не по делу конфликтных), не любил таковых вообще, тем более – среди подчиненных. В равной степени не жаловал он и необоснованную строптивость. Его «обработка», наоборот, выявляла самые сильные стороны чекиста, обогащала его личность, оттачивала мастерство до степени высшего совершенства. После «шлифовки» Артузова оперативному работнику смело можно было поручать самые сложные задания, включающие и проявление личной инициативы, умение принимать ответственные решения во внезапно изменившейся (как правило, всегда к худшему) обстановке.

Артузов переворошил десятки личных дел, выслушал многие предложения. Круг кандидатов сузился. Наконец выбор Артура Христиановича был сделан. Правда, пока заочно. И вот наконец секретарь докладывает, что сотрудник, предварительно намеченный для командировки в Таллин, прибыл в Москву и находится в приемной. Дмитрий Георгиевич Федичкин.

Биография незаурядная. В свое время семья Федичкиных в поисках лучшей доли из подмосковной нищей деревни переселилась на Дальний Восток. Здесь молодой крестьянский

парень прошел суровую школу революционной борьбы. Был комиссаром партизанской роты и артиллерийской батареи, разведчиком партийного подполья и партизанского штаба. Однажды ему поручили доставить партизанам через зону, занятую японскими войсками, десять тысяч рублей золотыми монетами царской чеканки. Трудное и опасное задание он выполнил блестяще.

В середине 20–х годов Федичкин – заместитель начальника особого отдела 9–й кавалерийской бригады, дислоцированной на дальневосточной границе. Для нашего военного командования в тех условиях крайне важно было провести топографическую съемку Малого Хинганского перевала в Маньчжурии, имевшего стратегическое значение. Под видом представителя Дальзолота Федичкин установил контакт с китайским банкиром и золотопромышленником и… заключил с ним договор на разведку золотоносных песков в районе Хингана. Он же возглавил «поисковую партию». В результате командование Красной армии получило данные о перевале через Малый Хинган, которые через много лет сыграли важную роль при разгроме японских войск на заключительном этапе Второй мировой войны.

В 1929 году, когда китайские милитаристы устраивали провокацию за провокацией на КВЖД{68}, Федичкин вновь был направлен в Маньчжурию. В роли «ревизора» железной дороги он добывает важную информацию о происках белой эмиграции, замыслах местных милитаристов и их японских хозяев. Федичкин создал на КВЖД сеть доверенных лиц, проник в белогвардейские организации и сколоченный японцами Русский фашистский союз. Через Федичкина чекисты знали о переброске в СССР японских и белогвардейских шпионов.

Об этой встрече с руководителем отдела Дмитрий Георгиевич позднее вспоминал:

«Как только я переступил порог, из–за стола навстречу мне поднялся плотный коренастый человек чуть выше среднего роста, с черными усиками, бородкой клинышком и с такой же черной густой шевелюрой. Приветливо улыбнувшись, он протянул мне руку:

– Давайте знакомиться, товарищ Федичкин. Кое–что я о вас знаю, но надеюсь узнать еще больше. Разговор у нас будет долгим, так что садитесь, пожалуйста. – Он сел за свой рабочий стол, подождал, пока я сяду напротив, и вдруг спросил: – Как вы себя чувствуете? Как отдохнули? Помог вам кумыс в Боровом?

По приезде в Москву я прошел врачебную комиссию, и меня направили подлечиться в Казахстан на знаменитый курорт Боровое. Еще в канун февраля 1917 года, когда в нашем поселке

Раздольное в Приморье казаки усмиряли выздоравливающих солдат, отказавшихся возвращаться на русско–германский фронт, я был ранен в грудь шальной пулей. Эта рана временами давала о себе знать.

– Чувствую себя здоровым, Артур Христианович, – ответил я, не зная, что сказать дальше, выпалил, как говорится, на одном дыхании: – Готов выполнить любое задание.

– Ой–ой, как официально, – опять улыбнулся Артузов. – Давайте попроще. От этого дело не пострадает.

Он полистал какую–то папку, лежащую перед ним на столе – возможно, это было мое личное дело, – и сказал:

– Вы побывали в Маньчжурии трижды, и последний раз не совсем удачно. Да, не повезло вам тогда в Поднебесной империи. Чего–то вы и ваши руководители не рассчитали – ехать вам туда не следовало, вас противники знали как чекиста, вот и получилось нехорошо. Впрочем, и в нашем деле случаются ошибки, неожиданности. Заранее не всегда все предусмотришь. Говорят, не опасно совершить ошибку, опасно совершить ту же ошибку второй раз. Неудача делает решительного и твердого еще более решительным и твердым. Ничто так не ослабляет нашего брата, как постоянные успехи и удачи. Это урок на будущее.

А потом Артузов задал прямой вопрос:

– Скажите, товарищ Федичкин, как бы вы отнеслись, если бы я вам предложил роль коммивояжера? Конечно же рынки сбыта не ваша стихия. Но сыграть роль коммивояжера вам вполне по силам. В Маньчжурии вы на них насмотрелись вдоволь. Думаю, что хватит вам заниматься Азией, пора, так сказать, «рубить окно» в Европу. – Артур Христианович внимательно посмотрел на меня и, не дожидаясь ответа, продолжил: – У нас созрело решение направить вас с ответственной миссией в Эстонию. Поедете в Ревель. На вашу долю выпадает задача трудная, с известным риском. К риску вам не привыкать, мы не стали бы посылать вас на это дело, если бы не были крепко уверены, что задание вам по плечу».

Артузов ввел Федичкина в обстановку. В бывшем Ревеле, ныне Таллине, обосновался прибалтийский филиал РОВС. Им руководил из Берлина начальник 2–го отдела этого союза генерал фон Лампе. Непосредственно в столице Эстонии действовал Борис Вадимович Энгельгардт, который в годы Гражданской войны служил в войсках Деникина и Врангеля, затем был начальником контрразведки в армии генерала Юденича.

– Вам предстоит выйти на Энгельгардта, – говорил Артузов. – Он развил активную антисоветскую деятельность. Готовит террористов, вербует шпионов, даже сам вроде собирается

нелегально пробраться в нашу страну с целью совершить громкий теракт. Ваша задача – идейно разоружить его. Не поддастся на уговоры подобру – дискредитируйте его перед парижским и берлинским начальством, вызовите недоверие к нему со стороны разведок капиталистических стран…

Федичкин понимающе кивнул головой. Артузов продолжал:

– В Ревель отправитесь на обычном пароходе. Торговые отношения с буржуазной Эстонией у нас нормальные. Наши суда часто бывают в Ревельском порту. Выход в город почти свободный. Действия ваши ни малейшего ущерба интересам Эстонии не нанесут. Скорее наоборот. Ликвидация филиала РОВС только улучшит отношения между Эстонией и СССР.

– Если разрешите, – обратился Федичкин к руководителю, – я хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся Энгельгардта. Есть ли у него какое–либо настоящее прикрытие? Чем он занимается, на какие средства существует?

Артузов согласно кивнул. Выполнять задание предстояло Федичкину, и он имел право задать сколько и какие угодно вопросы, в ответах на которые нуждался для успешного ориентирования при решении поставленной перед ним задачи.

– Охотно отвечу. Должность, которую занимает Энгель–гардт, далеко не прибыльная. Прошло время, когда иностранные разведки щедро платили уже за одно то, что белогвардеец изъявлял желание бороться с советской властью. Теперь они платят «с головы» – от числа завербованных, засланных в нашу страну и что–то сделавших. А таких не очень–то много… Так что кошелек у Энгельгардта сейчас весьма тощ. Чтобы как–то снова существовать, он, родовитый дворянин, должен набивать папиросы для бывшего царского генерала, который содержит табачный ларек на ревель–ском рынке. Вы спросите, почему папиросы? В Прибалтике проживает много русских эмигрантов. Сигареты у них не в чести, привыкли к папиросам с длинными мундштуками.

– Значит, ни респектабельного положения, ни состояния у него нет?

– И в помине… Но он убежден, что это просто черная полоса его неудач, что его время еще вернется. Во имя этого и старается, копит наступательную энергию. Ему нужна власть, чтобы из нее извлечь деньги. Это его убеждение, да и надежда тоже.

Артузов чувствовал, что Федичкин слушает его внимательно, но еще не удовлетворен услышанным. Артур Хрис–тианович понимал его. Потому и предупредил вопрос:

– Я вижу, вам пока не ясно главное – как дискредитировать Энгельгардта убедительнейшим образом, если не удастся

склонить его к капитуляции?

– Вот именно…

– Обстановка диктует способ, – ответил Артузов. – Важно уяснить ее. РОВС на последнем издыхании. В нем уже нет ничего самостоятельного. И «николаевцы», и «ки–рилловцы» изжили себя. Они целиком и полностью перешли в услужение к империалистическим разведкам, откровенно ищут, кому бы выгоднее продать себя. Политический климат в Европе меняется, фашизм становится главным орудием империализма в борьбе с нами и рабочим движением. Похоже, что магнаты Германии приведут к власти Гитлера. Самые оголтелые круги эмигрантской контрреволюции готовы наклеить на свое белое знамя черную фашистскую свастику. Эти люди способны стать важными винтиками в осведомительном аппарате фашистов, чтобы своей подрывной работой против СССР заслужить доверие своих будущих господ.

Это я говорю вам для того, чтобы вы твердо уяснили, почему мы не должны прекращать борьбу с захиревшим РОВС и его агентурой. Теперь перейдем к тому, как лучше дискредитировать Энгельгардта. Вы придете к нему домой и без всяких обиняков скажете: «Я чекист из Москвы».

Федичкин не выдержал:

– Так прямо в лоб? А где игра, подход исподволь? Эн–гельгардт – стреляный воробей, его простыми силками средь бела дня не поймать.

– Ваша сила – в простоте замысла. Да–да, вам нет никакого смысла скрывать себя, играть в таинственность. Ваши слова: «Я – чекист!» – грянут как гром средь ясного неба. Если он примет ваше предложение, то сделает ошибочный шаг. Вы спросите – какой?

– Донесет руководству РОВС о встрече со мной, – ответил Федичкин.

– И не просто донесет, а постарается еще и доказать свою неподкупность. Какие выдвинет аргументы, гадать не будем. Напуганные «Трестом» и «Синдикатом», ровсовцы наверняка заподозрят, что в Ревеле обозначилось слабое, ненадежное место. Полковник окажется для них сомнительной личностью, разоблаченной ОГПУ. Они станут сомневаться, гадать, а что таится за встречей Энгельгардта с чекистом?

– Понимаю… Полковник будет уверять РОВС в своей преданности ему, верности взятым на себя обязательствам и чем больше жару проявит, тем больше вызовет к себе подозрений.

– Именно! И наша стрела попадет в самое уязвимое место. Они начнут поспешно сокращать круг связей полковника,

неизбежно высветят ряд людей и каналов. В итоге мы парализуем деятельность прибалтийского филиала РОВС, выключим Энгельгардта из активной борьбы, а при благоприятном стечении обстоятельств даже вынудим его поработать бесплатно на советскую власть. А теперь, – подытожил разговор Артузов, – поезжайте в Ленинград. Там вы встретитесь с Андреем Павловичем Федоровым. От него узнаете все остальное. Федоров – большой специалист по РОВС, он встречался в Париже с самим Кутеповым…

«На прощанье Артузов пожал мне руку, – вспоминает далее Дмитрий Георгиевич, – и дал еще один дельный совет. Прежде чем сесть на пароход, сказал он, надо навестить проживающую в Ленинграде сестру жены Карла. Кто такой Карл, вам расскажет Андрей Павлович. Намекните ей, что можете передать от нее письмо сестре в Ревель. Это может вам пригодиться в подходе к Энгельгардту».

…Дело в том, что Артузов уже держал на примете в Таллине одну интересную семью, которая прежде проживала в Петербурге. Глава семьи – немец Карл в свое время осел в России, служил в частной торговой немецкой фирме. После революции он выехал с семьей в Эстонию, стал директором крупного промышленного предприятия. Жена его – русская. О самом Карле было известно, что он весьма лояльно относится к СССР, более того, вместе с семьей хотел бы вернуться в Ленинград. От имени Карла родственники его жены, проживающие в Ленинграде, подали прошение официальным органам.

Артузов рассчитывал, что Карл, занимая видное положение в таллинском обществе, знает Энгельгардта или может легко с ним познакомиться, чтобы помочь, в свою очередь, Федичкину, если тот заручится рекомендательным письмом к его жене.

И вот Федичкин в Ленинграде. Первая встреча, конечно, с Андреем Павловичем Федоровым. Он снабдил Дмитрия Георгиевича нужными сведениями о Таллине, подтвердил, что кратчайший путь к знакомству с Энгельгардтом – через Карла и его жену Нинетту. Но к ним так просто не пойдешь. Нужны рекомендации. Федоров дал Федичкину номер телефона их ленинградских родственников. Дмитрий Георгиевич встретился с сестрой Нинетты Мери Федоровной.

«Дверь открыла солидная дама в парадном шелковом платье с кулоном на золотой цепочке, – рассказывал он. – Я представился, сказал, что в Ленинграде проездом и на днях отплываю в Ревель по коммерческим делам. Теперь следовало объяснить хозяйке цель моего визита.

Начал с того, что якобы случайно от проживающих в

Ленинграде своих сестер (а они действительно там жили) узнал о ее родственниках в Ревеле. Мол, говорят, будто муж вашей сестры занимает там хорошее положение, вхож в деловые круги. Вот я и хотел посоветоваться: нельзя ли мне по приезде в столицу Эстонии обратиться к нему за помощью по некоторым вопросам?

– Да, да, – оживилась Мери Федоровна. – Карл у нас отличный коммерсант, в деловых кругах у него доброе имя. Знаете, – вздохнула она, – он и Нинетта очень сожалеют, что покинули Россию, и мечтают скорее вернуться домой. Они уже просили разрешения на это».

Карл и Нинетта встретили гостя с некоторой настороженностью. Федичкин вручил им письмо. Прочитав его, супруги дружно заулыбались. Холодок исчез, и Федичкин был приглашен в гостиную. С этого дня он стал, не забывая, конечно, о конспирации, очень часто бывать в их доме. Подружился с хозяином. Карл внимательно следил за тем, что происходит в Советской стране, не переставал удивляться масштабности и грандиозности строительства, мечтал и сам там поработать.

Такие взгляды тогда на Западе разделяли многие прогрессивно мыслящие люди, и не только коммунисты. В ту пору они искренне верили, что в советской России строится новое, светлое будущее, пример для всего человечества. Сегодня их взгляды принято пренебрежительно называть иллюзиями… Действительно, легко решить арифметическую задачку для пятого класса, если заранее заглянуть на последнюю страничку учебника, где напечатаны все ответы. Не будем же бросать камни в давно ушедших из жизни людей за то, что их мечты, стремления и надежды не оправдались, и не по их вине.

…Во время частых и все более откровенных бесед речь заходила и о русских эмигрантах. Однажды Федичкин рискнул назвать имя Энгельгардта. Карл был знаком с ним по клубу. Отозвался о нем нелестно. Надо сказать, что Карл оказался человеком проницательным, он быстро понял, что интерес Федичкина к Энгельгардту не простой, но вида не подал. Как бы между прочим он сообщал чекисту все новые и новые сведения о полковнике, намекнул на связи последнего с Парижем и Лондоном. Постепенно отношения Федичкина с Карлом стали очень доверительными. В конце концов с санкции Артузова Федичкин рассказал Карлу о цели своего приезда в Эстонию. Карл обещал оказывать чекисту всяческую помощь и до конца оказался верным своему слову.

Теперь Федичкин уже прямо обратился к Карлу с просьбой не мешкая начать работу с полковником. Выяснилось, что у Карла уже имелся определенный план.

– Судя по тому, какие ставки Энгельгардт делает в карточной игре в клубе, – сказал он, – можно понять, что он пребывает в материальных затруднениях. Я приглашу его к себе и пригрею…

Так Карл и сделал. За бокалом вина бывший полковник разоткровенничался, посетовал на свою бесприютную судьбу и безденежье.

– Чем же вам помочь? – спросил в раздумье Карл. – Дать вам работу на своей фабрике? Пыльно и хлопотно. Да и жалованье не ахти какое. Но я могу предложить вам более знакомое и выгодное занятие. Почему бы вам не установить отношения со мной как с немецким представителем? Ведь я заместитель председателя немецкого землячества. Говорю это вам не как человеку, имеющему дело с РОВС, а как частному лицу. Вы станете передавать мне интересующую меня информацию, я вам – деньги. Ваши личные счеты с большевиками меня не интересуют, и я не собираюсь в них встревать.

Энгельгардт на какой–то миг задумался, точнее, сделал вид, что задумался. В голове его мгновенно промелькнула мысль: деньги сами текут к нему в руки. Он, конечно, знал, что после операции «Трест» иностранные спецслужбы утратили былой интерес к белогвардейцам и их организациям, не без основания полагая их продажными и уже не способными на серьезные дела. А тут немцы (а он не сомневался, что директор крупного предприятия, играющий видную роль в немецкой общине, Карл – резидент разведки Германии) предлагают ему сотрудничать с ними. И раздумывать нечего – надо соглашаться, пока не передумали.

– По рукам! – сказал Энгельгардт решительно. Хозяин и гость чокнулись, закрепляя сделку.

Так Энгельгардт начал работать на «немецкую разведку».

Обо всех шагах, предпринимаемых полковником по вербовке шпионов и подбору террористов, направляемых в нашу страну как РОВС, так и при его посредничестве спецслужбами западных разведок, он сам сообщал Карлу. Эта информация незамедлительно поступала к Федичкину, а затем, естественно, становилась достоянием Центра.

Хотя Энгельгардт проявлял настоящее рвение, вербуя кандидатов в террористы и шпионы, руководители РОВС были недовольны его работой. «Надежные люди» полковника в условленных местах успешно переходили границу, но дальше о них никто ничего и никогда не слышал. Поручик

Чернышев должен был взорвать военный объект на территории советской России – взрыва не последовало. Капитану Немоляеву предписывалось подложить бомбу в одно важное

учреждение в Ленинграде – задание осталось невыполненным. От группы, подготовленной англичанами и переброшенной через границу ровсовцами, никаких известий не поступило – словно в воду канула.

Не подлежало сомнению, что заправилы РОВС рано или поздно начнут докапываться до причин провалов. При этом они могут выйти на Карла и, безусловно, захотят проверить, действительно ли он причастен к немецкой разведывательной службе. Но прежде всего Энгельгардт сам захочет в конце концов узнать, почему завербованные им люди проваливаются.

Вот тут и был пущен в ход подсказанный в свое время Артузовым вариант с генералом Шаховским, владельцем табачного ларька на рынке. Энгельгардт, хотя и получал теперь деньги от Карла, продолжал выполнять и заказы генерала на набивку папирос. Федичкин зашел в ларек. Представился генералу как юнкер армии Колчака, бежавший в свое время в Шанхай. Потом судьба якобы забросила его в Литву, он держит в Шяуляе галантерейный магазинчик. В Литве много русских эмигрантов. Есть постоянный спрос на папиросы с длинным мундштуком. Он намерен организовать их сбыт в своем магазинчике. Тут же Федичкин протянул генералу стопку купюр, указав на коробку с уже набитыми папиросами.

– Беру у вас всю партию, – небрежно заявил он. Шаховский был счастлив – такая крупная сделка была для него что негаданный выигрыш в лотерею.

– Кто еще мог бы мне регулярно поставлять папиросы? – осведомился Федичкин.

– Могу рекомендовать моего компаньона, весьма почтенного человека. Набивка отменная. Это полковник Эн–гельгардт, советую не откладывать визита.

Поблагодарив Шаховского, Федичкин, не теряя времени, направился по названному, давно ему известному адресу. Он был уверен в себе, но далеко не спокоен. Как–никак шел в гости не к приятелю, а к врагу.

По скрипучей лестнице Федичкин поднялся на третий этаж. Уже внизу почуял терпкий запах табака. На темной площадке нажал кнопку звонка. Послышались приглушенные шаги. Щелкнул замок, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было разглядеть в щелку, кто пришел.

– Вы к кому?

– К полковнику Энгельгардту по рекомендации генерала Шаховского.

– Это я. Что вам угодно?

– Я торговец из Шяуляя. Намерен сделать заказ на крупную

партию русских папирос.

– Какое количество вас интересует?

– До тридцати тысяч в месяц. Энгельгардт открыл дверь:

– Прошу войти!

Федичкин очутился в небольшом коридорчике. Полковник взял у него из рук шляпу, положил на полку вешалки, жестом пригласил в комнаты. Федичкин огляделся. Стены увешаны портретами членов императорской фамилии, иконами, какими–то плакатами. Пахло табаком и лампадным маслом.

Энгельгардт вынул из ящика письменного стола лист бумаги, придвинул к себе чернильницу, намереваясь оформить как полагается коммерческий заказ. Федичкин, извинившись, остановил его:

– Не торопитесь, полковник… – и без всякого предисловия заявил: – Я не тот человек, за которого отрекомендовался. Ссылка на генерала потребовалась мне лишь для того, чтобы войти в ваш дом.

Энгельгардт вздрогнул, замигал тревожно:

– Кто же вы?

Самым будничным тоном Федичкин спокойно ответил:

– Чекист. Прибыл из Москвы.

Энгельгардт, надо отдать ему должное, выслушал неожиданное заявление спокойнее, чем можно было ожидать. Помедлив самую малость, полковник спросил:

– Вы пришли, чтобы, воспользовавшись моей беззащитностью в данный момент, убить меня?

– Боже упаси, полковник. С чего вы это решили? Разве я похож на убийцу? А пришел я к вам, чтобы поговорить в спокойной обстановке и сделать деловое предложение. Правда, предложение категоричное: прекратить враждебную деятельность против Советского Союза.

У Энгельгардта перехватило дыхание. Взявшись рукой за горло, он судорожно хватал ртом воздух. Примерно такую реакцию с его стороны и предвидел Федичкин. Правда, он не сбрасывал со счетов и возможности того, что полковник схватится за револьвер. Однако, коль этого не случилось сразу, надо, как инструктировал Артузов, наступать, не давая противнику опомниться.

– О прошлом вспоминать не рекомендую, – продолжал чекист, – оно ушло безвозвратно. Так называемые жертвы, принесенные вами во имя «белой идеи», оказались напрасными. Из героев, посланных вами в наши пределы, ноги удалось унести единицам. Наш народ вас не приемлет. Ваши выстрелы – лишь горестная мимолетность. Они только укрепляют наше единство в

борьбе с вами. Вы не только враждебны своему народу, но еще и элементарно не понимаете его, верите в какие–то химеры, которые сами же и сочиняете. Все ваши политические идеи – самообман.

Памятуя наставления Артузова («Побольше задавайте вопросов, будоражащих душу»), Федичкин бил полковника беспощадно:

– Неужели вашим надеждам, разуму, душевному порыву не найдется иного дела, как убивать своих соотечественников? Где же национальная гордость и достоинство? Вам не претит далее жить в мире понуканий, окриков, доносов и оскорблений? Превращаясь в наемных убийц, вы стреляете в будущее России, в ее светлую новь. Но наемный убийца не может быть героем. Вы, бывший полковник русской гвардии, разве не видите, в каком болоте очутились?

Энгельгардт молчал. Федичкин продолжал наступать:

– Перед вами выбор: бросить очередную бомбу в людей, отвергших царскую власть, или вывернуть запал из нее и, уже обезвреженную, бросить в колодец.

– Вы меня загнали в угол, – уныло отвечал Энгельгардт, – но я связан присягой на верность трону…

– Да бросьте вы, полковник, цепляться за внешние атрибуты монархии. Какому трону? Какая присяга? Опять самообман. Генерал Брусилов не чета вам был, а со спокойной совестью перешел на службу в Красную армию. Потому что понял, что этим поступком исполнил свой подлинный, а не ложный воинский долг. Так же поступили генералы Бонч–Бруевич, Самойло, Зайончковский, Свечин, полковники Шапошников и Каменев, подполковник Егоров. Сказать, какие посты некоторые из них сейчас занимают? Даже бывшие военные министры Поливанов и Верховский не сочли изменой послужить новой России…

– Невероятно, – тупо бормотал Энгельгардт, нервно перебирая пальцами бахрому старой скатерти на столе. – Вряд ли я сейчас могу дать вам какой–либо ответ. Мне надо подумать…

– Думайте, – пожал плечами Федичкин. – Я согласен ждать. Даже две недели. Честь имею.

Взяв с вешалки свою шляпу, Федичкин вышел. В тот же день он направил телеграмму в Москву: «Встреча состоялась».

«И дальше действуйте по известному вам плану», – ответил Артузов.

Энгельгардт не смог пересилить и убедить себя принять предложение Федичкина. У него не хватило мужества решиться на такой поступок. Впрочем, не случайно Артузов да и сам Федичкин предусматривали второй вариант в развитии

операции…

Энгельгардт в этот же день, едва пришел в себя, прибежал к Карлу и, ничего не скрывая, рассказал о встрече с разведчиком из Москвы.

– Что же вы решили предпринять? – спросил его Карл.

– Я напишу письмо генералу фон Лампе и предложу устроить чекистам «Антитрест»!

Карл нахмурился и сердито сказал:

– Мне не нужен сотрудник, принимающий в своем доме чекиста из ОГПУ. Даже с согласия вашего начальства. Я предупреждал, что ваши игры с большевиками меня не касаются. А эта игра может завести слишком далеко. У меня нет ни малейшего желания быть скомпрометированным с вашей помощью. Очень сожалею, полковник, но вынужден прервать с вами какие–либо отношения.

Вечером Федичкин встретился с Карлом, и они обсудили создавшееся положение. Позиция Энгельгардта однозначна. Карл обрезал связь с ним с учетом ситуации как нельзя кстати.

Тем не менее идти к Энгельгардту за ответом надо: неявку чекиста ровсовец может каким–либо образом связать со своим признанием Карлу. Через две недели Федичкин был у полковника. Тот говорил уклончиво: дескать, еще не принял никакого решения. Федичкин еще раз сформулировал свое требование:

– Мы не настаиваем на вашем переходе на платформу большевиков, но категорически требуем прекратить враждебную деятельность против СССР. Учтите, мы имеем возможность наблюдать за вами…

– Я еще раз все взвешу, – ответил Энгельгардт. – Как мне связаться с вами?

Федичкин дал ему один адрес в Ленинграде. Как же развивались события дальше? Карл по–прежнему решительно уклонялся от дальнейших контактов с Энгельгардтом, поскольку тот нарушил условие договора: «смешал» работу против большевиков со службой на «немецкую разведку». Федичкину предстояло теперь набраться терпения, ждать и выяснять, какой ответ последует на предложение Энгель–гардта руководству РОВС осуществить «Антитрест».

Генерал–лейтенант Евгений Миллер, тот самый Миллер, что верой и правдой служил англичанам в период оккупации ими Архангельска, сменивший в РОВС Кутепова, предложение полковника расценил как новую мистификацию ОГПУ, а самого Энгельгардта назвал «большевистским агентом», с которым никаких дел больше иметь нельзя.

Полковник заметался, воображение рисовало ему опасность с трех сторон: ОГПУ, РОВС и немецкой разведки. Реально, конечно, какие–то меры по отношению к нему могли предпринять только белогвардейцы. Несколько раз он порывался переговорить с Карлом, убедить его в своей лояльности.

Спустя некоторое время с санкции Артузова Федичкин сообщил Карлу, что тот может «простить» Энгельгардта и вновь вернуть к работе на «немецкую разведку», но при твердом условии: в случае отсутствия каких–либо дел с любой другой спецслужбой. С этого момента враждебная по отношению к СССР деятельность полковника была фактически парализована.

…На одной из встреч с молодыми разведчиками Дмитрия Георгиевича Федичкина спросили, считает ли он себя учеником А. Х. Артузова. Ветеран ответил:

– Ученики у Артузова рождались уже из самого факта общения с ним. Это был исключительно талантливый руководитель–чекист, душевный человек и принципиальный партийный боец. Он решал крупномасштабные задачи обеспечения государственной безопасности нашей Родины, и влияние его личности благотворно сказывалось на его сотрудниках и помощниках. Каждый, кто попадал в орбиту общения с ним, заражался, воодушевлялся его энергией, честностью, принципиальностью. Что же касается чисто профессионального общения, то оно было школой высшего чекистского мастерства…

НА «ПЕРЕЛОМЕ»

В отведенном ему новом кабинете второго помощника начальника СОУ Артузов чувствовал себя после напряженной, до поздней ночи, ежедневной работы в КРО словно в тихой заводи. Строгого разграничения обязанностей между первым и вторым помощниками не было. Основное заключалось в том, что в отсутствие Ягоды, когда тот находился в отпуске или в командировке, его обязанности исполнял Дерибас. Терентий Дмитриевич оставался одновременно по–прежнему и начальником Секретного отдела, где и проводил большую часть рабочего времени, оставляя основные заботы по СОУ на Артузова.

Ян Каликстович Ольский (Куликовский) вошел в дела КРО легко и быстро, так как и раньше был тесно связан с контрразведкой по ряду серьезных операций. Поскольку запрета вникать в дела своего бывшего отдела на Артузова наложено не было, он общался с Ольским практически каждодневно, всячески помогал ему, никак не задевая, однако, его самолюбия.

Ольский и сам был крупным профессионалом, руководил отделом уверенно, с сотрудниками, которых знал уже не один год, деловой контакт установил без каких–либо конфликтов. Он всегда относился к Артузову с должным уважением, прекрасно понимал, что произошло с Опперпутом, и не стеснялся обсуждать с Артузовым, как со старым товарищем, возникающие проблемы.

Один из двух секретарей СОУ – давний знакомый и, можно сказать, крестник Артузова – Сосновский часто выезжал в командировки. Разъездная работа вполне соответствовала его интересам и темпераменту. Со вторым секретарем – Павлом Булановым, личностью достаточно скользкой, Артузов держался сугубо официально. В ОГПУ все знали, что Буланов – человек Ягоды, потому старались иметь с ним дело только при крайней необходимости и лишнего в его присутствии не допускали. Зато с единственным оперуполномоченным Борисом Гудзем отношения были прекрасные. Артузов мог на него положиться решительно во всем.

Впоследствии Буланов стал первым секретарем коллегии ОГПУ, секретарем НКВД СССР и по совместительству ответственным секретарем Особого совещания НКВД СССР. Не совершив ничего путного на оперативной работе, он тем не менее благодаря близости к Ягоде получил два знака Почетного сотрудника и… орден Ленина! Правда, высшую правительственную награду страны он поносит на гимнастерке всего лишь пять месяцев. После чего будет арестован, усажен на

одну с Ягодой скамью подсудимых и расстрелян в один день со своим бывшим шефом – 13 марта 1938 года…

Спустя некоторое время Артузов все же нашел в своем двусмысленном положении и определенные преимущества. Так, он смог получить более полное, нежели ранее, представление о работе центрального аппарата ОГПУ в целом, особенно тех отделов, которые входили в СОУ. Не чужды были ему и заботы самостоятельного Иностранного отдела, поскольку почти все масштабные операции КРО, вроде «Треста», контрразведчики проводили в тесном взаимодействии с разведчиками и агентурой Трилиссера.

С Михаилом Абрамовичем отношения у Артузова с самого начала сложились вполне товарищеские, несмотря на значительную разницу в возрасте. Трилиссер был членом ВКП(б) с 1901 года! Большего партстажа в ОГПУ не было ни у кого. Даже сам Менжинский вступил в партию годом позже. Худощавый, хрупкого сложения, в круглых очках в простой железной оправе, Трилиссер более всего походил на типичного чеховского интеллигента начала века. Однако за скромной внешностью скрывался опытный профессиональный революционер.

Будучи руководителем Финляндской военной организации РСДРП, Трилиссер участвовал в знаменитом Свеаборгском восстании моряков 1906 года, после чего был осужден к пяти годам каторги и вечному поселению в Сибири.

После окончания Гражданской войны Дзержинский пригласил Трилиссера на работу в ВЧК.

В апреле 1920 года в Особом отделе ВЧК был образован Иностранный отдел для ведения разведывательной работы за кордоном. 20 декабря того же года Иностранный отдел был выделен из Особого отдела в самостоятельное подразделение ВЧК – ИНО. Первым начальником ИНО был Яков Христофорович Давыдов (Давтян), но уже через два месяца его, по тогдашнему выражению, «перебросили» на дипломатическую работу. Начальником ИНО назначили Соломона Григорьевича Могилевского, его помощником – Трилиссера. Однако уже через год Могилевский стал начальником Закавказской ЧК{69}. Начальником ИНО стал Трилиссер. При этом Дзержинский, несомненно, учитывал, что Михаил Абрамович владеет двумя иностранными языками и обладает богатым опытом конспиратора–подпольщика.

Сотрудники центрального аппарата ОГПУ шефствовали над колхозами, создаваемыми в районе поселка Зубалово (где, к слову сказать, была дача Сталина). Руководство этой общественной работой было возложено на Артузова. Столь

хлопотным делом Артур Христианович, как истинный крестьянин в бог ведает каком поколении, занимался охотно. По свидетельству Гудзя, колхозы здесь создавались без всякого принуждения местных жителей, тем более что помогали столь сложному процессу с особой осторожностью те чекисты, что сами были выходцами из деревни{70}. Участвовал в этом деле и младший брат Артура Христиановича Рудольф, который очень любил заниматься именно сельским хозяйством и впоследствии, когда Артузов построил себе «дачку» (те самые Лиденоры), более всего похожую на обыкновенный сарай, на участке около десяти соток близ станции Одинцово, стал жить там постоянно. Рудольф устроился на работу в местную артель «Древтара», а все свободные часы и выходные дни возился на участке, разводил овощи и ягоды, а также, к удивлению и даже насмешкам соседей, цветы. Последнее занятие у русских крестьян считалось сущим баловством.

Неподалеку от ОГПУ на Кузнецком мосту располагался так называемый политический Красный Крест (в середине 30–х годов его, разумеется, разогнали). Заведовала им Екатерина Павловна Пешкова – первая жена великого русского писателя М. Горького. Задачей организации было оказание всяческой помощи политическим заключенным.

Артузову было поручено представлять ОГПУ перед этим учреждением. Поручение, прямо сказать, щекотливое, ибо у международной общественности и советской власти, тем более такого ее органа, как ОГПУ—НКВД, всегда существовали значительные, даже принципиально противоположные трактовки самих понятий «политическое преступление» и «политический преступник». Как бы то ни было, Артуру Христиановичу приходилось теперь регулярно и довольно часто встречаться с Екатериной Павловной и ее сотрудниками. Артузов никогда не отказывал Пешковой, всегда лично разбирался с каждой ее просьбой. Если убеждался, что осужденный не виноват, или совершил малозначительное нарушение закона, или достиг преклонного возраста, – старался добиться освобождения или предоставления хоть каких–нибудь льгот в виде разрешения дополнительных передач, свиданий, писем…

Еще одна обязанность – разбор должностных и иных проступков сотрудников ОГПУ с последующим предложением о наложении взыскания или, наоборот, оправдании.

Занятие это было Артузову не по душе, однако к каждому эпизоду такого рода он подходил без предубеждения, с учетом личности провинившегося, степени опасности проступка, то есть справедливо.

Однажды Артузову позвонил дежурный по приемной:

– Тут к вам просится какой–то доцент из Ленинграда. Говорит, по личному вопросу.

– Пропустите…

Ученый из Ленинграда? Интересно, что привело его сюда?

В кабинет вошел молодой, не старше тридцати лет, мужчина. По растерянному выражению лица, неловким движениям было видно, что он очень волнуется.

– Лев Герасимович Лойцянский, – представился вошедший.

В Москву доцента привело крайне неприятное дело. Несколько дней назад его вызвал в ленинградское отделение ОГПУ сотрудник по фамилии Петров. Он учинил Лойцян–скому форменный допрос (хотя и не предъявил никаких обвинений), а затем в категоричной форме предложил стать секретным осведомителем. Дал на размышление несколько дней, но не преминул намекнуть, что в случае отказа его ждут неприятности. Напоследок велел никому о вызове в ОГПУ не рассказывать.

Последнее указание Лойцянский нарушил: выложил все близкому другу, попросил совета. Друг (это была женщина–коллега), подумав, такой совет дала: она рассказала, что перед самой революцией их институт окончил один очень порядочный человек, любимый студент профессора Грум–Гржимайло. Теперь он в Москве, занимает большой пост в ОГПУ…

В тот же вечер доцент выехал в Москву и прямо с вокзала направился по известному адресу.

Через пятьдесят лет Лев Герасимович Лойцянский, уже профессор, так описал этот визит:

«Из–за письменного стола встал и пошел мне навстречу стройный, моложавый, как мне запомнилось, полуседой шатен, с зачесанными вверх волосами и с небольшой бородкой клинышком. Он радушно меня приветствовал, усадил, взял привезенное мною письмо и, деликатно извинившись, стал его читать. По выражению его лица, которое я внимательно изучал, можно было заключить, что письмо его очень обрадовало.

Я коротко рассказал Артузову о себе и деле, приведшем меня к нему. Услышав, что я работаю в Ленинградском политехническом институте, он заинтересовался, знаком ли я с академиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Я ответил, что являюсь доцентом по кафедре теоретической механики физико–математического факультета, основателем и бессменным деканом которого состоит А. Ф. Иоффе. Я рассказал, что многим обязан этому выдающемуся физику, привлекшему меня к работе на кафедре и к научной деятельности и оказавшему мне большое доверие, поручая неоднократно замещать его по руководству

факультетом во время его отъездов за границу.

Артузов, как оказалось, наш ленинградский политехник–металлург, оживился, узнав об этом, и я почувствовал, что своим ответом очень расположил его к себе. Сославшись на то, что его служебный кабинет – не место для дружеских воспоминаний, он пригласил меня вечером того же дня посетить его дома… Это приглашение меня глубоко тронуло. Я понимал, что у крупного государственного деятеля было не много свободных вечеров и что он, выделяя мне свой вечер, хочет провести его в задушевной беседе о своих ленинградских друзьях, об уважаемом им академике А. Ф. Иоффе, о котором у него сохранились самые теплые воспоминания.

То, что он посвятил этот вечер мне, совсем незнакомому, но, верно, понравившемуся ему с первого, профессионального и острого, взгляда человеку, польстило мне, и я с благодарностью принял приглашение, надеясь глубже узнать этого нового знакомого. Вероятно, у него было при этом и желание отвлечься хоть на один вечер от тяжелых обязанностей начальника контрразведки и окунуться в доброе прошлое.

Я был много наслышан об аскетизме жизни высшего яруса советских деятелей. В то время еще не было персональных дач со специальным штатом слуг, не было и других привилегий, развративших в дальнейшем номенклатурных работников. Посещение квартиры Артузова подтвердило существовавшее в то далекое время пренебрежение удобствами жизни у ленинского окружения. В комнате, в которой принял меня Артузов (она была, по–видимому, единственной в его квартире), стояли продавленный, крытый протертым дерматином диван, обеденный стол. На нем – большой медный чайник, из которого мы с хозяином пили чай, заедая его хлебом. В письменном столе необходимости не было, он имелся в служебном кабинете. Несколько венских стульев с жесткими сиденьями завершали «убранство» комнаты Артузова, и это, совершенно убежден, не было «напоказ». Так действительно жил большой ответственный деятель революции, не придававший никакого значения внешней стороне своего быта.

В моей памяти до сих пор хорошо сохранилась замечательная по своей искренности и задушевности беседа с Ар–тузовым. Он мало говорил о себе, больше вспоминал своих друзей, особенно академика А. Ф. Иоффе, которому он, по своему служебному положению, помогал в осуществлении заграничных командировок. Я узнал, что мой собеседник мечтал стать физиком, а Иоффе поощрял эту мечту, обещая свою поддержку. Но судьба сулила иное. Партия направила его на работу в органы

ГПУ, и ему ничего не оставалось, как всецело отдаться этой, по его мнению, необходимой деятельности. Он выбрал фронт борьбы с внешней контрреволюцией и категорически отказался от участия в той внутрипартийной склоке, которую ему навязывало высшее руководство. Артузов тяготился дурной славой «органов», которая день ото дня росла в широких кругах населения. Разгул произвола и беззакония в то время уже давал о себе знать и прикрывался необходимостью повышенной бдительности к надуманным «врагам» Советской власти, что глубоко претило натуре Артузова…

Тогда, во второй половине 20–х годов, я ничего не знал об успехах А. Х. Артузова, например, по ликвидации контрреволюционной эсеровской группы, руководимой Б. В. Савинковым…

О моем деле, послужившем причиной приезда в Москву, и обращения к нему Артузов вспомнил только при нашем прощании. Это было особой деликатностью с его стороны. Он не хотел, чтобы в образовавшихся дружеских отношениях между нами я фигурировал как проситель, а он выполнял роль благодетеля. Это противоречило его характеру. Артузов понял мое отвращение к предложению, сделанному следователем Петровым, и не стал докучать мне рассуждениями об отличии ГПУ от царской охранки и о необходимости для государства иметь такие органы. Он выразил свое недовольство тем, что отдельные агенты на местах, особенно на периферии, превышают данную им власть, вызывая к себе отрицательное отношение со стороны населения. В частности, вернувшись к моему делу, он признал, что привлечение к работе ГПУ осведомителей необходимо, но это допускается только по отношению к деклассированным элементам, бывшим белым офицерам и другим «малоценным» членам общества, но никак не к ученым, представителям литературы и искусства. В заключение он выразил надежду, что этот неприятный инцидент не повлияет на мое отношение к Советской власти. Письмо к следователю Петрову было уже заранее им написано, помнится, красным карандашом на листе бумаги и передано мне без конверта для личного вручения адресату. В этом письме содержался приказ следователю оставить меня в покое и в моем присутствии разорвать протокол допроса, так бездумно мною подписанный…

Как ни радостно мне было избавиться от нависшей надо мной беды, я ушел от Артузова с тяжелым сердцем. Из разговора с ним я понял, что ему часто приходится переживать одиночество в кругу своих соратников. Общение с ним научило меня сдерживаться от огульной отрицательной оценки работников

охранных органов. Несомненно, что в этих органах были и достойные уважения люди, но они представляли меньшинство среди извращенных безнаказанностью функционеров, потерявших человеческий облик и легко шедших на бесчестные сделки со своей совестью.

С глубокой грустью я прочел о трагической кончине Артузова, поразившей меня своей драматичностью. Я узнал лучшие стороны личности этого замечательного революционера и государственного деятеля: величие его духа, самообладание и принципиальность…

Вернувшись в Ленинград, я поспешил сообщить по телефону следователю, что у меня к нему письмо от Артузова. Прочитав его, следователь молча вынул из ящика стола протокол моего допроса, показал его мне и, разорвав на клочки, бросил в корзинку. Так же молча он подписал мне пропуск на выход, и больше я с ним не встречался».

…Тем временем в стране начинались большие перемены. И далеко не к лучшему. По мнению автора, которое он ни в коем случае не намерен навязывать читателю, решающий поворот к тяжелейшей для страны и народа ситуации, а для органов государственной безопасности – губительной, начался весной 1928 года. Тогда газеты опубликовали официальное сообщение прокурора Верховного суда СССР, в котором, в частности, говорилось: «Органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности… »

Назывался и конкретный район, где действовали контрреволюционеры, – Шахтинский в Донецком угольном бассейне.

Сообщение ошеломило страну. Надо напомнить читателю, что освоение Кузнецкого угольного бассейна тогда лишь намечалось (сам город Кемерово, центр Кузбасса, был основан только в 1925 году на месте двух сел), и Донбасс справедливо именовался «Всесоюзной кочегаркой».

Не успело завершиться даже предварительное следствие, а его результат был уже предрешен. 13 апреля 1928 года генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин в докладе на активе Московской парторганизации безапелляционно заявил: «Факты говорят, что „шахтинское дело“ есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью».

Это высказывание было равносильно партийной директиве, обязательной к исполнению.

Сегодня широко распространено мнение, что так называемое Шахтинское дело было целиком сфабриковано чекистами из сугубо карьеристских побуждений, приумноженных стремлением угодить вождю. И карьеризм, и подхалимаж действительно сыграли свою роль. Но все обстояло гораздо сложнее. К шахтинскому процессу вполне применим термин «амальгама». Очень интересная штука эта самая амальгама. Обычно так называют сплав ртути с другим металлом, например серебром. Он используется при изготовлении дорогих зеркал. А еще так называют смесь разных материалов, которые растирают тяжелым пестиком в ступке до тех пор, пока она не превратится в абсолютно однородную массу, в которой уже невозможно различить первоначальные компоненты. В данном случае неразличимо для неискушенного глаза были перемешаны правда и ложь, подлинные факты и заведомо фальсифицированное толкование оных.

Хозяйство Донбасса было основательно разрушено Гражданской войной. Многие шахты выведены из строя, штреки и лавы завалены, забои затоплены, шахтное оборудование изношено до предела. В таком же печальном состоянии находились подъездные пути, локомотивы и вагоны, электростанции, котельные. Восстанавливали угольную промышленность Донбасса, как тогда говорили, ударными темпами, что в переводе на нормальный русский язык означало – штопали на живую нитку.

Беда состояла не только в отвратительном состоянии шахт. За годы двух войн в бассейне почти не осталось квалифицированных шахтеров: многие погибли на фронтах, кто стал инвалидом, кто просто подался в иные места. Еще хуже обстояло с инженерно–техническими работниками.

Кадровых рабочих сменили вчерашние выходцы из окрестных деревень. Самым сложным механизмом, с которым им раньше приходилось иметь дело, был обыкновенный плуг. Они сохранили деревенские взгляды и привычки и в шахтерских поселках. Сложной техники они не понимали, не любили ее и даже опасались.

До революции к инженерам относились почтительно. Их было немного, к примеру, строительством довольно крупного моста мог руководить всего один специалист с высшим техническим образованием.

Инженеры, особенно с именем, хорошо зарабатывавшие, нередко входили в состав директоров акционерных обществ и составляли своего рода касту, нередко противопоставлявшую себя дворянству, духовенству, офицерскому корпусу. Большинство

инженеров политики чурались. Крупные, зарабатывавшие большие деньги, тяготели к кадетам, выходцы из небогатых семей – к меньшевикам.

У старых рабочих отношения с инженерами были отчужденно–уважительные, каждый из них делал свое дело, и только. Теперь положение изменилось. Новые рабочие относились к инженерам и старым мастерам как к классовым врагам, в лучшем случае – попутчикам. Их презрительно называли спецами (это словцо, кстати, придумали не сами рабочие, а партийные функционеры). Им завидовали – из–за больших заработков, хороших пайков, даже чистой одежды и особенно – сохранившихся кое у кого «инженерных фуражек» с пресловутыми молоточками. (В конце концов их запретили носить, как и нагрудные значки.) К тому же им, как всем крестьянам вообще, была свойственна подозрительность и врожденная, порой неосознанная неприязнь к «чужакам», непонятным для них людям, интеллигентным в особенности.

Когда на шахтах начались одна за другой поломки, аварии, а то и катастрофы с человеческими жертвами, в шахтерской среде сразу возникло твердое убеждение, что это не случайно, что виноваты во всем инженеры, спецы. Никакие аргументы – изношенность оборудования, скверное обслуживание машин и механизмов, низкая квалификация рабочих, пренебрежение ими техникой безопасности – ни на кого не действовали и действовать не могли. Из–за классовой ненависти к эксплуататорам и барам (а для многих шахтеров из деревенских инженеры, раз они не вкалывали в забоях, были бездельниками, барами).

Формированию общественного (точнее, единого) мнения способствовало и объективное обстоятельство: несколько случаев умышленного вредительства на шахтах и иных производствах Донбасса действительно имели место!

Полномочным представителем ОГПУ по Северо–Кавказскому краю уже несколько лет был один из самых известных чекистов страны – Ефим Евдокимов. К моменту перехода в 1934 году на партийную работу он был единственным на все ОГПУ кавалером четырех орденов Красного Знамени.

Начальником экономического отдела у него был Константин Зонов. Надо сказать, что сотрудники ЭКО и в центре, и на местах считали себя обделенными славой и, соответственно, наградами. На фоне лихих парней из КРО, таинственных небожителей из ИНО они ощущали себя жалкими счетоводами кустарных артелей или домкомов. Зонов быстро сообразил, что на общем фоне бесчисленных аварий, низкой производительности труда, несчастных случаев, а также единичных фактов подлинных актов

вредительства и саботажа можно слепить громкое, на весь Союз, дело. По принципу амальгамы…

Ефим Евдокимов обладал характером анархистского склада, еще подростком участвовал в баррикадных боях в Сибири, когда разразилась первая русская революция. Был весьма честолюбив и не слишком щепетилен. Образованием Евдокимов обременен не был, но обладал природным умом и сметкой. Евдокимов мгновенно уловил смысл подсунутой ему Зоновым идеи, но опасался, что вытянуть из нее громкое дело не удастся. Приехав в Москву, он доложил свой довольно расплывчатый план Менжинскому. Прочитав список «вредителей» на несколько десятков фамилий, председатель ОГПУ ужаснулся. Во–первых, он не нашел убедительных доказательств их преступной деятельности, во–вторых, понял то, что для Евдокимова не имело особого значения: арест и осуждение (а предъявляемая следствием статья была рас–стрельной) такого числа опытных инженеров и других специалистов могут привести к самым печальным последствиям для всей угольной промышленности Донбасса. В таком случае предъявить обвинение во вредительстве можно будет уже самому Евдокимову. (Так оно и произошло несколько лет спустя: Большой террор нанес непоправимый вред всему народному хозяйству, науке, культуре, здравоохранению, обороноспособности страны. Не говоря уже о том, что жестоко дискредитировал саму идею коммунизма.)

Евдокимов приуныл. Выручил его человек, которого Ефим Георгиевич, мягко говоря, недолюбливал, – Ягода. Заместитель председателя уловил то, чего не учел Менжинский.

Ускоренная индустриализация страны на обломках нэпа продвигалась туго. Так называемые правые – прежде всего редактор «Правды», член Политбюро ЦК ВКП(б) Николай Бухарин, председатель Совнаркома СССР Алексей Рыков и председатель ВЦСПС Михаил Томский – предвидели весьма серьезные трудности на этом пути.

Генсеку надо было оправдаться в глазах масс, он уже был первым лицом в стране, вождем, но еще не успел стать единоличным властелином, полубогом, который мог не считаться ни с кем и ни с чем. «Вредительство» спецов стало бы для него спасительной уловкой. Тем более что отсталые слои населения России охотно приняли бы такое объяснение.

Чтобы все «лавры» не достались Евдокимову и Зонову, Ягода послал в Донбасс двух надежных людей: Абрама Слуцкого, начальника одного из отделений экономического управления, и своего старого приятеля Матвея Бермана (старшего из двух братьев–чекистов). Матвей тогда не был даже сотрудником

центрального аппарата ОГПУ, работал во Владивостоке. В горном деле не разбирался, ибо до революции изучал коммерческое дело, однако хорошо понимал главное – чего от него хочет Ягода.

В Москву оба эмиссара вернулись с ворохом доказательств вредительства на шахтах. Заранее они, естественно, убедили сомневавшегося Евдокимова.

Для Менжинского это стало настоящим потрясением. Тяжело больной (бронхиальная астма, грудная жаба, к тому же поврежденный позвоночник), Менжинский уже не в состоянии был противостоять указаниям Сталина и бурной деятельности своего заместителя. Обладая множеством замечательных качеств, Вячеслав Рудольфович, к сожалению, не был наделен от природы сильной волей и твердым характером. А без этих двух достоинств личная порядочность не долго продержится перед мощным натиском давления извне.

В центральном аппарате ОГПУ самым близким по духу к Менжинскому человеком был Артузов. К тому же он был высококвалифицированным инженером – единственным на всю Лубянку! Он тоже не мог представить, чтобы в Донбассе существовала многочисленная подпольная контрреволюционная организация. На таковую непременно вышли бы сотрудники КРО. С другой стороны, он понимал, что совершить акт вредительства на шахте специалисту ничего не стоило. Кроме того, тогда у него не было оснований подозревать Евдокимова в фабрикации дела. Они были давно знакомы, оба принимали активное участие в ликвидации Национального центра – Евдокимов в ту пору возглавлял Особый отдел в Московской ЧК.

Будучи человеком глубоко порядочным, искренне гордящимся своей службой в ВЧК—ОГПУ, Артузов просто не представлял, чтобы кадровые, заслуженные чекисты, с боевым прошлым, могли беззастенчиво фабриковать дутые дела, подводить под расстрельные статьи невинных людей. Таковое просто не укладывалось в его сознании. Эта поразительная наивность дорого ему обойдется…

Процесс над «шахтинцами» начался 16 мая 1928 года. Председательствовал в Специальном присутствии Верховного суда СССР Андрей Вышинский. Государственное обвинение поддерживали Николай Крыленко и Григорий Рогин–ский (прошу читателей запомнить эту фамилию). На скамьях подсудимых сидели более пятидесяти человек. Примечательно, что двадцать три из них категорически отказались признать себя виновными.

Сколь–либо серьезных улик преступной деятельности подсудимых представлено не было. Просто суд все зафиксированные за последнее время факты аварий, несчастных

случаев, нарушений техники безопасности, неправильных начислений заработной платы, нарушений трудового законодательства признал результатом их преступной вредительской деятельности.

Приговор огласили 6 июня. Лишь четверо подсудимых были признаны невиновными. То был умный ход Вышинского, он как бы демонстрировал объективность суда: дескать, невиновных мы не наказываем! Скорее всего, эти четверо заранее были отобраны на роль оправданных. Чистейшая судебная демагогия. Зато одиннадцать обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам заключения.

Сравнительно мягкий по сравнению с последующими политическими процессами приговор объяснялся вовсе не гуманностью генсека: просто тогда он считал преждевременным закручивать гайки до отказа. Пока он выполнял еще программу–минимум: показал свою силу, опрокинул аргументацию «правых», преподал урок технической интеллигенции и чекистам: дескать, вот как надо работать!

Кстати, Сталин своей «гуманностью» решил еще одну важную проблему, которая ранее смутила Менжинского: он сохранил тех «шахтинцев», что не были расстреляны, для работы на тех же шахтах, но уже в качестве заключенных! С полной гарантией, что они будут послушнее овец…

Недаром говорится, что дурной пример заразителен. Вскоре в ряде городов страны прошли открытые показательные процессы «местного значения» с непременным присутствием передовых представителей рабочего класса. С тех пор само слово «вредитель» прочно вошло в народный лексикон.

Все участники Шахтинского дела были награждены: Ягода из второго заместителя председателя ОГПУ стал первым (после смерти Дзержинского эта должность, которую ранее занимал Менжинский, оставалась вакантной), с освобождением от должностей начальника СОУ и ОО. Начальником ОО по совместительству назначили Ольского. Вроде бы номинальное назначение Ягоды фактически означало, что он официально становится преемником Менжинского.

Ефима Евдокимова перевели в Москву и назначили начальником СОУ, однако заместителем председателя ОГПУ (на что он рассчитывал) не сделали. Матвея Бермана перевели с повышением поближе к Москве – заместителем полпреда ОГПУ по Ивановской промышленной области. Всего лишь через год он станет заместителем начальника, а затем и начальником управления лагерей, того самого ГУЛАГа. Не забыли и Слуцкого: его назначили помощником начальника ЭКУ, а через несколько

месяцев – помощником начальника ИНО ОГПУ.

На Артузова произвело тягостное впечатление высказывание, сделанное его учителем, профессором Грум–Гржи–майло в октябре 1928 года незадолго до смерти в письме одному из давних друзей, эмигранту: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел цель свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте… Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

Письмо было опубликовано после смерти профессора в эмигрантских газетах, которые регулярно получали и в ОГПУ, и в ЦК ВКП(б). По счастью, Артузов не узнал о реакции на эту публикацию секретаря ЦК Вячеслава Молото–ва, который на одном из партактивов сказал: «Был такой профессор–металлург, Грум–Гржимайло. Ему повезло, что вовремя умер…»

…Еще одно символическое, сегодня сказали бы – «знаковое», событие произошло в 1929 году: секретный арест легендарного Блюмкина. Впрочем, секретным он был лишь для населения страны. Все сотрудники ОГПУ о нем были оповещены, однако со строгим указанием дело не обсуждать и никому вне стен учреждения об оном не сообщать.

…Странные метаморфозы происходили в конце XIX – начале XX века с российскими евреями. Юноши и девушки из богобоязненных, смиренных, забитых семей сапожников, портных, лудильщиков и, что уж совсем удивительно, – зажиточных сахарозаводчиков вдруг словно с ума посходили. Они порывали с семьей, уходили из отчего дома, переставали ходить в шуле, которые в России почему–то называли греческим словом «синагога» – «собрание» (что не очень верно, ибо это место не только собрание верующих, но именно «шуле» – по–немецки и на идиш «школа»).

Эти мальчики и девочки – кто бы мог подумать! – кидались в самые невероятные и опасные приключения. Одни становились пламенными революционерами, вроде Льва Бронштейна–Троцкого, другие – налетчиками, как Михаил Виницкий, более известный под кличкой Мишка Япончик (его прославил на весь мир под именем Беня Крик тоже одесский еврей Исаак Бабель), третьи – фанатичками–террористками, вроде полусумасшедшей Фанни Каплан, той самой, что стреляла в Ленина, четвертые – героями Гражданской войны, как комбриг Митька Шмидт, который пригрозил самому Сталину, что когда–нибудь срежет ему шашкой усы. Ничего удивительного, что генсек «обиделся» и вскоре велел Шмидта расстрелять.

И вот один еврейский юноша из Одессы в неполные двадцать

лет добрался до самой Москвы и стал ответственным сотрудником ВЧК. Будучи левым эсером, он, подделав мандат с подлинными, однако, печатями и подписями, проник в здание германского посольства в Денежном переулке, 5, и вместе со своим соучастником, оперативным фотографом ВЧК Николаем Андреевым, убил посла графа Вильгельма фон Мирбаха. Этот теракт стал сигналом к мятежу левых эсеров 6 июля. Звали этого молодого человека Яков Блюмкин. Тем самым он вошел в историю.

Блюмкин и Андреев убили Мирбаха не из хулиганских побуждений, а по приговору ЦК своей партии левых эсеров с целью сугубо политической – доказать, что заключение «похабного» Брестского мира с Германией не вызывалось реальной необходимостью, а было ошибкой Ленина, а также, по возможности, этот «злосчастный» мир сорвать. Поднятый левыми эсерами мятеж был подавлен в считаные часы.

Блюмкину, несмотря на полученные при взрыве брошенной им гранаты ранения ноги, удалось скрыться. Он пробрался на Украину, где принял активное участие в партизанской войне. После освобождения Харькова Красной армией он явился в ЧК и с негодованием выразил свой протест: дескать, Ленин не имел никакого права обзывать его всякими нехорошими словами. После чего объяснил мотивы, которые подвигли его на совершение теракта.

Постановлением ЦИК Блюмкин был амнистирован. Дальнейшее могло произойти либо только в сказке, либо в нашей стране. Блюмкина приняли в ВКП(б), дали ему возможность пройти обучение в Военной академии РККА и зачислили в Иностранный отдел ОГПУ! Его фамилия даже попала в первое издание Большой советской энциклопедии – том на букву «Б» успел выйти в свет при жизни террориста.

Не слишком образованный, Блюмкин, однако, обладал природным умом и разнообразными способностями, которые порой значительно осложняли ему жизнь.

В начале 20–х годов Блюмкин был заметной фигурой в мире московской литературно–артистической богемы. Одно время он даже входил в какое–то поэтическое объединение, поскольку и сам писал стихи. Что удивительно – он дружил с Сергеем Есениным. Тот был убежденным антисемитом, а вот Яню Блюмкина почему–то обожал. Блюмкин не раз участвовал в загулах знаменитого поэта. Когда однажды Есенина арестовала ЧК, Блюмкин под личное поручительство в считаные часы добился его освобождения. Дружил он и с другими знаменитостями: имажинистами Александром Кусиковым,

Анатолием Мариенгофом и Вадимом Шершеневичем, журналистом Михаилом Кольцовым, писателем Валентином Катаевым, художником Робертом Фальком. В «Кафе поэтов» на Тверской его часто видели в компании Владимира Маяковского и Сергея Городецкого. Странные, противоречивые отношения были у него с Осипом Мандельштамом. Широко известен скандал Блюмкина с гениальным поэтом, но мало кто знает, что они не раз, и вполне мирно, встречались и в дальнейшем. Блюмкин знавал и Николая Гумилева, которого боготворил. Бывал он в домах Алексея Николаевича Толстого и Алексея Максимовича Горького.

К достоинствам Блюмкина следует отнести его храбрость. Примечательно, что за свою короткую жизнь он был шесть раз ранен (в том числе четырежды – холодным оружием) и четыре раза награжден.

В мае 1920 года корабли Волжско–Каспийской флотилии под командованием Федора Раскольникова{71} совершили легендарный переход из района Баку к иранскому порту Энзели. Здешнюю бухту помимо персидских войск охраняла английская дивизия, усиленная бронеавтомобилями и самолетами.

После того как корабельные пушки подавили батареи противника, на берег был высажен десант под командованием Вани Кожанова{72}. В результате дерзкой операции советской России были возвращены угнанные белогвардейцами под покровительством англичан 23 корабля, плавбаза с четырьмя торпедными катерами, авиатранспорт с четырьмя гидросамолетами, 50 орудий, 20 тысяч снарядов, 20 радиостанций и много другого военного имущества. К тому же Каспийское море отныне стало свободным и безопасным для судоходства. Среди участников операции был и Яков Блюмкин.

Затем Блюмкин объявляется в Монголии. Здесь, правда, дела у него не сложились. Его отзывают в Москву.

Еще один неожиданный поворот судьбы – Блюмкин оказывается в особо секретной экспедиции, якобы научной, в Центральной Азии. Сталкивается там, и вовсе не случайно, с настоящей научной экспедицией знаменитого Николая Рериха.

В последнее время появилось несколько книг и множество журнально–газетных публикаций, в которых довольно убедительно утверждается, что целью путешествия Блюмки–на были поиски загадочной страны Шамбалы. (К слову, подобные экспедиции в Тибет направляли позднее и эсэсовские спецслужбы Генриха Гиммлера.)

Конечно, тибетские тайны, поиски Шамбалы, магические способности лам – вещи невероятно интересные. Для литераторов

и журналистов. Но для любой разведки Центральная Азия – это прежде всего стратегически важный регион. Знаменитый русский путешественник генерал–майор Николай Пржевальский свои четыре экспедиции в Центральную Азию совершил не только из любви к дальним странствиям. И Потапов был крупным востоковедом, но – при погонах генерал–лейтенанта Генерального штаба.

В ИНО Блюмкин пользовался репутацией одного из самых результативных и удачливых сотрудников. Несколько лет он работал нелегальным резидентом внешней разведки в Сирии, Палестине, Египте. Сменил не одно имя, в последние годы разъезжал по фальшивому персидскому паспорту под фамилией Якуб Султан–заде.

В 1929 году, возвращаясь с очередным отчетом в Москву, Блюмкин имел глупость «завернуть» в Стамбул, на улицу Исмет–паши, где навестил высланного из СССР Троцкого. Двигали наивным до изумления Блюмкиным, как следует из его допросов, не политические мотивы (в существе партийных, тем более теоретических, разногласий он просто не разбирался), а природная любознательность. После Гражданской войны Блюмкин некоторое время служил при нар–комвоенморе и председателе Реввоенсовета «для особых поручений» и потому относился к Троцкому с глубочайшим почтением. О том, что любой человек, приближавшийся теперь к Льву Давидовичу хоть на версту, рассматривался Сталиным как личный враг, Блюмкин и не подозревал. (Кстати, именно Блюмкин устроил известную личную встречу Троцкого с Есениным, в которой выяснилось, что Троцкий хорошо знает стихи поэта.)

Как бы то ни было, Яков по дурости взялся исполнить личную просьбу изгнанника – доставить в Москву письма к его еще нерепрессированным родственникам. О визите Блюмкина к Троцкому в Москве стало известно едва не в тот же самый день. Лев Давидович был плотно обложен агентами Лубянки.

После нескольких дней разработки Блюмкина арестовали. Допросы вел заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ Яков Агранов. Блюмкин хорошо знал его не только по службе, но и по частым сборищам у Маяковского и Бриков («Дорогому Блюмочке» – так подписывал ему поэт книжки своих стихов). Агранов был следователем опытным, коварным и подлым. Свою карьеру он начал с того, что, расследуя «дело Таганцева», подвел под расстрел среди многих других одного из крупнейших российских поэтов Николая Гумилева, которого так любил Блюмкин.

Дело было представлено таким образом, что Блюмкин якобы

являлся курьером между Троцким и руководителями троцкистской оппозиции в СССР. Поначалу ничто не предвещало жестокой расправы, тем более что и Трилиссер, и Менжинский были против применения крайних мер по отношению к сумасбродному, но ценному сотруднику. Но Ягода 3 ноября на коллегии ОГПУ огласил личное распоряжение Сталина, не подлежащее пересмотру.

Блюмкина расстреляли. Существует миф, что перед казнью, прежде чем грянул залп, Блюмкин крикнул отделению красноармейцев: «По революции пли!» Это именно красивый миф, не более. Казни как определенного законом ритуала ни в ОГПУ, ни впоследствии в НКВД—МГБ не существовало. Не выстраивали отделения бойцов, не завязывали обреченному глаза. В приговоре указывалось: «ВМН». Человека со связанными руками заводили в специальное помещение, и палач, стыдливо именуемый исполнителем, стрелял ему в затылок из нагана. Только и всего…

То был первый случай, когда члена ВКП(б) расстреляли не за уголовное преступление или за доказанный шпионаж, а за принадлежность (причем недоказанную) к оппозиции. Иначе говоря – за инакомыслие. Хотя, по сути дела, никаким оппозиционером Блюмкин конечно же не был.

Ответственные сотрудники центрального аппарата ОГПУ, в том числе и Артузов, были в шоке. Споров в коридорах, разумеется, не было. Все понимали, что смертный приговор, явно неадекватный допущенному служебному проступку, есть не что иное, как жесткое предостережение. Оно означало, что отныне малейшее отклонение от так называемой генеральной линии партии может быть приравнено к государственной измене…

Но вот что удивительно: примерно в то же время «отклонение от линии» допустил… заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода. И ему это сошло с рук. Тогда.

Но – по порядку.

Партийная организация ОГПУ по тогдашнему территориальному делению Москвы входила в партийную организацию Сокольнического района. Ягода, Трилиссер, еще несколько сотрудников ОГПУ являлись членами райкома ВКП(б), первым секретарем которого был Борис Гибер, по своим воззрениям примыкавший к правым. Коммунисты ОГПУ, во всяком случае те, кто входил в состав парткома или партбюро отделов, знали, что по некоторым вопросам Ягода сочувствовал правым уклонистам и был в весьма дружеских отношениях с Гибером. Особого внимания на это на Лубянке никто не обращал, хватало собственных забот, к тому же иногда правые высказывали достаточно разумные предложения. Да и большого греха в том не

видели – ведь Бухарин, Рыков, Томский из партии исключены не были, продолжали занимать высокие посты.

И вдруг, достаточно неожиданно для всех, в отсутствие Ягоды (тот был на отдыхе в Крыму) Трилиссер, известный своей ортодоксальностью в партийных вопросах, на собрании партактива ОГПУ резко обрушился на Ягоду, обвинив его в отступлении от генеральной линии, в правом уклоне и тому подобных грехах. Ягода часто бывал у Гибера дома, и Трилиссер заявил, что под предлогом семейных праздников на квартире секретаря райкома происходят сборища правых. Затем Трилиссера вообще «понесло»: он потребовал, чтобы на партийных собраниях шире развертывались большевистские критика и самокритика, чтобы подвергались оным не только поведение сотрудников в коллективе и моральный облик, но и служебные ошибки, упущения. И это в учреждении, где сотрудник не имел права поинтересоваться, чем занимается его товарищ за соседним столом!

Большинство участников собрания недоуменно молчали, должно быть, размышляя: что стояло за выступлением Трилиссера, так яростно накинувшегося на всесильного Ягоду?

Им и в голову не могло прийти, что Михаил Абрамович поступил так, следуя собственным принципиальным соображениям, без подсказки сверху.

К удивлению многих, Артузов выступление Трилиссера осудил. Он не стал выяснять, был ли Ягода правым уклонистом или нет, сказал другое: Ягода утвержден в своей должности решением Центрального Комитета партии и, следовательно, является его представителем в ОГПУ. Потому вопрос о том, уклоняется ли он от генеральной линии, должен решать ЦК. Это не чекистское дело. Что же касается критики и самокритики в отношении служебных дел, то это предложение «ни в какие ворота не лезет». Работа в ОГПУ носит совершенно секретный характер. Тут критика и самокритика возможны только по вертикали «начальник – подчиненный». Внезапную и бурную активность Михаила Абрамовича Артузов ядовито назвал «трилиссеровой лихорадкой».

По сути дела, Артузов защищал не персонально Ягоду, а нормальную рабочую обстановку в ОГПУ от внутрипартийных дрязг и свар.

Между тем нашелся доброхот, который помчался в Крым и рассказал Ягоде о том, что произошло. Ягода отнесся к происшедшему серьезно, понимая, что в ЦК уже в курсе дела, а как отнесется к этому Сталин, можно только гадать. Он прервал отпуск и выехал в Москву. Прямо с Киевского вокзала отправился

к секретарю ЦК партии Лазарю Кагановичу. Они познакомились в Петрограде в конце 1917 года. Кагановича, как и Ягоду, также бывшего солдата, перевел из Гомеля в Петроград на рядовую партийную работу Яков Свердлов, ведавший всеми большевистскими кадрами. Свердлова уже давно не было в живых, но из чувства благодарности к нему Каганович, выдвинувшийся в число самых влиятельных «вождей» (тогда это слово применялось не только к Сталину, но ко всем руководителям страны), частенько поддерживал Ягоду в ЦК. И на этот раз Каганович доложил о происшедшем Сталину, постаравшись, как мог, выгородить Ягоду.

Сталину вся история очень не понравилась. Во–первых, определять, кто в партии правый уклонист, а кто левый, было его прерогативой и в подсказке Трилиссера он не нуждался. Во–вторых, он считал недопустимым, чтобы в таком серьезном учреждении, как ОГПУ, разводились склоки и дрязги. В этом он был прав. Некая «правизна» Ягоды к тому же его даже устраивала. Генсек всегда придерживал некоторый компромат на всех сколь–либо ответственных работников. К примеру, он прекрасно знал, что Андрей Вышинский, будущий генеральный прокурор, министр иностранных дел и заместитель председателя Совета министров СССР, летом 1917 года подписал ордер на арест… В. И. Ульянова (Ленина). Вышинскому, в свою очередь, было известно, что Сталин это знает, а потому вел он себя соответственно…

Генеральный секретарь счел, что сосуществование Ягоды и Трилиссера в ОГПУ нецелесообразно. А поскольку Ягода был ему на данном этапе нужнее, он Трилиссера с Лубянки убрал, назначив его заместителем наркома Рабоче–Крестьянской инспекции РСФСР. Позднее он работал в Коминтерне под фамилией Москвин. Арестовали Трилиссера в 1938–м, но расстреляли только в 1940 году.

Новым начальником ИНО в ранге заместителя председателя ОГПУ был назначен Станислав Адамович Мессинг, уже восемь лет работавший полномочным представителем ОГПУ в Ленинграде. Крепкого телосложения, крупноголовый лысеющий латыш считался одним из самых авторитетных и дельных руководителей. Как и Трилиссер, он был революционером со стажем.

Заместителем начальника Иностранного отдела с 1 января 1930 года Менжинский по согласованию с ЦК назначил Артузова. Председатель здраво рассудил, что хватит одному из сильнейших сотрудников центрального аппарата ОГПУ заниматься второстепенными, в сущности, делами. Так началась работа

Артузова в разведке, которой суждено было продлиться ровно семь лет. Семь – цифра, справедливо считающаяся у многих народов с древних времен и до наших дней магической…

Тогда же Терентий Дерибас, всегда стремившийся к самостоятельной работе, был направлен полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю. Его место первого помощника начальника СОУ занял Ян Ольский, остававшийся по совместительству начальником ОО и КРО. Впрочем, меньше чем через год ОО, КРО и Восточный отдел были слиты в Особый отдел. Начальником нового ОО был назначен Ольский, заместителем – Пузицкий, помощником – Стырне.

…Вслед за Шахтинским последовало еще одно громкое дело, аналогичное по методике и социальному составу подсудимых. Известные в своем кругу специалисты были представлены законченными врагами и вредителями. Действительно, многие специалисты старшего возраста брюзжали, порой даже злорадствовали по поводу некомпетентности властей, допускавших не только серьезные просчеты, но и явные глупости.

Дальше кухонных пересудов эти спецы, разумеется, не шли, играть в оппозицию существующему строю не собирались и не смели мыслить о каком–либо вредительстве, тем более заговоре. При всей своей политической наивности они были достаточно реалистичны. Некоторых, впрочем, вполне удовлетворяло их положение – относительное благополучие, элитность, порой даже почести, привилегии, ордена. Реальные контрреволюционеры из этой среды давным–давно были обезврежены действиями ВЧК—ОГПУ, или эмигрировали, или смирились.

Тем не менее Сталин боялся этих людей, и вовсе не из–за своей параноидальной подозрительности (диагноз достаточно сомнительный). Он опасался весьма вероятного их воздействия на поколение новой, уже советской, интеллигенции, особенно технической, а также на ту часть партийного и советского аппарата, которая, в отличие от «райкомщиков», была занята в сфере реального производства, науке, образовании, здравоохранении. Он чувствовал, что именно на эти круги опираются его противники в самой ВКП(б), в первую очередь правые.

Процесс над так называемой Промпартией, которой на самом деле никогда не существовало, был ему столь же необходим, как судилище над «шахтинцами».

Промпартию представили как настоящую политическую партию, со своей идеологией, программой, целями. Потому на скамье подсудимых оказались не десятки, как по Шах–тинскому делу, а лишь восемь человек, своеобразный центральный комитет.

Остальные (сотни, а если потребуется, то и тысячи) будут «добраны», то есть арестованы позднее, в зависимости от обстоятельств.

На сей раз Сталин предопределил не только приговор суда, но и задачи следствия. В секретном письме к Менжинскому он четко указал, что именно следовало предъявить арестованным, какие именно показания и кто должен дать и т. д. Это означало, что следователи должны были не столько допрашивать фигурантов, сколько получать от них подтверждение заранее сформулированных показаний.

Уже физически ослабленный и морально надломленный Менжинский беспрекословно принял указания генсека к исполнению.

Примерно тогда же ОГПУ раскрыло якобы контрреволюционную Трудовую крестьянскую партию. Был арестован ее «руководитель» – известный экономист Николай Дмитриевич Кондратьев. Отведенную ему роль председателя обусловила его «колоритная» биография: когда–то он был эсером (как почти все аграрии) и даже товарищем министра продовольствия во Временном правительстве. В настоящее время являлся профессором Московской сельскохозяйственной академии, директором Конъюнктурного института при Нар–комфине, несколько ранее начальником управления экономики и планирования Наркомзема. Под его руководством был разработан первый перспективный план развития сельского и лесного хозяйства страны на 1924—1928 годы. Арестовали и крупнейшего специалиста в области крестьянской экономики, в частности сельской кооперации, также профессора сельскохозяйственной академии Александра Васильевича Чаянова{73}. В тюрьму обоих профессоров привела именно их репутация. В эпоху «великого перелома» – сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса – хорошие специалисты в области кооперирования сельского хозяйства были для Сталина лишь помехой.

Генсек дал указание ОГПУ связать Трудовую крестьянскую партию с контрреволюционным Союзом инженерных организаций (Промпартией). Такого союза никогда на самом деле не существовало, правда, разговоры о желательности создания подобной организации велись, но не как политической партии, а вроде профсоюза. Только и всего. Ничего антисоветского в этом, разумеется, не было.

В программу Промпартии Сталин велел включить новый по сравнению с «шахтинцами» пункт. Если те ожидали интервенции и возвращения старых хозяев, а пока занимались потихоньку

вредительством, то деятели Промпартии уже активно сотрудничали со спецслужбами капиталистических стран и интервенцию готовили активно. На это они якобы получали деньги, как от иностранных правительств, так и от эмигрантского Торгпрома.

Торгово–промышленный и финансовый союз (Торгпром) был образован в Париже в 1920 году по инициативе крупнейшего российского предпринимателя Н. Х. Денисова. Вошли в него такие «денежные мешки» (в России их называли не миллионерами, а миллионщиками, что звучит гораздо выразительнее), как А. О. Гукасов, С. Г. Лианозов, Л. А. Манташев, Г. А. Нобель. Цель Торгпрома – содействие реставрации капитализма в России. Именно капитализма, поскольку никто из названных лиц монархистом не был. Деньги у Торгпрома на первых порах были, и солидные, в основном – старые вклады в надежных европейских банках.

Заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу Промпартии открылось в Москве 7 декабря 1930 года под председательством Андрея Вышинского. Одним из государственных обвинителей был все тот же Николай Крыленко. Сегодня мало кому известно, что знаменитый некогда прапорщик Крыленко, ставший первым советским главковерхом, должен в равной степени с Вышинским считаться автором пресловутой теории «признание – царица улик». Сомнительный приоритет Вышинского зиждется на том, что в своей карьере он достиг чрезвычайных высот. Николай Крыленко, в ту пору нарком юстиции СССР, был расстрелян в 1938 году, после признания всех предъявленных ему обвинений. Вот так довелось ему «оценить» в полной степени практическое применение собственной теории.

Самой крупной фигурой на скамье подсудимых был директор Теплотехнического института профессор Леонид Рамзин, в свое время – член ленинской комиссии ГОЭЛРО, член Госплана СССР и Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Создатель нацистской системы тотальной пропаганды доктор Геббельс утвердил в качестве принципа своей деятельности тонкое наблюдение: чем чудовищнее ложь, тем быстрее, легче, а главное – охотнее в нее поверят массы. Сталин это понял раньше Геббельса. В таком вопросе мелочиться нельзя. Нужно ошеломить народ громкими именами, первыми лицами в сфере своей деятельности. Тогда массы ужаснутся и – поверят…

Отчасти именно поэтому в числе «врагов народа» оказались всенародно известные Маршал Советского Союза Василий Блюхер, первым получивший все тогдашние наши ордена: Ленина, Красного Знамени (целых четыре!) и Красной Звезды,

академик Николай Вавилов, авиаконструктор Андрей Туполев, режиссер Всеволод Мейерхольд, журналист Михаил Кольцов, популярнейшие футболисты московского «Спартака» братья Старостины.

В среде технической интеллигенции такой фигурой был талантливейший Леонид Рамзин. Но о нем – несколько позже. А сейчас об Артузове.

Как уже известно читателю, в те времена в системе ОГПУ не существовало самостоятельного следственного отдела. Каждое дело вели сами оперативные работники либо, в зависимости от его важности, руководители подразделений и отделов. Включение в следственную бригаду по серьезному делу (особенно если ожидался публичный процесс) рассматривалось сотрудниками как своего рода поощрение и знак особого доверия со стороны начальства. Если фигурантов по делу набиралось много, к следствию привлекали сотрудников разных отделов.

Дела «шахтинцев» и Промпартии курировал сам Ягода, он же своими приказами назначал следователей, в основном сотрудников Экономического управления, почуявших приближение своего звездного часа. Тем самым эти сотрудники вместе с Ягодой разделяли ответственность и за ведение предварительного следствия, и хода процесса.

Возможно, именно для привязывания к себе достаточно своенравного Артузова, всегда имевшего собственное мнение по любому вопросу, Ягода приказал Артуру Христиановичу подключиться к следствию. При этом он проявлял видимость объективности: как–никак Артузов был квалифицированным инженером.

Подчиняясь приказу, Артузов в течение нескольких дней знакомился с оперативными материалами, принимал участие в допросах. За годы работы в Особом и Контрразведывательном отделах Артузов участвовал во множестве следственных действий, проводил и допросы, и очные ставки, предъявлял документальные и вещественные улики, сверял показания фигурантов. Он прекрасно улавливал фальшь в ответах подследственного, отличал оговор от правдивого признания, умел находить и отягчающие, и смягчающие обстоятельства, не боялся прекращать дело, если убеждался в невиновности арестованного.

Но в данном случае – с Промпартией – у Артузова возникли достаточно обоснованные сомнения. Некоторые появились именно как у инженера, другие – как у второго по рангу руководителя советской внешней разведки.

По чистосердечным показаниям обвиняемых, в частности

главного из них – Рамзина, основную долю финансовой поддержки они получали от Торгпрома, персонально – от его видного деятеля Сергея Николаевича Третьякова, которого в случае успеха государственного переворота прочили в министры торговли и промышленности нового правительства России.

Заместитель председателя Торгпрома Третьяков был фигурой во многих отношениях примечательной. До революции – один из богатейших фабрикантов–текстильщиков. Его льняные ткани пользовались доброй репутацией и в России, и за границей. Ему принадлежали Большая Костромская льняная мануфактура и крупные земельные участки с домами, другими постройками. Его дед, бывший московский городской голова Сергей Михайлович Третьяков, вместе с братом Павлом основали и безвозмездно передали в дар столице знаменитую художественную галерею, поныне носящую их имя.

Сергей Николаевич был женат на красавице Наталье Саввишне Мамонтовой, дочери не менее знаменитого московского предпринимателя и мецената. Он и сам был красивым, хорошо образованным человеком, владел несколькими иностранными языками.

Во время мировой войны, а также при Временном правительстве Третьяков занимал важные посты председателя Высшего экономического совета и Главного экономического комитета.

После Октября он перевез семью в Париж, а сам вернулся в Россию и был, правда, всего десять месяцев заместителем председателя Совета министров и министром торговли и промышленности в последнем правительстве Колчака.

После разгрома белых армий в Сибири Третьякову удалось бежать и окольными путями вернуться в Париж. Здесь он стал заместителем председателя Торгпрома, а со временем его фактическим руководителем.

Но самое удивительное заключается в том, что к началу фабрикации дела Промпартии, а затем и суда над нею этот убежденный враг советской власти уже являлся… агентом разведки ОГПУ, в которой проходил под псевдонимом Иванов.

К концу 1928 года дела Третьякова стали совсем плохи. Собственных средств у него уже не было, приходилось перебиваться случайными заработками. В эмигрантском движении, особенно после провалов Савинкова и Рейли, он разочаровался. К этому добавились и нелады в семье – Третьяков теперь жил отдельно от жены и детей. Отчаявшись, он даже решился на самоубийство, но в последний момент его успели вынуть из петли.

Парижская резидентура ИНО уже давно получила распоряжение Менжинского проникнуть в Торгпром. Перебрав несколько кандидатур из числа деятелей этой организации, резидент ИНО Владимир Борисович Янович{74} остановил свой выбор на Третьякове. И не прогадал. Третьяков охотно пошел на сотрудничество, к тому же ему положили вполне приличное по тем временам жалованье, что, кстати, помогло восстановить семью.

Агентом Третьяков–Иванов оказался весьма ценным: компетентным, умным и честным. Резидентура в этом неоднократно убеждалась, когда могла перепроверить его информацию через другие источники. В частности, от Третьякова внешняя разведка достоверно знала, что Торгпром давно разорен, не имеет денег даже на выплату жалованья сотрудникам; этим, в частности, объяснялось и бедственное материальное положение Третьякова. Следовательно, никаких денег от Торгпрома Промпартия никак получать не могла.

Вкупе с другими соображениями, например, категорическим опровержением всех предъявляемых ему обвинений ответственным работником Госплана СССР Виктором Ларичевым, Артузов пришел к выводу, что здесь что–то не так. Разговора с Ягодой у него не получилось, тогда Артузов пошел к Менжинскому. Председатель ОГПУ не имел права сообщать ему о секретных и категоричных указаниях Сталина, но пошел навстречу просьбе Артузова и освободил его от участия в следствии.

Естественно, при такой подготовке процесса не обошлось без накладок. На одном из заседаний суда выяснилось, что известный русский миллионщик из старообрядцев, вовремя уехавший в эмиграцию, Павел Рябушинский никак не мог в 1927—1928 годах передавать деньги для Промпартии, поскольку еще в 1924 году умер.

В Париже, уже после того как его имя было упомянуто на суде, Третьяков заявил резиденту ИНО, что не только не передавал Промпартии денег по причине их полного отсутствия, но даже никогда не слышал фамилий обвиняемых, с которыми он якобы поддерживал связь. (К слову сказать, упоминание фамилии Третьякова на процессе едва не привело к разоблачению ценнейшего агента французской контрразведкой, причем самими эмигрантами.)

Пятеро обвиняемых по делу Промпартии были признаны «главарями подпольной контрреволюционной шпионско–диверсионной организации, основанной при поддержке империалистических держав еще в 1920 году», и приговорены к

расстрелу. Еще трое – к тюремному заключению.

Трудно сказать, почему Сталин в последний момент изменил свое решение. Может, предвидел неблагоприятную реакцию Запада или в тот момент ему было выгодно проявить милосердие. Как бы то ни было, Президиум ЦИК, учитывая полное признание обвиняемых и раскаяние, заменил расстрел на десяток лет тюремного заключения.

Показательна судьба главного «героя» судебного процесса – Леонида Рамзина. Он действительно был крупнейшим теплотехником, с первых лет советской власти относился к ней вполне лояльно, даже доброжелательно. В свое время Ленин, невзирая на сопротивление Сталина, разрешил ему выехать за границу для лечения серьезной болезни.

После вынесения приговора Рамзин был определен в одно из научно–производственных учреждений ОГПУ (впоследствии они были прозваны «шарашками»), где продолжал работать по специальности. В 1936 году по распоряжению Ягоды (разумеется, санкционированному в верхах) он был досрочно освобожден. Далее, можно сказать, начались чудеса. Рамзина награждают орденами Ленина и Трудового Красного Знамени; без защиты диссертации присваивают ученую степень доктора технических наук; сконструированному им прямоточному котлу официально дают наименование «система Рамзина». Наконец, вручают Сталинскую премию первой степени, денежная часть которой тогда равнялась примерно десятилетнему окладу профессора университета{75}.

Судьба Сергея Третьякова сложилась не столь удачно. Его активное сотрудничество с советской внешней разведкой, базировавшееся уже не только на материальной, но и патриотической основе, длилось десять лет, вплоть до оккупации Парижа немцами.

В 1934 году Третьяков, чьи денежные дела пошли на поправку, купил несколько квартир в доме 29 по рю де Колизе. К этому времени РОВС тоже обнищал, и преемник Ку–тепова на посту председателя генерал–лейтенант Евгений Карлович Миллер искал помещение подешевле. Третьяков и предложил ему квартиру по сходной цене прямо под собственной.

Когда немцы вошли в Париж, Третьяков чем–то вызвал их подозрение. Гестаповцы провели в его квартире тщательный обыск и обнаружили в помещениях РОВС и Торгпрома (тоже снявшего в этом доме кабинет, в котором проводились заседания его правления) тщательно замаскированные микрофоны. Провода вели в расположенный выше кабинет Третьякова. Немцы арестовали Сергея Николаевича и отправили в Германию, в

концентрационный лагерь Ораниен–бург. Здесь его расстреляли 16 июня 1944 года.

Из ряда новейших газетно–журнальных публикаций, а также встреч и бесед с читателями автор сделал для себя неожиданный вывод. Оказывается, значительная часть нашего населения, особенно молодые и совсем юные люди, искренне полагает, что именно большевики свергли царя в России, что и является их главной исторической виной. Эти читатели и не подозревают, что к свержению самодержавия коммунистическая партия (тогда называвшаяся иначе, но это не важно) не имела никакого отношения. Его вообще никто не свергал. Оно рухнуло само собой в феврале (по старому летосчислению) 1917 года, как само падает с дерева перезревшее, к тому же гнилое яблоко. Император Николай II самолично отрекся от престола, как он заявил, во благо всенародное.

При сем историческом событии в салон–вагоне императора не присутствовали ни Ленин, ни Троцкий, ни Сталин. Были там два официальных представителя Государственной думы – Шульгин и Гучков, причем первый, как уже известно читателю, был убежденным монархистом. Другое дело, что на совести большевиков – расстрел в Екатеринбурге Николая II с женой, детьми и несколькими приближенными, а также убийство еще нескольких великих князей и князей дома Романовых.

И не коммунисты–большевики крушили, жгли дворянские поместья. И не большевики тогда же начали уничтожать деревенские храмы. Весь этот вандализм свершался руками самих крестьян: сказалась вековая ненависть прежде всего именно к помещикам, не забыты еще были времена крепостного права, когда лица благородного сословия продавали свои «души», словно товарный хлеб, заставляли молодых матерей выкармливать грудью породистых щенков, пороли на конюшне за малейшую провинность. И к батюшкам православным относились вовсе не как к наставникам духовным, а как к тем же управляющим имениями, исправникам, владельцам поместий и лесных угодий. Классовая ненависть в крестьянстве копилась веками и выплеснулась наружу в 1917 году похлеще, чем в пугачевщину. Кровопролитная мировая война за неведомые простому люду Дарданеллы лишь усугубила массовое озлобление, довела до настоящего изуверства.

Давно подмечено: во всех революциях всегда, прежде всего и в наибольшей степени виноваты правящие классы и сословия, со всеми тяжкими последствиями для обеих противостоящих в этой самой революции и непременной вслед Гражданской войне сторон.

Сегодня во многих серьезных трудах, не говоря уже о «макулатурных» изданиях, в жизнеописании последнего российского императора делается упор на то, каким хорошим семьянином был Николай, благородным и добрым человеком. Возможно. Но этих качеств недостаточно, чтобы достойно править огромным, многонациональным государством. А правителем он был никудышным. Потому–то, скорее всего, в роковые февральские дни ни один, даже самый ярый монархист, тот же Шульгин, не вступился за своего государя.

Никто сегодня не возлагает вину за гибель Романовых на Временное правительство всех составов. Между тем за семь месяцев существования Российской республики все члены царствующего дома вполне могли покинуть страну и спасти свою жизнь. Если бы не воспрепятствовало этому именно Временное правительство, уславшее Николая с семьей вначале в Тобольск, а затем в Екатеринбург. Лишь несколько великих князей и княгинь либо сами успели уехать за границу, либо уже находились там ранее.

Могла бы сохраниться в России демократическая республика в 1917 году, если бы?.. Могла, вполне могла. Если бы не пресловутое «если бы…». Этих «если бы», по мнению автора, можно насчитать по меньшей мере два. Первое – если бы Временное правительство претворило в жизнь хотя бы некоторые из чаяний измученного народа (вернее, народов) Российской империи. Прежде всего, прекратило бы кровопролитную войну. Заключило бы с немцами и их союзниками мир, как тогда говорили, «без аннексий и контрибуций», чему противились страны Антанты, поскольку тогда им пришлось бы воевать на Западном фронте без отвлечения значительных сил немцев и австрийцев на фронте Восточном. Те же французы уже после Версаля признавали, что в этом случае немцы взяли бы Париж за две недели. Если вдуматься, то неизбежно придешь к выводу, что «демократические» державы – Англия, Франция, а затем и США – начали интервенцию в советскую Россию вовсе не для реставрации монархии, а для предотвращения ее выхода из войны на основе Брестского мира.

Ну а немцы, может спросить читатель, как объяснить немецкое вторжение восемнадцатого года? И это легко объяснить. Кайзер Вильгельм менее всего был настроен на восстановление престола своего кузена Ники. Причина германской агрессии – самого обыденного свойства. Германская империя была к тому моменту истощена едва ли не в большей степени, чем Россия. Ее сырьевые, продовольственные, топливные ресурсы, не говоря уже о людских, приближались к нулевой отметке. (Вспомните хотя бы

романы столь популярного у нас Ремарка.) В Германии начинался настоящий голод. А тут вдруг появилась возможность заполучить нашу пшеницу, мясо, уголь, железную руду без особых усилий и потерь! Это позволяло продолжить войну на Западном фронте.

Второе «если бы… » – если бы Временное правительство осуществило земельную реформу. Оно сразу и навсегда завоевало бы поддержку миллионов крестьянских семей. И никакие большевики не смогли бы тогда совершить Октябрьский переворот, суть которого сводилась к тому, что они просто подобрали власть, которая «валялась» на мостовой Дворцовой площади. Провести земельную реформу пообещали крестьянству большевики, причем программу оной они взяли у… эсеров. Ибо те, разработав программу, палец о палец не ударили для претворения ее в жизнь. Она осталась такой же бесхозной, как и государственная власть. Большевики не поленились, чтобы нагнуться и подобрать их.

Вооруженное вмешательство иностранцев во внутренние российские дела не могло не «вдохновить» и собственную контрреволюцию. Автор берет на себя смелость утверждать, что без интервенции не было бы и трехлетней Гражданской войны в России или, во всяком случае, она не приобрела бы столь масштабного и жестокого характера, не вызвала бы такого непримиримого противостояния в обществе.

По злой иронии и вышло, что только советская власть могла в тот период спасти российскую государственность от полного развала, превращения ее в конгломерат неких марионеточных образований, находящихся в кабальной зависимости от более сильных иноземных хищников.

Большинство народа все это поняло и поддержало советскую власть как свою собственную. И не только так называемые простолюдины, но и многие интеллигенты, служащие, офицеры, даже генералы. Пожалуй, лишь одно сословие с самого начала не признавало Советы – духовенство всех конфессий. Оттого–то священнослужители также с самого начала были особо ненавидимы большевиками. Что касается коммунистов – так они же не с Марса свалились на несчастную Россию. И не франкмасоны заслали их – наоборот, масонами являлись многие представители именно правящих классов и сословий, к примеру, последний премьер Временного правительства Александр Керенский. Подавляющее большинство членов РКП(б) уже в годы Гражданской войны составляли выходцы из рабочих и крестьян–бедняков, их и в партию принимали на льготных, по сравнению с желающими из иных кругов общества, условиях. Отсюда и крайне низкий средний образовательный ценз, и своеобразный

менталитет, сохранившийся и по сей день у самых «левых–левых» слоев населения и их лидеров. А посему, справедливо требуя от нынешней КПРФ публичного покаяния за преступления, совершенные ее предшественницей ВКП(б)– КПСС, мы требуем покаяния от собственных дедов и отцов. Значит, от самих себя, их прямых потомков. Это уже сущая бессмыслица. Так что не стоит заниматься самообманом.

Перечитывая труды Ленина, автор сделал неожиданное для себя открытие. Действительно, великий борец за дело пролетариата всю жизнь боролся. Но с кем? С народничеством, меньшевизмом, оппортунизмом, эмпириокритицизмом, идеализмом, синдикализмом, анархизмом, бундовцами, эсерами, оппозицией и пр. Но менее всего – с самодержавием, его он в основном гневно клеймил и призывал свергнуть.

Ленин презирал и ненавидел парламентаризм, считая его буржуазным обманом рабочего класса, как и все законодательство западных стран в целом. Но сколь–либо ясного представления о том, каким должно быть государственное устройство России после революции, у него не имелось. Знаменитые Советы (сегодня это уже позабыто) – вовсе не ленинское изобретение. Они возникли в ходе первой русской революции стихийно. Ленин лишь уцепился за идею как за модель будущего государства. Их органический порок – слияние законодательной и исполнительной власти – его устраивал, поскольку позволял правящей Коммунистической партии контролировать в одном лице обе власти. Третья власть – судебная – его не интересовала, поскольку в условиях диктатуры, то есть государственно утвержденного насилия, она либо отсутствовала вовсе, либо превращалась в чистую фикцию.

О коммунизме как об общественном строе Ленин в своем многотомном наследии тоже не оставил ничего конкретного, разве что высказал замечательную идею использовать золото исключительно для изготовления унитазов уличных туалетов.

А ведь тогда крупнее Ленина ни в России, ни во всем мире мыслителя не было! Ни при его жизни, ни после смерти, до самого конца ушедшего XX века. Все остальные, даже официальный «теоретик» партии (по совместительству ее «любимец») Бухарин, были просто карликами! Что уж тут говорить о таком ничтожестве, как последний «теоретик» КПСС Михаил Суслов.

Будущая трагедия самой Коммунистической партии, Советского государства, а главное – народов, населявших СССР, была заложена в крайней нетерпимости Ленина к малейшему инакомыслию. Несогласный с его мнением в рядах собственного

ЦК по любому вопросу становился личным врагом «самого человечного». Это стало характерной «особенностью» Коммунистической партии, ее руководства, вождя. У Сталина эта нетерпимость приобрела уже патологический характер: своих инакомыслящих или подозреваемых в этом он уничтожал физически.

По мнению автора, загнивание партии, следовательно, размывание почвы под фундаментом всего здания Советского государства было предопределено резолюциями X съезда РКП(б) 1921 года, запретившими всякую фракционную деятельность внутри самой партии. На самом деле речь шла вовсе не о каких–то «фракциях», якобы способных привести к расколу РКП(б), но о любой деятельности или позиции, не совпадающей с «генеральной линией». Если учесть, что все другие политические партии, даже социалистического толка, были одна за другой запрещены, их руководители и большинство рядовых членов уничтожены, то в стране неизбежно воцарилась монополия РКП(б). А всякая монополия, как известно, неизбежно ведет к застою и загниванию.

Совершенно естественно, что в руководстве партии существовали до поры до времени расхождения по разным аспектам, касающимся одной и той же проблемы: как строить социалистическое общество и Советское государство. В условиях нормального функционирования всех ветвей власти и партийного аппарата возникшие споры разрешались бы методом, например, дискуссий, с привлечением высококвалифицированных экспертов, ученых и практиков, с изучением мирового опыта, возможно, экспериментированием в отдельных отраслях народного хозяйства или территориях. Но принять решение могла только группа лиц, облеченных всей полнотой власти, либо вообще один человек – диктатор, как бы ни называлась его должность. Отсюда вывод: борьба за осуществление какой–либо конкретной идеи неизбежно превращалась в жестокую борьбу за власть. Причем за власть абсолютную, включавшую на определенном этапе (в середине 30–х годов) физическую ликвидацию оппонентов.

Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков… Уже не имело значения, кто из них в самом деле был прав в том или ином вопросе: о коллективизации и индустриализации, о заготовительных ценах на хлеб и иностранных концессиях. Все, кроме одного, неминуемо должны были погибнуть. Этим «одним» по многим причинам, по стечению обстоятельств оказался Сталин. В конце своей жизни он уже решал даже проблемы естествознания и биологической науки.

К 1929 году Сталин фактически взял верх над всеми своими

основными соперниками. Главный из них, самый опасный, талантливый и популярный, – Троцкий – был из страны изгнан. Рыков, Бухарин, Каменев, Зиновьев еще занимали видные посты, но реальной властью уже не обладали. Сталину оставалось истребить оных физически вместе с сотнями тысяч реальных или предполагаемых их приверженцев.

Значительной долей своей победы Сталин был обязан… ОГПУ. Окончательный «триумф» его власти – кровавая бойня в конце последующего десятилетия была осуществлена уже силами НКВД.

Превратив РКП(б) из нормальной политической партии в подобие, по его собственным словам, «ордена меченосцев», Сталин не мог не перековать органы государственной власти в меч этого ордена в буквальном смысле слова.

До сих пор великое множество наших соотечественников сбивает с толку бросающееся в глаза несоответствие. До сих пор приверженцы так называемого патриотического{76} крыла с негодованием вопрошают: как можно отвергать, осуждать советскую власть, когда в те годы отсталая Россия стала одной из самых могучих держав мира, когда при ней была создана мощная индустрия, фундаментальная и прикладная наука достигла неслыханных высот, когда мы одержали исторические победы в культуре, народном образовании, искусстве, здравоохранении, космосе, наконец, разгромили нацистскую Германию?

Никто не отрицает эти реальные успехи. Но какой ценой они были достигнуты? У диктатуры есть одно неоспоримое достоинство: она позволяет за счет неимоверных усилий, концентрации всех средств в кратчайший срок решить какую–то важную задачу, не считаясь ни с жертвами, ни с нормами международного права, ни с собственным законодательством, не говоря уже о таком «пустяке», как права человека, и не абстрактного, а гражданина собственной страны. Самым великим праздником в России по справедливости стал День Победы 9 Мая. И останется, несомненно, таковым навсегда. Но почему для достижения победы надо было вначале отдать вермахту едва не всю европейскую часть страны, позволить ему разрушить тысячи сел и городов, заводов, фабрик, электростанций, ограбить наши музеи, наконец, пожертвовать жизнями двадцати семи миллионов сограждан?!

И почему долгие десятилетия скрывали от народа, что московское метро, Днепрогэс, Магнитогорский комбинат, Байкало–Амурскую магистраль, тысячи других предприятий, плотин, железных дорог, целых городов строили не только звонкоголосые «комсомольцы–добровольцы», но миллионы

бесправных зэков? Что за каждым граммом добытого золота, платины, урана – могила безымянного заключенного?

Снова все та же амальгама: победы, успехи, достижения слиты воедино с жертвами, бедами, страданиями, голодом, потерями близких.

Все государственные и общественные институты советской власти также являлись своеобразной амальгамой, им была свойственна уникальная особенность. Они, подобно римскому божеству Янусу, имели два лика. У Януса римского один лик был обращен в прошлое, другой в будущее. Лики Януса советского были обращены один к добру, другой ко злу. Все конституции советской власти, с одной стороны, соответствовали историческим, то есть подлинным, интересам и нуждам страны, а с другой – обеспечивали и ограждали эгоистичные интересы правящей верхушки за счет всего остального населения.

Для пояснения приведу пример – профсоюзы. С одной стороны, это санатории, бесплатные или льготные путевки, дома культуры, спортивные общества, художественная самодеятельность, пионерские лагеря, детские сады и ясли. Несомненно, что все это на благо трудящихся. Но, с другой, профсоюзы – «школа коммунизма». Именно профсоюзы были главными организаторами так называемого социалистического соревнования, действовали в интересах работодателя, каковым *являлось* государство. Юристы подобное положение называют нонсенс, что в переводе с латыни означает полную несуразицу. Во всем мире профсоюзы создавались и создаются для защиты интересов своих членов, то есть работников, а не их хозяев.

Органы государственной безопасности являются такими же атрибутами любого государства, как правительства, вооруженные силы, уголовные полиции, суды.

Несомненно, советская разведка и контрразведка в системе ВЧК—ОГПУ—НКВД (а также военная разведка в системе наркомата обороны) были жизненно необходимы нашей стране и действовали, невзирая на ошибки, издержки, провалы, на благо государства, общества, народа.

Однако со временем они все больше превращались в тайную политическую полицию, обслуживающую верхушку правящей партии и ее вождя. И не только в тайную полицию, но и в мощную машину репрессий, вначале выборочных, а затем массовых, жертвами которых стали многие члены самой правящей партии (в том числе высокопоставленные, вплоть до секретарей и членов Политбюро ЦК) и кадры самого ОГПУ—НКВД.

Монопольное положение правящего «ордена меченосцев» привело к тому, что в РКП(б)—ВКП(б) потянулись тысячи и

тысячи карьеристов, да и просто обывателей, осознавших, что без вожделенного членского билета в кармане в этой жизни ничего не добиться.

Если карьеристы в партии – это плохо, то карьеристы в органах государственной безопасности представляли уже прямую угрозу народу, обществу, стране, партии и самим органам!

О подобной опасности еще в 1920 году предупреждал один из видных чекистов и старых членов партии: «Каждая революция имеет одну неприглядную, хотя и преходящую, черту: появление на сцене всяких проходимцев, наемных дельцов, авантюристов, просто преступников, примазывающихся к власти с корыстными или иными преступными целями. Вред, причиняемый ими революции, колоссален…»

В одном лишь слове ошибся чекист – «преходящую»…

С годами выявилось еще одно страшное и трагическое последствие долгой работы в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД: огромная, порой неограниченная власть разлагала многих, когда–то честных и добросовестных сотрудников, особенно склонных к наградам, привилегиям, карьеризму. Они деградировали, превращались из людей с подлинными заслугами в прошлом в мастеров фальсифицированных дел, настоящих извергов. Драки за власть в высших эшелонах партии проецировались, и весьма причудливо, на все остальные государственные организации, комсомол, вооруженные силы, даже творческие союзы. Органы ОГПУ—НКВД не могли стать исключением из общего правила.

В начале 30–х годов председатель ГПУ Украины Всеволод Балицкий и член коллегии ОГПУ СССР и начальник секретно–оперативного управления ГПУ Украины Израиль

Леплевский открыли «кампанию» массовых репрессий в отношении бывших военных специалистов из числа генералов и офицеров старой русской армии. По этому делу, получившему условное наименование «Весна», было арестовано свыше трех тысяч человек на Украине, в Белоруссии, Москве, Ленинграде, других крупных городах, где имелись военные училища, штабы крупных воинских соединений, оборонные предприятия. Большой мастер липовых дел Леплевский «состряпал» несколько антисоветских офицерских организаций, «участникам» которых приписали и шпионаж, и подготовку диверсий и террористических актов, и заговор военный с целью свержения советской власти и установления диктатуры генералов. (К слову сказать, фальсификаторские наклонности Леплевского, его мстительность и жестокость были в чекистских кругах известны. Подчиненные его боялись, сотрудники, равные по должности, предпочитали с ним не связываться, знали, что Леплевского

поддерживают и Балицкий, и какие–то силы в Москве. Позднее Балицкий и Леплевский рассорились и стали врагами.)

С «Весной» смыкалось и частично пересекалось другое агентурное дело под названием «Генштабисты», начатое еще в 1924 году, а по отдельным проходящим по нему лицам и того раньше – с Гражданской войны. Объективно говоря, ничего предосудительного в том, что ВЧК—ОГПУ приглядывало за бывшими царскими генералами и полковниками, не было. К сожалению, в ходе Гражданской войны, да и после нее, имели место случаи измены спецов. В Красной армии служили тысячи генералов и старших офицеров, большинство из них были честными людьми, истинными патриотами, добросовестно относящимися к своим обязанностям. Однако 350 спецов были взяты на оперативный учет как «неблагонадежные». Список постоянно изменялся: одних по результатам длительного наблюдения исключали, других добавляли.

Под постоянным наблюдением были такие крупные фигуры, как Михаил Тухачевский, бывший военный министр Временного правительства и генерал–майор, затем – профессор Военной академии Александр Верховский, замнар–кома по военным и морским делам, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, бывший полковник Сергей Каменев (впоследствии командарм первого ранга), бывший генерал–лейтенант, а ныне тоже преподаватель военных дисциплин Михаил Бонч–Бруевич, бывший генерал–майор, ныне профессор и крупный военный теоретик Александр Свечин, бывший генерал–лейтенант, позже – профессор, Герой Труда Андрей Снесарев (владевший четырнадцатью языками), бывший полковник, а позднее также профессор Николай Какурин и др.

Данные были скомпонованы теперь столь убедительно, версия о подготовке военного заговора выглядела столь угрожающей, что им поверил даже Менжинский, о чем и доложил вначале Молотову, а затем и Сталину. Начались аресты, за которыми, естественно, последовали признательные показания некоторых подследственных.

Одним из парадоксов обоих дел стало то обстоятельство, что информация об изменнических настроениях и намерениях фигурантов частично поступила из надежных зарубежных источников.

В ходе операций «Трест», «Синдикат–2» и некоторых других (в частности, «Синдикат–4», о которой пока еще ничего не написано) иностранным разведкам и контрреволюционным эмигрантским организациям передавались сведения о том, что некоторые видные военачальники Красной армии, в том числе Михаил

Тухачевский, Сергей Каменев, бывший полковник и одно время главнокомандующий вооруженными силами республики Иоаким Вацетис, Павел Лебедев – бывший начальник штаба Восточного фронта, затем полевого штаба Реввоенсовета республики, штаба РККА и одновременно Военной академии РККА, в прошлом генерал–майор, враждебно относятся к советской власти и готовы принять участие в контрреволюционном перевороте. Иначе говоря, с согласия названных и некоторых других военачальников легендировалось их участие в МОЦР, ЛД и других мифических организациях. Именно от них якобы исходила та шпионская информация, которую агенты того же «Треста» поставляли на Запад.

Еще в ходе операции «Трест» Стырне писал: «Проводилась в этом отношении следующая дези н формационная] работа: на средства от передачи сведений при разведотделе штаба РККА создано специальное отделение по работе Д е зинформации]. По директивам Военного ведомства мы снабдили все штабы государств в Центральной Европе (ибо хотя материалы фактически передавались только полякам, эстонцам, финнам и англичанам на основе взаимного обмена военными сведениями, документально установлено, что наши материалы имеются в латышском, французском, японском и немецком штабах); при этом мощь Красной армии была показана значительно сильней фактической».

Как отметил Стырне, один из таких дезинформационных документов был передан «за подлинными подписями Главнокомандующего всеми вооруженными силами тов. С. С. Каменева, члена РВС СССР тов. Уншлихта и зам. нач. штаба тов. Б. М. Шапошникова…»{77}.

Использовать имя Тухачевского было выгодно. Тот же Стырне по этому поводу сообщал: «Дело в том, что неоднократно нам из–за рубежа рекомендовали вовлечь в „Трест“ Тухачевского. Особенно монархическая молодежь хотела видеть в нем русского Бонапарта, предполагая, чтр он только прикидывается коммунистом, в действительности же монархист. „Поддавшись“ этим настроениям, за границу было отписано, что Тухачевского удалось привлечь в „Трест“. Там это сообщение произвело эффект… »

Далее произошло нечто неожиданное и, как выяснилось позднее, даже трагическое по своим последствиям. За границей этому и другим сообщениям поверили. Иностранные разведки внесли их в свои досье. К ним сумели подобраться агенты советских спецслужб, не подозревавшие, разумеется, что это «деза» ОГПУ, и передали информацию как достоверную в Москву.

Впоследствии эти материалы были использованы против упоминавшихся в них советских военачальников – иногда по незнанию существа дела, иногда умышленно, с целью сфабриковать громкое дело.

Тогда Сталин не предпринял в отношении Тухачевского никаких репрессивных действий. Не из гуманизма и не потому, что не поверил доносам. Сталин на рубеже 20—30–х годов владел ситуацией в стране в целом, но в послушании армии, точнее, ее командного состава он уверен не был. Он еще опасался военных. Потому Сталин не только не арестовал Тухачевского, но, наоборот, обласкал и приблизил, назначил тридцатисемилетнего командира заместителем наркома обороны СССР и начальником вооружений РККА. В 1935 году Михаил Тухачевский станет одним из пяти первых Маршалов Советского Союза и первым из трех убитых Сталиным. (Кроме него, эта участь постигнет Александра Егорова и Василия Блюхера.)

По делам «Весна» и «Генштабисты» было арестовано множество военных, хотя и меньше, чем планировали их организаторы.

Несколько руководящих работников ОГПУ открыто заявили, что дела военспецов дутые, сомневались в признательных показаниях арестованных, не говоря уже о доносах. Сегодня трудно сказать с полной определенностью, что подвигло их на столь опасный поступок: осознание того, какой невосполнимый урон могут нанести эти дела Красной армии и обороноспособности страны в целом, или борьба за власть в ОГПУ, попытка сместить со своего поста Ягоду, а возможно, и Менжинского. Автору хотелось бы верить в первую версию. Однако Сталин, следовательно, и ЦК ВКП(б) встали на другую позицию.

6 августа 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное директивное письмо секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов партии. В нем, в частности, говорилось:

«…Дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

1. Тт. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника Секретно–оперативного управления… на том основании, что: …б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности, разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

…в) они расшатывали тем самым железную дисциплину

среди работников ОГПУ… »

Тогда же решением Политбюро ЦК ВКП(б) Реввоенсовет СССР был лишен права давать задания Особому отделу и контролировать их выполнение. Теперь Особый отдел подчинялся только ОГПУ. Это был удар по военным.

Заместитель председателя ОГПУ, начальник ИНО Станислав Мессинг был направлен на работу в систему Нар–комвнешторга. Полпред ОГПУ по Московской области Лев Бельский назначен начальником Главнарпита Наркомснаба СССР. Потом его простят, вернут в центральный аппарат, и он (уже при Ежове) займет пост замнаркома НКВД.

Начальника Особого отдела ОГПУ Яна Ольского и начальника административного управления ОГПУ Ивана Воронцова пошлют управлять московскими ресторанами и столовыми. Ефим Евдокимов вернется на Северный Кавказ все тем же полпредом ОГПУ. Потом его изберут первым секретарем местного крайкома партии и уже в этой должности наградят орденом Ленина.

В конце концов всех их расстреляют… А вот «украинцев» демонстративно повысят в должности. Всеволод Балицкий станет заместителем председателя ОГПУ СССР. Израиль Леплевский – заместителем начальника, а затем и начальником Особого отдела ОГПУ СССР. Их тоже расстреляют.

Станислав Мессинг фактически был отстранен от руководства Иностранным отделом недели за две до указанного ранее постановления Политбюро. 1 августа 1931 года Артур Артузов был назначен начальником ИНО и введен в состав коллегии ОГПУ СССР.

Сталин, покарав бунтовщиков, однако, не обошел своим вниманием и Ягоду, допустившего столь грубое нарушение субординации в ведомстве. (Генсек прекрасно знал, что кадровыми вопросами в ОГПУ давно уже занимается не Менжинский.) Посему вождь решил укрепить руководство органов госбезопасности: первым заместителем председателя ОГПУ он поставил старого партийца, ранее занимавшего пост заместителя наркома РКИ, Ивана Акулова. Ягода был понижен до второго заместителя. Через год с небольшим Акулов был назначен прокурором СССР, должность первого заместителя председателя ОГПУ так и осталась вакантной вплоть до образования Наркомата внутренних дел СССР. Так что формально Ягода до этого момента оставался просто заместителем председателя ОГПУ, правда, единственным.

…Артузов находился в двойственном, мучительном для него положении. Он переживал прежде всего, как ему казалось, из–за

охлаждения к нему человека, которого он искренне, несмотря ни на что, уважал. Понимал, что это отчуждение в значительной степени объясняется состоянием здоровья Менжинского и возросшим влиянием Ягоды. Приходилось признать, что Менжинский в серьезных делах ОГПУ уже мало что решал. Он полностью подчинился воле Сталина и безропотно передал бразды правления Ягоде, хотя основные документы по–прежнему подписывал.

Но почему положение Артузова стало двойственным? Как известно, он не поддержал Трилиссера, более того – осудил Михаила Абрамовича, к которому всегда относился с уважением. Не поддержал он и фактически направленных против Ягоды выступлений Евдокимова, Мессинга, Ольско–го и др. Правда, «заговорщики» Артузова в свои планы не посвящали, зная его неприязненное отношение ко всякого рода интригам. Даже если бы его пригласили присоединиться, он и не поддержал бы их. И не потому, что опасался мести Ягоды. Он, наивный человек, глубоко переживал из–за падения авторитета ОГПУ и полагал, что выступление против заместителя председателя усилит недоверие населения к органам госбезопасности. Артузов по своему богатому опыту знал, что без поддержки народа работа спецслужб немыслима. Арутузов был убежден, что чекисты в любых обстоятельствах обязаны сохранять лояльность к своему ведомству и его руководителям, назначаемым на свои высокие посты решениями Центрального Комитета партии. У Артузова хватило мужества отказаться от навязываемого ему участия в подготовке процесса Промпартии, но организовывать по этому поводу кампанию против Ягоды он не собирался. Не чекистское это дело. Коль скоро Ягоду назначил ЦК, к тому же он являлся после XVI съезда кандидатом в члены ЦК, членом ЦИК нескольких созывов, то именно эти органы и должны решать вопросы о руководителях ОГПУ.

Позиция небезупречная, ее можно критиковать, особенно сегодня, когда мы знаем, как развивались события дальше. Возможно, Артузов ошибался, но именно ошибался, а не подлаживался к большинству. Примечательно, что позднее, когда уже снятого с поста наркома НКВД Ягоду «топтали» все кому не лень, Артузов оказался единственным, кто не стал клеймить его как «врага народа», а просто назвал человеком, непригодным для работы на таком высоком посту, который тот занимал.

Переживания Артузова были столь глубокими, что он в конце концов совершил странный шаг. Он написал Менжинскому письмо. Не на машинке, от руки. Сегодня некоторые публицисты расценивают его как покаянное, чуть ли не подобострастное.

Возможно, это так, если не обращать внимание на дату написания – 3 декабря 1931 года. А начальником ИНО и членом коллегии ОГПУ Артузов был назначен 31 июля – 1 августа 1931 года! (Этим назначением, к слову, Менжинский дал понять и самому Артузову, и всему руководящему составу ОГПУ, что по–прежнему высоко ценит деловые и профессиональные качества Артура Христиа–новича.)

В таком случае для чего нужно было Артузову каяться в чем–либо спустя четыре месяца после того, как он был дважды повышен в должности?

Это письмо вовсе не покаяние, нет. В нем Артузов счел необходимым по душевному повелению заверить Менжин

ского в своей лояльности тому ОГПУ, в которое он пришел служить в далеком восемнадцатом году. В письме – горечь и обида за то состояние органов госбезопасности, в котором они оказались в тот момент. В письме – подлинная боль, ибо Менжинский мог неправильно понять мотивы его поведения, усомниться в преданности делу, которому он отдал все свои силы и способности. Под этим углом зрения, не забывая о дате написания, и следует читать сей документ в наши дни, когда ни адресата, ни автора, ни упоминаемых в нем лиц давно уже нет в живых и когда сегодня мы знаем все то, чего Артузов знать не мог. (К сожалению, некоторые места в письме мы понять уже не можем из–за незнания всех затрагиваемых в нем событий и обстоятельств, в архивах не отраженных.)

«Дорогой Вячеслав Рудольфович!

Я никак не могу дождаться конца моей болезни, чтобы доложить Вам выводы, которые я сделал из нашего телефонного разговора. Поэтому прошу извинить за письменное к Вам сообщение.

Я не понял смысла Вашего замечания, сделанного мне в момент моего последнего назначения. Не понял также тона упрека при разговоре о следователе, ходившем со своим недоумением к т. Полуектову. Теперь мне все ясно.

Итак, моя лояльность к Вашей линии, к Вам лично взята под сомнение! Мне трудно описать, насколько этот вывод убил и обескуражил меня. Ведь Вы для меня не только наш председатель, олицетворяющий линию партии в нашей борьбе, но еще и Вячеслав Рудольфович, любимый руководитель, первый мастер нашего дела; с Вашим именем связаны годы совместной прекрасной работы.

И сегодня я все же должен приводить доказательства моей лояльности!

В Ваших словах я узнал черты моей характеристики,

составленной Генрихом Григорьевичем. Если бы я не был уверен, что Вы ее (эту характеристику. – *Т. Г.)* не разделяете, я уже давно сделал бы все от меня зависящее, чтобы уйти из ГПУ.

По правде говоря, я думал, что и Генрих Григорьевич убедился в моей полной лояльности, несмотря на свою крайнюю подозрительность к работникам. К несчастью, это, по–видимому, не так. Во время трилиссеровской лихорадки, потрясавшей наш коллектив, были люди среди нас, желавшие использовать дискуссию для борьбы с Генрихом Григорьевичем, несмотря на то, что самый характер дискуссии

был явно не чекистский и сам по себе дискредитировал этих людей как пользующихся недостойными средствами.

Единственным лицом, выступившим с резкой критикой самого характера дискуссии, был я. Только я заявил протест против самокритики в оперативных вопросах (т. Трилиссер договорился и до этого!). Я призывал собрание не стараться быть левее ЦК и продолжать рассмотрение всех материалов об оппортунистической практике в районе Центральным Комитетом нашей партии.

Ввиду Вашей болезни я не мог прийти со всем этим к Вам. Мое категорическое заявление тов. Трилиссеру об опасности проводимой им линии для ГПУ встретило с его стороны заявление, что его линия одобряется ЦК. После этого я, к стыду моему, смазал свою позицию, так как не решился пойти против линии ЦК.

Вы понимаете мое удовлетворение, когда ЦК отверг линию т. Трилиссера, я ждал приезда Генриха Григорьевича из отпуска, чтобы изложить ему историю всех событий. Однако Г. Г. меня не принял даже. Вся информация его исходила главным образом от т. Шанина! От Шанина, который в своей пятиминутной речи на конференции сумел только сказать, что задача чекиста, когда он слышит партийные споры, заключается в том, чтобы незаметно пробраться к двери и ускользнуть. Вы можете представить бурю негодования собрания против такой защиты. Генр. Гр. вызвал меня только в порядке поголовного взгревания всех нас на основании впечатлений, полученных от т. Шанина. Правда, мне казалось, что после разговора со мной и т. Аграновым он получил правильную картину происшедшего. Однако, по–видимому, это не так.

Из некоторых бесед с Генр. Гр. я понял, что в последней истории (Мессинг—Евдокимов) меня не считают совсем не затронутым. Из разговора с Вами я вижу, что и Вы готовы это разделить (разговор о следователе в этом меня убеждает).

Когда я привлечен был к участию в следствии над сопро–

цессниками Рамзина, я всеми силами старался путем допросов вскрыть отдельные противоречия материалов следствия. Но я Вас спрашиваю, есть ли хоть один факт, чтобы я со своим сомнением пошел бы к кому–нибудь, кроме Вас и Генр. Гр.? Ведь я Вам рассказывал, как я защищал линию ГПУ против Медведя. Лучшим доказательством моей непричастности к группе Мессинга является то, что я даже не знал до момента решения ЦК, что они затеяли «принципиальный» спор с руководством.

Нет, Вячеслав Рудольфович, то, что я болею за недочеты в нашей работе, проистекающие всего чаще от недостаточной подготовки нашего рядового следователя, призванного решать очень сложные вопросы следствия, вовсе не значит, что я когда–нибудь сомневался в Вашей линии.

Наоборот, я считал всякую критику (вроде евдокимов–ской) разоружением ГПУ в наиболее ответственный момент – когда большинство наших колхозов не имеют еще трехлетнего хозяйственного стажа. (И еще – перспектива войны в ближайшем будущем.)

Мне кажется, я не должен доказывать, что у меня нет никаких карьерных стремлений. Никогда этого рода стимулы мной не руководили. Я помню, как Вы однажды охарактеризовали тов. Мануильского, которого не интересует формальное положение в государстве или партии. Этот тип товарищей мне более всего импонирует. Поэтому мне так дороги традиции т. Дзержинского и Ваши, основанные на верности, дружной работе, отсутствии каких бы то ни было внутренних раздоров и доверии.

Боюсь, что из меня не будет работника в условиях, когда нужно доказывать свою лояльность.

Очень прошу Вас, дорогой Вячеслав Рудольфович, отпустите меня на другую работу. Во всяком случае, я считаю совершенно для себя невозможным оставаться в коллегии при наличии малейшего сомнения с Вашей стороны в моей лояльности или преданности Вам как нашему руководителю.

С комм. приветом

Артузов.

P. S. Вы можете быть совершенно уверенным, что никогда и нигде я не позволю себе сказать дурное слово о ГПУ или его руководстве. 3.XII —31 г.

Артузов

P. P. S.

Я выяснил по телефону, что, как я и предполагал, тов. Гарин по собственной инициативе пошел за утверждением нашего проекта. Мой аппарат виноват в том, что выдал тов. Гарину проект организации. Я виноват в том, что недостаточно

проинструктировал аппарат.

Артузов».

…А теперь перейдем к рассказу о том, чем пришлось заниматься Артузову на четвертом этаже дома 2 на Лубянке, где размещался тогда Иностранный отдел ОГПУ, а затем и 7–й отдел НКВД СССР.

РАЗВЕДКА РАБОТАЛА НА БУДУЩЕЕ

Большая часть операций советской разведки за годы ее существования не известна никому. Документы, с ними связанные, обречены надолго, а то и навсегда, находиться под грифом «Совершенно секретно» в надежно охраняемых досье того ведомства, что ныне именуется Службой внешней разведки Российской Федерации. В обиходе нынешние сотрудники называют его просто Ясенево, по названию окраинного района Москвы, где раскинулся строго охраняемый гигантский комплекс зданий, примыкающий к окружной автомобильной дороге. На главной проходной – доска с гербом страны и лаконичной надписью «Научный центр».

Примечательно то, что на старом здании ВЧК—ОГПУ– НКВД —КГБ СССР, а ныне ФСБ РФ вообще нет никакой вывески. Самое знаменитое после Кремля здание столицы остается и поныне безымянным. А вот нынешняя штаб–квартира разведки носит название «Научный центр». И эта вывеска, в известном смысле, абсолютно соответствует действительности, поскольку названный комплекс по насыщенности разнообразным оборудованием и приборами, квалификации многих сотрудников является хотя и весьма специфичным, но именно научным центром.

Во времена Артузова в центральном аппарате ИНО насчитывалось всего около семидесяти сотрудников, примерно столько же – в резидентурах за рубежом. Так что все «москвичи» свободно размещались в одном из крыльев четвертого этажа здания на Лубянке. Еще в распоряжении отдела имелось некоторое количество конспиративных квартир и дачных построек в пригородах, где руководители встречались с агентами. Там порой неделями, а то и месяцами жили разведчики, тайно приезжавшие в Москву из ближних и далеких стран. Появляться на Лубянке им было нельзя. Даже на родине они зачастую жили под чужими именами – настоящие в ОГПУ, а затем НКВД знали лишь единицы.

За семь лет службы Артузова в ИНО и военной разведке под его руководством или при участии проведено множество операций, в которых были задействованы десятки кадровых сотрудников и сотни агентов. Даже простое их перечисление заняло бы много места. Автору придется ограничиться волей–неволей неким пунктиром, умолчав, возможно, о каких–то самых выигрышных для рассказа операциях и людях советских спецслужб.

Руководство разведкой не стало для Артузова совершенно

новым делом. Его старейший сотрудник Борис Гудзь часто повторял автору: «Лучшие разведчики получаются из контрразведчиков». Кроме того, многие операции контрразведки того времени развивались на «чужой» территории и по сути своей сливались с деятельностью внешней разведки. Так было с операциями «Синдикат–4», «Заморское», «Мираж», «Консул», «Тарантелла» и др.{78} Наоборот, информация, добытая ИНО, становилась отправной точкой для работы КРО.

Когда Артузов взял в свои руки бразды правления внешней разведкой ОГПУ, одним из главных центров ее особенного внимания в Западной Европе (наряду с Парижем) оставался Берлин. На то имелось несколько причин. Во–первых, в Берлине, по приблизительным подсчетам, осело более ста тысяч беженцев из бывшей Российской империи. Во–вторых, побежденная в мировой войне Германия стала центром, в котором сосредоточились интересы таких капиталистических держав, как Англия и Франция, набиравшие все больший вес в международных делах Соединенные Штаты Америки, а также Италия, Польша и лимитрофы. Таким образом, Германия являлась кладезем политической и экономической информации всего западного мира.

На протяжении целого десятилетия СССР и Веймарская республика пребывали в европейском сообществе на положении изгоев. Советский Союз был отрезан от внешнего мира вначале фронтами, затем «санитарным кордоном», дипломатической изоляцией.

Автор берет на себя смелость утверждать, что изоляция Советского Союза в значительной степени способствовала превращению его в тоталитарное государство, росту в широких массах населения недоверия и подозрительности по отношению к капиталистическому миру, усугубленным отсутствием об этом мире достаточной и объективной информации.

Германия вышла из мировой войны территориально урезанной, экономически разоренной и обезоруженной. По мирному Версальскому договору ее армия не могла превышать 100 тысяч человек (не более семи пехотных и трех кавалерийских дивизий). Ей было запрещено иметь танки, военную авиацию. Генеральный штаб подлежал ликвидации. Численность личного состава военного флота не должна была превышать 15 тысяч человек (экипажи и береговые службы шести «карманных» линкоров, шести легких крейсеров, 12 контрминоносцев).

Эльзас и Лотарингия возвращались Франции. Создавалась Рейнская демилитаризованная зона. Управление Сааром на пятнадцать лет отходило к Лиге Наций. Под ее эгиду передавался

и Данциг (Гданьск) со статусом «вольного города», Польше возвращалась часть Верхней Силезии. «Польский коридор» фактически отрезал от Германии территорию Восточной Пруссии с Кенигсбергом.

Давно и не нами подмечено, что для страны ничего нет хуже, чем сочетание экономической разрухи и национального унижения. Именно это и происходило в послевоенной Германии. В стране появилась армия безработных или полубезработных людей, озлобленных до крайности, к тому же побывавших в окопах мировой войны. Они не желали быть в положении растоптанных грубым сапогом Версаля, жаждали реванша и тысячами вступали в различные военизированные организации, вроде «Фрайкорпс», «Стального шлема» и штурмовых отрядов Адольфа Гитлера и Эрнста Рема. Именно страны–победительницы, те самые «западные демократии», породили своей недальновидной политикой германский национал–социализм, способствовали его приходу к власти. Именно они подталкивали Германию и СССР к сотрудничеству друг с другом в дипломатической, экономической, торговой и военной областях. Рапалльский договор 1922 года был не столько успехом советской дипломатии, сколько поражением западной.

В Советский Союз потянулись тысячи не способных найти на родине работу инженеров, конструкторов, мастеров–техников, высококвалифицированных рабочих. На новостройках первой пятилетки, да и на некоторых реконструируемых старых предприятиях они монтировали изготовленные на германских заводах оборудование, машины, механизмы. В самой Германии стажировались выпускники советских технических вузов.

В СССР получили концессии крупные немецкие фирмы: «Борзиг», «Демаг» и др. Немцы оказывали помощь – это, понятно, не афишировалось – в сооружении крупных объектов и оборонной промышленности. Нашу страну посетили немецкие генералы Вернер фон Бломберг, будущий военный министр, и барон Курт фон Хаммерштейн–Эквард, начальник генерального штаба Германии{79}.

Некоторые формы сотрудничества двух стран осуществлялись в обстановке глубокой секретности. Так, в Москве (в районе Филей), Харькове и Самаре при участии фирмы «Юнкерс» (с согласия Гуго Юнкерса) строились авиационные заводы. Другие совместные авиапредприятия возводились в Ярославле и Рыбинске. Немецкие авиаспортсмены (на самом деле военные летчики), обучившиеся на родине летать на планерах и легкомоторных бипланах, совершенствовали на протяжении полугода свое мастерство в Липецке. По Версальскому договору

рейхсвер имел право готовить в год… пятерых летчиков. В липецкой школе в год выпускали сорок пилотов. В Казани в танковой школе обучали немецких курсантов.

Наконец, высшие командиры Красной армии получили возможность присутствовать регулярно на маневрах небольшого, но хорошо обученного рейхсвера, а вплоть до начала 30–х годов в Германии функционировали курсы для слушателей из Генерального штаба РККА. Ключевую роль в их организации сыграли известный советский военачальник будущий маршал Михаил Тухачевский и не менее известный немецкий генерал Ганс фон Сект.

Трудно сказать, во что могло развиться это тесное и взаимовыгодное сотрудничество, если бы не приход в Германии к власти в январе 1933 года НСДАП во главе с ее фюрером Адольфом Гитлером.

В Москве имелось и неформальное представительство рейхсвера, которое много лет возглавлял майор Оскар Ни–дермайер, совмещавший в одном лице обязанности (еще раз подчеркнем – неофициальные) военного атташе и представителя разведки. Контакты с ним и ОГПУ, и Разведупра Красной армии были вполне нормальными.

Первым легальным резидентом в Германии – тогда совместно от ИНО и военных – был Артур Сташевский, сотрудник Разведупра РККА. Его сменил опытный работник уже ОГПУ Бронислав Бортновский, участник ликвидации «Заговора послов», а при этом раненный, скорее всего, капитаном Кроми.

Следующим резидентом в Берлине стал Алексей Логи–нов–Бустрем, до революции бывший на каторге вместе с Михаилом Трилиссером.

В конце 1929 года резидентом в Берлине стал один из самых выдающихся советских разведчиков Николай Самсонов. Именно при нем резидентура завладела документами, свидетельствующими о тенденции правящих кругов Германии к отходу от Рапалльских соглашений, расширила агентурную сеть, в частности приобрела особо ценного агента А/201, о котором речь еще впереди.

Одним из самых результативных разведчиков в Германии был Бертольд Ильк. Гимназию он окончил в Вене, там же получил юридическое образование. Владел, кроме родного немецкого, польским, английским и русским языками. Ильк испытал и германскую, и венгерскую тюрьмы, из последней бежал и пробрался в СССР. В ИНО получил фамилию Беер.

Беер создал на территории Германии первую в истории советской разведки нелегальную резидентуру, охватившую своей

сетью несколько стран: Балканы (Белград, София, Бухарест), балтийские (Варшава, прибалтийские республики, Хельсинки) и западные (Париж, Лондон, еще несколько столиц) государства. «Треугольник Беера» просуществовал более пяти лет.

Легальным резидентом в Берлине с 1931 года был способный разведчик Борис Берман{80}, младший брат уже упоминавшегося ранее Матвея Бермана. Он руководил агентурой в Германии. Одновременно в Берлине существовала резидентура, которую возглавлял заместитель Артузова Абрам Слуцкий. Он направлял из Берлина действия резиден–тур в нескольких странах Западной Европы.

Относительно мягкая для советских разведчиков берлинская «погода» не могла длиться бесконечно. Рано или поздно должны были наступить осеннее похолодание, а затем и зимняя стужа. Об этом предупреждал Трилиссера, Мессин–га, а затем и Артузова сам Менжинский.

Еще в 1927 году председатель ОГПУ пошел на беспрецедентный шаг: он инкогнито, несколько изменив внешность – сбрив усы, под именем бухгалтера Николая Ивановича Пахомова в составе советской банковской делегации выехал в Берлин.

Свободно владея немецким языком, Менжинский имел возможность общаться в Германии с совершенно разными людьми: от влиятельных банкиров до сизоносых завсегдатаев бесчисленных берлинских кнайпе, локалей и бирштубе. И пришел к выводу, который тогда разделяли далеко не все в советском руководстве, а также в правительствах ряда западных стран: национал–социалисты и их вожак Адольф Гитлер – не обычные воинствующие хулиганы. Они представляют серьезную опасность для хрупкой Веймарской республики, а в случае захвата власти – угрозу всей европейской демократии.

Вернувшись в Москву, Менжинский счел необходимым дать распоряжение руководителям разведки усилить внимание к процессам, происходящим в политической жизни Германии. В сложившейся ситуации было чрезвычайно важно обзавестись хорошими агентами в недрах национал–социалистической партии и политическом отделе берлинской полиции.

У Артузова такие агенты были. Что примечательно – оба они были «инициативщиками». На профессиональном языке разведчиков так называют агентов, которые проявили намерение сотрудничать по собственной инициативе. Службы безопасности любой разведки относятся к «инициативщи–кам» весьма настороженно. С одной стороны, удача, дескать, «сам пришел», с другой – так контрразведке противника легче всего сделать

«подставу».

Первый из обоих весьма ценных «инициативщиков» еще веймарского периода (правда, по хронологии он был как раз вторым, но так удобнее излагать ход событий) оказался беззаботным до изумления. Он не стал искать якобы случайной встречи с каким–либо советским дипломатом – предполагаемым разведчиком, а просто явился в полпредство СССР на Унтер–ден–Линден, 63, что находилось ровно в трехстах метрах от Бранденбургских ворот.

Молодой, красивый мужчина, элегантно одетый, с явно выраженной военной выправкой оказался бароном Куртом фон Поссанером, австрийцем по национальности, членом Германской национал–социалистической рабочей партии. Произошло это 16 ноября 1931 года, а всего за несколько дней до визита барон еще был… одним из руководителей разведки «Коричневого дома» (так называлась штаб–квартира гитлеровской партии в Мюнхене).

Фон Поссанер был человеком храбрым, но склонным к авантюризму. Во время мировой войны он служил офицером австро–венгерского флота, затем работал на пороховом заводе. Как многие фронтовики, после поражения Германии, бегства кайзера и развала австро–венгерской монархии, на волне всеобщего разочарования, хаоса и озлобления он подался к нацистам. Ведь его дядя князь Штаремберг был одним из фюреров австрийских сподвижников Гитлера.

Будучи человеком деятельным, Поссанер с головой окунулся в партийную работу и вскоре, в качестве кадрового офицера, хоть и в запасе, стал одним из руководителей нацистской разведки. С годами, однако, он стал постепенно, как и многие другие штурмовики, особенно рядовые, из неимущих кругов общества, сомневаться в искренности партийных бонз. По роду службы он знал, что денежные средства НСДАП складываются не только из членских взносов и выручки от продажи партийной литературы и прессы, но и тайных перечислений от крупных предпринимателей и банкиров.

Вначале это его смущало, затем стало раздражать и, наконец, возмутило. (И не только барона – уже после прихода Гитлера к власти недовольство охватило тысячи штурмовиков. Вовремя почуяв опасность со стороны тех, кто, в сущности, привел его в рейхсканцелярию, Гитлер и учинил печально знаменитую «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда руками своих преторианцев – эсэсовцев вырезал тысячи штурмовиков. Не пощадил даже нескольких личных друзей, в том числе признанного руководителя штурмовых отрядов Эрнста Рема.)

Весьма импульсивный человек, он перемены в своих взглядах

не скрывал, да и вообще был крайне невоздержан на язык. Из «Коричневого дома» его незамедлительно уволили, более того, включили в список неблагонадежных, почти изменников, подлежащих физической ликвидации.

Резидент ИНО в Берлине Борис Берман (Артем) был ошеломлен. По правилам, он не должен был проявить заинтересованность к предложению барона начать взаимовыгодное (Поссанер сразу заявил, что после увольнения остро нуждается в деньгах) сотрудничество. Однако понимал, что провокация со стороны такого человека просто немыслима. К тому же формально Берман ничем не рисковал: Поссанер не был государственным служащим или офицером рейхсвера, потому политическая полиция не могла бы углядеть чего–либо противозаконного в контакте советского дипломата с частным лицом, к тому же австрийцем.

Как и полагалось, Берман сообщил о странном визитере в Москву. Ответ Артузова развязал ему руки. Начальник ИНО считал возможным начать сотрудничество с бывшим нацистом после надлежащей проверки.

Проверке Поссанера способствовала одна из берлинских газет, негативно настроенных к национал–социалистам. Ее репортер сумел раздобыть в «Коричневом доме» тот самый список будущих жертв и опубликовал его. В списке значилась и фамилия барона.

С чистой совестью Артузов санкционировал включение барона в агентурную сеть. Ему присвоили номер А/270 и положили достаточное для скромной жизни денежное содержание.

Это была несомненная удача. Конечно, ничего не стоило внедрить в НСДАП надежного рабочего, особенно из фронтовиков. Но особого прока от рядового «нациста» не было бы. Другое дело – Курт фон Поссанер. Он был лично знаком с Гитлером, Ремом, Герингом, Геббельсом, Розенбер–гом, Гиммлером и другими видными нацистами. Достаточно сказать, что он представил в резидентуру список из 51 фамилии политиков, промышленников, военных, дипломатов, немецких и иностранных журналистов, которые могли быть завербованы советской разведкой или использоваться Пос–санером «втемную».

Отныне Иностранный отдел ОГПУ имел достаточно полное представление о том, что происходило в верхушке нацистской партии и даже в ближайшем окружении Гитлера.

Как бы то ни было, но в целом информация А/270 представляла значительную ценность. Когда Гитлер пришел к власти, в Москве имели достаточно точную характеристику его

личности, а также многих других нацистов, занявших министерские и другие важные государственные посты.

К сожалению, фон Поссанер не сумел предпринять должных мер для обеспечения своей безопасности. 17 марта 1933 года его обезображенное несколькими ножевыми и огнестрельными ранениями тело было найдено в лесу близ Потсдама.

Убийцы так и не были найдены, обстоятельства убийства не установлены. Но твердо можно утверждать: если бы у политической полиции Берлина (предшественницы гестапо) были серьезные подозрения, что барон – советский шпион, его бы арестовали, подвергли длительным допросам с целью выявления связей, выяснения, какие именно материалы он передал в Москву, и т. д. С арестованным и изобличенным агентом всегда работают опытные следователи, и не один день, прежде чем передать дело в суд. Нет, тут явно прослеживается почерк не спецслужб, а нацистских молодчиков уголовного пошиба, расправившихся с бывшим соратником за дезертирство и прочие грехи.

В справке о работе берлинской резидентуры за 1933 год отмечалось: «Учитывая возможность прихода к власти национал–социалистов и колоссальную активность, проявленную этой партией за последние два года, нами были приняты решительные меры для получения осведомления внутри партии. Первым был брошен на эту работу агент А/270, но потерпел неудачу, не сумев укрепить своего положения в партии. Причинами этому послужили как характер агента, так и его прошлые грехи перед партией. Все же ему удалось благодаря своим связям добыть материалы, освещающие структуру партии и характеристики ее отдельных руководящих работников… »

Гибель Курта фон Поссанера была тяжелой потерей и для резидентуры, и для Центра. Однако, как профессионал, Артузов понимал, что барон вследствие стечения неблагоприятных для него обстоятельств и особенностей характера был на гибель обречен. Увы, и в кошмарном сне Артузов не мог предвидеть, что горестная судьба несчастного барона скажется и на его собственной. Всего лишь через четыре года…

Вторым особо ценным «инициативщиком» в Берлине был среднего роста, очень крепкого сложения, с короткой шеей и приплюснутыми, словно у профессионального боксера, ушами и носом мужчина лет сорока пяти. Звали его Вилли Леман.

Леман родился в Саксонии, под Лейпцигом, в семье учителя. Подростком учился на столяра, но затем передумал и в семнадцать лет добровольно поступил на службу в кригс–марине, где получил специальность комендора. В 1905 году, находясь на борту германского крейсера, издали наблюдал знаменитое

Цусимское сражение. Зная во всех подробностях о героическом бое крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящими силами японцев, двадцатилетний немецкий матрос проникся глубокой симпатией к России и русским, которую не нарушила даже Первая мировая война.

На флоте Леман прослужил десять лет, уволился в звании обер–фельдфебеля в 1911 году и поступил на службу в прусскую полицию. Через несколько лет его, добросовестного служаку, ставшего к тому же квалифицированным специалистом, перевели в политический отдел берлинского поли–цайпрезидиума, размещавшегося в огромном здании с собственной тюрьмой на знаменитой Александерплац. Политический отдел полиции тогда являлся, по существу, настоящей контрразведкой.

Леман был женат. Его жена Маргарет унаследовала в Си–лезии маленькую гостиницу с ресторанчиком для туристов. После окончания мировой войны Леман мечтал об одном: по достижении пенсионного возраста поселиться в тех краях и открыть частное сыскное бюро. Леманы были бездетны, жили скромно, ничего лишнего себе не позволяли.

Леман политикой не интересовался, однако нацистов терпеть не мог, поскольку, как человек здравомыслящий, понимал, что все их социальные программы и крикливые лозунги всего лишь демагогия. К тому же, профессиональный полицейский, он считал совершенно недопустимым их бандитские методы борьбы за власть. Попустительства своего высшего начальства по отношению к нацистам не понимал и не одобрял.

В 1930 году Лемана перевели на «чистую», как сегодня сказали бы, престижную работу: вести наблюдение за несколькими дипломатическими объектами, в том числе за полпредством СССР. Самое курьезное заключается в том, что к этому времени он уже был… агентом ИНО ОГПУ! К сотрудничеству с советской разведкой Леман пришел вполне самостоятельно. Не очень–то веря в коммунистические идеи, он, однако, искренне симпатизировал России еще, как уже было сказано, со времен трагической Русско–японской войны. Отношения с резидентурой он завязал весьма хитроумным способом.

У Лемана был приятель по имени Эрнст Кур, которого за какие–то дисциплинарные проступки из полиции выгнали. Он бедствовал, и Леман подсказал ему способ поправить свои денежные дела: связаться с советским полпредством. Произошло это в 1929 году. Кур связался и стал поставлять берлинской резидентуре важную информацию о работе политической полиции, предупреждал, за кем из советских ведется наблюдение,

и т. п. Куру присвоили номер А/70 и псевдоним Рауппе. Очень скоро тогдашний берлинский резидент понял, что информация уволенного из полиции агента – вторична. Он ее получает от какого–то действующего сотрудника и не рядового шуцмана. Так был установлен контакт с первоисточником – Вилли Леманом, которому дали номер А/201.

Встречи с Куром отныне утратили всякий смысл, к тому же он стал чрезмерно много пить, а в пьяном виде – болтать. Куру посоветовали перебраться в Швейцарию и открыть там молочную лавку, на что выдали деньжат. Связь с ним, однако, не прервали и спустя некоторое время стали получать от него кое–что полезное уже на новом месте.

В Москве сразу поняли ценность Лемана. Уже в сентябре 1929 года из Центра в берлинскую резидентуру пришла шифровка: «Ваш новый агент А/201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где малейшая неосторожность со стороны А/201 или А/70 может привести к многочисленным бедам. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201».

В ответе резидентура сообщала: «…Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей».

Когда Гитлер стал рейхсканцлером Германии, а Геринг – главой правительства и министром внутренних дел Пруссии, Леман уже занимал в политическом отделе полиции, вскоре преобразованном «наци номер 2» в гестапо, достаточно прочное положение. Его заметил и приблизил к себе Геринг. Ле–ман находился при нем и в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года, о чем подробно информировал находящегося тогда в Германии на нелегальном положении Василия Зарубина. Советский разведчик работал тогда в Западной Европе под видом чеха, специалиста рекламного дела Ярослава Кочека.

Тогда же Леман выполнил весьма важное задание Арту–зова, которое тот получил непосредственно от Сталина: он умудрился найти повод, чтобы проникнуть в знаменитую берлинскую тюрьму Моабит (это не входило в его прямые обязанности), дабы убедиться, что вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман жив, и выяснить состояние его здоровья. По заданию Центра Леман, которому присвоили новый, уже именной псевдоним Брайтенбах, добыл тексты нескольких телеграмм гестапо для дешифровальной службы советской разведки.

Весной 1935 года тогдашний куратор Брайтенбаха наблюдательный Василий Михайлович Зарубин при очередной

встрече с Леманом обратил внимание на характерные мешки под глазами агента. Оказалось, что у Лемана, который обычно производил впечатление отменного здоровяка, серьезное заболевание почек, опасно обостренное на почве диабета. Встревоженный Зарубин поставил об этом в известность Москву.

Артузов ответил незамедлительно: «Брайтенбаху, конечно, обязательно помогите. Его нужно спасти во что бы то ни стало. Важно только, чтобы затрата больших средств на лечение была соответственно легализована или организована так, чтобы не выявились большие деньги. Это учтите обязательно».

Леману помогли преодолеть кризис, угрожавший его жизни, хотя диабет, болезнь неизлечимая, еще не раз давал о себе знать.

Брайтенбах вовремя сообщил об изобличении и неминуемом аресте нескольких советских нелегалов, в том числе и Стефана. Все они успели покинуть страну. Стефан Ланг (настоящая его фамилия Арнольд Дейч) был тем самым разведчиком, который позднее, работая в Англии, положил начало созданию знаменитой «Кембриджской пятерки» во главе с Кимом Филби.

В 1935 году Леман (в то время он отвечал за контрразведывательное обеспечение оборонных промышленных предприятий) присутствовал на испытаниях прототипов будущих ракет «Фау–1» и «Фау–2», проводимых их конструктором, Вернером фон Брауном, на секретном полигоне. Информация была доложена Сталину.

Благодаря Брайтенбаху высшее советское военное командование и лично маршал Михаил Тухачевский, как зам–наркома обороны отвечавший за развитие военной техники, получили достоверную информацию о создании в Германии фирмой «Хорьх» новых типов бронетранспортера, дальнобойных орудий и минометов, истребителей и бомбардировщиков (фирмы «Хейнкель») с цельнометаллическим фюзеляжем, о закладке в обстановке строжайшей секретности (в нарушение соответствующих статей Версальского договора) на восемнадцати верфях семидесяти подводных лодок разного класса для действий в Балтийском и Северном морях, о местонахождении пяти секретных испытательных полигонов (в войну их разбомбила советская и союзная авиация), о новом огнеметном оружии, о работах закрытой лаборатории фирмы «Бравас» в Наундорфе под личным контролем Геринга по изготовлению синтетического бензина из бурого угля, о секретном заводе по производству отравляющих веществ нового поколения.

Примечательно, что на службе Вилли Леман пользовался не только полным доверием, но и большим авторитетом. В канун нового, 1936 года четыре – всего четыре! – сотрудника гестапо

получили особые награды (правительственных орденов в нацистской Германии еще не существовало): портреты фюрера в серебряных рамках с его автографом и сопутствующие им грамоты. В числе этих четырех оказался и Вилли Леман.

19 июня 1941 года во время короткой встречи со своим последним куратором, сотрудником резидентуры Борисом Журавлевым, Вилли Леман, пожав ему руку, выдавил с трудом всего несколько слов: «Война начнется в воскресенье, двадцать второго, в три тридцать утра. Прощай, товарищ!»

Одним из самых серьезных «приобретений» советской разведки в Германии того периода стал один немецкий ученый–экономист. Здесь следует сделать небольшое примечание. В 20–е годы резидентура за границей не только подбирала кандидата на роль агента, но и самостоятельно вербовала его. «Вербовка» – слово, более подходящее для человека из чужой среды, которого склоняют к сотрудничеству за мзду либо в обмен на какую–то услугу, чем для людей близких по мировоззрению, становящихся агентами по идейным соображениям. Если им и выплачивается вознаграждение, то не оно определяет мотивацию поступков, тем более если выполнение разведывательных заданий чревато опасностью для жизни агента. В конце концов кадровый сотрудник ре–зидентуры тоже получает жалованье от своего государства, но это не означает, что он работает за деньги. К слову сказать, деньги, порой немалые, бывают необходимы агенту и на сугубо деловые расходы.

Позднее упомянутую выше практику отменили. Для включения кандидата в агентурную сеть требовалось решение Центра по обоснованному представлению резидентуры. (Правда, иногда допускались исключения из общего правила.)

Казалось бы, согласие руководителя ИНО на вербовку – пустая формальность. Вовсе нет. Во–первых, Центр должен проверить кандидатуру по своим каналам, при этом могут выявиться сведения, которые резидентуре неизвестны (они могут быть и положительными, и отрицательными). Во–вторых, если ничего компрометирующего о кандидате не установлено, руководитель в Центре должен по материалам резидентуры сделать ответственное заключение о целесообразности ведения дел с человеком, которого он и в глаза не видел, а зачастую ранее не слышал о его существовании вообще, взвесить его потенциальные разведывательные возможности.

Санкционировав вербовку, руководитель Центра должен дать резидентуре и установку, на какие задания следует ориентировать новобранца разведки. В зависимости от требований правительства, рекомендаций центральных

государственных учреждений (Наркоминдела, Наркомвнешторга, Наркомтяжпрома и др.) Центр дает резидентуре конкретные поручения. Крупномасштабные, долгосрочные разведывательные операции резидентура, как правило, осуществляет совместно с Центром.

…Ученого–экономиста, о котором далее пойдет речь, звали Арвид Харнак. Это был человек во многих отношениях выдающийся. Отец – профессор Высшей технической школы, дядя – известный богослов. К тридцати годам Арвид успел стать обладателем дипломов трех университетов и двух докторских степеней – по юриспруденции и философии (фактически – экономике). Как проявивший исключительные способности, он получил стипендию Фонда Рокфеллера (сегодня это называется «грант»), что позволило ему продолжить учебу в аспирантуре в Англии и США. В университете штата Висконсин он познакомился с Милдред Фиш и вскоре женился на ней. Она была из старинной американской семьи немецкого происхождения. Милдред и сама была способным молодым ученым – доктором филологии, профессионально занималась переводом на английский язык классиков немецкой литературы. К этому времени Харнак уже проявлял глубокий интерес к рабочему движению и разделял социалистические взгляды.

Вернувшись в Германию, Харнак получил несколько предложений занять весьма престижные посты. Еще в 1931 году он вступил в Общество изучения советской плановой экономики (немецкая аббревиатура – Арплан) и стал его секретарем. Несколько позже он стал членом Союза работников умственного труда, тесно связанного с коммунистами и находящегося под пристальным вниманием ИНО ОГПУ и лично Артузова.

Первым обратил внимание на Харнака советский консул в Кенигсберге, а затем сотрудник полпредства в Берлине Александр Гиршфельд, связанный с военной разведкой Красной армии. Он и сообщил о Харнаке как о перспективном агенте своему резиденту.

Летом 1932 года в составе делегации Арплана Харнак приезжал в СССР по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). За три недели делегация побывала в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе и на строительстве Днепрогэса. К этому времени Харнак уже нелегально состоял в Компартии Германии. Милдред полностью разделяла взгляды мужа.

В ВОКС (как впоследствии и в его преемнике ССОД) всегда работали несколько кадровых сотрудников разведки и контрразведки ОГПУ. Арвид Харнак привлек их симпатии и своими взглядами, и твердым характером. Эти наблюдения были

доведены до сведения Артузова.

По возвращении Харнака в Германию его изучение было продолжено. 15 июля 1935 года Артур Артузов, работавший уже в военной разведке, дал указание: «Подготовку к вербовке Харнака считать целесообразной».

8 августа того же года Александр Гиршфельд после трехчасовой беседы с Харнаком задание Артузова выполнил. Харнаку был присвоен псевдоним Балтиец, однако в историю советской разведки и Второй мировой войны он вошел под своим вторым псевдонимом Корсиканец. Милдред стала его верной помощницей, ей дали псевдоним Японка.

Харнаку была передана установка: в целях конспирации и успешной борьбы с гитлеровским режимом ему следует пресечь все контакты с коммунистами и известными антифашистами. Более того, Харнаку, уже имевшему высокий ранг регирунгсрата (правительственного советника), затем обер–регирунгсрата и занимавшего высокий пост в министерстве экономики, рекомендовали вступить в НСДАП либо в какую–нибудь из ее дочерних организаций. Выполняя указание, Харнак вступил в национал–социалистический союз юристов, а вскоре стал руководителем его секции в своем министерстве.

Между тем, поразмыслив, Артузов пришел к выводу, что Харнака, человека сугубо штатского, работающего в общегерманском ведомстве, связанном со всей экономической жизнью страны, целесообразнее использовать по линии политической, а не военной разведки. Поэтому руководство Балтийцем было передано преемнику Артузова по ИНО Слуцкому (впрочем, ИНО теперь именовался 7–м отделом Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел СССР).

В том же 1935 году в Берлин в качестве резидента внешней разведки прибыл Борис Гордон (оперативный псевдоним Рудольф) и установил с Харнаком личную связь.

В 1937 году Харнак вступил в НСДАП. В министерстве он ведал отделом, занимавшимся торговыми и экономическими отношениями Германии с США («Американареферат»), благодаря этому был вхож в посольство США. Харнак получил доступ к абсолютно секретным документам своего министерства и даже участвовал в составлении закрытых докладов министра руководству рейха. Его приняли в элитный «Геррен–клуб». Здесь собирались видные промышленники, банкиры, владельцы роскошных магазинов и ресторанов, ответственные чиновники министерств, генералы и старшие офицеры всех трех родов войск и прочие «большие шишки».

Милдред Харнак тоже нашла свою информационную «лагуну». Обладая двойным гражданством, она стала руководящей деятельницей Союза американских женщин. Активисткой союза была дочь посла США в Германии Вильяма Додда известная журналистка Марта Додд. Его высокопревосходительство амбассадор Додд, вероятно, утратил бы дар речи, если бы узнал, что его довольно взбалмошная дочь является… агентом советской внешней разведки, где проходит под псевдонимом Лиза.

Благодаря своим связям, а также знакомствам жены с супругами американских дипломатов Балтиец передавал в ре–зидентуру абсолютно секретные данные о валютном хозяйстве Германии, финансировании спецслужб рейха и военной промышленности, номенклатуре товаров, тайно ввозимых в страну, и пр.

Харнак стал основателем первой подпольной группы берлинских антифашистов, сотрудничавших с советской разведкой, которая теперь известна всему миру под названием «Красная капелла».

В группу Балтийца, в частности, входили высокопоставленный сотрудник технического отдела ОКБ (верховного главнокомандования вермахта) барон Вольцоген–Нойхаус (Грек), главный бухгалтер химического гиганта «ИГ Фар–бен» Ганс Рупп (Турок), промышленник, бывший царский офицер и писатель, обладающий огромными связями в ОКБ, Хайнц Тициенс (Албанец), племянник Харнака, офицер военно–морской разведки Вольфганг Хавеман (Итальянец), сотрудник проектно–конструкторского отдела гиганта тяжелого машиностроения АЕГ Карл Беренс (Лучистый) и многие другие немецкие патриоты.

Вторую группу возглавил друг Харнака, известный писатель и драматург Адам Кукхоф (оперативный псевдоним Старик). Позднее, через несколько лет, появилась третья группа, возглавляемая обер–лейтенантом люфтваффе Харро Шульце–Бойзеном (оперативный псевдоним Старшина).

Начавшаяся индустриализация страны, составление первого, а затем и второго пятилетнего плана, освоение новых, ранее в России не существовавших производств – радиотехники, авиационного моторостроения, современной электропромышленности и т. д. – значительно увеличили потребность страны в научной, технической и промышленной информации, а также в образцах новейших изделий для последующего тиражирования их на отечественных заводах. Получить их в нужном количестве легальным путем оказалось затруднительно, в ряде случаев – невозможно. Некоторые

новинки или технологические описания нам не хотели продавать на Западе ни за какие деньги, особенно если они имели прямое или косвенное отношение к вооружениям.

Потому еще в 1929 году в ИНО было образовано вначале малочисленное отделение, занимавшееся научной, технической и промышленной разведкой. Естественно, потребовались сотрудники совсем особого рода – первоклассные специалисты в различных областях, имеющие высшее образование, с широким кругозором и обладающие, кроме того, специфическими навыками оперативной работы.

Центром научно–технической и промышленной разведки в Европе стало громадное здание советского торгпредства на Линденштрассе в Берлине. В те годы его деятельность направлял торговый советник Лев Фельдбин. У этого человека было множество фамилий: Никольский, Николаев, Берг… В историю разведки он вошел под именем Александра Орлова (оперативный псевдоним Швед). В Германии он занимался проведением тайных операций по торговле военными, в нынешней терминологии – стратегическими – материалами. Его помощником некоторое время был полномочный представитель военного ведомства Павел Аллилуев, шурин Сталина. Именно Павел привез из Берлина и подарил сестре Надежде крохотный, так называемый дамский пистолетик «вальтер». Тот самый, из которого она застрелилась в ноябрьскую ночь 1932 года.

СССР закупал на Западе не только отдельные станки, машины, виды оборудования, но и целые заводы. Расплачиваться приходилось зерном, золотом, картинами Эрмитажа и драгоценными пасхальными яйцами работы великого ювелира Фаберже. На все денег не хватало. Восполнить их дефицит своими методами и предстояло Иностранному отделу. Нужно было помочь и Наркомвнешторгу. Агентура сообщала, что, как правило, при заключении контрактов с советскими торговыми организациями западные фирмы завышали расценки на 50—70 процентов против реальных рыночных. Разведчикам приходилось выявлять крайнюю цену, на которую пойдет партнер по сделке, его платежеспособность (если тот выступал в качестве покупателя), добросовестность при выполнении заказов и т. п.

Когда Артузов получил назначение в ИНО, Мессинг охотно поручил ему как инженеру курировать это отделение. В высшем звене ОГПУ он был единственным, имеющим диплом об окончании технического высшего учебного заведения, причем весьма престижного. Специалисты с таким образованием имелись в ОГПУ только в отделах шифров и кодов, средств радиосвязи, оперативной техники. Теперь их стали искать и для привлечения

к оперативной работе, причем не только в Центре, но и за рубежом.

Одним из таких новых людей в ИНО стал инженер–химик Гайк Овакимян. Свой диплом он получил не в сомнительном «заводе–втузе» за два года без отрыва от производства, а в Московском высшем техническом училище им. Н. Э. Баумана. К тому же он учился два года в адъюнктуре

Военно–химической академии РККА и аспирантуре МВТУ, где защитил кандидатскую диссертацию. К тридцати годам Овакимян успел поработать на производстве и пройти стажировку в Германии и Италии. Он свободно владел немецким, итальянским и английским языками.

Артузов направил Овакимяна в Берлин для работы под прикрытием должности инженера в торгпредстве именно по линии научно–технической и промышленной разведки. Выбор оказался удачным. За короткий срок Гайк оброс множеством связей. Особенно близко он сошелся с тридцатилетним Гансом–Генрихом Куммеровом.

Ганс–Генрих был разносторонне образованным и талантливым инженером. По окончании средней школы он два года изучал в Берлинском университете историю музыки и философию (тяга к этим дисциплинам – традиционное пристрастие немецких интеллектуалов) и лишь затем поступил в Высшую техническую школу в берлинском районе Шарлоттенбург, где и получил диплом инженера. Два года спустя, в возрасте двадцати шести лет, Куммеров уже был доктором наук.

Пять лет Куммеров проработал на ведущих инженерных должностях на заводе «Газглюлихт–Ауэргезельшафт», затем в конструкторском бюро фирмы «Леви–радио АГ», выполнявшей военные заказы, и одновременно в Имперском биологическом бюро сельского хозяйства и лесоводства.

Артузов сразу оценил перспективность сотрудничества с Куммеровом, особенно когда стало известно об антифашистских убеждениях ученого. Первая же полученная от него информация военного характера подтвердила правильность этого вывода: Куммеров безвозмездно передал Овакимяну данные о разрабатываемых в Германии новых отравляющих боевых веществах. Овакимян, сам высококвалифицированный химик, не нуждался в экспертизе Центра, чтобы понять достоверность материала и его значение. Возможно, именно в связи с первой информацией Куммерову был присвоен оперативный псевдоним Фильтр. Вслед за этим Ганс–Генрих передал резидентуре образцы компонентов разработанного им нового армейского противогаза.

Разработка опытного образца противогаза обошлась в 40 тысяч марок, резидентура же получила его бесплатно. Последним его подарком, сделанным уже во время войны, были данные о новом секретном 150–миллиметровом артиллерийском снаряде, на который командование вермахта возлагало большие надежды. Немалое значение имела и полученная от Фильтра информация о том, что Германия, несмотря на срыв блицкрига, не рискнет применить в этой войне химическое оружие, что, как известно, подтвердилось.

Куммеров привлек к сотрудничеству с советской разведкой своего близкого друга, также видного инженера, доктора Эрхарда Томфора. От него были получены данные о работах по созданию синтетического бензина (горючее было ахиллесовой пятой Германии в обеих мировых войнах) и каучука, радиолокатора, акустической торпеды и танковых радиостанций, способных устойчиво работать даже в условиях характерной тряски.

И Куммеров, и Томфор считали свое сотрудничество с советской разведкой в моральном отношении абсолютно оправданным, поскольку оно способствовало разгрому фашизма.

Работа Овакимяна в Германии была неожиданно для него прервана 24 сентября 1933 года шифрованной телеграммой из Москвы:

«Сов. Секретно. т. Черниговскому.

Геннадию сдать дела и откомандировать в Аттику. *Алексеев».*

Поясним: Черниговский – оперативный псевдоним резидента по странам Европы Слуцкого, Геннадий – оперативный псевдоним Овакимяна, Алексеев – оперативный псевдоним начальника ИНО Артузова. Аттика в данном случае означает не область Греции, а Советский Союз.

В Москве Артузов объяснил встревоженному Овакимяну, что внезапный отзыв объясняется вовсе не недовольством его деятельностью в Германии, напротив, его ожидает новое ответственное задание. В связи с установлением дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки принято решение командировать его в Нью–Йорк для организации работы по линии научно–технической разведки. Там ему предстоит пройти стажировку в Нью–Йоркском химическом институте, желательно защитить докторскую диссертацию, а в дальнейшем работать под «крышей» акционерного общества «Амторг».

В США Овакимян проработал девять лет, и весьма успешно: на связи у него было 14 ценных агентов и 3 групповода, в том числе уже известный и в нашей стране выдающийся разведчик Яков Голос (настоящая фамилия Рейзен, оперативный псевдоним

Звук).

…В 1936—1938 годах советская внешняя разведка подверглась разгрому. Десятки, сотни кадровых сотрудников и агентов, в том числе и работавших за рубежом, были расстреляны. К 1940 году в берлинской резидентуре оставалось всего два молодых сотрудника, из которых один даже не владел немецким языком. Связь с ценными агентами была прервана, с некоторыми утрачена навсегда.

Такие же невосполнимые потери понесла и военная разведка Красной армии.

Только в 1940 году руководитель внешней разведки (теперь она называлась 5–м отделом ГУГБ НКВД СССР) Павел Фитин смог предпринять усилия к восстановлению утраченных связей с агентурой и активизацией ее работы. (Насколько известно автору, в разведке и контрразведке никто всерьез не верил в долговечность заключенного в августе 1939 года пакта о ненападении с Германией.) В Берлин как сотрудник внешнеторговой организации был командирован тридцатилетний разведчик, лейтенант государственной безопасности{81} Александр Коротков (под псевдонимом Владимир Коротких).

Интересна история его появления в Иностранном отделе. Этого высокого, худощавого парня приметил на динамовском стадиончике на Петровке один из основателей спортивного общества «Динамо», бывший секретарь Дзержинского Вениамин Герсон. Парень был отличным теннисистом и футболистом. (Его старший брат Павел Коротков к середине 30–х годов гремел на всю страну как полузащитник первого чемпиона СССР по футболу московского «Динамо» и сборной. Впоследствии он стал многократным чемпионом и обладателем Кубка СССР по хоккею, заслуженным мастером спорта.)

Герсон сразу понял, что для ДСО «Динамо» младший Коротков – настоящая находка. Но для вступления в «Динамо» он должен был непременно работать в системе ОГПУ, милиции, хотя бы в пожарной команде. Герсон привел его на Лубянку, в хозяйственное управление, где Короткова и приняли на работу наладчиком лифтов. По тогдашним меркам парень имел хорошее образование – окончил среднюю школу, к тому же был сообразительным и энергичным. К нему присмотрелись и взяли в ИНО, сначала письмоводителем. Со временем Артузов повысил его до должности помощника уполномоченного. Парень ему понравился и тем, что прилежно штудировал языки – немецкий и французский. Артузов умел не только ценить одаренных людей (это многие умеют), но и находить их (сие дано не каждому руководителю).

Когда Шведу (Александру Орлову) потребовался напарник для ответственной работы во Франции (и в промежуточных странах – Австрии и Швейцарии), Артузов назначил на эту роль Короткова, которому был определен оперативный псевдоним Длинный.

К 1940 году Коротков был уже опытным разведчиком, которому, к слову сказать, пришлось поработать и в Германии. С заданием он справился успешно. Под носом гестапо и СД восстановил связи с Корсиканцем, Фильтром, Брай–тенбахом, познакомился и со Старшиной. Когда началась война, Короткое сумел дважды выскользнуть из блокированного здания советского посольства на Унтер–ден–Линден и передать антифашистам «Красной капеллы» две рации, коды, деньги.

Впоследствии Александр Коротков стал единственным в истории спецслужб руководителем нелегальной разведки, который и сам обладал опытом работы нелегала за рубежом.

…Увы, из–за просчетов Центра в конце 1942 года гестапо вышло на след «Красной капеллы». Многие десятки антифашистов были арестованы, обезглавлены на гильотинах и повешены{82}.

…Непреходящей головной болью для советских внешних политиков на протяжении многих лет оставались отношения с панской Польшей. После успешной войны 1920 года, обеспеченной колоссальной военной помощью Франции и Англии, власти и милитаристские круги этой страны всерьез уверовали, что способны вести дела с СССР с позиции силы. Давнишняя ненависть к России и всему российскому вообще, которую, к сожалению, разделяли рабочий класс и крестьянство, кружили голову ярым пилсудчикам, зачастую толкали их на безрассудные действия, в конечном счете наносящие вред самой Речи Посполитой. Их самоуверенность и безответственность обернулись, как известно, разгромом 1939 года и пятью годами немецкой оккупации.

Польша в тот период не без основания рассматривалась и руководством СССР, и высшим командованием Красной армии как наиболее вероятный противник в будущей войне. С учетом сказанного КРО и ИНО ОГПУ были обязаны внимательно отслеживать процессы, происходящие в соседней стране.

Одним из лучших советских агентов, работавших «по Польше», был штабс–капитан русской, а затем и польской армии Виктор Антонович Илинич, человек весьма странный и противоречивый. В нем самым странным образом сочетались исключительная добросовестность при добывании информации, причем первостепенной важности, и непреодолимая склонность к

жульничеству в денежных делах.

Завербовал Илинича еще в феврале 1924 года резидент Разведупра РККА в Варшаве Семен Пупко, взявший себе рабочий псевдоним Фирин. Впоследствии он стал весьма известной личностью под двойной фамилией Фирин–Пупко{83}.

К моменту вербовки Илинич входил в состав ПОВ – Польской организации войсковой, тесно связанной с пресловутой «двуйкой» – 2–м отделом польского генштаба.

Илинич оказался прирожденным вербовщиком. В короткий срок, используя свои связи и знакомства в различных слоях польского общества, особенно в военной среде, он создал небольшую, но весьма эффективную группу источников информации. В варшавской резидентуре Разведупра, которой руководила Мария Скаковская (одна из четырех женщин–разведчиц, награжденных орденом Красного Знамени), и в Центре он считался исключительно ценным агентом.

В июне 1925 года Виктор Илинич (оперативный псевдоним Лебедев) был изобличен контрразведкой и осужден. В тюрьме он пробыл около трех лет, после чего его обменяли на несколько арестованных в СССР польских шпионов. Арестована и осуждена к пяти годам каторги была и Скаковская. Ее обменять не удалось. По отбытии срока наказания она вернулась в СССР и перешла на гражданскую работу.

В Москве Илинич числился в Разведупре на должности с неопределенными обязанностями – «для поручений». В конце концов ему это надоело, и он ушел на хозяйственную работу в «Сахаротрест».

Илинича хорошо знал начальник одного из отделений ИНО Казимир Барановский, сам поляк, переведенный в ОГПУ из Разведупра. Он–то и рекомендовал Артузову забрать Илинича в ИНО, поскольку тому в «Сахаротресте» успело надоесть.

О возвращении в Варшаву даже нелегальным путем нельзя было и помышлять – там Илинича слишком хорошо знали. Потому он обосновался в Данциге, где и развернул активную работу по Польше. Располагая несколькими «железными» паспортами ряда стран, Илинич свободно разъезжал по всей Европе и каждый раз возвращался с богатым уловом. В Берлине его деятельностью руководили два ответственных сотрудника ИНО – Абрам Слуцкий и Борис Берман.

Как–то Илинич завербовал бывшего польского офицера Филевича, который, в свою очередь, сумел завербовать сотрудника «двуйки» капитана Баранского. Он оказался ценнейшим источником, от него через Илинича потекла в Москву информация исключительной важности. К сожалению,

впоследствии Баранский был изобличен Дефензивой (польской контрразведкой) и по приговору военного трибунала повешен.

Если бы не чрезмерная тяга Илинича к твердой валюте…

В 1931 году он сообщил в Центр, что ему удалось завербовать посла Польши в Вене, куда он сам действительно частенько наезжал из Германии. Завербовал на материальной основе, попросту говоря – за деньги. Только на первый взнос высокопоставленному дипломату ему потребовалось 5 тысяч долларов США. Пробная информация от посла оказалась столь важной, что Артузов получил разрешение на эту трату, по тому времени весьма значительную. (Достаточно напомнить, что тогда в США еще ходили золотые монеты достоинством в 10 и 20 долларов.) В общем счете этот польский дипломат, которому был присвоен псевдоним Вишневский, получил от ОГПУ 70 тысяч долларов – сегодня эта сумма равноценна почти миллиону!

Впоследствии этот дипломат занимал посты посла Польши во Франции и… в Советском Союзе!

По словам Илинича, Вишневский при вербовке поставил жесткое условие: ни с каким другим представителем советской разведки он, кроме Илинича, дела иметь не будет. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже если нож к горлу приставят, будет все отрицать. Посему проверить правильность расходов, производимых Илиничем, оказалось невозможно.

Откровенно говоря, такую проверку долгое время никто проводить и не собирался. Поскольку информация Вишневского всегда оказывалась не только исключительно важной, но непременно подтверждалась или ходом событий, или данными от других источников.

Увы, позже выяснилось, что никакого агента Вишневского в природе не существовало, хотя некий высокопоставленный дипломат Речи Посполитой действительно в разные годы являлся послом своей страны в Вене, Париже и Москве. Источником Илинича был совсем другой человек, агент Роман, скромный чиновник польского министерства иностранных дел по имени Степан Рыттель, по «совместительству»… муж родной сестры Илинича. Он–то и снабжал за скромное вознаграждение своего шурина точной и своевременной информацией о планах и намерениях польского правительства.

В 1931—1932 годах советская дипломатия прилагала большие усилия для улучшения отношений с Польшей. Итогом длительных переговоров стало заключение советско–польского пакта о ненападении. Полпред СССР в Варшаве Владимир Антонов–Овсеенко и заведующий информационным отделом ЦК ВКП(б) Карл Радек заверяли руководство страны, что подписание

этого документа является поворотным пунктом в отношениях между двумя странами, что перед угрозой со стороны Германии (а дело явно шло к захвату власти в Берлине нацистами) Польша неминуемо будет искать дальнейшего сближения с СССР. По элементарной логике так оно и должно было быть. Если бы польское руководство озаботилось в первую очередь интересами безопасности своей страны и народа, а не ослепляющей разум ненавистью к восточному соседу.

Естественно, Сталин, руководствуясь логикой, полностью доверял утверждениям Антонова–Овсеенко и Радека. Настроение ему несколько портили, а затем стали и раздражать прямо противоположные донесения начальника ИНО Артузова. Основываясь на информации Илинича, подкрепленной сообщениями от других надежных источников, Ар–тузов писал, что все миролюбивые жесты Польши в сторону СССР – лишь дымовая завеса польского правительства, что на самом деле оно ведет линию на тесное сближение с Германией.

После торжественного заседания состоялась застольная встреча руководящих работников ОГПУ со Сталиным и другими вождями. Присутствовали на банкете также представители Наркоминдела, других центральных ведомств.

У Сталина была тогда демократическая привычка – с бокалом хорошего грузинского вина в руке он обходил столики, здоровался с сидящими (вернее, вставшими) за ними чекистами, чокался с ними и произносил несколько многозначительных слов. Именно многозначительных, поскольку Сталин никогда, ни с трибуны, ни в дружеском застолье, слов на ветер не бросал. Даже его шутки таили в себе либо поощрение собеседника, либо скрытую угрозу.

Остановившись возле столика, за которым сидели Арту–зов, Слуцкий, еще несколько ответственных сотрудников ИНО, Сталин в общих словах разведку похвалил. А потом, глядя в глаза Артуру Христиановичу, неожиданно задал вопрос, вроде бы с иронией, но ощутимо напряженно:

– Ну а ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?

И, не дожидаясь ответа, перешел к следующему столу.

Настроение Артузова было мгновенно испорчено. На что намекал вождь? Вполголоса обменявшись мнениями со Слуцким, пришел к выводу: Сталин имел в виду Илинича.

Столкновение двух противоположных точек зрения разрешилось очень скоро в пользу Артузова: 26 января 1934 года Польша заключила с Германией дружественное соглашение сроком на десять лет. Разумеется, это суверенное право каждого

государства заключать подобные договоры с любым из своих соседей. Формально у СССР не было ни малейших оснований выражать свое недовольство. Но, по сути дела, этот договор сводил на нет аналогичный советско–польский документ. О настоящих добрососедских отношениях с Польшей теперь и речи быть не могло. Для Польши сия недальновидность обернулась трагедией, начавшейся 1 сентября 1939 года, когда отделение немецких солдат с дружным гоготом отворило шлагбаум на германо–польской границе…

Артузов впоследствии не раз встречался со Сталиным в деловой обстановке, и ни разу вождь не упоминал о том своем иронично–зловещем вопросе. Но косвенно признал правоту Артузова тем, что отозвал в Москву бывшего полпреда Антонова–Овсеенко, проглядевшего «шашни» поляков с немцами. Отстранен от своего поста был и Радек.

Между тем от того же Илинича поступило еще одно сообщение, оказавшееся воистину пророческим. Он доносил, что в нарушение Версальского договора, позволяющего Германии иметь вооруженные силы, не превышающие 100 тысяч человек, Гитлер намерен в ближайшем будущем возродить массовую, основанную на призыве армию в составе для начала из 36 полнокровных дивизий, а также воссоздать военно–воздушные и военно–морские силы.

Так оно и произошло. 16 марта 1935 года в Германии была введена всеобщая воинская обязанность и началось формирование вермахта первоначальной численностью в 550 тысяч человек. По этому поводу как своего рода вызов западным странам была отчеканена памятная серебряная медаль.

В 1936 году Виктора Илинича арестовали. Его обвинили в измене, дезинформации (?!) советской разведки по заданию польских спецслужб, в присвоении крупных валютных сумм. Илинич признал, что мошенническим путем выкачал из кассы ОГПУ—НКВД 70 тысяч долларов, но категорически отрицал предательство, ссылаясь на достоверность доставляемой им информации. При всей своей ловкости он оказался до смешного наивным: именно поэтому ему настойчиво приписывали шпионаж в пользу поляков, иначе могли бы возникнуть сомнения в мудрости и дальновидности вождя. Сталин был одним из главных и прямых виновников поражения Красной армии в советско–польской войне 1920 года. С тех пор и возникла у него стойкая ненависть к полякам. Даже к своим. И к тем военачальникам, кто, вопреки панегирическим книгам и статьям наркома обороны Клима Ворошилова, знал о роли Сталина в той злополучной войне. Этим, по мнению автора, объясняется почти поголовное

уничтожение командиров Красной армии и чекистов польского происхождения, физическое истребление проживающих в СССР поляков–коммунистов и роспуск Польской компартии, наконец, необоснованный Катынский расстрел 1940 года, по одним данным 15, по другим – 20 тысяч польских офицеров.

…В декабре 1929 года Артузова, еще до предварительного уведомления о новом назначении, пригласил к себе Менжинский. Именно пригласил – председатель никого и никогда к себе не вызывал, даже если предстояло вынесение взыскания. Поручение было неожиданным и необычным.

– Я пригласил вас, Артур Христианович, для разговора в высшей степени конфиденциального, – счел нужным сразу предупредить Менжинский. – В последнее время, к сожалению, в нескольких странах у нас случились провалы. Мы с вами понимаем, конечно, что в разведке без неудач не обойтись. Риск в этом деле неизбежен. Но так, чтобы один прокол за другим… Это уже не случайность. Должна быть какая–то глубинная причина, принципиальная недоработка в чем–то.

Сейчас, когда в ИНО пришел новый руководитель, нам необходимо разобраться, в чем дело. Станислав Адамович весьма занят, только принимает дела, ему еще предстоит освоиться в Центре. Поэтому прошу вас помочь ему. Нужно изучить материалы, – Менжинский кивнул в сторону лежащих на краю стола папок, – связанные с последними провалами. Найти главную причину, отбросив в сторону версию о несчастливом стечении обстоятельств, и внести свои предложения о реорганизации закордонной работы.

– На чье имя адресовать докладную? – начиная кое о чем догадываться, спросил Артузов.

– Ни на чье. Просто – «Докладная записка». Подписывать не надо. Вручите мне лично, минуя секретаря, как только завершите.

Сразу после встречи Нового, 1930 года Артузов по внутреннему телефону доложил председателю о завершении работы. Через час он уже был в кабинете Менжинского. Кроме Вячеслава Рудольфовича здесь уже находился Мессинг.

– Позвольте, Артур Христианович, представить вам вашего нового начальника. Прошу любить и жаловать…

Артузов недоуменно вскинул брови.

– Все правильно, – улыбнулся Менжинский. – С первого января вы заместитель начальника Иностранного отдела. А теперь давайте–ка сюда вашу докладную…

В середине января Менжинский, Мессинг и Артузов были вызваны на заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Председательствовал секретарь ЦК Вячеслав Молотов. Даже на

заседаниях фактически высшего органа партийной и государственной власти в стране Сталин держался несколько в тени и, в отличие от остальных вождей, большую часть времени не сидел за столом, а расхаживал по небольшому залу.

Видимо, Молотов был заранее предупрежден, кто будет докладывать вопрос от ОГПУ, потому что сразу предоставил слово Артузову. Едва Артур Христианович успел произнести несколько фраз, как Сталин характерным жестом – вытянув руку с зажатой в кулаке трубкой – остановил его:

– Мы читали вашу справку, товарищ Артузов. По ней к вам вопросов нет. Но есть другой вопрос: что нужно сделать, чтобы провал агента не приводил полицию или контрразведку в наше полпредство? Не вызывал международного скандала?

Ответ на этот вопрос, строго говоря, был в докладной уже изложен, но, видимо, Сталин хотел, чтобы Артузов повторил его устно, перед всеми членами Политбюро.

– Мы пришли к выводу, товарищ Сталин, что надо прекратить базировать наши резидентуры исключительно на полпредствах и торгпредствах. Они немногочисленны, за каждым сотрудником спецслужбы ведут плотное наблюдение и достаточно быстро выявляют разведчиков, а затем их связи.

По нашему мнению, в нынешних условиях главную ставку следует делать на нелегальный агентурный аппарат, с официальными советскими представительствами и другими учреждениями не связанный, то есть совершенно автономный. Разведчики–нелегалы, включая и резидентов, действуют под прикрытием иностранного гражданства, удобных профессий и занятий. Каналы связи с Центром тоже автономные. Никаких контактов с легальными резидентурами, никаких контактов с местными компартиями.

Еще одно соображение, товарищ Сталин. В случае войны легальная резидентура, как и все полпредство, будет немедленно интернирована. Даже в случае обострения дипломатических отношений ее связь с агентурой будет затруднена, а то и прервана. Нелегальную же резидентуру можно сохранить даже в таких чрезвычайных обстоятельствах…

Все предложения ОГПУ были одобрены и дополнены замечаниями членов Политбюро.

…Последующие полтора–два года Артузов, уже став начальником Иностранного отдела, уделил особое внимание реорганизации внешней разведки. В первую очередь это коснулось Германии, где имелось несколько ключевых рези–дентур.

2 ноября 1932 года, после проведения подготовительной

работы, Артузов подписал следующее распоряжение:

«Перестроение всей агентурно–оперативной деятельности провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких–либо осложнений с „легальных“ рельс (берлинская резидентура) исключительно на подполье.

Для этого:

а) правильно распределить агентуру по нелегальным группам;

б) организовать промежуточные пункты сдачи материалов по линии как связи с «легальной» резидентурой (Берлин), так и магистральной связи с Советским Союзом;

в) подготовить подпольное руководство нелегальными группами, предусматривая создание нескольких нелегальных резидентур.

По мере осуществления этой работы проводится постепенное сокращение берлинской «легальной» резидентуры и объема ее работы. При этом центр тяжести переносится в подполье».

Артузов не только сам генерировал идеи, но и прислушивался к предложениям своих загранработников, хорошо знающих положение на местах. Так, еще в январе 1932 года резидент в Берлине Борис Берман и куратор «немецкой» линии в ИНО Отто Штейнбрюк предложили создать для основных сотрудников берлинской резидентуры два поста (иначе говоря, «запасные площадки») за пределами Германии, на которых они могли бы по мобилизационному плану Центра оставаться во время войны для руководства своей агентурной сетью.

Ахиллесовой пятой любой разведки всегда была, есть и останется связь. Собранная, но не переданная адресату информация или доставленная ему со значительным опозданием никому не нужна, а в ряде случаев может даже нанести вред. Потому эффективность нелегальной разведки в те годы, когда надежная и компактная радиоаппаратура только создавалась, в значительной степени зависела от профессиональной подготовки, решительности, находчивости связных. В случае захвата связного реальная опасность, вплоть до гибели, нависала не только над ним, но и всеми лицами, с которыми он поддерживал контакты, даже безличностные. Поэтому подбору связных, их подготовке, обеспечению документами, замаскированными средствами хранения развед–материалов, наконец, деньгами и соответствующей легенде экипировкой придавалось огромное значение.

Одной из лучших связных 30–х годов стала воистину легендарная Китти Харрис, одно время состоявшая в замужестве с национальным секретарем Компартии США Эрлом Браудером. За

годы своих скитаний по всему свету Китти сменила как минимум семнадцать имен! И главное – не допустила ни одного провала, хотя не раз проходила, как говорится, по лезвию ножа… В историю советской внешней разведки Китти Харрис вошла под своим оперативным псевдонимом Джипси (Цыганочка).

Нелегалы нуждались в надежных документах: паспортах, видах на жительство, свидетельствах о рождении и браке, дипломах об образовании и профессии, деловых бумагах для «бизнесменов» и пр. Особенно связники – при перемещении из страны в страну им порой приходилось менять документы по несколько раз в месяц. Доставлять нужные и в срок бумаги из Центра было весьма затруднительно, порой невозможно. Артузов должен был позаботиться о том, чтобы в случае надобности паспорта (на профессиональном языке разведчиков – «сапоги») изготавливались на месте. В ИНО этим занимался опытнейший разведчик Василий Петрович Рощин (настоящее имя – Яков Федорович Тищен–ко). Летом 1932 года он был направлен в берлинскую рези–дентуру, где открыл настоящую «сапожную мастерскую», иначе говоря, развернул работу по паспортно–техническому делу и связи.

Подобная мастерская, но уже нелегальная, была создана и в Австрии. Ее возглавил настоящий мастер этой редчайшей профессии Георг Мюллер. После подавления известного вооруженного восстания шуцбундовцев{84} в феврале 1934 года, в котором Мюллер принимал участие, он эмигрировал в СССР и много лет руководил изготовлением такого рода документов в Центре внешней разведки. Мюллер обучил этому хитрому делу несколько высококлассных специалистов, в том числе ныне здравствующего Павла Громушкина. Именно Громушкин, в числе прочих, готовил документы для знаменитых нелегалов Героев Российской Федерации Мориса и Лоны Коэн, Героя Советского Союза Николая Кузнецова…

История разведки – не только успехи, достижения и победы, но и провалы, в том числе и серьезные. Гауптман Зи–берт (Николай Кузнецов) погиб, а крупные нелегалы Рудольф Абель (Вилли Фишер) и Гордон Лонсдейл (Конон Молодый) очутились в американской и английской тюрьмах не из–за своих паспортов. Так уж сложились обстоятельства… Несчастливо.

До начала 30–х годов советские разведчики в первую очередь должны были выявлять контрреволюционные организации разной «окраски», ведущие подрывную работу против СССР, освещать линию правительств ведущих капиталистических стран по отношению к нашему государству, устанавливать правительственные и частные учреждения, занимающиеся

шпионажем, добывать документы, которые можно было использовать в борьбе с этими организациями и их лидерами. Наконец, они занимались контрразведывательным обеспечением советских представительств и граждан за рубежом.

Со временем всякого рода белоэмигрантские организации хоть и продолжали свое существование, но были основательно ослаблены и реальной угрозы уже не представляли, а потому структура Иностранного отдела устарела. Ее главным недостатком было смешение функций сотрудников внутри географических секторов, ненужный параллелизм, в ряде случаев соседствующий с упущениями по какой–либо конкретной линии разведывательной работы.

Поэтому по предложению Артузова, после многих совещаний и прикидок, с 1 апреля 1933 года был утвержден новый штат центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

Начальником ИНО остался Артур Христианович Арту–зов, его заместителем – Абрам Аронович Слуцкий, помощником – Сергей Васильевич Пузицкий. (Напомним, что в те времена помощник какого–либо начальника был не техническим работником, но фактически также заместителем, только без права официального замещения руководителя в случае его отсутствия.)

Вместо ранее имевшихся шести секторов было образовано восемь отделений.

1–е отделение занималось нелегалами, то есть кадровыми разведчиками, действующими за рубежом в подполье, под чужими фамилиями, с паспортами различных государств. Начальником был утвержден опытнейший разведчик, работавший в подобных условиях во многих странах, Леонид Александрович Наумов (он же Наум Исаакович Эйтингон).

2–е отделение ведало въездом и выездом физических лиц в СССР и за границу, учетом иностранцев, находящихся на советской территории, работой с консульствами. Начальником отделения был Яков Михайлович Бодеско.

3–е отделение занималось политической разведкой в капиталистических странах. Начальником стал Отто Оттович Штейнбрюк, человек необычной даже для тех романтических времен, бурной биографии. Уроженец Австро–Венгрии, он в чине капитана попал в русский плен. В 1918 году вступил в РКП(б). Был одним из организаторов армии Венгерской Советской Республики. После ее падения два года отсидел в венгерской тюрьме, потом еще два года вел подпольную работу в Германии. Был вновь арестован и выслан в РСФСР. С 1921 года Штейнбрюк работает в Особом, а затем Иностранном отделе ВЧК. В последующие годы – советник военного аппарата Компартии

Германии и резидент ИНО в Швеции. Почти пять лет Штейнбрюк возглавлял германское отделение КРО, затем работал начальником КРО ПП ОГПУ по приграничной Западной области в Смоленске. Лучшего знатока Западной Европы, в частности Германии, найти было трудно.

4–е отделение занималось политической разведкой в так называемых лимитрофах (Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польше). Начальником отделения был Казимир Станиславович Баранский.

5–е отделение ведало белой эмиграцией. Возглавлял его Андрей Павлович Федоров, тот самый Мухин, что сыграл ключевую роль в операции «Синдикат–2».

6–му отделению было поручено вести разведку в странах Востока. Временно обязанности начальника исполнял Илья Гидеонович Герт.

7–е отделение занималось разведкой в области экономики, а также обеспечивало безопасность советских зарубежных колоний. Начальник – Эрнст Яковлевич Фурман.

8–е отделение специализировалось на научно–технической разведке. Возглавлял отделение Петр Давидович Гутцайт (впоследствии работавший одним из резидентов внешней разведки в США).

…Жизнь Артузова, разумеется, не ограничивалась четырьмя стенами его служебного кабинета на Лубянке. После многолетних скитаний по московским гостиницам, превращенным в общежития, и коммуналкам он еще долго не мог освоиться в просторной квартире в доме 9 по Милютинско–му переулку. Квартира Артузова «номер 1» размещалась, естественно, на первом этаже огромного, дореволюционной постройки дома. На втором поселились Яков Агранов и Михаил Трилиссер. Этажом выше была квартира Генриха Ягоды (до его переезда в Кремль). В этом же подъезде были квартиры Терентия Дерибаса и Павла Буланова.

Друзей у Артура Христиановича вне ОГПУ почти не было, зато знакомых – множество. Он любил беседовать на разные темы с отцом Бориса Гудзя – Игнатием Корнилье–вичем, старым революционером народовольческого толка, на их квартире в Чистом переулке, с ним же распевал дуэты. Часто бывал в гостях у известного в Москве знатока искусств и коллекционера Макса Бенедиктова – тот жил в одном из переулков близ Пятницкой улицы. Бенедиктов был интереснейший, разносторонне эрудированный человек. Еще до революции он окончил Парижскую консерваторию и считался в профессиональных кругах одаренным композитором. Однако на жизнь он зарабатывал, и очень неплохо, как эксперт антикварных магазинов, в которых разрешалось продавать картины и иные произведения искусства иностранцам, в основном дипломатам. Собственно, на этой почве и произошло его знакомство с Артузовым, которое переросло в дружбу. Вдвоем они и построили ту самую дачку в Одинцове – Артузов оплатил стоимость материалов, Бенедиктов – труд рабочих.

Квартира Бенедиктова была настоящим артистическим салоном, здесь Артузов познакомился со множеством тогдашних знаменитостей, чьи имена не забыты и по сей день. Многие из них бывали потом в гостях и у Артура Христиа–новича. Как рассказывали автору Камилл Фраучи и Борис Гудзь, на квартире Артузова они повидали в разное время артистов Художественного театра, родных братьев Ивана Москвина и Михаила Тарханова, певицу Лидию Русланову и ее мужа конферансье Михаила Гаркави, писателя Леонида Леонова, молодого шахматного гения Михаила Ботвинника, пианиста и композитора профессора Московской консерватории Александра Гольденвейзера, чтеца Владимира Яхонтова, художника Петра Кончаловского. Когда по просьбе гостей Камилл играл на скрипке, ему аккомпанировал на пианино известный пианист Владимир Софроницкий.

В 1932 году в Большом театре состоялись сольные концерты нескольких юных музыкантов, как тогда говорили, «молодых дарований». Все они были из группы, собранной профессором Абрамом Ильичом Ямпольским. Все стали знаменитыми: Леонид Коган, Борис (Буся) Гольдштейн, Наум (Нема) Латинский, Юлиан Ситковецкий, Игорь Безродный. На концерт одиннадцатилетнего Наума Латинского Артур Христианович привел Камилла. Начало задержалось на несколько минут – собравшиеся долго аплодировали… нет, не музыканту, а появившимся в ложе генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину, Председателю Совнаркома СССР Вячеславу Молотову (сменившему на этом посту впавшего в немилость Алексея

Рыкова), других вождей.

Домой Камилл возвращался потрясенный и обескураженный: как же так, юный скрипач, почти его ровесник, выступает на сцене Большого театра! И как играет! Так, что ему хлопал сам Сталин!

В этот вечер Камилл Фраучи заболел музыкой по–настоящему и решил стать именно скрипачом.

Обрадованный решением сына, Артузов отправился в лучший в Москве магазин музыкальных инструментов на углу Неглинной и Пушечной. Увы, детских скрипок в продаже давным–давно не было. В других магазинах тоже. Выручил случай. Как–то, разговаривая с Михаилом Николаевичем Тухачевским, Артур Христианович пожаловался ему: мол, уже и скрипки в дефиците, особенно детские. Тухачевский посочувствовал ему, а спустя некоторое время привез в Милютинский… собственноручно изготовленную маленькую скрипку, на которой Камилл и начал учиться играть.

Сегодня мало кому известно, что будущий Маршал Советского Союза не только сам превосходно играл на скрипке, но и изготавливал эти инструменты, для чего дома у него была оборудована небольшая мастерская. Пытаясь, как многие на протяжении столетий, разгадать секреты великих итальянских мастеров Страдивари, Амати, Гварнери, Тухачевский, в частности, стремился воссоздать рецептуру лаков, которыми они покрывали свои волшебные инструменты. По воспоминаниям того же Камилла Фраучи, скрипки

Тухачевского отвечали всем профессиональным требованиям исполнителей. Так или нет – проверить невозможно. Судьба скрипок Тухачевского сегодня никому не известна.

Удивительное дело – спустя десять лет умение играть на скрипке спасло Камиллу Фраучи, зеку одного из лагерей ГУЛАГа, жизнь…

Прошли годы… Внук Артузова Саша Фраучи познакомился с дочерью Наума Латинского{85} Машей и женился на ней! Теперь у них самих уже есть внук, который приходится правнуком Науму Латинскому и праправнуком Артуру Артузову!

Как уже было сказано ранее, первым заместителем Артузова по ИНО был назначен Слуцкий, которого он почти не знал. Абрам Аронович родился в Черниговской губернии, но его детство и юность прошли в Андижане. Здесь он учился в гимназии, работал на хлопкообрабатывающей фабрике, служил в армии, а в 1917 году вступил в партию. 25 сентября 1919 года Слуцкий находился в конференц–зале здания Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, когда в окно была брошена бомба боевиками так называемых анархистов подполья. При взрыве

погибли двенадцать человек, в том числе секретарь МК Владимир Загорский. Несколько десятков было ранено, среди них известные деятели партии Николай Бухарин, Александр Мясников, Юрий Стеклов, Михаил Ольминский, Емельян Ярославский. Легкое ранение в голову получил и Слуцкий.

Служба в ВЧК для Слуцкого началась в Средней Азии. В 1926 году он был переведен в центральный аппарат ОГПУ в экономическое управление. Решающим этапом в его карьере стало участие в раскрутке Шахтинского дела. Он понравился Ягоде, заслужил его расположение. Работа в ЭКУ, не сопряженная даже с малейшим риском для жизни, принесла ему два боевых ордена Красного Знамени и знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ».

Слуцкий был сотрудником грамотным, толковым, аккуратным, но избытком инициативности не страдал. Зато прекрасно улавливал пожелания Ягоды даже раньше, чем тот успевал их высказать.

Артузов ценил своего заместителя за трудолюбие и добросовестность в исполнении порученных ему дел, однако близких отношений между ними не сложилось. Очень уж разные это были люди.

Увеличение объема зарубежной работы привело и к некоторому расширению штата центрального аппарата ИНО. В частности, у Артузова появился второй заместитель – уже известный читателю Борис Берман, завершивший свою командировку в Берлин. Кроме того, был назначен еще один помощник – Валерий Горожанин (Кудельский).

Это был человек во многих отношениях примечательный. Экстерном он сдал все положенные экзамены за полный гимназический курс, получил аттестат зрелости и едва не окончил в Одессе юридический факультет университета: его отчислили с четвертого курса за активную революционную деятельность. Тогда Горожанин был эсером. Далее последовали тюрьма, ссылка и призыв в армию. В 1919 году Горожанин вступил в компартию, а годом раньше начал работать в ЧК – вначале в Одессе, затем в других городах Украины.

Горожанин был прекрасным журналистом и публицистом (в частности, он написал интересную книгу об Анатоле Франсе), потому дружил со многими профессиональными литераторами. С Владимиром Маяковским он однажды отдыхал в Крыму – известна редкая фотография, запечатлевшая их в Ялте.

К десятилетнему юбилею ВЧК—ОГПУ Маяковский написал стихотворение «Солдаты Дзержинского» и посвятил его Валерию Михайловичу Горожанину. В свою очередь на торжественном заседании в клубе ГПУ в Харькове – тогдашней столице Украины

– Горожанин от имени собравшихся в зале чекистов вручил поэту именной пистолет. Тот самый, из которого и был произведен роковой выстрел… {86}

Одной из самых загадочных личностей, имевших отношение к руководству внешней разведки, был и остается Яков Исаакович Серебрянский (Бергман). Но почему «имевших отношение», а не просто сотрудник ИНО? В том–то и дело, что Серебрянский, числясь в ИНО, в ОГПУ—НКВД был на положении совершенно особом. Возможно, он был самым засекреченным человеком во всей системе ОГПУ, а затем и ГУГБ НКВД. По «закрытости» с ним можно сравнить разве что составителей кодов и шифров в спецотделе Глеба Бокия.

Довольно высокий, худощавый, застенчивый, рано полысевший, с внешностью часовщика какого–нибудь захолустного белорусского местечка, Серебрянский менее всего походил на одного из самых энергичных, изобретательных и жестких «боевиков» ОГПУ—НКВД.

Еще юношей в Минске он стал эсером, принял участие в убийстве начальника тамошней тюрьмы, потом в сражениях с чинами охранки, организовывавшими еврейские погромы в Могилеве. По малолетству (ему шел семнадцатый год) отделался двумя годами тюрьмы и административной высылкой в Витебск. Там он был призван в армию, полгода пробыл на Западном фронте рядовым.

После революции Серебрянский служил в Красной армии, познакомился с Блюмкиным, вместе с которым участвовал в знаменитом походе в Персию. По возвращении в Россию начинает службу в ВЧК. Тогда он и стал Яшей – именно так называли его за глаза чекисты, даже когда Сере–брянский достиг солидных по сегодняшним меркам чинов – генеральских.

На протяжении двух лет Серебрянский вместе с Блюмки–ным нелегально работал в Палестине. Здесь он завербовал несколько иммигрантов из России, которые позднее выполняли его задания в разных странах.

Следующий виток карьеры разведчика: тишайший Яков Исаакович – нелегальный резидент ИНО во Франции и Бельгии. Короткое время по возвращении в Москву (еще до назначения Артузова начальником Иностранного отдела) возглавляет в ИНО отделение нелегальной разведки.

В 1929 году Серебрянскому дано секретное поручение особой важности: похитить в Париже и доставить в СССР председателя РОВС генерала Кутепова. Вместе с Яшей во Францию выезжает помощник начальника КРО Пузицкий. На месте к ним подключились парижский резидент и нелегалы ИНО.

В воскресенье 26 января 1930 года генерал Кутепов был похищен по пути из своего дома 26 по рю Русселе в церковь Союза галлиполийцев. Эмигрантский историк и писатель Борис Прянишников описал это в своей книге «Незримая паутина»: «Путь от своей квартиры до галлиполийской церкви Кутепов обычно проделывал пешком. Выходя из дома, он поворачивал направо по рю Русселе. Дойдя до ближайшей поперечной рю де Севр, он поворачивал направо и по этой улице доходил до рю де Мадемуазель. И в это воскресенье он шел обычным путем, но, повернув на рю де Севр, он вышел на бульвар Инвалидов. На рю Русселе первым его увидел знакомый торговец красками. Проходя мимо кинематографа „Севр–Палас“, Кутепов поздоровался с его хозяином

Леоном Сирочкиным. За несколько минут до 11 часов белый офицер видел Кутепова на углу рю де Севр и бульвара Инвалидов.

30 января, на пятый день после похищения, сотрудник газеты «Эко де Пари» Жан Деляж узнал сенсационную новость от директора католической клиники Святого Иоанна, расположенной на углу улиц Мишле и Удино. Уборщик клиники Огюст Стеймец рассказал Деляжу, как утром 26 января, около 11 часов, он вытряхивал коврик через окно, выходящее на рю Русселе. Он увидел стоявший на рю Русселе большой серо–зеленый автомобиль, повернутый в сторону рю Удино, параллельной рю де Севр. Неподалеку на рю Удино, против рю Русселе стоял красный автомобиль такси, повернутый в сторону бульвара Инвалидов. Тут же на углу стоял полицейский. Рядом с серо–зеленым автомобилем стояли два дюжих человека в желтых пальто. В это время со стороны бульвара Инвалидов по рю Удино шел господин среднего роста с небольшой черной бородкой, одетый в черное пальто. Повернув с рю Удино на рю Русселе, господин подошел к серо–зеленому автомобилю. Оба человека, стоявшие рядом, схватили господина и втолкнули в автомобиль. Полицейский, спокойно наблюдавший за происходящим, сел рядом с шофером, и автомобиль, выехав на рю Удино, помчался к бульвару Инвалидов.

Свои показания Стеймец подтвердил полиции. Полиция сообщила, что на углу улиц Удино и Русселе никогда не было полицейского поста».

В машине генералу сделали укол морфия и доставили в Марсель. На борт стоявшего в марсельском порту советского парохода его подняли по трапу как сильно подвыпившего члена экипажа. У Кутепова оказалось слабое сердце, и в ста милях от Новороссийска он скончался от острой сердечной недостаточности.

Похищение Кутепова стало сильнейшим ударом по РОВС, от которого союз так никогда и не оправился. Серебрянский получил за эту операцию, ставшую своего рода эталоном для последующих похищений, свою первую награду – орден Красного Знамени.

Последующие четыре года Серебрянский числится на странной должности «сотрудник резерва ИНО ОГПУ – ГУГБ НКВД СССР», причем за это время нелегально выезжает в некоторые страны, в том числе США и Францию. Во всех поездках его сопровождает жена Полина Натановна, которая формально в штатах ОГПУ—НКВД никогда не состояла.

По сути дела, Серебрянский возглавляет особую группу, своего рода разведку в разведке, подчинявшуюся непосредственно руководству ОГПУ—НКВД и выполнявшую совершенно секретные «штучные» задания за рубежом. Группа немногочисленна, ее постоянные сотрудники глубоко законспирированы, в случае надобности к ней подключают чекистов из других отделов и местных резидентур. Зато за границей у Серебрянского – огромная собственная сеть агентов, не связанных с тамошними резидентурами, выполняющими только его распоряжения и поручения. В узких кругах ответственных работников Центра это подразделение называли «группой Яши».

Не так уж долго возглавлял Артузов Иностранный отдел ОГПУ—НКВД, но след в истории советской разведки оставил яркий. Ветераны разведки, пережившие и Большой террор, и Великую Отечественную войну, когда с имени Арту–зова был снят покров умолчания, признавали, что в своем профессиональном становлении многим обязаны именно Артуру Христиановичу.

Артузов не провел никакой революционной реорганизации в центральном аппарате ИНО – подобные «кавалерийские наскоки» на сложившуюся структуру для разведки всегда заканчивались плохо. Но сделал в этом направлении ровно столько, сколько требовала изменившаяся международная обстановка.

Главным было – правильно определить приоритеты, не начинать с замены канцелярских столов и настольных ламп (хотя время от времени это делать тоже нужно). Разведывательные усилия следует прежде всего прилагать к эвентуальному противнику и его возможным союзникам. Когда все очевидно, определение такой страны труда не составляет. Тем не менее случаются и сюрпризы, причем неприятные. Скажем, в стране, до сих пор считающейся «добрым соседом», происходит военный переворот, к власти приходит хунта, к СССР относящаяся враждебно. Впрочем, хорошо поставленная разведка – и политическая, и военная – обязана подобный нежелательный ход событий предвидеть, а по возможности и предотвратить. Для

этого в стране необходимо заблаговременно создать надежно законспирированную сеть резидентов–нелегалов и агентуры.

Чрезвычайно важно правильно расставить кадры в самом центральном аппарате. Нет смысла сильного работника ставить на второстепенном направлении и, наоборот, поручать важное направление или участок сотруднику, слабо подготовленному, порой даже не владеющему языком «своей» страны.

В этом отношении Артузова упрекнуть никак нельзя. Серьезных неудач с подбором кадров и в работе с ними у него не случилось. Ко всему прочему, он пользовался подлинным авторитетом и любовью сотрудников, каждый из которых старался даже в самой малости не подвести своего руководителя. Эпизод с Илиничем ни в коей мере тени на Артузова не бросает – ценного агента, даже не им завербованного, большую часть времени пребывающего за рубежом, действующего от Центра автономно и представляющего всегда абсолютно достоверную и важную информацию, проконтролировать по части финансовых расходов бывает очень сложно, в ряде случаев – невозможно. Разведчику – оперативному работнику или агенту – порой приходится расходовать суммы, причем значительные, не получая взамен подтверждающих документов (счетов, расписок и т. п.). Махинатор Илинич за несколько лет вытянул из кассы ОГПУ кругленькую сумму, но она тогда не казалась чрезмерной ввиду ценности доставленных сведений. Бывали выплаты и более значительные, и тоже без отчетных документов. Всегда ли эти суммы шли на «дело»? Кто знает…

Один подобный эпизод сам же Артузов и обнаружил. Читателю уже известно, что все члены многочисленной семьи Фраучи в России официально и после Октября 1917 года оставались формально швейцарскими гражданами. Паспорт Швейцарской Конфедерации, разумеется подлинный, всегда котировался в мире разведки как «великий вездеход», наравне с американским и британским.

Артур Христианович воспользовался этим в интересах советской разведки: «запустил» по меньшей мере два паспорта в дело. Так, один из самых талантливых разведчиков ИНО и близкий друг Артузова Федор Карин, работавший много лет в Румынии, Австрии, Болгарии, Китае, Германии, Франции, в том числе и с нелегальных позиций, частенько свободно разъезжал по миру со швейцарским паспортом брата Артура Христиановича Рудольфа Фраучи.

Свой собственный паспорт Артур Христианович также предоставил в распоряжение сотрудника ИНО Юрия Маковского, который воспользовался им для нескольких нелегальных поездок.

Потом случилась неприятность. Работая резидентом в Париже, Маковский совершил деяние, именуемое в Уголовном кодексе «растратой казенных денег», и конечно же не советских рублей, а французских франков, то есть конвертируемой валюты. Выяснилось это уже после возвращения Маковского в СССР, когда он работал начальником Особого отдела УНКВД по Омской области.

Узнав о проступке Маковского, Артузов, до того ему доверявший (иначе не предоставил бы в его распоряжение свой паспорт), потребовал служебного расследования, а в случае подтверждения факта растраты – ареста Маковского{87}.

Начальниками отделений у Артузова и в КРО, и в ИНО были профессионалы высокого класса. К примеру, отделение разведки в среде белой эмиграции возглавлял Андрей Павлович Федоров. Можно смело утверждать, что никто в разведке лучше его не знал эту «паству». К тому же он сам долгое время вращался в этой среде в ходе операции «Синдикат–2» и некоторых других.

То же можно сказать и о начальнике отделения нелегалов. В истории советской разведки не было человека столь же опытного, как Наум Исаакович Эйтингон (он же Наумов Леонид Александрович, генерал Котов). Родился он в Могилеве, детство провел в крохотном городке Шклове. Отец – конторщик бумагоделательной фабрики умер, когда мальчику было тринадцать лет. Чтобы помочь семье, Наум занялся репетиторством.

В 1919 году Эйтингон вступает в РКП(б), участвует (правда, недолго) в Гражданской войне. С 1920 года – сотрудник ЧК Белоруссии. В одной из схваток с террористами был тяжело ранен, долго лечился и всю оставшуюся жизнь немного прихрамывал. Для разведчика это плохо – запоминающаяся особая примета. Борьбе с вооруженными бандами, которых в ходе Гражданской войны да и после развелось множество и повсеместно, отдал около двух лет. Уже тогда Эйтингона отличали личное мужество, оперативная сноровка, умение работать с агентурой и четко выраженная твердость, даже жесткость характера, проявлявшаяся, правда, только в отношении к делу, но никак не к близким людям и товарищам.

В 1923 году Эйтингона отозвали в Москву. Здесь он заканчивает восточное отделение Военной академии РККА, где его однокашниками были будущие Маршал Советского Союза Василий Чуйков и Главный маршал авиации Александр Голованов. Назначение получил в Иностранный отдел ОГПУ и фактически всю жизнь прослужил в разведке.

Легально и нелегально Эйтингон работает в Китае (в Шанхае,

Пекине, Харбине), Турции и Греции. Затем еще два года – нелегальным резидентом во Франции и Бельгии.

Высоким профессионализмом отличались и другие начальники отделений, их ведущие сотрудники и на Лубянке, и за рубежом. К слову сказать, в отличие от других отделов ОГПУ, почти все сотрудники ИНО в разные годы успешно работали за границей в качестве резидентов и оперативников. Впрочем, когда Артузов был начальником контрразведки, многие контрразведчики выезжали за границу фактически с разведывательными заданиями и приобрели соответствующий опыт. Потому–то многих из них Артур Христианович забрал с собой в ИНО. К примеру, тот же Борис Гудзь несколько позднее на протяжении двух лет успешно работал резидентом ИНО в Японии под фамилией Гинце и «крышей» секретаря полпредства СССР.

Безусловной заслугой Артузова стало то, что он успешно наладил рациональное соотношение легальной и нелегальной разведывательной работы за рубежом, что имело особое значение для стран с фашистским или полуфашистским режимом. Некоторые заложенные при Артузове нелегальные сети советской разведки успешно функционировали десятки лет, другие, увы, были разрушены, причем не контрразведкой противника, а собственной машиной Большого террора. Тем не менее эти годы вошли в историю советской разведки под названием «Эпоха Великих Нелегалов». О многих из этих людей у нас и за рубежом написаны книги, из которых можно собрать целую библиотеку.

В 20–х – начале 30–х годов в нашу разведку, и политическую, и военную, пришло много иностранцев – или из числа бывших военнопленных, как названный уже Отто Штейнбрюк, или переданных Исполкомом Коминтерна (ИККИ). В Коминтерне этим занимался Отдел международных связей (ОМС), которым руководили Осип Пятницкий и Александр Абрамов–Миров. Особенно много коминтернов–цев получил Разведупр РККА. В их числе можно назвать таких знаменитых разведчиков, как Рихард Зорге (Рамзай), Леопольд Треппер (Отто, Большой Шеф), Шандор Радо (Дора), Урсула Кучински (Соня, Рут Вернер).

И Дзержинский, и Менжинский, и Ягода, и тогдашние руководители Разведупра РККА не боялись бывших иностранцев зачислять в штат, назначать на ответственные и руководящие должности, присваивать высокие звания, вплоть до генерала. Позднее, в годы «повышенной бдительности», а точнее – повальной подозрительности и недоверия, иностранцы привлекались к сотрудничеству только в качестве агентов.

Это были высокоидейные люди, бескорыстные, некоторые из зажиточных, даже богатых или аристократических семей. В

Советском Союзе они видели пример для угнетенных трудящихся всего мира, относились к нему как к своей второй родине. И все были убежденными антифашистами.

…Арнольд Дейч родился в 1904 году в Вене в семье мелкого коммерсанта, там же окончил университет, став в двадцать четыре года доктором философии и химии. Владел, кроме родного немецкого, английским, французским, итальянским и русским языками в совершенстве, мог читать и объясняться на испанском и голландском. С юношеских лет принимал участие в революционном молодежном движении, а в 1924 году вступил в Компартию Австрии. Несколько лет Дейч работал в подпольной организации Коминтерна, выезжал с его заданиями в качестве связника и курьера в Румынию, Грецию, Сирию и Палестину. В 1932 году Дейч был вызван в Москву, переведен из КПА в ВКП(б) и по рекомендации ИККИ принят в ИНО ОГПУ.

В начале 1933 года Артузов командировал Дейча в Париж в качестве помощника, а затем и заместителя резидента. За год Дейч (оперативные псевдонимы – Стефан и Отто) выполнил несколько заданий в Бельгии, Голландии и Германии. В Германии Дейч не по своей вине попал под «колпак» гестапо, но сумел покинуть страну благодаря вовремя полученному предупреждению Брайтенбаха.

Оставаться в континентальной Европе Дейчу было опасно, и Артузов принял решение перевести его в Лондон. Для прикрытия Стефан поступил в Лондонский университет. Здесь в июне 1934 года он вместе с исполняющим обязанности резидента Игнатием Рейфом завершил вербовку выпускника Кембриджа Гордона Кима Филби (оперативный псевдоним Зенхен – по–немецки Сынок), начатую еще в Вене другим «великим нелегалом» Теодором Малли (Манном). Так было положено начало самой знаменитой советской агентурной группе, известной под названием «Кембриджская пятерка», в которую, кроме Филби, входили Дональд Маклин, Гай Берджес, Джордж Кернкросс и Энтони Блант. Все они впоследствии занимали высокие посты в правительственных учреждениях Великобритании. Ким Филби даже входил в руководящее ядро британской разведки.

«Кембриджская пятерка» оказала Советскому Союзу неоценимые услуги в годы Второй мировой, а затем и холодной войны. Сам Аллен Даллес назвал «Кембриджскую пятерку» «самой сильной разведывательной группой Второй мировой войны»[{88}].

Всего Дейч (он же Стефан Ланг) привлек к сотрудничеству с советской разведкой свыше двадцати человек, причем некоторые ценные агенты (Бэр, Аттила, Нахфелгер – по–немецки Наследник)

так никогда и не были идентифицированы английской контрразведкой.

Важно отметить, что все эти люди сотрудничали с нами исключительно из идейных соображений. Ким Филби впоследствии писал: «Я поминутно чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества. Олицетворением этих идей был Советский Союз. И поэтому форму моей борьбы я нашел в работе в советской разведке. Таким образом, мое вступление в ряды советской разведки – не плод слепого случая. Советский нелегал Ланг накануне Великой Отечественной войны сумел увидеть возможные варианты моего будущего. Когда он стал говорить со мной о перспективах предстоящей работы и даже упомянул о возможности моего поступления на работу в британскую секретную службу, я думал, что он фантазирует. Возможно, вначале так оно и было. Однако его фантазия опиралась на жизненный опыт и воплотилась впоследствии в реальность».

В 1938 году Дейч принял вместе с женой советское гражданство и получил паспорт на имя Стефана Генриховича Ланга.

Дейч был разносторонне талантливым человеком. Только во время пребывания в Англии он запатентовал несколько изобретений. Он сконструировал эффективный тренажер для обучения летчиков и переслал его в СССР, придумал несколько приспособлений для оперативной работы и рецептов симпатических чернил для тайнописи.

Когда в НКВД пришел Лаврентий Берия, Ланг был отстранен от работы в разведке, правда, ему помогли устроиться научным сотрудником в Институт мировой экономики Академии наук. Тем не менее время от времени его приглашали на Лубянку в качестве эксперта по почеркам и подделке документов.

Когда началась Великая Отечественная война, Дейч добился возвращения в разведку. В конце 1942 года руководство приняло решение направить его в США морским путем из Архангельска. 7 ноября 1942 года транспорт «Донбасс» в Баренцевом море был торпедирован немецкой подводной лодкой. На борту транспорта находился и Дейч. Среди немногих спасенных моряков и пассажиров его не оказалось…

Еще один «великий нелегал» ИНО – венгр Теодор Малли (оперативный псевдоним Манн). Он родился в семье чиновника министерства финансов в 1894 году. Окончив гимназию, вступил в один из католических монашеских орденов, прошел обучение на философском и богословском факультетах духовного учебного заведения и был посвящен в сан диакона. И почти сразу,

неожиданно для всех, возможно, и для себя самого, расстригся и поступил в армию Австро–Венгрии в качестве вольноопределяющегося. В 1915 году Малли окончил военное училище, воевал в чине лейтенанта на русском фронте и в июле 1916 года в Карпатах попал в плен.

Скитаясь по лагерям военнопленных (Полтава, Харьков, Ростов, Пенза, Астрахань, Оренбург, Челябинск), он окончательно утратил веру в Бога, проникся идеологией русских большевиков. В 1918 году Малли вступил в Красную армию, воевал против белочехов, колчаковцев, врангелевцев и, наконец, махновцев. В 1921 году Малли был зачислен на службу в Крымскую ЧК и работал там пять лет. В 1926 году он был вызван в Москву и стал работать в КРО – вначале оперуполномоченным, затем помощником начальника, позднее оперуполномоченным в Особом отделе, так что Артузов имел возможность хорошо узнать этого почти двухметрового мадьяра. Когда Артузов принял его в ИНО на должность помощника начальника 3–го отделения, Малли имел уже несколько наград, в том числе знак «Почетный чекист».

В июне 1934 года Артузов командирует Манна за границу в качестве нелегального резидента. Малли действует во Франции и Германии. В Вене, где дело дошло, как известно, до вооруженных схваток между шуцбундовцами и отрядами реакции, он знакомится с молодым англичанином по имени Гарольд (Ким) Филби, радикально настроенным, искренне симпатизирующим венским революционно настроенным рабочим, социалистическим идеям и Советскому Союзу. Малли сообщает своим коллегам в Англию, что с Филби есть смысл поработать – на предмет склонения его к сотрудничеству.

Когда Филби вернулся в Лондон, на него и вышли упомянутые Рейф и Дейч. Несколько позже по поддельным австрийским паспортам Малли с женой перебираются на Британские острова. Здесь они становятся Полом и Лидией Харт.

В Англии Малли довершает формирование «Кембриджской пятерки», руководит ее деятельностью и успешно вербует еще несколько ценных агентов. На него же как на резидента–нелегала возложено кураторство над работой Дмитрия Быстролетова (Андрей), о котором речь пойдет далее. Позднее, когда Малли уже не будет в живых, именно от английских агентов в Москву поступит первая информация о работах в области ядерных технологий по созданию атомной бомбы.

По отзывам знающих Манна людей, в этом гиганте жила чистая и наивная душа ребенка. В июле 1937 года Малли был отозван в Москву и через два месяца расстрелян.

Одним из самых ярких нелегалов той поры был Дмитрий Александрович Быстролетов, незаконнорожденный отпрыск одной из ветвей графского дома, давшего России и миру одного гениального и двух знаменитых писателей: Льва Николаевича Толстого, Алексея Константиновича Толстого и Алексея Николаевича Толстого. Впрочем, по некоторым данным, несмотря на свое «неправильное» происхождение, Дмитрий Александрович был восстановлен в «графском Российской империи достоинстве» в 1917 году высочайшим указом.

Уроженец Крыма, Дмитрий после революции и долгих приключений очутился в эмиграции, в Чехословакии. В Праге юноша поступил на медицинский факультет Карлова университета и принимал активное участие в движении русских студентов–эмигрантов, сочувствующих СССР. Многие из них даже приняли советское гражданство. Быстролетов стал одним из руководителей Союза советских студентов в Чехословацкой Республике. Это привлекло внимание властей, и полиция попыталась выдворить его из страны. Одновременно Быстролетова приметил и резидент ИНО; он устроил его на работу в советское торгпредство. Тогда же, чтобы иметь больше времени для общественной работы, Быстроле–тов, не окончив полного курса медицинского факультета, перевелся на юридический.

В апреле 1925 года в Москве проходил I съезд пролетарского студенчества. Резидентура в Праге устроила так, чтобы Быстролетова командировали в Москву в качестве делегата съезда. В своих воспоминаниях он описывает встречу в ОГПУ, которая определила его будущее:

«В Праге меня предупредили, что в Москве со мной будут беседовать очень важные лица. И действительно, в конце апреля меня отвели в бывший долгоруковский особняк, в маленькую комнату, где на диване лежал одетым усталый сонный мужчина средних лет, а рядом, оседлав стул, положив руки на его спинку, сидел и курил мужчина помоложе, брюнет, с раскосыми глазами. Потом мне сказали, что лежал А. Х. Артузов, а сидел М. Горб{89}. Рядом стоял еще один стул, и мне предложили сесть. Я не знал, кто эти люди и что они от меня хотят, но чувствовал, что это большие начальники и что от разговора с ними зависит моя будущая судьба. Мне шел тогда 25–й год, я был недурен собой и одет в свой лучший костюмчик, что особенно бросалось в глаза на фоне толстовок и тапочек московских студентов. На лице Горба отразилось явное недоброжелательство, он окинул меня мрачным взглядом и отвел глаза в сторону. Артузов, напротив, с видимым интересом принялся разглядывать меня и мой костюм, не скрывая

доброжелательную улыбку.

– Ну, давайте знакомиться. Рассказывайте все о себе. Не тяните, но и не комкайте. Я хочу знать, из какой среды вы вышли.

Я рассказал все честно и прямо о своем происхождении, о похождениях в эмиграции. Горб нахмурился и окончательно помрачнел. Артузов расхохотался при рассказе о комичных эпизодах из жизни деда со стороны матери – казака, а насчет отца уточнил, что я его не знаю, сам ему не писал, от него писем не получал, но воспитывался на его деньги, передаваемые тетей, Варварой Николаевной Какориной.

Выслушав мой рассказ, Артузов обратился к Горбу:

– Ладно, ладно, Миша, все проверим, все в наших руках. Но товарища мы к делу пристроим. Испытаем в работе, а там будет видно.

Горб молчал.

– Пустим его, Миша, по верхам. Ты понял меня? По верхам. – Артузов поднял руку к потолку и, все еще лежа на диване, пошевелил в воздухе пальцами. – Посмотрим, чего он стоит. – И, обращаясь уже ко мне, спросил: – Где вы хотели бы у нас работать?

– Я не знаю… – начал я, но, поняв, что робость не произведет хорошего впечатления, добавил, выпятив грудь: – Там, где опаснее!

Артузов улыбнулся, Миша отвернулся.

– Опаснее всего вербовать друга в стане врагов! – сказал Артузов. – Работа вербовщика считается у нас наиболее опасной.

Я не имел никакого представления об этой работе, но храбро сказал:

– Ну что ж, я хотел бы быть вербовщиком.

– Ладно. Ладно, идите. Посмотрим, – закончил разговор Артузов. – Желаю успеха.

Так я вернулся в Прагу сотрудником Иностранного отдела и с этого времени в графе «стаж работы» всегда проставлял в анкете именно эту дату».

Таким образом, принял Быстролетова в Иностранный отдел начальник… Контрразведывательного отдела! И присутствовавший при беседе помощник начальника ИНО Горб хоть и морщился, но указание «чужого» начальника выполнил. Уже одно это красноречиво свидетельствует об авторитете Артузова в ОГПУ.

«… Я был недурен собой», – скромно пишет Быстроле–тов. На самом деле он был невыразимо красив, прямо–таки голливудский герой–любовник типа Кларка Гейбла. К тому же, что вовсе не типично для кинозвезд, умен, хорошо образован, обладал

литературными способностями, прекрасно рисовал – занимался и живописью, и графикой. В довершение всего в совершенстве владел… двадцатью иностранными языками! Стоит перечислить их: английский, немецкий, датский, голландский, фламандский, норвежский, африка–нерский, шведский, португальский, испанский, румынский, французский, итальянский, сербохорватский, чешский, словацкий, болгарский и польский. Украинский и белорусский Быстролетов за иностранные не считал.

Примерно столько же языков знал и Менжинский. Однако активно Менжинский пользовался только тремя или четырьмя, говорить по–персидски или по–японски ему на Лубянке попросту было не с кем. Быстролетову же приходилось пользоваться едва ли не всеми в своих бесчисленных скитаниях по миру – то под видом венгерского графа Лади–слава Перельи, то английского лорда Роберта Гренвилла, то чеха Йозефа Швермы, то грека Александра Галласа…

Быстролетов стал превосходным вербовщиком, в этом ему помогали редкостные не только лингвистические, но и артистические способности.

Разведчик от Бога, он оказался и прирожденным изобретательным розыскником, в этом отношении ему могли бы позавидовать самые удачливые контрразведчики и агенты угро. Порой он творил настоящие чудеса.

Как–то в одной из европейских резидентур стало известно, что в типографии английского Форин Офис, то есть министерства иностранных дел, работает наборщик, который сильно нуждается в деньгах. За полтора года, объездив несколько стран, Андрей, не располагая больше никакими данными, разыскал этого человека, который оказался всего лишь посредником. Не довольствуясь этим, Быстролетов сумел идентифицировать и подлинного владельца информации – высокопоставленного чиновника МИД – и завербовать его. В результате в ИНО «потекли» секретные документы, раскрывающие планы и намерения английской внешней политики.

За эту операцию Дмитрий Быстролетов был награжден коллегией ОГПУ 17 ноября 1932 года боевым оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Поразительно, но это чудо Андрею удалось повторить еще раз! В Парижское полпредство ИНО пришел человечек маленького роста с красным носиком и предложил за 200 тысяч франков продать итальянские коды, пообещав, что по мере смены шифров будет доставлять за деньги очередные. Ему предложили оставить их до утра и… обманули, решив «сэкономить». За ночь шифры

скопировали и вернули Носику, не заплатив и франка.

В Москве коды и шифры изучили, они оказались подлинными, с их помощью прочитали ряд секретных документов итальянского правительства и дали указание продолжать связь с источником. Когда выяснилось, что эта связь из–за дурости парижских скупердяев безнадежно утеряна, разразился скандал. По отношению к усердным дуракам были приняты соответствующие меры, но дело этим, разумеется, исправить не удалось. Выручил все тот же Андрей. Не располагая никакими иными данными, кроме того, что иници–ативщик – человек маленького роста с красным носиком, он разыскал его и завербовал{90}.

Кому–то может показаться удивительным, но в числе эффективно работавших агентов ИНО было немало бывших белых офицеров и даже генералов. Причем не на материальной, а на идейной основе. Сказались патриотизм, подлинная любовь к Родине лучших представителей российского офицерского корпуса. В ряде случаев этих людей даже не вербовали, они добровольно, по собственной инициативе предлагали свои услуги советской разведке. Одним из них был бывший российский военный атташе в Великобритании генерал–майор Павел Павлович Дьяконов.

Полковник Генерального штаба Дьяконов в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции три года воюет против немцев на Западном фронте. Боевые заслуги Павла Павловича отмечены семью русскими и пятью французскими орденами. За храбрость в битве на Марне он удостоен Офицерского креста ордена Почетного легиона, дающего право на получение французского гражданства. В начале 1917 года командир 2–го Особого полка Русского экспедиционного корпуса производится в генерал–майоры. В сентябре того же года уже Временным правительством командируется в Лондон на военно–дипломатическую должность. В 1920 году аппарат военного атташе в Великобритании ликвидируется, и Дьяконов переезжает на постоянное жительство в Париж.

Поначалу Павел Павлович разделяет взгляды белой эмиграции, хотя, в отличие от многих офицеров и генералов, оказавшихся за пределами отечества, участия в Гражданской войне он не принимал. Постепенно он разочаровывается в эмигрантском движении, особенно в деятельности РОВС. Метод тотального террора против соотечественников в СССР и работающих за рубежом вызывает у него активное неприятие, переходящее в потребность препятствовать ему всеми силами.

В марте 1924 года генерал Дьяконов в приемные часы явился

в полпредство СССР в Париже, представился дежурному сотруднику, попросил дать ему листок бумаги и написал следующее заявление:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства. П. Дьконов, Париж, март 1924 г.».

Плодотворное сотрудничество Павла Павловича Дьяконова продолжалось до оккупации Парижа немецкими войсками в 1940 году. В числе арестованных гитлеровскими спецслужбами антифашистов оказался и Дьяконов. В гестаповских застенках его допрашивали почти полтора месяца. Шестидесятидвухлетний русский генерал держался мужественно.

Правительство СССР, узнав об аресте Дьяконова, предоставило ему и его дочери Марии советское гражданство. Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных. Требование было удовлетворено – немецкая сторона тогда еще делала вид, что строго соблюдает определенные пактом 1939 года «дружеские» отношения с нашей страной. Дьяконовы были освобождены и в 1941 году вернулись на родину{91}.

Но самая драматичная история связана с другим русским офицером, уже не только царской, но и белой армии – Николаем Владимировичем Скоблиным и его женой, знаменитой исполнительницей народных песен и романсов Надеждой Васильевной Плевицкой.

Потомственный военный, Скоблин в 1914 году окончил Чугуевское военное училище и в скромном чине прапорщика{92} направлен на фронт, в 126–й Рыльский пехотный полк. Воевал отважно, в боях проявил не только личную храбрость, качество в русском офицерстве обычное, но и незаурядные командирские способности. Получил несколько наград, в том числе самые почетные: орден Святого Георгия и золотое Георгиевское оружие. С началом Гражданской войны Скоблин в стане белых, в Добровольческой армии, в Корниловском ударном полку. Последовательно командует ротой, батальоном, наконец, самим Корниловским полком.

В Русской армии генерала Врангеля Скоблин уже начальник Корниловской дивизии. Врангель производит двадцатишестилетнего полковника в генерал–майоры, награждает недавно учрежденным орденом Святого Николая Чудотворца.

После эвакуации врангелевских войск из Крыма в Галлиполийском лагере Скоблин командует Корниловским полком, сформированным из остатков Корниловской дивизии. Здесь же, в Галлиполи, Скоблин женится на Надежде Пле–вицкой. Она была на десять лет старше молодого генерала, и он стал ее пятым мужем.

В эмиграции Плевицкая много гастролировала по всему миру. Безмерно влюбленный в жену, Скоблин сопровождал ее в поездках и принимал участие в деятельности РОВС, оставаясь командиром Корниловского полка.

Так продолжалось до сентября 1930 года, когда в дом Скоблина в местечке Озуар–ла–Феррьер под Парижем явился бывший его подчиненный по Добровольческой армии штабс–капитан Петр Георгиевич Ковальский.

Биографии двух офицеров до определенного момента были весьма схожими. Ковальский в 1914 году поступил в военное училище, только не в Чугуеве, а в Одессе, срочно был выпущен прапорщиком и направлен на фронт. Три ранения, восемь наград. Правда, выше штабс–капитана не поднялся. После поражения белых оказался в Польше, работал вначале ночным сторожем, потом в строительной конторе. Эмигрантская жизнь надоела до чертиков. В 1921 году Ковальский явился в советское полпредство в Варшаве и выразил желание вернуться на родину. Ему разрешили. Поселился Ковальский на Украине, здесь же принял предложение чекистов стать сотрудником ИНО ГПУ республики. Ему был присвоен псевдоним Сильвестров. В 1930 году Сильвестрова передают в распоряжение центрального аппарата ИНО ОГПУ.

Узнав, что Ковальский – бывший корниловец, Артузов попросил его написать подробную записку о своих знакомых офицерах по службе в Добровольческой армии, ныне находящихся в эмиграции.

Список Ковальского оказался внушительным. В частности, в нем имелась и такая информация:

«…Генерал Скоблин – познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда VIII армии. Скоблин был штабс–капитаном. Мы были большими приятелями. Почти год служили в одном полку – Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк, Корниловский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, в другой раз кутили в Харькове в „Астраханке“ в 1919 году…»

Проанализировав список Ковальского со своими коллегами, наведя дополнительные справки через парижскую резидентуру,

Артузов принял решение, которое могло бы показаться руководству ОГПУ фантастическим: через Ковальского завербовать одного из признанных героев белой армии, георгиевского кавалера и генерала Скоблина. Предложение было принято, и Ковальский, которому в Центре присвоили псевдоним ЕЖ/10, отбыл в Париж.

Не стоит интриговать читателя: расчет Артузова полностью оправдался. Скоблин принял предложение Ковальского о сотрудничестве с советской разведкой именно как русский патриот и офицер. Тогда же он написал и передал в Москву через Ковальского следующее заявление.

«ЦИК СССР

От Николая Владимировича Скоблина

ЗАЯВЛЕНИЕ

12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н. Скоблин».

Довольный Артузов наложил на этом документе свою резолюцию: «Заведите на Скоблина агентурное и рабочее дело под псевдонимом „Фермер–ЕЖ/13“».

Через несколько месяцев Скоблин и Плевицкая встретились в Берлине с представителем ИНО. Им было объявлено, что ЦИК СССР персонально амнистировал их обоих (Надежда Васильевна написала аналогичное заявление). Тогда же Скоблин подписал обязательство о сотрудничестве с советской разведкой – как он полагал, разведкой Красной армии.

«ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче–Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1.31. Берлин. Б[ывший] генерал *Николай Владимирович Скоблин».*

Такое же обязательство подписала и Плевицкая, получившая псевдоним Фермерша.

Ссылка на сотрудничество с разведкой Красной армии – вовсе не результат недоразумения. Сама аббревиатура ОГПУ вызывала у всех эмигрантов, и не без основания, неприязнь и страх. В то же время к Красной армии они, особенно военные, относились с должным уважением. Со временем многие бывшие офицеры стали рассматривать ее как преемницу русской армии (исторически это соответствовало истине) и службу в ней или ее разведке уже не считали изменой данной ими некогда присяге.

Плодотворное сотрудничество с Фермером и Фермершей советской разведки продолжалось до сентября 1937 года, когда Артузова уже не было в живых. По указанию нового наркома НКВД Николая Ежова был разработан план похищения преемника Кутепова на посту председателя РОВС генерал–лейтенанта Евгения Карловича Миллера. Непосредственно акцию осуществляли разведчики Александр Орлов (Швед), Сергей Шпигельглас (Дуглас), Яша Сереб–рянский, Георгий Косенко (Фин), Михаил Григорьев (Александр) и Вениамин Гражуль, а также несколько привлеченных агентов. Роковой для Фермера ошибкой стало то обстоятельство, что именно ему было поручено завлечь Миллера в ловушку – якобы на конфиденциальную встречу с двумя «немецкими офицерами». Похищение прошло безукоризненно, но, как оказалось, уходя, осторожный Миллер оставил на своем столе записку с уведомлением, что отправился на встречу, организованную генералом Скоблиным.

После исчезновения Миллера{93} записка была обнаружена и Скоблин изобличен. Разведчикам удалось переправить Фермера в Испанию, где полным ходом шла гражданская война. Там он и погиб при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Заочно французским судом Скоблин был приговорен к пожизненной каторге. Надежда Плевицкая за соучастие в похищении была приговорена к двадцати годам лишения свободы и умерла в тюрьме 5 октября 1940 года…

НКВД рассчитывал, что после похищения Миллера пост председателя РОВС достанется Скоблину, но из–за грубого промаха не только не достиг поставленной цели, но и лишился двух ценных агентов…

Работая начальником ИНО ОГПУ—НКВД, Артузов руководил блистательной плеядой разведчиков, россиян по происхождению, зачастую участвовавших в Гражданской войне на стороне красных изначально.

Из ветеранов службы в первую очередь следует назвать имена Василия Михайловича и Елизаветы Юльевны Зарубиных,

возможно, самой заслуженной супружеской пары в истории советской разведки, как по продолжительности работы за рубежом, так и по ее эффективности.

Василий Михайлович родился в Москве, в семье железнодорожника, окончил двухклассное училище и в четырнадцать лет вынужден был пойти работать. В Первую мировую войну – солдат, за антивоенную агитацию определен в штрафную роту, весной 1917 года – ранен. После революции два года служил в Красной армии. После демобилизации – работа в ЧК. Зарубин принимает участие в борьбе с бандитизмом, потом в Москве обеспечивает восстановление разрушенного войной железнодорожного транспорта.

В 1923 году начинается собственно разведывательная деятельность чекиста. Вначале он во Владивостоке занимается борьбой с международными торговцами наркотиками и оружием, потом его направляют в Китай. Прикрытие – скромная должность завхоза советского консульства. По возвращении из командировки – уже постоянная работа в ИНО ОГПУ.

Елизавета Юльевна была моложе мужа на шесть лет. Родилась в семье зажиточной – отец был управляющим лесным хозяйством в имении помещика Гаевского в нынешней Черновицкой области Украины. Елизавета получила прекрасное образование в Черновицком, Парижском и Венском университетах. Свободно владела румынским, немецким, французским и английским языками. Девятнадцатилетней девушкой принимала участие в революционном движении в Бессарабии, в двадцать три вступила в Компартию Австрии. Когда она работала переводчицей в полпредстве и торгпредстве СССР в Вене, к ней пригляделись сотрудники резидентуры ИНО. Завершилось все тем, что Елизавета Юльевна стала кадровой сотрудницей ИНО, где все называли ее Лизой Горской. Уже в 1925—1926 годах она выполняла задания разведки в Австрии и Турции.

Как разведчица Лиза Горская имела лишь один недостаток – была необычно красива, на улице на нее оборачивались, особенно мужчины.

Когда Артузов стал руководителем Иностранного отдела, Зарубины уже четыре года работали нелегально во Франции. После столь длительной командировки разведчикам обычно предоставляли передышку. Так и намечалось. Однако приход Гитлера к власти эти планы поломал. Артузов был вынужден направить их в Германию. Здесь Василий Михайлович в качестве представителя американской кинокомпании (аккредитацию от нее получил хитрым способом настоящую) проработал несколько

лет. В руководимой им нелегальной резидентуре было пятеро кадровых сотрудников и восемь ценных агентов. У Елизаветы Юльевны на связи также было несколько агентов, завербованных ею лично.

Когда началась Великая Отечественная война, Василий Зарубин (под фамилией Зубилин) был назначен резидентом внешней разведки в Нью–Йорке – естественно, вместе с женой. Перед отъездом в Америку Зарубина принял Сталин и, как потом вспоминал сам Василий Михайлович, поставил перед ним главную задачу: смотреть за тем, чтобы правящие круги США не договорились с гитлеровской Германией и не закончили войну сепаратным миром.

После возвращения в Москву Зарубин в звании генерал–майора работал заместителем начальника внешней разведки{94}.

В 1933 году Артузов направил в Берлин в качестве легального резидента Бориса Гордона. Выбор оказался удачным: Гордон подобрал в Берлине и других городах Германии успешно действующую группу агентов–установщиков. Он же принял на связь Балтийца – Арвида Харнака, после того как Артузов утвердил эту кандидатуру для постоянного сотрудничества.

При Артузове вырос в крупного организатора внешней разведки Сергей Михайлович Шпигельглас, который впоследствии некоторое время даже исполнял обязанности ее начальника. С его именем связано проведение нескольких боевых операций за рубежом.

В тот же период проявились выдающиеся способности разведчика Станислава Глинского (Смирнова), которого Ар–тузов посылал резидентом Иностранного отдела в Чехословакию и Францию. В частности, Глинскому удалось проникнуть в канцелярию президента и премьер–министра страны, а также в посольство Великобритании в Париже. Полученные документы представляли большую ценность для наркоматов обороны и иностранных дел СССР, не говоря уже о собственном ведомстве. Глинский–Смирнов был награжден двумя орденами Красного Знамени именно как действующий за рубежом разведчик, а не ответственный сотрудник Центра. Артузов хорошо знал и ценил Глинского еще по операции «Синдикат–2», в которой тот принимал участие.

К сожалению, и Шпигельглас, и Глинский, и многие другие их коллеги–разведчики не пережили годы Большого террора. Борис Гордон погиб минут на двадцать раньше Ар–тузова от руки того же «исполнителя»…

Первые недели 1934 года не предвещали Артузову, как и миллионам его соотечественников, ничего плохого. Успехи

первой пятилетки были впечатляющими. Один за другим вступали в строй гиганты индустрии. Было открыто судоходство по Беломорско–Балтийскому каналу имени Сталина, протяженностью в 227 километров с 19 шлюзами. Сотни «ка–налоармейцев» – заключенных были освобождены досрочно и даже награждены орденами (большинство из них через три–четыре года вновь очутились в лагерях). Высшую награду страны – орден Ленина получили восемь человек, среди них чекисты – заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода, его будущий следователь, начальник строительства Лазарь Коган, Семен Фирин–Пупко. Завершилась коллективизация сельского хозяйства, и все верили, что проблема продовольствия в стране окончательно решена. О том, какой ценой достались все эти достижения, мало кто знал.

Газеты и радио трубили о великих победах многонационального советского народа под руководством Коммунистической партии во главе с ее мудрым вождем товарищем Сталиным. И народ ликовал. Страна шла навстречу XVII партсъезду, встречая его – так родилась традиция – новыми трудовыми свершениями.

Артур Христианович, которому личное честолюбие не было свойственно, искренне гордился тем, что коммунисты ОГПУ избрали его делегатом высшего партийного форума – XVII съезда ВКП(б). Того самого, который тогда называли «Съездом победителей», а сегодня – «Съездом расстрелянных». Это образное выражение, к сожалению, полностью соответствует действительности.

Из 1996 делегатов съезда 1108 были репрессированы, из них 848 расстреляны. Из 139 избранных съездом членов и кандидатов в члены ЦК репрессированы 98 человек, из 22 членов Центральной ревизионной комиссии – 18, из 61 члена Комиссии партийного контроля при ЦК – 29. В фойе Большого Кремлевского дворца Артузов пришел с группой других делегатов от ОГПУ в форме, с четырьмя ромбами в петлицах – знаками различия, положенными сотрудникам высшей категории{95}, с орденом Красного Знамени и двумя серебряными знаками «Почетный чекист». До нас дошла единственная фотография Артура Христиановича с ромбами, с наградами – не сохранилось ни одной.

Шестеро чекистов были избраны на XVII съезде в руководящие органы партии. Членами Центрального Комитета стали председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода (впервые) и заместитель председателя ОГПУ и председатель ГПУ Украины Всеволод

Балицкий, кандидатом в члены ЦК – полпред ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дерибас. Заместитель председателя ОГПУ Яков Агранов и полпред ОГПУ по Московской области Станислав Реденс стали членами Центральной ревизионной комиссии. Из шестерых только Менжинский умер своей смертью. В числе расстрелянных оказались все до одного делегаты–чекисты.

Еще два мало известных пока в стране человека были впервые избраны в состав Центрального Комитета: сотрудник аппарата ЦК Николай Ежов (избранный также в состав Оргбюро заместителем председателя Комиссии партийного контроля) и Лаврентий Берия, первый секретарь Закавказского райкома ВКП(б).

Положение Артузова в системе спецслужб казалось прочным, как никогда. Тому было и некое косвенное подтверждение: учрежденный в канун пятнадцатилетия органов ВЧК—ОГПУ новый знак «Почетный чекист» с накладной цифрой «XV» ему был вручен под номером 6[{96}].

Огорчало одно: ни для кого на Лубянке не было секретом, что здоровье Менжинского ухудшается с каждым днем. Вячеслав Рудольфович с семьей жил в скромной квартире, переоборудованной из бывшей аптеки в Кавалерском корпусе Кремля. В дни ноябрьских праздников 1933 года он из нее съехал лишь потому, что был уже не в состоянии подниматься на второй этаж. После чего окончательно поселился на даче Шестые Горки. Летом 1933 года он месяц лечился в Кисловодске, самочувствие его несколько улучшилось. Однако, когда он покидал курорт, врачи настоятельно рекомендовали ему работать не более трех–четырех часов в сутки. Теперь он приезжал на службу не чаще двух раз в неделю и сотрудников приглашал к себе только по очень серьезным делам.

Менжинский скончался на даче в половине шестого утра 10 мая 1934 года, по заключению авторитетнейших профессоров медицины – «от острой сердечной недостаточности (паралича) сердца, резко измененного и работавшего в последние годы неполноценно».

14 мая Артузов вместе с тысячами москвичей прощался с председателем ОГПУ. Бронзовую урну с прахом замуровали в Кремлевскую стену, рядом с прахом стратонавтов Павла Федосеенко, Андрея Васенко и Ильи Усыскина, погибших при катастрофе стратостата «Осоавиахим–1», после того как 30 января 1934 года они установили мировой рекорд высоты, поднявшись над землей на 22 километра.

Смерть Менжинского Артузов воспринял как потерю близкого человека. Уход Вячеслава Рудольфовича из жизни стал еще одним

«водоразделом» в истории ВЧК—ОГПУ. Между прошлым и будущим. Он означал испарение последних остатков революционной романтики в деятельности Лубянки, превращение ее, как скажет через три года Артузов, в полицейское ведомство с фельдфебельским стилем работы. А на самом деле – и того хуже, много хуже…

На второй день после похорон по Лубянке поползли слухи. Говорили о грядущей реорганизации, обсуждали шансы кандидатов в председатели. Почему–то все думали, что «новый» придет со стороны, чаще всего называли фамилию наркома внешней и внутренней торговли Анастаса Микояна.

Реорганизация грянула, да еще какая!

10 июля ОГПУ при Совнаркоме СССР было преобразовано в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР. Точнее – НКВД СССР был как бы воссоздан заново, поскольку существовавший ранее НКВД РСФСР был упразднен в 1930 году. Наркомом НКВД СССР был назначен Генрих Ягода, первым заместителем наркома – Яков Агранов, вторым заместителем – Георгий Прокофьев, сделавший карьеру в должности начальника Экономического управления, а затем работавший начальником Главного управления рабоче–крестьянской милиции и заместителем председателя ОГПУ{97}.

Так появился на свет чудовищный монстр, в состав которого вошло не только бывшее ОГПУ в полном составе, но также пожарные команды, лесная охрана и пр. и пр. – даже загсы, кладбища и единственный в стране московский крематорий, что было весьма, впрочем, дальновидно. Из Наркомата юстиции РСФСР и других в НКВД СССР были переданы все дома заключения, изоляторы, исправительно–трудовые колонии. Так завершилось формирование (но не прекратилось расширение) «архипелага ГУЛАГ».

Все бывшие оперативно–чекистские подразделения ОГПУ – Особый, Секретно–политический, Иностранный, Оперативный, Учетно–статистический, Транспортный, Специальный отделы, Экономическое управление, переименованное в отдел, – были объединены в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Так впервые появился и навсегда утвердился термин «органы государственной безопасности».

Первоначально должность начальника ГУГБ (в отличие от других главных управлений) штатным расписанием не предусматривалась. Ее исполнял сам нарком, но фактически руководителем ГУГБ стал Яков Агранов.

ГУГБ в составе НКВД оставалось элитным, автономным, непроницаемым для других служб и подразделений управлением.

Более того, Ягода стал постепенно назначать руководителями других главков и отделов сотрудников бывшего ОГПУ с сохранением за ними старых спецзваний госбезопасности и более высоких должностных окладов. Таким образом, все ключевые посты в наркомате и на местах были заняты «надежными» кадровыми чекистами.

Между тем тяжелая ситуация сложилась в IV (разведывательном) управлении Штаба РККА. Осенью 1933 года случился провал в Финляндии – были арестованы резидент военной разведки и два его помощника. Через месяц – еще более серьезный провал во Франции: арестованы резидент, его помощник, ряд агентов, в том числе особо ценный, работавший в отделе шифров министерства военно–морского флота. В январе 1934 года провалилась агентура разведотдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) в Маньчжурии. На этом, к сожалению, цепь неудач не кончилась…

25 мая 1934 года Артузова вызвали в Кремль. В кабинете Сталина уже находились народный комиссар обороны и член Политбюро Клим Ворошилов и заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода. О степени серьезности разговора с «одним из секретарей ЦК» свидетельствует его беспрецедентная продолжительность – шесть часов!

Итогом встречи было постановление Политбюро ЦК ВКП(б): назначить начальника ИНО ОГПУ Артура Христиановича Артузова по совместительству заместителем начальника IV управления Штаба РККА. Ему предлагалось в месячный срок проанализировать работу военной разведки и предложить меры по устранению недостатков. Он должен был также в дальнейшем перестроить центральный аппарат Разведупра и его агентурные сети, образовать совместную комиссию в составе начальника Разведупра Штаба РККА и начальников Иностранного и Особого отделов ОГПУ для координации действий военной и политической разведок, а также создать при Разведупре школу разведки (до этого здесь имелись лишь краткосрочные курсы).

Как впоследствии писал сам Артузов, Сталин, направляя его на работу в Разведупр, сказал, что он должен быть там его глазами и ушами.

Так Артузов стал владельцем еще одного служебного кабинета в знаменитом, в два этажа, «шоколадном домике» в Большом Знаменском переулке под номером 17. Оперативные отделы и службы обитали по тому же адресу в большом четырехэтажном здании рядом.

При назначении Артузов оговорил единственное условие: чтобы ему разрешили взять с собой в Разведупр из ОГПУ по

своему усмотрению около тридцати сотрудников. Просьба была удовлетворена. Пришедшие с Лубянки вместе с Артуром Христиановичем люди, как правило, заняли ключевые и ответственные посты. Одним из помощников начальника РУ стал Лев Николаевич Захаров (псевдоним Мейер), начальником 1–го отдела (военная разведка в странах Запада) – Отто Оттович Штейнбрюк, начальником 2–го отдела (военная разведка в странах Востока) – Федор Яковлевич Карин.

К 23 июня 1934 года Артузов подготовил подробный доклад, основные положения которого были им в «рабочем порядке» обговорены с наркомом Ворошиловым. В тот же день докладная записка и объемистый, 16 страниц машинописного текста, доклад под грифом «Совершенно секретно» были с фельдъегерем отправлены «тов. Сталину» и наркому обороны СССР «тов. Ворошилову». Профессионально и дотошно были выявлены недостатки и сделаны предложения по улучшению, и радикальному, работы IV управления Штаба РККА. Незадолго до своей кончины Борис Гудзь предоставил автору полный текст этого доклада. (Примечательно, что, приводя примеры нарушения сотрудниками правил конспирации, Артузов назвал и знаменитого в будущем разведчика, видного географа, венгерского коммуниста Шандора Радо, лично ему тогда не знакомого. За излишнюю разговорчивость в Париже со случайным давним знакомым.)

На оригинале доклада наискось, в левом верхнем углу резолюция: «Мой архив. И. Ст.». На той же странице сверху, тем же почерком: «От тов. Артузова».

Артузов разобрался с провалами. Разумеется, в каждом конкретном случае были свои особенности и нюансы. Но профессиональный анализ выявил общую закономерность: крайне низкую дисциплинированность военных разведчиков, откровенную разболтанность, пренебрежение основополагающими правилами конспирации.

Ян Карлович Берзин (он же Павел Иванович, настоящее имя Кюзис Петерис), человек весьма заслуженный и уважаемый, руководивший военной разведкой с марта 1924 года (!), явно ослабил, если не утратил, контроль за деятельностью центрального аппарата и резидентур.

Требования к военной разведке со стороны и руководства страны, и Наркомата обороны значительно возросли именно в 1934 году. Как и предсказывал Артузов, сближение Варшавы с Москвой оказалось чисто тактическим ходом польской дипломатии, своего рода «дымовой завесой». Началось активное сближение Германии и Польши, антисоветская политика

последней стала достаточно откровенной. Обозначилась военная угроза и на Дальнем Востоке – со стороны Японии. Так что укрепление военной разведки даже за счет некоторого ослабления, хоть и временного, политической было крайней необходимостью. Спустя полгода ЦИК СССР утвердил положение о Народном комиссариате обороны (НКО) СССР. Теперь военная разведка стала именоваться Разведывательным управлением (Разведупр, или РУ) РККА, то есть перешла из Штаба РККА в прямое подчинение наркому обороны Ворошилову.

…Заканчивался 1934 год страшно.

1 декабря в Ленинграде в коридоре Смольного выстрелом из нагана в затылок почти в упор был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), одновременно секретарь и член Политбюро ЦК ВКП(б) Сергей Киров.

Сергей Миронович никогда не принадлежал к ведущей группе в Политбюро, на заседания которого не всегда и приезжал из Ленинграда, никто в ЦК не рассматривал его как наследника, тем более – соперника Сталина на роль генерального секретаря. (К слову сказать, начиная с XVII съезда генеральный секретарь в ЦК не избирался. Этот пост возродил Леонид Брежнев. Совместные постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Сталин подписывал как «Секретарь ЦК», причем его подпись шла второй после подписи Молотова.)

Киров был вернейшим соратником Сталина, который являлся для него абсолютным, непререкаемым авторитетом, к тому же искренне любимым. Все версии о том, что старые коммунисты на XVII съезде предлагали ему стать генсеком, – чистой воды мифы.

Но Киров выгодно отличался от других «вождей» второго плана: был доступен, демократичен без рисовки, превосходно умел найти общий язык с любой аудиторией и был по–настоящему популярен среди жителей Ленинграда, особенно рабочих. Примечательно, что только двух деятелей партии ее рядовые члены да и беспартийные по–народному называли только по отчеству: Ленина – Ильич, Кирова – Мироныч. Потому–то его злодейское убийство было воспринято населением страны с таким негодованием, потому–то все вдруг и поверили, что убили его враги народа. Первоначально таковыми объявили белогвардейцев, затем сторонников Каменева и Зиновьева.

После XX съезда КПСС маятник общественного мнения, как это характерно для советского менталитета вообще и российского в частности, резко качнулся в противоположную сторону, да так там и застыл в совершенно невероятном с точки зрения законов механики положении. По новой версии, злодейский выстрел в Кирова организовали ленинградские чекисты по прямому или

намеком отданному распоряжению Сталина.

Лишь некоторые историки и литераторы, в том числе и автор настоящей книги, полагают, на основании непредвзятого изучения фактов и логики{98}, что преступление совершил одиночка – озлобленный, с неуравновешенной психикой неудачник в жизни Леонид Николаев. Но Сталин с изощренным искусством использовал эту трагедию в своих целях – для развязывания Большого террора, в частности для подведения под него псевдозаконодательной базы – беспрецедентного по своей жестокости постановления ЦИК СССР. Оно открывало дорогу к полному произволу властей. Постановление предписывало дела о терроре рассматривать в десятидневный срок, слушание проводить в отсутствии прокурора и защиты; обжалование приговора исключалось, сам приговор следовало приводить в исполнение *немедленно* по его вынесении.

Последующая практика показала, что слушание по таким делам на Военной коллегии Верховного суда СССР укладывалось в 10—15 минут. Только в исключительных случаях казнь откладывалась на день–два, иногда всего лишь из–за перегрузки исполнителя.

Примечательно, что номинальный председатель ВЦИК СССР, «всесоюзный староста» Михаил Калинин, известный тем, что при своей благостной внешности сельского дьячка не пропускал в Кремле ни одной юбки, не успел данное постановление даже подписать: под ним красовалась подпись лишь секретаря ЦИК – Авеля Енукидзе.

Уже через несколько недель на основании данного постановления были казнены и Николаев, и его якобы соучастники, а позднее – все члены семьи. Кроме того, из Ленинграда было выселено и сослано в отдаленные местности несколько тысяч «бывших»: титулованных дворян, просто дворян, чиновников дореволюционных государственных учреждений, офицеров старой армии.

Чекистов поначалу террор не коснулся. Начальник Ленинградского управления НКВД Филипп Медведь, его первый заместитель Иван Запорожец, еще несколько ответственных сотрудников управления за «халатность» были осуждены к двух–трем годам лишения свободы, но и те не отбыли, их направили на чекистские должности в дальние лагеря. Однако через несколько лет всех их расстреляли.

Несколько ветеранов–чекистов, в том числе один работавший тогда в Ленинграде, рассказывали автору, что и в НКВД почти все верили, что Зиновьев, во всяком случае, к убийству Кирова причастен, потому как знали мстительный и подловатый характер

Григория Евсеевича. Если кто и сомневался, то помалкивал. Но вот в участие чекистов в теракте (как утверждалось позднее) не верил никто. Все знали, что Медведь был глубоко предан Кирову, любил его как родного, при необходимости отдал бы за Мироныча жизнь. Запорожец попросту не мог иметь к заговору (если бы даже таковой имел место) никакого отношения. Он прибыл в Ленинград на должность заместителя Медведя в июле, в августе, упав с верховой лошади, получил тяжелейший перелом ноги, который лечил много месяцев, и в городе больше не появлялся.

Несомненно, понимал это и Сталин, почему и применил поначалу к ленинградским сотрудникам поразительно мягкое наказание. Тому есть и еще одно объяснение: у Сталина уже созревал план физической расправы с оппозиционерами и «обижать» на данном этапе чекистов ему было просто не с руки. Их время еще наступит…

Можно с очень большой долей вероятности предположить, что Артузов, как профессионал высочайшего класса, не верил в существование заговора против Кирова, что террорист был связан с заграницей (не важно, с белогвардейцами или Троцким). Ни от ИНО, ни от контрразведки, ни от СПО, ни от Разведупра даже слабенького сигнала о подготовке такого акта не поступало. Кроме того, опять же как профессионалу ему было ясно, что ни одна серьезная антисоветская группа не выбрала бы в качестве исполнителя психически неуравновешенного человека, с полным отсутствием опыта конспирации, каковым являлся Леонид Николаев.

Версия о причастности высокопоставленных сотрудников НКВД к терактам против «вождей» с самого начала была рассчитана на людей, не способных критически воспринимать услышанное или прочитанное. Впоследствии Ягоде предъявили обвинение в причастности к убийству не только Кирова, но и Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима. И никто не задался вопросом: почему же Ягода не начал со Сталина? Тем более что личную охрану вождя много лет возглавлял «соучастник» Ягоды по заговору Карл Паукер?

…21 мая 1935 года Артур Христианович Артузов был освобожден от обязанностей начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе в Разведывательном управлении Рабоче–Крестьянской Красной армии.

Начальником Иностранного отдела ГУГБ был утвержден Абрам Слуцкий, его первым заместителем Борис Берман и вторым – Валерий Горожанин.

«ТОВАРИЩ КОРПУСНЫЙ КОМИССАР…»

С начальником Разведупра Берзиным Артузов был знаком давно. Они всегда симпатизировали друг другу, и как профессионалы – руководители разведок, и просто по–человечески, хотя, как говорится, «домами не дружили». Подобное просто было не принято между сотрудниками ОГПУ–НКВД и Наркомата обороны. Им случалось координировать свои действия в той или иной стране, оказывали порой содействие «соседу» резиденты и оперативные работники – обязательно с ведома и разрешения собственного начальства. Время от времени имела место ротация кадров, правда, незначительная, на среднем уровне. Но назначение Артузо–ва первым заместителем начальника РУ (раньше такой должности в штатном расписании не имелось), приход на руководящие должности большой группы чекистов – такого не бывало никогда, и это не могло не вызвать раздражения у ветеранов военной разведки.

Старик был человеком честным и порядочным. Но почему – Старик, если в ту пору Яну Карловичу было всего сорок пять лет (Артузову – на два года меньше)? Видимо, потому, что Берзин очень рано поседел. Впрочем, Стариком его называли только за глаза, а при непосредственном общении почему–то русским именем и отчеством – Павел Иванович. Уже работая в Разведупре, Артузов случайно узнал настоящую, латышскую фамилию Берзина – Кюзис Петерис. Что касается седины, то Артузов ничуть не уступал Берзину, к тому же серебряной у него была не только густая шевелюра, но и мушкетерская бородка состарившегося Атоса.

Отношения между начальником Разведупра и его первым заместителем сложились с самого начала и деловые, и товарищеские. Павел Иванович прекрасно сознавал, что укрепление военной разведки объективно необходимо, а дело для него всегда было выше личных амбиций. Сохранилась характеристика, которую через год Берзин дал своему первому заместителю. Прекрасная характеристика – объективная и положительная по всем пунктам.

Уже за год своего совместительства Артузов сделал в Раз–ведупре достаточно много. Он добивался, чтобы агенты военной разведки за границей прервали прежние связи со своими партиями, а также личные знакомства с известными коммунистами. Уже одно это сразу вывело многих агентов из

поля зрения политической полиции (особенно в Германии).

Еще одно обстоятельство, весьма специфичное не только для того времени. Многие загранработники, вернувшись из командировок, испытывали на родине материальные и жилищные трудности, привыкнув, особенно в Европе и США, к иному уровню и качеству жизни. Зачастую для них не находилось пристойного места в центральном аппарате РУ или в разведотделе военного округа.

Артузов предложил ввести особый порядок прохождения службы разведчиков: их деятельность за кордоном отныне приравнивалась к пребыванию в действующей армии во время войны. Это позволило узаконить для них действительно заслуженные привилегии: улучшать квартирные условия за счет создания специального жилого фонда, повышать денежное содержание, предоставлять льготы для поступления и обучения в высших военных учебных заведениях.

Наконец, Артузов ввел серьезные изменения в структуру центрального аппарата (соответственно и в разведотделах военных округов), что, кстати, было ему предписано сделать при назначении.

Еще с середины 20–х годов в Разведупре имелось четыре основных отдела и несколько вспомогательных отделений.

1–й отдел руководил войсковой разведкой; 4–й осуществлял контакты с аккредитованными в СССР иностранными военными и военно–морскими атташе; 2–й отдел был агентурным, строго говоря, только он был «добывающим», его сотрудники разными путями и методами добывали за рубежом военную информацию; 3–й отдел был «мозгом» Развед–упра – он систематизировал, обобщал и анализировал информацию, поступающую из 2–го отдела. Он же передавал туда задания высшего командования и Штаба РККА. Между двумя этими отделами всегда происходили трения и недоразумения. «Аналитики» почитали себя своего рода элитой. «Добытчики» обижались, мы, дескать, пашем, а вы пожинаете плоды чужого труда…

Артузов сократил аппарат Разведупра и перестроил его по образцу Иностранного отдела ГУГБ НКВД. Он создал два «добывающих» отдела, ведающих стратегической разведкой: 1–й занимался таковой в странах Запада, 2–й – Востока.

Определенным просчетом Артузова стала ликвидация бывшего 3–го, аналитического отдела. Такового в структуре ИНО не имелось, потому, видимо, он не сохранил его и в Разведупре. Позднее, во время Великой Отечественной войны, аналитическое подразделение во внешней разведке НКВД было создано, впоследствии оно развернулось в мощное управление,

укомплектованное специалистами высшего класса, в том числе кандидатами и докторами наук в разных отраслях знания.

Сегодня мы полагаем, что в данном вопросе Артузов допустил просчет. Но его можно и понять с позиций того времени. Дело в том, что количество информации, поступавшей и в ИНО, и в РУ, тогда было неизмеримо меньшим, нежели в последующие годы. В ИНО ее вполне успевали обработать сами сотрудники – начальники отделений, начальник отдела и его заместители. Кроме того, в ЦК партии не очень–то одобряли, чтобы разведка сама что–то обобщала, анализировала, тем самым «навязывая» свое мнение директивным органам. Делать выводы и принимать решения по докладам разведки было прерогативой только Центрального Комитета партии и ее вождя.

Видимо, это соображение в какой–то степени давило на Артузова: он не забыл, как реагировал Сталин на его предупреждение по польскому вопросу. Кроме того, Артузов резонно полагал, что, хотя военная разведка теперь непосредственно подчинялась наркому обороны Ворошилову, ее информация по–прежнему поступала в Штаб РККА. А любой штаб – это прежде всего аналитический военный центр, ему и карты в руки.

Возможно, Берзин благодаря энергичной поддержке своего первого заместителя сохранил бы за собой пост начальника РУ, если бы в феврале 1935 года не очередной, очень серьезный провал в Копенгагене, который случился по вине видного разведчика Александра Улановского. Причем из–за него же за четыре года до того подобный провал имел место в Германии.

Во–первых, оказалось, что пятеро связников Улановско–го были коммунистами, несмотря на строгое указание новых агентов из числа членов компартии не заводить, завербованным ранее связи и знакомства прервать. Улановский эту порочную практику продолжал, скрыв от Центра, что все его новые связники – коммунисты. К тому же выяснилось, один из них оказался агентом полиции. Естественно, что конспиративная квартира Улановского, куда к нему поступала почта из Германии для последующей переправки в Москву, оказалась под наблюдением полиции.

Опять же, вопреки элементарным правилам конспирации, Улановский принимал на этой квартире завербованных иностранцев. Некоторые из них были на ней и арестованы в засаде. Но это еще полбеды. Дальше – хуже. В эту квартиру один за другим заявились три (!) резидента Разведупра по дороге домой, причем ни одному из них в Копенгагене делать было решительно нечего. Все они, как говорят в разведке, «сгорели».

Берзина в Москве тогда не было, и неприятная обязанность писать 16 марта 1935 года докладную записку наркому выпала на долю Артузова. В ней он, в частности, заметил: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, поддается искоренению с большим трудом». И далее: «Наиболее характерным моментом во всем деле является то, что наши работники, неплохо работавшие в фашистской Германии, по прибытии в „нейтральную“ страну пренебрегли элементарными правилами конспирации». Хорошо хоть, отметил Артур Христианович, что, поскольку «никаких дел, направленных против интересов Дании, арестованные разоблачить не могут (таковых дел не было), то надо полагать, что датчане не найдут оснований для каких–либо претензий к советскому государству».

То, что записку подписал не Берзин, а его первый заместитель, Ворошилов использовал в своих интересах. Дело в том, что нарком обороны весьма ревниво относился к любому покушению на свой престиж, особенно со стороны ОГПУ—НКВД. Первый удар по его самолюбию был нанесен вождем, когда особые отделы были полностью выведены из–под контроля со стороны военного ведомства и целиком переданы в ОГПУ. Вряд ли ему было приятно, что теперь все ключевые посты в Разведупре (кроме должности начальника управления) заняли «пришельцы» из НКВД, в том числе и этот чересчур самостоятельный Артузов. Потому он и воспользовался подписью последнего под докладной, чтобы возложить главную вину за провал именно на него.

Вот что начертал «первый красный офицер» на докладной перед тем, как переслать ее Сталину: «Из этого сообщения (не очень внятного и наивного) видно, что наша зарубежная разведка все еще хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьезного дела. На днях доложу меры, принимаемые для избежания повторения подобных случаев».

Сталин, однако, разобрался в этом деле по–своему, не так, как рассчитывал Ворошилов. В апреле Ян Берзин был освобожден от должности начальника Разведупра и отправился за много тысяч километров от Москвы к новому месту службы – заместителем командующего ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии) легендарного героя Гражданской войны Василия Константиновича Блюхера{99}.

Тогда же заместитель наркома обороны и по совместительству начальник Политуправления РКК Ян Гамарник получил указание подобрать кандидатуру на пост начальника Разведупра – непременно из числа видных военных, имеющих

хоть какой–то опыт разведывательной работы. 3 мая 1935 года Гамарник представил Сталину в качестве такого кандидата Семена Петровича Урицкого. На этой встрече, которая длилась два с половиной часа, присутствовал и Артузов.

Семену Петровичу Урицкому было тогда сорок лет. Он приходился родным племянником убитому в 1918 году террористом председателю Петрочека Моисею Урицкому. Племянник был старым членом партии, участвовал в мировой войне рядовым драгунского полка. В Гражданскую войну командовал кавалерийскими частями, закончил войну командиром бригады во Второй конной армии. По окончании войны учился в Военной академии РККА, затем два года находился на нелегальной работе в Германии и Чехословакии. Потом командовал дивизией и корпусом, был начальником штаба Ленинградского военного округа. Последняя должность – заместитель начальника Автобронетового управления РККА. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Сталин кандидатуру Урицкого утвердил.

Малоизвестный факт: 16 мая 1935 года был подписан Советско–Чехословацкий договор о взаимопомощи. Это позволило фактически впервые (если не считать, разумеется, Монголии) начать сотрудничество, естественно, тайное, в области разведки с этой страной. В этой связи в том же 1935 году, летом, Прагу посетила делегация советской военной разведки во главе с А. Х. Артузовым. Тогда же особо доверительные отношения сложились с истинным патриотом и антифашистом полковником Франтишеком Моравецем.

Только трусостью и политической слепотой тогдашних руководителей страны при попустительстве «мюнхенцев» можно объяснить, что чехословацкая армия, одна из сильнейших в Европе, отлично вооруженная (заводы Чехословакии производили львиную долю тяжелого и иного вооружения в Европе, все это досталось Гитлеру), не оказала немцам ни малейшего сопротивления.

Осенью 1935 года постановлениями Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР для командного, начальствующего и политического состава Вооруженных сил были установлены персональные воинские звания, для сотрудников органов госбезопасности и милиции – персональные специальные звания. Это сразу и значительно подняло авторитет кадровых военнослужащих и приравненных к ним сотрудников органов госбезопасности, их социальный статус, привнесло определенную стабильность и в прохождение службы, и в материальное обеспечение.

В Вооруженных силах знаками различия в петлицах по–прежнему остались квадраты–кубари, шпалы и ромбы. Знаки различия в НКВД первоначально были установлены в виде красных треугольников, серебряных и золотых звездочек и полосок в разных комбинациях. Разобраться в них было нелегко, что нередко приводило к нежелательным недоразумениям, особенно при общении с гражданскими лицами. В конце концов в НКВД ввели те же самые знаки различия, что и в Красной армии. Чтобы все–таки отличать чекистов от командиров Красной армии, для них установили дополнительные эмблемы на обоих рукавах выше локтя: овальные нашивки с изображением меча клинком вниз и скрещенных серпа и молота. Тогда же чекисты получили свои печально знаменитые фуражки с небесно–голубым верхом и краповым околышем.

В органах госбезопасности наличествовало столько же – числом десять – званий, что и в Красной армии на тот период{100}, поэтому между ними легко было провести соответствие.

Звание сержанта госбезопасности{101} соответствовало званию лейтенанта РККА (два кубаря в петлицах); младшего лейтенанта ГБ – старшего лейтенанта или политрука РККА (три кубаря); лейтенанта ГБ – капитана или старшего политрука РККА (одна шпала); старшего лейтенанта ГБ – майора или батальонного комиссара РККА (две шпалы); капитана ГБ – полковника или полкового комиссара РККА (три шпалы); майора ГБ – комбрига или бригадного комиссара РККА (один ромб); старшего майора ГБ – комдива и Для моряков, военных инженеров и техников, медиков, юристов, хозяйственно–административного состава были установлены персональные звания, например: капитан второго ранга, воентехник первого ранга, арминтендант, дивврач, военюрист и т. п. дивизионного комиссара ГБ (два ромба); комиссара ГБ третьего ранга – комкора и корпусного комиссара РККА (три ромба); комиссара ГБ второго ранга – командарма второго ранга и армейского комиссара второго ранга РККА (четыре ромба); комиссара ГБ первого ранга – командарма первого ранга и армейского комиссара первого ранга РККА (четыре ромба и звездочка золотого цвета).

Наконец, было установлено высшее воинское звание Маршал Советского Союза. Первыми советскими маршалами стали Климент Ворошилов, Семен Буденный, Василий Блюхер, Михаил Тухачевский и Александр Егоров. (Трое последних были расстреляны в годы Большого террора.)

Установлено было и высшее специальное звание генеральный комиссар государственной безопасности. Оно было приравнено к

званию Маршала Советского Союза. Знаки отличия были одинаковыми – в петлицах большая шитая золотом звезда. Звание генерального комиссара ГБ было присвоено Генриху Ягоде. Звание генерального комиссара ГБ носили три наркома НКВД: Генрих Ягода, Николай Ежов и Лаврентий Берия. Все трое были расстреляны.

В Рабоче–крестьянской милиции специальные звания до звания старшего майора совпадали со званиями сотрудников госбезопасности (только с заменой слова «госбезопасности» на слово «милиции»). Но вместо комиссаров трех рангов звания в милиции были иные: инспектор милиции, директор милиции и главный директор милиции. Примечательно, что на должность начальника Главного управления Рабоче–крестьянской милиции всегда назначался кадровый чекист. В описываемое время начальником ГУРКМ являлся комиссар госбезопасности второго ранга Лев Бельский.

За всю историю существования спецзвания комиссар госбезопасности первого ранга оно было присвоено лишь девяти чекистам: Якову Агранову, Всеволоду Балицкому, Терентию Дерибасу, Георгию Прокофьеву, Станиславу Реденсу, Леониду Заковскому, Георгию Благонравову, Лаврентию Берии и Всеволоду Меркулову{102}. Все они также были расстреляны{103}.

Персональные звания – воинские и политсостава – были присвоены и сотрудникам Разведупра РККА. Семен Петрович Урицкий стал комкором, Артур Христианович Артузов, Отто Оттович Штейнбрюк, Федор Яковлевич Карин и Лев Николаевич Захаров (Мейер) – корпусными комиссарами, Александр Матвеевич Никонов – комдивом. Пришедшему несколько позднее в Разведупр Борису Игнатьевичу Гудзю было присвоено звание полкового комиссара.

Той же осенью была окончательно утверждена новая структура Разведупра РККА:

начальник управления – комкор Семен Урицкий; заместители начальника – корпусный комиссар Артур Артузов и комдив Александр Никонов;

помощники начальника – корпусный комиссар Лев Захаров (Мейер) и Александр Абрамов–Миров (без звания);

начальник 1–го (западного) отдела – корпусный комиссар Отто Штейнбрюк;

начальник 2–го (восточного) отдела – корпусный комиссар Федор Карин;

начальник 3–го отдела (военно–технической разведки) – комдив Оскар Стигга;

начальник 4–го отдела (военно–морской разведки) – капитан

2–го ранга М. Нефедов;

начальник 5–го отдела (разведотделы округов и флотов) – комбриг Василий Боговой;

начальник 6–го отдела (радиоразведка) – бригадный инженер Яков Файвуш;

начальник 7–го (дешифровального) отдела – полковник Павел Харкевич;

начальник 8–го отдела (военной цензуры) – дивизионный комиссар Павел Колосов (Заика);

начальник 9–го (монголо–синьцзянского) отдела – комбриг Владимир Панюков;

начальник 10–го отдела (спецтехники) – бригадный комиссар Александр Лозовский;

начальник 11–го отдела (внешних сношений) – комкор Анатолий Геккер, кавалер трех орденов Красного Знамени;

начальник 12–го (административного) отдела – майор А. Мартьянов;

начальник секретно–шифровального отделения – полковник Эдуард Озолин;

начальник отделения «А» (активные мероприятия, диверсии) – бригадный комиссар И. Туманян.

Несколько слов о новых руководителях, пришедших с Артузовым в военную разведку.

Особенно он любил, пожалуй, личность поистине легендарную и как оперативника–нелегала, и как одного из начальников спецслужбы Федора Карина («Джека»). Они знали друг друга много лет. Карин успешно работал с нелегальных позиций в Румынии, Австрии, Болгарии, Китае, США, Германии, Франции. Однажды, а может быть, и не раз, он выезжал за границу с подлинным паспортом и под фамилией швейцарского гражданина Фраучи, который сохранился у Артура Христиановича. В служебной характеристике Федора Яковлевича на 1933 год Артузов, как глава ИНО, писал: «Считаю тов. Карина в первом десятке лучших организаторов–разведчиков СССР».

Тридцатисемилетний к моменту перехода в Разведупр Отто Оттович Штейнбрюк, немец по национальности, когда–то был капитаном австрийской армии. Попал в русский плен. После Октября 1917 года вступил в коммунистическую партию. Затем участвовал в венгерской революции, после ее поражения больше года провел в тюрьме. Затем находился на нелегальной работе в Германии. С 1921 года в ВЧК, ведал разведкой по Германии.

Лев Николаевич Мейер–Захаров (настоящая фамилия Захаров) был членом партии с 1918–го и сотрудником ВЧК с 1919 года. Одно время – начальник Центральной школы ОГПУ,

одновременно создатель и руководитель легендарной ЭПРОН (Экспедиции подводных работ особого назначения), также входившего тогда в систему ОГПУ—НКВД.

Таким образом, вместо одного «добывающего» отдела в структуре Разведупра стало шесть.

К сожалению, после присвоения персональных званий многие старожилы управления посчитали себя обиженными. И не без оснований. В самом деле: четыре бывших чекиста – Артузов, Захаров (Мейер), Штейнбрюк и Карин – получили звание, равное званию Урицкого. Только один «чистый» военный – герой Гражданской войны Геккер тоже получил три ромба в петлицы. Также военный, заместитель Урицкого Никонов получил звание только комдива – меньшее, чем помощник начальника Захаров (Мейер) и два начальника отделений – Штейнбрюк и Карин.

Кому какое звание присвоить – зависело прежде всего от наркома Ворошилова. Не исключено, что столь хитроумным ходом он намеревался обострить отношения между ветеранами и «варягами» Разведупра.

Артузову до этих переживаний особого дела не было. Лично для него после присвоения звания изменилось только одно: в ИНО к нему сотрудники обращались, как правило, по имени–отчеству – Артур Христианович. Иногда, сугубо официально или на партийных собраниях – товарищ Артузов. Теперь же, каждое утро, когда он уходил в «шоколадный домик», дежурный по Разведупру при докладе обращался только так: «Товарищ корпусный комиссар…»

Важнее этих мелочей было главное – работа. А работать приходилось много. Фактически руководство стратегической военной разведкой легло на его плечи. В этом отношении официальное название его должности – заместитель начальника управления – никак не отражало его реальную роль и обязанности.

Между тем в личной жизни Артузова произошло событие, которое в дореволюционной беллетристике принято было называть роковым. Он влюбился, вернее – полюбил, второй раз в жизни, и, как это бывает у мужчин старше сорока, пылко, безоглядно и непреодолимо.

Первая жена Артузова Лидия Дмитриевна Слугина была человеком прекрасной души. В голодные годы она подобрала на одном из московских вокзалов девочку–беспризорницу, то ли сироту, то ли просто брошенную родителями, привела домой, вымыла, накормила, переодела во все чистенькое (старую одежонку пришлось просто сжечь), да… так и оставила в семье с полного согласия мужа. Дескать, где кормим троих, там и для

четвертого миска супа найдется. Галя росла вместе с другими детьми как родная и покинула дом фактически приемных родителей (формально ее не удочеряли, впрочем, и сами Артур Христианович и Лидия Дмитриевна жили не расписываясь, в те годы гражданский брак являлся обычным явлением), только когда вышла замуж.

И вот нежданная, негаданная последняя любовь.

Инне Михайловне было тогда тридцать с небольшим, была скорее просто миловидной, чем красивой, но обладала тем неуловимым женским шармом, который привлекает мужчин сильнее и привязывает прочнее самых колдовских чар. Артузов стал ее третьим мужем. Первым был крупный советский работник Иван Иванович Межлаук, в ту пору член ЦИК СССР, секретарь Совета труда и обороны (СТО) и заместитель управделами Совнаркома СССР{104}.

С Межлауком Инна Михайловна прожила десять лет. После развода вышла замуж за Григория Самойловича Тылиса, с которым Артузов был хорошо знаком по службе. Тылис работал в системе внешней торговли, последние годы являлся заместителем уполномоченного Всесоюзной торговой палаты в Париже и часто выезжал за границу. Нередко он под псевдонимом Нора выполнял конфиденциальные поручения Артузова по линии ИНО, а затем Разведупра. Отношения между ними были взаимоуважительными, даже дружескими. Тылис и познакомил Артузова с женой.

Инна Михайловна с первого взгляда влюбилась в Артура Христиановича. Ситуация была тяжелой, все четыре стороны двойной семейной драмы долго мучились, пока не стало очевидно, что поправить ничего нельзя, реку вспять не повернешь. Через два года произошел двойной развод. И Григорий Самойлович, и Лидия Дмитриевна, люди интеллигентные и порядочные, не позволили себе поливать грязью «соперницу» и «соперника».

Уже много лет спустя, на допросе в УГБ СССР Лидия Дмитриевна, даже не зная, по какому поводу ее туда пригласили, твердо заявила: «Я знала Артура Христиановича как человека, преданного Советской власти, и не знаю, почему его арестовали. Никогда ничего антисоветского я в нем не видела».

Артузов оставил семье большую квартиру в Милютин–ском переулке и перебрался, взяв с собой минимум личных вещей, в двухкомнатную квартирку Инны Михайловны по 3–й Тверской–Ямской улице, дом 21/23.

Квартирный вопрос был в Москве (и остается по сей день) сущим проклятием для подавляющей части населения. Массовое жилищное строительство тогда в Москве еще не велось.

Рассчитывать на получение второй квартиры от НКВД не приходилось, а просить в Разведупре, где жилья по многу лет дожидались десятки ветеранов управления, Артузову просто совесть не позволяла. Надеялся, что рано или поздно удастся совершить всех устраивающий сложный размен. А пока условились, что одна комната на 3–й Тверской–Ямской принадлежит Тылису, вторая – Инне Михайловне с Артузовым. Какое–то время это их устраивало, поскольку Тылис большую часть времени проводил за рубежом.

К сожалению, у Инны Михайловны обнаружилось редкое заболевание позвоночника, которое тогда умели лечить каким–то «радиометодом» только во Франции.

Дело оставалось за малым: разрешением на загранпоездку (свободный выезд за рубеж был уже давно отменен). Комиссию по выездам в ЦК ВКП(б) возглавлял (наряду с другими должностями) Николай Иванович Ежов, с которым Артузов уже был знаком по службе в ИНО, поскольку именно он с некоторых пор курировал в Центральном Комитете ОГПУ—НКВД.

Маленький синеглазый человечек в неизменной косоворотке и помятом сереньком пиджачке встретил Артузова приветливо, проявил чуткость, расспросил, каким заболеванием страдает Инна Михайловна, искренне посочувствовал, осведомился, чем может помочь. Без проволочек подписал разрешение Инне Михайловне на поездку во Францию для лечения, распорядился также, чтобы ей позволили обменять какое–то количество рублей на франки.

В непринужденном разговоре выяснилось, что у Артузова и Ежова, кроме, разумеется, причастности к спецслужбам, есть два общих увлечения. Первое – Ежов хоть имел лишь «незаконченное низшее» образование, был, как и Ар–тузов, страстным любителем чтения, за что в молодости заслужил у друзей прозвище Колька Книжник. Второе – он, как и Артузов, любил петь, обладал чистым, хоть и не сильным, лирическим, так называемым русским тенором.

Кабинет Ежова Артузов покидал совершенно очарованный секретарем ЦК. Невольно сравнивал его с грубым, порой хамоватым Ягодой. Сравнение было не в пользу Генриха Григорьевича. Правда, надо отдать должное и наркому – он никогда не отказывал сотрудникам в решении каких–либо проблем, несмотря на личное к ним отношение. Ему нравилась репутация «отца–благодетеля». Вот и Артузову он помог в свое время с приобретением дефицитных пиломатериалов, когда тот строил дачку на хуторе Решетниково близ станции Одинцово.

…Не только Артузов, никто тогда не разглядел в милом,

приятном во всех отношениях человеке зловещие черты «кровавого карлика Тьера», как окрестила его позднее сотрудница ИНО Раиса Соболь, сама «хватившая» лагерей и ставшая после освобождения известной писательницей Ириной Гуро. Нет, один человек разглядел – Сталин. И не ошибся.

Инна Михайловна дважды съездила в Париж. Подлечилась, поправила здоровье. Правда, ненадолго. Впрочем, это уже не имело значения…

Как и в Иностранном отделе ГУГБ НКВД, в Разведупре РККА тоже имелись свои «великие нелегалы». В том числе и ставшие знаменитыми, Героями Советского Союза. Некоторых из них удостоили спустя полвека звания и Героя Российской Федерации, как Яна Петровича Черняка.

Артузов командировал его за рубеж в 1935 году, и на протяжении двенадцати лет Черняк возглавлял крупнейшую агентурную сеть, охватывавшую несколько стран Европы. Агенты Черняка, да и сам он, успешно занимались сбором военно–технической информации, в том числе по радиолокации, средствам связи, ядерным программам. Я. П. Черняк скончался в 1995 году в госпитале, где ему всего за неделю до этого вручили Золотую Звезду.

Принял Артузов в штат Разведупра и Хаджи–Умара Мамсурова (Ксанти), впоследствии ставшего одной из самых ярких, легендарных фигур военной разведки. Мамсуров отличился еще в Испании, был начальником отделений и отделов в центральном аппарате Разведупра. Во время Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, армией, был заместителем по разведке начальника Центрального штаба партизанского движения. Последние двенадцать лет жизни Мамсуров – заместитель начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР, генерал–полковник, Герой Советского Союза. А первым разглядел выдающиеся способности Мамсурова Артузов.

В октябре 1935 года Артузову позвонили из Отдела международных связей и порекомендовали познакомиться с одним венгром – тем самым! – на предмет, ну, ясно для чего – дальнейшего сотрудничества с Разведупром. Встреча состоялась на одной из конспиративных квартир управления. Артур Христианович не мог скрыть удивления, даже некоторого разочарования. Перед ним стоял невысокий, плотненький человек, круглоголовый, уже начавший лысеть, хотя на вид ему было лет тридцать с небольшим, в больших круглых очках. За толстыми стеклами поблескивали живые, тоже округлые глазки. Рукопожатие было мягким, похоже, он никогда не занимался

физическим трудом. От всего его облика так и веяло чем–то домашним, уютным. Менее всего он походил на разведчика–нелегала.

Между тем, Артуру Христиановичу это было известно, за этим миролюбивым, безобидным человеком уже охотилась, и не без основания, полиция двух стран – Венгрии и Германии.

Шандор Радо родился в Будапеште, окончил гимназию и тут же был мобилизован. Поскольку у него имелся аттестат зрелости, его направили в офицерскую школу крепостной артиллерии. Венгерская буржуазная революция застала его в чине офицера артиллерийского полка. После образования в стране Советской республики он участвовал в жестоких боях в рядах ее Красной армии. Когда Венгерская республика пала, эмигрировал в Австрию.

Здесь он учится в Венском университете и одновременно работает в подполье по заданиям Коминтерна. В 1921 году

Радо в Москве – участвует в работе III конгресса Коминтерна. Затем – Германия, Лейпциг. Радо участвует в подготовке вооруженного восстания, намеченного на октябрь 1923 года. Из этого разработанного в Москве, достаточно авантюрного плана ничего не вышло, а вооруженное выступление в Гамбурге под руководством Эрнста Тельмана жестоко подавлено. Над Радо, как и над всеми руководителями несостоявшегося восстания, нависла реальная угроза расправы без суда. По настоянию руководства Германской компартии он приезжает в Москву, пережидает здесь год, затем возвращается в Германию. Радо – высококвалифицированный картограф, поэтому для прикрытия революционной работы и заработка основывает агентство «Пресс–Гео–графи». В 1933 году к власти в Германии приходят нацисты. Радо перебирается в Париж, где также открывает информационное агентство с географическим уклоном «Инпресс».

И вот Шандор Радо снова в Москве. Официально – как специалист, по приглашению редакции «Большого советского атласа».

После продолжительной беседы с Радо Артузов убедился, что рекомендация ОМС имела под собой полное основание. Он предложил венгру стать разведчиком–нелегалом Развед–упра, и тот без колебаний согласился.

Напутствовали Шандора Радо (получившего оперативный псевдоним Дора) перед отъездом в долгую командировку начальник управления и его заместитель. Сам он, отдавая впоследствии должное прозорливости руководителей советской разведки, писал: «Из дальнейшей беседы с Урицким и Артузовым мне стало понятно, что в будущем они видят наибольшую угрозу

со стороны нацистской Германии и фашистской Италии: оба государства усиленно перевооружаются, разжигают в народе дух реваншизма, ведут яростную милитаристскую и антикоммунистическую пропаганду. Возможно, что агрессивные державы в случае войны станут главными противниками Советского Союза. Поэтому необходимо внимательно следить за всеми их действиями на международной арене и заблаговременно раскрывать тайные планы фашистских правителей.

Моя задача как разведчика будет состоять именно в этом».

Уже в декабре того же 1935 года Радо вместе с женой и сыном выехал в Париж, а в мае 1936 года основал в Швейцарии акционерное общество «Геопресс» с центром в Женеве, где в качестве резидента–нелегала организовал сбор информации по Германии и Италии.

Особую роль группа Доры, получившая в германских спецслужбах название «Красная тройка», сыграла в годы войны. В ее сети действовал поразительный информатор–инициативщик Рудольф Ресслер (псевдоним Люси). Бывший доброволец германской армии в годы мировой войны, он стал ярым и убежденным врагом милитаризма, а затем и фашизма. У Люси было несколько друзей в высших военных кругах гитлеровской Германии, таких же антифашистов, как и он сам. От них он получал ценнейшую информацию, которую передавал резидентуре военной разведки СССР (и союзникам, если эти сведения касались их) в тот же день, когда важные решения принимались командованием вермахта и ставкой Гитлера{105}.

Артузова тревожили не только Германия и Италия на Западе, но и милитаристская Япония на Востоке. Его ближайший сотрудник и друг Федор Карин еще в 20–е годы добыл план японских милитаристов по скорому вооруженному проникновению на территорию Азиатского континента.

В Японии с подлинными аккредитациями крупной немецкой газеты уже действовал выдающийся советский разведчик Рихард Зорге (Рамзай). Он поставлял ценнейшую информацию. Артузов более всего боялся потерять его. А Зорге действительно висел на волоске. Пришедшие к власти в Германии нацисты, видимо, не успели достаточно основательно изучить картотеку старой политической полиции, предшественницы гестапо. Иначе бы они нашли компрометирующие материалы о Зорге – коммунисте, антифашисте, работнике (до перехода в разведку) аппарата ИККИ. Надо было разработать меры для упрочения положения разведчика в глазах сотрудников посольства Германии в Японии, тем более что среди них имелись и опытные разведчики, и контрразведчики. Артузов передал Зорге краткие, но достаточно

обоснованные рекомендации. Суть их сводилась к предписанию вести себя как положено истинному нацисту, принимать активное участие в работе организации НСДАП германской колонии в Токио. Возможно, благодаря исполнению этих советов Зорге длительное время удавалось избегать провала. Примечательно, что изобличили Зорге не гестаповские ищейки, а японские контрразведчики, причем не по его вине{106}.

Может сложиться впечатление – от подробных описаний той же операции «Трест», – что главное внимание Артузова всегда было привлечено к спецслужбам западных стран и антисоветским белогвардейским организациям. Это, конечно, не так. Милитаристская Япония уже в конце 20–х годов получила статус «основного противника» на Востоке. Пристальное внимание обеих советских разведок и Коминтерна было обращено и на Китай, вечно раздираемый междоусобицами и гражданскими войнами. (Обратим внимание, что свою плодотворную многолетнюю деятельность разведчика Рихард Зорге начал именно в Китае.)

Несколько ссылок на документы. 14 января 1934 года заместитель председателя ОГПУ Яков Агранов и начальник ИНО Артур Артузов направили секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину перевод с японского статьи из секретного (военно–технического ежемесячника) журнала японского Генштаба о состоянии войск некоторых стран, в том числе… Красной армии! Этот раздел показывал степень информированности японцев в этом важном вопросе.

15 марта того же года Артузов направил Сталину за № 50293 совершенно секретное изложение доклада японского капитана Танака Макото, производившего обследование стратегически важной восточной линии КВЖД – Китайской Восточной железной дороги.

Ряд материалов, добытый разведчиками Артузова, поступил к Сталину за подписями Ягоды, его заместителей Агранова и Прокофьева, позднее из Разведупра за подписями Берзина и Урицкого.

…По Германии успешно работал еще один агент Развед–упра – Рудольф Гернштадт, профессиональный, высококвалифицированный журналист. В 1933 году он был корреспондентом немецкой газеты в Москве. По указанию руководства публиковал в Германии злобные антисоветские статьи, что позволило вместе с другими четырьмя журналистами «выслать» его из СССР. Это было прекрасное прикрытие. Вместе с Гернштадтом (псевдоним Арвид) много лет работала также журналистка, бывшая одно время его гражданской женой, ныне широко известная Ильза Штебе (Альта). Именно Альта

завербовала крупного нацистского дипломата, советника посольства Германии в Варшаве Рудольфа фон Шелиа (псевдоним Ариец). От группы Арвида– Штебе (в нее входило еще несколько человек) в Центр на протяжении многих лет поступала информация первостепенной политической и военной важности[107].

…Однажды, летом 1935 года, вечером Артузова срочно вызвали в Кремль. Это произошло, когда он с минуты на минуту ждал прихода гостя – известного чтеца–декламатора Владимира Яхонтова. Артист хотел показать своему другу новую работу – программу по стихотворениям Маяковского[108]. Попросив Инну Михайловну, чтобы она извинилась перед Яхонтовым и предложила ему подождать, он быстро сбежал по лестнице, сел в поджидавшую его машину, сказав шоферу:

– К Боровицким воротам.

Артузов знал, что в Кремле идет совещание начальников управлений наркомата и командующих войсками военных округов. Но ведь там присутствует Урицкий, он располагает необходимыми материалами. Что же требуется от него? Возможно, Семену Петровичу необходима какая–нибудь справка? Нет, скорее всего, речь пойдет о задании.

Когда Артузов вошел в большой кабинет, где проходило совещание, с докладом перед собравшимися выступал начальник Автобронетанкового управления РККА Иннокентий Халепский[109]. Сев на свободное место рядом с Урицким, Артузов стал внимательно слушать выступавшего. Начальник был молод, влюблен в свой род войск, потому говорил увлеченно, с удовольствием приводил тактико–технические данные танков, хвалил удачные конструкции.

Когда он закончил, Сталин задал вопрос:

– Какие вам известны танковые новинки на Западе или Востоке?

Халепский веско сказал:

– Я считаю, что наши танки – последнее слово техники и военной мысли. (Это полностью соответствовало действительности. – *Т. Г.)*

– Понятно. А все же?

– Товарищ Сталин, я не располагаю на этот счет необходимыми данными и не готов сейчас дать исчерпывающие объяснения.

– Честный ответ. Что ж, послушаем, что нам скажет Раз–ведупр.

Поднялся с места Урицкий, недавний заместитель Ха–лепского.

– У нас имеется информация из Берлина. Немцы создали новый танк. Известно наименование – Т–111. Но тактико–технические данные танка нами пока не установлены.

Сталин обратился к Артузову:

– В бытность работы товарища Артузова в НКВД я читал его донесение о проекте нового немецкого танка, видимо, Т–111. Помнится, там сообщалось, что эта машина будет якобы лучше нашего танка БТ{110}. Я не ошибаюсь?

Вопрос был риторическим. Товарищ Сталин, разумеется, никогда не ошибался. Сейчас, правда, в этом многие сомневаются, но уж то, что он никогда ничего не забывал, сомнению не подлежит.

Артузов встал, ничуть не удивившись, что секретарь ЦК помнит его давнее донесение. Об уникальной памяти вождя он знал не понаслышке.

– Нет, не ошибаетесь, товарищ Сталин. В новом донесении речь идет именно об этой машине, уже запущенной в небольшую опытную серию.

Сталин твердо сказал:

– Нам крайне важно иметь чертежи этого танка или хотя бы толковое описание его. И разумеется, тактико–технические данные: вес, проходимость, мощность двигателя, толщину и качество брони, вооружение. Мы не имеем права отставать от капиталистических стран, в танках особенно. Будущая война будет войной моторов.

Урицкий осторожно заметил:

– Немцы умеют скрывать свои секреты, товарищ Сталин.

Секретарь ЦК повернулся в сторону заместителя начальника Разведупра, явно ожидая, что скажет тот. Артур Христианович это понял и быстро перебрал в памяти свои зарубежные связи, в том числе в нейтральных странах, прикидывая, кто может скорее добыть сведения о танке. Хоть и пунктиром, но вырисовывалась тоненькая линия. Он встал и заявил, тщательно взвешивая каждое слово:

– Подтверждаю мнение товарища Урицкого, что немцы умеют хранить свои секреты. Но и мы умеем такие секреты добывать. В принципе достать такие данные возможно.

Сталин задал новый вопрос:

– На каком же принципе базируется ваше утверждение?

– Под принципом я имел в виду продажность, свойственную многим в капиталистических странах. В принципе там все можно купить. Операцию по добыче данных о танке я построил бы именно на этом принципе, как на самом реальном, быстром, а потому и результативном.

– Так, может, ты и готовый танк привезешь?! – не удержался и бросил с места командующий войсками Белорусского военного округа Иероним Уборевич.

По рядам прокатился легкий смешок, улыбнулся едва заметно в усы и Сталин. Видимо, многие из присутствующих восприняли заявление Артузова как совершенно утопическое.

Артур Христианович, однако, и бровью не повел. Ответил невозмутимо:

– Разум – титан, если поможет, да немного денег в твердой валюте, если Наркомфин отпустит, да немножечко везения… Тогда и танк можно предоставить в распоряжение наших специалистов.

Артузов имел все основания заявлять со столь высокой степенью уверенности. Всего несколько лет назад из США был вывезен под видом «сельскохозяйственного трактора» опытный танк знаменитого американского конструктора Дж. У. Кристи, намного опередившего свое время. Пришлось только снять с «трактора» вращающуюся башню и, разумеется, вооружение.

Сталин пристально посмотрел на Артузова и негромко, но внушительно произнес:

– Уверенность товарища Артузова дает нам основания поручить Разведупру добыть необходимые сведения о танке. Конкретную ответственность, полагаю, следует возложить на него же.

…Когда Артузов вернулся домой, Инна Михайловна уже спала. Только на кухне за стаканом остывшего чая его поджидал Владимир Яхонтов. Словно ничего особенного не произошло, оторвавшись от книги, спросил деловито:

– Так будешь Маяковского слушать?

– Буду, непременно буду, – ответил Артузов, – вот только чайник подогрею.

И он зажег конфорку газовой плиты… Через два месяца после совещания в Кремле прототип немецкого танка Т–111 стоял на подмосковном танковом полигоне. Артузов имел полное моральное право гордиться тем, что быстро выполнил задание Сталина. Новые дела скоро завладели его мыслями. Однако спустя некоторое время ему напомнили о танке.

…На прием к Артузову явился видный военный инженер. Долго осматривался, потом пригладил волосы. Артузов вытащил карманные часы, мельком взглянул на циферблат. Военинженер правильно понял намек, пора, дескать, начать разговор.

– Собственно говоря, товарищ корпусный комиссар, – сказал он, – я пришел, чтобы поблагодарить вас и ваше ведомство за танк Т–111 и сообщить о результатах испытаний.

– Слушаю вас, – оживился Артузов, – это в высшей степени интересно и важно.

– Как раз особого интереса для нас танк и не представляет, – неожиданно возразил инженер. – Обычный танк. Броня не ахти какая, да и ходовые качества оставляют желать лучшего. Пушка неплохая, тридцатисемимиллиметровая, два пулемета… Словом, наши нынешние машины лучше, а проектируемые и подавно.

– Стреляли по нему?

– Не то слово… Наша танковая пушка, калибром сорок пять миллиметров, его изрешетила.

– Снаряды, значит, берут?

– На нормальной для танкового боя дистанции берут.

– Понятно. Значит, у немецких танкостроителей нам перенимать нечего. А вы пробовали из него стрелять по нашему БТ?

И тут выяснилось, что этого не только не было сделано, но никто и не собирался проводить такие испытания. Зачем, мол?

– Я бы на вашем месте все же попросил бы несколько наших танков. Для чего? Чтобы испытать силу его огня. Вы сами заметили мимоходом, что у него неплохая пушка, хоть и меньшего калибра, чем у БТ.

Военинженер начал сердиться:

– Простите, товарищ корпусный комиссар. Что же вы теперь прикажете делать? Усилить бронезащиту нашего танка, а заодно поставить на него восьмидесятимиллиметровое орудие.

– Не исключаю.

– Еще раз простите, но вы, очевидно, сильны в своем деле, но не в броне.

– Нет, не прощаю. В броне как раз и разбираюсь и всегда разберусь. У меня диплом инженера–металлурга и некоторый стаж работы в бюро, видимо, известного вам профессора Грум–Гржимайло.

Военинженер замер. Потом откашлялся нервно и уже на пониженных тонах стал рассуждать:

– Не всунешь же в танк восьмидесятимиллиметровку. Одно противооткатное устройство займет всю полезную площадь. Увеличится вес, потребуется более мощный двигатель, возрастут размеры танка, а это уже мишень на поле боя.

Артузов возразил:

– Оставим это дело конструкторской мысли. Знаю одно: огневая мощь нашего танка должна превышать огневую мощь любого танка в мире. Я не вижу облегчения от сознания того, что наш танк легко пробивает немецкий, если тот, будучи как танк хуже, может своим орудием поразить наш танк. Не знаю, за счет

чего можно достигнуть огневого преимущества, тут уж артиллеристы пусть подумают, но знаю одно: вы успокоились и расхаяли немецкий танк. На вашем месте я повел бы себя не как взрослый человек, которому всегда все заранее ясно, а как ребенок, которому охота все развинтить, до всего докопаться. Иначе стоило ли нам рисковать, добывая новейший немецкий танк?

Военинженер притих, склонил голову, видно было, что он переживал урок, преподанный разведчиком. Потом поднял голову и твердо произнес:

– Спасибо, товарищ корпусный комиссар. Заронили хорошие мысли. Выходит, нам следует еще ох как поворочать камни.

– Совершенно верно.

Военинженер встал, улыбнулся признательно:

– Рад был познакомиться с вами, товарищ инженер–металлург. Нам остается одно – шагать в ногу со временем.

– А лучше – опережать время. В военном деле это очень важно…

Простились они вполне довольные друг другом. Военин–женер, конечно, и не догадывался, сколько нежданных воспоминаний разворошил этот разговор в душе корпусного комиссара. Дело в том, что Артузов всю жизнь не переставал грустить по своей несостоявшейся, так хорошо начинавшейся гражданской профессии. Когда–то, году в восемнадцатом, он думал, что вот очень скоро враги будут разбиты, во всем мире победит пролетарская революция. Отпадет надобность в армии, ЧК, трибуналах, прочих правоохранительных органах. Из всей рабоче–крестьянской милиции придется сохранить разве что регулировщиков уличного движения.

В письме к Грум–Гржимайло в конце 1923 года он писал с нескрываемой грустью: «Очень рад, что Вы с обычной энергией и воодушевлением по–прежнему заняты любимым делом. Жалею, что никак не удается вернуться от административной деятельности к технической, куда меня неизменно и постоянно тянет».

…Прошло несколько недель, и Артузову стало известно, что в одном из артиллерийских конструкторских бюро начата работа над созданием новой, более мощной танковой пушки.

Прогноз Артузова о будущем танков оказался верным. На лучшем в годы Второй мировой войны среднем танке Т–34 стояли пушки калибром уже в 76 и 85 миллиметров, а на тяжелом танке ИС–2 орудие калибром в 122 миллиметра!

…Еще работая в ОГПУ—НКВД, Артузов стал намечать меры по решительной борьбе с японской разведкой. В первую очередь

надо было парализовать подрывную деятельность японского военного атташата в Москве и по возможности через него же войти в курс стратегических планов японского Генерального штаба. Вторая задача, стоявшая перед Артузовым, заключалась в том, чтобы активными действиями воспрепятствовать ведению разведки со стороны Японии на советском Дальнем Востоке, «закрыв на замок» государственную границу СССР. Для этого, в свою очередь, нужно было усилить разведывательную работу в Маньчжурии.

На примете у Артузова были молодые толковые люди, по сути, его ученики, уже прошедшие хорошую школу в КРО. В подборе кадров он руководствовался железным правилом: хороший контрразведчик становился и прекрасным разведчиком. Сотрудники Артузова, успешно поработавшие в контрразведывательном отделе, гораздо легче внедрялись во вражеские зарубежные разведцентры, полицию, жандармерию, правительственные учреждения, реже терпели неудачи, нежели те, кто не обладал опытом ведения контрразведки. Артузов виртуозно владел методом внедрения в антисоветские зарубежные центры искусно подобранных сотрудников и патриотически настроенных людей – добровольных помощников чекистов.

Изучая материалы о японской разведке, Артузов исподволь подыскивал людей, способных выполнить задачи. У него подобрались хорошие помощники, имевшие солидный опыт контрразведывательной работы, в том числе и против японской агентуры в СССР.

Вскоре пришел и первый успех.

…С некоторых пор чекисты заинтересовались личностями двух японских офицеров, работавших в Москве: Камацубара и Миямото. Оба они, как было установлено, занимались военным шпионажем. Но наблюдение установило и другое: офицеры усердно предавались также пьянству, разврату и стяжательству. В конечном счете у них вырос такой хвост недопустимых, с точки зрения любого начальства, компрометирующих проступков, что они были согласны на все, лишь бы сомнительная слава о их московских «подвигах» не докатилась до Токио. Этим и воспользовались чекисты. Так, однажды Камацубара настолько напился вместе с любовницей, что потерял ключи от сейфа в кабинете своей квартиры…

В результате кропотливой настойчивой работы чекистов советское правительство было полностью в курсе захватнических замыслов японских милитаристов на Дальнем Востоке. Позднее в советских газетах были опубликованы материалы,

неопровержимо изобличающие перед всем миром агрессивный курс тогдашнего милитаристского правительства Японии.

Однажды Артузову позвонил Гудзь и попросил разрешения зайти к нему.

– Конечно, заходите, – ответил Артур Христианович.

Бориса Гудзя он помнил еще юношей. Его отец, агроном Игнатий Гудзь, принимал участие в революционном движении на Херсонщине с 1892 года. Борис был когда–то студентом Горной академии, служил в Красной армии. В ВЧК он пришел по рекомендации старого профессионального революционера Александра Дмитриевича Цюрупы, заместителя Ленина по Совнаркому. Гудзь долгое время работал в КРО под началом Пузицкого и Стырне, принимал участие в операции «Трест», проявил себя хорошим, инициативным сотрудником. Несмотря на большую занятость, сумел заочно окончить двухгодичный философский курс при Институте красной профессуры. Сослуживцы–коммунисты избирали его секретарем партийной организации Контрразведывательного и Особого отделов.

Как талантливого разведчика знал Артузов и близкого друга Гудзя – такого же молодого Александра Агаянца.

В ноябре 1931 года неожиданно для многих начальником Особого отдела был назначен украинский чекист Израиль Леплевский.

Борис Игнатьевич рассказывал автору: «Когда стало известно, что к нам на отдел переводится с Украины Леплев–ский, я понял, что надо спешно уходить. У Леплевского была прочная репутация великого мастера в соответствии со своей фамилией лепить липовые дела. Я заниматься подобными мерзостями не намеревался. Нас в КРО Артузов не так воспитывал. Тогда я и Саша Агаянц немедленно подали рапорты, чтобы нас послали работать в Сибирь».

В то время на советском Дальнем Востоке проводилась частичная реорганизация государственного управления, произошли изменения в территориальном делении. Был организован Восточно–Сибирский край с центром в Иркутске. В крае создавался и аппарат ОГПУ. Опытных чекистов там, конечно, не хватало. Гудзь и Агаянц решили добровольно поехать в Сибирь. Их просьбу удовлетворили. Вот Борис и Александр и надумали зайти к своему давнему наставнику, чтобы заручиться его советами и поддержкой перед отъездом в далекий Иркутск.

Разговор затянулся. Артузов, конечно, не ограничился общими добрыми напутствиями, пожеланиями. Он обстоятельно охарактеризовал им политику Японии по отношению к Советскому Союзу и Китаю, состояние и методы работы японской

разведки, для должной ориентации ознакомил Гудзя и Агаянца с пресловутым планом полковника Андо по углублению японской экспансии на Азиатском континенте, другими документами противника.

Уже перед уходом Гудзь спросил:

– Артур Христианович, как вы считаете, стоит ли нам в Забайкалье легендировать антисоветскую организацию по модели «Треста» или это всего лишь старая история?

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос ответил Ар–тузов. И добавил: – Мне кажется, что в идее «Треста» остались неисчерпанными многие потенциальные возможности. Тут дело не в самой модели как таковой, хотя она и превосходна, а в вашем оперативном мастерстве, если хотите, артистизме исполнителей главных ролей, в точном учете психологии противника, местных условий. – Он рассмеялся. – Я понимаю, к чему вы клоните, Борис Игнатьевич. Хотите создать свой маленький «Трест»? Что ж, благословляю. Только не копируйте слепо, вносите новое, свое, учитывающее специфику местных обстоятельств.

Гудзь и Агаянц уехали в Иркутск и приступили к работе. А вскоре иркутские чекисты сумели организовать «маленький „Трест“»…

…Политические репрессии (или, если угодно, репрессии по политическим мотивам) в советской России, а затем Советском Союзе не прекращались никогда, с первого и до последнего дня существования нашего государства. Применение силы в случае необходимости для защиты своего народа, населения, отдельных граждан, отправления правопорядка и правосудия – атрибут, неотъемлемое свойство и обязанность любого государства. Отрицать правомерность применения силы вообще столь же нелепо, как отрицать закономерность смен времен года. Проблема заключается в другом: насколько обоснованно государство этим правом пользуется.

Слово «репрессии» в нашей стране приобрело особое значение. В современном языке оно не ассоциируется с применением государством силы по какому–либо поводу и по отношению к кому–либо в соответствии с законом, интересами общества, правами человека, нормами морали, нравственности, справедливости.

Репрессии в нашей стране отвечали этим требованиям в степени самой незначительной. На определенном временном отрезке перестали соответствовать вовсе (за исключением разве что осуждения виновных в совершении особо тяжких, чисто уголовных преступлений).

1936 год стал тем рубежом, когда репрессии по отношению к населению собственной страны из просто репрессий переросли в Большой террор. Именно Тридцать Шестой стал прелюдией к Тридцать Седьмому, ставшему понятием собирательным, хотя аресты и казни продолжались и в Тридцать Восьмом, и в Тридцать Девятом, и в Сороковые, и в Пятидесятые…

У автора нет возможности высказать и аргументировать свою точку зрения по данному вопросу, он вынужден просто излагать ход событий применительно к жизненной трагедии своего героя.

Несомненно одно – именно летом 1936 года Сталин начинает планомерно и неотступно чистку высшего эшелона партии (в первую очередь «старых соратников великого Ленина»), НКВД, Красной армии. Чрезвычайно важно для него было не только физически уничтожить этих людей, но и скомпрометировать их в глазах рядовых членов ВКП(б), народа, в какой–то степени – мировой общественности (хотя с мнением последней он никогда особенно не считался). Потому и решил начать с процессов *открытых*. Таковых, «московских», было три. О некоторых закрытых процессах, в том числе над семью высшими военачальниками, были краткие уведомления в печати. Потом и этого делать не стали. Просто–напросто куда–то исчезали портреты некоторых членов Политбюро или какой–то нарком не выходил на работу…

Первый московский процесс по делу Объединенного троцкистско–зиновьевского центра открылся 19 августа 1936 года в Октябрьском зале Дома союзов. Перед Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством армвоенюриста Василия Ульриха при государственном обвинителе прокуроре СССР Андрее Вышинском предстало шестнадцать человек, в том числе Лев Борисович Каменев, Григорий Евсеевич Зиновьев, близкий сподвижник Троцкого по военным годам герой Гражданской войны Иван Никитович Смирнов, еще тринадцать менее известных фигурантов. В ходе скоротечного процесса все они признались в совершении ужасных преступлений, все были приговорены за измену и террористическую деятельность к смертной казни и в ту же ночь расстреляны.

Подготовкой и обработкой будущих подсудимых к открытому процессу под личным руководством Ягоды занималась группа тщательно отобранных им сотрудников из разных отделов ГУГБ (автор напоминает, что специализированного следственного подразделения тогда в системе еще не существовало).

Но Ягода вовсе не являлся первым лицом в этой акции. Настоящим распорядителем готовящегося спектакля был Николай Ежов – по еще одной своей малоизвестной должности. 15 мая

1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление о создании Особой комиссии по безопасности для ликвидации врагов народа. В состав комиссии был введен и Ежов. Кроме него в комиссию входили секретарь ЦК Андрей Жданов, завотделом руководящих парторганов ЦК Георгий Маленков, прокурор СССР Андрей Вышинский, секретарь партколлегии КПК Матвей Шкирятов. И, разумеется, Иосиф Сталин.

Надо полагать, что участь Ягоды была предрешена Сталиным еще до процесса Каменева – Зиновьева, подготовка которого стала для него последним заданием вождя. Самому Ягоде было предназначено сесть на скамью подсудимых вместе с «правыми» – группой Бухарина, Рыкова, Томского. Данный процесс должен был подготовить почву для снятия Ягоды с поста наркомвнудела как «прошляпившего» заговор Каменева и Зиновьева. Именно так и было сформулировано обвинение в известной телеграмме Иосифа Сталина и Андрея Жданова из Сочи, где они отдыхали, членам Политбюро в Москву 25 сентября 1936 года. В телеграмме говорилось: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско–зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все политработники и

большинство областных представителей наркомвнудела. (Эта фраза – чистый блеф. Ни с какими политработниками и сотрудниками НКВД по этому поводу ни Сталин, ни тем более Жданов не разговаривали. – *Т. Г.)* Замом Ежова в наркомвнуделе можно оставить Агранова»[{111}].

Уже на следующий день остававшиеся в Москве члены Политбюро назначили Ежова наркомом НКВД, сохранив за ним посты секретаря ЦК и председателя Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б).

Освобожденный от должности наркомвнудела Ягода в тот же день был назначен наркомом связи СССР. Ненадолго…

Все эти события прямо коснулись положения Артузова в Разведупре и в конечном счете отразились на его дальнейшей судьбе. Отношения между военными и бывшими чекистами никогда не были безоблачными, но до поры до времени разногласия носили скрытый, личностный характер. Теперь все резко обострилось. В глазах и наркома Ворошилова, и начальника Разведупра бывшие сотрудники ОГПУ—НКВД были не просто «чужаками», но «людьми Ягоды». Назначение Генриха Григорьевича наркомом связи одного из самых приближенных к Сталину «малых» вождей Ворошилова обмануть не могло. Потому он не без основания полагал, что они представляли для него

скрытую угрозу, в любом случае были «нежелательным элементом». Началось неприкрытое выживание Артузова, Штейнбрюка и других работников, приведенных Артуром Христиановичем из Разведупра, под предлогом, что Артузову так и не удалось до должного уровня подтянуть дисциплину в управлении. Это была откровенная чушь, поскольку Артур Христианович в первую очередь занимался именно разведывательной работой, а проблемы с кадрами вообще и с дисциплиной в частности входили в обязанности именно начальника управления Урицкого.

Не выдержав ставшей откровенной травли, Артузов написал 20 декабря 1936 года Урицкому письмо. Ранее из него публиковались только выдержки. Автор имеет возможность привести его почти целиком, сократив лишь малозначительные детали.

«Дорогой Семен Петрович!

После серьезного раздумья и нескольких бессонных ночей решил кратко написать Вам о недостатках нашей работы. В письме сделать лучше, конкретнее и без слишком большого волнения, что в личном разговоре неизбежно. А сердце у меня иногда сдает.

1. Начну с главного и самого волнующего. Прихожу к заключению, что Вы начинаете менять свое прежнее безупречное, глубоко партийное отношение к группе товарищей чекистов, пришедших вместе со мной (не по моему ходатайству меня направили в РУ. Вы это знаете)[{112}]. Факты:

а) исключительно усилившаяся резкость с Вашей стороны в отношении бывших чекистов;

б) прекращение с Вашей стороны практики обсуждения оперативных вопросов с начальниками отделов – бывшими чекистами. Ваше влияние Вы свели только на писание в высшей степени резких, обидных резолюций по каждому, даже мелкому упущению, вызов к себе главным образом для надрания и угроз снятия с должности. Тоже в присутствии опersостава.

Лично я считаю, что меры взыскания и внушения необходимы для поднятия нашей работы. Однако без чередования со спокойной, воспитательной, подбадривающей работы они цели не достигают, особенно в разведке (полагаю, также и в строевых частях). Может быть, эту работу Вы ведете не в моем присутствии. Полагаю, что в этом случае меня иногда также можно было бы приглашать. За последнее время как–то случается, что я приглашаюсь главным образом на занятия первого типа;

в) меры взыскания, налагаемые Вами за последнее время, имеют тенденцию быть более суровыми по отношению к

чекистам, а иногда грешат по части справедливого распределения взысканий. Так, в деле с т. К… попало больше людям, менее виновным, чем более виновным. При этом Вы не сочли нужным показать мне проект Вашего приказа, хотя Вы знали, что я вел лично следствие по этому поводу. Разумеется, я не допустил допроса следователем прокуратуры действительно виновных в этом деле лиц (тт. П… З… Я…), ибо в противном случае Ваш приказ был бы скомпрометирован{113}.

…Я никогда ни разу не слышал ни от кого, чтобы кто–нибудь позволил себе высказаться без достаточного уважения к Вам или к руководящим военным товарищам (Артузов имеет в виду бывших чекистов, поскольку ранее, в опущенном абзаце, он приводит примеры неуважительного отношения к ним со стороны именно военных. – *Т. Г.)*… *Я* думаю, что Вы уже достаточно меня знаете, чтобы совершенно исключить какое бы то ни было терпимое отношение к этому вопросу с моей стороны. Я думаю, что и вне управления в товарищеской среде никто из чекистов нигде и никогда не позволяет себе никакого нелояльного высказывания по отношению к командованию Управления. Мне кажется, что уже было недавно такое время, когда последние грани между разведчиками–чекистами и тт. военными окончательно, казалось, исчезли. Чуткий аппарат, однако, остро воспринял малозаметную внешне перемену в Вашем отношении к бывшим чекистам;

д) изменение Вашего отношения ко мне лично. О своих недостатках я напишу ниже. Может быть, главным из них является излишне доверчивое отношение к товарищам, с которыми я работаю… Во всяком случае, я совершенно не способен быстро переменять мнение и пересматривать свое отношение к ближайшему по работе товарищу, которого уважаю. Для этого нужно, чтобы я убедился в его неправильной тактической линии. Поэтому я очень тяжело переживаю изменение Вашего отношения ко мне. Вы просите меня заняться первым и вторым отделами. Я стараюсь сделать my best{114} в этом деле. Вы знаете, как много новых людей мы разослали{115}, ослабив центральный аппарат. Я борюсь вместе с Вами над воспитанием и обучением всех людей (и закордонных, и здесь). Между тем Вы все последние указания и распоряжения даете отделам через мою голову, превращая меня в заместителя без определенных занятий. Это неправильно. Если Вы хотите, чтобы я вытянул это большое дело, давайте Ваши указания мне. Я постараюсь их выполнить и буду отвечать за них. Вместо этого Вы держите все время и меня, и оба отдела под угрозой снятия их начальников, доводя нервное состояние обоих этих товарищей до

крайнего напряжения. Уверяю Вас, что тов. Карин не спал в продолжение месяца только из–за Вашего крайне резкого на него давления через мою голову. Мне говорила об его нервном бреде его жена.

Тов. Штейнбрюк так растерян и убит (Вы запретили подавать рапорт о трудностях в работе), что также лишился сна и даже написал по растерянности сам себе небольшой рапорт (корпусный комиссар Штейнбрюк корпусному комиссару Штейнбрюку). Я знаю т. Штейнбрюка давно и никогда не видел его в таком загнанном виде. На днях он просил у меня совета, как ему поступить: может быть, для пользы дела (в интересах поднятия боевого духа других товарищей) он должен быть уничтожен, но ведь тогда можно его снять без его рапорта, не дожидаясь еще двух–трех выговоров. Самое замечательное, что это было сказано вполне искренне и без всякого сердца, с добавлением, что партия, он надеется, отнесется к нему снисходительно. За воспитание тт. Карина и Штейнбрюка я ведь отвечаю. Они, как и я, люди несколько другой школы в практической работе, чем Вы. У них масса недостатков, конечно, но они вполне честные, преданные партии и нашему делу товарищи, которые, как и я, никогда не позволят себе нелояльного, нетоварищеского поступка ни по отношению к Вам лично, ни по отношению к нашему народному комиссару. Тем более я не думаю, чтобы Вы в этом сомневались.

Не для того, чтобы искать положения, популярности, выдвижения или еще чего–либо пошли эти товарищи со мной работать в Р.У. Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается. Я хорошо помню, это означало, конечно, не только то, что как не военный человек, я не могу занимать Вашей должности, но также и то, что я не являюсь Вашим аппаратным замом, а обязан всё, что я знаю полезного по работе в ГПУ, полностью передать военной разведке, дополняя, а иногда и поправляя Вас.

Я сказал так т. Сталину, что один в аппарат Разведупра я не могу пойти. Я слишком хорошо знаю традиции сложившихся организаций и не делаю иллюзий насчет трудностей работы в новом аппарате (новом наркомате), где меня мало знают. Я в претензии к Климу Ефремовичу, что он меня никогда не вызывает и получает [информацию] полностью от Вас. Я вполне убежден в полной корректности Ваших докладов, но я испытываю большое лишение от того, что не слышу ясных, ярких, глубоко партийных указаний нашего народного комиссара. Я всю революцию работал под непосредственным руководством таких товарищей, как Дзержинский и Менжинский. Мне многого, конечно, недостает из

того опыта, который имеете Вы, и я стараюсь добросовестно учиться. К сожалению, более чем за 15 лет работы в ЧК пришлось годы провести главным образом в закрытых помещениях за ночными допросами, поэтому уже трудно соревноваться с Вами в ночных Ваших занятиях. Здоровье пошаливает. Тем более для меня непонятно Ваше систематическое поджимание моих непосредственных помощников по делу, которых Вы мне поручили. Ведь Вы не сомневаетесь, что скажи Вы свои замечания и претензии мне, я постараюсь их провести в жизнь, вероятно, не с меньшим успехом, чем делаете Вы в обидной для меня форме. Ведь каждому понятно, что удар направлен против меня, иначе зачем Вы затронули бы мою работу, выводя фактически из строя помощников? Разве я когда–нибудь пренебрег Вашими указаниями или отнесся хотя бы раз к ним нелояльно? Я мог только в отдельных случаях задержать их на некоторое время только за большой загруженностью, а не почему–либо иному.

Простите меня, но и лично Ваше отношение ко мне не свидетельствует о том, что Вы имеете во мне ближайшего сотрудника, советчика и товарища, каким, я в этом не сомневаюсь, хотел меня видеть в Разведупре т. Сталин;

е) наконец, Ваш намек на политические подозрения против т. Штейнбрюка. Кроме намека Вы ничего конкретного не добавили. Признаюсь, это задело меня больше всего. Жизнь и работа т. Штейнбрюка протекает у меня на глазах много лет. Его отлично знают тт. Агранов, Пиляр, Бела Кун, Трилиссер. При Вас в «П. Б.» [Политбюро ЦК ВКП(б)] я давал ему характеристику. Мне кажется, что кроме слишком медленного продвижения наших дел в Германии (страна трудная) ничего другого и Вы поставить в вину т. Штейн–брюку не можете. Ведь у т. Стигга, который тоже работает в Германии, успехи в этой стране еще меньше. Т. Штейнбрюк, по крайней мере, проявил инициативу и не пустил обратно в Германию провокатора Моргина и К º . Вся эта экономическая сеть т. Стигги либо села, либо перевербована (в Германии). Почему же именно против т. Штейнбрюка бросать упрек… после копенгагенского провала (причем копенгагенская резидентура Улановского была сформирована еще до прихода т. Штейнбрюка в РУ). Как раз у Штейнбрюка с провалами благополучно (в венском провале мы ничего не потеряли), а у т. Стигги и Лозовского гораздо хуже. Могу себе представить, что сказали бы Вы, если бы не т. Янов{116} (которому я верю) имел неосторожность давать для прочтения знакомым своей жены троцкистскую литературу, а Штейн–брюк. Или если бы не т. Янов забыл в гостинице в Ленинграде списки отправленного к друзьям оружия (которые я вернул т. Янову, получив их от т.

Заковского{117}), а т. Штейнбрюк?

Я думаю, что Вы изменили свое отношение к пришедшим со мной товарищам, Семен Петрович. Для чего? Не пойму. Не хочу думать, что и Вас коснулась волна нескольких нездоровых настроений среди многих товарищей к чекистам. Среди последних немало, конечно, плохих, чванливых, зазнавшихся (надо быть хорошим большевиком, чтобы на всех звеньях этого особого аппарата сохранить свои подлинные большевистские качества), но я думаю, что я привел в Разведупр неплохой народ. Ему не хватает военной школы, у него много недостатков, но он полезен для разведки, и не надо от него избавляться, Семен Петрович. Конечно, он требует не только холодного административного приказа, но и некоторого терпения.

2. Недостатки управления. Я думаю, что все наше Управление осуществляется великим громоздким путем, слишком большой (количественно) перепиской, со слишком недостаточным личным общением с резидентами и закордонными работниками. Я помню, как Вы на «П. Б.» демонстрировали одно наше письмо, доложенное Вам т. Болотиным{118} и адресованное копенгагенской нашей подпольной резидентуре. Письмо было, конечно, слишком ясное и подробное для подпольного нашего пункта. Я сказал тогда, что мы вынуждены писать подробно, так как наши резиденты очень малоквалифицированы. Что же нам сказать о нынешних наших письмах, в которых мы разжевываем до последних мелочей. Вы требуете все большей и большей конкретизации. И это правильно, так как рост наших людей слишком незначителен. Они требуют самого детального руководства и отрадным явлением при этом нам кажется письмо старого культурного чекиста Ф… который с полуслова телеграммы понимает, а ведь Ф… вырастают не столько от хороших к ним писем, сколько от реального участия в разработке от общения с опытным работником.

А. Хр. Артузов».

Письмо не сыграло ровно никакой роли: Урицкий был уже озабочен не проблемами, затронутыми Артузовым, а собственной судьбой. В июне 1937 года он был назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа, через четыре месяца арестован и 1 августа 1938 года расстрелян.

Через три недели, 11 января 1937 года по предложению наркома обороны Ворошилова Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре и направлении их в распоряжение НКВД.

СНОВА ЛУБЯНКА

13 января 1937 года в соответствии с предписанием явиться в распоряжение НКВД Артузов отправился к месту старой–новой работы – на площадь Дзержинского. Артур Христианович, разумеется, знал о серьезных кадровых переменах в руководстве НКВД после назначения Ежова. Уже через три дня был освобожден от должности замнаркома НКВД Георгий Прокофьев и назначен первым заместителем наркома… связи, то есть своего старого шефа Ягоды. (Поработать на новом месте до ареста он успеет всего полгода.)

Новыми заместителями наркома НКВД были назначены начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) комкор Михаил Фриновский (вскоре он заменит Якова Агранова на постах первого заместителя наркома и начальника ГУГБ), начальник ГУЛАГа комиссар госбезопасности третьего ранга Матвей Берман и начальник Главного управления Рабоче–крестьянской милиции (ГУРКМ) комиссар госбезопасности второго ранга Лев Бельский.

25 декабря 1936 года нарком Ежов «в целях конспирации» отменил названия отделов Главного управления государственной безопасности и присвоил им порядковые номера. Отныне структура ГУГБ выглядела следующим образом:

1–й отдел – Отдел охраны;
2–й отдел – Оперативный отдел;
3–й отдел – Контрразведывательный отдел;
4–й отдел – Секретно–политический отдел;
5–й отдел – Особый отдел;
6–й отдел – Транспортный отдел;
7–й отдел – Иностранный отдел;
8–й отдел – Учетно–регистрационный отдел;
9–й отдел – Спецотдел;
10–й отдел – Тюремный отдел.

Естественно, Артузов задавался вопросом: в какой должности ему предстоит теперь продолжить службу в своем старом ведомстве? У него звание корпусного комиссара, соответствует специальному званию комиссара госбезопасности третьего ранга. По три ромба, как у него, носят два заместителя наркома. Стало быть, ему должны предложить должность, соответствующую званию. Если не в центральном аппарате, то, может быть, начальником управления НКВД в крупном центре? Он бы поехал…

В длинных гулких коридорах необычно пустынно и тихо.

Изредка пронырнет из кабинета в кабинет с деловитым видом сотрудник в новенькой, как правило, необмятой еще форме. Лица – незнакомые…

Зашел к Слуцкому. Поздравили друг друга с Новым годом, поговорили о пустяках. В петлицах начальника ИНО, то есть 7–го отдела, отливали малиновой эмалью четыре ромба. Комиссар госбезопасности второго ранга! Растет Абрам Аронович, но по несколько растерянному виду заметно, что боится. Вдруг Ежов вернет Артузову ту должность, что он занимал до перемещения в Разведупр?

Абрам Аронович уже слышал о возвращении Артузова, но понятия не имел, какой пост займет его бывший начальник.

Артузов попрощался со Слуцким и направился по коридору дальше. И тут выяснилось, что просто пройти к наркому Ежову, как раньше он ходил и к Менжинскому, и к Ягоде, нельзя. По пути к его кабинету на каждом повороте и лестничной площадке пост. Дежурный в фуражке, при телефоне и револьвере. Попасть к наркому, оказывается, можно только по его вызову или заранее обговоренному с его секретариатом вопросу.

Принял Артузова начальник секретариата НКВД Яков Абрамович Дейч. Никогда раньше Артур Христианович его не видел. Впечатление неприятное. Невзрачный, с кудлатой, дыбом, вьющейся шевелюрой. Маленькие, двумя вертикальными полосками усики делают его чем–то похожим на артиста цирка Карандаша. Между тем – комиссар госбезопасности третьего ранга. Два ордена, интересно – за что получил?

Поздоровавшись, не вставая с места и глядя куда–то вниз, Дейч быстро ввел Артузова в курс дела:

– Вы назначены приказом наркома научным сотрудником на правах помощника отдела в восьмой отдел. Начальник отдела майор госбезопасности Цесарский уже предупрежден.

Артузов был ошеломлен. Не сразу даже понял, о чем речь.

– Восьмой – это…

– Учетно–регистрационный.

– Мне бы хотелось поговорить с Николаем Ивановичем, – начал было Артузов.

Дейч словно ждал этой просьбы, почти прервал на полуслове:

– Товарищ народный комиссар вызовет вас сам, когда сочтет нужным.

Должно быть, начальник секретариата думал, что Артузов намерен жаловаться наркому на столь вопиющее понижение в должности, но Артур Христианович, памятуя прежнее доброе к нему отношение Ежова, хотел просить его совсем о другом человеке…

Начальник 8–го отдела ГУГБ майор госбезопасности (один ромб в петлице) Цесарский при разговоре с Артузо–вым явно чувствовал себя не в своей тарелке. У него в подчинении неведомо почему очутился корпусный комиссар, к тому же старый чекист, личность в контрразведке и разведке легендарная. Артузов, делая вид, что не видит в этой ситуации ничего особенного, чтобы не вступать сразу в конфронтацию с этим майором, который, собственно, ни в чем перед ним не виноват, сразу спросил:

– Каковы будут мои обязанности в отделе? Цесарский облегченно вздохнул и вполне дружелюбно ответил:

– Близится двадцатая годовщина образования органов ВЧК—ОГПУ—НКВД. Руководство решило к юбилейной дате издать книгу, закрытую, для служебного пользования. Лучше вас никто в наркомате нашу славную историю не знает. Ваше единственное задание, не мое, руководства – такую книгу написать. Все архивные материалы хранятся в нашем отделе. Вам будут доставлять любые «дела» по вашему усмотрению.

Цесарский даже сам проводил Артузова до его нового кабинета (хорошо еще, что отдельного). Небольшая комната, канцелярский шкаф, письменный стол под зеленым сукном и стеклом. Одно жесткое кресло. Один стул. Настольная лампа. Письменный прибор. Пепельница. У окна круглый столик с графином и двумя стаканами. Древний английского производства сейф. И портрет нового народного комиссара на стене напротив стола. Улыбающиеся глаза, добрый взгляд…

На следующий день Артузов через секретариат передал наркому личное письмо следующего содержания: «Дорогой Николай Иванович!

Вчера я добивался к Вам, чтобы доложить о деле, которое меня несколько тревожит.

Хочу доложить Вам об этом деле сегодня, тем более, что получил предписание возвратиться в Ваше распоряжение.

У меня работает старый мой работник Борис Игнатьевич Гудзь. Он был у меня одно время секретарем, долгое время работал в Особом отделе (был там парторгом в период, когда коллектив Особого отдела имел почти бессменно переходящее знамя ОГПУ).

Тов. Гудзь – отличный коммунист и очень хороший работник разведки.

На днях НКВД арестовал его родную сестру, которую я знаю также очень давно (лет тридцать). Отец Гудзей до Октябрьской революции был меньшевиком, а после нее сейчас же перешел в Коммунистическую партию и отправился с винтовкой, как

красноармеец, на фронт.

Александру Игнатьевну Гудзь я знаю, как вполне преданного Советской стране человека… я с трудом допускаю возможность ее какой бы то ни было нелояльности к нашей власти… Лично я убежден, что А. И. Гудзь [ни в чем] не виновата…»{119}

Борис Игнатьевич Гудзь не раз повторял автору, когда речь заходила о каких–либо мерзостных делах в НКВД: «Нас Артузов не так воспитывал». Вот и самого Артузова не так воспитывали те, кого он считал своими учителями, хотя мы сегодня вовсе не считаем уже идеальными рыцарями без страха и упрека ни Дзержинского, ни Менжинского. Но творить заведомые подлости они никому не позволяли. Потому и умудрился Артур Христианович на свою беду сохранить до конца жизни (во всяком случае, жизни свободной) прямо–таки детскую наивность в некоторых вопросах. Ни в январе, ни в феврале, ни в марте, ни даже в апреле он еще не понимал, что происходит в стране и на Лубянке в частности. Полагал, что начавшие валиться лично на него неприятности есть плод какого–то недоразумения, неточной информации «наверху», возможно, интриг Слуцкого.

Артур Христианович понимал дурацкое положение Цесарского, которому на рядовую работу категории «не бей лежачего» подсунули знаменитого чекиста с тремя ромбами. Как себя с ним вести? Как с обычным подчиненным? А вдруг завтра он выйдет из явной опалы, о нем вспомнят и назначат замнаркома? Что тогда? То–то же… Потому мудрый Владимир Ефимович счел за благо по возможности Артузову на глаза не попадаться и вообще никаких дел с ним не иметь. Заинтересовался Артур Христианович написанием чекистской истории – прекрасно, материалы ему из архива доставляют аккуратно, претензий к нему, начальнику отдела, нет, и слава богу.

Цесарский пришел в НКВД всего три месяца назад, вместе с Ежовым, у которого три года проработал до того референтом–докладчиком. Он хорошо знал, какие неожиданные повороты случаются в цековских кабинетах, как неожиданно там могут и вознести, и обрушить. Артузов, конечно, чувствовал себя если не оскорбленным, то обиженным, если не обиженным, то по меньшей мере непонятым. Он не мог понять, почему при назначении в Разведупр беседе с ним отвели шесть часов, а когда снимали, то не дали возможности даже отчитаться за проделанную работу.

С Ворошиловым объясняться бесполезно, хотя Артузов мог бы попытаться это сделать – у него по чьему–то недосмотру при уходе из Разведупра не отобрали постоянный пропуск в Наркомат

обороны СССР[120].

Артур Христианович решил написать письмо Сталину как своего рода отчет о проделанной в Разведупре работе. Сталин его туда посылал, значит, он должен быть информирован о том, как выполнены его задания.

Письмо Артузов написал за несколько дней (оно заняло около двадцати страниц), 17 января 1937 года подписал его и отправил адресату, разумеется, не по почте. Вот несколько выдержек из этого послания.

«11. 1. 1937 Урицкий сказал, что Ворошилов предложил заменить меня более молодым и выносливым работником…

Это был четвертый удар, нанесенный мне жизнью.

Первый удар был во время Гражданской войны. Я был против назначения царских генералов на руководящую работу в Красной Армии. Троцкий ругал меня за это.

Второй удар последовал от [него] же за то, что я высказался против крайне жестоких методов расправы с отдельными работниками Красной Армии.

Третий удар был нанесен мне после томительного периода политической борьбы в коллегии ОГПУ за руководство, борьбы, полной недостойных приемов, выдвижения и задвижения людей, захвата важных (ведущих) отделов.

Я приветствовал назначение и направление ЦК на работу в ОГПУ Акулова. А Слуцкий (секретарь парткома) изобразил это перед Ягодой как подхалимство перед «чужим» зампредом[121].

В результате меня не стали замечать, не вызывать на совещания, третировали. В. Р. Менжинский меня не поддержал.

После этого я ушел целиком в дела Иностранного отдела.

Я выловил из Польши провокатора Штурбетеля, который выдал ряд провокаторов, но почему–то его слишком рано (быстро) расстреляли.

Урицкий верил и считался со мной и моими соображениями по агентурной работе. Но, однако, неправильно и придирчиво относился к разведчикам–чекистам, пришедшим из ИНО ОГПУ. Мое стремление обеспечить Урицкому успех в его работе не встретило с его стороны сочувствия. Я действительно уезжал в 3 часа ночи с работы, а Урицкий еще оставался на работе.

У меня с Урицким не было разногласий, но он крайне ревниво относился к моим встречам с Ежовым.

Меня поразило, что я был снят с работы по состоянию здоровья. А Штейнбрюк уволен как иностранец…»

Далее следует длинный список операций и мероприятий, проведенных в Разведупре за два с половиной года под непосредственным руководством Артузова.

Приведу только три позиции из этого перечня:

«…2. Был завербован сотрудник германского посольства в Варшаве.

…8. В Испанию доставлены несколько кораблей с вооружением.

…9. Наш нелегальный резидент в Японии установил дружеские отношения с германским военным атташе в Токио».

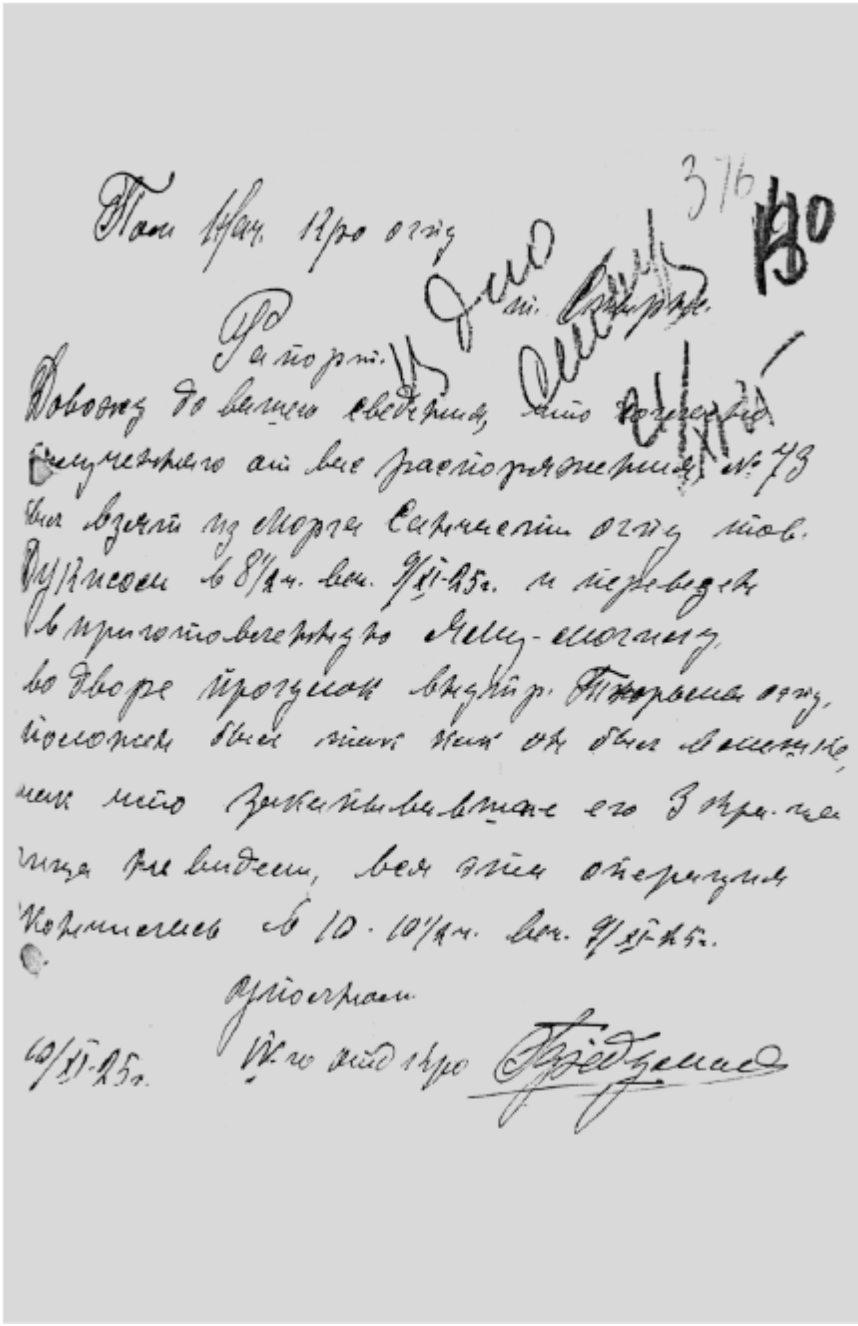
Пункт 8 в комментариях не нуждается. Значение же того, что скрывалось за пунктами 2 и 9, в полной мере скажется лет через пять–шесть, когда уже вовсю будет полыхать пожарище мировой войны. Потому что за ними – приобретение советской военной разведкой одних из самых ценных источников.

«Сотрудник германского посольства в Варшаве» – тот самый высокопоставленный дипломат Рудольф фон Шелиа, которого завербовали Рудольф Гернштадт и Ильза Штебе. Благодаря этой вербовке на протяжении нескольких лет разведка получала ценную информацию непосредственно из германского МИДа, причем относящуюся не только к внешней политике Третьего рейха.

Теперь о пункте 9. «Наш нелегальный резидент в Токио» – не кто иной, как ныне легендарный Рамзай – Рихард Зорге. А дружеские отношения он завязал с тогдашним германским военным атташе, впоследствии послом в Японии Ойгеном Оттом. Благодаря тесной дружбе с послом От–том Зорге не только был допущен к совершенно секретной переписке посольства с Берлином, но и выполнял неофициально функции политического советника при после. Более того, по просьбе Отта Зорге неоднократно составлял различные докладные записки, которые тот отправлял в Берлин за своей подписью. Тем самым Зорге получил возможность в некоторой степени влиять на германо–японские отношения в интересах Советского Союза. Случай в истории разведки если не уникальный, то весьма редкий.

Ответа на письмо Артузов не получил, впрочем, он на это и не рассчитывал. Его целью было всего лишь сообщить секретарю Центрального Комитета, что он проделал за два с половиной года, проведенных в Большом Знаменском.

Работа по составлению истории ВЧК—ОГПУ, фактически навязанная ему сверху, чтобы чем–то на время занять уже никому не нужного корпусного комиссара, неожиданно захватила Артура Христиановича по–настоящему. Он затребовал и получил из архива многотомное дело Сиднея Рейли, которое раньше знал назубок во всех тонкостях, но теперь, конечно, много подзабыл, дело о похищении генерала Куте–пова – с ним в деталях ознакомился впервые, освежил в памяти операцию «Трест».



Рапорт о захоронении С. Рейли

В феврале к Артузову зашел полковой комиссар Борис Гудзь. Как он рассказывал автору, Артур Христианович выглядел нездоровым, очень усталым, по всему чувствовалось, что настроение у него неважное. Одет он был в полувоенный костюм (чтобы никого из сослуживцев в более скромных чинах не

смущать своими тремя ромбами), но с орденом Красного Знамени на груди.

Указав на стол, заваленный старыми белогвардейскими газетами, Артузов сказал:

– Вот, просматриваю… – и объяснил: – Работаю над историей ВЧК, историей создания пограничной охраны.

То, что тема чекистской работы была близка Артуру Христиановичу, понятно, но почему он хотел рассказать и о первых пограничниках? Дело в том, что в период работы Артузова в Особом отделе на него было возложено и руководство борьбой с контрабандой. Начальник КРО Особого отдела был и начальником пограничной охраны. Эту должность Артузов занимал в 1922—1923 годы, возглавляя комиссию по обследованию советско–польской и советско–румынской границы. Тогда многие сотни километров ему пришлось проехать верхом. После образования Главного управления погранохраны его начальником был назначен ближайший помощник Артузова Ян Ольский.

Гудзь и Артузов разговорились, вспомнили Дзержинского, Менжинского, других ушедших из жизни ветеранов ВЧК– ОГПУ.

Они попрощались. Больше Борис Гудзь никогда не видел своего многолетнего начальника, учителя и старшего друга. Только спустя полстолетия, перелистывая один из трех томов следственного дела за номером 612388 с жутковатой надписью «Хранить вечно», он натолкнулся на приведенное выше письмо Артузова Ежову, в котором Артур Христиано–вич, сам уже стоя над пропастью, счел своим долгом вступиться за жизнь и доброе имя его сестры…

Кроме копий двух писем Артузова Менжинскому и одного Сталину, в его деле остались черновики пяти (!) писем наркому Ежову, а также конспект его выступления на партактиве НКВД. Все эти записи относятся к первым четырем месяцам 1937 года. Разобраться в них сегодня довольно трудно, они частично перемешаны, какие–то места повторяются, так что бывает порой сложно понять, что Артузов писал наркому, а что говорил на партактиве. Тем не менее они дают возможность лучше понять характер Артузова, трагедию его жизни и трагедию страны.

Он писал всесильному наркому так, как не писал ему никто, выступал на партактиве так, как больше не выступил никто, он открыто говорил о вещах, о которых многие его сослуживцы и знакомые боялись даже подумать наедине с самими собой.

Можно с позиций нынешних дней обвинять Артузова в чем угодно: фанатизме, наивности, преданности ложным идеалам – нельзя, однако, отказать в одном – честности и порядочности. Что

же касается заблуждений – мы же не упрекаем тех, кто жил на земле до Коперника, за то, что они верили в нелепость – будто Солнце вращается вокруг нашей Земли…

Сегодня достаточно хорошо известны методы, с помощью которых следователи добывали от арестованных признания в самых чудовищных преступлениях: призыв к партийной совести – «это надо партии!», обещание сохранить жизнь, «если подпишешь», избиения, многочасовые «стойки», лишение сна на протяжении десяти–двенадцати суток, угрозы расправиться с семьей.

В случае с Артузовым мы встречаемся с иным – изощренным обманом, когда человека, еще находящегося на свободе, но фактически уже обреченного (чего сам он не знает), вынуждают покаяться в грехах, которых он не совершал! Причем покаяться не из–за страха, а вполне искренне. Второе применение этого иезуитского метода автору неизвестно. Но об этом несколько позже…

Новый, 1937 год начался вторым «московским» процессом, так называемого Троцкистского параллельного центра. На сей раз перед Военной коллегией Верховного суда СССР предстали семнадцать человек, в том числе первый заместитель наркома тяжелой промышленности, член ЦК ВКП(б) Георгий (Юрий) Пятаков, первый после Октябрьской революции командующий войсками Московского военного округа Николай Муралов, крупнейший партийный публицист Карл Радек, видный партийный и государственный деятель Григорий Сокольников. Все подсудимые были признаны виновными. Тринадцать приговорены к расстрелу, четверо – к тюремному заключению. (Впрочем, Радек и Сокольников вскоре были убиты якобы уголовниками.)

Этот процесс готовился уже под непосредственным и прямым руководством Ежова как наркома НКВД.

Увы, к разочарованию, чаще всего трагическому, людей, знавших его раньше, полновластный хозяин наркомовского кабинета на Лубянке оказался совсем другим Ежовым. Не Ежевичкой, как его ласково называл вождь, но тем, производной от фамилии которого стала крылатая фраза «стальные ежовые рукавицы». А позднее – и поныне не забытое страшное слово «ежовщина» как кровавый синоним порядкового числительного «1937–й».

Наркомом этот маленький человечек, почти карлик (рост – 150 сантиметров), стал, когда ему был сорок один год. Происхождение его неясно, сам он в анкетах писал «из рабочих». Сохранились собственноручно написанные им документы –

несмотря на «незаконченное низшее образование» автора, они составлены толково, грамматических и синтаксических ошибок почти нет. Да и сам слог (равно как и почерк) нареканий не вызывает. Был дважды женат. Вторая жена Ежова Евгения Соломоновна (урожденная Фейген–берг, по первым мужьям Хаютина и Гладун) была женщиной интеллигентной, правда, изрядно легкомысленной. Она работала редактором в основанном Горьким журнале «СССР на стройке», дружила со многими известными писателями, художниками, артистами. Когда–то у нее был бурный роман со знаменитым автором «Одесских рассказов» и «Конармии» Исааком Бабелем, который после третьего замужества ее часто бывал в доме Ежовых. Сегодня многие историки полагают, что именно это обстоятельство впоследствии послужило главной причиной ареста и расстрела писателя.

Своих детей у Ежовых не было, и они удочерили девочку–сироту, взятую из приюта{122}.

Чем привлекла Сталина эта странная – на первый взгляд, только на первый! – фигура? (Кто–то однажды шутливо заметил: росточком! Ежов был заметно ниже Сталина, тоже малорослого.)

Свою роль при отборе кандидатов в наркомы НКВД, по мнению автора, сыграли следующие обстоятельства. Ежов не принадлежал к так называемой ленинской гвардии. Он не только никогда не примыкал ни к какой оппозиции, но даже не был знаком с видными партийцами, такими как Николай Бухарин, Лев Каменев, Григорий Зиновьев, Алексей Рыков, не говоря уже о Льве Троцком. Он был одиночкой, сам по себе, никем и ничем. Но абсолютно по–собачьи преданным Сталину. А потому и опираться в своей деятельности на любом посту, партийном или государственном, мог только на Сталина. И далее – вождь разглядел в нем то, чего не видели в Воробушке (так иногда называли Ежова приятели) люди, знавшие его не один год. А именно: этот маленький, ясноглазый, вежливый и доброжелательный со всеми человечек обладает железной волей и исключительными способностями исполнителя. Любое порученное ему дело он доводил до конца, сметая все препятствия, не зная ни жалости, ни сострадания{123}.

В первые же несколько недель и месяцев своего пребывания на Лубянке Ежов снял со своих постов и арестовал около трехсот руководителей органов госбезопасности на местах и ответственных сотрудников центрального аппарата НКВД (всего же за два года Ежов, по его собственному выражению, «почистил, но недостаточно» четырнадцать тысяч чекистов, причем почти все были расстреляны). Только двое – бывший нарком Генрих Ягода и

его многолетний приближенный Павел Буланов были выставлены на открытый третий московский процесс вместе с Николаем Бухариным, Алексеем Рыковым и др. Остальные получили пулю в затылок либо по приговорам Военной коллегии, либо троек и двоек, а то и вовсе «в особом порядке». (Ни одному историку ни в одном архиве так и не удалось отыскать документ, в соответствии с которым был введен, а затем отменен этот «особый порядок» – не просто беззаконие, а беззаконие в квадрате.)

В первую очередь уничтожались старые чекисты, зачастую большевики с дореволюционным стажем, участники Гражданской войны, люди объективно честные и порядочные, просто неспособные к фабрикации липовых дел, избиениям заключенных и иным подлым методам. Однако с неменьшим рвением уничтожали и сотрудников, по моральным и нравственным качествам являвших прямую противоположность первым, вроде Якова Агранова. Этих – за то, что они слишком много знали, а потому представляли потенциальную угрозу. Ежов репрессировал со временем даже тех, кого он сам ранее назначил на место арестованных чекистов, работавших еще при Ягоде. Такая участь, к примеру, постигла его выдвиженцев Леонида Заковского, Израиля Леплевского и многих других. Как «многознающие» и «ненадежные» были уничтожены бывшие чекисты, давно работавшие в других отраслях, вроде Станислава Мессинга и Яна Ольского.

Сегодня невозможно установить, за редким исключением, как относился Артузов к тому или иному своему сослуживцу в высших эшелонах Лубянки. Так, точно известно, что у него были натянутые отношения не только с Ягодой, но и с Булановым, и со Слуцким.

Но в любом случае его не могла не волновать волна арестов, прокатившаяся по Лубянке. Еще до мая 1937 года были арестованы кроме бывшего наркома Генриха Ягоды другие бывшие: начальник Секретно–политического отдела комиссар госбезопасности второго ранга Георгий Молчанов, секретарь НКВД и Особого совещания старший майор госбезопасности Павел Буланов, начальник Административно–хозяйственного управления старший майор госбезопасности Иосиф Островский, начальник Особого отдела комиссар госбезопасности второго ранга Марк Гай, замнаркома комиссар госбезопасности второго ранга Георгий Прокофьев, начальник отдела охраны комиссар госбезопасности второго ранга Карл Паукер, комендант Московского Кремля дивизионный интендант Рудольф Петерсон и другие, не входившие ни в первую, ни во вторую группу обреченных. В этом тоже таился великий смысл. Подобные вроде

бы беспочвенные аресты преследовали цель внести в души сотрудников (и не только НКВД – всех партийных и советских органов, организаций, предприятий, учреждений, военнослужащих – всего многомиллионного населения страны) слепой, парализующий рассудок и волю страх, дабы все убедились, что каждый из них уязвим и в любой момент может оказаться в камере Внутренней тюрьмы собственного наркомата или областного управления, где его будет жестоко допрашивать, не жалея ни зубов, ни костей, вчерашний сосед по рабочему кабинету. Так готовили, лепили готовых на все исполнителей. Попутно, к сожалению, ломали и многих ранее честных, заслуженных профессионалов.

Но арест двух человек не мог не взволновать Артузова особо. Весьма возможно, по мнению автора, что он сказался на судьбе самого Артура Христиановича.

Кто же эти двое? (Позднее это число возросло, и значительно.)

Комиссар госбезопасности третьего ранга Игнатий Со–сновский (Добржинский), первый заместитель начальника УНКВД Саратовского края. «Крестник» Артузова. На фев–ральско–мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов скажет о Сосновском: «… Инициатива отстранения его от работы в Наркомвнуделе принадлежит товарищу Сталину… После этого его стали понемножку отстранять от работы и, наконец, сейчас мы его арестовали».

Второй арестованный – многолетний, особо ценный (в том числе в буквальном смысле слова) агент Иностранного отдела при Артузове Виктор Илинич.

Похоже, что, даже унизительно понизив Артузова по его возвращении в НКВД, Ежов, однако, еще не собирался расправиться с ним всерьез. Нового наркома тогда интересовали (в смысле ареста) в первую очередь «люди Ягоды», а вчерашний заместитель начальника Разведупра, ушедший с Лубянки почти три года назад, к таковым явно не относился.

Именно поэтому письма Артузова к наркому не вызвали на его голову громы и молнии; на одно из них он даже не только ответил, но наложил на нем вполне разумную и спокойную резолюцию: «Если нам удастся подобрать группу людей, более или менее грамотных и знающих дело, как т. Артузов, которые и лекции иногда смогут прочитать, это будет очень важное дело»{124}.

И в который раз Артузов допускает вопиющее безрассудство: он решает вступиться за Сосновского и Илинича, не понимая полной бессмысленности этого поступка. До него еще никак не

доходит, что наркома Ежова абсолютно не волнует вопрос, виновны Сосновский, Илинич, другие поляки в измене, шпионаже, подготовке диверсий и актов террора или нет. У него есть на этот счет установка вождя, которую надо исполнять, а не заниматься сущей ерундой, то есть поиском истины…

Под натиском «мер физического воздействия» первоначальное сопротивление Сосновского, Илинича и других арестованных начало давать трещины.

Только после этого научного сотрудника 8–го отдела в ранге помощника начальника отдела вызвал (не пригласил, а именно вызвал) к себе один из новых заместителей наркома НКВД, по совместительству начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны комкор{125} Михаил Петрович Фриновский. Мужчина мощного телосложения, в прошлом унтер–офицер драгунского полка и анархист, чекист с 1919 года. На могучей груди – шесть (!) орденов (скоро к ним прибавятся еще два). И, разумеется, знаки «Почетный чекист» обоих выпусков. Такого количества наград в НКВД не имел никто, да и в Красной армии мало кто из маршалов и командармов мог бы с ним сравниться.

Артузов и Фриновский были давно знакомы, ранее отношения между ними были вполне нормальные, рабочие. Пограничники в те годы вообще были любимцами страны, как летчики. Артузов тоже питал к ним некую слабость, поскольку имел прямое касательство к становлению погранохраны. Последнее обстоятельство Фриновскому было прекрасно известно. Возможно, по этой причине замнаркома принял Артузова дружелюбно (в первый и последний раз – все остальные их встречи проходили уже, как говорится, «на повышенных тонах»).

Покончив с вежливым вступлением, Фриновский сообщил Артузову, что Сосновский и Илинич – матерые польские шпионы, ловко втершиеся в доверие ВЧК—ОГПУ и на протяжении многих лет питавшие нашу разведку и контрразведку состряпанной в Варшаве дезинформацией. Кроме того, пользуясь своим положением, они снабжали своих хозяев уже подлинными секретами Советского Союза. (Покойный Гудзь не раз повторял автору известную ему от доверительных лиц излюбленную формулу Сталина по отношению ко многим заслуженным лицам, на которых пало подозрение вождя в измене: «Это возможно? Значит – не исключено!»)

Артузов возмутился и заявил, что такого быть не может. Фриновский в ответ заявил, что очень даже может. И выложил перед Артуром Христиановичем стопки отпечатанных на машинке протоколов допросов.

Показания были пространные, с массой подробностей, внешне весьма правдоподобные. Возможно, изучи их Артур Христианович обстоятельно, в спокойной обстановке, с привлечением других материалов для проверки, проведи несколько очных ставок и экспертиз, наконец, побеседуй лично с арестованными, он бы изобличил фальсификацию.

Но такой возможности Фриновский ему не предоставил, а Артузову и в голову не могло прийти, что заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, комкор, орденоносец способен на такой обман. И он поверил, что все прочитанное им в протоколах – правда, что польская разведка в свое время действительно обвела его вокруг пальца, что он виноват в том, что не разглядел коварного врага.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Арту–зов каялся в том, в чем вовсе не был виноват! Потому как обманул его не Сверщ почти двадцать лет назад, а этот пышущий здоровьем, признанный всеми в НКВД рубахой–парнем, многократный орденоносец.

…Если 1936 год был прологом к Большому террору, то февральско–мартовский Пленум ЦК ВКП(б), длившийся рекордно долго – почти две недели, – стал его «глашатаем». Дорогу Большому террору под бурные аплодисменты распахнули и докладчики, и выступавшие, и главное – решения партийного форума. Массовому истреблению трудящихся на нем было дано теоретическое обоснование и оправдание и, что самое любопытное, узаконено физическое уничтожение большинства участников Пленума – как членов и кандидатов в члены Центрального Комитета, так и приглашенных гостей.

Общеизвестно, что на Пленуме была даже не предопределена, а решена окончательно судьба Бухарина, Рыкова, Томского, других их сторонников, подлинных и мнимых, а также Ягоды. Напрямую к теме настоящей книги относится рассмотренный на закрытом заседании Пленума вопрос о вражеской деятельности в Наркомате внутренних дел. Главными врагами народа, пробравшимися в НКВД, докладчик Ежов назвал в первую очередь скрытых троцкистов и «агентов польского генштаба».

Присутствовавший на заседании Ягода пытался оправдаться, но подвергся сокрушительной – нет, не критике, а откровенной травле со стороны своры своих бывших подчиненных, теперь панически думающих только о спасении собственной шкуры. Чего только не наговорили с высокой трибуны Леонид Заковский, Яков Агранов, Всеволод Ба–лицкий. Ефим Евдокимов предложил привлечь Ягоду к ответственности и снять с него звание генерального комиссара госбезопасности. Лев Миронов возложил

на него вину за убийство Кирова.

Генрих Ягода был арестован 29 марта 1937 года Михаилом Фриновским по ордеру, подписанному наркомом НКВД Николаем Ежовым и начальником 2–го (Оперативного) отдела ГУГБ комиссаром третьего ранга Николаем Ни–колаевым–Журидом.

А за десять дней до этого, 18 марта, состоялось собрание руководящих сотрудников наркомата. С докладом выступил, естественно, сам нарком, заявивший, ни больше ни меньше, что все ключевые позиции в НКВД захватили шпионы. Одна фраза в докладе вызвала в зале настоящий шок: Ежов от всех потребовал твердо усвоить, что сам Феликс Эдмундович Дзержинский колебался в 1925—1926 годах и проводил иногда колеблющуюся политику{126}.

То была прямая угроза в адрес старых чекистов, пришедших в органы государственной безопасности при Дзержинском и еще не утративших чести и совести. Фактически Ежов предупредил их, что никакие прежние заслуги, длительный партийный и чекистский стаж, ордена не спасут в случае «колебаний»…

Примечателен и такой факт: по воспоминаниям некоторых людей, переживших Большой террор в заключении, именно в ночь с 17 на 18 марта по всем следственным тюрьмам, словно по команде, следователи впервые стали жестоко избивать арестованных, требуя от них признательных показаний. Ранее меры физического воздействия применялись относительно редко и как бы втихую, а не столь откровенно, почти демонстративно…

В своем докладе Ежов, разумеется, повторил многое из того, что уже сказал на Пленуме ЦК, – в частности назвал фамилии Сосновского, Илинича, Маковского, других «изобличенных» поляков. Артузов также был приглашен на собрание актива. Не по должности («научный сотрудник» никак не мог быть причислен к руководящим работникам НКВД), скорее по высокому званию и былому авторитету – так полагал Артур Христианович, не отрешившийся еще от своей уже не смешной, а опасной наивности. Его пригласили, чтобы сделать из него мальчика для битья в присутствии нового наркома.

Один за другим брали слово бывшие коллеги и товарищи Артузова по работе в КРО и ИНО и каких только гадостей не наговорили в его адрес. Разумеется, ему припомнили и «польских шпионов», и отсутствие бдительности, и мягкотелость – все зависело от фантазии очередного оратора.

Более всего возмутило Артузова выступление Слуцкого. Уж кто–кто, а его многолетний заместитель прекрасно знал ситуацию в отделе, когда его возглавлял Артур Христианович. Тем не менее, выслуживаясь перед Ежовым, он обвинил Артузова в том,

что тот пригрел польского шпиона Илинича, что привел в ВЧК—ГПУ резидента «двуйки» Сосновского, других поляков. Абрам Аронович договорился до того, что обвинил Артузова в угодничестве перед Ягодой только на том основании, что Артур Христианович несколько лет назад получил квартиру в одном подъезде с бывшим наркомом!

Сидевшие в зале ветераны ОГПУ, конечно, понимали, что подобный аргумент – полная чушь, но многие новички, Артузова ранее не знавшие, вполне могли принять это заявление за истину. К слову сказать, сам Слуцкий хоть и не в том же подъезде, но свою квартиру получил только благодаря Ягоде, да и своей нынешней должностью начальника 7–го отдела тоже обязан ему же…

Надо было отвечать. И не столько Слуцкому или кому–то еще. Надо было честно, самокритично, но достойно высказать свою точку зрения на все происходящее. Артузов действительно поверил, что Сосновский, Илинич и другие сумели обмануть его. Не случайно Фриновский по указанию Ежова «просветил» его на сей счет *до* собрания. Им нужно было, чтобы Артузов, несмотря на начавшуюся «смену поколений» в ГУГБ, пользовавшийся среди сотрудников большим авторитетом, покаялся в своих ошибках на активе не по–казенному, с дежурными заверениями в преданности партии и ее великому вождю, но *искренне,* «не за страх, а за совесть».

Артузов выступил. Действительно искренне. Но совсем не так, как ожидали и Ежов, и Фриновский. Он признал свою вину (как мы уже знаем – несуществующую), но вышло так, что на самом деле опроверг обвинения в адрес и Сосновского, и Илинича. Выводы же из допущенных им «промахов» сделал, как профессионал, совершенно правильные, какие и следует делать руководителю разведки из провалов, которые неизбежны в работе любых спецслужб.

«Я виноват, что, работая в разведке ИНО, не почувствовал, что упомянутый в резолюции Пленума ЦК Илинич был перевербован поляками и начал играть против нас ту же роль, какую агенты „Треста“ играли против поляков. Таким образом, поляки взяли реванш за 1927 год в разведывательной работе с нами. Для меня лично тем более тяжело это поражение, понесенное нашей разведкой от поляков, что мы нанесли полякам очень чувствительные удары».

Раскаяние вроде бы налицо. Но сидящие в зале профессионалы (а таковые в ГУГБ еще оставались) легко улавливали скрытый смысл сказанного: «…Поляки, перевербовав агента Илинича, взяли реванш, нанесли нам поражение»… Но

какое именно? Ничего конкретного, общие слова. А вот советская разведка «нанесла полякам очень чувствительные удары». Все знали какие.

И далее – уже по частному вопросу: кто на самом деле проявлял повышенную преданность Ягоде? Артузов напомнил, что в свое время он был единственным в коллегии ОГПУ, кто на партийном собрании поддержал Акулова, направленного для укрепления руководства Центральным Комитетом ВКП(б).

«На очередных выборах нашего партруководства наша партконференция голосовала мою кандидатуру в комитет. Несмотря на очевидную директиву т. Ягоды меня провалить в комитет – я получил почти достаточно голосов и, во всяком случае, проходил в комитет предпоследним по количеству членов комитета, утвержденному конференцией. Вместо того, чтобы переголосовать двух последних кандидатов, президиум выделил оратора, призвавшего собрание „провести“ в партком не меня и другого, последнего кандидата, а двух новых по своей общественной работе (Осоавиахим и „Друг детей“), нуждающихся в тесной связи с комитетом. Однако переголосование дало мне и последнему кандидату подавляющее количество голосов. Тогда президиум сократил число членов комитета на двух человек».

Артузов спрашивает зал: достойны ли звания чекиста–большевика такие явления в нашей среде? Присутствовавшие в зале ветераны ГУГБ прекрасно помнили, что секретарем парткома в то время был не кто иной, как именно… Слуцкий.

Между тем Артузов взял на себя смелость остановиться на главных недостатках, присущих на тот момент многим членам парторганизации ГУГБ.

«1. Карьеризм, не останавливающийся перед прекращением „дела“, грозящего выходом наружу ошибок и упущений со стороны карьериста, ни перед наушничеством против своих конкурентов… ни перед использованием аппарата ЧК в целях получения „материала“ против конкурентов, ни перед подачками и взятками (под легальным прикрытием) людям, помогающим карьеристу, и т. д.

2. Безответственность и боязнь всякой инициативы в делах. Притупление чувства большевистской тревоги за дело. Боязнь высказаться за прекращение «дела», провалившегося и несостоявшегося только потому, чтобы не подвести начальника, для которого неприятно признать ошибку. Пусть лучше пострадает невинная жертва, чем честь отдела…

3. Преступное бездействие и пренебрежение материалами, затрагивающими политическое лицо того или иного советского вельможи по принципу «с сильным не дерись, с богатым не

судись».

4. Взгляд на нашу парторганизацию как на послушный и чиновный придаток наркомата вроде некоего не оперативного отдела».

Никогда ранее оперативные, то есть строго секретные дела на общих партийных собраниях не обсуждались. За эту «идею», как помнит читатель, Артузов в свое время раскритиковал Трилиссера. Но теперь, после одного из некорректных выпадов Слуцкого, Артузов вынужден был нарушить этот принцип.

«… Я вторично попросил слова, чтобы ответить т. Слуцкому, т. к. он бросил мне упрек, что я пренебрег якобы указаниями т. Сталина. Я не говорил, кроме того, подробно о польских делах, так как и мне внове говорить об оперативных чекистских делах на партийном активе… Тов. Сталин действительно на товарищеском ужине чекистов в Кремле, когда он пил за здоровье каждого из нас, поднимая бокал и за меня, сказал мне: „Как поживают ваши источники или как вы их там называете, не дезинформируют ли они вас?“ Я очень смутился и ответил в том смысле, что постараюсь разобраться в дезинформации и исправить работу.

Вы понимаете, что после этого замечания, в котором не было указания, по какой стране т. Сталин подозревает дезинформацию, я не одну ночь не спал, стараясь проанализировать, в каком звене работы нас надувает враг. Верно, мы отнесли замечание т. Сталина к польской работе, т. к. данные источника Илинича особенно резко отличались от точки зрения нашей прессы на польские дела и особенно от точки зрения Радека, который перед этим ездил в Польшу и защищал официальную точку зрения польской прессы о том, что Польша идет на широкое сближение с Советами (поворот в польской политике, а не маневр в сторону СССР).

Материалы Илинича говорили, что Польша предприняла просоветский маневр, а на самом деле готовит сближение с Германией, а не с СССР. Следовательно, мы подумали тогда, что хотя Радек и перегнул по обыкновению палку, но т. Сталин считает правильной точку зрения НКВД и нашего посла Антонова–Овсеенко и намекая нам поэтому на дезинформационный характер именно наших польских информаторов (главным образом Илинича).

Однако вскоре действительность показала, что Польша в самом деле разыграла маневр с нами, а в действительности пошла на сближение с Германией. Тов. Слуцкий тогда радовался вместе со мной правоте наших материалов и никогда не ставил вопрос о ликвидации как источника Илинича. Ведь вы не поверите, что т. Слуцкий боялся меня, как Ягоду. И Антонов–

Овсеенко был снят с поста советского посла в Польше.

Когда три года назад т. Сталин посылал меня в Развед–упр, он спросил меня об источнике Илиниче. Он констатировал, что источник предупредил нас о некоторых военных фактах (сближение Польши с Германией, о 36 германских дивизиях{127}). Он ни слова не сказал о дезинформационном характере материалов или других данных ИНО. Значит ли это, что я пренебрег предупреждениями т. Сталина?»

Далее Артузов кается, что, как руководитель разведки, позволил в случае с Илиничем одурачить себя. Хотя опять не ясно, каким успехом польская разведка компенсировала передачу нам действительно важнейшей информации. Покаяние выглядит слабо, неубедительно. Иначе и быть не могло, потому что в подсознании Артузов отторгал навязанное ему Фриновским «доказательство» измены Илинича, Сосновского и других поляков.

Было бы странным, если бы в острой дискуссии Артузов не только опроверг обвинения Слуцкого, но не ответил бы столь же разящим выпадом:

«Виноваты ли мы, что нас одурачили? Конечно. И я в первую очередь как тогдашний начальник. Я не говорил сперва о доле ответственности за это также т. Слуцкого и Бориса Бермана. А она имеется. Ведь на театре вербовок Илинича они имели возможность непосредственно наблюдать его работу – они видели его работу в Берлине, где они работали, а я сидел в Москве».

Еще один фрагмент из выступления Артузова, который говорит прежде всего о его человеческой порядочности. Вопреки всему тому, что говорилось на Пленуме ЦК и уже здесь, на партактиве в стенах Лубянки. Он не стал топить уже поверженного и отверженного Ягоду, хотя обид на бывшего всесильного наркома у него имелось поболее, чем у кого–либо другого.

«Все знают о моих холодных отношениях с Ягодой, но, уверяю вас, у меня не повернулся бы сейчас язык намекнуть вам, что Ягода был больше чем политически близорукий маленький человек. Для утверждения, что Ягода хотел вреда для Советской власти, ведь нет никаких пока оснований.

Все знают, что он хороший хозяйственник, организатор, не его вина, а его беда, что он политически не дорос до своего высокого поста».

Это было смертельно опасное заявление, особенно в присутствии Ежова. Осознавал ли это сам Артузов? Трудно сказать… Но фактически этими словами он возложил вину за то, что столько лет органами государственной безопасности

руководил человек, до этого поста не доросший, на Центральный Комитет ВКП(б) и лично его великого вождя!

Автору кажется, что именно эти несколько фраз сыграли роковую роль в судьбе Артузова, во всяком случае, большую, чем его знаменитое завершение выступления, уже не раз цитированное во многих книгах и средствах массовой информации, правда, всегда в усеченном виде. Автор имеет возможность привести эти слова Артузова полностью.

«Да, мы чуть–чуть не превратились в то, чего больше всего боялся наш первый чекист Феликс Дзержинский и против чего он нас неустанно предупреждал: „Будьте всегда прежде всего сынами нашей партии, пославшей нас на ответственный и почетный участок борьбы, бойтесь превратиться в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми чиновными его недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов. Помните, что, став на этот путь, вы погубите ЧК, партия будет права, если в этом случае разгонит нас“.

Потому–то Дзержинский так боялся всякой лжи со стороны работников–чекистов, всякой провокации в агентурных методах работы, всякого замазывания ошибок и недостатков в работе.

А разве, товарищи, не было у нас признаков, показывающих, что при установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства?»

…Еще не остыв от переживаний на партийном активе, Артузов решается на следующий безумный с точки зрения здравого смысла шаг: он пишет длинное, на многих страницах письмо наркому, Николаю Ивановичу Ежову, в котором пока еще видит чуткого партийного руководителя, направленного в НКВД для коренного улучшения работы.

Письмо здесь воспроизводится по неполному, сохранившемуся неправленому черновику. Некоторые страницы, возможно, являются черновыми же набросками других писем наркому. Но суть дела от этого не меняется. Мы имеем возможность узнать последние мысли Артузова, высказанные им, что называется, на свободе, по доброй воле.

Приводим сохранившиеся фрагменты письма Артура Христиановича наркому от 22 марта 1937 года.

«После разговора с т. Фриновским я понял, какое несчастье случилось в НКВД по польской работе, понял свою ответственность, счел, что моя собственная судьба и моя работа –

мелочь по сравнению со случившейся бедой, что ЦК поступил со мной чрезвычайно бережливо{128}.

…Завета Дзержинского – не лгать и не прятать своей вины я никогда не нарушал. Он приучил меня к тому, что при провалах ругать нужно только за то, что не доделано, скрыто работником. Как мудрый хирург, он скальпелем своего диалектического анализа разбирал провал, а работнику, у которого случался провал, помогал, как ассистент, знающий обстоятельства и детали болезни. Ему не боялись работники рассказывать, как Ягоде, о провалах и не боялись также идти на производственный риск в работе, зная, что распекать за него его не будут».

Артузов еще раз возвращается к возмутившему его выступлению Слуцкого на партактиве:

«…Разоблачение Илинича становилось очень трудным… Но мог ли сказать т. Слуцкий, что я сознательно нарушил указание Сталина по этому конкретному вопросу? Совесть надо не иметь, чтобы это сказать на активе. Я не говорил о доле ответственности тт. Слуцкого и Б. Бермана в деле Или–нича. Но ведь они, а не я сидели в Берлине, когда Илинич один или вместе с т. Баранским{129} вербовали там людей. Или эти товарищи боялись меня как Ягоду и не решались внести коррективы в работе Илинича? Никто этому не поверит. Когда надо было, они сносились через мою голову с т. Ягодой достаточно часто, а т. Слуцкий много потрудился, чтобы доказать Ягоде необходимость избавиться от меня, как человека, откровенничавшего с т. Акуловым! Он, Слуцкий, дирижировал на партконференции всей техникой недопущения меня в партком.

Я посадил Сосновского в тюрьму для того, чтобы сделать его потом своим помощником, – утверждал Слуцкий.

Дело Сосновского было не маленькое дело в ВЧК. За него я получил орден. Я знаю, что Дзержинский советовался с Лениным по этому делу. За последние лет десять я отношения к Сосновскому не имел (с тех пор, как ушел из КРО), а ревизовать Слуцкому то, что было до этого, не к лицу, т. к. он слышал об этом только краем уха.

В 1920–м году во время войны я поймал Сосновского, который был главным резидентом польского штаба на советской территории. Во что бы то ни стало я должен был добиться его показаний и выдачи его большой сети польских офицеров и прочих шпионов. При аресте эти молодые польские патриоты отстреливались и не сдавались живыми (так был убит один помощник Сосновского. Его мы выследили до поимки Сосновского).

Сосновский был первым, которого т. Карин при аресте

неожиданно схватил за руку и не дал ему возможности стрелять.

От показаний Сосновского зависела судьба военной польской разведки во время войны 1920 года. И я добился показаний. Причем помогли не угрозы (они не действовали), а сила аргументов Ленинской партии.

…Дзержинский разрешил сообщить Сосновскому – не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпускать в Польшу под честное слово – не заниматься больше шпионажем против нас. На этом условии Сосновский дал свои показания. Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть.

Обещанное приказано было выполнить. Несколько польских офицеров было выпущено в Польшу после политической обработки. Т. Фриновский мне сказал: «Русских стреляли, поляков выпускали по этому делу». Считаю такое утверждение клеветой на Дзержинского.

В 1920 году это было политическое дело. Обращение Со–сновского к польской… молодежи разбрасывалось нашей авиацией над польскими войсками. За раскрытие плана польских диверсантов – помешать эвакуации штаба Тухачевского из Минска – Сосновскому был присужден орден Кр. Знамени. Во время войны 1920 года Сосновский принес вред Пилсудскому.

Дзержинский предложил и дальше использовать Соснов–ского (не на польских делах) и посадить в аппарат. Мой заместитель т. Пиляр протестовал; имел конфликт с т. Дзержинским и уехал после этого на нелегальную работу в Польшу (Верхняя Силезия).

В момент моего ухода из КРО Сосновский был начальником 6–го («белогвардейского») отделения».

Далее Артузов еще раз признает свою «вину», искренне, но неубедительно в сравнении с предыдущим пассажем:

«Я виноват в том, что после успешных старых дел, поимки Савинкова и Рейли, после успешного насыщения польской разведки дезинформационными материалами, под действием которых мы держали польский штаб до 1927 года (когда произошел провал „Треста“), я не учел в достаточной мере изменившуюся обстановку. После того как Пилсуд–ский в 1928 г., убедившись на основе провала „Треста“, что его штаб находился во власти большевистской дезинформации, приказал арестовать всю поголовно свою двойническую разведсеть против СССР, – мы потеряли разведывательный контакт с польской разведкой. Этот „контакт“ мы, по–видимому, не наладили и до сих пор… Наоборот, польский штаб проник в это время в наши важнейшие, в том числе и чекистские органы, насадив сюда своих агентов и

двойников».

Артузов не был бы самим собой, если бы ограничился в письме к наркому только раскаиванием в своих «просчетах». Даже при столь сложных обстоятельствах он высказывает свои профессиональные соображения по разведывательной работе. В частности, он пишет: «Работая с агентурой, надо тщательно изучать, проверять, анализировать представляемые материалы под углом избежания обмана, дезинформации нас со стороны агентов. Если это враг – он только глубже побольше нас уязвит в решительный момент борьбы, когда меньше всего этого будем ждать».

О конкретном агенте Филевиче, также поставленном ему в вину, он пишет: «…Ф. пройдоха и жулик, использовать его, конечно, было рискованно, тем более как вербовщика. Но надо же иметь в виду, что даже в уголовном розыске знают, что к уголовникам надо искать подход через уголовников. Конечно, некоторая смелость в разведке необходима… Заведомый провокатор мог бы нанести нам сильный удар, если бы раскусил мою игру. Я сомневаюсь, сумеет ли Слуцкий через самых добросовестных своих источников, скромных и даже самых проверенных, обмануть польскую разведку. Для этого можно лавировать с распределением ответственности за свои дела, и тем более в случае провала. Для этого самому надо брать на себя ответственность, считаясь, конечно, с тем, что за провал тебя не похвалят. Но иначе трудно научиться работать без провалов и вообще достигнуть какого–либо результата в работе. И если не в аппарате, то в агентуре придется прибегать к полякам. Слуцкий хочет работать в Польше только через евреев, которых там, в Польше, не пускают ни в армию, ни в интересующие нас другие ведомства. Не думаю, чтобы он добился успеха по этим линиям».

Артузов объясняет, что Филевич – сам бывший польский офицер, хорошо знающий среду польского офицерства, где полно взяточников, жуликов и растратчиков. Он умеет находить с ними общий язык. Именно через Филевича был завербован ценнейший источник, офицер 2–го отдела (разведывательного) польского генштаба Бураковский.

В завершение Артузов пишет:

«В работе я всегда наступал и дерзал, Николай Иванович. После смерти Менжинского мне не с кем было делить ответственность за работу. Т. Ягода, как и т. Слуцкий, не любил рисковать. На всякий случай, против всех решительно предложений он возражал, а если когда–нибудь и соглашался, то в случае беды забывал об этом. Поэтому получать санкцию Ягоды на агентурные комбинации было просто бесцельно. Конечно, это

неправильно, это анархический принцип, но что же было делать, когда у нас и по более важным делам, чем агентурные комбинации, не привыкли ходить в ЦК?

Меня очень тяготит, Николай Иванович, что я не имею возможности перед авторитетным товарищеским чекистским судом изложить все, что наболело, в частности по польским делам.

Только Дзержинский придавал исключительное значение разбору на коллегии (или лично у него) провалов и неудач в работе. На них он учил чекистов. Я бы очень хотел, чтобы и Вы признали этот метод полезным. (Воистину чудак – судьба его висит на волоске, все вокруг, кроме него, это видят, а он еще берет на себя смелость давать советы Ежову, ставить ему в пример Дзержинского! – *Т. Г.)*

А мне каждый вечер приходится засыпать под гнетом мысли о том, что в случившейся большой беде я виноват, но меня конкретно никто не обвиняет, ничем не помогают в беде. Больших усилий мне стоит новая работа, тихая, спокойная и при других обстоятельствах для меня просто подходящая (я очень устал и изнервничался за последние три года работы в Разведупре).

В самом деле, не назначите ли Вы авторитетного разбора польского провала с привлечением меня и всех причастных в качестве ответчиков? Я бы очень об этом просил.

Артузов».

И вот что удивительно: Ежов письмо Артузова прочитал внимательно и, как и в первый раз, синим карандашом, размашисто, наложил на нем вполне дельную и спокойную резолюцию:

«1. Ознакомить т. Агранова, Фриновского, Бельского и Бермана.

2. Мысль Артузова о разборе провалов и, в частности провала по польской работе, мне кажется правильной при условии квалифицированного предварительного анализа осведомленного добросовестного товарища.

Ежов».

Очень дельная резолюция, знать бы только, что имел в виду нарком под «квалифицированным предварительным анализом»? Не синоним ли это другого термина «с применением мер физического воздействия»? Примечательно, что с этим «анализом», проделываемым весьма «добросовестными товарищами», именуемыми также «молотобойцами» или «костоломами», придется ознакомиться всем четырем указанным в резолюции заместителям наркома и ему самому…

Переписка Артузова с наркомом (правда, односторонняя) на этом не прекратилась.

28 марта арестован давний знакомый Артузова Макс Бенедиктов. 12 апреля – бывший муж Инны Михайловны, ныне сосед по квартире Григорий Тылис, недавно вернувшийся из очередной загранкомандировки по линии Разведупра.

Артузов пишет наркому очередное письмо, в котором берет Бенедиктова и Тылиса под свою защиту как честных советских людей.

Потом он узнает, что его сестру Веру вдруг посетила давняя агентесса ОГПУ, дочь бывшего главы департамента полиции Лопухина (!) Варвара Алексеевна. Об этой старой провокаторше было известно, что она – единственная осведомительница, которую за всю жизнь завербовал лично Ягода. Сия дама (по мужу Чичкина) долго и упорно пыталась задавать Вере Христиановне довольно–таки странные вопросы.

Затем был подобного рода «подход» к двоюродному брату Артузова, Игорю Кедрову, сотруднику ОГПУ с 1925 года.

«Чем не нравы старого Жозефа Фуше!» – гневно пишет Артузов, должно быть, понимая, что кольцо вокруг него сужается. А может быть, и не понимает или же надеется («надежда умирает последней»), что «пронесет».

Подтверждение тому – последнее письмо Ежову, датированное 20 апреля 1937 года. Артузову стало известно, что кадровики намерены послать Отто Штейнбрюка… помощником начальника лагеря в Казахстан. Артур Христианович высказывает наркому свое мнение (словно тот его об этом спрашивает): Штейнбрюк – хороший иностранный товарищ, восемнадцать лет проведший на немецкой работе. Чем посылать его в Казахстан, лучше уж использовать на научной работе, как его, Артузова.

…Заниматься научной работой Артуру Христиановичу оставалось ровно три недели. Штейнбрюк к таковой вообще не приступал…

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НОМЕР 10

И по сей день, когда частично открыты ранее строго засекреченные документы, в деле Артузова остается много загадок, неясностей, так называемых белых пятен, хотя правильнее было бы их назвать черными. Для автора данной книги главная загадка – кто был инициатором ареста Арту–зова. Подписи на ордере не означают ровным счетом ничего – это всего лишь документальное оформление уже принятого ранее решения. Ордера на арест крупных работников или известных людей подписывали, как правило, кто–либо из заместителей наркома НКВД и начальник 2–го (Оперативного) отдела ГУГБ НКВД. Бывали исключения: ордер на арест Ягоды подписал новый нарком Ежов, а сам арест произвел не сотрудник Оперода, а замнаркома Фриновский. Но это действительно случай особый.

Еще за месяц–полтора до ареста Артузова нарком Ежов, как уже известно читателю, на двух адресованных ему письмах Артура Христиановича наложил вполне деловые резолюции, по которым можно судить о спокойном тогда его отношении к корреспонденту.

Назначение корпусного комиссара на должность, которую с успехом мог бы занять старший лейтенант или капитан госбезопасности, тоже еще ни о чем не говорит. Сам Артузов это назначение считал мягким наказанием за допущенные «огрехи» (которых, как мы знаем, на самом деле не было).

Наконец, у наркома могло быть и такое соображение: историю ВЧК—ОГПУ—ГУГБ к юбилею должен написать человек, хорошо эту историю знающий. Артузов подходил идеально. А там, глядишь, после юбилея можно будет подобрать ему должность, соответствующую и званию, и опыту.

По мнению автора, решающую роль в судьбе Артузова сыграл (во всяком случае, в пределах Лубянки, а не ЦК и Кремля), настоял на его аресте Михаил Фриновский, ставший 15 апреля первым заместителем наркома и начальником ГУГБ, заняв эти должности вместо Якова Агранова{130}. Санкционировал ли арест Артузова Сталин – неизвестно. Возможно, что нет – формально нынешняя должность Артура Христиановича не числилась в номенклатуре Секретариата ЦК. Но в равной степени возможно, что да. В пользу этой версии говорит такое соображение: уже полным ходом, хотя и с соблюдением строгой секретности, раскручивалось «дело» Маршала Советского Союза Тухачевского, других видных военачальников: командарма первого ранга Ионы Якира, командарма первого ранга Иеронима Уборевича,

командарма второго ранга Августа Корка, комкора Роберта Эйдема–на, комкора Бориса Фельдмана, комкора Виталия Примакова и комкора Витовта Путны.

Наверняка Сталин, Ворошилов, Ежов уже просматривали списки высшего начальствующего и политического состава РККА, а также НКВД для определения врагов «первой», «второй», «третьей» категории очередности. Корпусных комиссаров тогда было не так уж много, фамилия Артузова по алфавиту шла третьей или четвертой{131}.

Словом, остается загадкой, что произошло в конце апреля – начале мая 1937 года, почему так резко изменилось в верхах отношение к Артузову. С ходу пристегивать его к «яго–динской банде» было не очень разумно – в НКВД все знали о неприязненных отношениях между бывшим наркомом и бывшим начальником ИНО. Знал это и Ежов. К тому же, будучи заместителем начальника Разведупра РККА, Артузов, конечно, поддерживал деловые контакты со своим преемником по ИНО Слуцким, но с Ягодой больше не встречался.

При аресте Артузова присутствовал «свидетель» (ниже автор объяснит, почему взял это слово в кавычки) – оперуполномоченный того же 8–го (Учетно–регистрационного) отдела, лейтенант госбезопасности Леонид Баштаков, впоследствии возглавивший этот отдел, называвшийся тогда уже 1–м Спецотделом НКВД СССР.

Вот что показал генерал–майор в отставке (с 1947 года) Леонид Фокиевич Баштаков 20 апреля 1955 года, будучи приглашенным в КГБ при Совете Министров СССР:

«Артузова я лично знал с 1932 по 1937 год, то есть по день его ареста, по совместной работе в органах ОГПУ—НКВД. В первой половине 1937 года я работал в подчинении у Артузова на протяжении полутора–двух месяцев.

…Артузов – человек большой культуры, с большим опытом оперативной работы, к подчиненным был внимателен, отзывчив. Знаю его по работе в школе органов, там он как лектор пользовался большим авторитетом и уважением{132}. Арест Артузова для меня был полной неожиданностью. Произошло это таким образом. В день ареста Артузова я работал в кабинете Артузова, так как он был на партийном активе в клубе НКВД. Часов в 12 ночи Артузов возвратился с актива в возбужденном состоянии. На мой вопрос, что случилось, Артузов, волнуясь, беспрестанно ходя по комнате, стал ругать Фриновского и говорил примерно следующее: «Этот выскочка, недоучка{133} ни за что оскорбил меня на активе, назвав меня шпионом. Мне даже не дали возможности отпарировать его выступление».

Спустя 20—30 минут работники Оперода{134} арестовали Артузова. В моем присутствии производилась опись документов в кабинете Артузова. Что это были за документы, я сказать не могу, так как не читал их. Не знаю и судьбы дальнейшей этих документов».

В этом немногословном показании сплелись воедино и правда, и ложь, и недомолвки, и лукавство. Словом, снова типичная *амальгама.*

Почему автор именно так обозначает показания генерал–майора Баштакова? Потому что знает о некоторых фактах его биографии, о которых генерал–майор под предлогом соблюдения режима секретности предпочитал не распространяться даже в кругу самых близких ему людей. И правильно делал: иначе не дожил бы ни до заслуженной пенсии, ни до мирной кончины в кругу семьи.

Казалось бы, человек все годы службы просидел хоть и в ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ, но на «бумажной» работе (начальствование в Высшей школе не исключение), к оперативным делам ни по линии контрразведки, ни тем более разведки отношения не имел. Вроде бы чистой воды чиновник от НКВД. Но почему–то именно ему, пережившему и Ягоду, и Ежова, очередной нарком НКВД Лаврентий Берия по меньшей мере трижды дает секретнейшие, ответственнейшие и весьма щепетильного свойства задания.

…Весна 1940 года. Товарищ Сталин размышляет, как поступить с несколькими десятками тысяч польских военнослужащих, оказавшихся в СССР в специально для них организованных лагерях после поражения Польши осенью 1939 года и оккупации большей части ее территории германскими войсками. Выход предлагает нарком НКВД Лаврентий Берия: если не всех, то, во всяком случае, офицеров расстрелять. 5 марта Политбюро ЦК ВКП(б) предложение принимает. Руководство акцией возлагается на первого замнаркома НКВД и начальника ГУГБ комиссара госбезопасности третьего ранга Всеволода Меркулова, начальника Главного экономического управления (?) НКВД, комиссара госбезопасности третьего ранга Богдана Кобулова и… начальника 1–го Спецотдела НКВД капитана госбезопасности Леонида Баштакова.

Последствия партийного решения известны: в Катын–ском лесу под Смоленском и в других местах расстреляно четырнадцать – восемнадцать тысяч польских военнослужащих. Баштаков через неделю получает звание майора госбезопасности, через полтора месяца – орден Красной Звезды.

…Ранняя осень 1941 года. Немецкие армии уже в пределах

центральных областей европейской части СССР. Товарищ Сталин снова размышляет: что делать со многими тысячами заключенных, находящихся в тюрьмах городов, которые вот–вот захватят оккупанты? В частности – с обитателями знаменитого еще в царской России Орловского централа? В нем содержится около двухсот особо опасных политических заключенных, осужденных к длительным тюремным срокам. Идею подсказывает все тот же нарком Берия: расстрелять, оформив задним числом новый приговор – к ВМН. Осуществить акцию поручается… старшему майору госбезопасности Баштакову. 11 сентября 1941 года сто пятьдесят семь заключенных Орловского централа вывезены в Медведевский лес под Орлом и расстреляны.

В числе жертв – знаменитая деятельница партии левых эсеров Мария Спиридонова и ее муж, тоже левый эсер Илья Майоров, видный государственный и партийный деятель Христиан Раковский, профессор медицины престарелый Дмитрий Плетнев, жена Льва Каменева и сестра Льва Троцкого Ольга Каменева, около тридцати немецких коммунистов–эмигрантов, объявленных агентами гестапо, другие комин–терновцы – китайцы, финны, японцы, поляки, итальянцы… К казни готовились обстоятельно: предварительно были вырыты деревья с корнями, а после расстрела вновь аккуратно посажены на месте безымянных массовых захоронений. Сразу чувствуется опытная рука человека, поднаторевшего в учетно–регистраторских делах…

Прошло еще несколько недель. 28 октября 1941 года в поселке Барбыш на окраине города Куйбышева (ныне Самара) старший майор госбезопасности Леонид Баштаков вместе с майором госбезопасности Борисом Родосом и старшим лейтенантом госбезопасности Демьяном Семинихиным *лично,* не имея на руках приговора суда, а всего лишь приказ наркома Берии, расстрелял начальника Управления ПВО генерал–полковника Героя Советского Союза Григория Штерна, командующего войсками Прибалтийского особого военного округа и замнаркома обороны генерал–полковника Александра Локтионова, генерал–лейтенанта авиации дважды Героя Советского Союза Якова Смушкевича, замнаркома обороны генерал–лейтенанта авиации Героя Советского Союза Павла Рычагова, еще семнадцать весьма заслуженных военных, конструкторов военной техники, советских работников (среди них – трех женщин).

Подчеркну – не присутствовал при казни, а *принимал в ней,* как следует из подписанного им протокола, личное участие. И в хорошей «компании». Борис Родос – известный следователь–костолом, на его совести, в частности, фальсификация дела

Исаака Бабеля, Демьян Семинихин – сотрудник комендатуры, давний исполнитель смертных приговоров при Ягоде, Ежове и Берии.

Выходит, Леонид Баштаков – вовсе не скромный «коллежский регистратор», тем более не «книжный червь» и мог бы в своей Высшей школе в качестве «спецдисциплины» обучать молодую смену не только учету и регистрации.

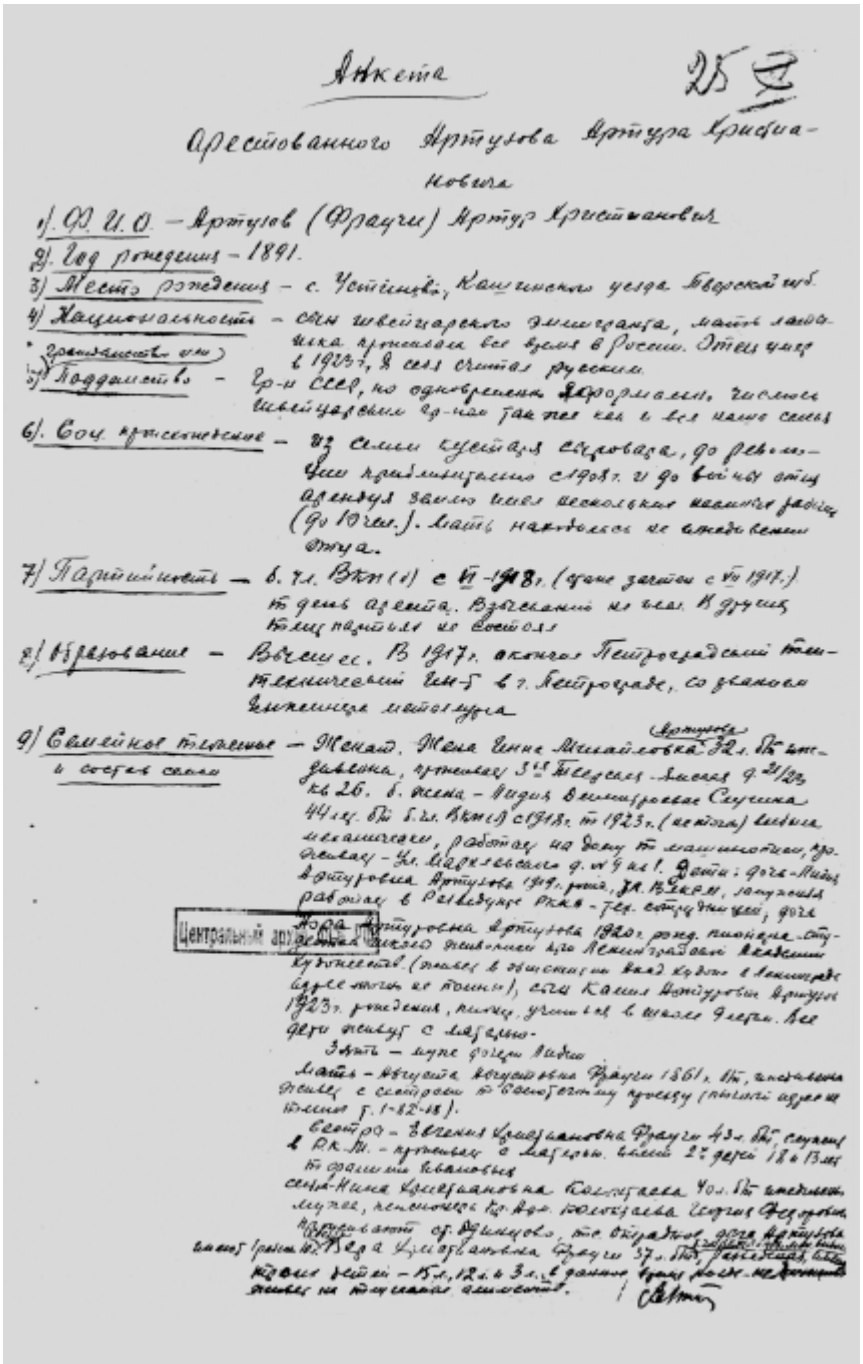
А теперь разберемся с показаниями Баштакова. С первой частью его показаний все ясно. Баштаков прекрасно понимал, что в 1955 году его опрашивают в связи с начавшейся реабилитацией «врагов народа». Отсюда и положительный крен. Но осторожно: в самом деле, разве шпион и предатель не мог быть человеком большой культуры, отзывчивым к сослуживцам? Но все же постарался представить себя в наилучшем свете. Как объективного «свидетеля».

А теперь зададим два резонных вопроса. Первый: что, собственно, делал Леонид Баштаков в кабинете своего начальника? Разве не имел он собственного рабочего места? Кстати, как известно читателю, Артузов в новой должности занимал крохотный кабинетик–клетушку на первом этаже. Места для второго письменного стола там не было.

Второй: почему Баштаков работал там аж до двенадцати часов ночи? Может быть, по просьбе Артузова отбирал для него материалы к очередной главе будущей книги и не успел этого сделать днем?

Далее Баштаков упоминает скромно, что при нем производилась выемка документов, обнаруженных в кабинете Ар–тузова, но что это за документы, он не знает, так как их не читал. Правдивы в заявлении только последние два слова – «не читал». Но о чем они – знал прекрасно, ибо на каждой папке, изымаемой из сейфа, была надпись, которая и заносилась в опись.

И напрасно скромничает уполномоченный 8–го отдела лейтенант госбезопасности Баштаков – он не просто присутствовал при этой процедуре. Он самолично *составлял* опись изъятого. О чем свидетельствует его подпись под оной.



Анкета

25 а

Арестованного Артузова Артура Христиановича

1) Ф. И. О. – Артузов (Фрауци) Артур Христианович

2) Год рождения – 1891.

3) Место рождения – с. Усть-Ивда, Кайгородского уезда Вятской губ.

4) Национальность – сын швейцарского эмигранта, мать латышка. Проживал все время в России. Этой нации с 1923 г., я себя считал русским.

5) Гражданство или Подданство – Гр-н СССР, по одновременно натурализован, поскольку швейцарское гр-ство так и все время сохранил.

6) Соц. происхождение – Из семьи судебного следователя, до революции крупного служащего с 1908 г. и до войны отец адвоката имел несколько нефтяных заводов (до 10 чел.). Мать находилась на иждивении отца.

7) Партийность – б. чл. ВКП(б) с VII-1918 г. (ранее состоял с VIII 1917 г.) В день ареста. Взыскания не имел. К другим партиям не принадлежал.

8) Образование – Высшее сс. В 1917 г. окончил Петроградский Политехнический ин-т в г. Петрограде, со званием инженера-электрика.

9) Семейное положение и состав семьи – Женат. Жена Инна Михайловна 32 г. Бр. интеллигентка, проживает 3-я Тверская-Ямская д. 21/23 кв. 26. б. жена – Лидия Александровна Сергушина 44 л. Бр. б. чл. ВКП(б) с 1918 г. по 1923 г. (исключена) высшее механическое, работает на дому по механической профессии – Ул. Марата Гаванская д. № 9 кв. 1. Дочь: Дочь – Лидия Артузова Артузова 1919 г. рожд., ЛГУ. ВКАРМ, занимается работает в Разведупре РККА – Гер. Сотрудничает, дочь Жора Артузова Артузова 1920 г. рожд. пионерка. Сотрудничает школой пионеров им. Ленинградского Военного Кругосветного (плавает в Японских и Вед. водах в Ленинграде адрес матери не помню), сын Кашя Валерьевна Артузов 1923 г. рождения, ничего, учится в 6 школе 9 группа. Все дети живут с матерью.

Зять – муж дочери Лидии

Мать – Августа Августовна Фрауци 1861 г. Бр. проживает совместно с сестрой по Васильевскому проспекту (точный адрес не помню Г. 1-82-18).

Сестра – Евгения Христиановна Фрауци 43 г. Бр. служит в РК. Ж. – проживает с мужем, имеет 2 детей 18 и 13 лет по фамилии Квашнина

сестра Нина Христиановна Колчинская 40 л. Бр. имеется муж, проживает по Ад. Колчинская Георгий Федорович проживает от Ленинграда, где официально дома Артузова имеет (точный адрес не помню). Вед. Ульяновская Ольга 37 л. Бр. проживает Ленинград, Кировский район, Ждановская ул. № 15 кв. 12 и 3 кв. Родители брата жены не помнит, жены не поддерживает отношений.

Подпись

Центральный архив ФСБ

Анкета арестованного Артузова

Вот личный обыск Артузова действительно производился лишь в присутствии Баштакова. Его проводил младший лейтенант госбезопасности П. Васильев. При этом было изъято:

партийный билет за номером 1018779;

служебный пропуск в Кремль за номером 079;

удостоверение НКВД за номером 35;

пропуск в Наркомат обороны;

знак «Почетный чекист» за номером 33 и грамота к нему (в форме удостоверения личности, несколько большего размера);

нож перочинный в кожаном футлярчике; два письма и три записки; девять почтовых марок.

А теперь автор позволит себе высказать свою версию происшедшего в ночь с 12 на 13 мая 1937 года.

Лейтенант госбезопасности Баштаков находился в кабинете Артузова в столь поздний час не случайно. Нахождение в чужих кабинетах без служебной надобности в середине ночи никогда в НКВД не поощрялось, особенно в кабинетах начальников, тем более в их отсутствие. Стало быть, какая–то служебная надобность (оформленная в виде устного приказа) имелась.

Похоже, вопрос об аресте Артузова был окончательно решен в самую последнюю минуту, возможно, после окончания собрания партактива, иначе его могли арестовать раньше, а не приглашать в зал. Партактив – не партсобрание, на которое обязаны были являться все члены данной парторганизации. Партактив – всегда для избранных, ответственных. Рядовых коммунистов туда приглашали, если их присутствие было необходимо. Баштаков работал в одном отделе с Арту–зовым, состоял в одной с ним партячейке. Значит, то было не партсобрание, на котором присутствовал бы и Леонид Фокиевич, а именно узкий партактив, иначе не выступал бы на нем первый замнаркома и начальник ГУГБ Фриновский.

Автор убежден, что Баштакова кто–то из высших руководителей (не исключаю, что тот же Фриновский) подсадил под благовидным предлогом в кабинет начальника, чтобы Артузов, почуяв неладное, вдруг не смог бы уничтожить хранящиеся у него какие–либо документы или, что совсем уж нежелательно, не покончил жизнь самоубийством (таких случаев в системе НКВД уже было несколько).

На следующий день на квартиру Артузова по 3–й Тверской–Ямской явились сотрудники Оперода Гродек и Молю–ков (инициалы ни в ордерах, ни в протоколах не проставлены). При обыске в качестве понятых присутствовали дворник П. Н. Андрющенко и… И. М. Артузова (Их инициалы в протоколе указаны.)

В документации по делу Артузова много примечательного, даже забавного (если только это слово применимо к такому событию).

Бланк ордера, естественно, напечатан в закрытой типографии

НКВД. В нем обозначены должности двух лиц, ордер подписывающих. Они таковы: «Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Комиссар Государственной Безопасности 1–го ранга» и «Начальник Второго Отдела ГУГБ Комиссар Государственной Безопасности 3–го ранга». Подписали ордер Лев Бельский и Николай Николаев–Жу–рид. Но Бельский был (и остался) комиссаром второго ранга. В чем же дело? Очень простое объяснение: бланки были отпечатаны раньше, когда заместителем наркома, обычно подписывавшим ордера на арест, был Яков Агранов, действительно комиссар первого ранга. Выходит, новые бланки не успели напечатать.

Полагаю, читателю будет интересно узнать, что опородовцы изъяли при обыске на квартире Артузова:

статуты к знакам «Почетный чекист» номер 6 и 34 (в протоколе ошибка, следует 33);

паспорт серии МФ номер 646441;

грамота к наградному маузеру номер 732;

грамота к знаку «Почетный чекист» МНР;

орден Красного Знамени номер 11512;

знак «Почетный чекист» номер 6;

старые служебные удостоверения – 12 штук;

фотоаппарат «лейка»;

папка с архивными материалами, принадлежавшими И. И. Межлауку;

фотографии – 36 штук.

Произвели обыск и на бывшей квартире Артузова в Ми–лютинском переулке, где по–прежнему проживали (вскоре их выселят) Лидия Дмитриевна и дети. Здесь изъято:

именной наградной пистолет за номером 1696 с надписью: «Артузову А. Х. за разгром 52–й банды»{135};

восточная шпага; малого размера кинжал;

большой монгольский кинжал с шелковым поясом; пишущие машинки – 2 штуки;

книги Троцкого, Бухарина, Зиновьева и других запрещенных авторов;

фотографии – 75 штук; записная книжка.

На даче по Зубаловскому шоссе изъята малокалиберная винтовка.

По окончании обыска Артузов был под конвоем препровожден в автомобиль и доставлен в Лефортовскую тюрьму. Для персонала тюрьмы он был личностью бесфамильной – «заключенный номер 10». В соответствии с номером одиночной камеры.

…И вот, наконец, перед автором само следственное «дело».

На обложке пресловутая надпись: «Хранить вечно».

Следственное дело номер 612388 в трех томах Артузова (Фраучи) Артура Христиановича по обвинению по статьям 58 ^{6} ; 58 ^{8} и 58 ^{11} .

Начато 13 мая 1937 года и завершено 15 августа того же года. О печально знаменитой «пятьдесят восьмой», по которой ушли из жизни сотни тысяч, если не миллионы советских людей всех национальностей (плюс тысячи иностранных граждан), религиозных конфессий, профессий, возрастов, слышали, кажется, все. Но мало кто из читателей последних двух–трех поколений ее читал. Поскольку в новом Уголовном кодексе таковой (не по номеру, по сути) нет, а идти в библиотеку, чтобы перелистать старый УК, не каждый станет. Потому расшифруем хотя бы те три ее пункта, что были предъявлены Артузову.

58–я статья Уголовного кодекса РСФСР 1926 года с последующими изменениями входила в его Особенную часть, главу 1–ю – «Преступления государственные», в 1–ю под–главу «Контрреволюционные преступления».

Итак…

58 ^{6} – «Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам влечет за собою» в случае особо тяжких последствий высшую меру наказания – расстрел.

58 ^{8} – «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов… » Также расстрел.

Наконец, 58 ^{11} – «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой».

Просто замечательная это статья – 58–я со значком« ^{11} ». Если нельзя подследственного подвести к какому–то конкретному преступлению (а всего 58–я имела тринадцать пунктов), всегда можно предъявить ему обвинение под резиновый пунктик со значком по которому полагался все тот же расстрел.

Из всей 58–й только 58–я со значком « ^{12} » (недонесение о достоверно готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении) не влекла за собой смертную казнь. Но вместо «недонесение» умник–следователь при желании всегда мог в

обвинительном заключении напечатать словечко «участие».

Описать переживания человека, попавшего безвинно по «политическим» статьям в камеру Внутренней или Лефортовской тюрьмы, может, по мнению автора, лишь тот, кто сам это испытал и пережил.

Покойный генерал–лейтенант Александр Иванович Тодорский, входивший в состав Главного военного совета, почти поголовно расстрелянного, каким–то чудом «отделался» пятнадцатилетним сроком заключения. В свое время он рассказывал автору: «Когда меня арестовали и жестоко, с избиениями, допрашивали, мне на первых порах пришло в голову, что в стране произошел фашистский переворот, а мои следователи – переодетые для маскировки в форму НКВД белогвардейцы. Это мне как–то помогло, если бы я сразу понял, что это „свои“, то, наверное, сошел бы с ума».

У Артузова такого предположения быть не могло. Он прекрасно знал, что арестовали именно «свои», настоящие сотрудники НКВД. Своего следователя он знал: им был не кто иной, как… комиссар госбезопасности третьего ранга Яков Дейч!

Букет из трех пунктов «пятьдесят восьмой», каждый из которых был расстрельным, не оставлял ему никакой надежды. Он был обречен изначально.

А теперь еще об одной загадке в изобилующем ими «деле» Артузова. По существующему тогда да и поныне порядку на каждого доставленного в тюрьму составлялась серьезная бумага, называемая «Анкетой арестованного». Составлялась не замедлительно, еще до размещения в камеру в своеобразном приемном отделении. Если арестанта привозили глубокой ночью, эту процедуру могли отложить до утра.

Обращаю внимание читателя: арестовали Артузова, как известно, в ночь на 13 мая, тогда же отвезли в Лефортово. Анкета же была оформлена… 4 июня, почти три недели спустя! Объяснить это чьей–то забывчивостью никак нельзя. Что–что, а канцелярский порядок в Лефортовской тюрьме соблюдался неукоснительно, и отвечал за него начальник тюрьмы, подчинявшийся не следователям, а собственному руководству, установленным жестким правилам и инструкциям. По указанию следователя они лишь доставляли арестованного на допрос, уводили с допроса обратно в камеру, сажали в карцер, лишали передач и денежных переводов и т. п. И в каждом случае делали соответствующие записи в специальном журнале.

У автора есть серьезные основания полагать, что анкета была составлена *своевременно,* но вот дата по каким–то соображениям проставлена более *поздняя.* К этому мы еще вернемся.

Еще одна загадка. «Анкета арестованного» как десятки других анкет: слева – вопросы, отпечатанные типографским способом, справа – ответы арестованного, заносимые в соответствующую графу тем сотрудником, что его принимал. Анкета Артузова не отпечатана в типографии, и заголовок, и вопросы, и, разумеется, ответы на них написаны им собственноручно! Почему вдруг такое отступление от правил? Неужели в Лефортовской тюрьме закончились готовые бланки и арестованному дали чистую бумагу и бланк для образца? И главное – почему анкету заполнял от первого до последнего слова он сам? Неужели дежурный по приему так обленился? В подобное верится с трудом.

Но почему автор уверен, что анкета заполнена была сразу, а не 4 июня? Достаточно сравнить почерк, якобы относящийся к этой дате, с почерком на документах, датированных концом мая.

Анкета написана твердым, четким почерком образованного человека, почерком выработанным, каким обладают только много и постоянно пишущие люди. Все другие, «более ранние» записи и подписи на протоколах – каракули…

На этом основании, уже только на нем одном, можно с уверенностью утверждать, что за две недели пребывания в тюрьме Артузов физически и душевно был разрушен. Какими методами, догадаться нетрудно. Не исключено, что он тогда же перенес инсульт.

Делу Артузова с самого начала было уделено особое внимание. Это явствует уже из того, что следствие вел не рядовой сотрудник, а начальник Секретариата НКВД упомянутый Яков Абрамович Дейч. Он прекрасно знал о заслугах своего подследственного, не мог не понимать, что обвинения Артузова в измене и шпионаже – сущий бред. Видимо, для того чтобы преодолеть неловкость, он на первом же допросе обрушился на арестованного с отборной матерной руганью. Для высококультурного, хорошо воспитанного, интеллигентного Артура Христиановича, в жизни не употребившего ни одного бранного слова, уже одно такое обращение было сильнейшим ударом по психике, тяжелейшей душевной травмой, возможно, даже более тяжелой, нежели «меры физического воздействия». (Уже отмеченное резкое изменение почерка свидетельствует со значительной долей вероятности о применении и таких мер.)

В некоторых допросах Артузова принимал участие человек на Лубянке новый, заместитель Дейча Исаак Ильич Шапиро. Ранее он в НКВД никогда не служил, был «всего лишь» помощником секретаря ЦК ВКП(б)… Николая Ивановича Ежова! Став наркомом, Ежов в числе своих людей привел на Лубянку и Шапиро, назначил его заместителем секретаря НКВД и присвоил

звание майора госбезопасности, а вскоре и старшего майора. (Это стало в органах НКВД– МГБ—КГБ дурной традицией: крупных партийных работников переводили в органы госбезопасности сразу на генеральские должности, даже если до этого они были, к примеру, секретарями обкомов по сельскому хозяйству.)

В составлении протоколов допросов, а затем и сомнительного обвинительного заключения Дейчу помогал его подчиненный, начальник 1–го отделения секретариата НКВД лейтенант госбезопасности Виктор Терентьевич Аленцев.

Через двадцать лет Аленцев, уже полковник КГБ, поначалу не признал, что имел отношение к «делу» Артузова, а когда ему показали его собственноручную подпись под протоколами допросов, сослался на плохую память и давность лет. Но кое–что, и существенное, все же в конце концов припомнил.

Выбор Дейча на роль следователя по «делу» Артузова имел под собой глубокое обоснование. Из Артузова надо было выбить не только признание в измене и шпионаже (с этим мог бы в короткий срок справиться любой костолом в чине сержанта или младшего лейтенанта госбезопасности), но и получить развернутые, якобы достоверные показания, со ссылками на имена руководителей зарубежных разведок, агентов, видных «заговорщиков» – чекистов, с раскрытием их «программ» и т. п. Обычный следователь в средних чинах, никогда и ничего общего ранее с настоящей контрразведкой и разведкой дела не имевший, такого дела не осилил бы. Ему бы просто не хватило для этого знаний и информации.

Между тем начальник секретариата НКВД и его заместитель (к тому же креатура самого наркома) могли затребовать и в 3–м отделе ГУГБ (бывшем КРО), и в 7–м (бывшем ИНО), и в Разведупре РККА{136} любые документы, содержащие информацию, необходимую для фабрикации правдоподобных признаний Артузова.

В следственном деле Артузова имеются всего *два* протокола его допросов, подписанные проводившими их Дейчем и Аленцевым. Из тюремного журнала установлено, что «беспамятный» Аленцев *трижды* допрашивал Артузова уже *после* того, как было составлено и утверждено обвинительное заключение по его делу. Вопрос: с какой целью? У автора в качестве версии есть единственный ответ: видимо, Аленцев готовил подследственного к заседанию Военной коллегии Верховного суда СССР, уговаривал не отказываться от данных на следствии показаний. Скорее всего, такого согласия не добился, потому никакого суда и не было. По закону каждая встреча следователя с подследственным должна быть запротоколирована

и подшита в «дело». Отсюда может возникнуть представление, что за два месяца содержания Артузова в Лефортовской тюрьме его допрашивали всего *два* раза. Эти протоколы, многостраничные, отпечатанные на машинке, оформлены вроде бы правильно с указанием времени начала и завершения допроса, с непременной подписью арестованного не только на последней, но и внизу каждой страницы.

Однако на самом деле допросов Артузова было много больше, и подтвердил это невольно, то ли из–за юридической неграмотности, то ли из–за наплевательского отношения к закону… сам Дейч!

Дело в том, что первыми словами, которыми Дейч начал якобы первый запротоколированный допрос, были следующие: «Вы на протяжении ряда допросов упорно скрываете свою вину и отказываетесь давать следствию показания о своей антисоветской и шпионской деятельности…»

Выходит, имели место предыдущие допросы, на которых в течение двух недель (это немалый срок для сопротивления моральному, психическому и физическому воздействию) Артузов категорически отказывался признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях! Потому и составлен был протокол впервые лишь 27 мая, что Артузов в этот день наконец дал признательные показания, точнее – подписал их. Как вопросы Дейча, так и ответы Артузова отпечатаны на машинке. Это означает, что протокол был составлен, обработан, перепечатан на машинке и подписан всеми участниками допроса позднее. К тому же слишком гладко в нем сформулированы так называемые показания, они носят откровенные следы большой подготовительной работы, понятное дело – следователя и его помощников, а не подследственного.

Наконец, тому есть еще одно доказательство. Их дал уже полковник, заместитель начальника Управления КГБ при Совете Министров СССР по Московской области Виктор Терентьевич Аленцев в 1955 году.

Аленцев показал, что когда он в первый раз сопровождал Дейча в Лефортовскую тюрьму, то сразу по самому ходу допроса понял, что его начальник допрашивает Артузова не впервые. После этого, по словам Аленцева, он сопровождал Дейча в Лефортово еще раз пять и делал записи. Никаких протоколов при этом не велось. По окончании допроса Дейч все записи забирал с собой на Лубянку, а спустя некоторое время возвращался в тюрьму с уже готовым, перепечатанным протоколом, который и заставлял подписывать Артузова.

На вопрос, применяли ли к Артузову меры физического

воздействия, Аленцев стыдливо отвечал, что ему об этом ничего не известно. Но сказал, что Дейч обращался с Артузо–вым чрезвычайно грубо, допускал матерную ругань. Возможно, что при Аленцеве Артузова действительно не били. Но хорошо известно, что во многих случаях подследственных избивали специально содержащиеся в тюремном штате сотрудники – «молотобойцы», избивавшие и пытавшие заключенных в специальных помещениях *между* допросами. Так что вовсе не обязательно следователю в высоких чинах было самому пускать в ход кулаки и резиновую палку. Автор еще раз обращает внимание читателя на разницу в почерках Артузова: самая последняя его запись – жалкие каракули, выведенные дрожащей, непослушной, возможно, травмированной рукой.

Как далее рассказал Аленцев, к середине августа следствие было завершено, и на основании всего лишь двух протоколов Шапиро велел ему составить обвинительное заключение. Когда Аленцев возразил, что сделать это на основании только двух протоколов, при отсутствии материалов очных ставок (они не проводились), каких–либо улик, иных доказательств, никак нельзя, Шапиро в грубой форме приказал ему: «Делай как приказано!»

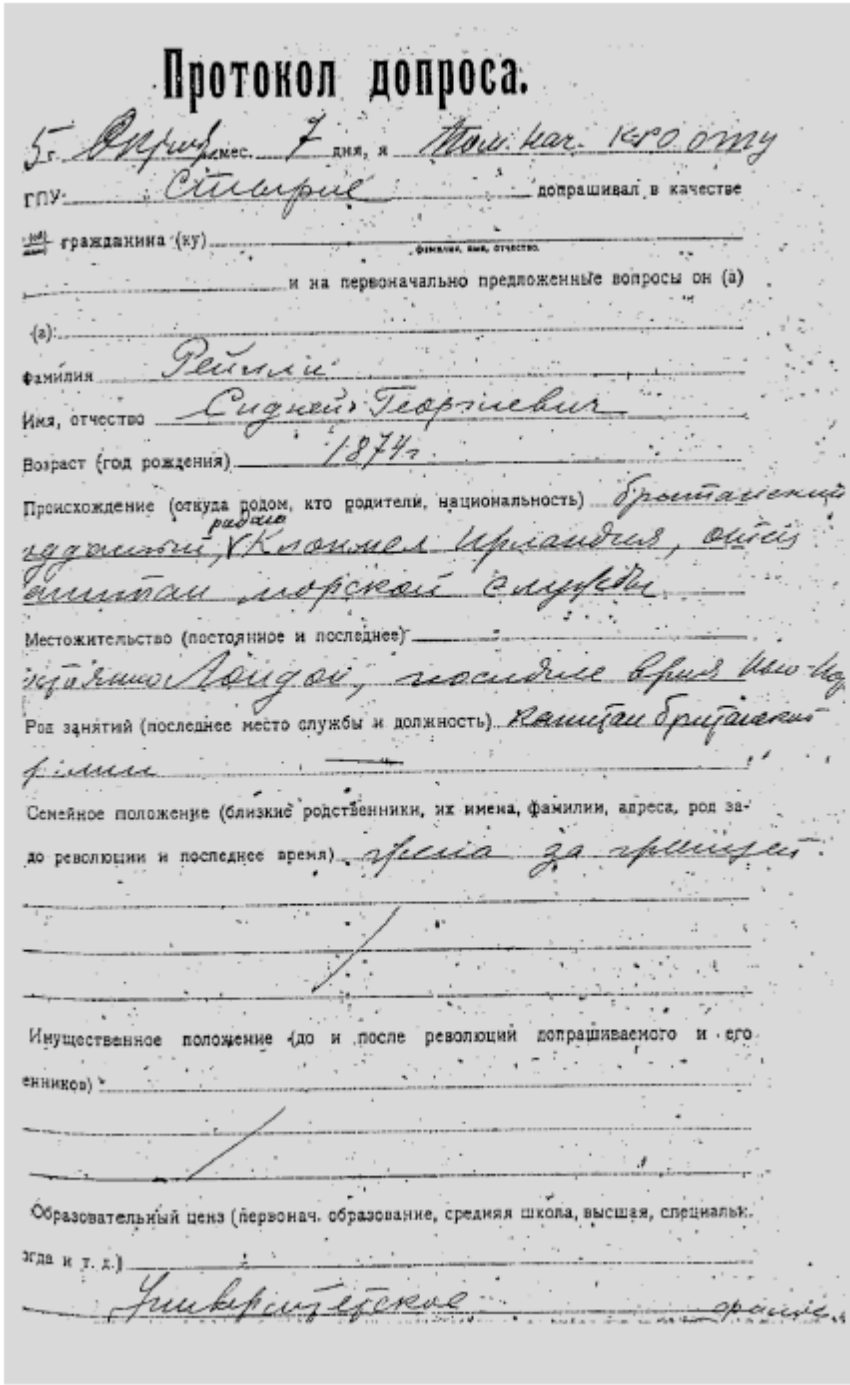
В конечном итоге на основании всего лишь допросов (двух – официально) комиссар госбезопасности третьего ранга Яков Дейч превратил корпусного комиссара РККА Артура Артузова в многолетнего шпиона сразу четырех (!) разведок – французской, немецкой, английской, польской.

Должно быть, кто–то наверху сказал Дейчу «хватит», иначе он завербовал бы своего подследственного еще в несколько европейских, и не только, спецслужб.

Кроме того, он сделал Артузова активным участником заговора в НКВД во главе с бывшим наркомом Ягодой.

Примечательно, что Дейч «доказал», точнее, добился «признания» шпионажа Артузова в пользу тех именно стран, чьи разведки тот в действительности наиболее успешно громил, чьи агентурные сети и гнезда ликвидировал до основания и, наоборот, в важные центры которых внедрял своих нелегалов и агентов.

С точки зрения здравого смысла только сумасшедший мог объявить английским шпионом человека, который обезвредил старого английского агента Сиднея Рейли! Или, быть может, Артузов совершил это с благословения Лондона?



Протокол допроса.

5 г. Апр. мес. 7 дня, я Пом. нач. к/р отд. ГПУ Старцев допрашивал в качестве гражданина (ку) _____ (фамилия, имя, отчество)

_____ и на первоначально предложенные вопросы он (а)

(а): _____

Фамилия Рейлли

Имя, отчество Сидней Георгиевич

Возраст (год рождения) 1874 г.

Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность) Британский подданный, (бывший) Консул Ирландия, отец капитан морской службы

Местожительство (постоянное и последнее) _____

Англия Лондон, последние время Москва

Род занятий (последнее место службы и должность) Капитан британской армии

Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) жена за границей

Имущественное положение (до и после революций допрашиваемого и его родственников) _____

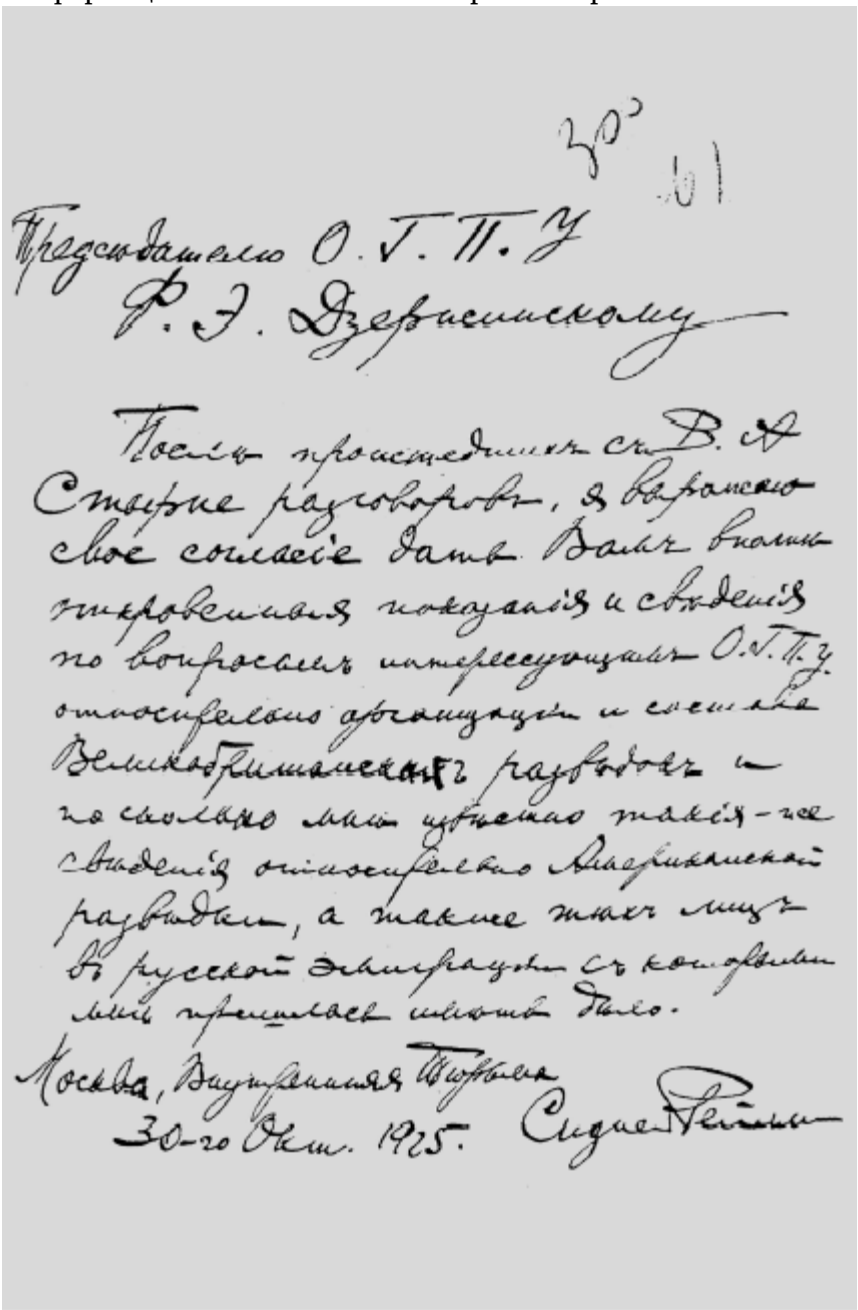
Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальное когда и т. д.) _____

Университетское образование

Первая страница протокола допроса Сиднея Рейли

Именно Артузов на семь–восемь лет полностью блокировал всю работу весьма деятельной тогда и опасной польской разведки. Неужели же для этого ему самому непременно нужно

было стать польским шпионом? Еще один вопрос можно было бы задать комиссару госбезопасности Дейчу: почему агент гестапо не выдал тому же самому гестапо самого ценного советского разведчика в Японии Рихарда Зорге? И еще один вопрос: зачем французский шпион Артузов регулярно, много лет подряд «скармливал» французскому генштабу через поляков дезинформацию о боеспособности Красной армии?



Председателю О.Г.П.У.
Ф.Э. Дзержинскому

После происшедших со мной В. и Старше разговоров, я выразил свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам интересующим О.Г.П.У. относительно организации и состава Великобританской разведки и по совести мне нечего таких-же сведений относительно Американской разведки, а также таких лиц в русской эмиграции с которыми мне приходилось иметь дело.

Москва, Внутренняя тюрьма
30-го Окт. 1925. Сидней Рейли

Письмо С. Рейли Ф. Дзержинскому

И наконец: шпионом «вообще» быть нельзя, «шпион „вообще“» – такая же нелепость, как боксер по переписке. Между тем в объемистых протоколах допросов не приведено ни одного конкретного факта передачи какой–либо иностранной разведке хоть самой захудалой шпионской информации. При обыске у Артузова не обнаружено никакого шпионского снаряжения, приспособлений для тайнописи, шифров, кодов, нет изобличающих свидетельств скрытого наружного наблюдения, тайников, полученной за свою преступную деятельность иностранной валюты, нет данных о фиксированных контактах с зарубежным связником. Ничего подобного! В «деле» присутствует только «царица доказательств» – признания подследственного, самооговор, ничем не подкрепленный, никак не проверенный. При нормальном судопроизводстве подобным признаниям грош цена и обвинительное заключение неминуемо рассыпается как карточный домик.

Какое же извращенное сознание надо было иметь, чтобы так исказить истину, столь целенаправленно, пользуясь самыми иезуитскими и подлыми методами, подвести под расстрел за шпионаж и измену самого талантливого и заслуженного руководителя советской контрразведки и разведки за всю ее историю?

Что двигало Яковом Абрамовичем? Неужто один только звериный страх за собственную шкуру, стремление упрочить свою карьеру на фундаменте из чужих костей?

Вне всякого сомнения, эти мотивы в действиях Дейча присутствовали и многое объясняют. Однако, по разумению автора, существовали и дополнительные побуждения, столь же, впрочем, низменного характера – обыкновенная черная зависть и злорадство. Артузов уже при жизни был легендой и контрразведки, и разведки, с его именем связаны их самые громкие (хоть и тайные) победы и достижения. Ему «верил, как самому себе» Дзержинский, в чьей честности, слава богу, и сегодня не рискуют усомниться самые яростные злопыхатели. Его высоко ценил Менжинский, чей авторитет тогда еще и после смерти оставался незыблем. Наконец, его знал и поручал ему ответственнейшие задания лично Сталин. (Во всяком случае, до того, как равнодушно отдал на растерзание, когда счел, что слишком умный корпусный комиссар ему больше не нужен.)

А кто такой Яков Дейч? Всего лишь высокопоставленный чиновник НКВД, никакой не оперативный работник, а так, делопроизводитель, хоть и с тремя ромбами в петлицах и двумя

орденами на груди, на чье место в любой момент могли прислать любого другого номенклатурщика из ЦК, вроде заместителя Шапиро, который, к слову, через два месяца займет его место, чтобы, в свою очередь, слететь с него прямиком в камеру смертников при очередном новом наркоме – Берии.

А уж вовлекать Артузова в узкий круг ближайших сподвижников Ягоды – просто дурость. В НКВД все знали, что бывший нарком и Артузов, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Что примерно с двадцатого года с обращения на «ты» перешли на отчужденное «вы». Что хоть и жили в одном подъезде (до развода Артузова с первой женой) – Артур Христианович на первом, Генрих Григорьевич на втором этаже, – но за все годы соседства ни разу не зашли друг к другу в гости.

Методика Дейча была проста до примитивности, полностью соответствовала его убогому интеллекту и рептильному характеру. Он выбирал нужные ему факты из материалов разведки НКВД или Разведупра, ответов Артузова на свои вопросы и компоновал их таким образом, что они превращались в грозные обвинения – и признания соответственно – в измене, шпионаже и прочих смертных грехах. Однако, будучи невеждой в разведывательных делах, агентурной работе, анализе информации, внешней политике, он не замечал внутренних противоречий в «конечном продукте» своих фальсификаций. Артузов, без сомнения, их видел, но… не поправлял. Наоборот, порой, словно издеваясь (а может, и вполне осознанно), подбрасывал самые несусветные глупости, в которых легко бы разобрался и никогда не занес бы в протокол в качестве доказательств мало–мальски квалифицированный следователь–профессионал.

Для чего это делал Артузов? Тут может быть только одно объяснение: как и многие другие арестанты первых месяцев Большого террора, он полагал, что на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР откажется от сделанных по ходу следствия под нажимом Дейча признаний и легко докажет их полную абсурдность и несостоятельность. Он понятия не имел, как в действительности теперь проходят заседания Военной коллегии, этот жуткий фарс на правосудие. К тому же Артузов был полностью отрезан от внешнего мира, не имел ни малейшего представления, что происходит за толстыми стенами Лефортовской тюрьмы. Радио в камерах не было, газет не полагалось, контролеры разговаривать с заключенными права не имели. За сутки – только несколько заученных фраз, строго по инструкции, чисто служебных.

Два сохранившихся и единственных протокола допросов

Артузова следователем Дейчем – все та же пресловутая «амальгама».

Вот как работала методика Дейча на практике.

Немцы завербовали Артузова на идейной основе – симпатий к нацизму еще… в 1925 году (когда германская разведка, сведенная союзниками по Версальскому договору до жалкого минимума, почти не подавала признаков жизни) через Отто Штейнбрюка. Почему именно через него?

Штейнбрюк, многолетний сотрудник Артузова и по ИНО, и по Разведупру, также корпусный комиссар РККА, был натуральным австрийцем, бывшим капитаном австро–венгерской армии. (Для Дейча австрийцы и немцы – одно и то же.) К тому же он восемнадцать лет проработал именно по германской линии, в том числе не один год в самой стране с нелегальных позиций, так что сомневаться в том, что он, конечно, немецкий шпион, не приходилось. По разрозненным репликам Дейча Артузов понял, что арестованный еще 21 апреля умница Отто Оттович дает «признательные» показания за гранью абсурда, явно с тем, чтобы отказаться от них на суде и разбить аргументацию следствия.

Дейч, в силу своей самоуверенности, которая у неумных людей прямо пропорциональна невежеству, даже не понимал, что одновременно сотрудничать с генерал–майором Фердинандом фон Бредовом, одно время руководившим германской разведкой – абвером (в котором тогда работали не более десятка офицеров), и «испытывать симпатию к нацистам» никак не возможно. Та группа высших офицеров, активно сотрудничавших в те годы с Красной армией, к которой принадлежал и фон Бредов, терпеть не могла ни нацистов, ни их выскочку фюрера из бывших ефрейторов.

Позднее же Артузов и Штейнбрюк работали на нового шефа абвера капитана первого ранга, впоследствии адмирала Вильгельма Канариса.

Копая материалы ИНО, Дейч нашел сообщение о гибели агента А/270, и оно натолкнуло его на выигрышную идею.

Вот что записал Дейч от имени Артузова в протокол от 27 мая: «Еще в 1932 году мы узнали из его [270–го] донесений о существовании в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270–го, был советский генерал Тургуев – под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский».

Авторство Дейча торчит из этого абзаца как ослиные уши. Артузов никогда не составил бы столь нелепой фразы: «… связанной с рейхсвером и работающей на немцев». Ясно ведь, что если шпион связан с рейхсвером, то он работает не на англичан или бразильцев, но именно на немцев.

Однако о военной организации в РККА, одним из представителей которой был генерал Тургуев, 270–й (напоминаем читателю, что это псевдоним Курта фон Поссанера) знать ничего не мог. И не только потому, что такой заговорщицкой организации в РККА не существовало, но и по той причине, что он, нацистский функционер, к тому же иностранец, доступа к засекреченным контактам высшего генералитета рейхсвера с военными кругами в СССР не имел.

Бывший замнаркома НКВД Георгий Прокофьев на допросе еще 25 апреля показал: «Примерно в 1933 году в НКВД стало известно из агентурных источников НКВД в немецкой разведке, что какой–то красный генерал (по фамилии, начинающейся на букву „Т“, – дальше фамилия была прервана) установил связи с германским рейхсвером. Ягоде это сообщение было доложено, и он сразу заявил: „Это Тухачевский“. Ягода взял к себе сводку и никакого движения этому материалу не дал».

Это показание Прокофьева истине отвечает – информация поступила в НКВД не от 270–го, а от агентурных источников в разведке. Получив это сообщение, Артузов обязан был доложить о нем Ягоде. Ягода, как нарком НКВД, знал о поездке Тухачевского инкогнито в Германию, естественно, с санкции, даже по заданию высшего руководства страны, а потому «никакого движения этому материалу не дал». Даже замнаркома Прокофьеву и начальнику ИНО Артузову не обо всем было положено знать. Примечательно, что Прокофьев ничего о «генерале Т» как заговорщике в Красной армии не показывает. Такое появляется только в протоколе допроса Артузова Дейчем. По простой причине: в НКВД полным ходом шла разработка дела Тухачевского и его «сообщников». Параллельно готовили и будущее «дело» уже арестованного Ягоды. Теперь то обстоятельство, что бывший нарком не дал ходу информации о Тухачевском, приобретало совсем иное, зловещее объяснение.

Далее Артузов под давлением Дейча показывает, что по настоянию Канариса он выдал ему агента 270, как представляющего для немцев своей информацией в Москву большую опасность. После чего 270–й был ими убит. Подробности ему, Артузову, неизвестны. Последнее было единственным в его показаниях, что полностью соответствовало истине: до сих пор не установлено точно, кто именно был убийцей барона Курта фон Поссанера. Кстати, Дейч нигде фамилию 270–го не приводит, и это тоже доказывает поверхностность его псевдоследствия.

По данному эпизоду Артузов, в сущности, дважды загнал Дейча в ловушку (к сожалению, она не сработала, поскольку была

рассчитана на то, что Артур Христианович на суде вскроет все подтасовки следствия).

Генерал–майор Фердинанд фон Бредов в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года был убит эсэсовцами по приказу Гитлера как «враг». Отсюда по логике вытекает, что если Артузов сотрудничал с фон Бредовом, значит, он работал *против* Гитлера и нацистов. В чем же тогда его винить?

И далее: ни Артузов, ни Штейнбрюк, ни кто–либо иной никак НЕ МОГЛИ выдать 270–го немцам по приказу Кана–риса. По очень весомой причине: барон Курт фон Поссанер был убит 16 или 17 марта 1933 года, тогда как капитан первого ранга, впоследствии адмирал Вильгельм Канарис приступил к обязанностям начальника абвера… 1 января 1935 года!

Такого рода несуразностей в обвинении по одной только «германской линии» множество.

По тому же безотказному принципу Дейч скомпоновал причастность Артузова к шпионажу в пользу еще трех стран.

У Артузова по отцовской линии было два двоюродных брата – Александр и Федор Фраучи. Оба родились в России, но сохранили швейцарское гражданство. В конце 20–х годов они, видимо, разочаровавшись в советской системе, выехали в Швейцарию. Связи с ними на протяжении последующих лет Артузов, в силу своего служебного положения, не поддерживал.

Как известно, Швейцария – соседка Франции, половина ее населения говорит на французском языке. Этого для Дейча вполне достаточно, и вот в протоколе появляется запись, что Александр Фраучи завербовал своего кузена в качестве агента уже французской разведки. Артузов охотно эту версию подтверждает: до Александра НКВД уже не добраться; до французского министра, которому он якобы через дипломатов–шпионов передавал информацию, подавно. Что именно передавал – Дейча уже не интересует.

С поляками и того проще. Вполне достаточно того, что в свое время Артузов пригрел и Сосновского, и Кияковского, и других. Правда, Сосновский, из которого после нескольких месяцев избиений выбили признание, что он польский шпион, Артузова не оговорил. Кияковский этого сделать тем паче не мог – был давно мертв. В таком случае Дейч счел самым подходящим вербовщиком Маковского, арестованного еще в 1935 году за растрату казенных денег, а не за шпионаж.

Не случилось запинки и со шпионажем в пользу Англии.

Теперь перед следователем оставалась лишь одна задача: привязать Артузова к заговору внутри самого НКВД во главе с Ягодой. Раньше в этом нужды не было, она появилась после

ареста бывшего наркома, когда во Внутренней тюрьме майор госбезопасности Лазарь Коган уже полным ходом тот самый заговор раскручивал и ему требовалось набрать в него как можно больше участников. В конце концов их хватило с избытком, и Артузов для исполнения этой роли оказался не нужен. (На процессе Бухарина – Рыкова – Ягоды и других фамилия Артузова так и не прозвучала.)

Артузов игру принимает. Он перечисляет одного за другим ягодинских «заговорщиков» – Прокофьева, Миронова, Молчанова, Гая, Паукера, Буланова и др. Все они давно арестованы, их полным ходом раскручивают, кого во Внутренней, кого в той же Лефортовской тюрьме. Артузову это прекрасно известно. Некоторые из названных им лиц были арестованы раньше его и уже во всем «признались», имена других он, мастер допросов настоящих, выудил из самого Дейча столь ловко, что тот этого даже и не заметил. Его показания никому вреда нанести уже не могли, но и спасти тоже.

Однако отдадим должное Дейчу. Его не смутила общеизвестная неприязнь (взаимная) Артузова к Ягоде. В конце концов, он готовил не доклад на партсобрании, где его утверждение о принадлежности Артузова к ближайшему окружению Ягоды вызвало бы только смех, а обвинительное заключение, которое после утверждения наркомом или его заместителем прочтут лишь три члена Военной коллегии. А они вряд ли в курсе внутриведомственных интриг.

И он нашел воистину дьявольский ход: придумал, что якобы однажды Ягода в приступе откровенности (которая бывшему наркому не была свойственна) поделился с Артузовым своими тайными мыслями и планами. Точнее, изложил целостную, разностороннюю, продуманную программу.

Главная ее цель – восстановление в стране капитализма, что возможно лишь при ликвидации советской власти. Сущий бред! Ягода не мог желать свержения советской власти. В царской России он, сын далеко не богатого еврейского ремесленника, мог стать в лучшем случае владельцем средней руки аптеки в Нижнем Новгороде. О посте министра он бы и во сне мечтать не смел. Подобное можно сказать обо всех остальных «заговорщиках»: своим высоким положением, генеральскими должностями, благополучием они тоже были обязаны только советской власти.

Но вот конкретные «установки» в сфере экономики, которыми «поделился» Ягода с Артузовым, представляют сегодня интерес: ограничение монополии внешней торговли; широкое представление всякого рода производственных и торговых концессий иностранным капиталистам; отмена ограничений на

въезд и выезд иностранцев; постепенное вовлечение СССР в мировой торгово–промышленный оборот; выход советской валюты на международный рынок; отмена всех привилегий для коллективных хозяйств в земледелии, свободный выбор для крестьян формы землепользования; увеличение норм личной собственности и т. п.

Но ведь ни одно из этих предложений не противоречит принципам социализма! Кое–что из этого перечня: иностранные концессии, «твердый» золотой червонец – существовало еще при Ленине.

А что предлагалось в области политической? Обеспечение демократических свобод: слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенности личности и жилища; обеспечение свободных выборов; полное равенство граждан СССР независимо от социального происхождения, характера труда (физического и умственного) и т. д.

Легко заметить, что в этих предложениях не только не было ничего антисоветского, но все они формально уже были внесены в проект новой, так называемой сталинской Конституции СССР, принятой 5 декабря того 1937 года!

Выдумать все это комиссар госбезопасности третьего ранга Дейч никак не мог. Ягода экономические взгляды «правых» (а все упомянутые пункты входили в программу Бухарина, Рыкова, Томского) принять мог, но вряд ли стал бы делиться ими с Артузовым. Выходит, эти «установки» Артузов сам изложил следователю. Что же касается пунктов политической программы, то здесь можно предположить издевку Артузова над Дейчем: тот по своей малограмотности даже не понял, что ему подсунули не антисоветчину, а статьи из проекта будущей Конституции СССР. (Другое дело, что эти статьи «самой демократической в мире» конституции на практике никогда не соблюдались вплоть до развала Советского Союза.)

Имеет право на существование и другая версия: Дейч, конечно, никакую программу не придумывал, а просто получил ее в соседних кабинетах, где его коллеги готовили процесс Бухарина – Рыкова – Томского – Ягоды, и внес в протокол. «Пункты» Артузову понравились, и он их с легкой совестью подписал, видимо, уверенный, что легко докажет отсутствие в них криминала в судебном заседании{137}.

Трудно сказать, в какой момент Артузов наконец осознал в полной мере весь трагизм и безысходность своего положения, что вцепившийся в него бульдожьей хваткой Дейч уже не выпустит его на свободу. Никогда. Даже в тюрьму не выпустит{138}, не то что в лагерь. Он долго не мог понять того, что поняли арестанты,

оказавшиеся во Внутренней тюрьме, Лефортове, Бутырках, секретной Сухановке, что никакие логические доводы, аргументированные возражения, тем более активные протесты и ссылки на законы на следователей не действуют. Следователь может прекрасно знать, что никакой вы не шпион, не диверсант, не террорист, но все равно отправит или в подвал к исполнителям ВМН, или лет на двадцать в Магадан. Кому–то были очень нужны эти фантастические, не подкрепленные ни единым доказательством или вещественной уликой слова самооговора. Примечательно, что, признавая якобы шпионаж, Артузов не привел ни одного конкретного факта, назвал только умерших, или уже осужденных, или находящихся вне досягаемости НКВД лиц.

Заскорузлые, казенные слова. И вдруг – абзац нормальный и горький. Который не мог бы, да и не осмелился бы сочинить Дейч. Это явно мысли и слова самого Артура Христиановича. Слова позднего прозрения… Его ответ на традиционный вопрос, что двигало им в последние годы: «После страшных усилий удержать власть, после нечеловеческой борьбы с белогвардейской контрреволюцией и интервентами, наступила пора организационной работы. Эта работа производила на меня удручающее впечатление своей бессистемностью, суетностью, безграмотностью. Все это создавало страшное разочарование в том, стоила ли титаническая борьба народа достигнутых результатов. Чем чаще я об этом задумывался, тем больше приходил к выводу, что титаническая борьба победившего пролетариата была напрасной, что возврат капитализма неминуем».

Дмитрий Быстролетов в книге своих воспоминаний рассказывает, что как–то, не вынеся чудовищных пыток (ему проткнули стальной спицей голову, вообще всего изувечили), он признался в шпионаже, оговорил себя.

– Не ври! – заорал на него следователь–полковник. – Я отлично знаю, что ты никакой не английский шпион, а честный человек. Мне нужно, чтобы ты подписал другое: сколачивал в Праге антисоветскую группу из русских студентов. Вот и признавайся в том, что велят!

Осознав неправильность своего поведения, Быстролетов «сообщил» следователю все то, что тот от него хотел. Более того, уже вполне дружелюбно полковник добросовестно помогал ему сочинять правдоподобную историю. Интересно, в чем сознался полковник спустя некоторое время, когда арестовали его самого? Он был расстрелян, пишет Быстролетов, хотя тоже не был ни шпионом, ни террористом, ни диверсантом.

Как бы то ни было, однажды Артузов, еще до того, как начал давать «признательные» показания, на обороте крохотной тюремной квитанции написал, вернее, начал писать собственной кровью записку своему мучителю, в надежде убедить того в своей невиновности силой разумных доводов.

Дописать записку ему не позволил контролер – заметив в «глазок», отобрал. В Лефортове царил жесткий порядок. Адресованная Дейчу записка была ему доставлена{139}. Вот ее текст:

«Гражданину следователю привожу доказательства, что я не шпион.

Если бы я был немецкий шпион, то:

1. Я не послал бы в швейцарское консульство Маковского, получившего мои документы. Я сохранил бы документы для себя.

2. Я позаботился бы получить через немцев какой–либо транзитный документ для отъезда за границу. Арест Тылиса был бы к тому сигналом. Докумен… »

На этом запись обрывается.

Дейч и не подумал ответить автору записки. Да и что он мог возразить простым, но убийственным в своей неопровержимой логике доводам подследственного?

Действительно, будь Артузов шпионом, он приберег бы для себя швейцарский паспорт и сумел бы уйти за границу, как только ощутил бы реальную угрозу разоблачения. Арест Григория Тылиса стал бы для него последним сигналом тревоги.

Многие личные документы, письма, записные книжки, более сотни фотографий, изъятых у Артузова при четырех обысках (в кабинете, на двух квартирах и даче), бесследно пропали. Эта записка, аккуратно вложенная следователем в конвертик, каким–то чудом сохранилась. В ней – последние, подлинные слова Артузова, не сфальсифицированные палачами.

15 августа 1937 года всего за два месяца следствие по делу Артузова было завершено. (Следствие по делу расхитителя, директора какого–нибудь хозяйственного магазина в провинциальном райцентре и то заняло бы больше времени.) Лейтенант госбезопасности Аленцев по приказанию майора госбезопасности Шапиро составил обвинительное заключение на пяти листах. После чего, как уже известно, еще трижды вызывал Артузова на разговоры, оставшиеся незапротоколированными.

На следующий день комиссар госбезопасности третьего ранга Дейч получил новое назначение: начальником управления НКВД по огромному в те времена Азово–Черномор–скому краю. (В сентябре после раздела АЧК его оставили начальником УНКВД Ростовской области.)

Заместитель наркома НКВД СССР комиссар госбезопасности второго ранга Бельский обвинительное заключение утвердил. В постановляющей части обвинительного заключения говорилось, что теперь следственное дело по обвинению Артузова подлежало передаче на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. Подлежало, но… так туда и не поступило. Впрочем, предстань Артузов перед некогда своим заместителем Ульрихом лично, на его судьбе это бы никак не отразилось.

Передача дела в суд позволяла Артузову, как и сотням тысяч других людей, прошедших по этому скорбному пути, сохранять в душе призрачную надежду на справедливость, то есть на спасение. Они верили, что на суде откажутся от выбитых из них показаний, расскажут о пытках и истязаниях, может быть, даже добьются наказания своих мучителей.

Военная коллегия Верховного суда СССР заседала тогда в скромном трехэтажном здании по улице 25 Октября (теперь вновь Никольской), 23. Главный вход, однако, был на другой стороне – там, где стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову, наискосок за его спиной. Впоследствии в этом здании много лет размещался Московский горвоенкомат.

Артузов не знал и знать не мог, что на каждого подсудимого коллегия отводила не более пятнадцати–двадцати минут, что сам приговор был уже предрешен, согласован «в верхах», в отношении лиц крупных или известных – с «самим». Автору известен единственный оправдательный приговор – по отношению к Михаилу Кедрову (что, впрочем, не помешало Берии осенью 1941 года отдать приказ о его расстреле). В редких случаях коллегия приговаривала к длительному сроку заключения до двадцати пяти лет, но в подавляющем большинстве – к ВМН, то есть расстрелу.

Затем приговоренных отвозили за полкилометра – на улицу Дзержинского (ныне Большая Лубянка), 11. Здесь машина въезжала в арку с глухими воротами со стороны Варсонофьевского переулка (дом был угловой и с 1918 года принадлежал ВЧК—ОГПУ—НКВД). В специально оборудованном подвале исполнитель выстрелом из нагана в левую сторону затылка убивал приговоренного. Входное отверстие затыкали тряпкой. Ночью трупы вывозились в закрытых грузовиках либо в крематорий, где сжигались, либо на одно из московских кладбищ. Захоронение происходило секретно, могильщики или служители крематория не знали, чьи бренные останки отправляют в вечность. После кремации золу и фрагменты обгоревших костей ссыпали в одну из трех могил «неопознанных прахов».

Когда Большой террор достиг размаха и основную массу

приговоров стала выносить уже не Военная коллегия Верховного суда СССР, а так называемые тройки, приговоренных в грузовиках вывозили на спецполигоны НКВД в Бутове (где когда–то была дача Ягоды) и на территорию совхоза «Коммунарка» (там находилось подсобное хозяйство НКВД). Их расстреливали и тут же закапывали в заранее вырытые бульдозером рвы–могилы на несколько десятков человек в каждом.

Никакого ритуала казни, включающего, к примеру, исповедь священнослужителю для верующих, отделения солдат, вскидывающих винтовки по команде офицера и по команде же одновременно нажимающих на спусковые крючки, никаких мешков на голову… Так что, строго говоря, производилась даже не казнь, а умерщвление, убийство. Как на бойне. Неукоснительно соблюдалось единственное правило: исполнитель обязан был удостовериться в личности обреченного по фотографии{140}.

Имена нескольких исполнителей сегодня известны. Примечательно, что у каждого из них к концу службы имелся стандартный набор орденов: «Знак Почета», Красной Звезды, Красного Знамени, знак «Почетный чекист». У всех, как правило, «низшее» образование, все обязательно члены ВКП(б).

«Патриархом» расстрельщиков считается легендарный латыш Петр Магго (иногда в воспоминаниях его фамилию пишут как Маг). Образование – два класса. Круглые очки в простенькой железной оправе, вислые усы, серьезный взгляд немолодого, степенного учителя средней школы. Магго лично расстрелял около десяти тысяч (!) человек. В его сохранившейся характеристике есть такая строчка: «К работе относится серьезно». Уж куда серьезнее!

Магго был тяжелым алкоголиком. В помещении, где исполнители ожидали вызова на работу, всегда имелись ведро водки, примитивная закуска и десятки флаконов с дешевым одеколоном. Водка – понятно для чего, одеколон – чтобы в конце трудового дня, вернее, ночи, заглушить запах крови и пороха от кожи и одежды. Ходили слухи, что в приступе белой горячки Магго покончил с собой.

Братья Шигалевы, Иван и Василий. Образование «низшее», у каждого по четыре ордена. Иван удостоился даже ордена Ленина и звания подполковника.

Петр Яковлев, когда–то шофер Сталина. Дослужился до полковника. В характеристике трогательные строки: «К работе относится хорошо. За дело болеет. Обладает большой работоспособностью и достаточной долей энергии».

Многие исполнители спились, некоторые покончили с собой,

почти никто не дожил до пятидесяти. Это были самые засекреченные люди в системе. Даже в семьях никто не знал, чем в действительности заняты их отцы, мужья, сыновья. Официально числились «сотрудниками для особых поручений».

Вот еще несколько имен: Иван Фельдман, бывший латышский пастух Эрнст Мач, уже упомянутый ранее Демьян Семинихин. Один из исполнителей оглох на левое ухо, потому как был левшой.

Жуткой достопримечательностью НКВД был Василий Михайлович Блохин. Если бы не леденящий страх перед этим внешне доброжелательным, со склонностью к полноте, выпивке и бабам человеком, никто из сотрудников руки бы ему не подал. Около тридцати лет Блохин возглавлял комендатуру НКВД—МГБ. Удостоен был звания генерал–майора, получил семь орденов, в том числе Ленина, Отечественной войны 1–й степени (хотя на фронте не был), а также, что уже просто смешно, орден Трудового Красного Знамени. Все исполнители ходили под его командой.

Хоть и был в высоких чинах Василий Михайлович, но черновой работы не чурался, личным примером показывал подчиненным, как надо служить на вверенных им ответственных постах.

Ветераны рассказывали, что в швейной мастерской административно–хозяйственного управления НКВД Блохину сшили по его заказу длинный, до самого пола, широкий кожаный фартук, кожаный картуз и кожаные перчатки с раструбами – чтобы не забрызгивать кровью одежду. Стрелял он исключительно из обыкновенного солдатского (не офицерского – с «самовзводом») нагана, оружия грубого, устаревшего, но абсолютно надежного, по своей конструкции просто не способного дать осечку…

Артузову не дано было пройти через фарс на правосудие, каковым являлись заседания Военной коллегии Верховного суда СССР. Явочным порядком, в нарушение даже тогдашнего, хоть и скверного, но все же официально существовавшего законодательства, всего лишь приказом наркома Ежова была введена новая форма внесудебной расправы, так называемая в *особом порядке.* Она применялась, как разъяснил Вышинский, в тех случаях, если «характер доказательств виновности обвиняемого не допускает использования их в судебном заседании». Так было узаконено полное, беспредельное беззаконие. Никаких приговоров на самом деле в судебном порядке не выносилось, поэтому родственников жертв к тому же еще и гнусно обманывали: им сообщали, что такой–то Военной коллегией приговорен к десяти годам лишения свободы в

дальних лагерях *без права переписки.*

21 августа 1937 года тройка в составе председателя Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюриста Ульри–ха, заместителя прокурора СССР Григория Рогинского и заместителя наркома НКВД СССР Льва Бельского{141} заочно за несколько минут вынесла решение умертвить Артура Хрис–тиановича Артузова и еще шестерых бывших чекистов.

Того же 21 августа на бланке Военной коллегии Верховного суда СССР с государственным гербом, под номером 00166 за подписью председателя Военной коллегии армвоен–юриста Ульриха *от руки* составлено следующее предписание:

«Коменданту военной коллегии Верховного Суда Союза ССР *т. Игнатьеву*

Предлагаю немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР о расстреле в отношении:

1) Горб Михаила Савельевича

2) Гордона Бориса Моисеевича

3) Карина Федора Яковлевича (он же Крутянский Тодрес Яковлевич)

4) Кононовича Владимира Марковича

5) Лоева Якова Борисовича

6) Штейнбрюк Отто Оттовича

7) Артузова Артура Христиановича Всего в отношении семи осужденных». Подпись, круглая печать с гербом.

Предписание написано чернилами. Против каждой фамилии две галочки карандашом. Их проставил уже исполнитель в подвале Варсонофьевского. Первую галочку – когда принял обреченного, вторую – после того как выстрелил ему в затылок…

«Немедленно» и означало немедленно, то есть того же 21 августа{142}. Ссылка на приговор Военной коллегии – фальсификация, она нужна не Ульриху, а коменданту Военной коллегии капитану Игнатьеву – без такой официальной бумаги на бланке он не имел права передавать числившихся за коллегией осужденных исполнителям.

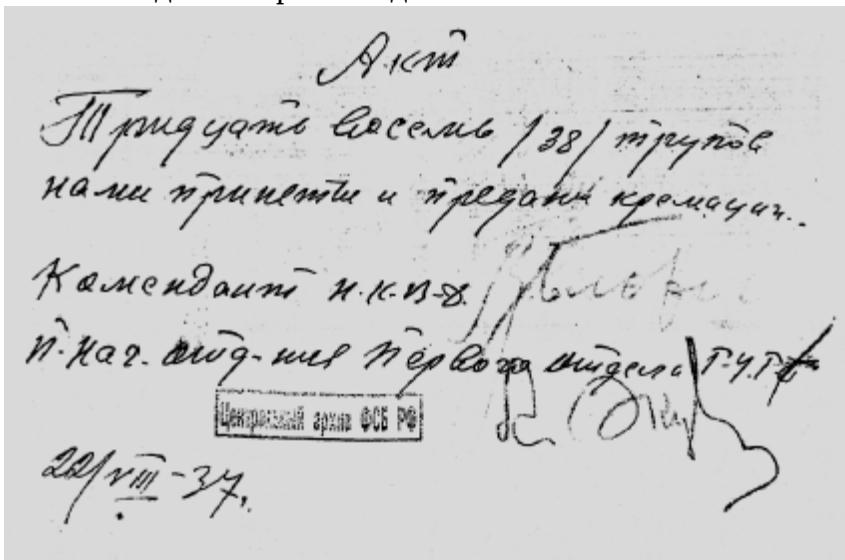
В тот день в Москве было расстреляно тридцать восемь человек! В их числе, как установил автор, кроме семерых названных, были старый агент ИНО Виктор Илинич и бывший комендант Московского Кремля Рудольф Петерсон.

Об этом свидетельствует следующий документ. (Написан чернилами от руки.)

«АКТ

Тридцать восемь (38) трупов нами приняты и преданы кремации.

Комендант Н.К.В.Д.
п. нач. отд–ния первого отдела Г.У.Г.Б.


Акт
Тридцать восемь /38/ трупов
нами приняты и преданы кремации.
Комендант н.к.в.д.
п.нач. отд-ния первого отдела Г.У.Г.Б.
Центральный архив ФСБ РФ
22/VIII-37.

Акт о кремировании расстрелянных «врагов народа» – в том числе и Артузова

Подписи сделаны простым карандашом. Подобных актов в Центральном архиве ФСБ РФ за подписями Василия Михайловича Блохина и кого–либо из сотрудников первого отдела ГУГБ многие сотни, а то и больше.

Арест Артузова явился страшным ударом для его родных и близких. Тут надо вникнуть в психологию нормального советского человека той эпохи. В конце 1936–го – первой половине 1937 года почти никто не понимал по–настоящему, что происходит в стране. Подавляющее большинство даже образованных людей простодушно верили, что арестовывают действительно врагов народа, изменников, шпионов, диверсантов, террористов. (Трагическая гибель Кирова сыграла в рождении этой слепой веры огромную роль.) Честному же человеку опасаться нечего. «Нет дыма без огня», коли арестовали, значит, есть за что.

Никто всерьез не верил, что такое может случиться с ним, его отцом, ее мужем, их сыном. Когда такое происходило, полагали, что случилась ошибка, что там, в НКВД, скоро разберутся, невиновного отпустят. Что сталинский нарком «быстроглазый Ежов» для того и поставлен на этот пост вождем, чтобы покарать настоящих врагов народа, наказать тех, кто посадил ни за что.

Так, видимо, полагала и жена Артузова Инна Михайловна.

В следственном деле сохранился рвущий сердце

человеческий документ – дневник, который в виде писем мужу вела Инна Михайловна, пока не пришли и за ней самой. С наивной хитростью она вставляла в эти неотправленные письма строки, явно рассчитанные на то, что их прочтут те, в чьи руки эти письма непременно попадут. Чужие руки…

«от 23 мая.

Мой любимый, ненаглядный Артуринька!

Сегодня 10 дней (подумай, целых 10 дней), как случилось это несчастье, как наступила для меня сплошная ночь, беспросветная, ни солнышка, ни яркой зелени я не замечаю, и только когда идет дождь, как–то чуточку легче становится. Мой милый, все мои мысли с тобой! И только одно желание, чтобы ты был здоров, чтобы мужественно вынес все. Ведь я не верю, что они не разберутся. Возьму фотографию Ежова, смотрю на его такие прозрачные, чистые глаза и удивляюсь до бесконечности. Ну как он мог поверить, что ты мог что–нибудь плохое сделать? Ему бы надо было беречь тебя, ведь ты самое идеальное существо, лучший партиец, самый чистый, с кристальной душой человек, не сказавший за всю свою жизнь ни слова неправды. Видно, враг силен, если сумел тебя, такого идеального, так оскорбить…

…что же делать, когда вся вера потеряна. Уж если беднягу Гришу взяли и, честное слово, ни за что, то ожидать можно всего. Ну Гриша маленький, незаметный человечек (речь идет о Г.С. Тылисе. – *Т. Г.),* а ты–то?.. Я возьму фотографию Николая Ивановича, хорошее у него такое лицо{143}, какое–то особенное, и, главное, глаза, даже на фотографии такие правдивые…

Пока что я все же сняла его фотокарточку со стены, то есть, вернее, то сниму, то вновь повешу и не знаю – любить мне его или нет, так, как Дзержинского я любила, я, вероятно, не смогу его любить, хотя если вспомнить, что он для меня сделал, то просто ужасно хочется его благодарить, ведь до сих пор у меня идет процесс в позвоночнике почти безболезненно, т. е. в сравнении с прошлым годом, и все это, сделал Николай Иванович (имеется в виду разрешение, которое дал Ежов на поездку Артузовой во Францию на лечение. – *Т. Г.),* а другой стороны, так поступить с тобой? Я все же часто разговариваю с его карточкой, беру ее и говорю: «Ну что ты сделал? Зачем же ты так поступил с лучшим из лучших? Скоро ли ты все разберешь и накажешь тех, кто это действительно заслужил?» (Скорее всего – это то, что люди театра называют «театральным шепотом», наивный расчет на то, что вдруг это письмо к Артузову прочтет Ежов и растрогается. – *Т. Г.)* …Я все время сижу дома, так как друзей сразу как–то не стало и ходить мне некуда, кроме Макса (Бенедиктова, его арестуют на следующий день, 24 мая. – *Т. Г.),*

утром хожу на Кузнецкий, 24, ежедневно. (Этот адрес хорошо знали родственники всех арестованных – в этом доме находилась приемная НКВД. В специальном помещении со двора, где с утра выстраивалась огромная очередь, в окошечко давали справки об арестованных – не всем, принимали передачи и денежные переводы – тоже не от всех. Приемная ФСБ и ныне находится в этом старом московском доме. – *Т. Г.)* Каждый раз, когда возвращаюсь, то бегу бегом, так как мне всегда кажется, что ты уже вернулся. И каждый раз наступает разочарование… а что самое тяжелое, так это ночь, я так напугана этими ночными приходами, что от малейшего шороха мне кажется, что и за мной придут, тогда я удивляюсь, зачем же я им нужна, я еще в жизни своей не сделала поступка, за который могла бы покраснеть, но тут же вспоминаю Гришу, тебя. Разве вы оба в чем–нибудь виноваты? (За ней придут через пять дней, 28 мая. – *Т.* Г.)».

«25 *мая.* Артурик! Сегодня, проходя мимо Внутренней тюрьмы и увидя кусочек крыши, той, под которой ты находишься (Инна Михайловна не знала, что Артур Христианович содержался в Лефортовской. – *Т. Г.),* мне стало так нехорошо, просто ужас, к горлу поднялась какая–то сладость и дурно, и дурно стало. Милый, хотелось крикнуть, что я тут, что люблю тебя нежно, что волнуюсь за твое сердечко, за твое здоровье, и хоть бы увидеть тебя! Опять не приняли деньги. (Это уже подлость Дейча – разрешение на передачи зависело от следователя. – *Т. Г.)* Ну что за ужас! Ведь у тебя ни мыла, щеточки зубной нет! Дают ли молоко тебе? Как меня терзает все это…»

«27 *мая.* (Последний день на свободе. – *Т. Г.)* Сегодня у меня день сплошного рева. Была на Кузнецком, неудача, была в кино, противная картина – со смертями, смотрела парад 1 мая (в киножурнале «Новости дня» шел в каждом кинотеатре перед каждым сеансом. – *Т. Г.)* и тоже плакала, плакала и от восторга и от гордости за нашу Красную Армию, и в то же время было мучительно тяжело за тебя, милый ты мой, ненаглядный.

Как жаль, что ты мне ничего не рассказал о своей борьбе, о своих переживаниях, ведь они были, в этом я не сомневаюсь, я видела по твоему лицу в последние дни, что тяжело на сердце{144}, а вот теперь я ничего не знаю о тебе. В тебе я не сомневаюсь – ни как то, что здесь орудует враг и, вероятно, твой личный, это факт, вероятно, хочет спасать свою шкуру подлец, ведь если бы не враг, никто никогда не взял бы Гришу. Он прекрасный парень, настоящий беспартийный большевик, и его арестовать мог только враг. Теперь я думаю, что кто–нибудь из твоих товарищей подвел, то есть не оправдал твоего доверия. Нет, это все–таки непростительно так с тобой было поступить. Если

Николай Иванович сам разберется в этом деле, то все будет хорошо, а пока я плачу, нервничаю и волнуюсь о твоем здоровье. Рада, что не очень жарко, все–таки тебе не так душно. Люблю тебя крепко, мой милый, замечательный, мечтаю о нашей встрече. Целую много раз твою головочку».

На этом обрывается письмо–дневник Инны Михайловны. Скоро оборвется и ее жизнь…

На допросе 20 июня Инну Михайловну обвинили в шпионаже в пользу французской разведки на том лишь основании, что она дважды ездила «под предлогом лечения» в Париж, где ее и завербовали. Позднее это станет обычной, весьма удобной практикой в работе следователей. Если советский специалист командировался, к примеру, на стажировку в Англию, его делали английским шпионом. Если дипломат работал в советском полпредстве во Франции, становился, естественно, французским. Советские разведчики, и легалы, и нелегалы, объявлялись агентами разведок именно тех стран, в которых и против которых работали. В конце концов дело дошло до того, что перепуганные граждане первой в мире страны победившего социализма как черт от ладана открещивались даже от кратковременных командировок за границу, о которых раньше только могли мечтать.

Как ни нажимал следователь, Инна Михайловна категорически отказалась признать себя виновной, отвергла и все обвинения в адрес Артура Христиановича:

«Никогда шпионажем не занималась и понятия не имею, что это значит. Артузов Артур Христианович является моим мужем, живу с ним с 1934 года. Никогда никаких антисоветских проявлений я со стороны Артузова не замечала. Он вел себя как настоящий коммунист».

Содержалась Инна Михайловна во Внутренней тюрьме номер 2. Обвинительное заключение готовил… все тот же Аленцев, утвердил тоже знакомый читателю Николаев–Журид, теперь начальник 3–го отдела.

Перед Военной коллегией Верховного суда СССР, состоящей из армвоенюриста В. В. Ульриха (председательствующий), членов – корпусного военюриста И. Д. Матулевича и дивизионного военюриста И. Т. Никитченко, Инна Михайловна предстала 26 августа 1938 года в 19 часов 25 минут. Виновной себя ни в чем не признала. Через сорок минут Ульрих огласил приговор: высшая мера наказания. В тот же день вдову Артузова постигла участь мужа. По некоторым сведениям, останки И. М. Артузовой захоронены на территории совхоза «Коммунарка».

Первая жена Артузова Лидия Слугина ареста избежала.

Разумеется, из квартиры в Милютинском семью немедленно вышвырнули. Новое жилье она с детьми с большим трудом обрела на Коптевских выселках в помещении… бывшей конюшни.

Мать Артузова Августа Августовна не вынесла горя и скончалась вскоре после ареста Артура Христиановича. (Отец Артузова Христиан Петрович и дядя Петр Петрович умерли в одном в том же 1923 году.) Сына Артузова Камилла арестовали в 1941 году, как только он достиг совершеннолетия. Молодой человек провел в заключении много лет, был несколько раз на грани смерти. Один раз его спасло от расстрела за «контрреволюционный саботаж» – невыполнение из–за крайнего истощения непосильной суточной нормы выработки на лесоповале – лишь то обстоятельство, что лагерному оркестру срочно потребовался новый скрипач после смерти старого.

После освобождения Камилл осел в Рязани (в Москву возвращаться ему было запрещено), преподавал в местном музыкальном училище, там же женился. После реабилитации вернулся в столицу, был принят в детский музыкальный театр знаменитой Натальи Сац. Эта удивительная женщина и сама много лет провела в лагерях. Она хорошо помнила Артузова еще по Северному фронту, где совсем молоденькой девушкой служила медсестрой. По странному совпадению Камилл Артурович скончался в Москве в 1997 году… 21 августа!

23 марта 1938 года был арестован брат Артузова Рудольф Фраучи. Его, простого рабочего артели «Древтара» в Одинцове, обвинили в шпионаже в пользу Германии. Рудольф Христианович Фраучи 9 августа 1938 года был расстрелян на спецполигоне НКВД в Бутове и там же захоронен. Второй брат, Виктор Христианович, перебрался в Казань и тем самым как–то выпал из поля зрения московских гонителей семьи из НКВД. Он стал известным профессором, доктором медицинских наук.

Григорий Самойлович Тылис на следствии был принужден сознаться в выполнении шпионских заданий, которые якобы получал от Артузова. Однако в судебном заседании мужественно отказался от выбитых из него на следствии ложных показаний. Тем не менее его приговорили к ВМН и 25 октября 1937 года расстреляли.

25 августа того же 1937 года был расстрелян по обвинению в шпионаже и Макс Бенедиктович Бенедиктов.

Загадки, связанные с «делом» Артузова, множились и после его казни.

В самом деле… Преемник Артузова в должности начальника ИНО комиссар госбезопасности второго ранга Слуцкий скоропостижно скончался, видимо, от острого приступа

сердечной недостаточности, 17 февраля 1938 года в кабинете первого замнаркома НКВД Фриновского. Похоронили его с воинскими почестями, был даже некролог в «Правде». Потом поползли слухи, что вроде он тоже был врагом народа. Спустя некоторое время слух подтвердили официально. В 50–е годы, когда начались массовые реабилитации (Слуцкий никакой реабилитации не подлежал, поскольку репрессирован не был), родился новый, по сей день твердо бытующий слух, что на самом деле Фриновский отравил Слуцкого, подмешав ему яд то ли в кофе, то ли в печенье. С моей точки зрения, под этой версией нет никакого обоснования. Если бы стоял вопрос о ликвидации Слуцкого, его бы спокойно расстреляли, как сотни и тысячи других ответственных сотрудников НКВД.

С Артузовым же произошло нечто прямо противоположное. Его расстреляли как изменника, заговорщика, шпиона четырех держав. Но никогда впоследствии его фамилия нигде в таком качестве не фигурировала! Ягоду и его сподвижников поминали с проклятиями. Ежова так же, даже термин родился – «ежовщина». Клеймили позором и проклинали посмертно и Радзивиловского, и Леплевского, и Балицкого, и Николаева–Журида, и Агранова, и многих других. Артузо–ва не поминали никак и никогда. Словно и не существовал такой человек на свете.

Далее… Как явствует из обвинительного заключения, Ар–тузов был активным участником заговора внутри НКВД, руководимого Ягодой. Между тем в допросах самого Ягоды и «установленных ягодинцев» мелькают десятки фамилий: Молчанова, Миронова, Прокофьева, Паукера, Воловича, Гая, Буланова, Шанина, Погребинского, даже Тухачевского.

Тот же Ягода не только перечисляет заговорщиков, но каждому дает развернутую характеристику. Артузова в этом списке, как и в других, нет.

Далее… Кроме всего прочего, Артузов обвинялся в шпионаже в пользу Польши. Но вот осенью 1937 года нарком Ежов рассылает наркомам союзных республик, начальникам управлений НКВД автономных республик, краев и областей совершенно секретный документ о ликвидации в СССР польской диверсионной, шпионской и террористической сети – «Польской организации войсковой».

Ежов объясняет невиданные успехи польской разведки тем, что она с самого начала внедрила в ВЧК—ОГПУ своих крупных агентов, занявших видные посты: Уншлихта, Мес–синга, Пиляра, Медведя, Ольского, Сосновского, Кияков–ского, Маковского, Баранского и др. (Не хватало лишь еще двух поляков по происхождению – Дзержинского и Менжинского!)

Все они в той или иной степени имели дело с Артузовым. Кто–то был его начальником, кто–то подчиненным. Но вот почему–то самого Артузова в этом перечне нет! Ни разу не упомянул его в числе «врагов» Ежов, когда из него самого в секретной Сухановской тюрьме выбивали «признательные» показания в шпионаже в пользу Германии. (Ему приплели даже обвинение в гомосексуализме, тогда по закону караемом. Это уже для унижения. Одного установленного алкоголизма как порока показалось следствию мало.)

Что скрывается за этим умолчанием? Случайность? Не похоже. Один видный разведчик как–то заметил автору: «Если что–то совпадает дважды, то это уже не совпадение».

Еще одна странность: операции «Трест» и «Синдикат–2» *всегда* изучали в закрытых учебных заведениях НКВД– НКГБ—МГБ как классические. Правда, без упоминания фамилии их автора и руководителя. Но ведь тем самым косвенно опровергалась принадлежность Артузова к изменникам и врагам народа!

Автор позволит высказать свое предположение по этому поводу, не настаивая, конечно, на его достоверности. Видимо, Сталин хоть и дал санкцию на арест и расправу над Ар–тузовым, но истинную цену ему как выдающемуся мастеру разведки знал. Быть может, это последующее умолчание было с его стороны своеобразным признанием своей ошибки? Сомнительно, конечно, но вдруг… Правда, с таким предположением не вяжется арест Камилла Фраучи спустя четыре года после казни отца. Но это уже можно объяснить ретивостью чиновников НКВД невысокого ранга, не знающих всех тайн кухни Кремля и кабинета наркома на Лубянке. Там всякое бывало…

Почти все сотрудники Артузова по КРО и ИНО, участники знаменитых, ставших легендарными операций погибли. Были расстреляны Роман Пиляр, Владимир Стырне, Сергей Пузицкий, Игнатий Сосновский, Иоганн Тубала, Андрей Федоров, Григорий Сыроежкин. (Последнего арестовали всего лишь через несколько месяцев после того, как ему вручили орден Ленина – за Испанию.)

Страшному разгрому подверглась и внешняя, и военная разведка. По некоторым подсчетам, было уничтожено до семидесяти процентов советских разведчиков – и действовавших за рубежом (их отзывали в Москву под благовидными предлогами, где и арестовывали), и работавших в центральном аппарате НКВД и Разведупра РККА.

Подпись комиссара госбезопасности второго ранга Льва Бельского значится и на ордере на арест Артузова, и на обвинительном заключении, и под смертным приговором. Лев Бельский был расстрелян в Москве 16 октября 1941 года.

Комиссар госбезопасности третьего ранга Николай Николаев–Журид также подписывал ордер на арест Артузова, он же утверждал обвинительное заключение по делу его жены. Николай Николаев–Журид был расстрелян 4 февраля 1940 года.

В тот же день 4 февраля 1940 года были расстреляны бывшие нарком НКВД Николай Ежов и его первый заместитель Михаил Фриновский.

Заместитель прокурора Григорий Рогинский 5 августа 1939 года был отстранен от должности с ханжеской даже для тех лет формулировкой: за преступное отношение к жалобам трудящихся, поступаемым в прокуратуру! Впоследствии репрессирован, но не расстрелян.

Комиссар госбезопасности третьего ранга Яков Дейч был арестован 29 марта 1938 года и умер под следствием 27 сентября того же года.

Старший майор госбезопасности Исаак Шапиро арестован 19 ноября 1938 года и расстрелян 4 февраля 1940 года.

Своей смертью в 1951 году умер кровавый упырь, генерал–полковник юстиции Василий Ульрих, последнее время – профессор Военно–юридической академии. Всеми забытый, одинокий волк, он не имел не только друзей, но даже нормальных соседей, потому как всю жизнь прожил не в собственной квартире, а в номере гостиницы «Метрополь». В гости к нему не ходил никто…

Можно ли считать казнь названных преступников и палачей торжеством справедливости? Нет. Всего лишь возмездием…

* * *

За четырнадцать месяцев разгула ежовщины было репрессировано 1 миллион 800 тысяч человек, из них 690 тысяч расстреляно. Число репрессированных за все время существования органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ точному подсчету не поддается. Разные исследователи приводят цифры со значительными расхождениями. В любом случае – это многие миллионы жертв.

Справедливость, однако, требует исключить из подсчета расстрелянных или осужденных к длительным срокам лишения свободы подлинных, по любым меркам, преступников: убийц, бандитов, насильников, террористов, карателей и полицаев на оккупированных в годы Великой Отечественной войны территориях СССР, шпионов. Вряд ли уместно в число безвинных жертв включать Ягоду, Ежова, Берию, Фриновского, Заковского,

Николаева–Журида, Леплевского и других ответственных сотрудников органов госбезопасности разных лет, террором руководивших. Хотя формально многие из них формальной же реабилитации и подлежат, поскольку были казнены не за свои подлинные, а приписанные им преступления. (К примеру, ни Ягода, ни Ежов, ни Берия иностранными шпионами не были, убивать Сталина и свергать советскую власть не собирались.)

Еще одно обстоятельство, автор задумался над ним в процессе работы над этой книгой.

В самом деле: заводили и доводили до неправедного суда Военной коллегии, или троек, или Особого совещания дела на миллионы жертв многие тысячи, десятки тысяч следователей на необъятной территории Советского Союза, во всех его республиках, краях, областях, городах и весях. Общеизвестно, что представляли собой применяемые так называемые ими деликатно «незаконные методы следствия», они же «нарушения норм социалистической законности».

Так неужели эти десятки (если не сотни) тысяч следователей, в том числе молодые ребята–комсомольцы, направленные в «органы» по комсомольским путевкам, были от природы извергами и садистами?

И уж, во всяком случае, не из глубины Вселенной являлись на нашу Землю злобные пришельцы, чтобы истребить население именно СССР, а не какой–либо другой страны.

Почему в пресловутых «подвалах» становились зверями добропорядочные в семейном кругу сыновья, братья, отцы? (Впрочем, это относится и к представительницам прекрасного пола, оказавшимся на службе в «органах».)

Как легко и просто можно было бы объяснить творимые ими зверства врожденной жестокостью, патологическими отклонениями в психике и т. п. Возможно, конечно, что такие особи и встречались среди сержантов, капитанов и даже комиссаров госбезопасности. Но не чаще, чем серийные маньяки–убийцы попадаются среди обычных воров и мошенников в уголовной среде.

В том–то и ужас, что страшные и массовые преступления совершали в подавляющем большинстве совершенно обычные, нормальные во всех отношениях советские люди из слепой убежденности в том, что это нравственно, неизбежно и законно по отношению к «заведомым врагам народа»…

* * *

Артур Фраучи мог бы в 1917 году навсегда остаться инженером в институте профессора Грум–Гржимайло…

Артур Фраучи, как швейцарский гражданин, осенью того же года мог свободно выехать в Швейцарию…

Если бы Артур Евгений Леонард Фраучи не стал Артуром Христиановичем Артузовым…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Х. ФРАУЧИ–АРТУЗОВА

1889, 17 февраля – в семье мастера–сыровара Христиана Петровича Фраучи и его жены Августы Августовны (урожденная Дидрикиль) родился первенец Артур Евгений Леонард.

1909, май – заканчивает с золотой медалью Новгородскую классическую гимназию. Поступает в Петербургский политехнический институт.

1917, февраль – заканчивает с отличием Петроградский политехнический институт;

февраль—август – работает инженером–проектировщиком в Металлическом бюро профессора Грум–Гржимайло; *август—декабрь* – служит в Управлении по демобилизации армии и флота.

1918, по март – секретарь Ревизионной комиссии Наркомата по военным делам республики в Вологде и Архангельске. Приобретает «служебную» фамилию «Артузов»;

март—август – начальник партизанского отряда призывников, Северный фронт. Далее – начальник военно–осведомительного бюро МВО, начальник активной части отдела Военконтроля Реввоенсовета республики (РВСР).

1919, январь – особоуполномоченный Особого отдела (ОО) ВЧК, заведующий Оперативным отделом ОО ВЧК. В последующем – помощник начальника ОО ВЧК, заместитель начальника ОО ВЧК —ОГПУ РСФСР.

1921, 18 июля – награжден орденом Красного Знамени.

1922, шюль – 1927, декабрь – начальник Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ СССР. Руководит легендарными операциями «Трест», «Синдикат–2» и несколькими десятками других. Затем – второй помощник Секретно–оперативного управления (СОУ) ОГПУ СССР.

1923 – награжден знаком «Почетный работник ВЧК—ГПУ» за номером 33.

1930, январь – 1931, август – заместитель начальника Иностранного

отдела (ИНО) ОГПУ СССР.

1931—1934, шюль – начальник ИНО и член Коллегии ОГПУ СССР. *1932, 20 декабря* – награжден знаком «Почетный работник ВЧК—ГПУ».

1934, шюль – 1935, май – начальник ИНО ГУГБ НКВД СССР.

1935, май – 1937, январь – первый заместитель начальника 4–го Управ–ления Генерального штаба РККА. *1935, ноябрь* – присвоено звание корпусного комиссара. *1937, январь – 13 мая* – научный сотрудник ГУГБ НКВД СССР;

13 мая – арестован;

21 августа – расстрелян в так называемом «особом порядке». *1956, 7 марта* – определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен за недоказанностью. А. Х. Артузов реабилитирован.

2001, август – Общество по изучению истории отечественных спецслужб приняло решение об учреждении ежегодной премии имени А. Х. Фраучи–Артузова с вручением лауреату Почетного знака (медали) и диплома.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. Волленберг, Артузов и другие. М., 2001.

Беленкин Б. Пасынки революции. Савинков, Опперпут и др. М., 2005.

Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.

Быстролетов Д.Пир бессмертных. М., 1993.

Велидов А. Похождения террориста. М., 1998.

Генрих Ягода. Сб. документов. Казань, 1997.

Гладков Т. Тайны спецслужб III Рейха. М., 2004.

Дамаскин И. Сталин и разведка. М., 2004.

Залесский К. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2005.

Колпакиди А., Прохоров Д.Внешняя разведка России. М., 2001. Красная книга ВЧК. В 2 т. М., 1990.

Кто руководил НКВД. 1934 —1941 / Сост. Е. Петров, К. Скоркин. М., 1999.

Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М., 2004.

Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ / Сост. А. Кокурин, Н. Петров. М., 2003.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 2. М., 1996; Т. 3. М., 1997.

Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001.

Петров Н, Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008.

Плеханов А. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.

Политическая история русской эмиграции. 1920—1940. Документы и материалы. М., 1999.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Пряншников Б. Незримая паутина. М., 2004.

Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Тумшис М. ВЧК. Война кланов. М., 2004.

Флейшман Л. В тисках провокации. М., 2003.

Хлобустов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. М., 2005. *Черушев Н.* 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. М., 2005. *Шульгин В.* Три столицы. М., 1991.

Энциклопедия секретных служб России / Сост. А. Колпакиди.

М., 2003.

Энциклопедия военной разведки России / Сост. А. Колпакиди. М., 2004.

comments

Комментарии

1

Все даты приводятся по новому стилю. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Ныне Московский вокзал.

З

Инфантерия – пехота (устар.). В русской армии третье генеральское звание.

Российское телеграфное агентство.

5

ВИК – инициалы Василия Ивановича Камнева (Камнев – псевдоним В. И. Штейнингера).

6

Н. Н. Щепкин приходился внуком выходцу из крепостных крестьян, великому русскому актеру, одному из основоположников Малого театра Михаилу Семеновичу Щепкину.

7

По утверждению английского автора Ричарда Дикона, написавшего книгу «История русской секретной службы», Поль Дюкс прибыл в Россию в 1909 году и учился в петербургской консерватории. Во время мировой войны работал в Москве при представительстве Христианской ассоциации молодых людей и номинально числился на службе в английском МИДе. Во время одной из поездок на родину стал агентом ST–25 английской разведки. В 1918 году с документами на имя чекиста (!) Осипа Ильича Афиренко через Финляндию проник в Россию, где якобы вступил в Красную армию и даже в члены РКП(б).

8

Найтли Ф. Шпионы XX века / Пер. с англ. М., 1994. С. 62.

9

Главком штаба Добровольческой армии Московского района Н. Н. Стогов был осужден к заключению в концлагерь. Оттуда бежал, с подложными документами сумел пробраться к белым. Врангель назначил его комендантом Севастопольской крепости. В эмиграции Стогов стал начальником военной канцелярии РОВС и председателем Общества офицеров Генерального штаба в составе РОВС.

В деле Национального центра был серьезно замешан крупный русский ученый, директор Института экспериментальной биологии, будущий академик Николай Константинович Кольцов. Тогда он репрессирован не был и продолжил свою научную деятельность.

Ныне в перестроенной до неузнаваемости бывшей тюрьме расположены две столовые и кабинеты сотрудников. Сохранены в качестве своеобразных музейных экспонатов лишь шесть камер. Последним заключенным Внутренней тюрьмы КГБ СССР был американский летчик Фрэнсис Гэри Пауэре.

11

Иван Ксенофонтович Ксенофонтов (1884—1926) – член партии с 1903 года. В дальнейшем – управделами ЦК РКП(б) и замнаркома социального обеспечения.

12

Интересное совпадение: Артузов много лет жил в доме 9 по Ми–лютинскому переулку, который в 1925 году, после смерти польского революционера–интернационалиста, был переименован в улицу Мархлевского.

13

Вице–адмирал Г. П. Чухнин 28 июня 1906 года был убит эсером–боевиком Я. Акимовым.

14

Гельсингфорс —шведское название города Хельсинки. Так официально именовалась столица Финляндии в период вхождения страны в состав Российской империи.

15

Термин «легенда» имеет еще одно значение – вымышленная биография разведчика, под прикрытием которой он работает во вражеской или в нейтральной стране (или среде). Существует также отступная легенда, в которой разведчик может «признаться» в случае изобличения и ареста, опять же для прикрытия подлинной биографии.

16

Такой человек – ротмистр Эдуард Оттович фон Стауниц, из прибалтийских немцев, действительно некогда существовал, но к этому времени его в живых уже не было…

17

Почетное придворное звание, соответствовавшее четвертому классу Табели о рангах, но самого чина – действительного статского советника – не дававшее.

18

Автор позволит себе высказать такую версию: Евгений Петров одно время был сотрудником уголовного розыска, потому имел знакомых и в ВЧК—ОГПУ, к тому же имел возможность читать эмигрантские журналы и газеты. Не исключено, что попались ему на глаза и «откровения» Опперпута. Вероятно, Союз меча и орала «возник» на основе реальных фактов. Хронология событий такую вероятность не отвергает – роман был завершен в 1927 году.

19

За то время, что длились операции «Трест» и «Синдикат–2», органы государственной безопасности дважды меняли название. В связи с окончанием Гражданской войны 6 февраля 1922 года ВЧК была упразднена. Вместо нее было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел РСФСР. Дзержинский занимал посты и председателя ГПУ, и наркома внутренних дел. В декабре 1922 года был образован Советский Союз. В сентябре—ноябре 1923 года на базе ГПУ было образовано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) уже при Совнаркоме СССР. Председателем ОГПУ был назначен Дзержинский, с освобождением от должности наркома НКВД РСФСР. Наркомом НКВД СССР был назначен Александр Георгиевич Белобородов (ныне широко известный как один из организаторов расстрела царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году). В союзных республиках были образованы собственные ГПУ, подчинявшиеся ОГПУ.

Отголоски этих разногласий докатились и до наших дней. По законам о престолонаследии бывшей Российской империи титул великих князей могли носить только дети и внуки царствовавшего императора, а также жены великих князей. Все остальные родственники носили титул князей императорского дома. Дети Николая II были убиты вместе с ним. Ни одного внука его отца, Александра III, в живых давно уже нет. Все нынешние Романовы, имеющие родство по мужской линии с российскими царями, носят титул князей императорской фамилии или, как вариант, императорского дома. На Западе таких особ именуют принцами (принцессами) крови. Регулярно наезжающих в Россию Леониду Георгиевну и ее сына российские газеты и даже официальные лица ошибочно называют великой княгиней и великим князем. Правами на российский престол они в соответствии с вышеупомянутыми законами не обладают ни малейшими.

21

В старой русской армии это было высшее воинское звание. Формально в Табели о рангах существовало и звание первого класса – генерал–фельдмаршал. Но его уже четверть века никому не присваивали. Последним генерал–фельдмаршалом в России был герой Русско–турецкой войны Иосиф Владимирович Гурко (Ромейко–Гурко), удостоенный этого звания в 1894 году. Не присваивалось также и соответствующее ему высшее флотское звание генерал–адмирала.

Не следует думать, что эту позицию разделяли все военнослужащие старой армии, оказавшиеся в эмиграции. Значительная их часть отошла от Белого движения и вела обычную эмигрантскую, зачастую горькую жизнь. Многие из них впоследствии вернулись в СССР. Но это уже другая тема. У нас же речь идет о «непримиримых».

23

Отдадим должное русскому генералу: фон Лампе, выходец из обрусевших немецких дворян, после прихода Гитлера к власти сотрудничать с нацистами отказался, за что был арестован. В 1957 году он стал председателем РОВС, превратившегося, по сути, в ассоциацию состарившихся ветеранов Белого движения.

24

Блистательная контрразведывательная операция советской разведки и контрразведки в годы Великой Отечественной войны. Была построена по тому же принципу легендирования антисоветской шпионской организации. Руководил операцией начальник знаменитого 4–го управления НКВД—НКГБ СССР генерал–лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов.

25

За этим шутливым замечанием Шульгина скрыто некое парадоксальное обстоятельство. Дело в том, что Шульгин был широко известен как убежденный антисемит–теоретик, автор нашумевшей в свое время скандальной брошюры с многозначительным названием – «За что мы их не любим». Однако следует отметить, что Шульгин всегда был яростным противником погромов и иных насильственных акций против евреев. Он стал единственным правым публицистом, который выступил в 1913 году в защиту обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика Менахема Менделя Бейлиса, за что был даже приговорен к трем месяцам тюрьмы.

26

Читателю, который захочет ознакомиться с книгой Шульгина «Три столицы»: Василий Витальевич в целях конспирации почти всем, с кем он встречался в поездке, имена–отчества заменил.

Изготовленный из обработанной особым образом шкуры овцы романовской породы. Полушубки и шубы эти отличались высоким качеством, были очень теплыми и необычайно легкими, внешне похожими на современные дубленки.

28

Спустя тридцать пять лет Шульгин с помощью КГБ СССР встретил бывшего врача этой больницы, от которого узнал о смерти сына. Под Винницей в период оккупации Украины немцами находилась одна из полевых ставок Гитлера «Верфольф» («Оборотень»). Летом 1943 года Гитлер провел совещание с генералитетом на территории… именно Винницкой психиатрической больницы.

29

Парадоксально, но и симптоматично: когда «Три столицы» наконец издали в Москве в «Современнике» в 1991 году, сопроводив умной, хотя и с некоторыми, вполне объяснимыми, неточностями, статьей Д.Жукова, эти абзацы из текста Шульгина… выкинули.

30

В. В. Шульгин был арестован в Югославии в 1945 году сотрудниками советских спецслужб и осужден за «контрреволюционную деятельность» (от которой он давным–давно отошел) на 25 лет лишения свободы. Содержался во Владимирской тюрьме. Освобожден в 1956 году. Скончался в 1976 году в возрасте 98 лет.

31

Б. И. Гудзь родился в 1902 году. Данный рассказ записан автором во время одной из встреч с Борисом Игнатьевичем. Скончался ветеран в декабре 2006 года на 105 году жизни, до конца сохраняя ясность ума и твердость памяти.

32

Сохранилась фотография Артузова периода его командировки на Север, когда он отрастил прямо–таки разбойничью бороду.

33

Соответствовало чину поручика в армии.

34

Официальное название Вильнюса до 1939 года.

35

Представительство польской разведки.

Всего Федоров–Мухин совершил десять таких ходок на Запад.

37

Автор пресловутой линии Керзона, восточной границы Польши.

38

Вскоре после реорганизации структуры – председатель ГПУ Белоруссии.

39

Довольно продолжительное время в ОГПУ—НКВД не было отдельной следственной части. Следствие вели сами оперативные работники. Следственная часть была образована в НКВД СССР лишь в 1938 году.

40

В Испании воевал в качестве старшего военного советника в знаменитом 14–м специальном корпусе, действовавшем в тылу фалангистов, майор госбезопасности Григорий Сыроежкин. Испанцы называли его Гриша Грандэ. Одним из его подчиненных, выполнявшим функции переводчика, был молодой доброволец из Франции, ставший капитаном республиканской армии. Он свободно владел пятью языками, писал стихи и прозу. Звали его Лев Борисович Савинков. В годы Второй мировой войны он сражался в рядах Сопротивления, участвовал в освобождении Парижа.

41

Поразительное спокойствие Савинкова при аресте, возможно, подтверждает, что интуитивно он предчувствовал нечто подобное. (Предположение автора, не более того.)

42

Михаил Петрович Арцыбашев – прозаик и драматург, эмигрант. Был в дружеских отношениях с Савинковым. Откликнулся на арест Савинкова статьей в эмигрантской газете, в которой назвал его «дешевым клоуном у ковра истории».

43

Из этой фразы следует, что после ареста Савинкова с ним встречались и Дзержинский, и Менжинский, но автору об этом, к сожалению, ничего не известно.

В 1991 году ее выпустило на русском языке издательство «Новости» под названием «История изнутри. Мемуары британского агента».

45

Переворот (фр.).

46

В 2001 году в Москве вышла богато иллюстрированная книга «Борис Савинков на Лубянке. Документы». В ней помещены документы, относящиеся и к его гибели (в том числе в виде фотокопий), а также различные письма от него и к нему периода заключения.

А. А. Дикгоф–Деренталь был освобожден через восемь месяцев после ареста, принят в гражданство СССР. Работал в ВОКС, занимался литературным трудом, написал либретто нескольких оперетт, в том числе популярнейшей «Фиалки Монмартра». В период Большого террора арестован и расстрелян в 1939 году. Реабилитирован.

Л. Е. Дикгоф–Деренталь сменила фамилию на фамилию родного отца француза Спирэ, также приняла гражданство СССР. Несколько лет провела в лагере и ссылке. Скончалась через несколько лет после освобождения в Мариуполе.

Л. Н. Шешеня (Адарский) в дальнейшем сознательно и честно сотрудничал с советскими спецслужбами. Однако в 1937 году бьл арестован и расстрелян.

Честно и плодотворно сотрудничал с чекистами М. Н. Зекунов. Его судьба неизвестна.

47

Речь идет об известном «Заговоре послов», в котором Локкарт играл одну из ведущих ролей.

Впоследствии Рейли продал свою коллекцию, когда ему потребовались деньги для осуществления очередного сумасшедшего плана свержения советской власти.

Русское издание: Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества / Пер. с англ. Д. Белановского. М., 2004.

50

Звание командора на флоте Великобритании и США соответствовало и соответствует званию капитана второго ранга российского флота.

51

Далее приводятся те факты из жизни Рейли, которые были известны в 1924—1925 годах Артузову, а не сегодняшнему читателю. Факты, относящиеся к довоенным годам Рейли, понятно, не могут считатьсяя абсолютно достоверными.

52

Звание капитана в военных флотах Великобритании и США соответствует званию капитана первого ранга в России.

53

Выходит, Рейли находился в Одессе довольно продолжительное время. Если бы Одесса действительно была его родным городом, это непременно проскользнуло бы в его показаниях.

54

В годы Второй мировой войны Д. Хилл представлял в Москве британские спецслужбы. Официально, в порядке обмена с советской стороной.

55

Красавица Надин, однако, недолго куковала. Вскоре она также вышла замуж – за Густава Нобеля!

Стиль, пунктуация и орфография оригинала сохранены.

Попытку совершить побег из Внутренней тюрьмы предпринял савинковец полковник Михаил Гнилорыбов. Когда его вели на очередной допрос, он сумел выхватить наган из незастегнутой кобуры одного из конвоиров, застрелил второго, но был схвачен и в апреле 1923 года расстрелян.

58

Карл Янович Дукис – начальник тюремного отдела и Внутренней тюрьмы ОГПУ.

Ибрагим Абиссалов.

60

Михаил Григорьевич Кушнер – начальник санчасти ОГПУ в Варсонофьевском переулке.

61

Не путать с орденом Святого Георгия, которым награждались только офицеры и генералы. Солдатские кресты четырех степеней с изображением Святого Георгия Победоносца ранее назывались «знаками отличия военного ордена», а с 1913 года – Георгиевскими крестами.

62

Персонаж малоизвестной у нас пьесы В. Шекспира «Буря», дикое человекоподобное существо, олицетворение темных и злых сил.

63

В 1930 году КРО, Особый и Восточный отделы были объединены в Особый отдел ОГПУ.

Еще одно горестное совпадение: атаман был прямым потомком поручика лейб–гвардии Кавалергардского полка декабриста Ивана Анненкова. Это к нему в Сибирь приехала его невеста француженка Полина Гебль… История их романтической любви легла в основу кинофильма «Звезда пленительного счастья».

65

Григорий Михайлович Семенов (1890—1946) – один из главарей контрреволюции в Забайкалье, генерал–лейтенант. В сентябре 1945 года захвачен советскими войсками в Маньчжурии. Как и Анненков, отличался исключительной жестокостью. За свои преступления казнен 30 августа 1946 года по приговору Верховного суда СССР.

Ныне Хэбэй.

67

Название Алма–Аты до 1921 года.

68

Китайско–Восточная железная дорога. Она же – Китайская Чан–чуньская железнодорожная магистраль в Северо–Восточном Китае. Построена в 1897—1903 годах Россией. С 1924 года находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 году СССР пришлось продать КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу–Го.

69

В 1925 году Соломон Могилевский погиб в авиационной катастрофе вместе с первым секретарем Закавказского крайкома партии Александром Мясниковым и заместителем наркома РКИ Закавказской СФСР Георгием Атарбековым.

70

Сегодня многие в нашей стране считают, что колхозы в Советском Союзе стали создаваться сугубо насильственно лишь в 1929 году, названном потому в официальной истории «Годом великого перелома». На самом деле коллективные хозяйства, чаще в виде так называемых товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ), и коммуны (с полным обобществлением даже личного имущества) существовали во многих районах страны и раньше. «Год великого перелома» ознаменовал сплошную коллективизацию, сопровождаемую «ликвидацией кулачества как класса».

71

Федор Федорович Раскольников – член партии с 1910 года, стал видным дипломатом. В 1938 году, будучи полпредом СССР в Болгарии, он отказался вернуться на Родину и написал знаменитое открытое письмо Сталину с разоблачениями развязанного генсеком террора. Умер в 1939 году при не выясненных до сих пор обстоятельствах.

72

Иван Кузьмич Кожанов впоследствии получил звание флагмана флота 2–го ранга (что позднее стало соответствовать званию адмирала флота). Последняя должность – командующий Черноморским флотом. Расстрелян в 1938 году.

73

Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов погибли в 1938 и 1939 годах соответственно.

Под этим именем во Франции работал Захар Ильич Волович, впоследствии заместитель начальника 2–го (Оперативного) отдела ГУГБ НКВД СССР, старший майор госбезопасности. Расстрелян в 1937 году.

75

Немаловажная подробность: дипломы лауреатов Сталинской премии, изготовленные из роскошной кожи, с золотым накладным барельефом вождя, подписывал сам Сталин. Его профиль был отчеканен и на лауреатской медали, причем медаль первой степени изготавливалась целиком из золота.

76

Во все времена патриотом называли человека либо потомки, либо современники после его кончины. Мы с гордостью называем патриотами Ивана Сусанина, Козьму Минина, Дмитрия Пожарского, Михаила Кутузова, Александра Пушкина, Льва Толстого, Ивана Павлова, героев Великой Отечественной войны – людей, прославивших Отечество своей жизнью, а то и смертью. Но как можно называть «патриотами» самих себя? В лучшем случае эти люди – самозванцы. Это в лучшем…

Иосиф Станиславович Уншлихт. – член ВКП(б) с 1900 года. В 1921– 1923 годах – заместитель председателя ВЧК—ОГПУ СССР. С 1923 года член РВС, затем заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора СССР. В 1930—1933 годах заместитель председателя ВСНХ, начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, с 1935 года – секретарь Союзного совета ЦИК СССР. Расстрелян в 1938 году.

Борис Михайлович Шапошников. – полковник старой русской армии. В разные годы занимал высокие посты в вооруженных силах страны. В Великую Отечественную войну – начальник Генерального штаба РККА и заместитель наркома обороны СССР. В 1943—1945 годах – начальник Военной академии Генштаба. Маршал Советского Союза. Скончался 26 марта 1945 года.

См., например: Соцков Л. Операция «Тарантелла». М., 2001.

79

В 1934 году генерал–полковник фон Хаммерштейн–Эквард, не желая служить Гитлеру, уйдет в отставку. Его сын Людвиг, обер–лейте–нант, тяжело раненный под Сталинградом, примет активное участие в заговоре 20 июля 1944 года и чудом останется в живых. Автору дважды довелось беседовать с ним в тогдашнем Западном Берлине.

80

Младший Берман стал воплощением той категории чекистов, о которых сегодня говорят, что они являли собой одновременно и палача, и жертву. Берман деградировал вместе с системой. Когда–то заслуженный разведчик, он, по словам одного из его сослуживцев, превратился в дьявола, вырвавшегося из преисподней и распространявшего вокруг себя смерть. Став в 1937 году наркомом НКВД Белоруссии, за год с небольшим он расстрелял 80 тысяч человек. Это на его совести Куропаты… Потом расстреляли и его самого.

Соответствовало званию капитана в РККА.

См. подробнее: Гладков Т. К. Коротков. М., 2005.

83

Из Разведупра С. Фирин–Пупко, уже награжденный ранее орденом Красного Знамени, был переведен в ИНО ОГПУ. Вскоре Ягода направил его на работу в управление строительством Беломорско–Балтийского канала. Именно Фирин–Пупко стал основным организатором знаменитой поездки на ББК большой группы советских писателей и художников, многие из которых стали авторами нашумевшей тогда коллективной книги о «каналоармейцах» и их воспитателях–чекистах. В числе других строителей ББК он был награжден орденом Ленина. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован посмертно.

84

Шуцбунд (Союз обороны) – военизированная организация австрийских рабочих, созданная в 1923 году для обороны от наступающей реакции.

85

Скрипач–виртуоз Наум Латинский известен не только ценителям музыки, но и миллионам кинозрителей: он блистательно сыграл роль музыканта Сашки в портовом кабачке в фильме «Гранатовый браслет» по мотивам рассказов А. Куприна.

86

Старший майор госбезопасности, кавалер ордена Красного Знамени и двух знаков «Почетный работник ВЧК—ГПУ» В. М. Горожанин был расстрелян 29 августа 1938 года. К моменту ареста он занимал должность заместителя начальника Особого бюро НКВД СССР, которое занималось обобщением опыта разведывательной и контрразведывательной работы. Посмертно реабилитирован.

Маковский был арестован в декабре 1935 года. Следствие по его делу велось долго. Осужден он был в декабре 1937 года не за растрату, а за измену, шпионаж и участие в контрреволюционной организации. Приговорен к расстрелу. Роковую роль в его судьбе сыграло и то обстоятельство, что он был поляком по национальности.

Дело в том, что группа Филби обеспечивала СССР секретной информацией о планах командования вермахта, которую англичане получали, расшифровывая с помощью новейших технических средств немецкие радиопередачи. С советским союзником английское руководство делилось этими данными весьма выборочно и скупо, только тогда, когда это было ему выгодно.

89

Михаил Савельевич Горб (Миша) в описываемое время и много лет спустя, вплоть до своего ареста, – помощник начальника Иностранного отдела.

90

В 1938 году Быстролетов был отозван на родину и арестован. Его подвергли чудовищным пыткам, три года продержали в секретной тюрьме НКВД в Суханове в одиночной камере. Всего он провел в тюрьмах и лагерях восемнадцать лет. После освобождения работал в медицинском реферативном журнале (помогло незаконченное медицинское образование), один он заменял двадцать переводчиков. Вступил в Союз художников СССР. Скончался в Москве в 1975 году.

П. П.Дьяконов скончался 28 января 1943 года.

92

В старой русской армии прапорщик был младшим офицером. Этот чин, соответствующий нынешнему званию младшего лейтенанта, обычно присваивался только в военное время при ускоренной подготовке офицеров.

93

Генерал Миллер на борту советского торгового судна «Мария Ульянова» был доставлен в Ленинград, оттуда в Москву, во Внутреннюю тюрьму, как секретный узник под номером 110. Допросы Миллера (в том числе и наркомом Ежовым) продолжались год и восемь месяцев. 11 мая 1939 года по заочному приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Миллер под именем Иванова Петра Васильевича был расстрелян в подвальном помещении московского крематория и тут же кремирован.

В. М. Зарубин скончался в 1972 году. По рассказам родственников, за несколько лет до этого он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Представление «зарубил» секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов, заявив, что семидесятилетних героев не бывает. Это не помешало тому же Суслову приколоть очередную, то ли третью, то ли четвертую Золотую Звезду к мундиру престарелого Леонида Брежнева. Е. Ю. Зарубина погибла в 1987 году в Москве, попав в дорожно–транспортное происшествие.

95

До 1935 года в ОГПУ, как и в Красной армии, персональных званий не существовало. Знаки различия в петлицах (ромбы, шпалы, квадраты и треугольники) указывали уровень занимаемой должности. При повышении или изменении должности автоматически менялось число названных знаков различия в петлицах. Четыре ромба (высшая, тринадцатая категория) носили члены коллегии ОГПУ, начальники управлений и самостоятельных отделов, особоуполномоченный при коллегии ОГПУ и его заместители, секретарь коллегии ОГПУ. На местах четыре ромба полагались полпредам ОГПУ и их заместителям. Председателю ОГПУ и его заместителям знаков различия не полагалось. Менжинский всю жизнь ходил в гражданской одежде. Ягода до присвоения ему персонального звания носил военную форму, но без знаков различия.

Официально эта ведомственная высокая награда всегда носила название знак «Почетный сотрудник», однако разведчики и контрразведчики и по сей день называют ее знаком «Почетный чекист».

Следует иметь в виду, что в ряде случаев назначение заместителем председателя означало ранг, расширение полномочий начальника управления (как в случае с Прокофьевым) или председателя ГПУ союзной республики (в случае с Балицким).

На читателя хрущевских и брежневских времен безотказно действовали такие, к примеру, аргументы сторонников версии о причастности Сталина и НКВД к убийству Кирова: 1) откуда у Николаева револьвер; 2) как он мог пройти в Смольный. Тогдашний читатель просто не мог представить, что: а) в те годы любой партийный функционер имел право на хранение и ношение огнестрельного оружия, у Николаева такое разрешение имелось; б) любой член ВКП(б) имел право войти в обком партии без пропуска, просто по предъявлении партийного билета. Николаев был членом партии, в недавнем прошлом мелкий партработник. В тот роковой день он мог убить в Смольном кого угодно, кроме… Кирова. 1 декабря Сергей Миронович не должен был приезжать в обком, свое решение изменил в последний момент, никого об этом не предупредив. Николаев об этом знать никак не мог.

Впоследствии Я. К. Берзин был главным военным советником республиканской армии Испании в период Гражданской войны в этой стране. В 1937 году вновь возглавил военную разведку, но не надолго. Тогда же был арестован и 29 июля 1938 года расстрелян. Посмертно реабилитирован.

100

В 1937 году в Вооруженных силах были дополнительно введены звания младшего лейтенанта и младшего политрука, в 1939 году – подполковника и старшего батальонного комиссара. В органах госбезопасности дополнительные звания тогда не вводились.

101

В Красной армии сержантские звания для младшего комсостава были введены лишь в 1940 году. В 1943 году для устранения недоразумений была произведена унификация воинских и специальных званий (кроме начальствующего состава). Комиссары госбезопасности всех рангов стали генералами в 1945 году после окончания Великой Отечественной войны.

102

После унификации званий генеральный комиссар госбезопасности Берия стал Маршалом Советского Союза, а комиссар ГБ первого ранга Меркулов – генералом армии.

Только трое из них – Благонравов, Дерибас и Реденс – посмертно реабилитированы.

Его младший брат Валерий Иванович Межлаук занимал еще более крупные посты: первый заместитель председателя Госплана СССР, позднее заместитель председателя Совнаркома СССР и СТО, председатель Госплана СССР, нарком тяжелой промышленности СССР. Оба брата были казнены в 1938 году. Посмертно реабилитированы.

105

По возвращении в Москву в конце войны Радо был арестован и провел более десяти лет в заключении. Впоследствии был реабилитирован и награжден орденом. На родине Ш. Радо, как географ–картограф с мировым именем, был избран действительным членом Венгерской Академии наук. Скончался в Будапеште в возрасте 82 лет.

106

В отечественной литературе о Герое Советского Союза Р. Зорге упор делается на его многочисленные предупреждения о нападении Германии на СССР. Это, конечно, так. Но куда важнее другое: Зорге сообщил, что военное нападение Япония совершит «на Юг», а не «на Север». Это позволило советскому руководству в решающие дни осени и зимы 1941 года перебросить многотысячные войска с Дальнего Востока под Москву.

107

Ильза Штебе, Рудольф фон Шелиа, еще несколько антифашистов их группы были изобличены во время войны гестапо и казнены. Гернштадт впоследствии занимал видные посты в ГДР.

108

Выдающийся мастер художественного слова Владимир Николаевич Яхонтов покончил жизнь самоубийством в 1945 году.

109

Командарм второго ранга Иннокентий Андреевич Халепский был расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно.

110

Аббревиатура расшифровывается как «быстроходный танк». Действительно, танки БТ разных модификаций развивали скорость до 100 километров в час (со снятыми гусеницами, на колесах).

Я. С. Агранов был оставлен ненадолго. Его арестовали 20 июля 1937 года и расстреляли 1 августа 1938 года.

112

Тут Артузов счел необходимым напомнить Урицкому, что в Раз–ведупр его направил сам Сталин. Урицкий, конечно, это знал и намек должен был понять, тем более что письмо датировано 20 декабря – днем рождения вождя.

113

Суть этого инцидента, как и некоторых других, сегодня выяснить уже невозможно. Потому автор данной книги счел целесообразным не публиковать полностью фамилии упомянутых в письме некоторых лиц, ограничившись инициалом, к тому же все они позднее были репрессированы.

Наилучшим образом (англ.).

115

Артузов имеет в виду откомандирование многих работников Центра в загранкомандировки. Ему самому пришлось как–то съездить по важному поводу в Чехословакию через Румынию.

116

Петр Ильич Янов – особоуполномоченный РУ, бригадный комиссар. Судьба после 1937 года автору неизвестна.

117

Леонид Михайлович ваковский (Генрих Эрнестович Штубис) – впоследствии замнаркома НКВД, комиссар государственной безопасности первого ранга. В упомянутое Артузовым время начальник УНКВД Ленинградской области. Расстрелян 29 мая 1938 года. Не реабилитирован.

118

Илья Миронович Болотин – начальник отделения 1–го отдела Разведупра, бригадный комиссар. Арестован в 1937 году и провел в заключении восемнадцать лет. Реабилитирован.

119

Возможно, благодаря этому письму А. И. Гудзь была приговорена не к высшей мере наказания, а к нескольким годам лишения свободы. Скончалась в заключении. Реабилитирована посмертно.

Благодаря этому документу, находящемуся в архиве ФСБ РФ, до нас дошла одна из двух сохранившихся фотографий Артузова в форме и с ромбами в петлицах.

121

Имеется в виду краткий период, когда член ВКП(б) с 1907 года Иван Алексеевич Акулов был направлен ЦК для укрепления руководства ОГПУ на должность первого заместителя председателя. Тем самым Ягода оказался отодвинутым на вторую роль. Слуцкий тогда по совместительству был секретарем парткома ОГПУ.

122

Е. С. Ежова умерла в 1938 году от отравления при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Одни историки считают, что имело место самоубийство, другие – несчастный случай, третьи – убийство. Приемная дочь Ежовых после ареста наркома была направлена в детдом в Пензу. Ей повезло – она дожила до наших дней.

123

Нет ни одного свидетельства, даже из третьих уст, чтобы грубый и жесткий с подчиненными Ягода хотя бы раз пальцем тронул арестованного. Между тем доподлинно известно, что Ежов не чурался своими детскими кулачками избивать подследственных. Возможно, это было не больно, но уж очень обидно и оскорбительно.

Имеется в виду работа с новыми молодыми сотрудниками, направляемыми в НКВД партийными и комсомольскими органами.

125

Пограничные и Внутренние войска не входили в ГУГБ, подчинялись собственному Главному управлению. Командирам–пограничникам присваивались общекомандные персональные звания.

Некий парадокс заключается в том, что в данном случае Ежов не так уж далеко уходил от истины: Дзержинский действительно с сомнением относился к некоторым решениям и указаниям Сталина. В известном письме к своему другу Валериану Куйбышеву он намекал на бонапартистские замашки некоего партийного вождя, рядившегося в революционные перья. Известно также, что после болезни и смерти Ленина Дзержинский делал регулярные доклады о деятельности ОГПУ преемнику его на посту председателя Совнаркома Рыкову, а не генсеку Сталину. Но интересно другое – Ежов о «колебаниях» Дзержинского по своему тогдашнему положению в партии знать не мог. Значит, эту фразу в докладе ему продиктовал Сталин. Сам Ежов «лягнуть» покойного Дзержинского публично никогда бы не решился.

127

Имеется в виду подготовка Гитлером, в нарушение Версальского договора, воссоздания германской армии, вначале численностью в полмиллиона человек.

128

Теперь Артузов уже понимал, что его сняли с должности заместителя начальника Разведупра не из–за интриг Урицкого, а за «провал» по польской линии.

129

Казимир Станиславович Баранский – ответственный сотрудник ИНО. Арестован и расстрелян в 1937 году.

130

Поначалу Агранова перевели в «просто» заместители наркома, а по совместительству назначили начальником 4–го (Секретно–политического) отдела ГУГБ. Ровно через месяц его послали начальником УНКВД Саратовской области, а еще через два арестовали. Расстреляли 1 августа 1938 года.

131

В те годы было уничтожено двадцать семь корпусных комиссаров, в том числе все четверо, пришедшие в Разведупр из НКВД. Еще четыре корпусных комиссара отбыли различные сроки заключения.

132

Л. Ф. Баштаков по совместительству несколько лет был руководителем одной из спецдисциплин в Центральной школе ОГПУ—НКВД, где иногда А. Х. Артузов читал лекции. Вряд ли это можно назвать «совместной работой». С января 1942 года и до выхода в отставку Л. Ф. Баштаков был начальником Высшей школы НКВД—НКГБ—МГБ СССР.

133

Комкор, впоследствии командарм первого ранга (перескочив через ранг второй) и нарком Военно–морского флота Фриновский получил примечательное образование. Он окончил духовное училище, один класс Пензенской духовной семинарии и шестимесячные курсы при Военной академии РККА.

Сотрудники Оперода осуществляли наружное наблюдение, обыски, аресты, перлюстрацию корреспонденции и т. п.

135

Всего пистолетов, по окончательному подсчету, оказалось четыре. Странно, что в описи изъятого при личном обыске не значатся ни часы, ни деньги. Неужто у Артузова не было при себе ни часов, ни хотя бы нескольких рублей?

Ветеран военной разведки И. В. Пупышев, когда–то собиравшийся написать книгу об Артузове, поведал автору, что вынужден был отказаться от своего замысла, когда обнаружил, что в 1937 году из Разведупра сотрудниками НКВД были изъяты все документы, где фигурировала фамилия Артура Христиановича.

Примечательно, что правозащитники 60—70–х годов шли в тюрьмы, лагеря и психушки именно за то, что добивались от власти соблюдения… ее же собственной конституции и других советских законов и международных соглашений (вроде пресловутой хельсинкской «Пятой корзины»).

Лефортово считалось и считается по сей день не тюрьмой, а следственным изолятором.

139

Автор не раз читал текст этой записки в ряде изданий, видел ее точную копию в закрытом музее бывшего КГБ СССР. Но передать чувства, которые охватили его, когда он держал в руках подлинник, хранящийся в «Деле», – не в состоянии.

140

Исключение в способе приведения приговора в исполнение было сделано только в Великую Отечественную войну и первые послевоенные годы: военных преступников, карателей, а также генерала Власова и его ближайших сотрудников, бывших белых генералов Шкуро, Краснова и некоторых других не расстреливали, а вешали. Иногда публично.

Это тот же Бельский, что утверждал обвинительное заключение по делу Артузова. Такое – одно и то же лицо утверждает обвинение и оно же судит – с точки зрения юриспруденции вообще недопустимо.

142

Родственникам Артура Христиановича уже в 50–е годы сообщили, что Артузов умер в заключении 12 июля 1943 года. Эта дата попала и в разные справочные издания. Как и ложь о приговоре Военной коллегии.

Может быть, из–за внешности тоже Сталин остановил свой выбор на Ежове? Смысл явственен: после угрюмого, мрачного даже на фотографиях Ягоды ясные, правдивые глаза Николая Ивановича уже сами по себе должны были внушать народу доверие…

144

Это единственное свидетельство, что Артузов уже ждал неприятностей, возможно, даже и ареста. Тут женской интуиции и наблюдательности можно, увы, доверять полностью.